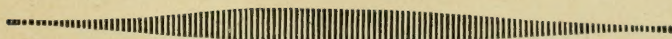
АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ
І. В. ГЕССЕНОМЪ

XI

БЕРЛИНЪ 1923

LIBRARY
AUG 31 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

На великомъ изломѣ*

(Отчетъ гражданина о пережитомъ въ 1916—17 годахъ)

С. В. Завадскаго

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Нить какая-то развязана,
сочетавшая года.
Блокъ.

Февральско-мартовскій переворотъ я встрѣтилъ уже въ должности сенатора: мѣсяца за полтора до паденія стараго строя мнѣ было повелѣно присутствовать въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената.

Что вызвало уличное движеніе, повлекшее за собой переворотъ? Это, повидимому, такъ и не выяснено до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, я нигдѣ не читалъ и ни отъ кого не слышалъ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по основному вопросу: кто руководилъ возстаніемъ?

Принято говорить: движеніе началось стихійно, солдаты сами вышли на улицу. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Да и что значитъ слово «стихійно»? Когда кто-либо ссылается на стихію, на случай, онъ въ сущности признается, что подлинная причина событія ему не извѣстна. «Самопроизвольное зарожденіе» еще менѣе умѣстно въ соціологіи, чѣмъ въ естествознаніи. Оттого, что никто изъ революціонныхъ вождей съ именемъ не могъ привѣсить къ движенію свой ярлыкъ, оно становится не безличнымъ, а только безымяннымъ. И безымянность эта есть, по моему, едва ли не самая характерная черта русской жизни: на западѣ безвѣстными остаются развѣ лишь изобрѣтатели вилокъ, и то не всегда, а у насъ и лучшіе старые соборы, невѣдомо кѣмъ строены, и та несомнѣнно незаурядная историческая личность, которая въ былинахъ подъ именемъ Ильи Муромца оттѣснила на задній планъ своихъ предшественниковъ Добрыню Никитича и Александра Поповича, стала миѳическою. Доказать я, конечно, не въ состояніи, но самому то мнѣ очевидно, что русская государственность своимъ пожаромъ обязана какому-нибудь Герострату, а то и нѣсколькимъ большевицкаго устремленія, да только они, будучи не менѣе безумны, чѣмъ ихъ греческій предшественникъ, вовсе не заботились, въ отличіе отъ него, объ увѣковѣченіи именъ своихъ въ исторіи.

---

* См. Архивъ Русской Революціи, т. VIII.

И не солдаты начали движеніе. Первые безпорядки на улицахъ произошли въ Петроградѣ еще 23-го февраля ст. ст. 1917 года, въ четвергъ; это я хорошо помню; самъ я тогда ничего не видѣлъ, но вечеромъ въ тотъ же день изъ нѣсколькихъ источниковъ слышалъ, что кое-гдѣ были демонстраціи и стычки демонстрантовъ съ полиціею. Въ пятницу трамвай, въ которомъ я ѣхалъ, совершенно неожиданно, съ трескомъ, такъ что стекла зазвенѣли, а одно и разбилось, заворотилъ съ Литейнаго на какую-то боковую улицу и сталъ. Кондукторъ предложилъ всѣмъ выходить: «дальше вагонъ не пойдетъ». Пассажиры возражали, бранились, но выходили. Я до сихъ поръ вижу лицо отмалчивавшагося кондуктора: злобно-рѣшительное, какой-то волчій обликъ. Трамвайное движеніе прекратилось всюду, куда глазъ хваталъ. Пришлось идти пѣшкомъ: извозчики уже тогда «кусались», да и попадались сравнительно рѣдко *.

Шелъ я и вспоминалъ предвоенные дни 1914 года въ томъ же Петроградѣ, когда также вездѣ виднѣлись мертвые трамваи, иные съ разбитыми стеклами, а иные и бокомъ, на землѣ, около рельсовъ. Казалось, что возобновляется старая попытка. Въ субботу было, помнится, тише, но едва ли совсѣмъ тихо. Въ воскресенье 26-го я вышелъ изъ дому, предпринявъ обычное праздничное путешествіе «по Швейцаріи», то-есть отправившись дѣлать визиты, которые преимущественно сводились къ врученію визитныхъ карточекъ швейцарамъ. Принятый сенаторомъ В. А. Желиховскимъ, первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, я просидѣлъ у него съ полчаса, потому что мы разговорились о предстоящемъ общемъ собраніи сената. Жилъ онъ въ Поварскомъ (или Дмитровскомъ) переулкѣ, около Стремянной. Выйдя отъ него, я услышалъ выстрѣлы; насколько можно было судить, стрѣляли на Невскомъ; туда бѣжали и люди. Туда пошелъ и я по Николаевской, такъ какъ слѣдующій мой визитъ былъ на улицѣ Жуковскаго. Невскій у Николаевской оказался запруженнымъ: двигалась толпа, кричали, толкались, все время щелкали выстрѣлы. Моя близорукость давно уже вытравила изъ меня уличное любопытство: какъ ни гляди — ничего не увидишь. Поэтому, убѣдившись, что пробраться тутъ нельзя, я не остался смотрѣть, а рѣшилъ попытаться пройти съ Владимірскаго; но, когда я по Стремянной вышелъ на Владимірскій и повернулъ къ Невскому, то едва не былъ сбитъ съ ногъ бѣжавшими мнѣ навстрѣчу людьми; сойдя съ тротуара, я продолжалъ было пробираться въ направленіи Невскаго, но былъ остановленъ какимъ-то помощникомъ пристава, рѣзко крикнувшимъ:

— Назадъ! Сюда нельзя! Слышите: стрѣляютъ. Что за праздное любопытство!

Городовые, конные и пѣшіе оттоняли толпу очень рѣшительно; оттого люди и бѣжали прочь.

Вынужденъ былъ поворотить и я. Сначала я хотѣлъ пересѣчь Невскій по Садовой, но дойдя до Пяти Угловъ, предпочелъ зайти по близости къ однимъ знакомымъ. У нихъ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ, взволнованно передававшихъ свои впечатлѣнія. Тамъ я былъ оставленъ до вечера; тамъ я впервые услы-

* Такія бытовыя подробности легко забываются, но моя память удержала, что мнѣ еще въ 1916 г. неоднократно приходилось послѣ вечера, проведеннаго у знакомыхъ, возвращаться домой «по образу пѣшаго хожденія». Припоминаются и два отдѣльныхъ случая: одинъ профессоръ добрался домой на повозкѣ съ молокомъ, а я, торопясь на докладъ къ министру и не попавъ въ переполненные вагоны трамвая, долженъ былъ, чтобы не опоздать, доѣхать до ближайшаго извозчика на пустыхъ дровняхъ изъ подъ угольевъ: такъ и стоялъ въ дровняхъ съ портфелемъ, учась удерживать равновѣсіе при толчкахъ и на снѣжныхъ ухабахъ.

шалъ, будто бы, войска отказались стрѣлять въ народъ, будто бы, городовыхъ переодѣли въ солдатскія шинели и, будто бы, городовые стрѣляли по толпѣ изъ пулеметовъ съ крышъ. Такъ быстро облетаютъ городъ слухи, такъ быстро создается и «творимая легенда». Объ этихъ пулеметахъ съ тѣхъ поръ кто только не говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, заражавшимъ слушателей; чуть ли не на каждомъ перекресткѣ были, по словамъ очевидцевъ, такіе пулеметы, заготовленные предусмотрительнымъ Протопоповымъ, или кѣмъ тамъ еще; порой, и я ловлю себя на томъ, что представляю ихъ доподлинно существовавшими; и тѣмъ не менѣе, верховная комиссія по разслѣдованію злоупотребленій стараго режима, (по крайней мѣрѣ, за первые 2½ мѣсяца своего существованія) такъ и не обнаружила дѣйствительнаго мѣстонахожденія ни одного изъ этихъ пулеметовъ.

Вечеромъ, когда я возвращался домой черезъ Чернышевскій и Троицкій мосты, улицы были почти безлюдны и беззвучны; могло казаться, что разливъ вошелъ опять въ берега, а въ это приблизительно время кн. Н. Д. Голицынъ заполнялъ данную ему заранѣе государемъ своеобразную lettre de cachet — бѣлый листъ съ подписью внизу «Николай»: послѣдній предсѣдатель царскаго совѣта министровъ вписывалъ въ этотъ бланкъ высочайшее повелѣнье объ отмѣнѣ созыва государственной думы *.

Слѣдующій день, 27 февраля, былъ понедѣльникъ, когда не выходили ни «Правительственный Вѣстникъ», ни «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства». Гдѣ появилось составленное кн. Голицынымъ царское повелѣніе, — я не помню. Но уже утромъ полетѣла по Петрограду вѣсть, что Государственная Дума «разогнана», а Протопоповъ облеченъ чрезвычайными полномочіями. Вслѣдъ за этою новостью — другая: волынскій полкъ перебилъ командный составъ и куда то направился изъ своихъ казармъ, чуть ли не прямо въ Таврическій Дворецъ — защищать Думу. Затѣмъ третья: толпа вломилась въ домъ предварительнаго заключенія на Шпалерной и выпустила всѣхъ арестантовъ, въ подавляющемъ числѣ не политическихъ, а общеуголовныхъ. Кто-то мнѣ тогда же разсказывалъ, что видѣлъ Манасевича-Мануйлова, подобравшаго полы арестантскаго халата и старавшагося, какъ можно незамѣтнѣе и скорѣе, куда-нибудь скрыться. Но не всѣ заключенные торопились убѣжать: часть ихъ, къ которой примкнулъ и сумасшедшій Хрусталевъ-Носарь, сгрудилась по сосѣдству около зданія Окружнаго суда на Литейномъ и подожгла это зданіе **. Въ людскую кашу, куда замѣшались и просто глазѣвшіе на пожаръ, пробрался бывшій мой секретарь В. Н. Свидерскій, тогда помощникъ юрисконсульта министерства финансовъ. Онъ вслухъ сталъ выражать сожалѣніе, что гибнетъ лабораторія судебной экспертизы и нотаріальный архивъ. Его, казалось, слушали участливо, но онъ, увлекшись своею рѣчью, пояснилъ, для чего нуженъ этотъ нотаріальный архивъ. Тогда одинъ пожилой человѣкъ мрачнаго вида, по внѣшности — рабочій, сердито сплюнулъ и внушительно возразилъ:

— Эхъ, чтобъ тебя и съ архивомъ твоимъ! Дома и землю сумѣемъ сами раздѣлить и безъ твоего архива!

---

* Установлено верховною комиссіею.

** Никто не препятствовалъ жечь судъ, никто, кажется, и не тушилъ пожара. Уже на третій день я самъ видѣлъ, какъ догоралъ огонь въ полуподвальномъ помѣщеніи, спустившись туда, видимо, постепенно и неспѣшно съ верхняго этажа, откуда началъ свое разрушительное дѣло. Не могу удержаться и упомяну кстати здѣсь для любителей таинственныхъ совпаденій и предчувствій, что жена моя еще 9 февраля говорила мнѣ о томъ, какой странный сонъ она видѣла ночью: ей снилось, будто она ѣдетъ по Литейному мосту и видитъ передъ собою огромный пожаръ и взволнованное море людей.

Свидерскій понялъ, что лучше замолчать.

Я буду очень озадаченъ, если мнѣ докажутъ, что выходъ волынцевъ и поджогъ окружного суда былъ обусловленъ расправою правительства съ государственною думою. Мнѣ болѣе, чѣмъ только кажется, что всѣ безпорядочныя событія съ 23 по 27 февраля включительно были проявленіями во внѣ раскачиванія всяческихъ низовъ посредствомъ толчковъ отовсюду, плохо согласованныхъ другъ съ другомъ, а то и вовсе независимыхъ другъ отъ друга, производимыхъ въ смутной надеждѣ, авось народныя волны какъ-нибудь и гдѣ-нибудь прорвутъ плотину стараго порядка. Но несомнѣнно, что неудачная мѣра кн. Голицына существенно помогла этимъ толчкамъ: плотина была прорвана именно на участкѣ государственной думы, потому что тутъ поспособствовала сама дума, въ порывѣ негодованія на правительственное насиліе, не разсчитавъ своихъ силъ и не учтя ни времени, ни окружающей обстановки. А разъ государственная дума вступила на революціонный путь, всѣ революціонныя волны устремились въ ея лоно. Правда, къ ней примостился (я не боюсь рѣзкихъ словъ, когда они точно выражаютъ оттѣнокъ мысли) воскресшій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, но не мое только впечатлѣніе, а впечатлѣніе многихъ уравновѣшенныхъ и, на взглядъ мой, не глупыхъ людей, было таково, что звѣзда совѣта меркла первое время въ лучахъ думскаго комитета. Не случайно совѣтъ помѣстился въ Таврическомъ дворцѣ, а не въ другомъ какомъ-либо зданіи.

Я и до сихъ поръ остаюсь при мнѣніи, что временный комитетъ думы обладалъ тогда такою полнотою власти духовной и физической, что безъ существенныхъ затрудненій могъ взять подъ стражу членовъ совѣтскихъ комитетовъ, въ средѣ которыхъ, кстати сказать, не было ни одного Троцкаго. Этого думцы не сдѣлали, да къ тому же сами подтвердили голицынское мѣропріятіе, и сразу, помимо какого-либо оффиціальнаго акта, упразднили думу, какъ учрежденіе, вслѣдствіе чего, временный комитетъ думы, а потомъ временное правительство оказались висящими надъ пропастью, держась, подобно путнику въ стихотвореніи Жуковскаго, за кустъ, корни котораго усердно подтачивали мыши изъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и (теперь уже) солдатскихъ депутатовъ. Я допускаю, что составъ исполнительнаго комитета тогда не былъ въ общемъ неистово лѣвымъ, но самое существованіе двухъ независимыхъ другъ отъ друга правительствъ не могло не подрывать значеніе того изъ нихъ, которое возглавляло собою все движеніе.

Впрочемъ, и то сказать, что думскій комитетъ долженъ былъ тогда оглядываться не только налѣво, но и направо; въ то время и для него оставалось еще подъ большимъ вопросомъ, будетъ ли и какъ скоро сметенъ старый строй за предѣлами Петрограда, гдѣ побѣда возставшимъ далась такъ нелѣпо легко, что естественно казалась непрочною. Со словъ Максима Горькаго знаю, что и онъ усумнился было въ благопріятномъ для революціи исходѣ вспышки. Онъ разсказывалъ, что 28-го февраля, во вторникъ, зала Таврическаго дворца, выходящая окнами на замерзшій прудъ сада, была переполнена разнымъ народомъ, когда по близости на Шпалерной раздались выстрѣлы *; и вотъ, солдаты какого-то возставшаго полка, бывшіе въ залѣ, стадомъ бросились, толкая и давя другихъ присутствующихъ, къ окнамъ, выбили стекла и выскочили на ледъ

* Кто стрѣлялъ — неизвѣстно. Горькій говорилъ: «стрѣлялъ изъ пулемета одинокій городовой». Но тогда всѣ мы были убѣждены въ существованіи вышекъ, съ которыхъ «работали пулеметами» городовые, выполняя заранѣе данное начальствомъ приказанье.

пруда; тонкій ледъ не выдержалъ тяжести храбрецовъ и подломился; хорошо еще, что прудъ былъ не глубокій, а потому они отдѣлались только ванной. У Горькаго тогда было такое ощущеніе, что все потеряно: «и на кого мы оперлись, и какъ же мы съ такими солдатами выдержимъ натискъ настоящей воинской части, которая останется вѣрной царю?»

Я пытался нести служебныя обязанности попрежнему: ходилъ въ сенатъ, уже не черезъ Троицкій, а черезъ Дворцовый мостъ; ходилъ въ лицей, уже не по Каменноостровскому, а боковыми улицами. По Троицкому мосту часто не пропускали, а разъ было и такъ, что мой зять, жившій тогда у меня, долженъ былъ подъ градомъ пуль, свистѣвшихъ надъ мостомъ, лечь съ другими пѣшеходами у рѣшетки и остаться въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Каменноостровскій также былъ мѣстами непроходимъ: автомобили, красные флаги, возбужденныя лица и безпорядочная стрѣльба.

Но дѣло у меня валилось изъ рукъ: подавленъ я былъ до послѣдней степени. Да и какъ же могло быть иначе? Русскій домъ, по моему, нуждался въ большой перестройкѣ, и въ этой работѣ я бы съ радостью принялъ участіе, пусть бы самое скромное. Но теперь кто-то его валитъ, валитъ несвоевременно и, повидимому, безъ всякаго плана. Развѣ можно оперировать человѣка на бѣгу или въ часъ тяжелой борьбы? Это уже не операція, а зарѣзъ. Итакъ, я долженъ на время примкнуть къ тѣмъ, что твердятъ о совершенной ненужности не только операціи, но и какого либо леченія, ни при какихъ условіяхъ? А если я слишкомъ испуганъ? Если переворотъ такъ назрѣлъ, что пройдетъ почти безболѣзненно и безпрепятственно? Пусть переворотъ смететъ меня, какъ слугу стараго режима, — развѣ я о себѣ забочусь? Лишь бы родинѣ стало лучше. А присяга? Вѣдь я присягалъ императору Николаю II. Но ему ли я присягалъ? Я присягалъ главѣ государства, которое является моимъ отечествомъ, и, если благо отечества неосуществимо при сохраненіи за императоромъ престола, то... Но кто съ увѣренностью скажетъ, что пути государя и родины разошлись окончательно и непоправимо?

Я позволилъ себѣ привести здѣсь безпорядочную толчею моихъ мыслей въ самомъ началѣ революціи, такъ какъ имѣю много основаній утверждать, что не я одинъ крутился тогда въ ихъ зломъ вихрѣ: быть можетъ, я невольно преувеличиваю, глядя въ свои очки, но мнѣ сдается и теперь, что въ то время не малое число людей изъ тѣхъ круговъ общества, съ которыми я преимущественно соприкасался, чувствовали себя растерянными; и говорю я не о тѣхъ лицахъ, которыя были удовлетворены олигархіей, расцвѣтшею у насъ подъ вывѣской монархіи, а именно о тѣхъ, кто далеко не былъ ею доволенъ.

Я не хочу замалчивать своихъ слабостей, и со стыдомъ долженъ сознаться, что отреченіе царя, о которомъ я услышалъ въ пятницу, 3 марта, вырвало у меня вздохъ облегченія. Чувство мое было, нѣтъ спора, эгоистическое: я выходилъ изъ тупика, для меня стало проще. Но я всегда чувствовалъ себя патріотомъ гораздо болѣе, чѣмъ интеллигентомъ (въ общепринятомъ узкомъ смыслѣ этого слова), неизмѣнно исповѣдуя, что космополитизмъ есть извращеніе перспективы чувства, и что ссылкою на любовь ко всему человѣчеству безъ разбора чаще всего прикрывается желаніе освободиться отъ насущныхъ обязанностей, налагаемыхъ на человѣка любовью къ своимъ и своему. А потому облегченіе я чувствовалъ недолго: въ отреченіи и великаго князя Михаила Александровича, какъ ни старался — даже вслухъ — примирить себя съ этимъ, чудилась мнѣ угроза будущему. Я разсуждалъ такъ: если великій князь хотѣлъ непремѣнно

подчиниться волѣ предстоящаго учредительнаго собранія (противъ чего у меня возраженій не было), то онъ могъ бы принять царскій вѣнецъ впредь до разрѣшенія въ учредительномъ собраніи вопроса о формѣ верховнаго правленія Россіи; тогда лѣвымъ вѣтрамъ, казалось, было бы у насъ меньше простора, вѣроятность побѣды надъ нѣмцами стала бы значительнѣе, да и самые выборы въ учредительное собраніе прошли бы при менѣе взбудораженныхъ нервахъ и распаленныхъ страстяхъ. Впрочемъ, «le vin est tiré, il faut le boire», и я прилагалъ всѣ усилія заглушить свою тревогу русскими: «образуется» и «перемелется — мука будетъ». Кругомъ меня многіе, бывшіе революціонерами столь же мало, какъ и я, радовались безоглядно и, по всей вѣроятности, искренно, отъ души: первоначальная растерянность быстро проходила. Но я такъ и ни разу не сказалъ: «наша революція», и ни разу не нацѣпилъ на себя краснаго банта. На восхваленія «безкровной» революціи я отвѣчалъ, что она еще только началась, а чѣмъ кончится, пока — неизвѣстно, и что теперь уже безкровною назвать ее нельзя: кровь офицеровъ, убитыхъ солдатами, и городовыхъ, избиваемыхъ всякимъ, кто хотѣлъ, были для меня видны и на красномъ. И, какъ то разъ, собесѣднику, стоявшему на томъ, что все таки крови пролито, слава Богу, мало, я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ эпитетомъ революціи должно быть слово не «безкровная», а развѣ «малокровная».

Особенно волновало меня, что временное правительство начало съ повторенія коренныхъ ошибокъ павшаго строя: царскіе министры не умѣли отмежеваться отъ крайнихъ правыхъ, а новые правители не умѣютъ отмежеваться отъ крайнихъ лѣвыхъ; тѣ завалились на правый бокъ; такъ, значитъ, эти завалятся на лѣвый бокъ; и, кромѣ того, старый режимъ не понималъ надобности въ раздѣленіи властей законодательной и исполнительной, а новый режимъ смѣшалъ ихъ еще болѣе, да еще и верховную власть съ ними слилъ воедино. Что бы ни писали гогенцоллернствовавшіе нѣмцы, я всегда былъ и теперь остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи Монтескье въ ея основахъ: пока исполнительная власть (въ абсолютной монархіи) и законодательная (во многихъ конституціонныхъ странахъ) имѣютъ возможность давить на судъ или пока исполнители въ правѣ законодательствовать, до тѣхъ поръ о гражданахъ въ государствѣ приходится говорить съ болѣе или менѣе значительнымъ преувеличеніемъ, а вѣдь временное правительство намѣревалось обращаться именно къ гражданамъ, то есть, по моему, ждало тепличныхъ плодовъ, не вставивъ стеколъ въ теплицѣ.

Но надежда умираетъ въ человѣкѣ послѣднею, а вѣрится такъ охотно, чему вѣрить хочется, и я, сидя у себя въ кабинетѣ и перебирая дневныя впечатлѣнія, въ видѣ ли катившихся мимо меня грузовиковъ съ торчавшими на нихъ стоймя матросами и солдатами, въ видѣ ли нелѣпыхъ обысковъ * и незаконныхъ арестовъ, или же въ видѣ обгорѣвшихъ зданій суда и полицейскихъ участковъ **, только давалъ себѣ слово работать, гдѣ придется и куда попаду,

* Въ моей квартирѣ, — Богъ миловалъ, — обыска не было, но моимъ сослуживцамъ далеко не всѣмъ такъ посчастливилось. У В. Н. Середы, о которомъ я уже неоднократно упоминалъ, обыски слѣдовали одинъ за другимъ, причемъ вооруженные солдаты не стѣснялись просить (правда, пока только просить) «на чай» за свои революціонные труды. Измученный непрерывностью обысковъ, онъ настоялъ, чтобы обыскивающіе дали ему, наконецъ, записку, удостовѣряющую, что обыски ничего не обнаружили. Эту записку я видѣлъ: полуграмотныя каракули и подпись: «членъ партеи леуцынеровъ Семеновъ».

** Одинаковая участь суда и кутузокъ, то обстоятельство, что толпа и черезъ полвѣка работы русскаго суда не восприняла разницы между XVI и III томами свода зако-

съ наиболѣе возможнымъ для меня напряженіемъ, не оглядываясь ни налѣво, ни направо и не обманывая своей совѣсти, какъ бы это трудно ни было: лишь такая работа, думалось мнѣ, нужна теперь родинѣ надъ обрывомъ.

Я пишу не исторію, а личныя воспоминанія, и потому полнаго воспроизведенія, хотя бы лишь одной петроградской жизни при временномъ правительствѣ, далѣе дано быть не можетъ; все, что я припомню, будетъ мною размѣщено главнымъ образомъ въ двѣ главы: о томъ, что происходило тогда въ министерствѣ юстиціи, и о томъ, что я пережилъ въ верховной комиссіи.

«Печаленъ будетъ мой разсказъ».

I. ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ

Въ министерство юстиціи отъ новаго правительства явился сперва, въ качествѣ комиссара, В. А. Маклаковъ съ какимъ то другимъ членомъ думы. Я, конечно, тамъ не былъ, но тогда же слышалъ отъ мужа моей сестры, занимавшаго въ то время мѣсто директора второго департамента министерства, что В. А. Маклаковъ не скрывалъ ни своего отказа занять постъ министра юстиціи, ни своихъ опасеній за будущее; онъ даже, оглянувшись на вошедшаго товарища — курьера, сказалъ по французски: le danger est à gauche.

Теперь ужъ не помню, въ тотъ же ли день или на слѣдующій, въ должность министра юстиціи вступилъ А. Ѳ. Керенскій. Онъ черезъ моего зятя передалъ мнѣ, что хочетъ меня видѣть и проситъ зайти въ министерство.

Удивился я этому очень. Керенскаго я ни разу въ своей жизни не видѣлъ и не слышалъ: въ государственной думѣ, занятый изо дня въ день своей работой, я былъ всего одинъ разъ, еще весною 1911 года, когда Столыпинъ давалъ объясненія по поводу искусственнаго трехдневнаго роспуска законодательныхъ палатъ, а въ политическихъ процессахъ я обвинителемъ не выступалъ, тогда какъ Керенскій почти исключительно занимался ими. Разумѣется, если я не слышалъ Керенскаго, то слышалъ о немъ: не далѣе, какъ въ декабрѣ предыдущаго года, жена моя, обладающая умѣньемъ живо разсказывать, картинно воспроизводила думскую битву, въ которой Керенскій игралъ первую роль и такъ игралъ, что вынудилъ тяжеловѣснаго Родзянко сойти съ предсѣдательской кафедры и прервать засѣданіе; но скандаламъ въ думѣ ни справа, ни слѣва я не сочувствовалъ, а то обстоятельство, что новый министръ былъ одновременно товарищемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, еще менѣе могло меня расположить къ нему.

новъ, наводило на грустныя размышленія: не закрывая глазъ на ошибки отдѣльныхъ представителей судебнаго вѣдомства, вольныя и невольныя, давая себѣ ясный отчетъ, что травля суда слѣва дѣйствуетъ на широкіе круги городского населенія, сверху донизу, гораздо сильнѣе травли справа, и зная, что въ обществѣ не разбираются ни въ дѣйствительномъ значеніи независимости, гласности и состязательности суда, ни въ цѣнности института присяжныхъ засѣдателей, ни въ истинномъ характерѣ дѣятельности прокуратуры, — я тѣмъ не менѣе, очевидно, по слѣпой наивности ласкалъ себя надеждою, что разница между судомъ, хотя бы и несовершеннымъ, но все таки судомъ, и безсудіемъ, болѣе или менѣе совершеннымъ, достаточно для большинства очевидна. Оказалось, что я грубо ошибался и надъ могилою русскаго суда осиновый колъ вбитъ руками не однихъ только большевиковъ.

На мой недоумѣнный вопросъ зять пояснилъ, что вызовъ, по мнѣнію чиновъ министерства, означаетъ предложеніе быть товарищемъ министра. Такое мнѣніе не имѣло подъ собой почвы, но возникло совершенно естественно: министромъ явился человѣкъ, до дикости чужой, такъ что невольно мечталось, хоть въ одномъ изъ его товарищей увидѣть до извѣстной степени своего *, все таки привычную фигуру. Этимъ только и объясняется, что мой зять, бывшій всегда правѣе меня, совѣтовалъ мнѣ, если предложеніе послѣдуетъ, не отказываться отъ него.

Свидѣлся я съ Керенскимъ 4 марта, въ субботу. Уже идя къ нему, я давалъ себѣ ясный отчетъ, что ни онъ мнѣ не предложитъ мѣста товарища министра, ни я не могу принять такого предложенія **; но, во власти охватившихъ меня мыслей, я твердо рѣшилъ не отказываться отъ исполненія отдѣльныхъ порученій законодательнаго или ревизіоннаго характера: не будучи ослѣпленъ русскимъ судомъ, я былъ преданъ душою его дѣлу, гордился его подвигами, болѣлъ его невзгодами и за плечами имѣлъ двойной судебный опытъ, мой лично и моего отца, самаго близкаго мнѣ по духу и убѣжденіямъ человѣка, отдававшаго всего себя вопросамъ лучшей постановки отправленія правосудія въ Россіи.

Керенскій принялъ меня въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ я уже давно не бывалъ, куда обыкновенно являлись представляться, а не по дѣламъ; но Керенскій, арестовавъ своего предшественника, сенатора Добровольскаго, пока оставилъ его семью въ казенной квартирѣ и потому не сразу могъ воспользоваться большимъ кабинетомъ, расположеннымъ не въ помѣщеніи министерства (съ Екатерининской), а въ квартирѣ министра (съ Итальянской).

Новый министръ, молодой, худощавый, бритый, въ гимназической курточкѣ, встрѣтилъ меня вопросомъ, какой я сенаторъ Завадскій, бывшій ли попечитель округа *** или бывшій прокуроръ палаты. Узнавъ, что я тотъ, кого ему нужно,

---

* Вполнѣ «своимъ» для центральнаго управленія министерства юстиціи я не былъ; прослуживъ тамъ короткое время въ юрисконсультской части, я впослѣдствіи уклонился отъ возвращенія на Екатерининскую улицу. Я всегда считалъ, что министерство юстиціи не понимаетъ своего отношенія къ судебному вѣдомству: я ни отъ кого не скрывалъ, что признаю работу министерства на три четверти совершенно безполезной, а порой и прямо вредной.

** Почему Керенскій не могъ взять меня товарищемъ, онъ самъ сказалъ мнѣ почти тѣми же словами, какъ думалъ и я. А я не могъ стать его товарищемъ потому, что идти на эту должность, безъ договора съ министромъ и безъ увѣренности въ точномъ соблюденіи договора со стороны министра, было верхомъ неразумнаго честолюбія, а договориться и взвѣшивать осуществимость обѣщаннаго нельзя, если не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Хочу здѣсь отмѣтить, что Протопоповъ, ставъ министромъ и никогда не видѣвъ меня, остановился на мнѣ, какъ на одномъ изъ своихъ товарищей по должности, и, видимо, долго не могъ усвоить себѣ доводы В. А. Бальца, объяснявшаго ему, отчего я не приму такого предложенія. Чтобы подчеркнуть всю неосновательность этого человѣка, думавшаго править Россіей, добавлю, что онъ предполагалъ сдѣлать меня товарищемъ министра, завѣдующимъ . . . полиціею, и, за моимъ и В. А. Бальца отказомъ, замѣстилъ эту должность . . . генераломъ Курловымъ.

*** Я только впослѣдствіи понялъ, почему Керенскій выказалъ такую осторожность. Изъ четырехъ сенаторовъ Завадскихъ (отца, двухъ его братьевъ и меня) въ живыхъ тогда было двое. Дядя мой М. Р. Завадскій, бывшій попечитель Тифлисскаго учебнаго округа, когда-то ревизовалъ стоявшаго во главѣ Ташкентскаго учебнаго округа, на правахъ попечителя, отца Керенскаго и остался во многомъ недоволенъ его дѣйствіями. Керенскій, видимо, любилъ своего отца и не умѣлъ сохранить безпристрастія въ его дѣлѣ, а потому питалъ къ моему дядѣ нерасположеніе. Немного спустя, при заполненіи сената новыми лицами, онъ предложилъ дядѣ черезъ сенатора Э. А. Эрштрема, первоприсут-

онъ объяснилъ, что проситъ моего сотрудничества, въ чемъ оно потребуется. Такая просьба, прибавилъ онъ, должна была бы въ обычныхъ условіяхъ сопровождаться предложеніемъ соотвѣтствующаго мѣста, но онъ надѣется, что я пойму исключительность момента: на должностяхъ товарищей министра теперь могутъ быть только общественные дѣятели. Я отвѣтилъ, что эта оговорка совсѣмъ излишняя, такъ какъ я предпочитаю предоставить въ его распоряженіе свой служебный опытъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ. Не помню, спросилъ ли я Керенскаго, почему онъ обращается ко мнѣ, или и безъ вопроса мое недоумѣніе сказалось достаточно ясно; какъ бы то ни было, онъ въ началѣ же нашего разговора упомянулъ, что имѣетъ обо мнѣ отзывы какъ о судебномъ дѣятелѣ, работавшемъ честно и законно. Кто далъ ему отзывъ, онъ не открылъ мнѣ *, а добавилъ кое что, чуть не испортившее все дѣло: онъ позволилъ себѣ сказать, что моя дѣятельность была безупречной,

---

ствовавщаго въ четвертомъ департаментѣ (гдѣ засѣдалъ и дядя), перейти въ общее собраніе (которое предполагалось вскорѣ упразднить), прибавивъ (какъ передавалъ Э. А. Эрштремъ): «А за что, онъ самъ знаетъ». На письмо дяди Керенскій не отвѣтилъ, и потому я въ правѣ полагать, что онъ властью министра воспользовался для сведенія домашнихъ счетовъ.

* Я знаю, что своими воспоминаніями хороню себя во мнѣніи и правыхъ, и лѣвыхъ. Но я хочу непремѣнно выявить здѣсь всю правду, поскольку она мнѣ доступна. И потому, избѣгая сознательнаго замалчиванія, не скрою, что Керенскому меня рекомендовалъ, какъ стало извѣстно мнѣ очень скоро, Максимъ Горькій, который теперь, повидимому, сталъ рѣшительно непріемлемымъ для представителей всѣхъ безъ изъятія политическихъ теченій. Горькій, конечно, не могъ судить, какой я юристъ и судебный дѣятель; и почему его отзывъ принятъ былъ Керенскимъ во вниманіе, мнѣ такъ и осталось неизвѣстно. Знакомство же мое съ Горькимъ началось въ домѣ доктора И. И. Манухина. Съ докторомъ я сдружился еще въ 1910 году, когда онъ лечилъ моего отца. А Горькій питалъ къ доктору большую пріязнь на почвѣ благодарности за излеченіе отъ чахотки. Я никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ таланта Горькаго, но, не страдая корридорностью литературнаго вкуса, не закрывалъ глазъ на то, что талантъ у Горькаго несомнѣнно есть, и притомъ своеобразный. Знаменитостей я боюсь не меньше, чѣмъ власть имущихъ: власть портитъ и слава портитъ. А потому будучи простымъ смертнымъ, да еще и не имѣя потребности идолопоклонничать, я старательно избѣгалъ близкаго общенія съ божками, которые бы смотрѣли на меня сверху внизъ. При первой встрѣчѣ Горькій не показался мнѣ въ благопріятномъ свѣтѣ: сидѣлъ насупившись, говорилъ неохотно и, отозвавшись неодобрительно объ Исаакіевскомъ соборѣ, совсѣмъ, по моему, неудачно выразился, что Богъ, которому такой храмъ выстроенъ, представляется ему жестокимъ, злымъ, ощерившимся; и самъ Горькій при этомъ ощерился и подперъ подбородокъ кулакомъ. Но уже со второй встрѣчи я почувствовалъ къ Горькому душевное расположеніе за его скромность и простоту, не напускную, а естественную: онъ умѣлъ слушать чужіе разсказы и выслушивать возраженія, хотя бы и нелѣпыя, не вымогалъ восхваленій, даже съеживался отъ нихъ и не требовалъ для себя непремѣнно и всюду перваго мѣста. Горькій зналъ, что я не соціалистъ и не революціонеръ, но это не мѣшало ему отвѣчать мнѣ, повидимому, также расположеніемъ, которое не прекратилось и послѣ того, какъ я уклонился отъ его предложенія напечатать свой переводъ «Царя Эдипа» Софокла въ «Лѣтописи». Я бывалъ у него и въ Мустомякахъ, и на Кронверкскомъ; былъ и онъ у меня, хотя тогда я какъ разъ состоялъ прокуроромъ судебной палаты. Ни жадности къ обогащенію, ни стремленія къ верховенству я у него не замѣчалъ и не вѣрю, чтобы они могли появиться потомъ. Чужая душа — потемки, и я не знаю, что дѣлалъ Горькій при большевикахъ; но — пусть на меня ополчаются, безъ различія правыхъ и лѣвыхъ, всѣ мои единомышленники по борьбѣ съ большевиками — ничего жестокаго и человѣконенавистническаго въ дѣятельности лично Горькаго за эти годы я не слышалъ и не читалъ; онъ — большевикъ, и ему естественно было остаться въ ихъ рядахъ, чтобы употреблять всѣ усилія на работу по упорядоченію и очеловѣченію большевицкаго властвованія: ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Дѣля большевиковъ на слѣпыхъ и нечестныхъ, я причисляю Горькаго (и мнѣ еще не доказали, что я ошибся) къ первому разряду.

«насколько это было возможно въ условіяхъ службы при самодержавіи». Мигъ, — и я бы вспыхнулъ; но большимъ усиліемъ воли заставилъ себя сдержаться и отвѣтилъ только, что ни разу еще не встрѣчалъ надобности въ сдѣлкахъ со своими убѣжденіями. Я и теперь полагаю, что поступилъ правильно: развѣ я шелъ помогать лично Керенскому? Я считалъ себя обязаннымъ быть, въ мѣру силъ и разумѣнія, полезнымъ родинѣ, а что думаетъ Керенскій о моей прежней службѣ, такъ же безразлично, какъ и то, что я думаю о его прежней дѣятельности: мы не подъ общей вывѣской собирались работать *. Во всякомъ случаѣ, ни это замѣчаніе новаго министра, ни обнаруженное имъ вслѣдъ затѣмъ незнаніе чего-то (къ сожалѣнію, чего именно, не могу вспомнить) довольно существеннаго въ судебной области не испортило общаго впечатлѣнія, которое у меня къ концу нашего разговора сложилось въ пользу моего собесѣдника: простота, видимая искренность, горячее желаніе служить родинѣ, готовность выслушивать чужія мнѣнія, — все это было мнѣ по душѣ. Хотя на первый разъ онъ попросилъ моей помощи лишь въ видѣ сопутствованія ему, на слѣдующій день, въ Зимній дворецъ для пріема его въ вѣдѣніе временнаго правительства, я не уклонился и отъ этой услуги, явно не требовавшей особыхъ юридическихъ познаній, питая надежду, что потомъ удастся быть полезнымъ именно судебному дѣлу и, дастъ Богъ, въ существенномъ **.

---

* Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Керенскій былъ далекъ отъ желанія «поставить меня на мѣсто», показать мнѣ настоящую въ его глазахъ мою цѣну; иначе онъ бы ко мнѣ едва ли обратился съ просьбой о сотрудничествѣ. Упомянулъ же онъ о давленіи сверху просто потому, что преувеличивалъ его, судя, какъ я теперь думаю, по тяжести партійнаго давленія на отдѣльныхъ членовъ партіи, особенно революціонно-боевой, къ которой самъ принадлежалъ. Тогда и всѣ вокругъ преувеличивали мѣру воздѣйствія на судъ, со стороны правительства. Въ дѣйствительности былъ подборъ судей, изъ единомышленниковъ и угодливыхъ, чѣмъ грѣшило затѣмъ и временное правительство; но судья и даже прокуроръ, умѣвшіе работать и не желавшіе ни отдаваться пристрастію, ни продавать свое первородство за чечевичную похлебку, могли — я это утверждаю съ полнымъ убѣжденіемъ — служить подлинному правосудію, хотя порою за то и страдали; нажима на всѣхъ и всюду не было, потому что сами нажиматели были отравлены со школьной скамьи теоріями о независимости суда и, въ отличіе отъ безшабашныхъ большевиковъ, оглядывались на Западъ. Конечно, адвокаты, какъ стоявшіе близко къ суду, могли бы уберечься отъ такой ошибки, но отъ нея не убереглись даже наиболѣе уравновѣшенные; вообще, отношеніе адвокатуры къ магистратурѣ, какъ и наоборотъ, было далеко неспокойное, и объясняется это просто: дѣло правосудія — тяжелое, требующее всего ума и всего сердца; нервы напрягаются и не выдерживаютъ, и тогда легко чужіе недостатки преувеличить, а чужія достоинства даже вовсе не замѣтить. Да и чувствительнѣе недостатки: они, какъ ухабы, встряхиваютъ. И правъ былъ разсудительный мужикъ, сказавшій: не поѣшь хоть три дня — никто не знаетъ, а опьянѣешь всего на одинъ часъ — всѣмъ видно. Въ частности, судьи и прокуроры (а они тѣснѣе были связаны службою) также не вполнѣ ладили другъ съ другомъ, и я постоянно долженъ былъ напоминать юнымъ товарищамъ прокурора, что они обязаны суду почтеніемъ, хотя бы только внѣшнимъ.

** Приведу здѣсь ничтожный, но не лишенный характерной для того времени окраски эпизодикъ. Швейцаръ министерства Моисеевъ былъ мнѣ извѣстенъ еще съ тѣхъ давнихъ поръ, когда состоялъ курьеромъ при моемъ отцѣ въ бытность его директоромъ второго департамента. Малый толковый и расторопный, но весьма «себѣ на умѣ», онъ меня, тогда совсѣмъ еще юнца, упорно титуловалъ «Превосходительствомъ», пока отецъ стоялъ у власти и рѣшительно «разжаловалъ», какъ только отецъ ушелъ въ сенатъ. Ставъ прокуроромъ палаты и часто бывая въ министерствѣ, я «возобновилъ прежнія отношенія» съ Моисеевымъ, и онъ, будучи, видимо, доволенъ моими подачками «на чай», всегда рьяно снималъ съ меня верхнее платье. А тутъ, въ это мое посѣщеніе министерства, Моисеевъ кивнулъ мнѣ издали головой и предоставилъ мнѣ снять шубу самому. Я ничего не имѣлъ противъ и, уходя, также самъ надѣлъ ее. Однако, Моисеевъ открылъ мнѣ двери

На другой день было воскресенье, 5-го марта. Утромъ, я, какъ условился съ Керенскимъ, явился въ министерство, пустое и пустынное, уже плохо подметенное. Оказалось, что Керенскій и его товарищъ по должности А. С. Зарудный ночевали на службѣ и пили тамъ утренній чай по студенчески. Министру поданъ былъ автомобиль, и мы поѣхали . . . вчетверомъ, не считая шоффера: Керенскій и я на заднемъ сидѣньи, М. А. Карауловъ въ страшной папахѣ на переднемъ* и какой-то нижній чинъ рядомъ съ шофферомъ. Ѣхали мы почему-то черезъ Невскій; на углу Садовой автомобиль смаху сталъ, а нижній чинъ соскочилъ и побѣжалъ куда-то въ сторону. Керенскій спросилъ шоффера въ трубку, что это значитъ, и получилъ отвѣтъ, что солдатъ приказалъ остановиться, такъ какъ ему надобно купить себѣ газету. Лицо министра вспыхнуло, и онъ крикнулъ:

— Что это за безобразіе. Поѣзжайте дальше немедленно. Пусть онъ пѣшкомъ идетъ.

Мы молчали. Керенскій, обернувшись ко мнѣ, уже спокойнымъ голосомъ сталъ какъ бы оправдываться въ своей горячности. Я отвѣтилъ ему со всею искренностью, что одобряю его поступокъ: распущенность не свобода и невѣжливость не равенство.

Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ два раза: въ молодости, «на правахъ туриста», съ разрѣшенія гофмаршала графа Бенкендорфа, и затѣмъ въ 1911 году, на царскомъ обѣдѣ, данномъ по случаю двухсотлѣтія сената. Оба раза дворцовая прислуга невольно обращала на себя вниманіе, я бы сказалъ, смѣсью вышколенности съ неторопливою важностью. Теперь — растерянность, но безъ угодливой суетливости. Когда Керенскій объявилъ, что онъ министръ юстиціи, придворные лакеи стали титуловать его высокопревосходительствомъ, и каждый былъ видимо озадачиваемъ возраженіемъ Керенскаго, что его надлежитъ именовать (кажется, не ошибаюсь): «господинъ министръ». Помню, какъ одинъ лакей, очень пристойнаго вида, обмолвился «высокопревосходительствомъ», сейчасъ же поправился, сказавъ: «виноватъ, господинъ министръ», и снова допустилъ ту же обмолвку, явно по застарѣлой привычкѣ. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ Керенскому понадобилось сбивать придворную прислугу съ толку и, не вытерпѣвъ, сказалъ ему объ этомъ. Но послѣ того онъ только сталъ объяснять лакеямъ, что не имѣетъ чина, сопряженнаго съ титуломъ высокопревосходительства; конечно, отъ такого поясненія лакеямъ не стало легче: настолько въ ихъ представленіи съ должностью министра срослось титулованіе высокопревосходительствомъ.

Кто къ намъ вышелъ изъ старшихъ чиновъ, уже не помню. Мы обошли дворецъ, но далеко не весь: конечно, поводыри наши руководили каждымъ нашимъ шагомъ. Керенскій спрашивалъ, кажется, объ императорскихъ регаліяхъ; что именно—я забылъ, какъ забылъ и отвѣтъ; припоминается смутно, что въ одной залѣ намъ было указано стекло окна, пронизанное пулей въ дни возстанія. Признаюсь, я чувствовалъ какое-то «не по себѣ» въ этомъ дворцѣ, ставшимъ теперь безхозяйнымъ, и мнѣ хотѣлось поскорѣе очутиться за его стѣнами.

Керенскій заговорилъ со мной и сказалъ, что желаетъ объявить Зимній

и обнаружилъ желаніе не пожать мою руку, а получить въ свою руку. Но и я ограничился кивкомъ головы. Со слѣдующаго дня онъ попрежнему снималъ съ меня шубу и по прежнему получалъ отъ меня «на чай».

* Членъ государственной думы, потомъ атаманъ Терскаго казачьяго войска, звѣрски убитый солдатами на какой-то станціи близъ Владикавказа.

дворецъ перешедшимъ въ собственность государства. Видно, онъ считалъ дворецъ царской собственностью, сбившись изъ за его наименованія «императорскій». Я отвѣтилъ, что Зимній дворецъ есть зданіе, предоставляемое царствующему императору, а собственностью государя является, напримѣръ, Аничковскій, который такъ и называется «собственный его императорскаго величества дворецъ». Къ этому я прибавилъ, что, по сужденію моему, государь не отрекался отъ частновладѣльческихъ своихъ правъ, и Аничковскій дворецъ попрежнему принадлежитъ ему на законномъ основаніи. По вопросу же о формулѣ предстоящаго объявленія я высказался за то, что слѣдовало бы ограничиться провозглашеніемъ о принятіи Зимняго дворца въ вѣдѣніе правительства. Керенскій (думаю, что не ошибаюсь) такъ и объявилъ, а затѣмъ тутъ же былъ составленъ краткій о томъ протоколъ, подписанный присутствовавшими. Я и до сихъ поръ не взялъ въ толкъ, для чего было ѣздить Керенскому въ Зимній дворецъ самому и притомъ въ качествѣ министра юстиціи, да еще прихвативъ съ собою сенатора.

Вторымъ порученіемъ, которое далъ мнѣ Керенскій, было ознакомиться съ изготовлявшимся тогда закономъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ лежалъ въ служебномъ кабинетѣ товарища министра А. С. Заруднаго; я отправился туда, читалъ эти краткія строчки и говорилъ по поводу ихъ съ Заруднымъ. Керенскій потомъ со мною ни словомъ не обмолвился ни по вопросу о современности отмѣны смертной казни, ни по вопросу о предѣлахъ ея отмѣны, такъ что я и здѣсь оказался излишнимъ *.

За то третье порученіе оказалось очень важнымъ и отвѣтственнымъ, но, къ сожалѣнію, изъ области уголовщины, отъ которой я всегда отходилъ съ облегченіемъ. Керенскій заговорилъ со мною, что при министерствѣ юстиціи учреждается верховная ** слѣдственная комиссія для разслѣдованія преступныхъ дѣяній представителей стараго режима и онъ хочетъ видѣть меня въ ея составѣ. Я тогда задалъ ему самый насущный вопросъ: ждетъ ли онъ отъ меня строго судейскаго отношенія къ дѣлу, или чего нибудь иного? Онъ просто и, — я почувствовалъ, — искренно отвѣтилъ, что желаетъ только раскрытія правды.

— Въ такомъ случаѣ я не считаю себя вправѣ отклонить ваше предложеніе.

---

* Споры вокругъ смертной казни не съ насъ начались, не нами и кончатся. Въ Россіи о томъ спорили въ послѣдніе передъ революціей годы безъ необходимаго спокойствія. Лично я не могъ примкнуть ни къ тѣмъ, кто, не желая или не смѣя осудить политическія убійства, требовалъ не налагать за нихъ смертной казни, ни къ тѣмъ, кто, преслѣдуя политическія убійства всею мощью государственной власти, старался увеличить число смертныхъ приговоровъ путемъ ослабленія судебныхъ гарантій. Склоняясь самъ къ отмѣнѣ кары смертью, я отдавалъ себѣ отчетъ, что это говоритъ во мнѣ не гражданинъ, а судья; быть можетъ, и есть случаи, когда безъ смертной казни пока еще нельзя обходиться, но я то, въ качествѣ судьи, не въ силахъ подписать такой приговоръ; нисколько этимъ не хвалясь и признавая, что это можетъ оказаться «жестокою чувствительностью» или просто дряблостью, я все же по совѣсти не могъ требовать отъ другихъ судей, чего не хотѣлъ для самого себя. И тѣмъ не менѣе, я былъ смущенъ, когда услышалъ, что смертная казнь у насъ будетъ отмѣнена безъ малѣйшаго изъятія; когда было, пожалуй, можно, не отмѣняли, а когда стало, повидимому, нельзя, отмѣняютъ. И я понималъ, что трудно оставить кару смертью для одного лишь фронта, и безъ того страдающаго больше тыла; но отсюда мой выводъ былъ таковъ: закона не издавать, а просто попытаться ни одного смертнаго приговора не приводить въ исполненіе, широко примѣняя помилованіе.

** Такъ она была сперва названа, такъ было сказано и въ приказѣ о моемъ назначеніи. Потомъ Керенскій «явочнымъ порядкомъ» переименовалъ ее въ «чрезвычайную». Но какъ ему было непріятно слово «верховная», такъ мнѣ тяжело слово «чрезвычайная».

Онъ закончилъ нашъ разговоръ замѣчаніемъ, что можетъ предоставить мнѣ мѣсто лишь товарища предсѣдателя комиссіи, такъ какъ предсѣдателемъ долженъ быть присяжный повѣренный. Я сказалъ, что предпочитаю быть именно не предсѣдателемъ, и полюбопытствовалъ узнать, кто же займетъ предсѣдательское мѣсто. Онъ назвалъ Н. К. Муравьева, московскаго адвоката, извѣстнаго защитника по политическимъ процессамъ, котораго я, впрочемъ, какъ и самого Керенскаго, до того, не видалъ и не слыхалъ.

Выходя на этотъ разъ отъ министра, я всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что переступаю своего рода Рубиконъ. Керенскій, Муравьевъ и другіе — все это люди чуждаго мнѣ міра, вынесенные революціонной волной, а она лишь случаемъ меня не затопила. Какъ никакъ, я обломокъ того стараго режима, который собираются судить; пусть я, вмѣстѣ съ незначительнымъ количествомъ своихъ единомышленниковъ, стоялъ тамъ особнякомъ, пусть я при Щегловитовѣ былъ только терпимъ, какъ «рабочая полезность», но это не помѣшало мнѣ, не достигнувъ 45 лѣтъ, стать тайнымъ совѣтникомъ. Я несомнѣнно «съ того берега», и многіе на томъ берегу обвиняютъ меня въ черной измѣнѣ. Ну, и что же? Рѣшеніе мое твердо въ соотвѣтствіи съ любимымъ двустишіемъ моего отца:

Пусть гибнутъ наши имена,
Да возвеличится Россія *

Я въ этой комиссіи нуженъ для очищенія пшеницы отъ плевелъ, нуженъ и для многихъ, кого несомнѣнно захватитъ размахъ революціонной длани единственно за ихъ службу царю, какъ могъ захватить и меня въ качествѣ царскаго прокурора. А если нуженъ, то чаша эта не должна идти мимо моихъ устъ, какъ бы горька ни была. Я предчувствовалъ словесные и письменные упреки, предчувствовалъ холодное отчужденіе хорошихъ, но непримиримыхъ (я сказалъ бы переулочнаго толка) людей; я предугадывалъ анонимныя письма и безыменную брань по телефону; допускалъ я и большія тренія въ комиссіи. Но не думалъ, какъ мнѣ тамъ, въ этой комиссіи, будетъ тяжело и какъ безплоденъ окажется мой порывъ. Впрочемъ, мои переживанія въ качествѣ товарища предсѣдателя «муравьевской» комиссіи я выдѣляю въ особую главу.

Работа въ комиссіи взяла почти все мое время. Я былъ освобожденъ отъ занятій по сенату и могъ принимать только ничтожное участіе въ другой комиссіи, которая была мнѣ болѣе по сердцу: въ комиссіи по возстановленію судебныхъ уставовъ.

Съ Керенскимъ я продолжалъ видѣться; неоднократно былъ у него и въ большомъ министерскомъ кабинетѣ, который одно время служилъ ему и спальней, и столовой; нѣсколько разъ завтракалъ у него; познакомился и съ его женою, Ольгою Львовной, и съ «бабушкой революціи» Брешковскою, полною и сѣдою старухой, на видъ добродушною и державшей себя скромно. Ни о какомъ ближайшемъ моемъ сотрудничествѣ съ Керенскимъ уже не было рѣчи: если онъ и под-

* Отецъ не помнилъ, чьи это стихи. Сравнительно поздно я узналъ, что они принадлежатъ забытой поэтессѣ Каролинѣ Павловой. Я ихъ цитировалъ такъ, какъ слышалъ отъ отца. Но память отцу измѣнила. Въ подлинникѣ они таковы:

Мы говорили въ дни Батыя,
Какъ на поляхъ Бородина:
Пусть возвеличится Россія
И гибнутъ наши имена.

нималъ въ разговорѣ со мной тотъ или другой вопросъ, то случайно и обрывочно, ut canis e Nilo.

Керенскаго тогда чуть не на рукахъ носили, а теперь кто только не бранитъ его. Я и здѣсь занимаю, повидимому, среднее положеніе.

Прежде всего, я считалъ ни на чемъ не основанными обвиненія Керенскаго въ корыстности и въ использованіи власти для себя. Я слышалъ по этому поводу лишь утвержденія, но ни одного доказательства. Кстати сказать, обвиняли Керенскаго въ расхищеніи государственнаго достоянія и большевики; тутъ уже невольно придетъ на память рѣзкое, но выразительное русское присловье: чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.

Затѣмъ несправедливы обвиненія Керенскаго въ томъ, что это онъ погубилъ Россію. Керенскій явно былъ бы титаномъ, если бы могъ одинъ погубить такую страну, въ такое короткое время. Я уже давно держусь мнѣнія, что въ униженіи родины и въ ея злоключеніяхъ виноваты всѣ мы безъ изъятія и безъ различія положеній и партій, а потому пора намъ бросить счеты и, въ сознаніи прошлой вины, дружно исправлять свои ошибки.

Керенскій, насколько я могъ его узнать, представляется мнѣ человѣкомъ неглупымъ, искреннимъ, съ живымъ воображеніемъ, съ порывами доброй воли, съ готовностью все сдѣлать для того, чтобы Россія благоденствовала *. Онъ отъ души хотѣлъ, чтобы русское правосудіе было безупречнымъ, чтобы нашъ государственный строй былъ свободнымъ и законнымъ ** и чтобы мы

* Я не отрицаю въ немъ нѣкоторой театральности, позыва на красивую позу; но искусственность формы не исключаетъ прямоты по существу. Степень его искренности въ глазахъ моихъ стала значительною, когда онъ, послѣ своего свиданія съ государемъ въ Царскомъ, сказалъ мнѣ съ честнымъ простодушіемъ: «А вѣдь Николай II далеко не глупъ, вопреки тому, что мы о немъ думали». Лично я никогда этого не думалъ и не таилъ о томъ отъ Керенскаго. Но онъ, повидимому, въ свое «мы» и не включалъ меня, разумѣя, надо полагать, только революціонно настроенныхъ лѣвыхъ. Какъ бы то ни было, мало кто изъ враговъ царя такъ откровенно сознался бы постороннему лицу въ своемъ заблужденіи и призналъ бы за царемъ какое либо положительное качество.

Находчивость Керенскаго достаточно живописуется слѣдующимъ разсказомъ, который я тогда же слышалъ отъ его сотрудниковъ. Къ Керенскому явилась депутація рабочихъ съ заявленіемъ, что было бы хорошо министра финансовъ назначить изъ ихъ среды. Въ числѣ депутатовъ былъ и кандидатъ на этотъ постъ. Керенскій по всему своему прошлому не могъ отвѣтить на этотъ дѣтскій лепетъ смѣхомъ и краткимъ отказомъ въ посредничествѣ, котораго домогались отъ него рабочіе, но не могъ, конечно, и раздѣлить ихъ точку зрѣнія. Онъ спросилъ, чѣмъ же выдвинулся приведенный къ нему кандидатъ въ министры. Оказалось, что этотъ рабочій успѣшно завѣдывалъ больничной кассой гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Тогда Керенскій, похваливъ готовность «товарища» служить родинѣ, поставилъ ему два вопроса: что онъ думаетъ о девальваціи и объ эмиссіонномъ правѣ государственнаго банка? Оба термина были вопрошаемому, какъ и слѣдовало ожидать, незнакомы, и онъ, смутившись, поднялся съ мѣста и сталъ откланиваться, говоря, что и самъ теперь видитъ, насколько неосновательно было его притязаніе.

** Отказъ отъ неудачнаго суда съ сословными представителями, возстановленіе давно погребеннаго суда съ присяжными засѣдателями въ сенатѣ и судебныхъ палатахъ, введеніе административной юстиціи, упраздненіе такъ называемой «административной гарантіи», дѣлавшей почти ненаказуемыми вопіющія должностныя преступленія, отмѣна щегловитовскаго закона о наказуемости «взяткодательства», который, въ условіяхъ русской дѣйствительности, способствовалъ безнаказанности «взяткобрательства» — вотъ несомнѣнныя заслуги Керенскаго, а я ихъ привелъ, какъ примѣры, которые сейчасъ вспомнились, и не гонюсь за исчерпывающимъ перечнемъ.

Съ благодарностью поминаю я временное правительство, изъ котораго не исключаю, конечно, и Керенскаго, также за свободу печати, слова и совѣсти. Большевицкіе поряд-

довели страну до побѣднаго конца. Но всѣ его хорошія намѣренія повисли безпомощно въ воздухѣ, не найдя точки опоры ни въ немъ самомъ, ни въ окружающей средѣ.

Личные его недочеты, по моему, заключались въ слѣдующемъ. Чрезмѣрно нервный, стоящій, пожалуй, на границѣ истерики, онъ былъ страстенъ и, слѣдовательно, пристрастенъ, былъ нетерпѣливъ и, слѣдовательно, неоснователенъ. Работая въ революціонномъ подпольѣ, онъ былъ до наивности несвѣдущъ въ правительственной техникѣ всякаго рода. Будучи адвокатомъ и членомъ государственной думы, то-есть человѣкомъ только слова, а не дѣйствія, онъ переоцѣнилъ силу и значеніе слова. Будучи, наконецъ, адвокатомъ лишь по политическимъ дѣламъ, онъ могъ, безъ большого ущерба, необходимыя для себя свѣдѣнія ограничить выдержками изъ уголовнаго уложенія и устава уголовнаго судопроизводства, съ придачею относящихся къ этой области немногочисленныхъ и, въ значительной степени кривыхъ, кассаціонныхъ рѣшеній, и потому оказался на посту генералъ прокурора юристомъ приготовительнаго класса. А главный порокъ той среды, которая окружаетъ выдвинувшагося русскаго дѣятеля, сводится къ тому, что изъ дѣятеля общественнаго дѣлаютъ чудотворную икону и кружатъ ему голову изступленнымъ поклоненіемъ, а дѣятелю государственному никто не хочетъ перечить, и голова его начинаетъ кружиться отъ рабской угодливости; бѣдный же Керенскій соединилъ въ своей особѣ популярность общественнаго и власть государственнаго дѣятеля.

Я избѣгаю голословности и постараюсь свои утвержденія подкрѣпить примѣрами, взятыми изъ того, чему я самъ былъ свидѣтелемъ*; не коснусь я только проявленій институтскаго обожанія Керенскаго, такъ какъ они уже набили оскомину своею печальною общеизвѣстностью. Буду приводить примѣры, какъ вспомнятся.

Въ первую голову рѣчь объ арестахъ. Всѣмъ памятно, что революція началась не только съ поджога суда и съ выпуска изъ тюремъ преимущественно общеуголовныхъ преступниковъ, но также и съ наполненія темницъ новыми арестантами. Меня не удивляло, что нашлось множество добровольцевъ революціонной жандармеріи, которые десятками влекли самочинно задержанныхъ и въ домахъ, и на улицахъ людей въ Таврическій дворецъ, а позже въ разныя узилища, занявшія мѣсто сгорѣвшихъ участковъ; моя прежняя служба доказала мнѣ, что для такого добровольчества не требуется зачастую ни жажды мести, ни желанія «покуражиться»: русскій народъ, сверху до низу, еще не умѣетъ по настоящему цѣнить заморскій принципъ неприкосновенности личности, и слѣдователямъ очень знакомо неудовольствіе деревенскихъ жителей изъ за оставленія на свободѣ, напримѣръ, такого убійцы, который завѣдомо никому и ничему не опасенъ и никуда не убѣжитъ, а прокурорамъ сплошь и рядомъ приходилось разъяснять полиціи недопустимость влечь всякаго въ часть по любому

ки, разумѣется, заставляютъ и царское время признавать временемъ свободы, но я не могу забыть тѣхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Россіи, когда ничто не могло мнѣ воспрепятствовать гласно исповѣдывать то, во что я вѣрю и на что надѣюсь. Я знаю, что едва ли можно разсчитывать на это и послѣ сверженія большевиковъ, и тѣмъ болѣе признателенъ за то временному правительству, хоть и не закрываю глазъ на его грѣхи въ другомъ.

* Впередъ оговариваюсь, что изложеніе будетъ отрывочно и цѣлостной характеристики А. Ф. Керенскаго не дастъ, даже только какъ министра юстиціи. Я ограничиваюсь лишь тѣмъ, что мнѣ было извѣстно лично и тогда же, безъ всякихъ добавленій изъ третьихъ рукъ, какъ бы они ни округлили мое изложеніе.

поводу и, при этомъ, нерѣдко бывало, что прокуроръ былъ взволнованъ болѣе самого задержаннаго, который (я говорю и объ интеллигенціи), если и сердился, такъ сказать, по личному вопросу, то въ видѣ общаго правила, почти не знавшаго исключеній, не оспаривалъ безусловнаго права полицейской власти на такого рода мѣры *. Нѣтъ, меня удивляло, что не всѣ приводимые къ новымъ правителямъ были немедленно освобождаемы; напротивъ того, многія изъ этихъ лицъ становились какъ бы плѣнниками въ Таврическомъ дворцѣ, пока ихъ не перевезли въ Петропавловскую крѣпость. На какомъ основаніи все это дѣлалось? Керенскій былъ убѣжденнымъ врагомъ всякихъ исключительныхъ положеній, такъ же къ нимъ относились и другіе министры временнаго правительства; не подлежало сомнѣнію, что законы о чрезвычайной и усиленной охранѣ прекратили свое дѣйствіе, и никто изъ министровъ не думалъ ихъ примѣнять, тѣмъ болѣе, что у князя Львова не было и рукъ для выполненія такого рода распоряженій **. И тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ дѣятелей стараго режима разныхъ степеней и даже одна фрейлина содержались подъ стражею безъ постановленія о томъ судебной власти и безъ предъявленія какихъ либо обвиненій ***.

Какъ ни произвольничала порою старая администрація, но я помню изъ своей личной практики, еще въ качествѣ прокурора провинціальнаго окружнаго суда, случая два-три, когда арестъ въ порядкѣ охраны былъ продолжаемъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, потому что срокъ, на который былъ властенъ арестовать губернаторъ, истекалъ, а губернаторъ, зная меня, не могъ сомнѣваться въ томъ, что я освобожу арестованнаго, какъ только срокъ минетъ. Пусть законы объ исключительныхъ положеніяхъ были стѣснительны и нежелательны, но это были законы, и ихъ администраторы стараго режима старались соблюдать. А тутъ аресты производились безъ попытки сослаться на какой либо законъ, и до моего свѣдѣнія не доходило, чтобы столичная прокуратура возбуждала вопросъ объ освобожденіи незаконно лишенныхъ свободы ****. И самъ

---

* Нечего, впрочемъ, и говорить о рядовыхъ обывателяхъ. Вотъ вамъ разительный фактъ, на который никто не обратилъ, повидимому, вниманія. Въ первые дни революціи были арестованы бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ и А. Д. Протопоповъ, оба — члены государственной думы. Дума тогда не была еще распущена волею совѣта рабочихъ и прочихъ депутатовъ, а царскій указъ она объявила недѣйствительнымъ. И тѣмъ не менѣе ни сами арестованные, ни кто другой изъ членовъ думы не вспомнилъ о депутатской неприкосновенности.

** Я говорю о князѣ Львовѣ, какъ о министрѣ внутреннихъ дѣлъ: департаментъ полиціи былъ разгромленъ, а жандармы и разныхъ ранговъ полицейскіе чины разсѣялись по всему лицу земли русской, если успѣли избѣжать смерти или ареста.

*** Не только арестъ А. А. Вырубовой, не принимавшей никакого участія въ управленіи государствомъ, или арестъ В. Ф. Дейтриха, суда надъ которымъ, по должности помощника финляндскаго генералъ губернатора, могли бы требовать, и то въ предѣлахъ давности, развѣ одни финны, или арестъ Н. С. Крашенинникова и Г. Г. Чаплинскаго за неугодную новому курсу окраску ихъ судебной дѣятельности, но и всѣ аресты, о которыхъ я теперь говорю, хотя бы арестъ, напримѣръ, И. Г. Щегловитова, я не могу назвать иначе, какъ незаконными. Насколько неосмотрительно и впопыхахъ въ то время арестовывали людей, достаточно свидѣтельствуетъ въ моихъ глазахъ арестъ жандармскаго полковника Плетенева (я о Плетеневѣ уже вспоминалъ на этихъ страницахъ. См. Архивъ Рус. Рев., т. VIII, стр. 18, сл.). Онъ былъ арестованъ за то, что разстрѣливалъ, будто бы, народъ на Знаменской площади у Николаевскаго вокзала совмѣстно съ жандармскимъ генераломъ Фурсою. Меня такое обвиненіе поразило уже потому, что Фурса и Плетеневъ были всегда заклятыми врагами и ничего вмѣстѣ дѣлать не могли; но обвинялъ Плетенева не первый попавшійся, а человѣкъ, пользовавшійся репутаціей.

**** Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы кто либо изъ читателей подумалъ, будто бы я обвиняю прокурорскій надзоръ въ сознательномъ неисполненіи долга. Я увѣренъ, что самая

Керенскій, такъ возмущавшійся прежнимъ безправіемъ, числилъ арестантовъ за собой, какъ за министромъ юстиціи *, — случай небывалый во все время существованія новаго (нынѣ уже покойнаго) суда въ Россіи. Мнѣ кажется, довольно и сказаннаго, чтобы пристрастіе Керенскаго не подлежало спору. И упрекъ этотъ не можетъ быть ослабленъ указаніемъ на образованіе особой комиссіи по разбору и освобожденію задержанныхъ: поздно разбираться въ причинахъ ареста уже послѣ того, какъ арестъ произведенъ, и самое существованіе такой комиссіи только доказываетъ, что февральская (какъ затѣмъ и октябрьская) революція не сокрушила сакраментальной формулы, по которой человѣкъ задерживался властями «впредь до выясненія обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ его задержанію». Заговоривъ объ этой комиссіи, я, кстати, подчеркну еще рѣшительнѣе пристрастную впечатлительность Керенскаго. Во главѣ комиссіи стоялъ присяжный повѣренный М. Л. Гольдштейнъ, дѣятельность котораго, насколько я о ней имѣю свѣдѣнія, заслуживаетъ безусловнаго одобренія: онъ прилагалъ всѣ усилія къ освобожденію жертвъ расходившихся волнъ революціи, и я, возбуждая передъ Керенскимъ ходатайства за того или другого арестанта, убѣждался, что иду съ М. Л. Гольдштейномъ по одному пути, съ тою только (въ его пользу) разницею, что онъ часто шелъ впереди меня и что его слово имѣло болѣе вѣса, такъ какъ онъ принадлежалъ къ адвокатской корпораціи и предсѣдательствовалъ въ спеціальной комиссіи. Такимъ образомъ, удалось изъ числа болѣе замѣтныхъ дѣятелей стараго строя ** освободить И. Л. Горемыкина, князя Н. А. Голицына, членовъ Государственнаго совѣта В. Ѳ. Дейтриха, Н. С. Крашенинникова, Г. Г. Чаплинскаго, сенатора М. И. Трусевича, товарища министра внутреннихъ дѣлъ Куколь-Яснопольскаго, управляющаго дѣлами совѣта министровъ Н. В. Плеве и нѣкоторыхъ другихъ, кого я вотъ

мысль о возможности освобожденія арестованныхъ не пришла никому въ голову: такъ всѣ петроградскіе прокуроры привыкли къ исключительнымъ положеніямъ и внѣсудебнымъ арестамъ.

* И тутъ же Керенскій отмѣнилъ такъ называемую административную гарантію, защищавшую до него должностныхъ лицъ отъ рукъ прокурора. Мѣра эта заслуживаетъ большой похвалы, но ни Керенскому, ни оберъ-прокурору уголовнаго кассаціоннаго департамента сената не пришло на мысль, что второй изъ нихъ обязанъ возбудить противъ перваго преслѣдованіе за превышеніе власти, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ длительное лишеніе свободы многихъ лицъ безъ тѣни законнаго основанія.

** Забѣгая впередъ, упомяну здѣсь о моей встрѣчѣ въ самомъ началѣ большевицкаго владычества съ однимъ изъ этихъ арестованныхъ, съ однимъ изъ «щегловитовцевъ», безпрекословно слушавшихся всякаго приказанія министра и не имѣвшихъ собственной воли, собственнаго разумѣнія. Ставъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, И. Г. Щегловитовъ немедленно провелъ его въ члены туда же, въ числѣ нѣкоторыхъ лицъ, чьи голоса, какъ было всѣмъ вѣдомо, не разойдутся съ желаніями принципала. Я и этотъ судебный дѣятель держались другъ отъ друга отчужденно. А тутъ, когда я отдалъ ему поклонъ, онъ живо подошелъ и поблагодарилъ за то, что я, не какъ многіе другіе, не отворотился отъ него. Послѣ моего отвѣта, что наши разногласія въ судебномъ дѣлѣ смыты волной октябрьскаго переворота, и намъ, одинаково «бывшимъ людямъ», безцѣльно вспоминать старое, онъ повернулъ и пошелъ со мною. По пути онъ сперва высказалъ свою признательность за мое содѣйствіе къ его освобожденію и, волнуясь, говорилъ о своей правотѣ въ одномъ громкомъ процессѣ. Я ограничился уклончивымъ отвѣтомъ, что, по моему, какъ ни смотрѣть на этотъ процессъ, прокуроръ, его возбудившій, не можетъ быть арестованъ безъ предъявленія обвиненія, только потому, что у власти стали нѣкоторые изъ защитниковъ въ томъ же процессѣ. И тогда мой собесѣдникъ, взявъ меня за руку, ошеломилъ меня увѣреніемъ, что его освобожденіе мнѣ зачтется, когда, какъ онъ выразился, «мы станемъ у власти снова». Не называю имени, такъ какъ онъ, кажется, еще въ Совдепіи.

сейчасъ, когда пишу, не могу вспомнить *. Значитъ, Керенскій могъ вслушиваться въ доводы и шелъ навстрѣчу тому, что ему казалось убѣдительнымъ. И, однако, когда рѣчь зашла объ освобожденіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и юстиціи А. А. Макарова, о строго законныхъ и достойныхъ величайшей похвалы поступкахъ котораго по второй изъ названныхъ должностей я уже упоминалъ, Керенскій сталъ глухъ и слѣпъ: онъ принималъ участіе въ дѣлѣ рабочихъ Ленскихъ пріисковъ и не могъ простить Макарову, облетѣвшей въ свое время всю Россію фразы въ думѣ: «Такъ было и такъ будетъ». Пусть эта фраза дѣйствительно была ужасна **, но едва ли сомнительно, что человѣкъ менѣе живущій впечатлѣніями, отдалъ бы себѣ отчетъ въ необоснованности ареста за одни слова ***, сказанныя не менѣе пяти лѣтъ назадъ, хотя бы въ нихъ и усматривать одобреніе разстрѣла безоружныхъ.

Другой примѣръ — отношеніе Керенскаго къ вопросу о судейской независимости. Этотъ принципъ не менѣе заморскій, чѣмъ неприкосновенность личности, и русское общество въ своей толщѣ плохо понимало всю его цѣнность не для судей, а для гражданъ. Но юристы, — слѣдовательно, и адвокаты, къ которымъ принадлежалъ Керенскій, — разбирались въ этомъ достаточно хорошо. Даже можно сказать, что юридическіе круги слишкомъ чувствительно относились ко всякой мѣрѣ царскаго правительства, пусть бы она всего лишь казалась направленной на подавленіе самостоятельности суда. И вотъ, новый министръ, несомнѣнно негодовавшій на Щегловитова за увольненіе судей безъ прошенія или по вынужденному прошенію ****, самъ началъ поступать такъ же. Только Щегловитовъ считался съ губернаторской оцѣнкой судейской дѣятельности, не трудясь провѣрить основательность этой оцѣнки, а Керенскій считался съ адвокатской оцѣнкой судей, и тоже не углублялся въ провѣрку. Если есть въ пріемахъ обоихъ министровъ разница, то развѣ топографическая, въ зависимости отъ мѣста, на которомъ стоялъ тотъ и другой, а принципіальной разницы нѣтъ никакой.

Помню, какъ дядя мой, сенаторъ В. Р. Завадскій, былъ уволенъ, по докладу Щегловитова, отъ должности старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты; хоть это и послѣдовало «согласно прошенію», но прошеніе дядя подалъ исключительно въ виду того, что не считалъ себя въ правѣ, оставаясь старшимъ предсѣдателемъ вопреки волѣ министра, переносить неудовольствіе его на цѣлый

---

* Одинъ изъ нихъ, тоже оставшійся по ту сторону границы былъ прежде директоромъ департамента полиціи, и его пріемы разслѣдованія политическихъ преступленій оставляли, выражаясь мягко, желать лучшаго. Судьба дала испытать ему на себѣ, каково терпѣть правительственный произволъ. Но арестъ его былъ тѣмъ болѣе незаконенъ, что всѣ его дѣйствія по департаменту полиціи уже покрыла давность.

** Я уже говорилъ о ней мелькомъ, а подробнѣе скажу потомъ.

*** Опять поясняю во имя точности: арестованъ Макаровъ былъ, конечно, не за одни слова, а за все свое прошлое въ совокупности, но не освободилъ его Керенскій, выпуская въ то же время Горемыкина и кн. Голицына, только за эту злополучную фразу.

**** Опять долженъ добавить, что я, вопреки мнѣнію многихъ судей, не нахожу нарушенія судейской несмѣняемости въ тѣхъ случаяхъ, когда министръ предлагаетъ судьѣ на выборъ или отставку, либо возбужденіе уголовнаго или дисциплинарнаго о немъ дѣла: если судья боится преданія суду, то воленъ подать прошеніе объ отставкѣ. Тутъ министръ въ сущности или грозитъ впустую, или уклоняется отъ своей обязанности возбудить вопросъ о преданіи суду виновнаго судьи. Но, когда министръ, предлагая судьѣ подать въ отставку, не знаетъ за нимъ ни тѣни поступка, за который тотъ подлежалъ бы уголовному или дисциплинарному суду, а пользуется, напримѣръ, обѣщаніемъ усиленной пенсіи въ случаѣ немедленнаго выхода въ отставку и угрозою ограничиться впослѣдствіи лишь нищенскою пенсіей по закону, то здѣсь нажимъ на судебную несмѣняемость уже не подлежитъ спору.

округъ и подвергать своихъ сослуживцевъ всему, о чемъ краснорѣчиво говоритъ южно-русская пословица: «паны дерутся, у хлопцевъ чубы болятъ». А разговоръ министра съ дядею сводился единственно къ тому, что дядя, предсѣдательствуя по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, держался строго судейскаго безпристрастія, какимъ выдѣлился еще въ процессѣ мултанскихъ вотяковъ (при третьемъ разбирательствѣ дѣла); это безпристрастіе признано было въ такихъ случаяхъ неумѣстнымъ и квалифицировалось какъ слабость. Разговоръ дошелъ до того, что министръ замѣтилъ: «Вы забываете, что говорите съ министромъ», а дядя отвѣтилъ: «А Вы забываете, что говорите съ судьей». Но и при Керенскомъ точно также былъ уволенъ старшій предсѣдатель петроградской судебной палаты Я. М. Затворницкій. Я не принадлежу къ числу людей, которые были къ нему близки или одобряли его во всемъ; у меня даже была съ нимъ незадолго до революціи стычка за то, что онъ, обѣщавъ мѣсто нотаріуса въ Петроградѣ одному изъ товарищей прокурора суда, уже выдержавшему установленный экзаменъ, хотѣлъ назначить на это мѣсто другого кандидата, имѣвшаго явно меньше правъ, при чемъ у меня было достаточно основаній думать, что глава судебнаго округа угождалъ тѣмъ Щегловитову, только что назначенному предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Но справедливость заставляетъ меня признать, что Затворницкій былъ отличный цивилистъ и умѣлый предсѣдатель, да и самъ Керенскій не предъявлялъ ему никакихъ опредѣленныхъ обвиненій, ставя на видъ только недостаточно лѣвую окраску дѣятельности. Тогда Затворницкій почему то рѣшилъ посовѣтоваться со мною, что ему дѣлать. Я сказалъ, что совѣтовать не могу, а самъ бы поступилъ такъ: если бы я былъ рядовымъ судьею, хотя бы и предсѣдателемъ департамента палаты, то отвѣтилъ бы министру рѣшительнымъ отказомъ, а будучи старшимъ предсѣдателемъ, взвѣсилъ бы сравнительную важность своихъ личныхъ правъ и судьбы всѣхъ судей округа, которыхъ мнѣ было бы страшно подвергать изъ за меня министерской опалѣ, такъ сказать, оптомъ. Затворницкій подалъ въ отставку и былъ уволенъ; а я, видя, какъ вокругъ подавали въ отставку и были увольняемы столичные и провинціальные судьи разныхъ степеней, и вспоминая судьбу дяди, а также сенатора Ѳ. Ѳ. Арнольда и многихъ другихъ при Щегловитовѣ, невольно твердилъ: plus ça change, plus c'est la même chose.

Разскажу и другой случай. Судебный слѣдователь петроградскаго окружнаго суда по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Машкевичъ обратился ко мнѣ съ точно такимъ же вопросомъ, какъ и Я. М. Затворницкій. По словамъ Машкевича, ему предложили подать въ отставку за пристрастное, будто бы, окончаніе предварительнаго слѣдствія по дѣлу Бейлиса.

— Что вамъ ставится въ вину?

— То, что я допустилъ двѣ экспертизы: и противъ существованія ритуальнаго убійства у евреевъ, и за его существованіе.

Я отправился въ министерство юстиціи и, не попавъ къ Керенскому, переговорилъ съ товарищемъ министра А. С. Зарудннымъ. Я давно зналъ Заруднаго, еще съ того времени, когда мы оба служили товарищами прокурора петербургскаго окружнаго суда. Зарудный, на мою оцѣнку, былъ человѣкъ чистѣйшей души, но весь — порывъ и нерѣдко — слѣпое увлеченіе. Въ процессѣ Бейлиса онъ былъ однимъ изъ защитниковъ и это, казалось бы, должно было его заставить прислушиваться къ стороннимъ мнѣніямъ. Но онъ горячо твердилъ, что рѣшеніе министра неизмѣнно и вполнѣ обосновано, хотя, я такъ и не понялъ, въ чемъ же выразилось неправосудіе Машкевича на слѣдствіи — насколько у

меня осталось въ памяти, Машкевичу главнымъ образомъ вмѣнялось въ вину, что одинъ протоколъ у него оставленъ безъ даты и что экспертомъ, дававшимъ заключеніе въ смыслѣ существованія кроваваго ритуала, былъ Пранайтисъ, о которомъ Зарудный не могъ говорить спокойно. Держась того мнѣнія, что за нравственныя качества эксперта слѣдователь не отвѣчаетъ, а пропускъ даты въ слѣдственныхъ протоколахъ случается весьма нерѣдко, и отъ него не застрахованы даже очень ревностные слѣдователи, я вернулся къ Машкевичу и поставилъ ему вопросъ:

— Вы не боитесь суда? Ничего отъ меня не скрываете?

— Не боюсь. Я ни въ чемъ не виновенъ.

— Тогда я на вашемъ мѣстѣ ни за что не подалъ бы въ отставку: вы утвержденный слѣдователь.

Машкевичъ такъ и поступилъ . . . и остался слѣдователемъ до общаго судебнаго крушенія при большевикахъ.

Я выдернулъ два случая наудачу, по прихоти памяти, но, конечно, могъ бы привести ихъ значительно больше. Тѣмъ не менѣе, я предпочитаю покончить съ отдѣльными увольненіями и перейти къ общимъ вопросамъ судоустройства, по которымъ для меня стало ясно, что въ лицѣ Керенскаго судебное вѣдомство пріобрѣло лѣваго Щегловитова: пусть Керенскій искренно толковалъ, что хочетъ поставить правосудіе въ Россіи на недосягаемую высоту, но поступками своими кривилъ его влѣво, какъ Щегловитовъ вправо. Хоть я и убѣжденъ, что Щегловитовъ былъ менѣе искрененъ, чѣмъ Керенскій, но вѣдь эта разница важна при оцѣнкѣ личности, а не при оцѣнкѣ дѣятельности.

Есть три общихъ вопроса судоустройства, при разрѣшеніи которыхъ легко болѣе или менѣе сильно надавить на судейскую независимость: вопросъ о пополненіи состава судебныхъ мѣстъ, вопросъ о составѣ высшаго дисциплинарнаго суда и вопросъ о допустимости временной отмѣны несмѣняемости судей. Чѣмъ болѣе министръ уважалъ судейскіе выборы въ члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, тѣмъ увѣреннѣе разсчитывали судьи на возможность повышенія и безъ прямой воли министра или директора департамента министерства. Насколько я знаю, первымъ сталъ неуважительно относиться къ судейскимъ выборамъ министръ юстиціи Манасеинъ *, но въ этомъ ему не уступалъ и Щегловитовъ. Однако, при министрахъ Хвостовѣ и Макаровѣ къ выборамъ, которые производимы были палатами и судами, стали внимательнѣе присматриваться и прислушиваться; даже однимъ изъ послѣднихъ царскихъ законовъ право избирать себѣ сочленовъ было предоставлено и сенаторамъ **. И вотъ, во главѣ судебнаго вѣдомства становится Керенскій, провозгласитель вѣчно новыхъ словъ, словъ о законности и свободѣ. И что же оказывается? Съ выборами считаются не больше, а то и

---

* Помню, что мой отецъ, бывшій тогда старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, пересталъ созывать общее собраніе для выбора судей на открывшіяся вакансіи, такъ какъ министръ упорно назначалъ своихъ кандидатовъ, не считаясь съ выборомъ палаты. Министръ замѣтилъ это и, почувствовавъ себя, видимо, задѣтымъ, запросилъ отца о причинѣ допускаемаго имъ отступленія отъ закона. Отецъ отвѣтилъ, что судьи палаты убѣдились въ безцѣльности выборовъ. Отвѣтъ былъ тѣмъ обоснованнѣе, что нѣкоторыя назначенія состоялись ранѣе, чѣмъ общее собраніе могло состояться.

** По уставамъ 1864 года кассаціонные департаменты такого права не получили, потому что его не имѣлъ и старый (петровско-екатерининскій) сенатъ, за силою фикціи, будто сенаторовъ назначаетъ самъ государь. Состоявшійся въ декабрѣ 1916 года законъ покончилъ съ этой фикціей и даровалъ права выбора всѣмъ департаментамъ сената, безъ различія между ними.

меньше, чѣмъ при Щегловитовѣ, и цѣлый потокъ сенаторовъ изливается въ сенатъ съ нескрываемымъ нежеланіемъ выжидать сенатскаго выбора, хотя бы лишь для того, чтобы передъ назначеніемъ сравнить и взвѣсить качества кандидатовъ, избранныхъ сенатомъ и облюбованныхъ министромъ и его сотрудниками.

Теперь я перейду къ организаціи высшаго дисциплинарнаго суда, которая имѣетъ для судей еще большее значеніе, нежели право выбора. Есть юристы, усматривающіе нарушеніе судейской несмѣняемости въ самомъ существованіи дисциплинарнаго суда; съ ними я согласиться не могу: если судья пьянствуетъ, если онъ даетъ деньги въ ростъ, если онъ ночи напролетъ проводитъ за азартными играми, если онъ погрязъ въ мѣстныя переулочныя пристрастія, такъ, что вокругъ уже сомнѣваются въ безупречности отправляемаго имъ правосудія, то все это еще не служитъ основаніемъ предать его уголовному суду, и тѣмъ не менѣе, нерѣдко настоятельно необходимо, во огражденіе достоинства судейскаго званія, удалить такого судью, хотя бы на первый разъ только, изъ данной мѣстности. Задачу эту и долженъ выполнять дисциплинарный судъ. Но, къ сожалѣнію, сенаторы, отъ которыхъ зависѣли честь и доброе имя русскихъ судей, не были по закону выбираемы кассаціоннымъ сенатомъ, то-есть такими же независимыми судьями, какъ и тѣ, чью независимость надлежало уважать и во время дисциплинарнаго суда; нѣтъ, ихъ назначали по докладу и волѣ министра юстиціи и при томъ на короткій срокъ; вотъ тутъ то въ подборѣ состава желательныхъ министру сенаторовъ, и крылся опасный для несмѣняемости судей порокъ этого судилища. А что же сдѣлалъ Керенскій? Да то же самое, что дѣлалъ и Щегловитовъ: даже не остановился на мысли, что судъ надъ судьями не есть судъ, если составляется волею администратора, и въ судьи для судей своей властью и волей назначалъ тѣхъ, кого почиталъ годнымъ для этого, не справляясь съ мнѣніемъ о томъ самихъ судей, хотя бы только сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ. Опять получился судъ, по моему выраженію, съ «наведенными людьми». Но пристрастная односторонность Керенскаго еще яснѣе выразилась не въ томъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, а въ томъ, на что онъ думалъ рѣшиться. Я разумѣю предположеніе о временной отмѣнѣ судейской несмѣняемости: отмѣнить эту несмѣняемость, повыгнать всѣхъ неугодныхъ новому правительству судей, назначить «своихъ» и затѣмъ вновь провозгласить несмѣняемость, какъ будто «свои» и безъ несмѣняемости не будутъ несмѣняемы. Впервые такая мысль пришла въ голову Столыпину: онъ высказалъ ее въ государственной думѣ, ссылаясь на примѣръ Франціи *, но даже Щегловитовъ на это не откликнулся, хоть и поднялся въ судебномъ вѣдомствѣ до самаго верха, ни разу не бывши судьею. А вотъ, при Керенскомъ вновь былъ возбужденъ вопросъ, возникшій въ царское время за стѣнами министерства юстиціи и внутрь ихъ такъ и не вступившій. И тутъ я хочу, какъ и вездѣ быть точнымъ, поскольку мнѣ еще не измѣнила память: отмѣчаю, что съ самимъ Керенскимъ я о томъ не говорилъ, но сотрудники его не разъ высказывались за желательность отмѣнить на время

---

* Меня всегда удручала особенность русской государственной мысли: если вы развиваете выношенный вами проектъ чего бы то ни было (напримѣръ, судебнаго преобразованія), съ вами не спорятъ по существу, а возражаютъ, что «этого нигдѣ въ Европѣ нѣтъ», и стоитъ Европѣ допустить смѣшеніе судебной власти съ административной (какъ пережитокъ средневѣковья) или нарушеніе какого либо основного принципа (какъ мѣру революціоннаго безправія), у насъ сейчасъ же норовятъ за это ухватиться и вовсе не изъ лицемѣрнаго желанія прикрыть непригладность своихъ поползновеній, а вслѣдствіе какой-то наивной вѣры въ достоинство всего европейскаго.

судейскую несмѣняемость и учинить избіеніе судей на формально законномъ основаніи, и выходило такъ, что мысль эта занимаетъ и министра. Занимала она и его преемниковъ; на ней останавливался даже А. С. Зарудный, сынъ составителя судебныхъ уставовъ, одного изъ творцовъ судейской несмѣняемости. Мнѣ приходилось тогда неоднократно спорить по этому вопросу съ цѣлымъ рядомъ лицъ, не исключая и такихъ, которые еще недавно были, повидимому, уравновѣшенными: микробъ революціоннаго насилія успѣлъ быстро захватить многихъ. Я разсуждалъ, да и до сихъ поръ разсуждаю такъ: если вы нарушаете независимость суда ради спасенія революціи, то уже не смѣйте порицать другихъ за нарушеніе этой же независимости ради спасенія отъ революціи; если вы отмѣняете судейскую несмѣняемость не потому, что считаете ее ненужной, а лишь для того, чтобы исказнить отдѣльныхъ судей, то вы допускаете недостойную игру съ закономъ и обнаруживаете трусливое желаніе «и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти», такъ какъ законъ не ширма для партійныхъ счетовъ, и гораздо мужественнѣе и честнѣе тотъ, кто прямо нарушаетъ законъ, по формѣ и существу одновременно, нежели тотъ, кто грубое нарушеніе признаваемаго имъ самимъ и выраженнаго въ законѣ принципа лицемѣрно прикрываетъ формальнымъ соблюденіемъ законности; если, наконецъ, вы убѣждены, что безъ прочныхъ гарантій несмѣняемости только герой можетъ остаться всегда правосуднымъ судьей, то какъ же вы не видите, что отмѣна несмѣняемости, хотя бы на одинъ день, сопровождаемая массовымъ въ теченіе этого дня увольненіемъ неугодныхъ правительству судей, поставитъ остальныхъ судей, и уцѣлѣвшихъ отъ погрома, и вновь назначенныхъ, въ такое положеніе, которое въ ихъ же собственныхъ глазахъ явится лишеннымъ прочной гарантіи, потому что они естественно будутъ опасаться повторенія, по прихоти правительства, подобной же произвольной игры съ законами.

Достаточно, впрочемъ, примѣровъ близорукой пристрастности; обращаюсь къ примѣрамъ того, что мнѣ представляется неосновательностью.

Первый примѣръ — амнистія, съ которой министерство юстиціи спѣшило до чрезвычайности. Положимъ, и царскіе милостивые манифесты оставляли желать многаго: я уже не говорю, что они давали милость только преступнымъ и неисправимымъ, прощая, напримѣръ, даже злостныя недоимки всякаго рода, а не освобождая отъ части предстоящихъ платежей того, за кѣмъ раньше не было платежныхъ прегрѣшеній, но и сами статьи манифестовъ почти всегда возбуждали множество недоумѣній своею неясностью и плохою согласованностью. Никогда, однако, не бывало, чтобы царскимъ манифестомъ даровалось помилованіе или смягченіе наказанія тѣмъ, кому дать не хотѣли. А съ Керенскимъ именно случилось такъ, что впопыхахъ были прощены провокаторы. Я не смѣюсь и не выдумываю: амнистія даровала прощеніе всѣмъ преступленіямъ, совершеннымъ изъ побужденій политическаго свойства. Но политическія побужденія были у преступниковъ не только лѣваго, но и праваго стана, а потому сюда надлежало причислить и провокаторовъ. Не возражайте мнѣ, что провокаторы были платные: и лѣвыя преступленія совершались не всегда лицами, ни отъ кого денегъ не бравшими; а при всемъ моемъ брезгливомъ отношеніи къ дѣятельности провокаторовъ, я не имѣю основаній напередъ утверждать, что они были сплошь безразличны къ формѣ правленія, которую отстаивали столь предосудительными пріемами. Нѣтъ, недосмотръ былъ допущенъ существенный, и Керенскій, конечно, не можетъ оправдываться тѣмъ, что виноваты его сотрудники: въ такихъ важныхъ актахъ, министръ, не будучи поспѣшенъ и потому не-

основателенъ, не можетъ полагаться только на помощниковъ. Напротивъ того, — въ ужасномъ исправленіи этой ошибки, Керенскій, насколько я знаю, не виноватъ, но я о томъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Другой примѣръ неосновательности — видимое отношеніе Керенскаго къ чинамъ судебнаго вѣдомства in corpore. И здѣсь я, во имя справедливости, долженъ отмѣтить, что не считались съ судейской средой многіе министры при царѣ, начиная съ Манасеина * и кончая Щегловитовымъ **; но такіе министры ставили себя (насколько чистосердечно, это другой вопросъ) въ положеніе принципіально враждебное основамъ, выраженнымъ въ судебныхъ уставахъ. А Керенскій исповѣдывалъ эти основы и свою рѣчь при открытіи комиссіи, которая должна была возстановить уставы въ ихъ первоначальной чистотѣ, произнесъ съ такою искренностью, что присутствовавшіе при этомъ судебные дѣятели были тронуты и отъ души простили новому министру нѣсколько грубыхъ промаховъ, допущенныхъ имъ въ рѣчи и свидѣтельствовавшихъ о маломъ его знакомствѣ съ дѣломъ суда. Если же духъ уставовъ 20 ноября 1864 г. былъ Керенскому дорогъ, то онъ, будучи послѣдователенъ, не могъ бы относиться къ судебнымъ дѣятелямъ, какъ корпораціи, свысока *** и долженъ былъ бы понять, что министръ юстиціи не начальникъ судей, а только глава прокуратуры ****. Но Керенскій и въ кассаціонныхъ департаментахъ сената и въ московской судебной палатѣ позволилъ себѣ такія рѣчи, въ которыхъ снисходительно одобрилъ гражданскій кассаціонный департаментъ и сурово осудилъ уголовный

---

* Манасеинъ началъ свое восьмилѣтнее управленіе министерствомъ съ ревизіоннаго объѣзда судебныхъ округовъ и велъ себя при ревизіи (напримѣръ, въ смоленскомъ и орловскомъ окружныхъ судахъ) поразительно рѣзко, безъ малѣйшаго уваженія къ судейскому достоинству ревизуемыхъ. Но тогда (въ 1886 г.) живъ былъ еще Катковъ, которому и хотѣлъ угодить новый министръ.

** Презрѣніе Щегловитова къ судебному вѣдомству, слишкомъ живо въ памяти, чтобы о томъ говорить подробно. Отмѣчу здѣсь, что онъ былъ вдохновителемъ облеченія ревизіи гражданскихъ департаментовъ московской палаты (въ 1911 г.) въ оскорбительную и, по моему сужденію, незаконную форму предварительнаго слѣдствія огуломъ надъ всѣми судьями этихъ департаментовъ, среди которыхъ завѣдомо были превосходные дѣятели и среди которыхъ, какъ потомъ оказалось, не было ни одного подлежавшаго преданію уголовному суду.

*** Въ началѣ дѣятельности суда, по уставамъ Императора Александра II, министры юстиціи умѣли подчеркивать особое положеніе судей. Когда графъ Паленъ объѣзжалъ судебные округа, на вокзалахъ и на пристаняхъ его встрѣчали одни старшіе чины прокуратуры совмѣстно съ представителями мѣстной администраціи, а судьи ждали министра въ зданіи суда. Потомъ все это измѣнилось, и, напримѣръ, Н. В. Муравьева, видимо, тѣшило, что всюду, на пути его слѣдованія въ парадныхъ станціонныхъ комнатахъ его встрѣчали выстроенные въ рядъ судьи въ сюртукахъ съ погонами. Керенскій, какъ будетъ изложено далѣе, нашелъ способъ еще чувствительнѣе задѣть судейство, хотя и не вымогалъ торжественныхъ встрѣчъ.

**** Я держусь того мнѣнія, что англичане правы, не имѣя министра юстиціи. Во всякомъ случаѣ, вхожденіе министра юстиціи въ составъ кабинета существенно нарушаетъ независимость суда отъ исполнительной власти. Я рѣшительно отказываюсь понять, какъ могутъ говорить французы о самостоятельности своего суда, когда повышеніе судьи по ступенямъ безконечной у нихъ іерархической лѣстницы зависитъ отъ министра юстиціи, назначаемаго волею перваго министра, котораго, въ свою очередь, назначаетъ президентъ республики, самъ избираемый законодательными палатами; если при такихъ условіяхъ судья не уступаетъ давленію депутата изъ партіи большинства, то судью, по всей справедливости, надлежитъ причислить къ лику народныхъ героевъ. Пусть законъ даже провозглашаетъ, что судьи не подчинены министру юстиціи: сказать мало, надо еще закрѣпить. А то министръ юстиціи и самъ не замѣтитъ, какъ измѣнитъ свое отношеніе къ судьямъ въ прямой ущербъ правосудію. Это, конечно, извиняетъ министровъ, но отнюдь не оправдываетъ ихъ.

кассаціонный департаментъ и московскую судебную палату, то есть именно впалъ въ тонъ вполнѣ начальническій, рѣшительно не отвѣчающій взаимнымъ отношеніямъ судей и министра юстиціи какъ разъ по судебнымъ уставамъ, о которыхъ самъ же говорилъ (и, повторяю, совершенно искренно) столько хорошихъ словъ. Я предвижу, что тѣ изъ моихъ читателей, кто потрудится прочесть эти строки, а не пропуститъ ихъ, спѣша далѣе, мысленно упрекнутъ здѣсь меня (позвольте уже сказать по-просту) въ отрыжкѣ корпоративной обидой. Даже юристы и тѣ, пожалуй, поставятъ вопросъ: а что дѣлать, если судьи дѣйствительно плохи? Но и я спрошу: всѣ? А если, какъ надобно полагать, не всѣ, то зачѣмъ же шельмовать всѣхъ огуломъ и безъ разбору? И потомъ, если я не начальникъ, а лишь шефъ, то не правильнѣе ли не принимать тонъ оцѣнки свысока, а по товарищески побесѣдовать съ судьями и въ дѣловомъ разговорѣ, съ фактами въ рукахъ, показать всю неправильность и весь вредъ тѣхъ или иныхъ пріемовъ, порою врывавшихся въ отправленіе правосудія? * Правъ ли я или нѣтъ, но безспорно одно: эти похвалы мимоходомъ и окрики впустую, безъ разбора, кто правъ, а кто виноватъ, въ родѣ старыхъ школьныхъ розогъ «въ счетъ будущихъ провинностей», были явно причиною того холоднаго отчужденія, которое стали вскорѣ чувствовать къ новому министру многіе судебные дѣятели, работавшіе безупречно и видѣвшіе въ судействѣ свое призваніе. А вдобавокъ подлили масла въ огонь и неосновательныя назначенія по вѣдомству. Я не ригористъ и не могу ничего возразить ни противъ назначенія судей и прокуроровъ изъ рядовъ адвокатуры **, ни противъ назначенія безъ строгаго соблюденія старшинства ***. Но всему есть мѣра, и никакъ уже нельзя было, за отказомъ болѣе выдающихся, назначать, напримѣръ, прокуроромъ судебной палаты ни адвоката, ровно ничѣмъ не выдававшагося и ознаменовавшаго выступленіе свое на новомъ поприщѣ анекдотическимъ циркуляромъ о революціонныхъ задачахъ прокуратуры, ни такого товарища прокурора окружного суда ****, который точно также ничѣмъ особымъ себя не проявилъ. Чтобы не судить другихъ поименно, ограничусь тѣмъ, что могу сообщить о самомъ себѣ. Февральско-мартовскій переворотъ засталъ въ должности первоприсутствующаго уголовнаго кассаціоннаго департамента одного изъ старыхъ служебныхъ дѣятелей, сенатора В. А. Желиховскаго, о которомъ я мелькомъ уже упомянулъ. Ни мой отецъ, ни я не раздѣляли многихъ взглядовъ этого человѣка и, главное, его неспокойнаго, раз-

* Я уже не говорю о томъ, что и для несомнѣннаго, доподлиннаго начальника лучше было бы поступить такъ, — это вопросъ особый, сюда не относящійся.

** Назначенія изъ рядовъ адвокатуры на должности свыше членовъ окружныхъ судовъ противорѣчили судебнымъ уставамъ, но, я полагаю, лишь буквѣ ихъ (и притомъ едва ли не самому неудачному отдѣлу учрежденія судебныхъ установленій), а не духу.

*** Старшинство и очередь выдерживать сколько-нибудь строго было бы, при всѣхъ обстоятельствахъ, незачѣмъ, а нерѣдко и прямо вредно. Послѣ И. Г. Щегловитова замѣнившій его на должности министра юстиціи А. А. Хвостовъ особенно чувствовалъ невозможность соблюдать создавшееся при его предшественникѣ старшинство. Кромѣ того, судебные обычаи уже освятили извѣстные скачки по службѣ: такъ, напримѣръ, можно было изъ товарищей прокурора окружного суда прямо попасть въ товарищи прокурора судебной палаты, изъ члена суда — въ члены палаты, изъ товарища предсѣдателя суда — въ товарищи оберъ-прокурора сената.

**** Для лицъ, чуждыхъ судебному вѣдомству, поясняю, что товарищъ прокурора суда является самою низшею степенью іерархической прокурорской лѣстницы, а прокуроръ палаты есть глава всей прокуратуры цѣлаго судебнаго округа. Подобнаго рода назначенія могутъ быть сопоставлены, proportion gardée, съ назначеніемъ прапорщика на постъ главнокомандующаго: это, даже и во время революціи, возможно лишь при условіи, что повышаемый — въ своемъ родѣ геній.

драженно-желчнаго подхода къ нѣкоторымъ вопросамъ *. И тѣмъ не менѣе у меня отсутствуютъ данныя, чтобы не только утверждать, но даже допустить какое либо съ его стороны угодничество власть имущимъ: просто былъ искренно правый, что для старика, пожалуй, не является исключеніемъ, а особенно въ средѣ крупной бюрократіи. Какъ бы то ни было, ему было предложено подать въ отставку, и онъ, къ удивленію моему **, согласился. Но еще больше было мое удивленіе, когда А. А. Демьяновъ, новый директоръ второго департамента министерства, предложилъ мнѣ отъ имени Керенскаго занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. Я и тутъ не хочу скрывать своей слабости: неожиданное это предложеніе не только удивило меня, но и польстило мнѣ. Удивленіе, однако, было больше. Я напомнилъ Демьянову, съ которымъ знакомъ былъ и раньше ***, что мое сенаторское старшинство правильнѣе всего исчислять недѣлями, и потому посовѣтовалъ предпочесть кого-нибудь постарше. На это А. А. Демьяновъ отвѣтилъ мнѣ, что для министра непріемлема кандидатура ни одного изъ сенаторовъ уголовнаго департамента, и, если я откажусь, то назначенъ будетъ первоприсутствующимъ одинъ изъ сенаторовъ новой формаціи, то есть человѣкъ, еще моложе меня по должности и уже совершенно сенату чуждый. Даже впослѣдствіи, когда выяснилось, что членъ государственнаго совѣта, почетный академикъ и сенаторъ А. Ѳ. Кони готовъ занять постъ первоприсутствующаго въ уголовномъ департаментѣ, Демьяновъ, какъ это ни маловѣроятно, утверждалъ, что министръ предпочитаетъ меня, и я вынужденъ былъ заявить, что я не могу быть соперникомъ Кони и считаю себя въ правѣ занять предложенное мѣсто лишь за отпаденіемъ всѣхъ возможныхъ кандидатуръ, вплоть до новыхъ сенаторовъ, которыхъ старики **** встрѣтятъ, конечно, еще непріязненнѣе. Большой удачей для сената было, что Кони захотѣлъ стать первоприсутствующимъ, а иначе Керенскій едва ли бы утрудилъ себя прiисканіемъ другого лица, чья кандидатура была бы для сенаторовъ сноснѣе, чѣмъ моя, или, напримѣръ, О. О. Грузенберга.

---

* В. А. Желиховскій не могъ спокойно говорить о присяжныхъ засѣдателяхъ. Степень его раздраженія наглядно доказывается тѣмъ, что, подписывая въ 1899 г. выработанный комиссіею по пересмотру судебныхъ уставовъ новый проектъ устава уголовнаго судопроизводства, онъ въ скобкахъ прибавилъ: «при мнѣніи о необходимости упразднить судъ присяжныхъ» (не ручаюсь, конечно, за точность оставшейся въ моей памяти редакціи).

** Положеніе первоприсутствующаго сената значительно разнится отъ положенія старшаго предсѣдателя судебной палаты: за первоприсутствующимъ не стоитъ цѣлой арміи судебныхъ чиновъ округа съ ихъ мечтами (вполнѣ естественными, а порою и основательными) о дальнѣйшемъ движеніи. Поэтому первоприсутствующій со спокойною совѣстью можетъ не уважить требованіе министра о выходѣ въ отставку, никого тѣмъ не обездоливая, и я невольно удивлялся, не угадывая, что именно побудило В. А. Желиховскаго согласиться на подачу прошенія.

*** Знакомство наше было не очень короткое: одно время мы нерѣдко встрѣчались у покойнаго товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Н. Г. Мотовилова. Демьяновъ представлялся мнѣ добрымъ и мягкимъ, совсѣмъ хорошей души человѣкомъ, но пассивнымъ. О партійной его принадлежности къ соціалистамъ-революціонерамъ я ранѣе не зналъ. Въ качествѣ директора департамента, онъ оказался рѣшительно не умѣющимъ работать быстро и много: amicus Plato, sed magis amica veritas.

**** Не хочу, чтобы читатели считали меня молодящимся. Старикъ и я, но все познается по сравненію: мой отецъ сталъ сенаторомъ 54 лѣтъ отъ роду, а сенаторъ В. А. Цеэ (бывшій въ званіи сенатора, кажется, съ 1861 или 1862 года) совершенно серьезно называлъ его, въ разговорѣ со мною, «молодымъ человѣкомъ». Я и боялся превратиться въ «молодого человѣка» на должности первоприсутствующаго.

Все это, а равно смѣщеніе высшихъ чиновъ министерства безъ предварительныхъ объясненій, такъ что смѣщенный узнавалъ о своемъ увольненіи отъ замѣстителя, явившагося къ нему въ служебный кабинетъ, я и называю неосновательною поспѣшностью Керенскаго, который не могъ же не понимать, что, не вырывши себѣ новаго колодца, нельзя плевать въ тотъ старый, откуда еще продолжаешь пить: вѣдь не только младшимъ нуженъ старшій, но и старшему нужны младшіе и отношеніе ихъ къ нему далеко не безразлично для него же самого, если онъ дорожитъ успѣхомъ работы.

Техническіе промахи Керенскаго были замѣтны невооруженному глазу. Основательныхъ свѣдѣній ни по матеріальному праву, ни по процессу онъ не имѣлъ и впадалъ въ чувствительныя ошибки; не зналъ и пріемовъ работы, которые помогаютъ при наименьшей затратѣ силъ достигать наибольшей ея производительности.

Вотъ нѣсколько этому примѣровъ.

Едва онъ вступилъ въ должность министра юстиціи, какъ издалъ собственной властью законъ, по которому мировые судьи должны были впредь засѣдать втроемъ: къ каждому судьѣ придавалось по рабочему и по солдату. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ законъ въ его существѣ, хотя и теперь я думаю, что онъ былъ со всѣхъ сторонъ нелѣпъ и ничѣмъ серьезно не оправдывался. Но пусть я ошибаюсь, пусть во мнѣ говоритъ заплѣсневѣвшая рутина, не болѣе того. Допустимъ, что такой законъ былъ и хорошъ и настоятельно необходимъ, но вѣдь несомнѣнно для каждаго юриста, что законы могло лишь издавать временное правительство, а не отдѣльные министры. Издаваемые же отдѣльными министрами законодательные акты, являясь чѣмъ-то въ родѣ «филькиной грамоты», бросаютъ на добросовѣстнаго составителя тѣнь, заставляя сомнѣваться въ достоинствѣ его юридическихъ познаній или юридическаго мышленія. Равнымъ образомъ, не задавался Керенскій и правовымъ осмысливаніемъ тѣхъ арестовъ, о которыхъ было сказано нѣсколько выше. Какъ то пришло ему въ голову перечислить своихъ арестантовъ за нашею комиссіею, и Н. К. Муравьевъ, повидимому, готовъ былъ пойти этому навстрѣчу. Я возбудилъ вопросъ, на основаніи чего слѣдственная комиссія, или, говоря иначе, коллективный судебный слѣдователь можетъ числить за собою арестантовъ, которые не привлечены и не допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ. Что послѣ того передавалъ Муравьевъ Керенскому, я не знаю, но вскорѣ Керенскій, въ разговорѣ со мною, бросилъ замѣчаніе, что я предпочелъ отвѣтственность за содержаніе арестантовъ переложить на него. Удивившись такой неожиданной точкѣ зрѣнія, я поправилъ допущенную имъ фактическую ошибку и отвѣтилъ, что я только не видѣлъ достаточныхъ данныхъ перелагать на комиссію отвѣтственность, естественно лежащую на томъ, кто арестовалъ. Не помню теперь, въ какихъ словахъ, но, воспользовавшись случаемъ, я тогда же высказалъ свое недоумѣніе, какъ министръ юстиціи можетъ держать людей подъ стражею безъ формальнаго основанія. И на это получилъ отвѣтъ, который и сдѣлалъ для меня памятнымъ весь разговоръ:

— Да, я держу ихъ подъ стражею не какъ министръ юстиціи, а на правахъ Марата.

Вспоминаются мнѣ сейчасъ и еще два разговора съ Керенскимъ. Однажды, онъ спросилъ меня, какъ была поставлена провокація въ охранныхъ отдѣленіяхъ.

— Откуда же я могу это знать?

— Да вы были прокуроромъ палаты.

Я вынужденъ былъ объяснить министру юстиціи, что дознанія въ порядкѣ охраны производились безъ какого либо участія прокурорскаго надзора*, и мы о наличности провокаціи могли судить лишь, такъ сказать, «по косвеннымъ уликамъ» и, во всякомъ случаѣ, о ея организаціи свѣдѣній никакихъ не имѣли: передъ лицомъ судебнаго вѣдомства жандармы предпочитали закулисныя свои дѣйствія тщательно зашифровывать.

Приступая къ воспроизведенію другого разговора, я уже перехожу изъ области юридической неосвѣдомленности Керенскаго въ область отсутствія у него техническихъ навыковъ.

Какъ то разъ Керенскій вызвонилъ меня къ себѣ по телефону около 8 часовъ утра. Когда я пришелъ, онъ изъ большой конторки, стоявшей у него въ кабинетѣ, досталъ порядочное количество разныхъ бумагъ не первой уже свѣжести. Бумаги эти относились такъ или иначе къ верховной слѣдственной комиссіи. Передавая ихъ мнѣ, министръ заговорилъ со мной о работѣ комиссіи; о чемъ, именно, теперь не помню; только характеръ разговора былъ таковъ, что я замѣтилъ:

— Но я не предсѣдатель комиссіи.

Смыслъ моего замѣчанія былъ бы сразу понятенъ каждому технику: положеніе товарища предсѣдателя, даже дружно работающаго съ предсѣдателемъ (чего нельзя было бы сказать про меня и Н. К. Муравьева), становится, говоря откровенно, неловкимъ, когда предсѣдатель поставляется министромъ о чемъ либо въ извѣстность черезъ товарища предсѣдателя, а не непосредственно. Но Керенскій возразилъ мнѣ:

— Это все равно. Въ моихъ глазахъ предсѣдатель — вы.

Незнаніе техники губило Керенскаго на каждомъ шагу. Вступивъ въ должность, онъ задался мыслью предоставить младшимъ право избирать себѣ старшаго. Такъ настроенный министръ юстиціи, изъ технически освѣдомленныхъ людей, естественно далъ бы это право только судьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, надлежащая постановка взаимныхъ отношеній между судебными коллегіями и центральнымъ управленіемъ министерства юстиціи требуетъ, чтобы предсѣдатели судебныхъ мѣстъ были не послами министра въ судъ или палату, а, напротивъ, послами отъ суда или отъ палаты къ министру. Если же, по обстоятельствамъ революціоннаго времени, Керенскій считалъ себя вынужденнымъ замѣстить должности старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ по своему выбору, то, во всякомъ случаѣ, должности предсѣдателей (если не всѣхъ, такъ многихъ) окружныхъ судовъ, а особенно должности предсѣдателей департаментовъ палатъ и товарищей предсѣдателей судовъ свободно могли бы замѣщаться согласно выбору сочленовъ: избрать перваго между равными проще всего этимъ

* Точно такое же незнаніе, впрочемъ, обнаружилъ еще одинъ адвокатъ по политическимъ дѣламъ, сдѣланный при Временномъ правительствѣ сенаторомъ, Н. Д. Соколовъ, котораго считаютъ авторомъ знаменитаго приказа №1. Онъ явился ко мнѣ, какъ къ прокурору палаты, съ жалобою на неосновательное содержаніе кого-то подъ стражею по жандармскому дознанію. Я, предполагая, конечно, что рѣчь идетъ о формальномъ дознаніи, снесся по телефону съ товарищемъ прокурора палаты, завѣдывавшимъ «политикою». Оказалось, что такого формальнаго дознанія нѣтъ. Тогда Н. Д. Соколовъ пояснилъ, что онъ говорилъ о дознаніи въ порядкѣ охраны. Я возразилъ, что въ такомъ случаѣ прокуратура не имѣетъ къ дѣлу никакого касательства. Онъ былъ очень озадаченъ и полувопросительно сказалъ: «Ахъ, да. Военное положеніе?» Удивленіе его еще увеличилось, когда я отвѣтилъ, что и безъ военнаго положенія прокуроръ не касается дознаній въ порядкѣ охраны.

равнымъ. Но Керенскій захватилъ своею мѣрою и судей, и прокуроровъ, и чиновъ министерства. Вышло такъ, что и будущіе подчиненные получили право выбирать себѣ начальника, что, по моему, должно каждому технически грамотному человѣку казаться нелѣпымъ и явно вреднымъ для интересовъ службы *. Керенскій и самъ скоро понялъ неудобство такихъ выборовъ, но, видимо, съ точки зрѣнія ущербленія своей власти, онъ и не подумалъ выдѣлить судей въ особую группу, а лишилъ всѣхъ безразлично только что имъ же самимъ дарованнаго права, причемъ дѣло не обошлось, разумѣется, безъ треній **.

Но вотъ и еще примѣръ, но къ нему разрѣшите подойти издалека. Керенскій работалъ много и съ увлеченіемъ. Я неоднократно бывалъ у него по утрамъ, около 8 часовъ, и всегда находилъ его за работой. Какъ то разъ, будучи вызванъ имъ, я не могъ попасть къ нему въ зданіе министерства, несмотря на всѣ усилія. Было это 23 марта, въ день торжественныхъ похоронъ на Марсовомъ полѣ, лицъ, «павшихъ за революцію» ***, а мнѣ путь лежалъ именно черезъ Марсово поле. Меня уже не хотѣли пустить на Троицкій мостъ; но нравы не мѣняются по мановенію руки, и я прибѣгъ къ старой уловкѣ. Сказавъ, что я вызванъ къ министру юстиціи по спѣшному дѣлу, я спросилъ у офицера его фамилію, «чтобы сообщить министру, кѣмъ я былъ задержанъ». Тогда офицеръ предпочелъ пропустить меня по мосту; затѣмъ мнѣ пришлось свернуть на Милліонную, выждать перерыва тянувшейся тамъ процессіи, стремительно перебѣжать на другую сторону улицы, пройти Аптекарскимъ переулкомъ, Екатерининскимъ каналомъ и Михайловской улицей на Невскій. Далѣе Садовой я не продвинулся по Невскому: путь мнѣ преградила безконечная вереница людей съ красными знаменами и, время

* Когда судьи выбираютъ предсѣдателя, имъ прямой расчетъ выбрать наиболѣе работоспособнаго и распорядительнаго человѣка: засѣданія подъ его руководствомъ будутъ идти отчетливѣе и глаже, а канцелярія разомъ подтянется. Но, выбирая себѣ начальника, подчиненные, кромѣ исключительныхъ случаевъ, естественно предпочтутъ избрать человѣка помягче, поснисходительнѣе и полѣнивѣе.

** Керенскій, насколько я знаю, прежде всего понялъ, что онъ самъ себя обязалъ работать по должности министра съ тѣми, кого не онъ избралъ, а навязали ему младшіе чины министерства. Затѣмъ его задѣло, что петроградскій окружной судъ — предсѣдателя, а петроградская прокуратура — прокурора суда выбрала изъ своей среды, а не изъ «общественныхъ дѣятелей». Подчиняясь первымъ избраніямъ съ явною неохотою, онъ сталъ настаивать на своемъ правѣ назначенія (по закону, безспорномъ); такъ же поступили и его преемники, но это не всегда удавалось; я помню, что юрисконсультская часть министерства юстиціи, когда освободилось мѣсто старшаго юрисконсульта, захотѣла непремѣнно воспользоваться даннымъ ей правомъ. Былъ ли тогда А. С. Зарудный уже министромъ, не могу навѣрное сказать: онъ и какъ товарищъ министра имѣлъ къ юрисконсультской части непосредственное отношеніе по службѣ; во всякомъ случаѣ, онъ непремѣнно хотѣлъ назначить старшимъ юрисконсультомъ одного изъ начальниковъ отдѣленій, А. В. Оссовскаго, но тотъ заявилъ, что не считаетъ себя вправѣ занять эту должность помимо выборовъ. Пришлось допустить выборы, на которыхъ и былъ выбранъ Оссовскій (безъ давленія свыше, по случайному совпаденію оцѣнокъ сослуживцевъ и начальства).

*** По этому поводу разскажу здѣсь, кстати, ничтожный случай, смахивающій на анекдотъ, но достовѣрный и не лишенный характерности. У доктора И. И. Манухина, о которомъ я уже упоминалъ, была служанка, по имени Наташа, молодая дѣвушка, хорошо грамотная и считавшая себя соціалисткою. Такъ вотъ, эта Наташа не могла скрыть 23 марта своего волненія отъ хозяевъ и, на ихъ вопросы, подѣлилась съ ними такимъ сомнѣніемъ: Пусть тамъ «всѣ эти городовые», которые стрѣляли при переворотѣ въ народъ, очень виноваты; но вѣдь они за то и убиты; а зачѣмъ же такое надъ ихъ прахомъ надругательство? — Какъ надругательство? — Да какъ же: вѣдь ихъ зарываютъ безъ отпѣванія въ неосвященную землю.

Я смѣю думать, что въ низахъ лѣваго лагеря не одна Наташа такъ неожиданно восприняла первыя «гражданскія» похороны героевъ революціи.

отъ времени, съ красными гробами. Потерявъ надежду достоять до конца и чувствуя, что Керенскій давно уже меня ждетъ, я зашелъ въ ближайшую аптеку, соединился съ нимъ по телефону и спросилъ его, когда будетъ ему удобнѣе принять меня: въ тотъ же день вечеромъ или на слѣдующій утромъ; онъ выбралъ второе. Прочитавъ 24-го въ утреннихъ газетахъ фамилію нѣкоторыхъ министровъ въ числѣ участниковъ торжества, я не удержался и началъ дѣловой съ Керенскимъ разговоръ недѣловымъ вопросомъ, почему онъ не былъ на Марсовомъ полѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ энергичный, искренній и очень мнѣ понравившійся:

— Теперь работать надо, а не въ игрушки играть.

Но, работая, что называется, во всю, Керенскій по недостатку технической выучки, разбрасывался, хватался за многое разомъ и не умѣлъ отгораживаться отъ мелочей. Примѣровъ тому есть достаточно, даже, пожалуй, слишкомъ, но я обѣщалъ ограничиться однимъ. Нѣсколько разъ, принимая меня въ девятомъ часу утра, Керенскій съ несомнѣнною гордостью говорилъ мнѣ, что онъ наканунѣ сидѣлъ въ засѣданіи временнаго правительства до позднихъ пѣтуховъ: до 3, 4, 5 часовъ. И настолько онъ былъ удовлетворенъ такимъ самопожертвованіемъ, что до его душевнаго слуха (я видѣлъ это ясно) не доходили мои сужденія и невозможности такой линіи поведенія изо дня въ день; чрезмѣрная работа становится въ концѣ концовъ мало производительною, но этотъ Erfahrungssatz чужимъ опытомъ не пріобрѣтешь.

Остается еще сказать о томъ, какъ переоцѣнивалъ Керенскій силу слова. Это его свойство выяснилось, главнымъ образомъ, уже за стѣнами судебнаго вѣдомства, когда онъ превратился въ всероссійскаго гастролера по уговариванію. Есть три рода краснорѣчія: дѣйствующее на умъ, на чувство и на нервы. Краснорѣчіе Керенскаго, какъ и его политическаго и профессіональнаго противника, товарища оберъ-прокурора сената О. Ю. Виппера, принадлежало, на мой взглядъ, преимущественно къ третьему роду; сами нервные, почти истеричные, оба жили подъемомъ нервовъ, и рѣчи ихъ были очень нервныя, иногда съ провалами, а иногда и съ высокими взлетами, сильно бьющія по нервамъ слушателей. Такое краснорѣчіе, пожалуй, самое заразительное, но мнѣ давно уже думается, что дѣятели слова (проповѣдники, политики, профессора, адвокаты, писатели) преувеличиваютъ властность своего орудія: людей почти невозможно переубѣдить, ихъ можно только, я бы сказалъ, доубѣдить, то есть помочь имъ окончательно рѣшиться на такой шагъ, на который они и сами, сознательно или безсознательно, почти готовы были рѣшиться; наиболѣе убѣдительное слово — тотъ же кислородъ: тлѣющую искру заставитъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ, но самъ ничего не зажжетъ. Поэтому-то Керенскому и не удалось убѣдить солдатъ умирать за родину, когда они всею душою тянулись уже къ тому, какъ бы пожить для себя, хотя бы и вовсе безъ родины. Въ качествѣ министра юстиціи Керенскій, надѣясь на убѣждаемость людскую или, вѣрнѣе, на убѣдительность своихъ рѣчей, допустилъ важный промахъ въ отношеніи большевицкой пропаганды, начавшейся еще до пріѣзда Ленина и Троцкаго и выразившейся ярко, напримѣръ, въ статьяхъ Стеклова, печатавшихся подъ вывѣскою совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ: Керенскому болѣе искренно, чѣмъ гоголевскому Плюшкину, казалось, что «противъ душеспасительнаго слова не устоишь», а что изъ этого вышло, всѣмъ теперь вѣдомо*.

* Керенскій, насколько я тогда могъ видѣть, не увлекался дѣятельностью совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и сознавалъ опасность слѣва. Лучшимъ тому дока-

Я все высказалъ о Керенскомъ, что лежало у меня въ памяти и на душѣ. Многіе могутъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе, что я «началъ за здравіе, а свелъ за упокой». Право, это не такъ. Керенскій, смѣю думать, не годился въ государственные люди, какъ не годится большинство изъ насъ; но судить себя трудно, да онъ и не самъ выдвигалъ свои кандидатуры на всѣ тѣ разнообразные посты, которые занималъ въ короткій промежутокъ между самодержавіемъ и комиссародержавіемъ: его выбросила вверхъ революціонная волна, она же его и потопила. Правда, принять мѣсто военнаго министра, а тѣмъ болѣе верховнаго главнокомандующаго, будучи со всѣхъ сторонъ штатскимъ, едва ли возможно безъ большой смѣлости, но нельзя забывать, что сначала Керенскій взялъ только портфель министра юстиціи, на который, казалось бы, имѣлъ, какъ адвокатъ, формальное право. Я увѣренъ, что въ мартѣ онъ ни за что не согласился бы замѣнить Гучкова. Но всеобщее поклоненіе, о чемъ я уже упоминалъ, дѣлало его на моихъ глазахъ все самоувѣреннѣе; онъ не видѣлъ спокойной и вдумчивой критики своихъ дѣйствій почти ни откуда, а угодливости, и корыстной, и безкорыстной, даже положительно влюбленной, было хоть отбавляй; его «филькина грамота» о засѣдателяхъ при мировыхъ судьяхъ и та была принята къ исполненію, какъ настоящій законъ, безъ попытки противодѣйствія. Сперва другіе въ немъ увидѣли спасителя Россіи, а потомъ и онъ увѣрился въ этомъ. Пусть за то въ него бросятъ камень тѣ, кто можетъ поручиться, что у нихъ голова въ его положеніи не закружилась бы. Я на такой поступокъ не рѣшусь.

Но я и не замѣтилъ, какъ вышелъ за границы настоящей главы. Впрочемъ, содержаніе ея мною почти исчерпано.

Преемниками Керенскаго по должности министра юстиціи были послѣдовательно П. Н. Переверзевъ, А. С. Зарудный и П. Н. Малянтовичъ, все — адвокаты, первые двое петроградскіе, а третій — московскій.

П. Н. Переверзевъ, до моего выѣзда изъ Петрограда, былъ министромъ не больше мѣсяца. Передъ революціею онъ долгое время стоялъ во главѣ санитарнаго отряда петроградской адвокатуры на сѣверномъ, кажется, фронтѣ и пріобрѣлъ славу искуснаго администратора. Керенскій, сейчасъ же послѣ переворота, назначилъ его прокуроромъ петроградской судебной палаты. Тогда я и познакомился съ нимъ впервые. Средняго возраста и средняго роста, крѣпкаго сложенія, спокойно-уравновѣшенный, скупой на слова, съ неизмѣнною трубкою-носогрѣйкою, онъ производилъ впечатлѣніе надежнаго человѣка. Подчиненные по прокурорскому надзору относились къ нему, въ общемъ, съ симпатіей. Будучи прокуроромъ палаты, онъ выказалъ незаурядную смѣлость и большое присутствіе духа въ Кронштадтѣ, когда большевицки настроенные матросы хотѣли расправиться съ членами комиссіи по разбору мѣстныхъ арестантовъ; онъ входилъ въ составъ этой комиссіи, и ему были обязаны члены ея своимъ спасеніемъ: онъ рѣшительно выступилъ впередъ и умѣлъ успокоить злобствующихъ; правда, только на время, но вполнѣ достаточное для того, чтобы комиссія успѣла выѣхать изъ Кронштадта. Ставъ, однако, министромъ, онъ не обнаружилъ, къ моему

зательствомъ служатъ его смѣлыя слова о «взбунтовавшихся рабахъ», сказанныя въ глаза этимъ рабамъ. Но, къ сожалѣнію, все и оканчивалось у Керенскаго только словами. Его обвиняютъ въ томъ, что нашелъ же онъ необходимую энергію для борьбы съ Корниловымъ, то есть направо. Я, напротивъ, думаю, что побѣда его надъ корниловскимъ движеніемъ объяснялась исключительно случайностью, тѣмъ, что Корниловъ не былъ въ душѣ мятежникомъ, не умѣлъ организовать заговоръ и самъ не проявилъ должной энергіи, или тѣмъ, что войска не въ надлежащей мѣрѣ поддержали Корнилова. Отъ натиска и справа врядъ ли бы сумѣлъ оборониться чистый «словесникъ» Керенскій.

удивленію, ни настойчивости, ни послѣдовательности: его, какъ и Керенскаго, какъ и все временное правительство, какъ, можетъ быть, и большинство членовъ исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ депутатовъ, несло, куда хотѣло, крайнее лѣвое теченіе, становившееся сильнѣе и сильнѣе, но пока оставшееся попрежнему подводнымъ, хотя кое-гдѣ уже и поднимавшееся на поверхность. Я не могъ понять, какъ министръ юстиціи, лично пережившій кронштадтскій ужасъ большевицкаго паводка, ничего не предпринималъ ни противъ дачи Дурново, ни противъ дворца Кшесинской, гдѣ грозно трещалъ ледъ, предвѣщая уже не паводокъ, а весеннее половодье большевицкой стихіи. Въ знаменьяхъ не было недостатка: рабочіе откуда то получали оружіе, начались выступленія народныхъ низовъ безъ вѣдома и согласія, повидимому, даже совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, знамена съ надписями: «долой десять министровъ-капиталистовъ», «отъ Циммервальда къ третьему интернаціоналу» тащили мальчишки и бабы, явно не знавшіе, кто у насъ министры и что за штука такая Циммервальдъ, и, слѣдовательно, кѣмъ-то оплачиваемые за трудъ манифестаціи. У каждаго изъ насъ, жившихъ тогда въ Петроградѣ, накоплялись мелкій фактъ за мелкимъ фактомъ, показательныя наблюденія, какъ на подборъ, все одного порядка: ѣдешь въ трамваѣ и слышишь то разсужденія рабочаго объ уравнительной платѣ всѣмъ, кто бы что ни дѣлалъ и какъ бы ни дѣлалъ, то грубые отзывы нижнихъ чиновъ объ офицерскомъ составѣ, намѣренно высказываемые въ присутствіи молчащихъ офицеровъ, то рѣшительное мнѣніе курносаго солдата, что для него и сдача Москвы нѣмцамъ безразлична: «ну-к' что-жъ? мы — пензенскіе». Идешь по Марсову полю и слышишь, какъ матросъ, «собравъ вокругъ себя родъ вѣча», доказываетъ, что намъ не нужны Дарданеллы: «у насъ и своей земли довольно», а на замѣчаніе ваше, что Дарданеллы — проливъ и тамъ только вода, побѣдоносно восклицаетъ: «ну, вотъ, и земли даже нѣтъ, такъ на кой они намъ шутъ дались». Переходишь Невскій, пользуясь небольшимъ разстояніемъ между двумя колоннами растянувшейся демонстраціи, а тебя гонятъ назадъ, и злой женскій голосъ, дополняя злобу нѣсколькихъ паръ глазъ, визжитъ: «нѣтъ, ты теперь, буржуй проклятый, постой передъ нами». Мнѣ, конечно, неизвѣстно, что именно мѣшало Переверзеву дѣйствовать, нерѣшительность ли или невозможность проявить свою рѣшительность чѣмъ либо во внѣ. Но не умѣю отдѣлаться отъ мысли, что, и при очевидной слабости правительства, рѣшительность того или иного члена его всегда въ чемъ нибудь должна сказаться, а къ тому же у меня есть два примѣра несомнѣнной, по моему, пассивности П. Н. Переверзева въ качествѣ министра. Первый случай таковъ. Зашелъ онъ какъ то въ верховную слѣдственную комиссію и выслушалъ докладъ Н. К. Муравьева о нашей работѣ. Работа эта была весьма плачевна, въ чемъ убѣдятся и читатели, когда ознакомятся со слѣдующей главой. Муравьевъ говорилъ скачками, и его «защитительная рѣчь» представлялась мнѣ явно неубѣдительною. Да и то сказать: ex nihilo nihil fit. Я смотрѣлъ на умно глядѣвшіе глаза министра и предвкушалъ кислыя слова, вполнѣ нами заслуженныя. И что же вышло? Переверзевъ, попыхивая носогрѣйкою, заявилъ, что считаетъ теперь всѣ нареканія на безплодность работы комиссіи неосновательными. Я такъ и не понимаю, чѣмъ онъ удовлетворился. Тѣмъ, что мы были заняты работою по горло? Но развѣ кто выигралъ отъ нашей переобремененности? Одобрить крыловскую мартышку съ чурбаномъ не значитъ ли мириться со всѣмъ*. Другой примѣръ — лишь

* Позвольте привести здѣсь, кстати, параллель. Уже въ декабрѣ 1917 года, при большевикахъ, я пытался получить хоть часть денегъ съ текущаго моего счета въ госу-

варіація на ту же тему. Есть у меня двоюродный братъ *; революція застигла его на должности прокурора провинціальнаго окружного суда. Прежде онъ былъ подъ подозрѣніемъ въ лѣвизнѣ, какъ братъ «политическаго преступника» (оправданнаго, впрочемъ, военнымъ судомъ). А теперь его обвинили въ потачкѣ союзу русскаго народа. Обвиненіе провѣрять не стали, а двоюродный братъ изъ прокуроровъ былъ смѣщенъ въ члены окружного суда, къ тому же еще гродненскаго, то-есть давно эвакуированнаго и прозябавшаго гдѣ-то въ бѣженскомъ состояніи. Меня ни самъ наказанный, ни его отецъ ни о чемъ не просили, но я обратился къ министру Переверзеву съ подробнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ все, что зналъ о братѣ и его дѣлѣ. Переверзевъ, при первой же встрѣчѣ со мною, сказалъ, что раздѣляетъ мою точку зрѣнія и признаетъ справедливымъ исправить допущенную ошибку. Говорилъ онъ, я не сомнѣваюсь, искренно: зачѣмъ бы и было ему притворяться? А брата и большевицкій переворотъ засталъ все тѣмъ же членомъ гродненскаго окружного суда.

Съ А. С. Заруднымъ я когда то былъ на «ты». Безкорыстнѣйшій идеалистъ, добрый и отзывчивый человѣкъ, хорошій, но нѣсколько медлительный работникъ, онъ обладалъ головою, способною вскипать не хуже самовара. Увлекаясь, онъ искренно ставилъ русскую прокуратуру, вообще, и петербургскую, въ частности, значительно выше, чѣмъ требовала строгая справедливость. Дороги наши разошлись: онъ ушелъ въ центральное управленіе министерства юстиціи, а я въ провинцію. Когда, четыре года спустя, я вернулся въ Петербургъ членомъ судебной палаты, онъ былъ уже присяжнымъ повѣреннымъ и успѣлъ, съ неменьшею искренностью и съ неменьшимъ увлеченіемъ, покатившись по лѣвому склону нашей общественности, измѣнить свое мнѣніе о русскомъ судѣ и русской прокуратурѣ, цѣня ихъ гораздо ниже дѣйствительной стоимости. Онъ принялъ участіе въ движеніи 1905 года и вмѣстѣ съ другими адвокатами пытался, не то въ октябрѣ, не то въ ноябрѣ, «снимать судей», требуя отъ нихъ политической забастовки. За это въ слѣдующемъ году онъ былъ присужденъ къ кратковременному лишенію свободы и отсидѣлъ наказаніе въ «Крестахъ». Судьбѣ угодно было, чтобы приговоръ о немъ состоялся подъ предсѣдательствомъ моего зятя. Послѣ этого онъ пересталъ меня узнавать; я говорю не про мгновенныя встрѣчи: мы какъ-то сидѣли бокъ о бокъ въ партерѣ Михайловскаго театра, рядомъ стояли на похоронахъ сенатора М. И. Спирова, но онъ упорно избѣгалъ моихъ глазъ. Вновь пришлось намъ заговорить только тогда, когда онъ сталъ товарищемъ министра юстиціи при Керенскомъ. Мы говорили уже на «вы», но скорѣе дружески. Съ Керенскимъ его связывала, видимо, большая пріязнь, изъ за которой онъ и принялъ должность товарища министра. Но должностью этой онъ тяготился

дарственномъ банкѣ. Стоялъ огромный хвостъ къ директору, дававшему разрѣшеніе стать въ хвостъ къ расходной кассѣ. Мы томились свыше трехъ часовъ, очередь подвигалась медленно. Дама, бывшая передо мною, не выдержала и стала осуждать большевицкіе порядки въ банкѣ. Я ее поддержалъ. Тогда товарищъ-сторожъ рѣзко крикнулъ на насъ. Смыслъ его окрика былъ тотъ, что никогда раньше въ банкѣ такъ не работали: директоръ теперь, не покладая рукъ, трудится, изнемогая отъ количества разрѣшеній, которыя приходится выдавать «вотъ такимъ, какъ вы». Въ это время еще не «уходили сивку крутыя горки», а нервы были взвинчены, и я не менѣе рѣзко отвѣтилъ «товарищу», что, по мнѣ, хоть не работай, да насъ не томи, а если «хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ», то благодарить ее не за что. Сторожъ умолкъ и отошелъ. Я видѣлъ, что его мои слова озадачили: онъ почувствовалъ ихъ правду. А я вспомнилъ, какъ весною удостоился одобренія, въ числѣ другихъ членовъ комиссіи, за нашу мартышечью работу отъ человѣка, не сторожу чета.

* Не называю его: онъ остался въ Совдепіи.

и вышелъ въ отставку безъ малѣйшихъ, кажется, столкновеній съ министромъ; не удержало его и предсѣдательствованіе въ комиссіи по пересмотру и очищенію судебныхъ уставовъ, чѣмъ онъ дорожилъ, чтя память своего отца.

Когда я въ августѣ 1917 года возвратился въ Петроградъ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, Зарудный былъ уже министромъ юстиціи. Меня въ первый же день моего пріѣзда поставили въ извѣстность, что онъ незадолго передъ этимъ искалъ меня. На вопросъ мой, зачѣмъ я ему понадобился, мнѣ было сказано, что онъ, повидимому, предполагаетъ назначить меня первоприсутствующимъ соединеннаго присутствія, въ которомъ сосредоточенъ высшій надзоръ за судьями. Я уже говорилъ, какова должна быть постановка такого присутствія, чтобы нельзя было при его посредствѣ наступить на судейскую несмѣняемость, а что нажимать на судей можно и слѣва, не только справа, въ этомъ у меня всякое сомнѣніе исчезло. Предсѣдательствовать въ подобной коллегіи мнѣ очень не улыбалось; затѣмъ, опять поднимался вопросъ о старшинствѣ, который я не могъ рѣшить по совѣсти иначе, какъ не въ свою пользу; наконецъ, уже не Зарудный на меня, а я на него былъ сердитъ и за готовность временно отмѣнить несмѣняемость судей, и за вялость разслѣдованія дѣла о большевицкомъ мятежѣ въ іюлѣ. Я не только не пошелъ къ Зарудному, но и просилъ не говорить ему о моемъ возвращеніи. Не знаю, поэтому ли онъ остановился на другомъ кандидатѣ*, но несомнѣнно, что именно поэтому я такъ и не удостовѣрился собственными глазами, какой былъ видъ у новаго министра, въ то время, когда и его уносило на льдинѣ, сильнымъ теченіемъ, къ морю большевичества.

П. Н. Малянтовича министромъ юстиціи я, кажется, тоже не видѣлъ. Но мы знали другъ друга еще въ московскомъ университетѣ и возобновили знакомство при Керенскомъ въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Какъ адвокатъ, онъ былъ гораздо извѣстнѣе всѣхъ трехъ своихъ предшественниковъ. Поэтому я не разъ слышалъ сожалѣнія, что не онъ первый былъ назначенъ на должность министра юстиціи**. Я этого сожалѣнія не раздѣляю: и потому, что inter arma silent leges, — а Россія тогда уже приступала къ междуусобной схваткѣ, и потому, что Малянтовичъ кланялся въ лѣвый уголъ, видимо, усиленнѣе, чѣмъ его предмѣстники при временномъ правительствѣ, а эти земные поклоны, конечно, не исправляли, но лишь повторяли ошибку большинства министровъ стараго строя, усердствовавшихъ кланяться въ правый уголъ; двери въ государственное будущее, если мои глаза меня не обманывали, были приблизительно посрединѣ.

О раскланиваніи П. Н. Малянтовича съ крайними лѣвыми, я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ и сейчасъ объ этомъ разскажу. Вступивъ въ должность, новый министръ засталъ дѣло о большевицкомъ возстаніи 3—5 іюля въ производствѣ. Правда, Ленина, который изъ Финляндіи уже вернулся въ Петроградъ, власти такъ и не могли разыскать, точно иголку въ стогѣ сѣна; но многіе вожди большевиковъ, безъ которыхъ Ленинъ былъ какъ безъ рукъ, сидѣли подъ стражею, гдѣ имъ и подобало находиться. Малянтовичъ, уступая лѣвому натиску, склонялся къ тому, чтобы ихъ освободить. Съ этой цѣлью онъ созвалъ

---

* Было бы несправедливо не отмѣтить, что Зарудный остановилъ свой выборъ на сенаторѣ Г. С. Маньковскомъ, имѣвшемъ и значительное старшинство, и безупречное имя.

** Отмѣчаю здѣсь, кстати, что Малянтовичъ, послѣдній министръ юстиціи при существованіи суда по уставамъ 20 ноября 1864 года, былъ первымъ изо всѣхъ министровъ, который зналъ гражданское право.

особое совѣщаніе, изъ членовъ котораго въ памяти моей остались трое; ихъ я ставлю очень высоко, но не считаю себя въ правѣ приводить ихъ именъ, такъ какъ всѣ они, повидимому, до сихъ поръ находятся, по выраженію З. Гиппіусъ, «въ пальцахъ сѣрыхъ обезьянъ». Трудно воспроизводить подробности засѣданія, если самъ въ немъ не участвовалъ, а пишешь по памяти съ чужихъ словъ. Однако, я помню, что Малянтовичъ настойчиво проводилъ мысль объ отсутствіи въ дѣйствіяхъ обвиняемыхъ состава преступленія. Онъ даже приводилъ смѣлыя сравненія: большевики такіе же пораженцы, какими были и «мы» въ японскую войну. И затѣмъ поставилъ вопросъ: неужели бы вы тогда и меня привлекли къ суду? Кто-то отвѣтилъ министру, что если онъ допускалъ, исходя изъ пораженческихъ взглядовъ, поступки въ родѣ тѣхъ, которые вмѣняются въ вину большевикамъ, то и его слѣдовало бы тогда судить. Министръ никого не убѣдилъ, восторжествовала временно точка зрѣнія прокуратуры; но явно, что не такіе люди, какъ Малянтовичъ, были въ ту пору зрячими и могли провести русскій государственный корабль благополучно между Сциллою и Харибдою.

Отрывки изъ происходившаго при мнѣ и около меня въ министерствѣ юстиціи, послѣ царя и передъ большевиками, я заключу нѣсколькими замѣчаніями о комиссіи по возстановленію судебныхъ уставовъ. Многоголовыя комиссіи всегда, на русской, по крайней мѣрѣ, почвѣ, малоуспѣшны. А эта была къ тому же переполнена людьми, только въ нее забѣгавшими въ перерывѣ между очередными дѣлами. Такой недостатокъ еще куда бы ни шелъ, если бы задача сводилась къ возстановленію, по возможности, первоначальной редакціи уставовъ 1864 года. Но о реставраціи серьезно говорятъ лишь въ области административно-государственной, потому что тамъ каждый считаетъ себя компетентнымъ; а въ комиссіи мы всѣ, какіе ни есть, все же были болѣе или менѣе юристы, хотя бы только по усыновленію, и потому понимали, что отъ реставраціи пахнетъ мертвымъ, а для воскрешенія нужна живая вода. Не я одинъ высказывалъ тогда мысли, которыя отправлялись отъ такой перифразы извѣстныхъ словъ Іеринга: путемъ судебныхъ уставовъ, но дальше ихъ. А какъ идти дальше, вотъ этого большинство изъ насъ сколько нибудь ясно не представляло и систематически продумать времени не имѣло. Русскій человѣкъ способенъ и верхи схватываетъ живо; такъ и не удивительно, что въ комиссіи, при указанныхъ условіяхъ, началась, по моей терминологіи, «ловля счастливыхъ мыслей», то есть полуимпровизація, а зачастую и вовсе импровизація. Я «забѣгалъ» въ отдѣлы судоустройства и гражданскаго судопроизводства, но зодческой работы тамъ не видѣлъ: шелъ ремесленный, хоть порою и толковый ремонтъ, такой, при которомъ сразу видны новыя заплаты. Для меня безспорно, что, погубивъ нашу комиссію, большевики вреда никому и ничему не причинили.

Временное правительство для дѣла русскаго суда не сумѣло повторить приснопамятную эпоху созданія судебныхъ уставовъ; сыновья и внуки ихъ составителей не въ отцовъ уродились.

2. ВЪ ВЕРХОВНОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ

Приступая къ этой части моихъ воспоминаній, я испытываю затрудненіе особаго рода. Былъ я товарищемъ предсѣдателя верховной слѣдственной комиссіи съ начала марта по вторую половину мая, сидѣлъ въ ней почти безвыходно, и не могу изобразить полной картины всего, что тамъ происходило. Въ томъ нѣтъ

ничего страннаго: большая работа, хотя бы и безплодная, отнимаетъ такъ много времени, что не позволяетъ оглядываться по сторонамъ, да и вообще, чѣмъ ближе къ чему либо подходишь, тѣмъ властнѣе подробности заслоняютъ цѣлое. Но досаднаго въ этомъ для меня не мало, и если бы я былъ увѣренъ, что Богъ дастъ мнѣ еще вѣку, я бы предпочелъ писать о комиссіи по возвращеніи въ Петроградъ, предварительно переговоривъ съ тѣми изъ ея членовъ и слѣдователей, которые вмѣняли себѣ въ обязанность не сходить съ судейской точки зрѣнія. Дѣлать, однако, нечего, — живетъ и такъ. Очень ужъ не хочется мнѣ покончить земное мое существованіе, не давъ возможности всѣмъ, у кого есть охота, услышать отъ меня правдивый разсказъ о томъ, какъ лѣвая Россія возводила въ перлъ созданія всѣ пороки правой.

Съ предсѣдателемъ комиссіи, облеченнымъ правами товарища министра юстиціи, присяжнымъ повѣреннымъ Н. К. Муравьевымъ, я познакомился въ зданіи министерства юстиціи. Онъ уже зналъ, что я предназначенъ Керенскимъ въ товарищи предсѣдателя, и выразилъ одновременно и свое удовольствіе по поводу этого и свое недоумѣніе, какъ я, сенаторъ, согласился идти въ подручные къ нему, адвокату. «Удовольствіе» Муравьева для меня прозвучало сакраментальнымъ заключеніемъ оффиціальныхъ писемъ: «Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и истинной преданности», а его недоумѣніемъ я, признаюсь, былъ озадаченъ. Тогда я еще не подозрѣвалъ, что многіе адвокаты, даже изъ тѣхъ, что всегда высокомѣрно отзывались о сенатѣ, сочтутъ за честь для себя быть сенаторами*; да и послѣ я не замѣчалъ, чтобы Муравьевъ мечталъ о сенаторствѣ: по моимъ наблюденіямъ, его скорѣе манила должность товарища министра. Слѣдовательно, мое предположеніе, что «недоумѣніе» Муравьева есть лишь «парламентское» выраженіе нежеланія имѣть меня своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, нельзя приписать одной только подозрительности. Какъ бы то ни было, это предположеніе у меня сверкнуло въ мозгу, едва я началъ мямлить что то противъ «мѣстничества», и я перебилъ самого себя откровеннымъ заявленіемъ, что въ комиссію не рвусь и охотно уступлю свое мѣсто всякому, кого онъ предпочтетъ. Муравьевъ, на наше общее горе, не воспользовался этимъ выходомъ и поспѣшилъ увѣрить меня, что дорожитъ работою именно со мною.

Задачи Муравьева были безбрежныя: онъ думалъ объ исторіи. Мои — гораздо скромнѣе: я думалъ о правосудіи и о судьбѣ лицъ, уже лишенныхъ свободы въ ожиданіи нашего разслѣдованія. Въ его головѣ предносился будущій, чуть ли не ученый, трудъ о недостаткахъ павшаго режима. Въ моей головѣ копошились планы безпристрастнаго и быстраго слѣдствія. Но въ одномъ мы сошлись: онъ — ради расширенія, а я, — ради ускоренія нашей работы, мы оба согласно признали необходимымъ значительное количество слѣдователей. И такъ какъ я хотѣлъ видѣть слѣдователями людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, а онъ желалъ влить въ комиссію побольше «общественнаго элемента», то мы оба помирились на томъ, что слѣдователи будутъ спеціалисты, а общественные дѣятели

---

* Присяжный повѣренный Н. Д. Соколовъ всюду, гдѣ мнѣ не приходилось присутствовать, приказывалъ докладывать о немъ: «Сенаторъ Соколовъ». А присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, имѣющій извѣстное имя въ качествѣ уголовнаго защитника, наговорилъ судебному слѣдователю (если не ошибаюсь Г. П. Гирчичу) много непріятныхъ словъ изъ за того, что слѣдователь осмѣлился вызвать его, сенатора, какъ простого смертнаго. Привожу эти примѣры въ доказательство того, что званіе сенатора дѣйствительно воспринималось нѣкоторыми адвокатами безъ равнодушія.

будутъ при нихъ на правахъ товарищей прокурора. Въ нашихъ совѣщаніяхъ участвовалъ также Б. Н. Смиттенъ, сенаторъ новаго назначенія, бывшій прокуроръ харьковской судебной палаты. Онъ вошелъ въ нашу комиссію членомъ. Кромѣ насъ троихъ, еще С. В. Ивановъ, сенаторъ, бывшій товарищъ государственнаго контролера, и С. Ѳ. Ольденбургъ, академикъ — санскритологъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія во временномъ правительствѣ, а равно Л. П. Олышевъ, предсѣдатель московскаго окружного суда, принимали дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи; первый былъ товарищемъ предсѣдателя, какъ и я, а двое другихъ — членами. Изъ остальныхъ членовъ чаще другихъ бывалъ Н. Д. Соколовъ *, тоже сенаторъ новаго изготовленія. Совсѣмъ рѣдко появлялся Ѳ. И. Родичевъ. Прочіе почти только числились, и тѣмъ было лучше для нихъ.

Первоначально комиссія помѣщалась въ зданіи сената, гдѣ мы потѣснили общее собраніе и соединенное присутствіе. Но и намъ самимъ тамъ было тѣсно, и Н. К. Муравьевъ сравнительно скоро устроилъ комиссію въ Зимнемъ дворцѣ. Подъѣздомъ мы пользовались, такъ называемымъ, комитетскимъ **, первымъ отъ Зимней канавки съ набережной, такъ что я ежедневно почти всегда четыре раза мѣрилъ двѣ набережныхъ Невы, всю Французскую и почти всю Дворцовую ***: туда и назадъ до обѣда, туда и назадъ послѣ обѣда. Я понималъ, что въ сенатѣ для насъ недостаточно мѣста, но очень не хотѣлъ переѣзда въ Зимній дворецъ. Мнѣ все казалось, что мы вторгаемся въ чужой домъ. Мало того, — скажу на чистоту: я чувствовалъ себя въ положеніи камердинера, располагающагося въ барскихъ комнатахъ за отъѣздомъ господъ «на теплыя воды». Я говорю за себя одного и далекъ отъ мысли хвалиться этимъ: допускаю, что чувство мое было нелѣпо, но пишу, какъ было. Впрочемъ, и О. О. Грузенбергъ, оставшись однажды со мною вдвоемъ въ бывшей залѣ комитета министровъ, выразилъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ какъ разъ то самое, что чувствовалъ я. Мнѣ было до такой степени тяжело пользоваться всѣмъ дворцовымъ, что я не могъ послѣдовать примѣру моихъ новыхъ сотоварищей: Муравьевъ, Грузенбергъ, Соколовъ имѣли каждый въ своемъ распоряженіи придворные экипажи, — кто коляску, кто карету. Муравьевъ уговаривалъ и меня; я, разумѣется, давалъ себѣ отчетъ въ удобствѣ личнаго экипажа; конечно, я бы и не подумалъ пользоваться имъ не по служебнымъ надобностямъ, но хожденіе во дворецъ и назадъ изо дня въ день было утомительно, и я бы поддался уговорамъ, если бы не это властное чувство чего-то, — я бы сказалъ, — недостойно-неловкаго, всецѣло тогда мною владѣвшее. Меня иногда подвозилъ домой или въ министерство Муравьевъ, изъ дворца въ крѣпость на допросъ насъ всегда возили цѣлою коллегіею, но взять лично себѣ придворный экипажъ я такъ и не выразилъ согласія.

Комиссія распадалась на слѣдственную часть и президіумъ.

Въ слѣдователи мы набрали судебныхъ дѣятелей разнаго ранга. Многихъ указалъ Муравьеву я; при выборѣ мною руководило единственно желаніе залу-

* Соколовъ былъ у насъ «посломъ» отъ совѣта рабочихъ депутатовъ.

** Съ этого подъѣзда входили министры на засѣданія комитета министровъ, когда тѣ еще не были перенесены въ Маріинскій дворецъ.

*** Въ одну изъ такихъ «прогулокъ» я зашелъ къ великому князю Николаю Михайловичу: мнѣ было стыдно не зайти къ человѣку, который приглашалъ меня бывать у него и который теперь былъ уже не на прежней высотѣ. По всей вѣроятности, многіе покинули великаго князя, потому что онъ встрѣтилъ меня еще привѣтливѣе, чѣмъ раньше, и даже вышелъ провожать въ переднюю. Я счелъ своимъ долгомъ титуловать его императорскимъ высочествомъ, чего избѣгалъ въ первое посѣщеніе.

чить въ комиссію знающихъ дѣло и честныхъ людей. Нѣкоторыхъ мнѣ пришлось усиленно упрашивать, взывая къ ихъ чувству долга; такъ было, напримѣръ, съ товарищемъ оберъ-прокурора сената Г. И. Гитцемъ. Сперва я называлъ Муравьеву тѣхъ лицъ, работу которыхъ я зналъ самъ; потомъ запасъ мой истощился: всѣ, извѣстные мнѣ съ хорошей стороны, бывшіе и настоящіе слѣдователи, кого только отдавали намъ, скрѣпя сердце, мѣстныя власти, уже переселились въ Зимній дворецъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которыхъ Муравьевъ браковалъ по ихъ «слишкомъ правой» репутаціи. Рядъ слѣдователей поставленъ былъ Олышевымъ и Смиттеномъ. Наконецъ, я рѣшился на рекомендацію, такъ сказать, «по наслышкѣ», и тутъ-то произошла непріятность. Я рекомендовалъ товарища предсѣдателя винницкаго окружного суда И. М. Золотницкаго. Самъ я его въ глаза не видѣлъ и ни одного его слѣдствія не читалъ, но вотъ, что слышалъ о немъ. Былъ онъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ Варшавѣ и производилъ какое то громкое слѣдствіе (кажется, о злоупотребленіяхъ при постройкѣ новаго моста черезъ Вислу); одинъ свидѣтель при допросѣ показалъ о какомъ то фактѣ, клонившемся къ изобличенію генералъ-губернатора Скалона, въ чемъ именно, рѣшительно не припомню; насколько основательно было это показаніе, судить у меня нѣтъ данныхъ; но Золотницкій исполнилъ свой долгъ, «не взирая на лица», и, въ порядкѣ ст. 314 уст. угол. суд., копію соотвѣтствующаго протокола переслалъ прокурору; немедленно же «сыръ боръ загорѣлся», и Золотницкій былъ волею И. Г. Щегловитова переведенъ важнѣйшимъ слѣдователемъ въ Тифлисъ. Я уже такъ устроенъ, что люблю людей, которые не гнутся и ко всѣмъ подходятъ съ одинаковою мѣркою закона; поэтому къ Золотницкому я заочно отнесся съ глубокимъ уваженіемъ. Раздѣлилъ ли Муравьевъ мою точку зрѣнія, по которой тотъ, кто не гнулся вправо, не погнется, надо полагать, и влѣво, или же ему показалось, что Золотницкій выказалъ себя во всей этой исторіи достаточно лѣвымъ, я не знаю, но только Золотницкому немедленно было послано предложеніе по телеграфу. Онъ отвѣтилъ согласіемъ, былъ назначенъ и пріѣхалъ, какъ теперь помню, вскорѣ послѣ Пасхи. Я еще не повидался съ нимъ, какъ Муравьевъ сказалъ мнѣ: «А съ Золотницкимъ мы ошиблись». На вопросъ мой онъ мнѣ далъ полученную утромъ телеграмму изъ Винницы; въ телеграммѣ этой указывалось, что Золотницкій грубъ съ защитою и даже въ сенатѣ есть производства по обвиненію его въ должностномъ подлогѣ, а потому вся Винница взволнована почетнымъ назначеніемъ недостойнаго человѣка. Подъ телеграммою стояла приблизительно такая подпись: «За предсѣдателя собранія адвокатуры Ціонглинскій». Я отвѣтилъ Муравьеву, что Золотницкаго не знаю, и спросилъ: «А вы Ціонглинскаго знаете?» Оказалось, что нѣтъ, но все же считаетъ невозможнымъ оставить Золотницкаго у насъ и даже говорилъ объ этомъ съ Золотницкимъ, и тотъ, будто бы, самъ согласился, что ему нельзя состоять нашимъ слѣдователемъ. Volenti non fit iniuria, и я отложилъ назрѣвавшее въ моей душѣ пререканіе до разговора съ признавшимъ свое недостоинство новоприбывшимъ слѣдователемъ. Но съ первыхъ же словъ выяснилось, что Золотницкій въ отчаяніи: никакой вины онъ за собой не знаетъ, утверждаетъ, что лучшіе представители мѣстной адвокатуры въ самыхъ добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ, а эта телеграмма исходитъ отъ лицъ, сводящихъ съ нимъ счеты: «я не просился къ вамъ, вы сами меня вызвали, а теперь какъ же я покажусь назадъ въ Винницу, точно оплеванный, къ радости темныхъ личностей». Я никогда ничьимъ жрецомъ не былъ и сознательно въ жертву никому и никого, по самой природѣ своей, приносить не могу; мнѣ стало невыразимо жаль Золотниц-

каго и я далъ себѣ трудъ произвести кой какія «повѣрочныя дѣйствія». Посмотрѣлъ въ юридическій календарь М. Острогорскаго и убѣдился, что Ціонглинскаго (или Цѣслинскаго, — теперь за точность фамиліи не ручаюсь) среди винницкой адвокатуры нѣтъ; значитъ, онъ или частный повѣренный, или только что испеченный помощникъ присяжнаго повѣреннаго; а если это такъ, то уже многознаменательно, что подъ телеграммою за предсѣдателя расписался именно невѣдомый Ціонглинскій: очевидно, не только предсѣдатель чрезвычайнаго собранія адвокатовъ, но и члены изъ старшихъ не пожелали скрѣпить этой телеграммы своею подписью. А въ такомъ случаѣ чего стоитъ телеграмма, даже если она дѣйствительно послана послѣ адвокатскаго совѣщанія? Досталъ я и дѣло изъ сената; оказалось, что какой-то подсудимый, осужденный присяжными засѣдателями за подлоги и мошенничества, подалъ жалобу на предсѣдательствовавшаго въ его процессѣ Золотницкаго, обвиняя того въ невѣрномъ изложеніи протокола засѣданія, но обвиненіе это отвергнуто сенатомъ, и дѣло давно прекращено. Тогда я пошелъ къ Н. К. Муравьеву и сталъ доказывать ему недопустимость «казни» Золотницкаго. Муравьевъ не сразу сдался, а сперва говорилъ, что теперь надобно считаться съ «общественностью», то есть, непримѣтно для самого себя оправдывалъ Щегловитова, котораго Керенскій тѣмъ временемъ держалъ подъ стражею: если Щегловитовъ и увольнялъ, считаясь съ желаніями «администраціи», а не «общественности», то не все ли равно вамъ, ради какого Молоха васъ изжарятъ или зарѣжутъ? Меня поддержали другіе члены комиссіи, но Муравьевъ опредѣленнаго отвѣта не далъ, и я вынужденъ былъ поставить, такъ сказать, «кабинетскій вопросъ»: заявилъ, что въ случаѣ отчисленія Золотницкаго по такимъ только даннымъ, я не могу оставаться въ комиссіи и немедленно подамъ въ отставку. Муравьевъ уступилъ, и Золотницкій остался у насъ.

Слѣдователямъ нашимъ работа была не легка: одно — отправляться отъ факта, имѣющаго, по видимости, необходимые признаки преступленія, и совсѣмъ другое — искать въ дѣлопроизводственныхъ бумагахъ, не найдется ли какого либо уголовно наказуемаго дѣянія. Слѣдователи тонули въ бумажномъ морѣ, но все же они дѣлали какое-то дѣло, а иногда и удачно, потому что не всѣ дѣятели стараго порядка были безупречны и съ точки зрѣнія чисто криминальной. А вотъ мы, президіумъ комиссіи, если и тонули, то въ безплодной «словесности», являясь по большей части чѣмъ то въ родѣ «мельницы безъ мелева». Мы изо дня въ день засѣдали, сообща и подолгу жевали вопросы, которые, мнѣ казалось, зачастую рѣшались довольно просто. Порою въ помощь къ намъ являлись эксперты, профессора и сенаторы, такіе же юристы, какъ и мы, а потому засѣданіе становилось продолжительнѣе, разговоры длиннѣе, но и только.

Приведу здѣсь на образецъ два вопроса, много мнѣ испортившихъ крови.

Первый былъ вопросъ о преданіи суду одного изъ героевъ тогда еще далеко, повидимому, незаконченной войны, престарѣлаго генералъ-адъютанта Н. І. Иванова. Въ вину ему ставилось то, что онъ принялъ отъ государя порученіе усмирить мятежный Петроградъ и двинулся къ нему съ какими-то воинскими частями. Спрашивалось: какого преступленія признаки заключаются въ этомъ поступкѣ? Я отвѣчалъ и теперь отвѣчаю, не колеблясь: никакого. Порученіе было дано 28 февраля, то есть за два дня до отреченія царя; генералъ Ивановъ обязанъ былъ повиноваться императору, какъ главѣ государства, въ законности власти котораго не могло быть ни тѣни сомнѣнія; а дѣятели революціи въ то время были явно государственными преступниками и сами должны были

тогда это понимать; генералъ Ивановъ ничьей крови не пролилъ и вслѣдъ за отреченіемъ государя остановился со своими войсками гдѣ-то на пути, не дойдя до Петрограда. Вотъ и все. Гдѣ же тутъ хоть намекъ на преступленіе съ точки зрѣнія закона, существовавшаго въ моментъ дѣйствій, предпринятыхъ Ивановымъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія, то есть — съ единственной точки зрѣнія, которая доступна для всякаго, кто не забываетъ, что онъ судья? Были въ комиссіи мои единомышленники, но нашлись, во главѣ съ предсѣдателемъ, и возражатели. Указывалось, между прочимъ, на то, что, забирая войсковыя части для усмиренія Петрограда, генералъ Ивановъ обнажалъ фронтъ и могъ способствовать нѣмецкому прорыву. Этого я уже окончательно не понималъ: генералъ Ивановъ несомнѣнно способствовать нѣмецкому прорыву не имѣлъ ни малѣйшаго поползновенія, да и прорыва не послѣдовало, — такъ о чемъ же и говорить? Находились и такіе (въ числѣ ихъ и новый сенаторъ О. О. Грузенбергъ), которые вмѣняли Иванову въ вину слѣдующее: гдѣ-то по дорогѣ въ Петроградъ, на какой то станціи части Иванова встрѣтили поѣздъ, шедшій изъ Петрограда къ фронту; среди ѣхавшихъ въ томъ поѣздѣ солдатъ, направлявшихся, видимо, въ дѣйствующую армію съ революціонными лозунгами, было двое, которые намѣренно не отдали установленной чести чуть ли не самому Иванову; тогда Ивановъ кого то изъ нихъ ударилъ и обоихъ (кажется, не ошибаюсь) поставилъ на колѣни. Обвинители ген. Иванова признавали, что онъ былъ вправѣ ихъ разстрѣлять, но приходили въ ужасъ отъ того надругательства надъ личностью солдата, которое допустилъ старикъ-генералъ, и высказывались за преданіе его суду. Я полюбопытствовалъ узнать, подали ли оскорбленные солдаты на Иванова жалобу, хотя бы уже послѣ торжества революціи. Оказывается, что нѣтъ, а за нихъ обижаются Муравьевъ и Грузенбергъ. Каюсь, не люблю я ручной расправы ни въ какомъ видѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, но не могъ же я не обратить вниманія на то, что за расправу съ двумя солдатами, прошедшую безслѣдно и не вызвавшую никакого нигдѣ волненія, предавать суду, во всякомъ случаѣ, не дѣло верховной комиссіи; я и теперь держусь того же мнѣнія подъ страхомъ быть причисленнымъ къ реакціонерамъ: на это, мнѣ казалось и кажется, были въ полномъ составѣ соотвѣтствующія судебныя власти, ничуть комиссіею не упраздненныя. Чѣмъ дѣло кончилось, не умѣю сказать. При мнѣ ген. Ивановъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, но потомъ? У насъ всегда обиліе разсужденій мѣшало опредѣленнымъ и безповоротнымъ рѣшеніямъ.

Если осложненія по вопросу объ Ивановѣ волновали меня не только какъ юриста и судью, но и какъ человѣка, стыдящагося быть не благодарнымъ къ защитникамъ Россіи отъ вражескаго нашествія, то второй вопросъ, вопросъ о провокаторахъ, задѣлъ меня исключительно въ качествѣ юриста. Я уже упоминалъ, что амнистія временнаго правительства помиловала и провокаторовъ, которыми пользовались охранныя отдѣленія. Такимъ образомъ судить провокаторовъ, напримѣръ, за организованныя ими террористическія покушенія было уже нельзя. Положимъ, ихъ не судили *, или не наказывали ** и при царѣ, но

* Чтобы не ходить далеко, ограничусь напоминаніемъ объ Азефѣ. Правда, многіе его считаютъ революціонеромъ, который прикинулся провокаторомъ, и не признаютъ въ немъ провокатора, прикинувшагося революціонеромъ. «Не мастерица я полки то различать», но ссылка моя на Азефа, во всякомъ случаѣ, оправдывается тѣмъ, что правительство видѣло въ немъ провокатора и потому не хотѣло судить.

** На рубежѣ царствованій императоровъ Александра III и Николая II въ петербургской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, судился и былъ

тогда власть имущіе этого хотѣли, а теперь это, говоря словами Петра Великаго, «несмотря учинено было». Я всегда держался того мнѣнія, что помилованіе, хотя и ошибочное, назадъ взято быть не можетъ*; но на мою пословицу: «что съ возу упало, то пропало», новые властители предпочли отвѣтить своей: «не мытьемъ, такъ катаньемъ»; и такая тенденція нашла себѣ откликъ въ Н. К. Муравьевѣ, который повторялъ, что провокаторы не должны остаться безнаказанными, а потому нужно найти статью закона, по которой ихъ можно было бы судить, не взирая на амнистію. Такъ какъ должностныя преступленія не подошли подъ амнистію, то и возникла мысль предавать провокаторовъ суду за превышеніе власти. Мысль эту поддержалъ и сенаторъ Грузенбергъ. Въ мою голову такая концепція рѣшительно не вмѣщалась. Прежде всего какія же должностныя лица провокаторы? А потомъ, если они должностныя лица, то, значитъ, служебныя обязанности ихъ исчерпывались этой самой провокаціей; слѣдовательно, не занимаясь ею, они впадали въ бездѣйствіе власти. Какимъ же образомъ возможно усмотрѣть превышеніе власти въ отправленіи служебныхъ обязанностей? Вѣдь между превышеніемъ и бездѣйствіемъ власти есть у каждаго должностного лица законное несеніе своей службы. Куда же оно дѣвалось у провокаторовъ? Я чувствовалъ, что мое брезгливое отношеніе къ провокаціи не ослѣпляетъ меня до степени желанія «натянуть законъ», и волновался, оберегая не провокаторовъ, а правовой порядокъ и судебное безпристрастіе. Правъ ли я или нѣтъ, но самый вопросъ былъ, очевидно, не изъ сложныхъ; тѣмъ не менѣе его долго, въ нѣсколько пріемовъ, обсуждали, пока не восторжествовала точка зрѣнія Муравьева и Грузенберга. Соотвѣтствующее постановленіе комиссіи осталось мнѣ неизвѣстнымъ (или мною забыто), но я помню, что былъ изготовленъ въ такомъ именно смыслѣ циркуляръ для разсылки всѣмъ окружнымъ судамъ**.

Къ вѣдѣнію президіума комиссіи въ коллегіальномъ составѣ относилось, какъ привлеченіе въ качествѣ обвиняемыхъ, такъ и дальнѣйшее направленіе оконченныхъ слѣдствій.

При мнѣ, насколько помню, ни одно слѣдствіе не было закончено, но мы потратили много времени на обсужденіе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи

осужденъ нѣкто Яголковскій, жившій въ Брюсселѣ по выданному ему изъ департамента полиціи паспорту на имя барона Унгернъ-Штернберга и организовавшій тамъ покушеніе на мѣстнаго генеральнаго прокурора. Тогда же говорили, что Яголковскій послѣ осужденія исчезъ изъ тюрьмы и наказанія не отбывалъ.

* Со мною былъ такой случай. Истолковавъ манифестъ 11-го августа 1904 года слишкомъ льготно для одной группы отбывающихъ наказаніе, я, по должности прокурора новгородскаго окружнаго суда, объявилъ какому-то арестанту царскую милость и немедленно освободилъ его отъ дальнѣйшаго содержанія подъ стражею. Потомъ выяснилось, что надобно толковать манифестъ иначе и что арестанта этого еще слѣдовало выдержать въ тюрьмѣ цѣлый годъ. Нѣкоторое время спустя, министерство юстиціи запросило меня о причинахъ преждевременнаго освобожденія этого человѣка. Я отвѣчалъ, что, объявивъ ему милость именемъ царя, я уже не могу вновь арестовать помилованнаго, хотя и ошибочно, а за свою ошибку, если она будетъ сочтена непростительной готовъ нести личную отвѣтственность. Переписка на этомъ и прекратилась.

** И въ этомъ роковое сходство съ Щегловитовскими пріемами. По закону судебную практику объединять руководящими указаніями предоставлено только сенату, да и сенатскіе указы, внѣ даннаго дѣла, обязательны imperio rationis, non ratione imperii. Щегловитовъ же притязалъ на то, что его толкованіе закона должно имѣть непререкаемую силу для всей «судебной челяди»; я помню, что прокурору казанской палаты А. А. Чебышеву не прошло даромъ иное мнѣніе по этому поводу. Какъ приняли судьи и слѣдователи нашъ циркуляръ о провокаторахъ, я не имѣю свѣдѣній, но самый фактъ посылки такого циркуляра есть, по моему, «щегловитовская» узурпація сенатской власти.

дѣла Сухомлинова. Дѣло это, какъ я уже говорилъ, возникло и было почти завершено еще при царѣ; возбуждено оно было не Штюрмеромъ, вопреки тому, что появлялось еще недавно въ печати, и въ честности побужденій министровъ юстиціи А. А. Хвостова и А. А. Макарова, боровшихся противъ попытокъ оборвать ходъ слѣдствія, не можетъ быть мѣста основательному и добросовѣстному сомнѣнію; производилъ слѣдствіе сенаторъ И. А. Кузминъ, когда то пользовавшійся извѣстностью въ качествѣ слѣдователя по выдающимся дѣламъ *; наблюдалъ за слѣдствіемъ сенаторъ В. П. Носовичъ, занимавшій должность оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, слывшій мягкимъ обвинителемъ и долго бывшій въ тѣни при Щегловитовѣ **. Для меня рѣшительно невѣроятно, чтобы два эти человѣка могли, хотя бы по невѣдѣнію, играть въ руку Штюрмера: оба они, каждый по своему, честно и стойко работали надъ дѣломъ Сухомлинова, и, если что становилось имъ поперекъ на пути изобличенія обвиняемаго, то это было желаніе придворныхъ круговъ и, нашедшей надлежащіе ходы, жены бывшаго министра прекратить слѣдствіе, а никакъ ужъ не вымышленность вины.

Почему дальнѣйшее направленіе дѣла о Сухомлиновѣ было пріурочено къ нашей комиссіи, для меня такъ и осталось тайною. Слѣдователь и прокуроръ по этому дѣлу въ составъ комиссіи не вошли, и слѣдствіе кончилось безъ нашего участія. Но В. П. Носовичъ кѣмъ то былъ принужденъ потерять цѣлый рядъ рабочихъ дней, докладывая у насъ въ президіумѣ собранныя по дѣлу улики, читая намъ составленный имъ обвинительный актъ и повергая на обсужденіе наше предложенные имъ обвинительные пункты. Я держусь того мнѣнія, что составить себѣ окончательное убѣжденіе въ чьей либо виновности или невиновности можно только, прослушавъ и, я бы сказалъ, выстрадавъ полностью все судоговореніе по дѣлу, а сколько нибудь основательно предположить о виновности обвиняемаго нельзя съ чужого голоса безъ личнаго и, притомъ, внимательнаго, въ тиши своего кабинета, ознакомленія съ подлинными протоколами предварительнаго слѣдствія. Поэтому мнѣ по неволѣ приходится теперь писать скорѣе о впечатлѣніяхъ, чѣмъ о самомъ дѣлѣ.

Ярко помнится мнѣ принесенная Носовичемъ таблица соприкасавшихся съ Сухомлиновымъ шпіонскихъ организацій. Въ центрѣ таблицы, составленной на основаніи данныхъ слѣдствія, означенъ былъ особымъ кружкомъ Сухомлиновъ, а вокругъ него, ближе или дальше, значились въ видѣ меньшихъ кружковъ лица, такъ или иначе приходившія съ нимъ въ соприкосновеніе; ихъ кружки были окрашены тремя красками: одна — для лицъ, осужденныхъ за шпіонство, другая (если не ошибаюсь) — для обвиняемыхъ въ шпіонствѣ, но еще не осужденныхъ, и третья — для успѣвшихъ скрыться за границу ранѣе ихъ изобличенія въ шпіонствѣ. Такихъ кружковъ, припоминается мнѣ, было семнадцать. Въ дополненіе къ этому, кстати будетъ еще упомянуть о двухъ фактахъ: по слѣдствію оказалось, что пресловутый Мясоѣдовъ былъ Сухомлиновымъ, не умѣю выразиться иначе, навязанъ дѣйствующей арміи, вопреки сопротивле-

---

* Лично я не принадлежалъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ слѣдственныхъ дарованій сенатора И. А. Кузмина; но я здѣсь говорю не о своемъ, а объ общемъ мнѣніи; да къ тому же несомнѣнная чистота и самостоятельность И. А. Кузмина, какъ судебнаго дѣятеля, всегда считалась безспорною.

** О В. П. Носовичѣ мнѣ придется говорить еще далѣе. Дѣятельность его въ качествѣ министра при Деникинѣ не вызываетъ моего одобренія, но я не смѣю думать, что, напримѣръ, у меня на мѣстѣ Носовича вышло бы лучше. И любовь къ родинѣ, и преданность долгу, и талантливость В. П. Носовича, — все это, по моему, должно быть признано.

нію нѣсколькихъ главнокомандующихъ, которымъ уже и тогда репутація Мясоѣдова была достаточно извѣстна; одинъ же генералъ показалъ, что какъ-то ему пришлось позвонить по телефону въ кабинетъ военнаго министра, но министра въ кабинетѣ не было, а отвѣчалъ въ телефонъ Альтшуллеръ, знакомый Сухомлинова еще по Кіеву и несомнѣнный шпіонъ; видимо, онъ находился въ кабинетѣ министра одинъ. Осталось въ памяти и слѣдующее. Чуть ли не въ самый день одновременнаго взятія Львова и Галича, великій князь Николай Николаевичъ послалъ Сухомлинову телеграмму съ требованіемъ усиленнаго заготовленія снарядовъ и патроновъ, такъ какъ дѣйствительный ежедневный ихъ расходъ (опять таки, если не ошибаюсь) въ восемь разъ превышаетъ всѣ предположенія. Такія же требованія и отъ великаго князя и отъ главнокомандующихъ повторялись всю зиму; съ другой стороны, не было недостатка въ предложеніяхъ иностранцевъ поставлять снаряды; но Сухомлиновъ неизмѣнно всѣмъ отказывалъ, утверждая, что снарядовъ у насъ хватитъ, а въ апрѣлѣ 1915 года мы покатились изъ подъ Кракова назадъ изъ за недостатка, именно, снарядовъ и вооруженія *. По этому поводу былъ поставленъ въ президіумѣ комиссіи вопросъ, является ли такое поведеніе военнаго министра измѣною или только бездѣйствіемъ власти, повлекшимъ за собою важныя послѣдствія. И Кузминъ и Носовичъ усмотрѣли въ этомъ лишь бездѣйствіе власти; президіумъ комиссіи высказался за измѣну. Насколько я знаю, присяжные засѣдатели, судившіе Сухомлинова, склонились къ мнѣнію Кузмина и Носовича, такъ что на насъ можетъ пасть обвиненіе въ — «запросѣ». Я всегда возставалъ противъ превращенія, по моей терминологіи, суда въ лавочку, гдѣ можно торговаться, и рѣшительно возражалъ тѣмъ прокурорамъ, которые повышали обвиненіе только съ тою цѣлью, чтобы присяжнымъ засѣдателямъ «было съ чего спустить». А тутъ и я послѣ большого раздумья, подалъ голосъ за составленіе обвинительнаго пункта по признакамъ измѣны. Сдѣлалъ я это вотъ почему. Я всегда отличалъ отъ запроса назначеніе высшей изъ разумно возможныхъ цѣнъ; иными словами, я не только не возражалъ, но и самъ ставилъ на судъ дѣла по признакамъ болѣе тяжкаго преступленія, если обстоятельства были таковы, что квалифицирующіе признаки, не вполнѣ установленные предварительнымъ слѣдствіемъ, могли быть окончательно выяснены на судебномъ слѣдствіи въ условіяхъ устности, недоступной въ моментъ преданія суду. Относительно Сухомлинова я разсуждалъ такъ. Не озаботиться достаточнымъ запасомъ снарядовъ и вооруженія во время

* Не въ текстѣ, а въ подстрочномъ примѣчаніи приведу еще два факта, сравнительно рельефно удержанные моей памятью. Первый таковъ. Какая то свидѣтельница удостовѣрила, что ей пришлось передъ самой войной брать свой вкладъ изъ Deutsche Bank въ Берлинѣ, и тогда она случайно слышала разговоръ, въ которомъ служащіе банка упомянули о текущемъ у нихъ счетѣ русскаго военнаго министра. Но и тогда я жалѣлъ, что война препятствуетъ надлежащей провѣркѣ этого показанія. Второй фактъ сводится къ слѣдующему. Дымная завѣса изобрѣтена русскимъ, но въ войнѣ ее примѣнили первые не мы, а нѣмцы въ Восточной Пруссіи. Объяснялось это тѣмъ, что послѣ какихъ то маневровъ передъ войною, когда иностранные военные агенты впервые увидѣли завѣсу, скрывавшую за дымомъ маневрировавшія войска, Дона-Шлобиттенъ попросилъ у Сухомлинова и получилъ отъ него одну изъ шашекъ, отъ удара которыхъ поднималась дымная завѣса. Но память моя не сохранила, чтобы я это слышалъ отъ В. П. Носовича. Зато я отчетливо помню, что мнѣ объ этомъ говорилъ Н. Е. Елачичъ, помощникъ статсъ секретаря государственнаго Совѣта, мой старый другъ и человѣкъ очень близкій Носовичу, особенно послѣ ихъ совмѣстной работы въ ревизіи члена государственнаго совѣта, сенатора С. С. Манухина, производившейся по поводу разстрѣла рабочихъ на Ленѣ. Источникъ таковъ, что разсказъ не звучитъ простой сплетнею, хотя и за достовѣрность его я поручиться не могу.

войны, когда рѣшается вся будущая судьба родины, слишкомъ большая для военнаго министра небрежность и естественной признана быть не можетъ; до такой степени бездѣйствовать могъ бы развѣ человѣкъ, или вовсе не свѣдующій въ военномъ дѣлѣ, или крайне ограниченный, или поразительно легкомысленный; ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ * считать Сухомлинова у меня не было основанія; а еще болѣе подозрительной становится подобнаго рода безпечность, если не упустить изъ виду, что командованіе арміи неустанно будило министра отъ сна, и не самому же ему и не на свои средства предстояло заняться изготовленіемъ всего нужнаго для успѣшнаго продолженія удачно начатой войны; къ тому же ослѣпленіе военнаго министра тѣмъ менѣе понятно для меня, что рядовые чины генеральнаго штаба уже впередъ видѣли нашъ отходъ съ Карпатъ **. По моему, если я оставилъ кого либо въ опасномъ мѣстѣ, хотя могъ его увезти и зналъ, что онъ, будучи мною оставленъ неминуемо погибнетъ, то я виновенъ въ умышленномъ убійствѣ ***, а если я не снабдилъ армію средствами борьбы, хотя могъ это сдѣлать, и зналъ, что иначе она потерпитъ пораженіе, то я виновенъ въ предательствѣ; правда, я, быть можетъ, смотрѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и не слышалъ, внималъ и не понималъ, но такое состояніе для интеллигентнаго человѣка несомнѣнно ненормально, и установленіе его надобно предоставить во всей широтѣ присяжнымъ засѣдателямъ и, вообще, рѣшающимъ дѣло судьямъ, не предрѣшая этого за нихъ впередъ.

Обсуждалъ президіумъ комиссіи и другой вопросъ по сухомлиновскому дѣлу: вопросъ о преданіи суду жены Сухомлинова. И здѣсь я подалъ голосъ за преданіе ея суду. Она была оправдана, и я не отрицаю, что улики противъ нея были невелики. За то, чтобы включить и ее въ обвинительный актъ, выставлялся при обсужденіи такой выводъ: бываетъ, что подсудимаго оправдываютъ вслѣдствіе искусной защиты, построенной на томъ, что другой соучастникъ преступленія остался не привлеченнымъ къ дѣлу; хотя бы присяжные засѣдатели и не обвинили ни за что этого другого соучастника, если бы онъ предсталъ передъ ними въ качествѣ второго подсудимаго, но, когда они его видятъ лишь свидѣтелемъ или судятъ о немъ даже вовсе заглазно, улики противъ него могутъ быть преувеличены тѣмъ легче, что такое преувеличеніе не грозитъ ничѣмъ, а въ итогѣ является несправедливое оправданіе дѣйствительно виновнаго. Я привелъ этотъ доводъ во всей его наготѣ и тутъ же долженъ прибавить, что не возражалъ противъ него ни словомъ ****, хотя раньше никогда не могъ слышать его

* Легкомысленнымъ называли Сухомлинова часто, но примѣры приводили исключительно изъ области его романическихъ увлеченій и разстройства денежныхъ его дѣлъ. О служебномъ легкомысліи его я тогда не слыхалъ ни отъ кого.

** Помню, какъ я услыхалъ въ передачѣ М. А. Черепниной, жены композитора, еще до того, когда наше отступленіе изъ Галиціи приняло опредѣленныя очертанія, поразившія меня слова штабного офицера: «кампанія этого года нами будетъ проиграна безповоротно; только на будущій годъ и можно надѣяться». Установить точно время нашего разговора я не въ состояніи, но приведенныя мною слова въ первой ихъ части считаю не ретроспективными, а пророческими, вотъ почему. Тогда же мы, переоцѣнивая патріотизмъ денежныхъ нашихъ тузовъ, утѣшались, что пораженія, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ торгово-промышленные круги, которые должны почти все знать, веселятся безъ удержу, точно послѣ побѣды. Такое соображеніе было бы, конечно, неумѣстно, если бы самый разговоръ слѣдовалъ за выясненіемъ русской неудачи.

*** Есть, правда, особая статья, карающая за оставленіе въ опасномъ мѣстѣ, но она отличаетъ отъ убійцы, по моему сужденію, только такихъ лицъ, которыя не знали, а лишь должны были допускать возможность опасности для оставленнаго.

**** Не возражалъ противъ него и Н. К. Муравьевъ, что меня удивляло: этимъ онъ какъ бы молчаливо признавалъ значительную вѣроятность такого печальнаго пріема

безъ рѣшительныхъ опроверженій. Конечно, что бы ни говорила наука уголовнаго права, но, при существовавшихъ въ Россіи, да, кажется, и почти повсюду, способахъ наказанія, я не могъ закрывать глаза на то, что въ дѣйствительности подсудимый становился въ извѣстной мѣрѣ средствомъ, а не цѣлью, поскольку смыслъ приговора сводился къ старинной формулѣ: «дабы другимъ не повадно было», а не то, такъ и къ болѣе новой, но не менѣе неутѣшительной: «чтобы обезвредить его хоть на нѣкоторое время въ интересахъ окружающихъ». И все же такое отступленіе отъ надлежащаго отношенія человѣка къ человѣку должно, по сужденію моему, быть допускаемо только въ строгихъ рамкахъ закона, и ужъ никакъ нельзя сажать людей на скамью подсудимыхъ, видя въ томъ лишь средство къ вѣрнѣйшему обвиненію другихъ. И я во всю свою прокурорскую жизнь безтрепетно «отшивалъ» отъ дѣла всѣхъ сообвиняемыхъ, которыхъ, несмотря порою на значительныя улики, самъ бы по совѣсти ни за что обвинить не могъ. Какое же у меня было въ данномъ случаѣ distinguo? А вотъ какое. Каждый участникъ уголовнаго процесса, сколько нибудь сложнаго, если вложилъ въ него душу, знаетъ, что итогъ собранныхъ противъ подсудимаго уликъ часто не равенъ, такъ сказать, арифметической ихъ суммѣ: иногда больше ея, а иногда меньше. Порою бываетъ такъ, что каждая улика полновѣсна, а въ итогѣ обвиненіе расползается во всѣ концы: что то шепчетъ настойчиво и повелительно о невиновности. А бываетъ и такъ, что улики, каждая въ отдѣльности, отличаются неуловимыми очертаніями, а въ итогѣ нарастаетъ убѣжденіе въ виновности (окончательное — на судѣ, предположительное — до суда). Вотъ почему я не опровергалъ принципіально, по моему, кривого довода: я допускалъ, что жену Сухомлинова, хотя среди шпіоновъ, окружавшихъ ея мужа, былъ и ея двоюродный братъ, оправдаютъ за недостаточностью уликъ, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ противъ непричастности ея къ винѣ мужа, и высказаться за ея оправданіе до гласнаго судебнаго разбирательства я не рѣшился.

И о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго совѣщались мы только по одному дѣлу. Но на этотъ разъ слѣдствіе было наше. Касалось оно послѣдняго царскаго министра юстиціи, сенатора и егермейстера Н. А. Добровольскаго, на котораго упало подозрѣніе, непріятно даже написать, во взяточничествѣ.

Слѣдствія, по которымъ могли быть привлечены лица, содержавшіяся въ Петропавловской крѣпости, были распредѣлены между членами комиссіи. Сенаторъ Добровольскій достался не мнѣ, а сенатору Б. Н. Смиттену, и оттого я зналъ по этому дѣлу и въ то время только докладъ, выслушанный въ засѣданіи президіума, теперь же и доклада хорошо не помню. Какъ мнѣ сейчасъ представляется, Н. А. Добровольскому вмѣнялось въ вину корыстное испрошеніе высочайшаго помилованія для какого то осужденнаго (кого именно и за что, память моя не удержала); улики сводились къ тому, что Добровольскій видѣлся съ осужденнымъ у Распутина, хлопоталъ за осужденнаго передъ своимъ предшественникомъ по должности министра и, самъ ставъ министромъ, добился помилованія; осужденный на слѣдствіи, конечно, отрицалъ взятку, но, если не ошибаюсь, въ дѣлѣ были свѣдѣнія, что онъ не всегда такъ говорилъ. Со стороны можетъ показаться страннымъ, что я забылъ подробности дѣла, по которому обвинялся мой бывшій, хотя и кратковременный, начальникъ и при-

---

защиты, какъ «сваливанье съ больной головы на (хотя бы лишь сравнительно) здоровую».

томъ въ преступленіи, столь необычномъ для судебнаго вѣдомства. Но и не отрицая того, что я, 51-го года отъ роду, уже чувствую начало своего конца, а потому, изъ боязни смѣшать и спутать, пишу съ постоянными оговорками и даже оставляя особо сомнительное прямо недоговореннымъ, я все же рѣшаюсь сказать, что обвиненіе Добровольскаго не вызвало во мнѣ удивленія, и вотъ изъ за чего. Еще раньше, когда онъ былъ оберъ-прокуроромъ перваго департамента сената, о задолженности его говорили очень многіе и очень много; эта задолженность, повидимому, и была причиной, заставившей его сблизиться съ подчиненнымъ своимъ, состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первомъ департаментѣ Дандре, о которомъ ходили самые черные слухи и по сенату, и по городскому управленію; у этого дѣльца, а не дѣятеля, были векселя Добровольскаго, и тотъ оказывалъ своему заимодавцу покровительство, пока, наконецъ, Дандре не попался и не вынужденъ былъ прекратить свое государственное и общественное служеніе. И помимо того, Добровольскій былъ извѣстенъ какъ человѣкъ небрегущій службою, любящій хорошо поѣсть и поразвлечься, причемъ неразборчивость бывшаго губернатора доходила до высокой степени. Разскажу здѣсь одинъ фактъ, который въ свое время чрезвычайно поразилъ меня. Добровольскій по должности оберъ-прокурора перваго департамента былъ инспекторомъ сенатскаго зданія и оно при немъ увеличилось почти вдвое путемъ присоединенія сосѣдняго дома, принадлежавшаго Полякову, куда и перешли, послѣ соотвѣтствующихъ приспособленій, кассаціонные департаменты. Какъ я ни близорукъ, но и меня поразило, что великолѣпныя двери нашихъ залъ снабжены простыми мѣдными ручками. Но мнѣ тогда пояснили, что ручки были бронзовыя и отличной работы, да только Добровольскій на свой счетъ пріобрѣлъ мѣдныя, которыми и замѣнилъ бронзовыя, а тѣ увезъ къ себѣ въ деревню.

Даже сторожа, и тѣ покачивали головами, передавая такую удивительную исторію. Если къ этому прибавить, что связь Добровольскаго съ Распутинымъ была для меня несомнѣнна, такъ какъ о предстоящей замѣнѣ уже не дверныхъ ручекъ, а Макарова Добровольскимъ я погодя узналъ отъ распутинца Манасевича-Мануйлова, то, быть можетъ, я окажусь уже не столь виновенъ въ довѣріи, хотя бы и излишнемъ, къ обвиненію такого дѣятеля въ платномъ помилованіи, при условіи первоначальныхъ о томъ переговоровъ черезъ того же Распутина *.

Больше мы, насколько я помню, никого не привлекали въ качествѣ обвиняемаго, но толковали, какъ теперь принято выражаться, въ этой плоскости относительно нѣсколькихъ лицъ.

Мнѣ тогда же говорили, со ссылкою на извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Н. П. Карабчевскаго, что А. Ф. Керенскій думалъ о преданіи суду даже отрекшагося императора. Отъ Керенскаго я того ни разу не слышалъ, но въ нашей комиссіи Н. К. Муравьевъ бродилъ вокругъ да около этого вопроса, не поднимая, а такъ сказать, шевеля его по разнымъ поводамъ. Я уже упоминалъ, что высочайшій указъ отъ 26 февраля 1917 года о новой отсрочкѣ созыва государственной думы былъ вписанъ кн. Н. Д. Голицынымъ въ заранѣе дан-

---

* Трагическая смерть Н. А. Добровольскаго въ Пятигорскѣ, погибшаго въ октябрѣ 1918 г. подъ ударами большевицкихъ шашекъ одновременно съ генералами Н. В. Рузскимъ и Радко-Дмитріевымъ, сенаторами Н. С. Крашенинниковымъ и бар. Н. Н. Медемомъ и др. какъ-то миритъ меня съ памятью погибшаго такъ ужасно. Я даже думалъ было вовсе выпустить все изложенное здѣсь о Добровольскомъ, но отказался отъ первоначальнаго намѣренія: личныхъ счетовъ съ покойнымъ у меня не было, и я писалъ о немъ не какъ о частномъ лицѣ, а какъ о государственномъ дѣятелѣ.

ный ему государемъ бланкъ съ царскою внизу подписью. Это удостовѣрилъ самъ князь Голицынъ на допросѣ въ засѣданіи президіума, уже послѣ освобожденія своего изъ подъ стражи. Когда онъ удалился изъ засѣданія, Муравьевъ сперва возбудилъ вопросъ о подлогѣ, который, по его мнѣнію, совершилъ Голицынъ. Мысль эту пришлось, разумѣется, тутъ же бросить, такъ какъ подлога не можетъ быть, если текстъ вписывается съ вѣдома и согласія лица, впередъ давшаго свою подпись: никто изъ насъ не имѣетъ основанія не вѣрить кн. Голицыну, что бланкъ съ подписью государь далъ ему, именно, для вписанія туда указа о роспускѣ думы, предоставивъ ему самому избрать для этого подходящій моментъ. Тогда Муравьевъ заговорилъ, что едва ли государь имѣлъ право отчуждать такимъ образомъ въ другія руки свою верховную власть. Я тутъ же отвѣтилъ, что ни одинъ носитель верховной власти не можетъ всюду поспѣть самъ и вынужденъ ползоваться исполнителями, а исполнители не граммофоны и, будучи живыми людьми и, при томъ, дѣйствуя на разстояніи отъ уполномочившаго ихъ государя, да еще иногда въ обстоятельствахъ неожиданныхъ, сложныхъ и вызывающихъ необходимость въ неотложныхъ распоряженіяхъ, неизбѣжно должны пользоваться извѣстной свободой усмотрѣнія. Но главное въ своемъ отвѣтѣ я приберегъ къ концу: я сказалъ, что, если бы я и ошибался, вопросъ все равно лишенъ значенія, такъ какъ государь по русскимъ законамъ суду за свой дѣйствія, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ. Ко мнѣ присоединился еще кое кто изъ членовъ президіума, и вопросъ былъ брошенъ, но не оставленъ.

Вновь онъ выплылъ въ видѣ измѣны царя и царицы родинѣ. Насколько я могъ понять, Муравьевъ считалъ правдоподобнымъ всѣ глупыя сплетни, которыя ходили о томъ, что царь готовъ былъ открыть фронтъ нѣмцамъ, а царица сообщала Вильгельму II о движеніяхъ русскихъ войскъ. Любовь къ нѣмцамъ, «влеченье, родъ недуга», таилась на крайней лѣвой, но тогда всего злого искали только вправо. Помню, заговорили у насъ о датскомъ кабелѣ, по которому будто бы императрица сносилась съ врагами. Оказалось, что кабель этотъ въ началѣ войны перерѣзали сами нѣмцы, а, когда мы его исправили, они испортили его вторично, послѣ чего мы его уже такъ и бросили. Стало и для легковѣрныхъ ясно, что по перерѣзанному кабелю ни о чемъ не переговоришь даже съ Вильгельмомъ и что нѣмцы не перерѣзали бы кабеля, если бы до этого онъ служилъ имъ такую важную службу. Но датскимъ кабелемъ дѣло не ограничилось. Въ одной изъ послѣпраздничныхъ газетъ, изъ тѣхъ листковъ, что республиканскія убѣжденія смѣшивали съ грубою развязностью и, простите за рѣзкость вѣрнаго слова, хамствомъ, а потому печатали тогда о царской семьѣ разныя гадости *, появился какъ то рядъ телеграммъ, за подписью «Алиса» съ зашифрованными мѣстами отправленія и назначенія, содержаніемъ своимъ указывающихъ на измѣну. Аляповатость поддѣлки бросалась въ глаза, но Муравьевъ такъ и взвился. Возбуждено было особое предварительное слѣдствіе, которое производилъ (думаю, что помню безошибочно) харьковскій судебный слѣдователь Г. П. Гирчинъ, оставившій въ моей душѣ самую лучшую о себѣ память, какъ о

---

* Гадости эти доходили даже до гнусныхъ намековъ на происхожденіе цесаревича. Глядя, какъ раскупаются такіе листки, я невольно вспоминалъ двухъ моихъ знакомыхъ молодыхъ людей, почитаемыхъ окружающими за интеллигентовъ; оба они съ убѣжденіемъ говорили мнѣ, что Петръ Великій несомнѣнно сынъ патріарха Никона, и были озадачены, когда я указалъ имъ, что Петръ родился въ 1672 году, а Никонъ былъ низложенъ и удаленъ изъ Москвы въ 1667. Ужъ очень падки русскіе люди на сенсаціи, а подумать и провѣрить, видно, считаютъ совсѣмъ лишнимъ.

человѣкѣ и дѣятелѣ. Слѣдствіе, поведенное опытной рукой, съ первыхъ же шаговъ выяснило жалкую подкладку появленія этихъ телеграммъ, про которую можно сказать словами Лермонтова: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Сотрудникъ упомянутой газеты, молодой человѣкъ, ухаживавшій за барышней, служившей на телеграфѣ, посулилъ ей, въ поискахъ за сенсаціоннымъ матеріаломъ, коробку конфетъ за что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее; барышня, спустя нѣсколько дней, передала ему пачку телеграммъ, о которыхъ сказано выше. Молодой человѣкъ съ торжествомъ показывалъ слѣдователю, какъ онъ раздобылся этими драгоцѣнными документами; но барышня на допросѣ смутилась, разволновалась и созналась въ поддѣлкѣ. Да поддѣлка была установлена съ несомнѣнностью и помимо ея сознанія: номера телеграммъ не отвѣчали дѣйствительнымъ номерамъ того телеграфнаго отдѣленія и за тотъ періодъ времени, которые были выставлены на телеграммныхъ бланкахъ; кромѣ того, оказалось, что зашифровать мѣсто отправленія нельзя. А главное, какъ вамъ нравится подпись: «Алиса»? Сочинительница, видно, великолѣпно знала, какъ можетъ и должна подписываться императрица . . . ужъ не умѣю сказать, въ какихъ случаяхъ: тогда ли, когда она хочетъ подписаться запросто, по дружески, или когда ей хочется прикрыться псевдонимомъ, но достаточно прозрачнымъ для праздной публики, читающей понедѣльничную газету. Мнѣ такъ и вспомнился раненбургскій почтмейстеръ, старичекъ, мечтательный лгунъ, разсказывавшій, какъ императоръ Александръ III угощалъ его чаемъ въ Гатчинскомъ дворцѣ и замѣтилъ императрицѣ съ ужасомъ: «Маша, развѣ ты не знаешь, что Иванъ Ѳомичъ любитъ съ ромомъ?» Въ обоихъ случаяхъ освѣдомленность о частной жизни царей — прямо на рѣдкость близкая. Тѣмъ не менѣе, глава нашей комиссіи еще не успокоился, и его опять было подняла попытка злополучной барышни взять свое сознаніе назадъ, какъ будто это сознаніе такъ ужъ было важно.

Я пишу теперь съ улыбкою, настолько все это кажется, при взглядѣ назадъ, несерьезнымъ, но тогда меня разговоры объ отвѣтственности государя и государыни очень волновали, звуча въ моихъ ушахъ чѣмъ то незаконнымъ, невеликодушнымъ, безтактнымъ и, къ тому же, безцѣльнымъ, какимъ то переливаніемъ изъ пустого въ порожнее по явной своей безнадежности. Мое мнѣніе о безнадежности всѣхъ поисковъ въ этомъ направленіи нашло себѣ высокое подтвержденіе въ показаніи того авторитетнаго свидѣтеля, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній (въ подстрочной выноскѣ). Допрашивалъ этого свидѣтеля въ Европейской гостинницѣ одинъ изъ нашихъ слѣдователей, а какой именно, память моя выронила: то представляется мнѣ товарищъ оберъ-прокурора сената Гитцъ, то московскій судебный слѣдователь Баркалъ. Но самый допросъ, на которомъ я присутствовалъ съ начала до конца, вспоминается живо. Свидѣтель удостовѣрилъ, что императрица не выносила Вильгельма II, какъ и всѣ члены владѣтельныхъ нѣмецкихъ родовъ, съ которыми тотъ обращался свысока, считая ихъ наравнѣ со всѣми, своими подданными. По словамъ свидѣтеля, онъ провелъ на императорской яхтѣ «Штандартъ» три дня съ государемъ, государыней и Вильгельмомъ, когда происходило свиданіе императора въ Балтійскомъ Портѣ. Вильгельмъ, какъ отозвался о немъ свидѣтель, былъ большого мнѣнія о своемъ остроуміи, но острилъ неудачно, что не мѣшало ему смѣяться своимъ шуткамъ первому. Императрица за обѣдами, завтраками и ужинами была очень холодна съ Вильгельмомъ, а шутки его и смѣхъ встрѣчала пожиманіемъ плечъ, такъ что царь старался вслѣдъ за тѣмъ быть съ гостемъ вдвое любезнѣе. Я нарочно привелъ это наблюденіе человѣка, освѣдомленность котораго стоитъ внѣ

спора, чтобы подкрѣпить такое свое разсужденіе: какая мать могла бы радѣть двоюродному брату въ ущербъ своему сыну? Вопросъ этотъ становится еще острѣе, если любовь къ сыну велика и очевидна, а любовь къ двоюродному брату, по меньшей мѣрѣ, сомнительна.

Какъ бы то ни было, всѣ попытки, правда, вялыя и безсистемныя, изобличить царя и царицу въ государственномъ преступленіи оказались покушеніемъ съ негодными средствами.

Угнетали меня и разговоры въ президіумѣ нашей комиссіи о преданіи суду А. А. Макарова. Изъ узниковъ Керенскаго было два министра, при допросѣ которыхъ я отказался присутствовать: Макаровъ и Маклаковъ. О Маклаковѣ, какъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, мнѣніе мое отличалось рѣшительно отрицательнымъ характеромъ: его пріемы управленія я считалъ и считаю прямо вредными; но мы были вмѣстѣ въ гимназіи, были на «ты», бывали другъ у друга, когда то относились другъ къ другу съ душевной пріязнью, такъ что мой отказъ едва ли покажется кому либо страннымъ. Что же касается Макарова, то я съ нимъ не встрѣчался до его назначенія министромъ юстиціи, но, конечно, слышалъ о немъ неоднократно и даже задолго до того, какъ онъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Общій отзывъ о немъ былъ какъ о формалистѣ и педантѣ. Многіе называли его просто сухимъ человѣкомъ. По должности министра внутреннихъ дѣлъ онъ прошумѣлъ на всю Россію своей рѣчью въ государственной думѣ о кровавомъ столкновеніи властей съ рабочими на ленскихъ пріискахъ*. Все это заставило меня невольно съежиться, когда онъ замѣнилъ А. А. Хвостова на посту министра юстиціи. Боязнь близкихъ служебныхъ отношеній съ «сухаремъ» заставила меня еще рѣшительнѣе, чѣмъ бы я это сдѣлалъ въ другихъ условіяхъ, отклонить его предложеніе быть у него директоромъ второго департамента министерства (по вопросамъ личнаго состава) заставила и горько пожалѣть о томъ, что онъ не отпустилъ меня съ должности прокурора петроградской судебной палаты на должность оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента сената. Но совмѣстная моя работа съ Макаровымъ въ теченіе всего пяти мѣсяцевъ заставила меня отбросить недовѣрчивость: я увидѣлъ въ немъ, правда, человѣка несомнѣнно склоннаго къ формальности, но умѣющаго много работать, спокойно и внимательно прислушивающагося къ чужимъ мнѣніямъ и чужимъ возраженіямъ, уважающаго судъ и не останавливающагося передъ опасностью потерять министерскій постъ изъ за отстаиванія того, что ему представляется законнымъ и должнымъ. Объ этомъ читатели прочли въ первой части моихъ воспоминаній, гдѣ я счелъ себя нравственно обязаннымъ особенно оттѣнить его достойное поведеніе по дѣлу Манасевича-Мануйлова. Керенскій и Муравьевъ не раздѣляли моей оцѣнки Макарова: они не могли забыть этой его рѣчи въ государственной думѣ, которая и мнѣ не нравилась. Но я со словъ самого Макарова зналъ, что онъ произносилъ ее, довѣрившись докладу директора департамента полиціи, впослѣдствіи столь своеобразно знаменитаго С. П. Бѣлецкаго, а докладъ оказался, выражаясь вѣжливо, одностороннимъ. Въ частности, многихъ переполошившая фраза: «Такъ было и такъ будетъ» — не была, по моему, такимъ криминаломъ, какъ ее принято считать въ кругахъ болѣе или менѣе лѣвой окраски: вѣдь она не значила, что Макаровъ сочувствуетъ поспѣшнымъ и

* Я стараюсь никогда не спорить о словахъ и не цѣпляться за слова. Но въ этой рѣчи меня непріятно рѣзнуло по сердцу нѣчто другое, а не слова: не знаю, правильно ли, но мнѣ почудилось въ ней черствое отношеніе къ человѣку и спокойствіе при видѣ пролитой крови.

неосновательнымъ выстрѣламъ въ безоружную толпу, и хотѣлъ онъ только сказать, что всегда и всякая власть была и будетъ вынуждена въ крайности подавлять бунтарскія движенія вооруженной рукой, а лишь заблуждался на счетъ умѣстности такого пріема усмиренія въ данномъ, именно, случаѣ.

Я не могу придумать, по какой бы статьѣ закона привлекли А. А. Макарова за эту рѣчь, но еще раньше подвернулось другое дѣло, и вотъ за него и предполагалъ Н. К. Муравьевъ посадить бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Многимъ, вѣроятно, памятенъ членъ государственной думы Малиновскій, большевикъ, произносившій въ думѣ крайне лѣвыя рѣчи и сложившій съ себя депутатскія полномочія; кажется, онъ немедленно послѣ этого скрылся за-границу, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями самимъ Ленинымъ. Этотъ Малиновскій прошелъ въ думу по Москвѣ, при чемъ избранію его дѣятельно содѣйствовало московское охранное отдѣленіе: онъ состоялъ на службѣ въ тайной полиціи и получалъ жалованье, значительно увеличенное вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ сталъ членомъ думы, а рѣчи, произносимыя имъ съ трибуны, предварительно просматривались и поправлялись, если не сплошь составлялись, директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ. Такъ вотъ, этотъ почтенный членъ законодательной палаты былъ, какъ это выяснилось потомъ, за кражу со взломомъ изъ обитаемаго строенія (и, кажется, дважды) осужденъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія, при чемъ его, какъ и слѣдовало по закону, лишили всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Начальникъ московской «охранки», полковникъ Мартыновъ, человѣкъ рѣшительный и ухитрявшійся, какъ говорили, оплачивать изъ суммъ, отпускавшихся на розыски, своего кучера или свою кухарку, узналъ о такой подробности прошлой жизни агента, проводимаго въ члены думы, довольно поздно, въ самый разгаръ выборной кампаніи. Лишенные правъ, разумѣется, не могли, въ силу прямого запрещенія закона, быть членами государственной думы, и Мартыновъ не пожелалъ взять на себя отвѣтственность. Въ дѣлахъ нашей комиссіи была телеграмма, посланная имъ въ департаментъ полиціи. Мартыновъ сообщалъ, что избраніе Малиновскаго обезпечено, но указывалъ на его судимость и испрашивалъ инструкцій. На телеграммѣ или на докладѣ объ этой телеграммѣ (теперь уже не помню) рукою Бѣлецкаго, съ помѣткою двумя разными датами, были положены двѣ резолюціи; первая: «доложить его высокопревосходительству», а вторая: «его высокопревосходительство по докладу изволилъ приказать предоставить дѣло естественному теченію». За дословную точность моего воспроизведенія резолюцій я не ручаюсь, но тонъ я хорошо помню.

Муравьевъ находилъ, что всѣ эти данныя вполнѣ изобличаютъ Макарова. Я спрашивалъ: откуда видно? Онъ отвѣчалъ ссылкою на телеграмму Мартынова и на резолюцію Бѣлецкаго, называя ихъ вещественными доказательствами и документальными данными. Я возражалъ, что только захолустные слѣдователи называютъ вещественными доказательствами всякій хламъ, который имъ придетъ въ голову пріобщить къ дѣлу, а документомъ резолюціи могутъ быть лишь противъ писавшаго ихъ Бѣлецкаго. Неужели же, говорилъ я, вы сочтете достаточной письменной уликой противъ васъ мою записную книжку, въ которой я отмѣчу, Богъ знаетъ что, про вашъ вчерашній день? Муравьевъ отстаивалъ свою ультрапрокурорскую точку зрѣнія ссылкою на то, что директоръ департамента не посмѣлъ бы оболгать своего министра въ служебной бумагѣ. Я упорствовалъ на своемъ, утверждая, что, по моимъ наблюденіямъ, Макаровъ имѣетъ мужество не

отрекаться отъ своихъ поступковъ, а потому, пока онъ не признаетъ, что вторая резолюція положена съ его вѣдома и по его словесному распоряженію, я ни за что не повѣрю въ его виновность, тѣмъ болѣе, что онъ даже по пустымъ бумаженкамъ клалъ неизмѣнно собственноручныя обстоятельныя резолюціи своимъ характернымъ «уставомъ». Муравьевъ заявилъ, что уже допрашивалъ Бѣлецкаго, и тотъ настаиваетъ, что резолюція, положенная имъ, соотвѣтствуетъ истинѣ. Я уже начпналъ терять равновѣсіе, хотя и усиленно старался «держать себя за хвостъ». Взволнованно я отвѣтилъ, что не можетъ же Бѣлецкій сразу сознаться въ служебномъ подлогѣ, который такъ неожиданно для него всплылъ, хотя и долженъ былъ, по всей видимости, навсегда остаться погребеннымъ въ архивной пыли. И тогда Муравьевъ произнесъ, — этого я и теперь не могу забыть, — приблизительно слѣдующія слова: «Ужели вы думаете, — сказалъ онъ мнѣ, — что найдутся такіе присяжные засѣдатели, которые не осудили бы Макарова при какихъ угодно уликахъ?» Мнѣ до сихъ поръ стыдно вспомнить, какъ я вспыхнулъ и загорѣлся. Въ моей прокурорской службѣ иногда (къ счастью рѣдко) бывало такъ, что тотъ или другой товарищъ прокурора составлялъ обвинительный актъ не по лѣни* и не по легкомыслію**, а въ расчетѣ на довѣрчивость къ мундирнымъ людямъ и темноту захолустныхъ присяжныхъ засѣдателей ***. Я же, допуская постановку болѣе или менѣе сомнительныхъ дѣлъ въ крупныхъ центрахъ, гдѣ есть защита и гдѣ присяжные засѣдатели держатъ себя независимѣе и скорѣе излишне склонны къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію, рѣшительно возставалъ противъ того, чтобы дѣла, оставшіяся до конца предварительнаго слѣдствія нераскушеннымъ орѣхомъ, ставились на судъ съ присяжными въ медвѣжьихъ углахъ и называлъ такой пріемъ «отправленіемъ правосудія со взломомъ» ****. Скажу больше, я какъ то душевно отходилъ отъ такихъ товарищей прокурора и считалъ ихъ въ корнѣ непригодными для отвѣтственной передъ Богомъ и честными людьми службы дѣлу суда. А тутъ предсѣдатель комиссіи — и какой же? верховной, — обнаруживаетъ намѣреніе поставить самое «праховое»

---

* Обвинительный актъ, по моему, легче составить, чѣмъ заключеніе о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія, если въ дѣлѣ есть кое какія улики: заключеніе требуетъ письменныхъ соображеній, тогда какъ въ обвинительномъ актѣ приводятся только факты. Поэтому, насколько мнѣ случалось наблюдать, лѣнивые люди безсознательно склоняются скорѣе къ составленію именно обвинительныхъ актовъ, если нельзя дѣло вернуть къ дослѣдованію, что, конечно, еще проще.

** Легкомысленными я называю обвинительные акты по обвиненію въ грабежѣ, когда обвиняемый стащилъ съ потерпѣвшаго послѣ драки шапку въ видѣ трофея и сейчасъ же ее на виду, такъ сказать, у всѣхъ пропилъ, или по обвиненію въ убійствѣ, когда обвиняемый подвергся нападенію со стороны убитаго, или, напримѣръ, по обвиненію въ уничтоженіи бумаги присутственнаго мѣста, когда обвиняемый разорвалъ повѣстку о вызовѣ его въ консисторію по иску жены къ нему о разводѣ.

*** Темнота, къ сожалѣнію, не требуетъ доказательствъ для тѣхъ, кто побывалъ, напримѣръ, въ Гдовѣ или Новой Ладогѣ: близость къ столицѣ и безплодіе земли высасываютъ все болѣе толковое и предпріимчивое. А довѣрчивость, искренняя или притворная, доходила въ захолустьяхъ до того, что присяжные на слова товарища прокурора въ обвинительной рѣчи: «и за это вы ихъ достойно покараете» со своихъ мѣстъ въ нѣсколько голосовъ (я не анекдоты разсказываю) отвѣчали съ готовностью: «покараемъ, ужъ вы не сомнѣвайтесь».

**** Ставъ прокуроромъ суда, я прибѣгъ къ строгому процѣживанію обвинительныхъ актовъ исключительно во имя долга, какъ я его понималъ. Но вскорѣ убѣдился, что такъ нужно поступать даже ярому обвинителю: вздорныя обвиненія дискредитируютъ прокуратуру въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, и они начинаютъ оправдывать и уже по «битымъ» дѣламъ, чего обыкновенно не бываетъ, если всѣ обвиненія въ теченіе сессіи оказываются основательными.

обвиненіе въ расчетѣ на политическое возбужденіе судей. Я все это и высказалъ Муравьеву. Подлинныхъ словъ своего возраженія, конечно, припомнить не могу, но слова, каюсь, были и въ безпорядочности ихъ потока рѣзкія. Почти навѣрное, я и о «такихъ» товарищахъ прокурора упомянулъ, да еще прибавилъ, что ихъ порядочными не почитаю. Надо отдать справедливость Муравьеву, — онъ покраснѣлъ, но изъ себя не вышелъ и отвѣтилъ, что я не понялъ его: онъ вполнѣ убѣжденъ въ силѣ собранныхъ противъ Макарова уликъ и только потому подаетъ голосъ за его привлеченіе. Устыдившись своей горячности, хоть и чувствуя, какъ сердце продолжаетъ неистово колотиться въ боку, я значительно спокойнѣе замѣтилъ, что я тоже юристъ и тоже судебный работникъ и не принадлежу къ числу упрямцевъ, не желающихъ прислушиваться къ противнымъ мнѣніямъ, а потому мнѣ удивительно, отчего я такъ и не понялъ, на чемъ же покоится это его убѣжденіе, и думаю, что не очень то оно обосновано, если остается неуловимымъ даже для человѣка, привыкшаго вращаться въ вопросахъ о силѣ доказательствъ. Споръ нашъ кончился, какъ обыкновенно, въ ничью: рѣшенія никакого постановлено, не было*.

Однимъ изъ наиболѣе бередящихъ душу вопросовъ для меня представлялся вопросъ, о которомъ я уже говорилъ въ первой главѣ: вопросъ арестантскій, касавшійся лицъ, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости. Хоть они были взяты подъ стражу не нами, и не за нами числились, но разслѣдованіе предполагаемыхъ ихъ преступленій было возложено на насъ, и это, по моему, насъ обязывало. Всѣ вокругъ считали, что арестантовъ держитъ комиссія, и выраженіемъ общаго мнѣнія въ моихъ глазахъ являлось прошеніе Н. П. Карабчевскаго, въ которомъ (если не ошибаюсь, по поводу ареста А. А. Вырубовой) было поставлено намъ въ вину содержаніе подъ стражею лицъ, остающихся безъ допроса цѣлые мѣсяцы. Меня никогда не волновали укоры въ томъ, чего я не дѣлалъ, но здѣсь я чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Я понималъ, что нельзя допрашивать человѣка, пока еще ищешь, не совершилъ ли онъ какого либо преступленія, но отсюда вытекало только то, что комиссія не могла ограничиться однимъ, такъ сказать, «отпихиваніемъ» отъ себя арестантовъ; и поэтому мнѣ было мало, что я добился этого, какъ разсказано въ предыдущей главѣ; я понималъ или, вѣрнѣе, чувствовалъ, что комиссія должна поставить принципіальный вопросъ о недопустимости дальнѣйшаго содержанія людей подъ замкомъ безъ привлеченія ихъ къ отвѣту въ законномъ порядкѣ. Прошеніе Карабчевскаго казалось мнѣ самымъ удобнымъ для того поводомъ. Но дни шли, а прошеніе это лежало на столѣ передъ Н. К. Муравьевымъ безъ движенія: насколько помню, Карабчевскому мы такъ ничего и не отвѣтили, даже не отписались формальнымъ отвѣтомъ, что за нами числится

---

* Пока я оставался въ комиссіи, Макаровъ, поскольку мнѣ извѣстно, привлеченъ къ слѣдствію не былъ. Въ началѣ большевицкаго владычества, когда Макаровъ содержался еще въ Петропавловской крѣпости и уже были инсценированы процессы Пуришкевича и гр. Паниной съ допущеніемъ защиты, я обратился къ женѣ Макарова съ предложеніемъ выступить защитникомъ ея мужа, если его будутъ судить. Я видѣлъ въ этомъ мой нравственный долгъ. Отвѣта я не получилъ и не очень удивился, такъ какъ до меня уже ранѣе доходили слухи о томъ, что она поставила на мнѣ крестъ, какъ на «слугѣ временнаго правительства». Затѣмъ, будучи уже въ Кіевѣ, я слышалъ сперва объ освобожденіи Макарова изъ подъ стражи, а затѣмъ о новомъ его арестѣ и разстрѣлѣ. Осенью 1918 года мнѣ въ Кіевъ доставлено было кѣмъ то запоздалое письмо Макарова, очень дружеское и ласковое, но доставившій подтвердилъ фактъ насильственной смерти Макарова, послѣдовавшей будто бы еще лѣтомъ. Лишь недавно, будучи уже за русскимъ рубежемъ, я узналъ, что Макарова разстрѣляли только въ 1919 году, и мнѣ горько, что я не попытался тогда ему отвѣтить словомъ уваженія и привѣта.

только сенаторъ Добровольскій, уже привлеченный и допрошенный въ качествѣ обвиняемаго*. И вѣдь я былъ не одинокъ со своимъ мнѣніемъ: если подсчитать, то, пожалуй, моихъ сторонниковъ оказалось бы больше; но всѣ мы были, видимо, лишены заговорщическихъ наклонностей и способностей, такъ что не догадались сговориться тайкомъ и, дѣйствуя затѣмъ скопомъ, заставить нашего предсѣдателя уступить волѣ большинства, а потому и рѣшали только тѣ вопросы, которые онъ вносилъ на общее обсужденіе. Чѣмъ дальше отходитъ отъ меня это мое прошлое, тѣмъ отчетливѣе я сознаю, что въ такомъ вопіющемъ беззаконіи и самъ я не безъ вины: и моего дегтю тутъ есть капля, дегтя слишкомъ легкаго подчиненія данному положенію вещей.

Во мнѣ все болѣло при мысли о моемъ безсиліи, и я ежедневно мучился и въ Зимнемъ Дворцѣ, и въ Петропавловской крѣпости.

Въ Зимнемъ дворцѣ насъ осаждали жены арестованныхъ, бѣдныя женщины на которыхъ мнѣ было тяжело глядѣть. Иногда нервы не выдерживали, и, со свойственной большинству нервничающихъ людей непослѣдовательностью, я, сердясь на самого себя, былъ несдержанъ съ просительницами. Мнѣ и сегодня совѣстно, именно совѣстно (передъ собой), а не стыдно (только передъ свидѣтелями), какъ я позволилъ себѣ отвѣтить женѣ генерала Спиридовича. Дѣятельность его не могла вызвать во мнѣ сочувствія; признаюсь въ томъ безъ раскаянія. Хотя онъ и написалъ двухтомную исторію русскаго революціоннаго движенія, точность, и позвольте такъ выразиться, корректность которой была въ моемъ присутствіи признана изъ противнаго лагеря Максимомъ Горькимъ, но я никогда не могъ забыть, что нѣсколько лицъ, болѣе или менѣе близко освѣдомленныхъ въ подробностяхъ дѣла объ убійствѣ Столыпина, въ ихъ числѣ и Макаровъ, такъ и не отдѣлались отъ впечатлѣнія о причастности къ этому преступленію ген. Курлова и ген. Спиридовича. Госпожа Спиридовичъ естественно просила за мужа, естественно возмущалась его арестомъ безъ допроса и указывала, что нѣкоторые узники были уже освобождены. Слова ея коснулись моего больного мѣста, а боль вырвала у меня слова, что если ужъ выпускать арестованныхъ, то не съ жандармовъ надобно начинать. Слова жестокія, неумѣстныя и знаменующія отказъ идти дальше вывѣски**. И я хоть при слѣдующихъ разговорахъ съ госпожею Спиридовичъ всемѣрно старался загладить свою первую выходку, но и теперь, когда пишу эти строки, мысленно прошу у нея извиненія. Менѣе я виноватъ передъ женой одного сенатора, бывшаго директора департамента полиціи. Пріемы ея мужа при сыскѣ мнѣ рѣшительно не нравились ***, но онъ задолго до революціи оставилъ должность директора

* Вспоминается, кстати, мое недоумѣніе при избраніи мѣры пресѣченія. Казалось бы, можно было оставить Добровольскаго на свободѣ, но какъ же освобождать человѣка, привлекаемаго за корыстное должностное преступленіе, когда остаются въ заключеніи люди, еще ни въ чемъ не обвиняемые? Изначальная нелѣпость родитъ послѣдствія.

** Разумѣется, необходимо отрѣшаться отъ вывѣсокъ и учиться смотрѣть на человѣка, а не на мундиръ. Но съ этими массовыми арестами, производившимися именно по вывѣскамъ, болѣе нежели по дѣятельности, порою приходилось упираться втупикъ. Помню, какъ В. Л. Бурцевъ просилъ при мнѣ Муравьева освободить жандарма-охранника Герасимова, предлагая себя въ поручители за него. Я и теперь думаю, что искусный охранникъ обошелъ Бурцева, притворившись раскаявшимся и обѣщая открыть «всю подноготную» сыска. Но арестъ Герасимова не становился отъ этого законнѣе. И тѣмъ не менѣе, я не могъ не сказать Муравьеву то же, что жестоко сказалъ госпожѣ Спиридовичъ: если ходатайствовать передъ Керенскимъ не за всѣхъ, а за избранныхъ, то не съ Герасимова начинать.

*** Онъ былъ моимъ предмѣстникомъ по должности прокурора окружнаго суда. До этого онъ занимался почти исключительно политическими дѣлами, да и послѣ вернулся

тора департамента полиціи, а вѣдь нужно же считаться съ уголовной давностью. Какъ то разъ Муравьевъ бросилъ мысль, что давность для враговъ народа можно, пожалуй, и отмѣнить, но я всегда брезгливо относился къ предположеніямъ о приданіи закону обратной силы, если только законъ не приноситъ съ собой льготъ и облегченій. Поэтому я со всею искренностью сказалъ просительницѣ, что уже доказывалъ необходимость освобожденія ея мужа по чисто формальнымъ основаніямъ. Когда же она замѣтила, что «при старомъ режимѣ никогда не держали подъ стражею дольше 24 часовъ безъ допроса», я не удержался и отвѣтилъ ей, что какъ разъ мужъ ея и повиненъ въ такихъ арестахъ, которые ничѣмъ по существу не отличаются отъ нынѣшнихъ. Я и теперь такъ думаю, но если бы у меня не изболѣла душа изъ за «петропавловцевъ» и за поруганный свободолюбцами законъ, я бы, разумѣется, позволилъ себѣ эти слова сказать развѣ самому арестованному, а никакъ не его несчастной женѣ.

Изъ другихъ посѣтительницъ припоминается мнѣ М. Ѳ. Щегловитова. Хоть я и буду говорить еще о моей оцѣнкѣ дѣятельности ея мужа нѣсколько ниже, но, думаю, для внимательнаго читателя уже и такъ ясно, какъ я относился къ бывшему министру юстиціи и послѣднему предсѣдателю государственнаго совѣта. Тѣмъ не менѣе, когда М. Ѳ. Щегловитова обратилась ко мнѣ, я уже ясно чувствовалъ, что И. Г. Щегловитовъ не лицо, а типъ, пріемлющій въ свое лоно и правыхъ, и лѣвыхъ, и что русская держава, какъ прежде, стоитъ «щегловитовщиною», то есть неуваженіемъ къ закону (въ значительной степени наивнымъ, выбивающимся откуда то изъ подоплеки) и переулочнымъ дѣленіемъ людей не горизонтальной чертою на умныхъ и глупыхъ, способныхъ и бездарныхъ, знающихъ и невѣждъ, порядочныхъ и безчестныхъ, а вертикальной, непроницаемой перегородкой на своихъ и чужихъ, единомысленныхъ (все равно, искренно или притворно) и инакомыслящихъ. Поэтому, хотя я и нащупывалъ уже, по моему, уголовно-наказуемые поступки Щегловитова, незаконный его арестъ начиналъ мнѣ казаться, сверхъ того, все болѣе и болѣе несправедливымъ. Да, онъ виноватъ, но и тѣ, кто его ввергнулъ въ узилище, въ такой же винѣ купаются. И я, съ убѣжденіемъ относившійся къ обоимъ супругамъ Щегловитовымъ опредѣленно отрицательно *, не лукавилъ теперь, соглашаясь съ госпожей Щегловитовой, что мужа ея нѣтъ достаточнаго основанія, а не только законнаго повода держать подъ стражею.

къ тому же. Какъ то онъ пріѣхалъ къ намъ на какое то разслѣдованіе по своей спеціальности. Меня удивило, что никто изъ товарищей прокурора, бывшихъ его сослуживцевъ, не пригласилъ его къ себѣ обѣдать; но они мнѣ объяснили, что не могутъ ему простить поученія, какъ нужно «честно» «создавать улики» по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Тогда же я услыщалъ отъ нихъ суть этого поученія, и оно гвоздемъ засѣло въ моей головѣ. Вотъ оно, во всей его несравненной прелести. Если у васъ — говорилъ прокуроръ, будущій директоръ департамента полиціи своимъ подчиненнымъ, — нѣтъ прямыхъ доказательствъ, что такой то, тогда то былъ тамъ то, но вы по разнымъ даннымъ пришли къ непреложному убѣжденію, что это лицо дѣйствительно тамъ проживало въ то или иное время, призовите смышленнаго жандармскаго унтеръ-офицера или городового и разскажите ему всѣ свои о томъ соображенія, а затѣмъ спросите его: «Понялъ? Теперь знаещь, что обвиняемый тогда то жилъ тамъ то?» Онъ отвѣтитъ, конечно, утвердительно, а тогда вы предупредите его: «Такъ тебя вызовутъ на судъ и ты долженъ будешь показать, что онъ проживалъ тогда то, тамъ то, какъ тебѣ это положительно было извѣстно».

* Въ этотъ разъ я впервые разговаривалъ съ М. Ѳ. Щегловитовой, но представленіе о ней и ранѣе имѣлъ, какъ мнѣ кажется, исчерпывающее. Я держусь того мнѣнія, что жена министра, жена губернатора, вообще жена любого командующаго лица, въ какой

Но Зимній дворецъ былъ ничто въ сравненіи съ Петропавловскою крѣпостью. Тамъ для меня боль становилась порой прямо невыносимой. Я испытывалъ неловкость даже при входѣ въ камеры съ вѣстью объ освобожденіи. Это случилось уже въ самомъ началѣ моей работы по должности товарища предсѣдателя верховной комиссіи. Керенскій, рѣшивъ выпустить Горемыкина, кн. Голицына, Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, отправился въ крѣпость лично и взялъ съ собою Муравьева и меня. До сихъ поръ помню своды потолка, рѣшетку окна, узко глядящаго гдѣ то вверху, чисто выметенный каменный полъ, стоящую изголовьемъ къ стѣнѣ кровать, умывальникъ и удобства съ проведенною водой въ камерахъ Крашенинникова и Куколь-Яснопольскаго, помню и то, что камера Горемыкина была болѣе похожа на жилую комнату, чуть ли не съ письменнымъ столомъ и съ окномъ, доходящимъ до чуть ли не паркетнаго пола. Тѣ помѣщались въ Трубецкомъ бастіонѣ, а эта въ какой то «куртинѣ», — прилагательное я позабылъ. Помню, какъ Крашенинниковъ быстро поднялся, при видѣ насъ, съ постели, удивленно глянулъ на меня, и съ какой то двойственной, насмѣшливо-страдальческой улыбкой слушалъ Керенскаго *. Помню, что Горемыкинъ освѣдо-

---

бы то ни было отрасли управленія, не помѣщается цѣликомъ въ рамкахъ только семейной, вполнѣ частной жизни. Не какъ жена своего мужа, а какъ жена именно министра, она становится до извѣстной степени оффиціальнымъ лицомъ и обязана очень и очень оглядываться на себя.

А вотъ отрывки изъ поступковъ жены министра юстиціи И. Г. Щегловитова, за достовѣрность которыхъ я ручаюсь.

Возвращаясь съ Кавказа въ Петроградъ одна, безъ мужа, М. Ѳ. Щегловитова не таила времени своего проѣзда черезъ Москву, и представители московской магистратуры и прокуратуры считали себя обязанными встрѣчать ее на вокзалѣ и подносить ей цвѣты. Она оставалась отъ поѣзда до поѣзда и мнѣ извѣстенъ случай, когда она приняла «обѣдъ запросто» въ «Прагѣ» отъ прокурора палаты, предсѣдателя и прокурора суда. Старшій предсѣдатель судебной палаты, человѣкъ безъ средствъ, отсутствовалъ. Хотя госпожа Щегловитова и повторяла за обѣдомъ, что вѣритъ искренности своихъ сотрапезниковъ, которые въ ней, конечно, цѣнятъ не жену министра, а добрую знакомую, но вскорѣ уже въ Петроградѣ, одному изъ нихъ пріѣхавшему къ ней съ визитомъ, сказала: «А у васъ въ Москвѣ есть старшій предсѣдатель? Я его никогда не вижу».

Тому же судебному дѣятелю, указывая на вазу, несомнѣнно цѣнную, госпожа Щегловитова сообщила цѣлую исторію ея происхожденія. Въ ней были поднесены женѣ министра цвѣты прокуроромъ одного изъ прикавказскихъ судовъ; она, было, ни за что не хотѣла брать вазы, говоря, что дорогихъ подарковъ принимать не желаетъ, но прокуроръ, — такой милый, — совсѣмъ смутился и, выражая готовность взять вазу назадъ, простодушно произнесъ: «только она, право, стоитъ всего шесть рублей». А тогда уже другое дѣло, и ей не было основанія отказываться отъ вазы.

Я не умѣлъ ко всему этому относиться хладнокровно, зная, какъ рѣдко среди насъ встрѣчаются люди сколько-нибудь обезпеченные.

* На другой день Н. С. Крашенинниковъ позвонилъ уже изъ своей квартиры по телефону въ мой кабинетъ и дружески поблагодарилъ меня за участіе въ его освобожденіи, такъ что только то чувство неловкости, которое мною владѣло наканунѣ, заставило меня тогда въ его удивленныхъ глазахъ прочитать укоръ.

Разскажу, кстати, здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, кое что изъ моихъ отношеній съ нимъ.

Впервые я встрѣтился съ Н. С. Крашенинниковымъ, когда онъ еще въ 1900 году былъ назначенъ предсѣдателемъ въ петербургскій окружный судъ, гдѣ я состоялъ товарищемъ прокурора. Съ ясными голубыми глазами на изможденномъ лицѣ, съ рѣчью какими-то неровными порывами, порою желчно-раздражительный, нервно-пристрастный, онъ меня подкупилъ своей огромною работоспособностью, своимъ исключительнымъ умѣньемъ схватывать на лету и въ точности формулировать мысли собесѣдника, своими знаніями въ гражданскомъ правѣ и тѣмъ особымъ качествомъ мышленія, которое отличаетъ настоящихъ цивилистовъ Божьею милостью, отъ цивилистовъ кустарнаго производства, своимъ безошибочнымъ пониманіемъ, кто изъ насъ чего стоитъ, и уваженіемъ

мился, какъ моя фамилія (видно я по лицу показался ему знакомымъ), и затѣмъ сталъ увѣрять, будто бы очень любилъ моего отца, а мой отецъ платилъ ему тѣмъ же; бѣдный старикъ имѣлъ жалко согбенный видъ, и я чувствовалъ, что слова его искренни, хотя и зналъ, что они не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ отношеніямъ между нимъ и моимъ отцомъ *. Значительно бодрѣе держался кн.

къ чужой работѣ. Тогда онъ, и въ разгарѣ спора, даже горячась, заставлялъ себя вслушиваться и вдумываться въ доводы противника; тогда онъ былъ человѣкомъ свободомыслящимъ. Такъ выходило изъ его словъ, а зачѣмъ бы ему было притворяться передъ младшимъ сослуживцемъ? Помню, какъ его огорчило не менѣе, чѣмъ меня, извѣстіе о томъ, что А. А. Лопухинъ промѣнялъ судебную службу на должность директора департамента полиціи, да еще при Плеве.

Въ 1906 году насъ опять свела судьба: мы оба оказались въ петербургской судебной палатѣ, онъ — старшимъ предсѣдателемъ, а я — членомъ (по гражданскому департаменту). Съ первыхъ его шаговъ для меня стало очевидно, что передо мною человѣкъ, испугавшійся революціи и покатившійся по наклонной поверхности направо. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, бороться съ революціей, оставаясь судьею; онъ сталъ еще болѣе раздражителенъ и уже сердился на возраженія. Въ общемъ собраніи палаты онъ стремился къ самодержавному властвованію, и тутъ я испортилъ ему много крови; онъ неоднократно съ силою бросалъ на столъ карандашъ, слушая мои выступленія противъ него (не во имя, конечно, революціи, а во имя закона, на который по моему ни подъ какимъ предлогомъ нельзя садиться, какъ дѣлалъ щедринскій помпадуръ). Кончилось все это тѣмъ, что онъ поспособствовалъ въ 1908 году моему повышенію (назначенію товарищемъ оберъ-прокурора судебнаго департамента сената), лишь бы избавиться отъ меня. Но справедливость заставляетъ меня сказать, что онъ себя не продавалъ, а только увлекался, какъ страстный и пристрастный человѣкъ. Онъ не подыгрывался къ Щегловитову и не былъ его любимцемъ; умѣлъ отмежевываться иногда въ общемъ собраніи отъ попытокъ П. К. Камышанскаго, тогдашняго прокурора палаты, насѣсть на судебные уставы; послѣ рѣзкихъ выходокъ въ засѣданіи, не разъ въ совѣщательной комнатѣ былъ справедливѣе и мягче своихъ приспѣшниковъ; сохранилъ способность цѣнить хорошихъ работниковъ и — странное дѣло — явно оказывалъ больше уваженія независимымъ людямъ, чѣмъ угодливымъ, которыми, однако, пользовался во всю.

Въ теченіе семи лѣтъ мы изрѣдка встрѣчались въ министерствѣ юстиціи или на похоронахъ сослуживцевъ. Стороною я узналъ, что онъ, видимо, успѣвъ остыть, представлялъ меня на мѣсто покойнаго С. В. Кудрина въ предсѣдатели петербургскаго окружнаго суда, но и не подумалъ спросить моего согласія.

Въ 1915 году онъ былъ назначенъ, въ качествѣ сенатора, произвести ревизію московской администраціи по случаю нѣмецкаго погрома. Я собирался ѣхать на лѣто въ деревню, когда онъ предложилъ мнѣ быть его помощникомъ въ ревизіи. Видя мое удивленіе, котораго я не могъ скрыть, онъ пояснилъ, что хорошихъ работниковъ набрать не такъ ужъ трудно, но во мнѣ онъ видитъ человѣка, который всегда скажетъ свое искреннее мнѣніе, а онъ, приступая къ отвѣтственной работѣ, боится окружать себя только людьми, старающимися угадать его мнѣніе и не имѣющими собственнаго или имъ не дорожащими. Я, признаюсь, былъ этими словами подкупленъ и, послѣ суточнаго размышленія, согласился войти въ составъ ревизіи. Долженъ удостовѣрить, что Крашенинниковъ ни разу не забылъ, для чего онъ меня приглашалъ, и, напримѣръ, когда я пришелъ къ рѣшенію произвести одновременно нѣсколько (кажется, 10 или 12) обысковъ въ помѣщеніяхъ московскихъ правыхъ организацій, онъ, не морщась, подписалъ заготовленныя мною предложенія судебнымъ слѣдователямъ.

Кончая ревизію, онъ написалъ новому министру юстиціи А. А. Хвостову, что хочетъ имѣть меня предсѣдателемъ (гражданскаго) департамента палаты. Министръ (предполагая, что я объ этомъ освѣдомленъ и далъ согласіе) доложилъ государю, и мое назначеніе послѣдовало; но вновь совмѣстно служить съ Крашенинниковымъ мнѣ уже не пришлось: онъ, вслѣдъ за этимъ, отказавшись отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Моя оцѣнка Крашенинникова двоится; я считаю его даровитымъ человѣкомъ, но принесшимъ много вреда своею страстностью и самовластной нетерпимостью: могъ быть выдающимся цивилистомъ, а сталъ неудачнымъ уголовнымъ судьею.

* И. Л. Горемыкинъ, оберъ-прокуроръ второго (по крестьянскимъ дѣламъ) департамента сената, товарищъ министра юстиціи, сенаторъ, управляющій межевою частью,

Голицынъ, но и его породистое лицо, освѣщенное красивыми глазами, замѣтно осунулось; глядя на него, я вспомнилъ отвѣтъ, данный имъ три мѣсяца назадъ на вопросъ одной знакомой дамы, зачѣмъ онъ пошелъ въ первые министры: «для того, чтобы однимъ пріятнымъ воспоминаніемъ было больше»; отвѣтъ этотъ былъ шуткою, но какъ подшутила надъ шутникомъ судьба.

Тяжело мнѣ было присутствовать даже при освобожденіи, еще тяжелѣе — при допросахъ тѣхъ, кого мы не могли освободить. И на этой почвѣ у меня произошло едва ли не самое острое изъ всѣхъ моихъ столкновеній съ Муравьевымъ, къ разсказу о чемъ я и приступаю теперь.

Комиссія выѣзжала на допросы въ крѣпость au grand complet: не менѣе трехъ членовъ президіума, канцелярія (къ которой присоединялись любопытствующіе изъ наблюдающихъ за слѣдствіями «представителей общественности») и стенографистки. Допросы производились въ зданіи Трубецкого бастіона, гдѣ намъ отведена была особая комната. Очень скоро стали доходить до насъ свѣдѣнія, что караулъ бастіона, захлестываемый, видимо, волнами «кронштадтскаго углубленія революціи», грубо притѣсняетъ заключенныхъ, какъ контръ-революціонеровъ, и даже моритъ ихъ голодомъ, значительную часть арестантскихъ порцій отправляя въ свои, вѣрные революціи, желудки. Свѣдѣнія были точныя: ихъ подтверждалъ и докторъ при крѣпости, апатическаго вида человѣкъ въ формѣ военнаго врача; равнодушнымъ голосомъ говорилъ онъ, что все это правда, и еще равнодушнѣе добавлялъ, что онъ не можетъ ссориться съ карау-

---

товарищъ министра и министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта и дважды первый министръ, служитъ, по моему, нагляднымъ доказательствомъ ошибочности толстовскаго изображенія Кутузова въ «Войнѣ и Миръ». Не Кутузовъ, а Горемыкинъ всѣмъ существомъ своимъ держался линіи поведенія, которую можно назвать политическимъ laisser faire, laisser aller. Съ его именемъ связанъ роспускъ первой думы: говорили тогда, что государь хотѣлъ взять назадъ свой манифестъ, но Горемыкинъ, сдавъ манифестъ въ печать, легъ спать и приказалъ не будить себя, отъ кого бы къ нему не прислали, хотя бы отъ царя, такъ что царскій посланный безуспѣшно настаивалъ на томъ, чтобы только что ушедшій на покой первый министръ былъ разбуженъ. Если этотъ разсказъ и вымышленъ (что очень вѣроятно), то сочинить его про кого либо другого изъ министровъ было бы невозможно. Изъ нихъ одинъ Горемыкинъ былъ такого умонастроенія, что «и безъ насъ все образуется». Будучи еще министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ завелъ отлично исполненный штемпель, который и прикладывался къ рядовымъ бумагамъ вмѣсто подписи министра, а кѣмъ прикладывался, о томъ ходили тогда же насмѣшливые толки. Да и многія резолюціи и мнѣнія Горемыкина были тѣмъ же механическимъ прикладываніемъ штемпеля; такъ, напримѣръ, обѣщавъ своему пріятелю утвердить уставъ одной кіевской музыкальной школы съ сохраненіемъ нужной для учредителя статьи, Горемыкинъ дважды согласился съ докладомъ директора департамента объ отказѣ въ сохраненіи этой статьи; и не только въ маломъ проявлялъ онъ такое безразличіе къ дѣлу: высказываясь въ пользу изданія правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты, за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ, онъ обнаружилъ въ засѣданіи (въ которомъ предсѣдательствовалъ), что не расшифровалъ въ одной статьѣ ссылки на законъ и, самъ того не подозрѣвая, голосовалъ за высылку неспособныхъ къ строю въ Сибирь на пять лѣтъ. Человѣкъ неглупый и незлой, онъ какъ-то не умѣлъ присмотрѣться, куда увлекается Россія подъ возглавляемымъ его особою правительствомъ. На его примѣрѣ можно видѣть, что отсутствіе капельмейстера не служитъ къ выгодѣ его оркестра. Что бы ни говорили про безсиліе вождей, я всегда твержу свое: коллективъ — рояль, а личность — піанистъ; конечно, самый геніальный піанистъ не въ состояніи извлечь изъ рояля звуковъ, которыхъ не можетъ дать ни одна клавиша инструмента, но на томъ же роялѣ можно сыграть и «Ave Maria», и «Камаринскаго», на томъ же роялѣ и ту же самую пьесу сыграютъ совсѣмъ иначе Рубинштейнъ и Катенька изъ «Дѣтства и Отрочества» Толстого, игравшая «avec âme, но безъ такта» и даже блютнеровскій рояль издастъ дикіе звуки, если по клавишамъ, въ отсутствіи человѣка, поскачетъ, спина дугою и хвостъ въ сторону, опьянѣвшая отъ молока съ коньякомъ кошка.

ломъ и наживать себѣ враговъ. Ну, онъ то что-жъ, пусть Богъ его проститъ, а мы то, мы? Но и Муравьевъ какъ то мялся и только разводилъ руками, говоря на мои взволнованныя рѣчи, что и заключенные не наши и караулъ не въ нашей власти: короче сказать, прибѣгалъ къ перефразѣ стараго присловья: «я не я, и лошадь не моя, и я не извозчикъ». Мои слова звучали будто въ пустомъ пространствѣ, не находя отклика, и волненіе мощно наростало въ душѣ, пока не перелилось черезъ край на допросѣ вице-директора департамента полиціи К. Д. Кафафова.

Кафафовъ былъ однимъ изъ «судебныхъ перебѣжчиковъ», изъ числа тѣхъ судебныхъ дѣятелей, которые «поискали не Іисуса, а хлѣба куса», и перешли на службу въ департаментъ полиціи, зная, что отъ него, какъ отъ водъ Екатерининскаго канала, «не розами пахнетъ». Я зналъ Кафафова, когда онъ еще былъ товарищемъ прокурора московской судебной палаты: веселый собесѣдникъ, несравненный тулумбашъ на дружескихъ пирушкахъ, съ хорошо повѣшеннымъ языкомъ, но юристъ и работникъ средняго калибра. Въ департаментѣ полиціи онъ, если не ошибаюсь, вѣдалъ хозяйственной частью, а въ Петропавловскую крѣпость попалъ за то, что подписалъ какой то циркуляръ департамента; я теперь рѣшительно не припомню, въ чемъ была сущность этого циркуляра; но не было сомнѣнія, что не Кафафовъ составлялъ этотъ циркуляръ и что подпись его подъ циркуляромъ есть слѣдствіе случайнаго отсутствія директора. На вопросъ, зачѣмъ же, если такъ, былъ арестованъ Кафафовъ, позвольте отвѣтить вопросомъ же: а зачѣмъ, въ первые дни революціи, убивали городовыхъ? Очевидно, мой удѣльный вѣсъ, какъ государственнаго или общественнаго дѣятеля, можетъ быть опредѣляемъ не только по тѣмъ, кого я считаю необходимыми для моего дѣла друзьями, но и по тѣмъ, кого я признаю опасными для него противниками.

Когда Кафафовъ предсталъ предъ нами въ качествѣ допрашиваемаго, то я болѣзненно поразился происшедшею въ немъ перемѣной: это была тѣнь прежняго Кафафова. А когда онъ на вопросы кого то изъ насъ, замѣтившаго его изможденность, осторожно сказалъ о положеніи заключенныхъ и смолкъ, опустивъ голову, и сдѣлавъ рукой движеніе покорной безнадежности, я свое сердце услышалъ въ вискахъ. Едва удалился Кафафовъ, я, обращаясь къ Муравьеву, взволнованно заговорилъ, что мы не можемъ долѣе безъ протеста терпѣть дикій произволъ караула, который позоритъ новый режимъ. Подлинныхъ словъ своихъ я, конечно, воспроизвести не могу, но помню, что завѣрилъ, что при царѣ едва ли бы нашелся прокуроръ, который бы допустилъ хотя бы отдаленный намекъ на подобнаго рода поступки со стороны тюремной стражи. Муравьевъ на это мнѣ отвѣтилъ требованіемъ, чтобы я взялъ назадъ свои слова, унижающія новый режимъ и восхваляющія старый. Я возразилъ, что если бы я былъ врагомъ новаго режима, меня бы здѣсь онъ не увидѣлъ, но что я не мальчикъ и словъ своихъ назадъ не возьму, такъ какъ они вполнѣ выражаютъ мою мысль, отъ которой я не вижу основанія отказываться. Тонъ моего возраженія былъ не изъ сдержанныхъ; Муравьевъ кипятился не менѣе моего, и, чѣмъ бы все это кончилось, кто можетъ знать? Но выручилъ меня представитель изъ лагеря революціонной общественности. Съ нами на сей разъ въ крѣпость пріѣхалъ состоявшій при комиссіи революціонеръ, фамилію котораго, къ стыду моему, я забылъ, а помню только литературный псевдонимъ — Невѣдомскій, лицо его стоитъ передо мною, какъ живое: блѣдный, дрожащій шагнулъ онъ ко мнѣ и, со слезами на глазахъ, пожалъ мою руку, говоря, что ему больно за себя

и за своихъ при видѣ, какія безобразія могутъ теперь твориться. Немного спустя, подошли ко мнѣ и стенографистки съ изъявленіемъ своего сочувствія, но и до этого я по лицамъ и выраженіямъ окружающихъ удостовѣрился, что большинство присутствующихъ оказалось на моей сторонѣ.

Но моя неожиданная побѣда была чисто словесная, и я не видѣлъ, во что и какъ она можетъ воплотиться. Однако, post hoc — ergo propter hoc, кое что было сдѣлано ни кѣмъ инымъ, какъ самимъ Муравьевымъ. Онъ въ скорости подѣлился со мною своимъ предположеніемъ провести во врачи къ заключеннымъ доктора И. И. Манухина. Я очень этому обрадовался. Доктора Манухина я любилъ и считалъ его своимъ другомъ; человѣкъ безупречной порядочности и полнаго безкорыстія, онъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями момента, имѣлъ «лѣвое» прошлое въ видѣ «политической судимости»: Новочеркасская судебная палата приговорила его за увлеченіе освободительнымъ движеніемъ 1905 года къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ. Конечно, смѣна врача еще далеко не все, но хоть что нибудь, и то хорошо. Поэтому я горячо убѣждалъ И. И. Манухина не отказываться отъ предложенія, въ которомъ, конечно, ничего заманчиваго не было. Когда назначеніе Манухина состоялось, заключенные почувствовали облегченіе: онъ внимательно обходилъ камеры, тщательно осматривалъ больныхъ, прописывалъ усиленное питаніе для тѣхъ, кто въ немъ нуждался, и рѣшительно осаживалъ караульныхъ при малѣйшей ихъ попыткѣ «свое сужденіе имѣть»; такъ, я помню, однажды, одинъ солдатъ выразилъ нежеланіе заказывать лекарство въ аптекѣ Креслинга на Большой Конюшенной, говоря, что и ближе аптеки есть, но долженъ былъ смириться передъ непреклонной рѣшимостью Манухина поставить на своемъ.

Но развѣ можно было ограничиться одною перемѣною врача?

Допросы, которые производила комиссія въ Петропавловской крѣпости не вызывались слѣдственною необходимостью. Если слѣдователь и допрашиваетъ иногда заподозрѣннаго, не привлекая его еще въ качествѣ обвиняемаго, то это происходитъ вотъ почему: по дѣлу собраны, казалось бы, достаточныя улики, но въ нихъ есть какая то червоточинка; есть сомнѣніе, не дастъ ли заподозрѣнный такихъ объясненій, которыя иначе освѣтятъ кажущіеся уликами факты и выяснятъ, что улики въ дѣйствительности были только одною видимостью уликъ и что обвиненіе оказывается пустымъ орѣхомъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, слѣдователь, или вовсе не допрашиваетъ заподозрѣннаго, а просто направляетъ дѣло на прекращеніе, когда улики представляются ему недостаточными, или же прямо приступаетъ къ допросу заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго, когда не сомнѣвается во внутренней добротности собранныхъ по дѣлу уликъ. Большинство нашихъ допросовъ въ крѣпости не могло бы вовсе состояться, если бы допрашиваемые были на свободѣ: я, по крайней мѣрѣ, не припоминаю ни одного допроса, который былъ бы вызываемъ потребностью провѣрить сомнительные выводы комиссіи объясненіями допрашиваемыхъ. Просто, за стѣнами крѣпостного каземата томились человѣческія души, и мы должны же были показать, что не забываемъ о ихъ существованіи. Къ допросамъ мы готовились: между нами были подѣлены обязанности по подготовкѣ къ допросамъ, но въ томъ то и дѣло, что не предшествовавшая подготовка влекла допросъ, а предстоящій допросъ вызывалъ подготовку.

Я присутствовалъ на нѣсколькихъ допросахъ. У Муравьева должна сохраниться стенограмма нашихъ засѣданій въ крѣпости. Стенографистки у насъ были изъ Государственнаго совѣта (изъ нихъ я знаю двухъ княженъ Тархановыхъ);

думается, что записи достаточно точны, если потомъ по нимъ не прошелся редакціонный карандашъ. Во всякомъ случаѣ, ни одной стенограммы я такъ и не видѣлъ до конца своей работы въ комиссіи. Память, не освѣженная ни малѣйшимъ клочкомъ замѣтокъ, удержала для меня до настоящаго времени только отрывки.

Изъ допросовъ Протопопова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, генерала Бѣляева, бывшаго военнаго министра, и ген. Хабалова, командовавшаго войсками петроградскаго округа, я вынесъ такое впечатлѣніе, что разсказы про пулеметы, изъ которыхъ будто бы стрѣляли съ крышъ по народу въ первые дни революціи, вѣрнѣе отнести къ области вымысла: всѣ трое были, по моему наблюденію, непритворно удивлены нашими разспросами о пулеметахъ; да и спрашивать то мы имѣли мало основанія, потому что слѣдственныя по этому предмету дѣйствія не дали ничего сколько-нибудь осязательнаго. Дыму безъ огня не бываетъ, говоритъ народная мудрость; но если и не оспаривать этого смѣлаго сообщенія, то огнемъ въ данномъ случаѣ могли быть пулеметы и орудія, установленные на крышахъ генераломъ Бурманомъ для обороны Петрограда отъ воздушныхъ налетовъ непріятельскихъ аэроплановъ, что казалось возможнымъ въ виду продвиженія нѣмецкаго фронта вглубь русскихъ владѣній. Разумѣется, эти пулеметы не были приспособлены для стрѣльбы внизъ, да и вообще, изъ показаній трехъ названныхъ лицъ выяснилось, какъ мало было сопротивленія революціонерамъ со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и военнаго управленія. Протопоповъ даже куда то скрылся и нѣсколько дней пропадалъ безслѣдно.

Генералы показывали съ бо̀льшимъ чувствомъ собственнаго достоинства, чѣмъ бывшій офицеръ Протопоповъ. Особенно — Хабаловъ: у него, то и дѣло, проглядывало, что онъ считается съ нами только фактически, по пословицѣ «сила солому ломитъ». А Протопоповъ велъ себя на допросѣ, на мою мѣрку, недостойно и даже въ заключеніе удручилъ меня фразою, что готовъ послужить и временному правительству. Яркими пятнами остались въ моемъ воспоминаніи два мѣста въ показаніи Протопопова, о которыхъ я, вкратцѣ, уже упомянулъ въ самомъ началѣ своихъ воспоминаній.

Первое касается записки министра внутреннихъ дѣлъ, поданной императрицѣ незадолго до февральско-мартовскаго переворота. Мнѣ было еще при царѣ извѣстно, что въ послѣднее время императрица то присутствовала при всеподданнѣйшихъ докладахъ министровъ, иногда внося замѣтки въ свою записную книжку, то вызывала министровъ передъ всеподданнѣйшими ихъ докладами къ себѣ и освѣдомлялась, о чемъ они будутъ докладывать государю. Кто то изъ министровъ (жаль, что теперь не помню, кто именно) передавалъ, что императоръ спросилъ его: «вы были вчера у ея величества?» И на утвердительный отвѣтъ откликнулся новымъ вопросомъ: «о чемъ вы съ ней говорили?» Тогда же по Петрограду ходили или, вѣрнѣе, ползли сплетни, будто Протопоповъ замышляетъ дворцовый переворотъ, думая объ императорѣ Алексѣѣ II подъ регентствомъ его матери и мечтая стать при этомъ полнымъ распорядителемъ судебъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось страннымъ, почему министры позволяютъ себѣ дѣлиться содержаніемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы и съ супругой императора, безъ испрошенія каждый разъ предварительнаго на то разрѣшенія самого царя. Говорю объ этомъ въ поясненіе того, что самый докладъ Протопопова на имя не государя, а государыни, меня не удивилъ; удивило зато содержаніе доклада. Онъ былъ очень много-

словенъ и заключалъ въ себѣ выдержки изъ донесеній съ мѣстъ и заявленій правыхъ организацій о несомнѣнной обреченности всякой попытки поднять возстаніе; выводъ доклада былъ таковъ, что русскій народъ не допуститъ революціи и расправится съ революціонерами, а потому и безпокоиться нечего. Я ужъ прежде сталкивался съ нашими крайне правыми организаціями: имѣлъ случай къ нимъ приглядѣться во время сентябрьской ревизіи, вызванной московскимъ нѣмецкимъ погромомъ; тогда я пришелъ къ добросовѣстному выводу о несерьезномъ — позволю себѣ выразиться рѣшительнѣе, — о бутафорскомъ ихъ характерѣ *. Поэтому я не могъ не поразиться, что же это за министръ, который черпаетъ воду изъ такихъ мутныхъ источниковъ: неужели онъ настолько, по меньшей мѣрѣ, наивенъ, что вѣрилъ всей этой шумихѣ? Не говоря еще Протопопову о его запискѣ императрицѣ, лежавшей тогда передо мной на столѣ, я спросилъ его, замѣчалъ ли онъ признаки надвигавшейся революціонной вспышки. Онъ отвѣтилъ, ни на мгновеніе не поколебавшись, безъ какихъ либо оговорокъ, что близость революціи для него была несомнѣнна. Помнится, онъ прибавилъ, что имѣлъ о томъ исчерпывающія донесенія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ. Такой рѣшительный отвѣтъ меня, признаюсь, озадачилъ, и я поставилъ Протопопову вопросъ, почему же онъ почти наканунѣ переворота представилъ императрицѣ записку съ увѣреніями, что революція невозможна. И Протопоповъ далъ отвѣтъ, что хотѣлъ успокоить царицу и царя. Не знаю, былъ ли этотъ отвѣтъ правдивъ, но иногда и ложь очень показательна: ни въ голосѣ, ни въ глазахъ Протопопова не чувствовалось того смущенія, которое долженъ испытывать министръ, сознающійся почему бы то ни было въ умышленномъ злоупотребленіи царскимъ довѣріемъ; было ясно, что Протопоповъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ такомъ обманѣ, какъ будто императорская чета — дѣти, а революція — горькое лѣкарство, которое лучше подсластить.

Второе мѣсто въ Протопоповскомъ показаніи не менѣе характерно. Незадолго до войны пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Grand Hôtel на улицѣ Гоголя какой то хиромантъ, въ скорости ставшій очень моднымъ; если мнѣ память не измѣняетъ, онъ бралъ за предсказаніе 200 рублей, не теперешнихъ рублишекъ, а довоенныхъ рублей золотомъ; о немъ я слышалъ отъ одной изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, которой онъ (передъ этимъ она овдовѣла) предсказалъ замужество (что, однако, и до сихъ поръ, насколько я знаю, не испол-

* Я могу говорить только объ организаціяхъ московскихъ, но, и ограниченныя одною Москвою, мои наблюденія были поучительны. Организацій оказалось не менѣе 10, всѣ онѣ косились другъ на друга, дышали на ладанъ, а иныя прямо состояли на содержаніи министерства внутреннихъ дѣлъ, испрашивая у него пособія. Помню А. Г. Орлова, предсѣдателя одной изъ этихъ организацій, который обладалъ исключительной способностью получать субсидіи; былъ онъ мелкимъ служащимъ на Александровской желѣзной дорогѣ, но за сплоченіе правыхъ рабочихъ на этой дорогѣ (число которыхъ, какъ выяснилось, безсовѣстно преувеличилъ) получилъ даже Владиміра четвертой степени; я говорилъ съ нимъ дважды и убѣдился въ совершенной его некультурности: душа его явно не была вспахана ни подо что истинно человѣческое. Вспоминаю и Турчанинова, товарища предсѣдателя въ одной и предсѣдателя манифестаціонной комиссіи въ другой правой организаціи; ревизія установила, что онъ получилъ значительную сумму съ нѣмецкихъ торговцевъ и промышленниковъ, обходя ихъ передъ погромомъ и обѣщая свою защиту; во время погрома онъ за деньги же отстоялъ одинъ нѣмецкій магазинъ по Кузнецкомъ мосту, а вечеромъ въ первый день погрома кончилъ свои труды тѣмъ, что зашелъ въ уцѣлѣвшую нѣмецкую колбасную и, распорядившись отпустить ему колбасы и ветчины, сталъ громко хвалиться погромными подвигами, а затѣмъ спросилъ, сколько съ него слѣдуетъ; трепещущая хозяйка отвѣтила, что все уже уплачено, и онъ, взявши свой ужинъ, торжественно удалился, такъ ничего и не заплативъ.

нилось). Передъ войной хиромантъ этотъ исчезъ, а во время войны оказался уже въ Стокгольмѣ и въ 1916 году возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему пріѣзда въ Петроградъ. На встрѣчу его домогательству пошелъ Протопоповъ, тогда уже управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но споткнулся о рѣшительное сопротивленіе военныхъ властей, имѣвшихъ опредѣленныя свѣдѣнія, что этотъ предсказатель не что иное, какъ нѣмецкій шпіонъ. Само собой разумѣется, что верховной комиссіи хотѣлось узнать, какія побужденія были у русскаго министра просить за нѣмецкаго шпіона. Отвѣтъ Протопоповъ далъ вполнѣ искренній. Я глядѣлъ на него во всѣ глаза, слушалъ его въ оба уха и не сомнѣваюсь, что онъ говорилъ правду. Да только правда эта была «хуже всякой лжи». Судите сами. По словамъ Протопопова, онъ, въ то время товарищъ предсѣдателя государственной думы, пожелалъ заглянуть очами хироманта въ свое будущее; тотъ предсказалъ ему высокую судьбу: предрекъ, что онъ будетъ стоять во главѣ правленія Россіи. И теперь, когда Протопоповъ милостью Распутина сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ захотѣлъ еще разъ поговорить съ пророкомъ и уяснить себѣ, полностью ли осуществилось его пророчество, или же эта должность только ступень къ дальнѣйшему восхожденію все выше и выше. Протопоповъ очень волновался, давая эти объясненія, но причины своего волненія онъ не потаилъ предъ нами: онъ страшился отягченной отвѣтственности при обвиненіи въ государственной измѣнѣ; но было ясно, что онъ ничего не видитъ страннаго и, я бы сказалъ, унизительнаго уже въ самомъ фактѣ способствованія, ради суевѣрныхъ цѣлей гаданія, пріѣзду въ Россію какого то темнаго проходимца, уже въ самомъ фактѣ готовности помочь ему въ этомъ, безъ малѣйшаго поползновенія поставить себѣ вопросъ: а зачѣмъ понадобилось тому вновь перенести свое колдовство на почву изнемогающей отъ войны и непорядковъ чужой для него страны?

Я знаю, что о Протопоповѣ говорили, будто онъ страдаетъ прогрессивнымъ параличемъ. Правда ли это, мнѣ судить трудно. Однако, на мой взглядъ, ни въ рѣчи, ни въ поведеніи послѣдняго царскаго министра внутреннихъ дѣлъ не было видимыхъ признаковъ этой страшной болѣзни; не было ихъ и въ его государственной дѣятельности, шаблонно бездарной: если ужъ ставить медицинскій діагнозъ въ зависимости отъ пріемовъ властвованія, то, смѣю думать, прогрессивнымъ паралитикомъ легче назвать Ленина, чѣмъ Протопопова *.

Подробнѣе остановлюсь я на допросѣ И. Г. Щегловитова. Къ его допросу подготовка возложена была на меня, и я отъ нея не уклонился. Мнѣ пришлось за это выслушать не мало непріятныхъ словъ и непосредственно, и по телефону, и на письмѣ. Какъ то уже во время большевицкой революціи, когда я жилъ въ Харьковѣ, одинъ судебный дѣятель, близкій къ семьѣ И. Е. Ильяшенка, товарища министра при Щегловитовѣ, передавалъ моей женѣ, что Щегловитовъ, при допросѣ, смотрѣлъ на меня съ кроткимъ упрекомъ. Я близорукъ, а потому могу только сказать, что такого взгляда не замѣтилъ. Но утверждаю, что Щегловитовъ ни въ чемъ упрекать меня основаній не имѣлъ: я не былъ съ нимъ связанъ общностью дѣятельности, я не былъ ему обязанъ личною благодарностью **; онъ и самъ никогда не заблуждался, что его нерасположеніе ко

* Писано въ Польшѣ, въ волынскомъ захолустьѣ, еще въ началѣ великаго поста 1922 года, до первыхъ извѣстій о болѣзни Ленина.

** Всякій, кто служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ при Щегловитовѣ (1906—1915 г. г.), знаетъ, что всѣ мы тогда раздѣлялись на опричнину (щегловитовцевъ) и земщину. Я принадлежалъ къ земщинѣ и не скрывалъ своего нерасположенія къ тому порядку ве-

мнѣ встрѣчаетъ взаимность и что мы расходимся не на личной почвѣ. Положа руку на сердце, смѣло скажу, что Ивану Григорьевичу Щегловитову я никогда не желалъ зла, а только съ болью и негодованіемъ глядѣлъ, какъ министръ Щегловитовъ раскидываетъ по бревнышку зданіе русскаго суда, которое, несмотря на всѣ свои недочеты, было, по моему глубокому убѣжденію, возведено нашими отцами лучше всѣхъ другихъ построекъ русской государственности. Негодованіе мое значительно остыло, когда Щегловитовъ сталъ для судебнаго вѣдомства вчерашнимъ днемъ, а ко времени допроса въ крѣпости даже покрылось сѣрымъ покровомъ пепла, такъ какъ я успѣлъ убѣдиться, что неуваженіемъ къ суду грѣшатъ у насъ, въ Россіи, не одни правые, а не меньше ихъ и лѣвые: тѣ и другіе (я не говорю объ исключеніяхъ, насчитываемыхъ, пожалуй, только десятками) видятъ въ судѣ не суперарбитра, а porte-voix.

Члены комиссіи Щегловитову, какъ и другимъ случалось, задавали безцѣльные вопросы, то-есть не касающіеся уголовно-наказуемыхъ дѣяній, а иногда и неосновательные. Но тутъ я не выдержалъ и во имя справедливости защищалъ допрашиваемаго. Помню два вопроса, предложенные сенаторомъ Н. Д. Соколовымъ, который начиналъ ихъ словами:

— А скажите, пожалуйста, господинъ Щегловитовъ *. . .

щей, при которомъ министръ юстиціи былъ дубликатомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей. Отецъ мой оставилъ мнѣ боярское имя въ лѣтописяхъ русскаго суда и я, поверставшись въ опричники, чувствовалъ бы себя Аѳанасіемъ Вяземскимъ. Работая только для правосудія (въ мѣру своихъ знаній и способностей), ничѣмъ не служа внѣсудебнымъ видамъ Щегловитова, я ничего и не могъ получить отъ него: если при немъ я былъ назначенъ изъ членовъ судебной палаты въ товарищи оберъ-прокурора сената, то это (я уже упоминалъ) было сдѣлано ради облегченія Н. С. Крашенинникова; если я получилъ по докладамъ Щегловитова крестъ и чинъ (двѣ награды въ теченіе девяти лѣтъ), то это было заурядъ съ прочею земщиною (въ соотвѣтствіи съ занимаемой должностью); если онъ поручилъ мнѣ наблюдать за слѣдствіемъ, въ форму котораго была облечена ревизія гражданскихъ департаментовъ московской судебной палаты, то это объясняется тѣмъ, что нужно было найти такого чина прокуратуры, который бы стоялъ на своихъ ногахъ въ качествѣ цивилиста.

Не было у меня и частныхъ отношеній къ Щегловитову. До того, какъ онъ вышелъ въ большіе люди, я съ нимъ встрѣчался въ Псковѣ, куда онъ пріѣзжалъ навѣщать своего сына-кадета и гдѣ я служилъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Тогда онъ былъ сотрудникъ еженедѣльника «Право», чтилъ судебные уставы и возражалъ противъ нажима на судъ. Помню разсказъ его о томъ, какъ ему, по должности товарища прокурора петербургскаго окружнаго суда, пришлось присутствовать при смертной казни Ульянова (брата Ленина), Генералова и др., совершенной въ Шлиссельбургской крѣпости въ 1887 году. Онъ говорилъ, что считалъ такое порученіе (павшее на него, какъ на самаго младшаго) чрезвычайно тяжелымъ, не могъ передъ казнью сомкнуть глазъ (ночевать пришлось въ крѣпости) и утромъ, ожидая телеграммы о высочайшемъ помилованіи, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы какъ-нибудь оттянуть казнь, пока не настояли на ея совершеніи комендантъ крѣпости и жандармскій офицеръ. Слова разсказа звучали такъ искренно, что я не имѣю никакихъ основаній подозрѣвать разсказчика въ притворствѣ.

Впрочемъ, даже будучи товарищемъ министра, Щегловитовъ выразилъ одобреніе свободолюбивымъ рѣчамъ друга моего И. И. Еропкина, за которыя, ставъ министромъ, не хотѣлъ его повышать; мало того, Щегловитовъ, уже въ качествѣ министра, встрѣтивъ въ Таврическомъ дворцѣ, при первой думѣ, профессора М. П. Чубинскаго, говорилъ ему, что теперь воздухъ не тотъ и легко дышится. Но еще въ январѣ 1906 года Н. Н. Таганцевъ предупреждалъ меня, что Щегловитовъ, передъ кѣмъ нужно, круто повернулъ вправо.

* Изъ моего упоминанія о такомъ обращеніи видно, что оно кажется мнѣ неудачнымъ. Чтобы не оставлять читателей въ недоумѣніи, почему же я противъ обращеній этого рода, скажу о томъ нѣсколько словъ, въ подстрочномъ примѣчаніи.

Есть два типа народовъ: западный, гдѣ больше значенія придаютъ родовому прозвищу, и восточный, гдѣ на первое мѣсто выдвигаютъ личное имя, а то и вовсе имъ однимъ

Одинъ изъ этихъ вопросовъ былъ: почему вы не давали ходу ни одному поляку? Другой вопросъ: почему былъ уволенъ безъ прошенія товарищъ предсѣдателя Новгородскаго окружнаго суда Мясоѣдовъ?

Мнѣ стало стыдно за комиссію, когда я услышалъ такіе вопросы. Во первыхъ, если бы Щегловитовъ и притѣснялъ поляковъ болѣе, нежели другіе министры, что же въ этомъ преступнаго съ точки зрѣнія уголовнаго закона? А во вторыхъ, при Щегловитовѣ были назначены: В. А. Желиховскій — первоприсутствующимъ Общаго собранія, А. А. Глищинскій — сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента, А. Л. Якубовскій — товарищемъ оберъ прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента, В. Б. Зегартъ, членомъ петроградскаго и товарищемъ предсѣдателя великолуцкаго окружнаго суда. Фамиліи этихъ четырехъ лицъ я вспомнилъ тогда разомъ; изъ нихъ послѣдніе двое ни въ какомъ смыслѣ не могли быть названы щегловитовцами. О Мясоѣдовѣ многое можно было бы сказать, но достаточно одного: онъ былъ уволенъ (согласно прошенію и съ усиленной пенсіею) при министрѣ юстиціи М. Г. Акимовѣ, когда Щегловитовъ былъ директоромъ перваго департамента министерства, то-есть никакого касательства къ вопросамъ личнаго состава не имѣлъ. Я и отвѣтилъ такъ Соколову за допрашиваемаго и обязываюсь не таить правды: Соколовъ въ перерывѣ добродушно оправдывался тѣмъ, что его ввели въ заблужденіе толки въ адвокатскихъ кругахъ. Я цѣню добродушіе, позволяющее спокойно признавать свои ошибки, но, конечно, лучше было бы готовиться къ допросу тщательнѣе.

Какого характера были мои вопросы, я покажу на двухъ примѣрахъ, которые отчетливѣе сохранились у меня въ памяти.

Первый вопросъ касался увольненія старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты, сенатора А. В. Кочубея отъ должности старшаго предсѣдателя. Кочубей какъ то изъявилъ желаніе уйти съ этой должности въ сенатъ, но вслѣдъ за тѣмъ передумалъ и прислалъ на имя министра письмо, въ которомъ бралъ заявленное имъ желаніе назадъ. Спустя приблизительно годъ, Щегловитовъ захотѣлъ убрать Кочубея изъ Тифлиса и поднесъ государю къ подписанію именной указъ, коимъ повелѣвалось Кочубею присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, съ увольненіемъ, согласно прошенію (котораго не было), отъ должности старшаго предсѣдателя, то-есть допустилъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ завѣдомую ложь, или, иными словами, совершилъ должностной подлогъ.

Второй вопросъ касался убійства въ Одессѣ Ишера (кажется, не искажаю фамиліи). Ишеръ этотъ, по національности еврей, былъ революціонеръ и содержался подъ стражею въ одномъ изъ одесскихъ мѣстъ заключенія. Онъ былъ убитъ ночью, когда его, по распоряженію временнаго генералъ-губернатора, генерала Толмачева, переводили изъ одной тюрьмы въ другую; сопровождавшій арестанта конвой донесъ, что убійство вызвано было попыткой бѣжать. Трупъ за-

---

ограничиваются. Тогда какъ у древнихъ римлянъ личныхъ именъ было мало и на нихъ не обращали вниманія, у древнихъ грековъ, при полномъ отсутствіи фамилій, личныя имена звучали гордо и появились отчества. И теперь, сравните, напримѣръ, французовъ съ русскими: противоположность запада и востока встанетъ во весь ростъ. Мы принадлежимъ къ восточному въ этомъ отношеніи типу, и обращеніе по фамиліи насъ коробитъ, отзываясь школою или казармами.

Я, конечно, не хочу сказать, что Щегловитова слѣдовало именовать Иваномъ Григорьевичемъ или вашимъ высокопревосходительствомъ, но вѣдь и безъ какого либо обращенія онъ, сидя противъ насъ, видѣлъ, что спрашиваютъ именно его.

копали, и дѣло пока покончили. Но въ скорости какой то полицейскій чинъ явился съ повинною удостовѣряя, что участвовалъ въ убійствѣ Ишера, который и не думалъ покушаться на побѣгъ: просто, генералъ Толмачевъ приказалъ отдѣлаться отъ Ишера, и самое распоряженіе о переводѣ его въ другую тюрьму было отдано для того, чтобы дорогою съ нимъ покончить. Заявитель передъ тѣмъ потерялъ свое мѣсто въ полиціи, такъ что явка его съ повинною могла вызывать сомнѣніе; но тѣло убитаго было, въ порядкѣ слѣдственныхъ дѣйствій, вырыто, и экспертиза установила, что онъ убитъ выстрѣломъ въ лобъ и почти въ упоръ. Дальнѣйшее слѣдствіе еще болѣе подтвердило слова заявителя, и потому возбужденъ былъ вопросъ объ отвѣтственности Толмачева; но Щегловитовъ испросилъ высочайшее повелѣніе о прекращеніи дѣла, то-есть, по мнѣнію моему, не только допустилъ превышеніе власти *, но сталъ укрывателемъ убійцы**.

На мои вопросы Щегловитовъ не далъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ: на первый, помнится, онъ отвѣтилъ, что Кочубей не могъ быть оставленъ на должности старшаго предсѣдателя, а упоминаніе въ указѣ о томъ, будто увольненіе состоялось по прошенію, должно было звучать пріятнѣе для самого же Кочубея; на второй — бывшій министръ юстиціи только развелъ руками и тихо сказалъ, что ему казалось лучше не доводить дѣло до суда во имя охраненія власти отъ дискредитированія. Тутъ Муравьевъ не выдержалъ и горячо (но совершенно неумѣстно) напалъ на допрашиваемаго, возмущаясь его отвѣтомъ. Допросъ былъ прерванъ.

Про Щегловитова говорили тогда, что онъ сходитъ съ ума: заговаривается и галлюцинируетъ. Насколько это правда, не знаю; на допросѣ онъ велъ себя съ достоинствомъ и съ гораздо большимъ самообладаніемъ, чѣмъ нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ. Но преступленія, конечно, остаются преступленіями, и онъ за нихъ, какъ совершившій ихъ въ полномъ разсудкѣ, долженъ былъ отвѣчать: большевики поступили иначе: они не стали разбирать, въ чемъ онъ виновенъ, и разстрѣляли его просто за то, что онъ былъ министромъ, то-есть сдѣлали его изъ преступника страстотерпцемъ.

Уже ко времени допроса Щегловитова я сталъ задумываться, не лучше ли мнѣ выйти изъ комиссіи. Я вчужѣ понималъ увлеченіе работавшаго о бокъ съ нами П. Е. Щеголева, который съ любопытствомъ историка ревностно рылся въ бумажномъ потопѣ разгромленнаго департамента полиціи (въ пресловутомъ зданіи у Цѣпного моста), но мое бѣличье колесо не позволяло мнѣ работать ни на будущіе годы, ни на слѣдующіе дни: на меня безсмысленно глядѣлъ каждый разъ одинъ текущій день, вырванный изъ живой связи со вчерашнимъ и завтрашнимъ. Историческихъ матеріаловъ я не собиралъ и собирать не могъ; а если бы и могъ, такъ не посмѣлъ бы, пока арестованные томились за рѣшеткою, ожидая, когда же мы кончимъ слѣдствіе. Освободить тѣхъ изъ нихъ, которые провинились только въ томъ, что не угодили новымъ правителямъ, у меня не было власти. Поса-

* Я уже говорилъ, что русскій царь съ изданія судебныхъ уставовъ отказался отъ участія въ отправленіи правосудія, оставивъ за собой только право помилованія уже осужденныхъ преступниковъ. По основнымъ законамъ царь не подлежитъ отвѣтственности передъ людьми, но министръ, спрашивающій у царя такое распоряженіе, которое нарушаетъ законъ, долженъ отвѣчать за превышеніе власти.

** Всякое незаконное дѣйствіе должностного лица съ цѣлью освободить преступника отъ суда и грозящаго наказанія не можетъ не быть разсматриваемо, какъ укрывательство преступника.

дить на скамью подсудимыхъ Протопопова, Щегловитова и всѣхъ тѣхъ, за кѣмъ оказывались дѣйствительныя преступленія, у меня не было вкуса: наказаніе, всегда по существу болѣе или менѣе грубое воздѣйствіе на человѣческую личность, можетъ быть (моею, по крайней мѣрѣ, совѣстью) оправдано лишь подъ условіемъ, что оно является внѣшнимъ выраженіемъ общаго запрета портить источники воды живой; и я отказывался понимать наказаніе, когда оно сводится къ окрику: не у того сосѣда ты воду портилъ.

Тяжесть безсмысленной работы и ощущеніе смутное, но безпокоющее, вогнанное внутрь, но не затихающее, что и подъ новыми вывѣсками мы попрежнему куда то уносимся въ темную даль безъ руля и компаса, привели меня къ тому, что я сталъ страдать сердечными припадками. Докторъ Манухинъ началъ меня уговаривать, чтобы я бросилъ комиссію, ушелъ изъ нея. Пока я колебался, боясь желаніе принять за достаточное основаніе для рѣшительнаго шага, произошло въ связи съ работою комиссіи, но внѣ ея, одно . . . право, не знаю, какъ назвать . . . событіе, не событіе . . . одинъ разговоръ, покушеніе на нѣчто ужасное, но покушеніе, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Какъ бы то ни было, это положило конецъ моимъ колебаніямъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. А. А. Вырубову выпустили таки изъ крѣпости. Пока она еще сидѣла подъ замкомъ, къ ней, какъ и къ другимъ арестантамъ, докторъ Манухинъ относился съ теплымъ участіемъ. По выходѣ изъ заключенія, она, повидимому очень тронутая этимъ, стала приходить къ нему, какъ паціентка, и познакомилась съ его женой, человѣкомъ большого образованія, собственныхъ и своеобразныхъ мыслей и несомнѣннаго писательскаго дара. И пришло Вырубовой въ голову, не можетъ ли Т. И. Манухина быть редакторомъ ея воспоминаній. Трудъ, конечно, не малый, но воспоминанія, — легко себѣ представить, — высокаго историческаго интереса. И госпожа Манухина охотно пошла навстрѣчу. Я такъ и не знаю, далеко ли подвинулось писаніе этихъ воспоминаній, да и не о томъ моя рѣчь. Муравьевъ бывалъ у Манухиныхъ, и какъ то разъ Т. И. Манухина, — къ слову пришлось, — сообщила ему, чѣмъ она теперь занята. И тогда Муравьевъ попросилъ ее позволить ему снять для комиссіи копію съ воспоминаній Вырубовой: Вырубова и знать объ этомъ не будетъ, и все обойдется благополучно. Еще не успѣвъ успокоиться отъ такого предложенія, Т. И. Манухина подѣлилась имъ со мною, и я, лишній разъ убѣдившись, какъ близки пріемы реакціоннаго и революціоннаго «правосудія» (по истинѣ les extrémités se touchent), рѣшилъ окончательно, что Муравьеву и мнѣ, намъ не по пути.

Когда я заявилъ своему предсѣдателю, что ухожу изъ комиссіи, онъ обезпокоился. Дорожить онъ мною не могъ:

Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали;

но ему хотѣлось почему то возвѣстить urbi et orbi, что я покидаю комиссію не по расхожденію съ нимъ, а дѣйствительно по болѣзни.

Сердечные припадки мои все усиливались, такъ что болѣзнь у меня была невымышленная; говорить о томъ, каково мое отношеніе къ Муравьеву, постороннимъ лицамъ я считалъ излишнимъ, пока не остыну. Поэтому на просьбу Муравьева я отвѣтилъ согласіемъ: если газетные сотрудники спросятъ меня о причинѣ моей отставки, я уклончиво сошлюсь только на болѣзнь. Про основную

причину моего «исхода» мы и наединѣ другъ съ другомъ не говорили: лишь глаза выдавали взаимное наше пониманіе; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ чувствовалось.

Я былъ уволенъ во второй половинѣ мая. Должность мою занялъ Б. Н. Смиттенъ, а на его мѣсто попалъ А. Ф. Романовъ, тогда числившійся прокуроромъ виленской судебной палаты.

Зайдя уже послѣ приказа объ отставкѣ въ Зимній Дворецъ проститься съ бывшими сотоварищами, я былъ, волею Муравьева, поставленъ лицомъ къ лицу съ нѣсколькими газетными сотрудниками. Но тутъ выяснилось, что имъ онъ сказалъ, будто бы я хочу говорить съ ними. Я заявилъ на чистоту, что самъ ни о чемъ не предполагалъ имъ сообщать для печати, но, исполняя желаніе предсѣдателя комиссіи, могу лишь удостовѣрить подлинность моего болѣзненнаго состоянія. Кто то изъ нихъ выразилъ тутъ же сомнѣніе въ томъ, чтобы такое сообщеніе могло представлять интересъ для читателей. Я не удержался отъ улыбки и отвѣтилъ, что вполнѣ съ нимъ согласенъ. Тѣмъ все кончилось. Потомъ я слышалъ, что лишь въ одной газетѣ было напечатано нѣсколько строчекъ о моей болѣзни; прочія ограничились перепечаткою приказа.

3. ВНѢ ПЕТРОГРАДА.

Мнѣ остается дописать въ этой части своихъ воспоминаній очень немногое: нѣсколько отрывочныхъ впечатлѣній, нѣсколько бѣглыхъ разговоровъ, вотъ и все.

Я уѣхалъ изъ Петрограда въ Ялту, думая просто отлежаться на солнцѣ у моря. По дорогѣ задержался подъ Харьковомъ на жениномъ хуторѣ, гдѣ тогда проживала она съ дочерьми.

Хуторъ подарилъ меня разговоромъ съ Иваномъ изъ деревни, что лежитъ у самаго хутора, подъ горою. Всѣ крестьяне тамъ Иваненки, за малыми исключеніями, а прозвища его я теперь не припоминаю. Мужикъ умный, дѣльный, жадный на работу и, конечно, на землю. Онъ, да еще Евдокимъ (этотъ — мечтатель) — два самыхъ выдающихся человѣка въ деревнѣ. Такъ вотъ, Иванъ спокойно и съ полнымъ убѣжденіемъ заявилъ, что ему рѣшительно все равно быть русскимъ (онъ сказалъ: «русскимъ» а не «украинцемъ») или нѣмцемъ: дадутъ ему больше земли нѣмцы, такъ онъ и будетъ нѣмцемъ. И я почувствовалъ, что это не циничное «ubi bene, ibi patria», а наивность человѣка еще не осознавшаго своей національности. Я понялъ, что такъ ощущаютъ (не разсуждаютъ, а именно ощущаютъ) и почти всѣ вокругъ Ивана, и что поэтому никакой связи между «господами» и «мужиками» нѣтъ и быть не можетъ. И я впервые тяжело раздумался надъ тѣмъ, что всѣ попытки образовать существительное въ родѣ русичъ, русинъ, россъ, россіянинъ были безуспѣшны и мы въ обиходѣ своемъ удовольствовались прилагательнымъ русскій, а вѣдь все, что постоянно занимаетъ нашу мысль, выражается по русски существительными (сравните: ученый и купецъ). И я впервые остановился на предположеніи, что и въ 1612 году мы были спасены, вѣроятно, не національнымъ, а скорѣе религіознымъ подъемомъ; недаромъ движеніе поднялъ патріархъ Гермогенъ, готовый признать царемъ поляка Владислава, если онъ приметъ православіе: папежники,

латынники въ московскомъ Кремлѣ и люторцы въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, вотъ что оскорбляло православный народъ. А если это такъ, то . . . И я замиралъ на порогѣ вывода.

Въ самомъ Харьковѣ также помнится одинъ разговоръ, совершенно случайный, съ какимъ то инженеромъ, сосѣдомъ въ столовой гостиницы. Онъ разсказывалъ мнѣ и о Петроградѣ, и о Баку. Про Петроградъ помню слѣдующее: на какомъ-то заводѣ (онъ называлъ, да я забылъ), изготовлявшемъ военное снаряженіе, рабочіе рѣшили впредь изготовлять плуги; имъ было объяснено, что, при ихъ заработной платѣ и производительности ихъ работы, русскій плугъ обойдется неизмѣримо дороже заграничныхъ, съ доставкой тѣхъ на мѣсто; рабочіе было призадумались, но затѣмъ рѣшили: все таки будемъ изготовлять плуги; во что бы они тамъ ни обошлись, а продавать ихъ нужно по цѣнѣ заграничныхъ; разницу же пусть доплачиваетъ казна. Про Баку онъ разсказывалъ, какъ рабочіе взяли въ свои руки заводъ (и этотъ заводъ онъ называлъ, да память моя имени не удержала) и мѣсяца въ три довели его до совершеннаго разстройства: онъ передавалъ, какъ рабочимъ нѣсколько разъ пришлось просить бывшаго собственника, инженера съ большимъ опытомъ, исправлять попорченныя машины и какъ рабочимъ было отказано банкомъ въ кредитѣ. Собесѣдникъ мой говорилъ со злорадствомъ, а я слушалъ съ нароставшимъ страхомъ за наступающій день.

Осталось у меня острое впечатлѣніе и отъ разговора въ вагонѣ желѣзной дороги между Харьковомъ и хуторомъ. Въ вагонѣ второго класса для некурящихъ закурили почти всѣ, не исключая и дьякона. Это бы еще ничего: бывало такъ и раньше *, но вотъ, что случилось. Блѣдный телеграфистъ чахоточнаго вида, закашлявшись отъ дыма, сталъ возражать противъ нарушенія правила; его поддержалъ я одинъ, а на обоихъ насъ обрушились всѣ, во главѣ съ дьякономъ: по согласному убѣжденію всѣхъ, теперь (я пишу о лѣтѣ 1917 года, когда было временное правительство) прежніе законы и правила вообще и разомъ отмѣнены, потому что свобода гражданъ не можетъ быть стѣсняема существованіемъ какого либо закона или предписанія. Сидѣвшій противъ меня мелкій желѣзнодорожный чинъ сожалительно замѣтилъ, что мои сужденія объясняются «необразованіемъ и несознательностью». Я, не удержавшись, возразилъ, что читаю лекціи по праву въ высшемъ учебномъ заведеніи, на что получилъ вызвавшій всеобщее одобреніе отвѣтъ: «нечего теперь образованіемъ то хвастаться». Добавлю, что большинство ѣхало по служебнымъ билетамъ и по билетамъ третьяго класса.

Когда мнѣ пришлось уѣзжать изъ Харькова въ Ялту, то болѣзненное мое состояніе вынудило меня предпочесть спальный вагонъ международнаго общества. Носильщикъ, выговоривъ себѣ 10 рублей (это въ 1917 году), обѣщалъ водворить меня съ чемоданомъ въ купэ безъ помѣхъ. Помню, какъ мы оба скакали по путямъ (онъ не пожелалъ воспользоваться переходомъ надъ путями: «только проволочка одна») и перелѣзали черезъ нѣсколько поѣздныхъ составовъ, пока не были благополучно впущены проводникомъ въ вагонъ международнаго общества. Вагонъ былъ на ключѣ и въ немъ корридоръ оставался свободенъ, тогда какъ въ прочіе вагоны люди такъ и лѣзли, набивая и забивая ихъ до

---

* Еще въ 1898 году около Пскова двое нѣмцевъ, пытавшихся курить въ вагонѣ второго класса для некурящихъ и даже открыть окно (въ декабрѣ), были приведены къ необходимости подчиниться правиламъ вслѣдствіе моей настойчивости. На мой упрекъ, что въ Германіи они себѣ этого бы не позволили, они уже безъ наглости, а въ видѣ оправданія, возразили: «То — въ Германіи, а въ Россіи — все можно».

отказу. Проводникъ, измученный и злой, говорилъ, что все идетъ еще благополучно: только ругаются; а чаще случается, что двери высадятъ, стекла въ окнахъ побьютъ, самого «по уху съѣздятъ» и ворвутся въ вагонъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ при остановкахъ на станціяхъ поднимать оконную раму: «Не всякій стекло выдавитъ, въ открытое окно всякій влѣзетъ». Доѣхалъ я, впрочемъ, безъ приключеній, и въ вагонѣ насъ было человѣкъ всего около десяти. Проводникъ удивлялся, какое намъ выпало рѣдкое счастье. Дѣйствительно, всюду стучались, бранились, но никто не полѣзъ на прямой штурмъ *.

Въ Ялтѣ я отлежался въ подлинномъ смыслѣ слова: бывалъ только въ семьѣ покойнаго дяди моего, сенатора В. Р. Завадскаго. И съ этими посѣщеніями у меня связано слѣдующее воспоминаніе. Служила у нихъ кухарка Паша, или Прасковья Александровна, донская казачка, изъ одной станицы съ Иліодоромъ, царицынскимъ чудодѣемъ. Женщина грамотная, толковая съ уклономъ къ общему уравненію во имя справедливости, она была не дурнымъ человѣкомъ. Какъ то она пошла куда то на митингъ домашней прислуги и, вернувшись, разсказывала, что на митингѣ было рѣшено меньшій размѣръ мѣсячнаго жалованья (когда человѣкъ, что называется, отъ сохи взятъ и ничего не умѣетъ) опредѣлить въ 30 рублей на полномъ содержаніи съ особой комнатой, непремѣнно выходящей окнами на солнечную сторону. Упомянула она мелькомъ и о томъ, что распорядитель митинга, узнавъ отъ нея, какъ долго она служитъ на одномъ мѣстѣ, махнулъ рукой и молвилъ: «Ну, эта безнадежна. Намъ бы побольше такихъ, что часто мѣста мѣняютъ».

Съ пребываніемъ моимъ въ Ялтѣ соединено у меня еще одно небольшое, но характерное событіе. Еще при царѣ, движимый (быть можетъ, наивнымъ) желаніемъ нести больше тяготъ въ пользу отечества, я преувеличилъ свой доходъ, чтобы заплатить подоходный налогъ въ мѣру дѣйствительной моей платежеспособности. Когда временное правительство возвысило ставки, оказалось, что я долженъ заплатить вдвое болѣе предположеннаго мною. Какъ ни трудно, а нужно. Пришелъ я въ Ялтинское казначейство и принесъ деньги. А у меня ихъ не принимаютъ: скажите № того объявленія, которое вамъ послано. — Да оно у меня въ Петроградѣ осталось. — Ну, вы туда и поѣзжайте, а здѣсь платить нечего. — Да я здѣсь лѣчусь и не могу еще вернуться туда. — Ну, такъ послѣ уплатите. — Да вѣдь было объявленіе отъ правительства, чтобы скорѣе платили. — Мало ли еще что, а я принять не могу. Пришлось настаивать; едва добился, и то сенаторское званіе произвело впечатлѣніе.

Назадъ я уѣхалъ, уже значительно оправившись. Ѣхать пришлось въ худшихъ условіяхъ. Особенно тяжело было попасть въ поѣздъ на Харьковскомъ вокзалѣ. Носильщикъ взялъ съ меня уже 25 рублей и усадилъ на номерованное мѣсто въ первомъ классѣ; черезъ минуту начальникъ поѣзда выкинулъ меня съ чемоданомъ на платформу, крича, что мѣсто это занято. Но мой носильщикъ недаромъ взялъ деньги: онъ поджидалъ возлѣ, схватилъ чемоданъ снова и опять таки водворилъ меня на прежнее мѣсто, говоря: сидите безъ сомнѣнія, — мѣсто свободное; это «онъ» сорвать съ васъ, ненасытная душа, хочетъ; а

* Не могу промолчать о словечкѣ, которое мнѣ довелось услышать отъ моего носильщика. Когда мы съ нимъ перепрыгивали черезъ рельсы, я увидѣлъ безконечный рядъ бабъ съ большими вещами и, не успѣвъ сообразить, воскликнулъ: «И эти собрались на севастопольскій?» А носильщикъ успокоительно возразилъ: «Что вы, баринъ, онѣ поѣдутъ съ Максимъ Горькимъ». Оказалось, что Максимомъ Горькимъ зовутъ поѣзда съ вагонами IV класса.

что же изъ того, что номерокъ на билетѣ я самъ проставилъ: въ кассѣ бы какъ разъ на занятое мѣсто выдали, а я ужъ знаю, гдѣ свободное; на меня положиться можно.

Я доѣхалъ до Петрограда благополучно, многими стѣсняемый, но никѣмъ не тревожимый. Два мѣсяца я провелъ за сенатскою работою, уходя съ головою въ цивилистику и этимъ пряча голову, какъ страусъ, въ кусты; не хотѣлъ ни вглядываться, ни вдумываться въ окружающее и въ надвигающееся. А надвигались и нѣмцы, и что-то еще.

Но объ этомъ — въ слѣдующихъ частяхъ моихъ воспоминаній о недавнемъ (и такомъ далекомъ) прошломъ.

Трагедія Украйны

(Изъ пережитого въ Кіевѣ въ 1918 году)

Н. М. Могилянскій

14 (27) января 1918 года я покинулъ, сдавленный тисками большевизма, Петроградъ, убѣжденный въ томъ, что кризисъ, переживаемый Россіей, затяжной, что изъ оппозиціи интеллигенціи и шедшей, естественно, на убыль интеллигентской стачки ровно ничего не выйдетъ. Убійство Шингарева и Кокошкина, разгонъ Учредительнаго Собранія, стрѣльба по мирной манифестаціи интеллигенціи 5 (18) января явно говорили о томъ, что узурпаторы власти въ своемъ стремленіи удержать эту власть въ своихъ рукахъ не остановятся ни передъ чѣмъ, что всѣ преступленія стараго режима дѣтская сказка въ сравненіи съ цинизмомъ новой тираніи.

Наканунѣ моего отъѣзда, въ этнографическій отдѣлъ Музея Императора Александра III зашелъ смущенный событіями Клодъ Анэ, корреспондентъ «Petit Parisien».

«У Васъ тутъ скоро будутъ нѣмцы», сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

– «Что имъ здѣсь дѣлать въ этомъ болотѣ? Скорѣе они будутъ въ Кіевѣ и на Украйнѣ. Имъ нуженъ хлѣбъ, а не петроградская разнузданная чернь» – отвѣчалъ я, не думая тогда, конечно, что слова мои сбудутся такъ невѣроятно быстро.

Съ грустью простился я съ К. Анэ – нашимъ искреннимъ другомъ, чтобы вновь встрѣтиться съ нимъ лишь черезъ $1^1/_2$ года въ Парижѣ, въ качествѣ бѣженца, пережившаго первую эвакуацію Одессы 4–6 апрѣля 1919 года и прошедшаго тяжелую школу бѣженства, однимъ изъ этаповъ которой былъ Константинополь – ставшій чистилищемъ для русскихъ душъ.

Послѣ почти трехсуточной ѣзды въ поѣздѣ, гдѣ въ нашемъ купэ, вмѣсто 4 человѣкъ, помѣщалось отъ 12 до 14 человѣкъ, гдѣ выходъ былъ возможенъ только черезъ окно, гдѣ грязь была невѣроятная, вслѣдствіе скученности и необходимости тутъ же питаться, при невозможности вымыть руки, 17 (30) января, на склонѣ туманнаго, зимняго, короткаго дня мы подъѣзжали къ Кіеву, причемъ поѣздъ поминутно останавливался, такъ какъ станція Кіевъ I не была свободна. При каждой остановкѣ отчетливо слышны были звуки рѣдкой канонады. Угроза большевиковъ украинскимъ сепаратистамъ, печатно высказанная въ «Правдѣ»: «черезъ нѣсколько дней мы возьмемъ Кіевъ» – начала фактически приводиться въ исполненіе.

Это были первые выстрѣлы по Кіеву арміи большевиковъ, подъ командой Ремнева. Начался первый актъ трагедіи Кіева за многострадальный 1918 годъ, какого не было въ исторіи его со временъ взятія города Батыемъ въ XIII вѣкѣ.

И все же теплилась какая-то надежда. Думалось: зажиточный, замкнутый, раціоналистически настроенный крестьянинъ-собственникъ украинецъ или малороссъ, сильно рознящійся по своей психикѣ отъ своего брата «русскаго», устоитъ непремѣнно предъ соблазномъ «соціализаціи» земли, объявленной не только Ленинымъ, но и не желавшей отстать въ области соціологическаго творчества Центральной Радой, возглавлявшейся проф. М. С. Грушевскимъ. Увы! Одинаковыя причины повели къ одинаковымъ послѣдствіямъ и въ коренной Россіи и на Украйнѣ*.

I.

Послѣдовали девять сутокъ борьбы за Кіевъ между большевиками и украинцами, девять сутокъ почти непрерывнаго боя, то въ рукопашную, какъ на Щекавицѣ, то въ ружейно-пулеметную на улицахъ и площадяхъ Кіева, съ броневиками, осыпавшими пулями особенно нижніе этажи домовъ, причемъ трескъ ружей и пулеметовъ заглушался артиллерійской канонадой съ уханьемъ далекихъ пушекъ и разрывами 3-хъ и 6-и дюймовыхъ снарядовъ и шрапнелей, рвавшихся надъ небольшимъ, по занимаемой территоріи, городомъ, перенаселеннымъ сверхъ всякой мѣры, благодаря войнѣ и послѣдовавшей за нею революціи**.

Систематическій обстрѣлъ Кіева начался съ 18 (31) января вечеромъ. Съ 4-го этажа д. № 22 по Б. Владимирской, изъ квартиры В. А. Жолткевича, въ 1919 году разстрѣляннаго большевиками, наблюдалъ я съ друзьями трагически-эффектную картину обстрѣла Печерска изъ расположенной за Днѣпромъ Дарницы. Красноватая вспышка далекаго орудія (верстъ около 6 по звуку) и черезъ нѣкоторое время яркая звѣзда разрыва снаряда, на разстояніи 2-хъ верстъ по звуку: жуткая, незабываемая картина!

Трудно было дать себѣ отчетъ въ томъ, кто одолѣваетъ въ уличныхъ бояхъ. Наступленіе шло на Печерскъ и на центръ съ Подола одновременно, бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ концѣ четвертаго дня получилось впечатлѣніе, будто украинцы одолѣваютъ. Говоря вообще, самоувѣренности у руководителей защиты Кіева было очень много, но дѣйствія ихъ отличались безсистемностью, разговоры — бахвальствомъ, и въ обывателѣ они внушали мало увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Числа 21 или 22 января стараго стиля вошелъ въ Кіевъ Петлюра съ тощими рядами украинскихъ войскъ. На Софіевской площади я слышалъ произнесенную имъ передъ войсками рѣчь на тему объ украинской непобѣдимости. Потомъ оказалось, что онъ просто бѣжалъ отъ большевиковъ изъ подъ Гребенки. Канонада большевистской артиллеріи не смолкала, и это обстоятельство мало давало вѣры въ оптимизмъ Петлюры.

До какой степени безсмысленны были военныя дѣйствія украинцевъ, можно показать на дѣйствіяхъ украинской артиллеріи, которыя мнѣ пришлось весьма близко наблюдать. Часовъ около 3 дня, 22 января (4 февраля н. ст.), на Софіевскую площадь привезена была батарея артиллеріи, и началась пристрѣльная стрѣльба по позиціямъ

* Происходя и по отцу, и по матери изъ южно-русскихъ, малорусскихъ или украинскихъ фамилій, я считаю себя русскимъ по культурѣ, отечествомъ своимъ считаю Россію, а родиной Украйну или Малороссію. Въ понятіе «Украйна» не вкладываю сепаратистскихъ вожделѣній, но и не связываю его съ «измѣной», какъ необходимымъ, по мнѣнію многихъ, аттрибутомъ украинства.

** Жилъ я въ это время на Софіевской площади, у самой колокольни Софіевскаго Собора — пунктъ очень удобный для наблюденія. Изо дня въ день я велъ запись всего видѣннаго и слышаннаго.

большевиковъ. Во всемъ фасадѣ нашего дома, обращенномъ къ Софіевской площади, вылетѣли почти всѣ окна, ибо ближайшее орудіе стояло шагахъ въ 25—30 отъ подъѣзда дома № 22. Жутко было ждать отвѣтнаго огня «непріятельской» артиллеріи, ибо двѣ колокольни Михайловскаго и Софіевскаго соборовъ, а также пожарная каланча Старо-Кіевскаго участка, не могли не опредѣлить съ полной точностью положенія батареи украинской артиллеріи. Для удобства ночного обстрѣла предупредительно залита была электрическимъ свѣтомъ вся Софіевская площадь: стоящія на горѣ колокольни, освѣщенныя электричествомъ, должны были маячить на десятки верстъ Заднѣпровья.

Кто и какъ командовалъ украинской артиллеріей, показываетъ слѣдующій любопытный эпизодъ. Въ подъѣздъ дома, гдѣ я жилъ, входитъ артиллерійскій офицеръ. «Это Софіевскій Соборъ?» — спрашиваетъ онъ у швейцара. «Да, это Софіевскій соборъ» — отвѣчаетъ швейцаръ. «Ребята! Здѣсь!» — обрадовался офицеръ и отправился размѣщать пушки на позиціяхъ. Вечеромъ, послѣ описанной пристрѣлки, онъ опять потихоньку бесѣдовалъ со швейцаромъ: «Гдѣ тутъ дорога на Святошинъ?» — «Такъ вѣдь тамъ, баринъ, большевики въ Святошинѣ» — отвѣчалъ швейцаръ. — «А мнѣ не все равно, гдѣ пропадать!» — сказалъ офицеръ, безнадежно махнувъ рукой... На другой день, еще до разсвѣта, солдаты-артиллеристы разыскивали офицера X. Такъ его нигдѣ и не нашли. Былъ ли это офицеръ-большевикъ или бѣднягѣ дѣйствительно больше улыбалось погибнуть отъ большевиковъ?!! На другой день съ утра большевистская артиллерія засыпала снарядами Софіевскую площадь, обстрѣлявъ ее правильнымъ вѣеромъ. Въ районѣ Софіевскаго собора я насчиталъ 13 снарядовъ, попавшихъ въ колокольню, главный храмъ и другія постройки въ оградѣ собора; кромѣ того, мы нашли еще четыре не разорвавшихся снаряда въ той же оградѣ собора.

Испуганное населеніе нашего района бросилось въ подвалы и только немногіе, сохраняя полное самообладаніе, не тронулись съ мѣстъ. Количество снарядовъ, выпускавшихся по городу, было очень значительно. Въ одинъ изъ дней я записалъ слѣдующую статистику: Начало бомбардировки 7 ч. утра — конецъ, или вѣрнѣе, значительное ея ослабленіе — 1 ч. ночи — итого 17 часовъ непрерывной бомбардировки. Число снарядовъ отъ 6—10 въ минуту. Если даже minimum взять за среднюю цифру, то получается въ часъ 360 снарядовъ, а въ 17 часовъ около 7000 снарядовъ. Въ дѣйствительности ихъ выпускалось, можетъ быть, и больше.

Населеніе страдало и отъ недостатка пищи, которую приходилось добывать съ опасностью для жизни, и отъ недостатка свѣта и воды. Кажется, никогда не было сдѣлано попытки подсчитать количество жертвъ бомбардировки Кіева, но онѣ насчитывались сотнями. По ночамъ, съ ослабленіемъ бомбардировки, начинались другіе страхи. Безобразничали солдаты — защитники Кіева. У жены нашего швейцара отняли хлѣбъ и сало. Къ намъ по ночамъ систематически ломились въ квартиру солдаты съ угрозами. Тамъ, гдѣ солдатъ впускали — пропадали вещи, не говоря уже о превращеніи квартиръ въ трудно описуемое, грязное, хаотическое состояніе. Я видѣлъ, что тѣ же солдаты ночью разграбили по сосѣдству небольшую лавочку, взломавъ замки, и принесли съ собой табакъ, шоколадъ, чай и сахаръ и все это въ количествѣ, превышавшемъ потребности даннаго момента. Ни энтузіазма, ни пониманія цѣли борьбы — одно безшабашное озорство. Никакихъ разумныхъ надеждъ на успѣхи сопротивленія въ этихъ условіяхъ быть не могло. Всю ночь на 26 января продолжалась усиленная канонада. Еще утромъ военный министръ У. Р. клялся, что положеніе Кіева устойчиво и опасаться нечего, а между 11 ч. утра и 1 ч. дня вся Центральная Рада, съ Грушевскимъ во главѣ, вмѣстѣ съ правитель-

ствомъ Голубовича, бѣжали на автомобиляхъ въ Житомиръ, оставивъ Кіевъ и его обывателей на произволъ судьбы. Около часу дня 26 января канонада стихла совершенно. О взятіи города большевиками насъ оповѣстили два солдата изъ красной арміи Ремнева, явившіеся для осмотра квартиръ и поверхностнаго обыска. Навсегда въ памяти запечатлѣлись эти два разныхъ лица. Одинъ молодой, юноша лѣтъ 18–20, съ розовыми щеками и тонкимъ, красивымъ профилемъ, весь обвѣшанный оружіемъ, убѣждалъ насъ: «Не бойтесь – теперь все уже будетъ хорошо.» По лицу его я видѣлъ, что онъ искренне и глубоко вѣритъ своимъ словамъ: въ его наивной, дѣтской душѣ не было мѣста злобѣ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе оставлялъ его товарищъ – рабочій Путиловскаго завода въ Петроградѣ, лѣтъ 40, уроженецъ Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губерніи. Этотъ, на крестъ обвѣшанный пулеметными лентами, весь дышалъ злобой и мщеніемъ. Изо рта его, развившаго алкоголемъ, вырывались непрестанно угрозы: «О! Я ихъ всѣхъ найду, я ихъ знаю въ лицо – офицеровъ – контръ-революціонеровъ.» При этомъ онъ выставлялъ впередъ дуло револьвера, цѣлясь въ воображаемую жертву. «Поработаемъ на пользу родины, а потомъ домой – пахать землю!» Увы! Это не было, къ сожалѣнію, простой формальной угрозой, какъ мнѣ тогда казалось: но объ этомъ будетъ сказано дальше.

Пока украинскіе сепаратисты разговариваютъ съ нѣмецкими генералами въ Брестъ-Литовскѣ, опережая Ленина и Троцкаго въ измѣнѣ родинѣ и союзникамъ, мы можемъ оглянуться на прошлое и въ немъ поискать корней тѣхъ трагическихъ событій, которыя разыгрались въ Кіевѣ въ январѣ 1918 года и повлекли за собой рядъ новыхъ, историческихъ событій.

II.

Кіевъ оставленъ былъ на произволъ судьбы бѣжавшими украинскими войсками и властями. Ворвавшіеся въ городъ 26 января большевистскія войска, тогда еще скорѣе похожія на банды, вскорѣ заставили кошмаромъ своей «дѣятельности» забыть кошмаръ и ужасъ девятидневной бомбардировки. Зеленыя, изможденныя голодовкой, безсонницей и пережитыми волненіями, лица обывателей исказились ужасомъ безумія и тупой, усталой безнадежности.

Началась въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова отвратительная бойня, избіеніе внѣ всякаго разбора, суда или слѣдствія оставшагося въ городѣ русскаго офицерства, не пожелавшаго участвовать въ борьбѣ противъ большевиковъ на сторонѣ украинцевъ. Изъ гостинницъ и частныхъ квартиръ потащили несчастныхъ офицеровъ буквально на убой въ «штабъ Духонина» – ироническое названіе Маріинскаго парка – излюбленное мѣсто казни, гдѣ погибли сотни офицеровъ русской арміи. Казнили гдѣ попало: на площадкѣ передъ Дворцомъ, по дорогѣ на Александровскомъ спускѣ, а то и просто, гдѣ и какъ попало. Такъ мой двоюродный братъ, полковникъ А. М. Рѣчицкій, былъ убитъ на Бибиковскомъ бульварѣ выстрѣломъ въ затылокъ, при сопротивленіи, оказанномъ имъ четыремъ красноармейцамъ, хотѣвшимъ сорвать съ него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедіи подъ Сольдау, Прасныша, много разъ тяжело раненый и контуженный – онъ даже предъ лицомъ вѣрной смерти не хотѣлъ, несмотря на всѣ убѣжденія, снять съ себя воинскую форму: такъ трагически пресѣклась 37-лѣтняя молодая жизнь, полная героическаго исполненія долга.

Кромѣ офицеровъ казнили всякаго, кто наивно показывалъ красный билетикъ – удостовѣреніе принадлежности къ украинскому гражданству. Казнили куплетиста Сокольскаго, за его злые куплеты противъ большевиковъ; казнили перваго встрѣчнаго

на улицѣ, чтобы снять съ него новые ботинки, приглянувшіеся красноармейцу. Начались повальные грабежи въ домахъ «буржуевъ», обыски и вымогательства, съ избіеніемъ недостаточно уступчивыхъ и покорныхъ судьбѣ. Такъ подвергся избіенію извѣстный городской дѣятель В. Демченко. Кто и когда еще разскажетъ о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханаліи произвола, насилія, глумленія и издѣвательства надъ личностью мирнаго обывателя?! – «Пойдемъ съ нами щи хлебать, буржуйка!» – говоритъ солдатъ-красноармеецъ почтенной дамѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ семьи, разставленныхъ у стѣнки съ приказаніемъ не шевелиться во время обыска – «У! Тебѣ бы все шампанское лакать!..» продолжаетъ онъ, угрожая револьверомъ, приставленнымъ къ самому лицу несчастной жертвы надругательства.

Изъ обывательскихъ квартиръ тащили все, что попало, сначала наиболѣе цѣнное: деньги, золото и серебро, всякаго рода цѣнности. Богатые завѣдомо дома, конечно, были ограблены въ первую очередь. Я зашелъ къ старому другу, профессору К. Человѣкъ спокойный, уравновѣшенный, сидитъ въ креслѣ совершенно подавленный, молчитъ и, наконецъ, съ трудомъ вытягиваетъ изъ себя такія слова: «Я на все смотрю равнодушно и спокойно... Кажется, если придутъ и скажутъ, что перебили всѣхъ моихъ дѣтей – я не двинусь съ мѣста.» Къ К. заходитъ почтенный земскій дѣятель, бывшій полковникъ гвардіи С. Я никогда въ жизни не забуду этой безнадежности на окаменѣвшемъ лицѣ, въ глазахъ, изъ которыхъ почти безуміе глядитъ изъ опустошеннаго сознанія.

Владѣлецъ особняка Б., ограбленный большевиками, отсиживается въ «бестѣ» въ иностранномъ консульствѣ; его жена, больная сердечной болѣзнью женщина, измучена была вѣчными обысками и постоянной боязнью за судьбу мужа. Преслѣдованію подвергались одинаково и русскіе, и евреи, и поляки, и украинцы. Среди комиссаровъ и другихъ агентовъ большевистской «власти» доминирующая роль принадлежитъ великороссамъ, хотя были и украинскіе большевики, какъ напр. сынъ писателя Коцюбинскій; евреи при этомъ не играли ни выдающейся роли, ни численно не превышали другихъ національностей. Справедливость требуетъ категорически опровергнуть распространенную легенду, будто весь большевизмъ питается главнымъ образомъ еврейскими силами. Происходитъ это отъ общей аберраціи, а также отъ слишкомъ обывательскаго стремленія найти виновника обрушившихся грандіозныхъ и невыносимыхъ бѣдствій.

Въ городахъ провинціальныхъ, маленькихъ, съ незначительнымъ численно населеніемъ, большевизмъ переживался весьма различно, въ зависимости отъ личнаго характера стоявшихъ во главѣ временной власти большевистскихъ диктаторовъ, ибо трудно иначе назвать тѣхъ мѣстныхъ царьковъ, которые, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, являлись хозяевами жизни и смерти, не говоря уже объ имуществѣ обывателей. Такъ, напр., г. Черниговъ въ этотъ первый приходъ большевиковъ отдѣлался чуть ли не 50,000 рублей контрибуціи, которыхъ хватило для того, чтобы верховный комиссаръ могъ день и ночь пить горькую, а наряду съ этимъ г. Глуховъ пережилъ трудно поддающіеся описанію ужасы. Въ Глуховѣ полновластнымъ его владыкой былъ матросъ балтійскаго флота, по фамиліи Цыганокъ. Неудовлетворенный количествомъ вырѣзанныхъ помѣщиковъ, онъ велѣлъ перебить и перерѣзать даже дѣтей, воспитанниковъ мѣстной гимназіи, какъ будущихъ «буржуевъ». Потомъ Цыганокъ случайно погибъ, заряжая бомбу, которая взорвалась у него на колѣняхъ, причемъ, умирая, онъ завѣщалъ похоронить себя въ склепѣ мѣстной помѣщичьей фамиліи и съ подобающимъ торжествомъ, для чего красноармейцы выгнали весь городъ для проводовъ погибшаго диктатора. Кровавый кошмаръ Глухова еще ждетъ своего историка.

Кіевъ стали грабить систематически. Наложена была пятимилліонная контрибуція, моментально, до-срока уплаченная тѣмъ самымъ обывателемъ, который ни одной копѣйки не хотѣлъ дать на защиту города отъ большевиковъ. Началась полная дезорганизація кредитныхъ учрежденій, куда назначены были безграмотные комиссары.

По городу въ автомобиляхъ и на парныхъ, роскошныхъ извозчикахъ съ прекрасными фаэтонами и ландо, разъѣзжали матросы и красноармейцы, часто въ нетрезвомъ видѣ; они сорили деньгами въ кафе, ресторанахъ и игорныхъ домахъ, окруженные атмосферой кутежа и всяческаго дебоша.

Началось быстрое повышеніе цѣнъ на жизненные продукты, ибо крестьяне перестали вывозить что-либо на городской базаръ, вслѣдствіе риска быть ограбленными по дорогѣ первымъ встрѣчнымъ, кому это было не лѣнь.

Вскорѣ, однако, появились смутные слухи о томъ, что украинцы сговорились съ нѣмцами и въ Кіевъ идутъ нѣмецкія войска. Слухи эти находили себѣ подтвержденіе въ поведеніи большевиковъ, которые, не чувствуя подъ ногами почвы, вели себя, какъ халифы на часъ: грабили, пировали, разоряли и веселились: хоть день да мой!

Положеніе обывателя ухудшалось съ каждымъ днемъ. Сорганизовались шайки грабителей, которыя по ночамъ грабили обывателей, нападая съ оружіемъ на дома и ихъ обитателей. Несчастный обыватель, обезоруженный большевиками, лишенъ былъ самыхъ элементарныхъ средствъ самообороны.

Только тогда, когда дня за два, за три до прихода нѣмцевъ большевики, нагрузивъ себя всякимъ добромъ, бѣжали изъ города, въ свою очередь, началась организація самообороны. Картина бѣгства большевиковъ была весьма оригинальна: казалось, полъ-города обывателей уѣзжаютъ или переѣзжаютъ на новыя квартиры. Извозчики и подводы, груженные всякимъ домашнимъ скарбомъ, — подушками, самоварами, перинами, стульями .... и все это мчалось второпяхъ, подъ охраной одного, двухъ солдатъ красной арміи, вооруженныхъ винтовками.

Ни одного случая сопротивленія. У всѣхъ, казалось, была одна мысль: бери все — только убирайся поскорѣе съ глазъ!

Начало появляться оружіе, которымъ снабжали обывателя. Кто, гдѣ и почему его раздавалъ, мнѣ узнать такъ и не удалось. Я лично видѣлъ только гимназистовъ, бѣгавшихъ таинственно на Печерскъ и тащившихъ оттуда новыя винтовки, патроны, всякаго рода военное снаряженіе. Матери знакомыхъ семей были въ отчаяніи, что мальчики 12–15 лѣтняго возраста превратили свои комнаты не то въ музеи, не то въ арсеналы; зато восхищеніе молодежи не знало предѣловъ — каждый чувствовалъ себя воиномъ, готовымъ выдержать любую аттаку и отстоять свое дѣло и своихъ близкихъ. Очевидно, растаскивали какіе-то цейхгаузы, оставленные безъ охраны и безъ присмотра. Грабежи участились въ невѣроятной пропорціи. Въ борьбѣ съ вооруженными налетами отличалась энергіей грузинская вольная дружина, которая по первому же вызову по телефону выѣзжала на помощь съ автомобилемъ, наполненнымъ вооруженными людьми. Грузинамъ на помощь явились добровольцы изъ кіевской интеллигенціи, и обыватель, замученный и затравленный, вздохнулъ немного свободнѣе. Все это происходило около половины февраля 1918 г. — 11–17 февраля ст. стиля (24 февраля — 2 марта н. ст.). Трудно поддается описанію горькое существованіе обывателя Кіева въ это совершенно кошмарное время. Въ одну изъ послѣднихъ, передъ приходомъ въ Кіевъ нѣмцевъ, ночей зарегистрировано было 176 нападеній на квартиры обывателей. Трудно давалась организація защиты. Избраны были домовые комитеты, которые, раздобывъ оружіе, занялись органи-

заціей самообороны. И вотъ люди, въ жизни своей не носившіе ружья, иногда почтенные, убѣленные сѣдинами, кіевляне стали чистить и чинить ружья и обсуждать стратегическіе методы защиты домовъ и усадебъ отъ нападенія разбойниковъ. Кое гдѣ начали появляться уцѣлѣвшіе офицеры, взявшіе естественно на себя организацію защиты и команду надъ домовыми военными дружинами. Все это было бы смѣшно, если бы не было въ существѣ весьма трагично. Дружиной дома № 22 командовалъ у насъ храбрый и энергичный кадровый офицеръ, защитникъ Портъ-Артура и заслуженный герой великой войны, П. Г. Сахновскій, лѣтомъ 1919 года тоже разстрѣлянный въ Кіевѣ большевиками. Нашъ домъ сталъ быстро центромъ защиты ряда объединенныхъ домовъ нашего участка, появился полевой телефонъ, объединявшій шесть окрестныхъ дружинъ, обязанныхъ являться по первому вызову въ угрожаемое мѣсто.

Защита давала реальные результаты. Припоминаю одно нападеніе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Съ наблюдательнаго пункта дали знать, что изъ за памятника Богдана Хмѣльницкаго на Софіевской площади идетъ наступленіе. Подбѣжавъ къ окну, я увидѣлъ, что изъ за фонтана на площади ползкомъ движутся цѣпью вооруженные люди по направленію къ нашему подъѣзду. Началась перестрѣлка и аттака нашего дома. Дверь параднаго подъѣзда, забаррикадированная на ночь дровами, устояла предъ напоромъ врага; суматоха въ домѣ была неописуемая; къ счастью для насъ, вызванная грузинская дружина прибыла очень быстро, черезъ 10–15 минутъ сраженіе было кончено. У насъ даже обошлось безъ потерь: говорили, что нападавшіе, которыхъ число опредѣлялось въ 30 человѣкъ, унесли трехъ раненыхъ. Но это лишь слухи ... хотя я видѣлъ лично падающихъ людей.

Много мыслей проносилось въ головѣ моей въ безсонныя ночи, когда, стоя у забора, отдѣлявшаго нашъ дворъ отъ сквера вокругъ Софіевскаго собора, съ задачей – стрѣлять по всякому, кто будетъ лѣзть черезъ заборъ, я отстаивалъ двухчасовое дежурство въ холодныя, звѣздныя, февральскія ночи. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что я буду дѣлать, если, дѣйствительно, кто-нибудь полѣзетъ черезъ заборъ? Вѣдь допустимо, что это будетъ человѣкъ, который будетъ спасаться отъ преслѣдованія, а не нападающій врагъ. Къ счастью для меня вопросъ этотъ не былъ поставленъ, а остался лишь въ теоріи... Тяжелыя воспоминанія! Отъ трагизма создавшагося положенія до комизма нѣкоторыхъ житейскихъ переживаній и сценъ было очень небольшое разстояніе, и тяжкія думы, и настроенія разрѣшались часто иронизированіемъ и насмѣшкой надъ самимъ собой. Это все же скрашивало горькія минуты нервныхъ напряженій. Часто, при свѣтѣ огарка, гдѣ-нибудь въ подъѣздѣ или подвалѣ, пили чай и играли въ дурачки. Плакали и смѣялись, смѣялись и плакали поочередно: кошмарное было время даже въ воспоминаніи!

III.

Лучшимъ литературнымъ памятникомъ этого времени, имѣющимъ серьезное значеніе, явился дневникъ В. В. Шульгина, писанный имъ подъ большевистскимъ арестомъ и помѣченный имъ датами 11, 14 и 15 февраля ст. стиля. Нужно отдать должное мужеству В. В. Шульгина, рискнувшаго въ его положеніи высказывать со всей откровенностью мысли, которыя легко могли повести къ его обвиненію и къ фатальному концу: вѣдь большевики шутить не любятъ! Дневники эти были напечатаны въ послѣднемъ номерѣ «Кіевлянина», но рабочіе разбросали наборъ и я переписалъ нѣсколько экземпляровъ съ корректуры для распространенія среди знакомыхъ. Было бы жаль, если бы строки этого остроумнаго дневника никогда

не увидѣли свѣта въ печати. Мой рукописный экземпляръ погибъ для меня съ другими документами въ хаосѣ одесской эвакуаціи 4–6 апрѣля 1919 года, но содержаніе этихъ дневниковъ я помню очень отчетливо.

В. В. Шульгинъ былъ безпристрастнымъ, третьимъ лицомъ въ спорѣ и борьбѣ между большевиками и украинцами, ибо его симпатіи не были ни на той, ни на другой сторонѣ. Его сужденія, быть можетъ, и слишкомъ схематичныя, въ общемъ, однако, ярко и рельефно выявляли положеніе вещей, ставили точки на і и подводили тяжкіе, грустные итоги грустной русской дѣйствительности. Шульгинъ старался расшифровать глубокій, сокровенный смыслъ того, предъ чѣмъ съ наивнымъ изумленіемъ становилась втупикъ слабая, обывательская мысль.

«Создалось положеніе прямо дьявольское», — такъ начиналъ Шульгинъ свой дневникъ,—«на Кіевъ идутъ нѣмцы. Казалось бы, самое естественное для каждаго, любящаго свою родину, было защищать всѣми средствами свой родной край. Да, казалось бы! Но на практикѣ это благое намѣреніе оказывается совершенно неисполнимымъ...» И Шульгинъ вскрываетъ гнойную язву партійныхъ раздоровъ и противорѣчій, приведшую къ тому, что для того, чтобы вступить въ ряды защитниковъ родины, требовалось удостовѣреніе отъ революціонныхъ организацій, гдѣ партійные лозунги стояли выше, чѣмъ интересы родины, гдѣ не хватало элементарнаго чувства патріотизма, тогда, когда явно гибла родина, а съ нею и всякая надежда на жизнь, достойную свободныхъ гражданъ, а не рабовъ.

Особенно интересенъ въ этихъ дневникахъ анализъ того сложнаго положенія, тѣхъ фантастическихъ комбинацій, къ которымъ привелъ развалъ арміи, бросившей фронтъ. Было дѣйствительно что-то дьявольское въ этомъ тонко и глубоко продуманномъ планѣ добраться до Украйны и ея богатствъ, столь необходимыхъ Германіи для продолженія незаконченной еще борьбы на западномъ фронтѣ, пользуясь не силой побѣдоноснаго оружія, а ловко использованной политической интригой, гдѣ нужно, обманомъ, подкупомъ — словомъ, всѣми доступными средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, на завоеваніе военной силой всей Украйны при малѣйшемъ противодѣйствіи населенія ея, у Германіи, ослабленной кровавой бойней у Вердена и на Соммѣ, надежды никакой быть не могло. Отсюда тонко задуманный и быстро проведенный въ исполненіе планъ или комбинація, при которой побитые большевиками украинцы униженно просили нѣмецкихъ генераловъ, на выгодныхъ для Германіи условіяхъ, спасти Украйну «отъ варварства русскихъ». Для этого, по мнѣнію Шульгина, нуженъ былъ предметный урокъ. «Нужно было показать тянувшимъ къ Россіи элементамъ прелести этого единенія, а для этого подарить Кіеву нѣсколько недѣль большевистскаго режима. Что? Хороши балтійскіе матросы? Что? Хороша петербургская красная армія?!» Кстати, какъ мы видѣли выше, сотнями разстрѣливались русскіе офицеры, чтобы въ будущемъ сдѣлать войну для Россіи невозможною. «Дѣло сработано чисто: и вдохновители, и исполнители оказались на высотѣ» заключаетъ эту часть В. В. Шульгинъ. И предъ неизбѣжной, роковой необходимостью нашествія иноплеменниковъ — худшихъ и давнихъ враговъ Россіи, наступавшихъ вдобавокъ въ качествѣ спасителей, Шульгинъ даетъ захватывающій анализъ того, что привело къ такой невѣроятной катастрофѣ. Здѣсь даны поистинѣ захватывающія строки, мастерски раскрывающія язвы прошлаго, приведшія къ трагическому концу.

Описавъ состояніе души истерзаннаго голодомъ, бомбардировкой, издѣвательствами большевиковъ, кіевскаго обывателя, В. В. Шульгинъ писалъ: «Если бы теперь спросить терроризованнаго обывателя, не хочетъ ли онъ призвать иноземную власть для защиты отъ насильниковъ и грабителей, то этотъ обыватель значитель-

нымъ большинствомъ голосовъ отвѣтилъ бы: «волимъ подъ царя западнаго, инославнаго».

И все же обыватель не повиненъ въ приглашеніи въ Кіевъ войскъ Вильгельма. Его и не спрашивали — хочетъ онъ этого или не хочетъ? Велико величіе духа этого скромнаго обывателя, на спинѣ котораго разыгрываются политическія драмы, который расплачивается за безуміе маньяковъ и честолюбцевъ. И я вѣрю, что плебисцитъ, если бы онъ былъ возможенъ, не далъ бы власти въ Кіевѣ въ руки нѣмцевъ. Это взяли на себя и на свою совѣсть украинскіе сепаратисты: М. С. Грушевскій и Голубовичъ, Петлюра и Поршъ...

Подписавъ въ Брестѣ всѣ условія нѣмцевъ, украинцы торжественно вошли въ Кіевъ въ качествѣ побѣдителей. Правда, негласно, наканунѣ, обезпечивъ порядокъ, первые вошли въ городъ нѣмцы. Это было 17 февраля стараго стиля.

IV.

Придя въ Кіевъ, нѣмцы прежде всего вычистили невѣроятно загаженный при большевикахъ вокзалъ. Вычистили, убрали, декорировали и пригласили вечеромъ на танцы тѣхъ торговокъ, что по принужденію помогали въ уборкѣ вокзала. За украинскими войсками, вошедшими подъ предводительствомъ новаго военнаго министра Центральной Рады Жуковскаго, численно возросшими, благодаря привезеннымъ изъ германскаго плѣна, съ иголочки одѣтыми въ синіе жупаны, новые сапоги и высокія сѣрыя папахи, изъ поддѣльнаго барашка, съ огромными кокардами украинскихъ цвѣтовъ, вошли на другой день нѣмцы подъ командой Линзингена. Продефилировавъ по городу съ музыкой, нѣмцы устроили парадъ на Софіевской площади и начали устраиваться съ обычной нѣмецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью.

Въ шлемахъ, при строгой нѣмецкой выправкѣ, размѣреннымъ походнымъ шагомъ въ раскачку двигалась зелено-сѣрая масса пѣхоты въ видѣ не то какого-то чудовища Taras ’a, какъ описывалъ его А. Додэ, не то липкой страшной массы гусеницъ. Тяжкое чувство испытывалъ я, глядя на низкорослый ландверъ, солдатъ — уже не того исключительнаго вида schneidiger Militär, который поражалъ когда-то своими разводами и парадами на Unter den Linden или у гауптвахты возлѣ Brandenburger Tor. Землистыя, усталыя лица, обношенное, сѣрое, стальнаго цвѣта платье, много ленточекъ желѣзнаго креста на груди солдатъ и офицеровъ — все это указывало на то, что это уже не первой очереди кадровыя войска, — гордость Вильгельма, что это уже также побывавшія въ передѣлкахъ войска, счастливыя теперь своимъ отдыхомъ на Украйнѣ отъ ужасовъ продолжавшейся на Западномъ фронтѣ бойни. Они явились сюда (на Украйну) друзьями, а не врагами: здѣсь можно будетъ и отдохнуть, и подкормиться. Лица сосредоточенныя, дисциплина образцовая, спокойная привѣтливость и сознаніе собственнаго достоинства.

Какъ же встрѣтилъ нѣмцевъ Кіевскій обыватель? Помню, какъ очень неодобрительно смотрѣла съ балкона на идущихъ въ стройной колоннѣ нѣмцевъ наша кухарка Поля*, героически бѣгавшая подъ пулями и шрапнелью ежедневно во все время обстрѣла Кіева, и сказала съ чувствомъ упрека, указывая на рослыхъ, здоровенныхъ, усатыхъ украинцевъ, и низкорослыхъ, невзрачныхъ нѣмцевъ: «Ось що буває за дурною головою...», проговорила она, тяжело при этомъ вздохнувъ. Зажиточный

* Я жилъ у моего друга прис. пов. Евгенія Ивановича Фіалковскаго, въ д. № 22 по Владимирской ул. (т. е. на Софіевской площади).

обыватель, такъ называемый «буржуй», нѣмцевъ встрѣчалъ, хотя и радостно, но безъ всякой экспансивности; радость избавленія была хотя и искренняя, но безъ энтузіазма: нѣкоторыя дамы совали застѣнчиво букеты цвѣтовъ нѣмецкимъ офицерамъ, но ни подъема, ни восторга мнѣ видѣть не приходилось — слишкомъ всѣ устали, да и будущее рисовалось въ формахъ, если и не столь ужасныхъ, какъ только что пережитые, кошмарные дни большевизма, то все же и много неизвѣстнаго таило оно въ себѣ. Если найдется кто нибудь, кто броситъ слово осужденія по поводу той радости, которая свѣтилась на отдѣльныхъ лицахъ кіевскихъ обывательницъ больше, чѣмъ обывателей, то право на это осужденіе принадлежитъ лишь тѣмъ, кто на себѣ самомъ испыталъ прелести соприкосновенія съ большевиками и все же не палъ духомъ до желанія найти во врагѣ, шедшемъ на помощь, поддержку противъ врага, угрожавшаго жизни и имуществу обывателя ежеминутно и непрестанно. Нѣтъ, по совѣсти, не могу найти словъ осужденія органическому, властному зову жизни предъ лицомъ небытія, палача-мучителя съ занесеннымъ ножомъ, съ кривой усмѣшкой циничнаго, наглаго безстыдства. Не дай Богъ пережить эти чувства тѣмъ, кто ихъ не пережилъ, а тѣ, кто ихъ пережилъ, не забудутъ ихъ никогда!

Съ появленіемъ нѣмцевъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, безъ всякихъ угрозъ или угрожающихъ объявленій, исчезли всякіе грабежи и насилія. Обыватель вздохнулъ свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицамъ. Открылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрымъ темпомъ свою вѣчную суетливую музыку.

Украинцы-патріоты позволили себѣ роскошь нѣкоторыхъ дикихъ эксцессовъ, причемъ, сколько мнѣ было извѣстно, пострадалъ одинъ студентъ-еврей, убитый на Подолѣ неизвѣстно за что и при совершенно неясныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ не было тѣхъ ужасныхъ картинъ убійствъ и казней, какими отличался періодъ большевистскаго владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкамъ горки свѣжіе человѣческіе мозги, свѣжія лужи крови у стѣнъ Михайловскаго монастыря и на спускѣ между монастырёмъ и водопроводной башней, по дорожкамъ, покрывающимъ горку сквера.

Нѣмцы, изголодавшіеся дома, висѣли толпами надъ витринами магазиновъ съ съѣстными припасами, гдѣ выставлены были жареные поросята, гуси, утки, куры, сало, масло, сахаръ и разныя сладости и гдѣ все это можно было пріобрѣсти безъ карточекъ и по сравнительно тогда еще весьма дешевымъ цѣнамъ. На базарахъ по утрамъ нѣмцы особенно охотно покупали сало. Они съ жадностью жевали огромные куски вкуснаго, малороссійскаго сала: велика была, очевидно, потребность организма въ жирахъ, отъ недостатка которыхъ давно уже страдала вся Германія.

Дѣятельность нѣмцевъ, особенно въ первый періодъ, проявлялась въ прокладываньи по всему городу телефоннаго сообщенія для своихъ военно-полевыхъ надобностей.

Съ утра до ночи лазали они съ кошками на ногахъ по телеграфнымъ столбамъ, все опутывая своими сѣтями — ни дать, ни взять пауки ткали свои тенета для ловли жирныхъ украинскихъ мухъ.

Порядокъ въ городѣ сохранялся образцовый, нѣмецкая каска внушала страхъ передъ той силой, которая, чувствовалось, стояла за ней...

Что же дѣлали оставшіеся у власти украинцы — соціалисты, чѣмъ проявили они свое творчество, въ моментъ, когда руки у нихъ были развязаны, подъ охраной нѣмецкихъ штыковъ, быстро угнавшихъ свирѣпыхъ большевиковъ за предѣлы украинской территоріи? Небольшіе отряды нѣмцевъ проникли къ концу марта даже въ Крымъ и создали тамъ правительство изъ мѣстныхъ русскихъ элементовъ

подъ предсѣдательствомъ генерала Сулькевича. Нѣмцы нигдѣ не встрѣтили никакихъ сопротивленій. Для мирной оккупаціи огромнѣйшей территоріи имъ понадобилось всего только около 350—400 тысячъ человѣкъ.

Какъ, наконецъ, сложились отношенія между нѣмцами и украинцами? На эти вопросы необходимо дать краткій отвѣтъ, чтобы понять дальнѣйшую цѣпь событій.

V.

Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы сами нѣмцы придавали серьезное значеніе статьямъ Брестскаго договора съ Украйной, а потомъ съ Россіей Ленина и Троцкаго. Для дальновидныхъ людей уже, кажется, не было сомнѣній въ томъ, что почти не оставалось разумной, обоснованной надежды на окончательную, рѣшительную побѣду нѣмецкаго оружія.

Мнѣ передавали, что извѣстный нѣмецкій генералъ выразился такъ, отвѣчая на вопросъ о положеніи Германіи въ связи съ войной: «Unsere Lage ist glänzend, aber... hoffnungslos.» Если нѣмецкій генералъ и не говорилъ этого, то все же въ нѣмецкомъ происхожденіи этого Witz'а сомнѣнія быть не могло и сущность положенія Германіи онъ передавалъ точно и ясно.

Наиболѣе соблазнительной для нѣмцевъ частью договора съ украинскими соціалистами, подписаннаго въ Брестѣ, были пункты, по которымъ Украйна обязывалась дать нѣмцамъ 60 милліоновъ пудовъ хлѣба (муки) и право каждаго солдата, несущаго службу на Украйнѣ, отправлять на родину ежедневно посылку въ 12 фунтовъ вѣсомъ. Конечно, были у нѣмцевъ и другія намѣренія, и они взялись за ихъ выполненіе настойчиво и интенсивно. Первая задача была воспользоваться огромными складами военнаго имущества, и сюда нѣмцы направили много вниманія и энергіи. Вторая заключалась въ широкомъ грюндерствѣ, которое должно было опутать прочной стальной паутиной нѣмецкаго капитала экономическую жизнь богатѣйшаго края. Такіе умные соціалисты, какъ Wiedfeld, знали, что и какъ дѣлать. Становилось страшно при одной мысли, что этимъ планамъ суждено осуществиться.

Но хлѣба! прежде всего: хлѣба! Съ этимъ Leitmotiv'омъ нѣмцы явились въ Кіевъ и на Украйну вообще. И на этой почвѣ нѣмцы разсорились съ кабинетомъ Голубовича и Центральной Радой, т. е. съ соціалистической-сепаратистской властью и украинскимъ «парламентомъ», страхъ за хлѣбъ привелъ къ ликвидаціи нѣмцами и министерства Голубовича и Центральной Рады. Ибо весьма скоро нѣмцы сообразили, что при хозяйничаньи гг. Голубовича и Ко. съ Центральной Радой во главѣ, — хлѣба то именно они и рискуютъ не увидѣть вовсе. Они сразу поняли, что при сохраненіи въ силѣ универсала о соціализаціи земли, при заготовленныхъ еще заботами «селянскаго министра» Чернова земельныхъ комитетахъ, крестьяне, вмѣсто того, чтобы пахать и сѣять, будутъ дѣлить землю. А нѣмцамъ нуженъ прежде всего хлѣбъ, а никакъ не соціализація земли. Наконецъ, хлѣбъ нужно закупить, вывезти и доставить по желѣзной дорогѣ. Дезорганизація же, внесенная Ц. Р. и ея министерствомъ во всѣ области управленія, въ томъ числѣ, конечно, и въ желѣзно-дорожное хозяйство, угрожала въ корнѣ подорвать то жизненное начало и дѣло, изъ за котораго только и стоило лишить себя 300,000 арміи, столь необходимой Германіи на ея западномъ фронтѣ. Резервы Германіи быстро таяли отъ непрерывныхъ боевъ на территоріи Франціи.

Наконецъ, и это играло не меньшую роль въ охлажденіи нѣмцевъ къ сепаратистамъ «самостійникамъ», нѣмцы, которымъ нельзя отказать въ томъ, что они внимательно изучали общественную среду и обстановку, прозрѣли въ Кіевѣ насчетъ

«украинизаціи». Въ теоріи, дòма, въ концентраціонныхъ лагеряхъ — это было одно, въ Кіевѣ, на реальной украинской почвѣ — они нашли нѣчто совершенно другое; они увидѣли то, что ихъ самихъ привело въ немалое изумленіе: «Rußland — das verstehe ich, Ukraina — das verstehe ich nicht», повторялъ убитый позже въ Кіевѣ фельдмаршалъ Эйхгорнъ, замѣнившій вскорѣ Линзингена. Но объ этомъ я скажу далѣе, теперь же нужно дать себѣ отчетъ въ томъ, кто такое были вновь оказавшіеся у власти украинцы, каковы были ихъ силы и творческія способности, каковы были результаты ихъ дѣятельности и соціальнаго строительства.

Совершенно подобно тому, какъ въ Петроградѣ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ являлся самоизвольнымъ парламентомъ, да еще облеченнымъ исполнительной властью, державшимъ въ плѣну Временное Правительство, такъ и Центральная Рада состояла исключительно изъ лѣвыхъ элементовъ, украинскихъ с. р. и с. д. главнымъ образомъ, избранныхъ съ тѣми же гарантіями и при тѣхъ же техническихъ условіяхъ, что и С. Р. и С. Д. въ Петроградѣ. Отличіе было лишь въ томъ, что «министерство» вполнѣ отвѣчало «парламенту» и въ психикѣ и въ міровоззрѣніи — оно, правда, и исходило изъ нѣдръ Ц. Р. До чрезвычайности типично, что съ необычайной быстротой устранены были отъ дѣлъ наиболѣе почтенные и заслуженные дѣятели украинской идеи, какъ напр., ея ветеранъ, глубоко всѣми почитаемый педагогъ, ученый и литературный дѣятель В. П. Науменко*, назначенный Временнымъ Правительствомъ Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Другой почтенный украинецъ, Н. П. Василенко, былъ въ это время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при министерствѣ акад. С. Ѳ. Ольденбурга. Вл. П. Науменко, серьезный ученый филологъ и талантливый преподаватель, годами и десятилѣтіями отстаивавшій въ своемъ журналѣ «Кіевская старина» право украинскаго народа на культурное развитіе, заставившій уважать себя даже такихъ самодуровъ центральной власти, какимъ былъ жандармскій генералъ Новицкій; человѣкъ, который пріобрѣлъ для украинцевъ симпатіи такихъ выдающихся дѣятелей академической жизни въ Россіи, какъ покойные академики А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, и Ѳ. Е. Коршъ и нынѣ здравствующій С. Ѳ. Ольденбургъ. И вотъ, этотъ человѣкъ, живой памятникъ 50 лѣтія кіевской культуры, оказался не ко двору у молодой Украйны.

Во главѣ движенія сталъ профессоръ Львовскаго Университета, ученикъ Вл. Б. Антоновича, русскій украинецъ М. С. Грушевскій. Антоновичъ — двуликій Янусъ, съ кафедры университета проповѣдывавшій одно и бывшій въ дружбѣ даже съ Новицкимъ, у себя дома, въ кружкѣ избранной молодежи проповѣдывавшій другое: ненависть къ Россіи.

М. С. Грушевскій былъ послѣдователемъ Антоновича — домашняго учителя и ненавистника Россіи (эти свѣдѣнія я получилъ отъ другого ученика проф. Антоновича, извѣстнаго педагога въ Кіевѣ, лѣтомъ 1918 г.). Плодовитый писатель, посредственный ученый, привыкшій къ Австріи и ея конституціонному укладу, онъ примкнулъ къ лѣвымъ по мотивамъ, непонятнымъ и неизвѣстнымъ, скорѣе всего, желая не утратить нѣкоторой своей популярности. А по всему своему существу онъ былъ и остается добрымъ буржуа въ буквальномъ смыслѣ этого слова, любящимъ комфортъ и уединеніе своей цѣнной библіотеки.

Домъ проф. Грушевскаго въ Кіевѣ, огромное шестиэтажное зданіе на Паньковской улицѣ, погибъ въ огнѣ, зажженный снарядами артиллеріи Ремнева; въ немъ, кромѣ очень цѣнной библіотеки М. С. Грушевскаго, погибло тоже цѣннѣйшее собраніе

---

* Владимиръ Павловичъ Науменко былъ разстрѣлянъ большевиками, когда они вторично овладѣли Кіевомъ весной 1919 года.

украинскихъ этнографическихъ предметовъ художника-архитектора Кричевскаго. Пожаръ дома Грушевскаго и пожаръ огромнаго дома Багрова на Бибиковскомъ бульварѣ составили одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ эпохи бомбардировки Кіева, рѣдкой, полной трагизма красотой этого стихійнаго бѣдствія. Трудно допустить, чтобы практичный умъ М. С. Грушевскаго раздѣлялъ увлеченія зеленой украинской молодежи въ области ея соціологическихъ и соціалистическихъ экспериментовъ. Проще допустить, что, дорожа популярностью, онъ плылъ по теченію, безсильный оказать ему серьезное идейное сопротивленіе.

За Грушевскимъ идутъ три вліятельныхъ въ національныхъ кругахъ Украйны фигуры: В. Винниченко, С. Петлюра и Н. Поршъ, всѣ приблизительно одного возраста за 40 лѣтъ, всѣ соціалисты de nomine и совершенно не схожіе другъ съ другомъ ни по складу ума, ни по темпераменту. Общее у нихъ одно: сепаратистскія стремленія, исходящія несомнѣнно изъ очень различныхъ источниковъ ихъ природы. Винниченко — писатель не безъ воображенія и значительнаго дарованія и таланта, наименѣе ихъ всѣхъ національнъ, по своей сущности, какъ украинецъ. По своей страстности и импульсивности это скорѣе семитъ, по мистической сложности своей психики это типичный великоруссъ, гдѣ къ идеализму славянина подмѣшанъ мистицизмъ финскаго знахаря, безпокойный Пэръ-Гинтъ съ рефлексіей Макса Нордау, сложное mixtum compositum кухни современнаго европеизма. Человѣкъ импульсивный, страстный и опасный, ибо у него нѣтъ слабой стороны въ видѣ задерживающихъ центровъ. Ему приписываютъ формулу: «Украйна не хочетъ самостійности. Тѣмъ хуже для нея — пусть пройдетъ черезъ чистилище большевизма, если это необходимый путь къ самостійности.» И онъ, дѣйствительно, не смущаясь, шелъ на соглашеніе съ большевиками.

Симонъ Петлюра — трагическій символъ современной Украйны, гораздо болѣе націоналенъ; это упрямый «хохолъ», нѣсколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человѣкъ съ настойчивостью, характеромъ и огромнымъ честолюбіемъ, отравленный ядомъ случайно свалившейся въ руки власти. Не теоретикъ и не мыслитель — онъ одинъ умѣетъ организовать и дѣйствовать. Черты гайдамачины живы въ немъ, и нѣмцы знали, кто имъ можетъ пригодиться въ соотвѣтствующій моментъ, ибо Петлюра искусно оріентируется въ трудныхъ положеніяхъ, умѣетъ вліять на людей и организовать ихъ. Самый умный, разсудительный, разсчетливый, наиболѣе теоретически и политически подготовленный, наиболѣе дальновидный, скрытный и по крестьянски себѣ на умѣ, хотя и не изъ крестьянской среды, часто остающійся въ меньшинствѣ и замыкающійся въ сознаніи своей правоты и превосходства, Н. В. Поршъ раньше другихъ уловилъ необходимость оріентаціи самостійниковъ на антанту, хотя раньше былъ убѣжденнымъ германофиломъ. Другія фигуры украинскихъ самостійниковъ менѣе ярки и опредѣленны, поэтому онѣ и менѣе опредѣлялись въ практической политикѣ и дѣятельности. Интереснѣе другихъ А. Маціевичъ, образованный агрономъ, В. Леонтовичъ (не соціалистъ), — писатель беллетристъ и украинецъ-индивидуалистъ, С. Ефремовъ — публицистъ и историкъ литературы, трудолюбивый работникъ и постоянно шедшій впередъ мыслитель.

Въ общемъ, у власти оказалась молодежь соціалистически настроенная: Д. Антоновичъ — прямолинейный націоналистъ, способный, но лѣнивый, А. Шульгинъ — работящій и способный молодой сепаратистъ, Ткаченко — украинецъ англизированной внѣшности и слабой мысли, Голубовичъ, о которомъ рѣчь еще впереди — и другія еще менѣе извѣстныя своей дѣятельностью фигуры и лица.

Изъ военныхъ сколько-нибудь выдавался, какъ политически воспитанный, украинецъ по симпатіямъ, ген. Оберучевъ, но это былъ умѣренный с. р. и не шови-

нистъ и его смыла, такъ же какъ и В. П. Науменко, волна лѣвизны и крайняго націонализма.

Какіе же въ этихъ условіяхъ могли быть плоды мирной работы, общественнаго строительства? Разсчитанныя на успѣхъ звонкія фразы, гдѣ поносился русскій (московскій) централизмъ – на нихъ дѣлалъ свою карьеру М. С. Грушевскій. Универсалъ о самостоятельности Украйны, какъ плодъ усилій закулисной дѣятельности В. Винниченко и его компаніи. Универсалъ о соціализаціи земли, какъ легкій и дешевый продуктъ коллективнаго творчества. Въ практической сферѣ дѣятельности все это сводилось къ жалкой борьбѣ съ безобидными вывѣсками, которыя перекрашивались въ національные цвѣта – синій и желтый и переводились на украинскій языкъ. Много и долго возились съ красивымъ, ампирнымъ двуглавымъ орломъ на зданіи Педагогическаго Музея на Большой Владимирской улицѣ, выстроенномъ С. Могилевцевымъ и захваченномъ Центральной Радой вопреки всякому закону. Къ зданію въ стилѣ ампиръ никакъ не подходилъ новый украинскій государственный гербъ, т. наз. знакъ Владимира Святого – въ видѣ трезубца: сдѣлали нѣсколько пробъ и, по счастью, бросили это безплодное усиліе. Въ существѣ своемъ всѣ начинанія сводились лишь къ крикливымъ декларацiямъ, выбрасыванью извѣстныхъ флаговъ, лозунговъ, въ области же практики и реальныхъ житейскихъ отношеній, возьмемъ ли мы область управленія, суда, землеустройства – ровно ничего не было сдѣлано, кромѣ введенія украинскаго языка въ дѣлопроизводство.

Такъ же, какъ и въ коренной Россіи, соціализація земли кончилась грабежомъ имѣній, насиліями, издѣвательствами, иногда убійствомъ помѣщиковъ. Такъ, напр., въ Черниговскомъ уѣздѣ была звѣрски убита цѣлая семья помѣщиковъ Комаровскихъ изъ 12 человѣкъ. Когда тяжко раненые, не добитые несчастные умоляли дать воды, убійцы отвѣчали: «Подохнешь и такъ!»... Въ семи верстахъ отъ Чернигова убиты были мои родственники, отецъ и сынъ Дзвонкевичи. Моему двоюродному дѣду, старику, было 93 года, а его сыну за 60 лѣтъ, причемъ этотъ послѣдній болѣе 30 лѣтъ своими руками обрабатывалъ свою землю, пахалъ, косилъ, вставалъ съ восходомъ солнца, словомъ, цѣликомъ жилъ обычной жизнью заправскаго крестьянина.

Людей убивали, усадьбы горѣли и разорялись, а соціализація оставалась пустымъ звукомъ. Украинскіе крестьяне, собственники земли, особенно зажиточные, а такихъ на Украйнѣ было весьма много, были поголовно противъ опасныхъ затѣй соціализаціи, такъ же, какъ и противъ земельныхъ комитетовъ, но, боясь мести, молчали и не возражали противъ сознаваемаго озорства и безобразій: раздѣла скота, хлѣба помѣщичьихъ экономій и пр. Когда мнѣ лично приходилось бесѣдовать съ тѣми изъ нихъ, кого я зналъ съ дѣтства, они потихоньку признавались:

– «Мы бы Вамъ всѣхъ ихъ выдали смутьяновъ и грабителей, только на одномъ условіи: чтобы они больше къ намъ не вернулись.» Боязнь мести опредѣляла весьма многое въ отношеніи къ происходившей кругомъ анархіи.

По моему глубокому убѣжденію, украинскіе соціалисты во всей области законодательства обнаружили не больше творчества, чѣмъ ихъ товарищи большевики въ періодъ ихъ сидѣнія въ Смольномъ Институтѣ. У нихъ не хватило храбрости быть послѣдовательными до конца на манеръ большевиковъ, но все же къ чести ихъ нужно сказать, что они не дѣйствовали терроромъ, пыткой и разстрѣлами. Безсильные прекратить анархію, которую они сами вызвали своимъ наивнымъ «законодательствомъ», они – и въ этомъ ихъ огромное отличіе отъ большевиковъ, не обагряли еще тогда рукъ своихъ ни поощреніемъ, ни одобреніемъ, ни моральнымъ участіемъ въ кровопролитіи. Но въ украинской интеллигенціи сказалась общая черта съ русской интеллигенціей: партійное доктринерство вытравило всякое представленіе о

реальныхъ жизненныхъ взаимоотношеніяхъ явленій и, упрямо губя свою родину и свое собственное будущее, украинцы, какъ и русскіе, создали себѣ кумировъ изъ сухихъ формулъ и лишенныхъ внутренняго содержанія формъ и трафаретовъ.

Пользуются ли національно настроенные украинцы довѣріемъ широкихъ массъ населенія, во имя которыхъ они дѣйствуютъ и именемъ которыхъ такъ часто злоупотребляютъ? Пользуется ли «украинизація» симпатіями широкихъ массъ населенія Украйны? Нужно разъ, хотя бы, высказать ту истину, что въ той исторической стадіи, въ какой жило тогда населеніе Украйны, оно было болѣе, чѣмъ равнодушно ко всякимъ попыткамъ и затѣямъ украинизаціи. Украинцы слишкомъ много лгали на эту тему. Городская демократія къ украинизаціи школы, напр., относилась просто отрицательно. Какъ показали грустныя событія и переживанія Кіева, Харькова, Одессы, населеніе городовъ вездѣ имѣетъ явную склонность къ большевизму, а деревня вездѣ жаждала одного: земли!

Тотъ, кто обѣщалъ землю, и являлся властителемъ деревни. И впредь проблема власти остается открытой въ той же плоскости: только тотъ создастъ власть и на Украйнѣ, и въ Россіи, кто укрѣпитъ право на землю за крестьянствомъ и создастъ гарантію отъ соціализаціи и всякихъ видовъ экспропріаціи.

Украинскіе с. р—ы, составлявшіе большинство въ той массѣ интеллигенціи или, лучше сказать, полуинтеллигенціи, которая служитъ въ земствахъ, кооперативахъ, чиновниками въ разнаго рода правительственныхъ учрежденіяхъ и т. п., обѣщали всю землю крестьянамъ. Это единственное дѣйствительное средство получить голоса деревни. И это нужно имѣть въ виду для пониманія дальнѣйшихъ развернувшихся событій.

Если еще нужно безпристрастное свидѣтельство полнаго провала идеи «украинизаціи» и «сепаратизма», то слѣдуетъ обратиться къ вполнѣ надежному и безпристрастному свидѣтельству нѣмцевъ, которые были заинтересованы углубленіемъ «украинизаціи» для успѣха расчлененія Россіи*. Черезъ два мѣсяца пребыванія въ Кіевѣ нѣмцы и австрійцы, занимавшіе Одессу, посылали обстоятельный докладъ въ Берлинъ и Вѣну въ совершенно тождественной редакціи. Нѣмецкое Высшее Военное Командованіе, составившее этотъ докладъ (я имѣлъ его въ рукахъ только на $^1/_2$ часа и имѣлъ возможность лишь бѣгло просмотрѣть этотъ обстоятельный и интересный документъ), доносило, что изъ всѣхъ учрежденій на Украйнѣ единственно стоящее на высотѣ задачи и имѣющее авторитетъ среди населенія — это судъ и его дѣятели, все же остальное далеко не на высотѣ задачи. Если немного усовершенствовать устарѣвшіе въ нѣкоторыхъ областяхъ законы, то, опираясь на судъ и военную силу, можно управлять страной. Далѣе докладъ краснорѣчиво доказывалъ, что существующее правительство не въ состояніи водворить въ странѣ необходимый порядокъ, что изъ украинизаціи практически ничего не выходитъ, ибо населеніе стремится къ русской школѣ и всякій украинецъ, поступающій на службу, хотя бы сторожемъ на желѣзную дорогу, стремится и говорить, и читать по русски, а не по украински. Общій же выводъ былъ тотъ, что желательно объявить открыто и легально оккупацію края нѣмецкой военной силой. Это было въ 20-хъ числахъ апрѣля 1918 года.

Да и въ практикѣ своей нѣмцы мало вниманія и уваженія удѣлили украинскому языку: люди практики, они видѣли, что все населеніе прекрасно понимаетъ русскій языкъ, а потому объявленія свои они печатали на русскомъ языкѣ, если учились, то учились русскому, а не украинскому языку и т. д. Пробѣжавъ вышеупомянутый документъ, я понялъ, что дни Центральной Рады и министерства Голубовича сочтены.

* См. Dr. P. Rorbach. Russland und wir. Berlin, 1915.

VI.

Вокругъ генерала Павла Петровича Скоропадскаго сгруппировались всѣ антисоціалистическіе элементы Украйны, начиная отъ крупныхъ помѣщиковъ и кончая мелкими земельными собственниками-крестьянами «хліборобами», всѣ политическія партіи правѣе соціалистовъ, начиная отъ к. д. Это былъ достаточно сплоченный антисоціалистическій блокъ безъ партійныхъ разномыслій и безъ національной розни. За нимъ пошли и русскіе, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадскаго, въ основѣ организаціи «хліборобовъ», которая на съѣздѣ 29-го апрѣля объявила генерала Скоропадскаго Гетманомъ всея Украйны, была сильная группа настоящихъ крестьянъ-собственниковъ, для которыхъ смертельной угрозой былъ универсалъ о соціализаціи земли. Переворотъ отъ народной украинской республики къ гетманству могъ совершиться, конечно, только при содѣйствіи и съ согласія нѣмецкой власти, такъ какъ какими либо собственными реальными силами ген. Скоропадскій не располагалъ. Сдѣлано все было чрезвычайно аляповато и грубо: нѣмцы даже не соблюли decorum'а нейтралитета. Дѣло съ внѣшней стороны обошлось такъ.

Въ теплый, благоуханный, апрѣльскій день, около 3-хъ часовъ пополудни, къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, т. е. къ Педагогическому Музею на Владимирской улицѣ, направились небольшіе отряды нѣмецкихъ солдатъ. Двумя шеренгами солдатъ, поставленными поперекъ широкой улицы, отгородили участокъ противъ Педагогическаго Музея — первый со стороны Фундуклеевской улицы, второй — отъ Бибиковскаго бульвара: подходы къ зданію, гдѣ засѣдала Центральная Рада, были отрѣзаны. Небольшой отрядъ нѣмецкихъ солдатъ подъ командой офицера вошелъ въ зданіе Ц. Р. Черезъ часъ или maximum 1½ изъ зданія Ц. Р. былъ выведенъ арестованнымъ премьеръ Голубовичъ и увезенъ въ каретѣ внизъ по Фундуклеевской улицѣ. Я наблюдалъ за этими наружными операціями, стоя на углу Фундуклеевской и Владимирской улицъ, въ рядахъ небольшой группы лицъ, случайныхъ прохожихъ и выбѣжавшихъ изъ кафэ отеля Метрополь съ противоположнаго угла по діагонали. Было около 4-хъ часовъ дня, послѣобѣденное для кіевлянъ время. Ко мнѣ подошелъ прис. пов. В., бывшій очевидцемъ того, что произошло внутри зданія Ц Р., такъ какъ мой знакомый былъ въ числѣ публики, присутствовавшей на открытомъ засѣданіи Рады. Вотъ разсказъ очевидца, посторонняго наблюдателя.

«Маленькій отрядъ вооруженныхъ нѣмецкихъ солдатъ вошелъ въ залъ засѣданія Рады, оставивъ стражу у всѣхъ выходовъ залы. — «Руки вверхъ!» — скомандовалъ нѣмецкій офицеръ. Всѣ подняли руки, кромѣ проф. М. С. Грушевскаго, который смущенный остался сидѣть на предсѣдательскомъ креслѣ. Выпустили сначала публику, провѣряя документы, потомъ членовъ Рады, задержали только нѣкоторыхъ членовъ правительства.»

Потомъ я узналъ нѣкоторыя подробности. Не обошлось безъ издѣвательства. Такъ, министра иностранныхъ дѣлъ — 20-лѣтняго юношу, студента 2-го или 3-го курса, поставили лицомъ въ уголъ и велѣли не двигаться. Былъ произведенъ обыскъ, выемка документовъ, причемъ обыску подвергся и столъ предсѣдателя Рады, проф. М. С. Грушевскаго.

Послѣ увоза нѣмцами премьера Голубовича я поднялся вверхъ по Владимирской на Софіевскую площадь. Туда скоро хлынула съ Крещатика по Софіевской улицѣ значительная толпа народу и скоро подъѣхалъ въ автомобилѣ ген. П. П. Скоропадскій, только что прокламированный «хліборобами» гетманомъ. Онъ былъ въ черной

черкескѣ съ георгіевскимъ крестомъ на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римскій профиль производили свой эффектъ. На площади, передъ колокольней Софіевскаго собора, отслуженъ былъ молебенъ. Картина была очень красивая при мягкихъ лучахъ на закатѣ стоящаго весенняго солнца. Голубое небо, свѣжая весенняя зелень... серьезный и торжественный звонъ колоколовъ...

Долго не расходились толпы любопытныхъ городскихъ обывателей, среди которыхъ выдѣлялись группы серьезныхъ, настоящихъ крестьянъ — «хліборобовъ». Въ настоящихъ, бытовыхъ своихъ костюмахъ, съ «вышиваными сорочками», въ «чемірках», они долго еще служили предметомъ всеобщаго вниманія.

Къ нимъ подходили, ихъ разспрашивали, говорили они настоящимъ народнымъ, образнымъ, часто полнымъ юмора, украинскимъ языкомъ. Такими же были, навѣрное, и ихъ Переяславскіе предки, заключившіе договоръ съ Россіей. Много уравновѣшенности, спокойствія, привычки къ невзгодамъ и упорному труду выражали эти настоящіе хозяева Украйны.

VII.

Такъ чисто и гладко, безъ единаго выстрѣла съ чьей бы то ни было стороны, ликвидирована была Центральная Рада, къ общему удовольствію особенно кіевлянъ, которые относились къ украинскому парламенту съ нескрываемымъ недружелюбіемъ, ничего путнаго отъ него не ожидая. Переворотъ произошелъ мирно и безъ пролитія крови. Украинскіе соціалисты бросились къ всемогущему, умному генералу Гренеру, умоляя его оставить имъ власть. Мнѣ пришлось слышать, категорически утверждать этого не берусь, что украинцы вели себя безъ всякаго достоинства, приносили въ жертву свою программу, особенно земельную, но генералъ Гренеръ остался неумолимъ и отвѣчалъ украинцамъ: «Zu spät!»

Переворотъ, какъ мы видѣли выше, вовсе не нуждался въ военной организаціи, объ этой сторонѣ дѣла, почти не требовавшей усилій, позаботились нѣмцы.

Но гражданскія силы заговора собирались такъ открыто и свободно, что у насъ въ кварталѣ объ этомъ, что называется, щебетали «воробьи на крышахъ».

Организація власти не давалась въ руки неопытнымъ абсолютно въ политической жизни провинціальнымъ профессорамъ, ученымъ, земцамъ и разнаго рода чиновникамъ.

Долго еще возились на «конспиративной» квартирѣ д-ра Ю. В. Любинскаго съ составленіемъ «министерства».

Наскоро объявленнаго Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ добраго и симпатичнаго любителя лошадей Н. Н. Сохно-Устимовича (онъ былъ потомъ разстрѣлянъ большевиками) смѣнилъ скоро временный премьеръ проф. Н. П. Василенко, а тѣмъ временемъ послали гонцовъ разыскивать намѣченнаго въ постоянные премьеры извѣстнаго земскаго дѣятеля, Ѳеодора Андреевича Лизогуба, который очень медлилъ со своимъ пріѣздомъ въ Кіевъ. Нескоро, однако, кабинетъ окончательно сконструировался* и приступилъ къ своей работѣ.

* Первый кабинетъ былъ въ такомъ составѣ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Мин. Внутр. Дѣлъ Ѳ. А. Лизогубъ, Министръ Юстиціи — М. П. Чубинскій, Мин. Нар. Пр. — Н. П Василенко, Мин. Финансовъ — А. К. Ржепецкій, Мин. Земледѣлія и Продовольствія — Ю. Ю. Соколовскій, Мин. Промышл. и Торг. — С. М. Гутникъ, Мин. Труда — Ю. Н. Вагнеръ, Мин. Здравоохраненія — Ю. В. Любинскій, Госуд. Секретарь — И. А. Кистяковскій, Военный Министръ — ген. Рогоза, Мин. Иностр. Дѣлъ — Д. И. Дорошенко, Мин. Путей Сообщ. — инж. А. И. Бутенко, Мин. Исповѣданій — В. В. Зѣньковскій.

Эпилогомъ отношенiй нѣмцевъ съ украинцами-соцiалистами былъ судебный процессъ, который долженъ былъ оправдать образъ дѣйствiй нѣмецкой власти по отношенiю къ правительству и Центральной Радѣ. Судили дѣйствiя премьера Голубовича, Гаевскаго и др. второстепенныхъ лицъ. Я не буду разсказывать здѣсь перипетiй извѣстнаго гласнаго процесса, гдѣ д-ръ Трейде, нѣмецкiй обвинитель, не пожалѣлъ красокъ, чтобы изобразить полную фигуру Голубовича и его дѣянiй. Голубовичъ въ своемъ послѣднемъ словѣ наивно просилъ судей: «не судите по мнѣ о моей партiи». Такъ безславно окончила свои дни Центральная Рада и ея правительство.

VIII.

Событiя развивались съ такой фееричной быстротой, что за ними трудно было поспѣвать мысли и психикѣ неподвижнаго и непривыкшаго къ политическому мышленiю обывателя, а жизнь требовала рѣшенiя на каждомъ шагу.

Какъ смотрѣть на coup d'état, въ центрѣ котораго стояла фигура ген. П. П. Скоропадскаго? Идти или не идти работать въ создавшихся условiяхъ?

«Нѣмецкiй ставленникъ!» — «Измѣнникъ Россiи!» — «Измѣнникъ Антанты!». Не было, кажется, достаточно сильно клеймящихъ эпитетовъ въ устахъ непримиримыхъ, прямолинейныхъ россiйскихъ патрiотовъ. В. В. Шульгинъ и его единомышленники покинули Кiевъ и уѣхали на Донъ.

Менѣе прямолинейные подходили къ вопросу спокойнѣе, стараясь оцѣнить объективно сложившiяся обстоятельства и создавшуюся общую обстановку и въ нихъ искать выхода въ будущее. Разсуждали приблизительно такъ:

1) Не мы виновны въ появленiи нѣмцевъ. Но нѣмецкая оккупацiя Украйны — объективный фактъ, котораго никакъ не выкинешь изъ исторiи Кiевской Руси.

2) Нѣмцы согласны на образованiе мѣстнаго правительства изъ умѣренныхъ элементовъ. Они берутся своими силами обезпечить порядокъ внутри, не допустивъ разлитiя большевизма и оградивъ Украйну отъ его проникновенiя извнѣ.

3) Въ случаѣ отказа въ сотрудничествѣ, нѣмцы, очевидно, объявятъ Украйну легально оккупированной страной. Мы не въ состоянiи, совершенно безсильны оказать какое-либо сопротивленiе иноземной силѣ. Нѣмцы, какъ это было въ Бельгiи и въ Польшѣ, вывезутъ все, что только можно: и въ первую голову хлѣбъ и всѣ огромные запасы и склады военнаго матерiала и имущества, которымъ набиты были интендантскiе склады Украйны. И это послѣднее едва ли въ интересахъ края и будущей Россiи, вѣра въ которую не покидала, едва ли это также въ интересахъ Антанты и незаконченной еще войны, ибо борьба самая ожесточенная и тяжкая на западномъ фронтѣ еще продолжалась.

Сомнѣнiя, какъ извѣстно, громаднымъ большинствомъ разрѣшены были положительно, т. е. въ сторону сотрудничества и поддержки генерала П. П. Скоропадскаго.

IX.

Въ какихъ чертахъ рисуется намъ образъ ген. П. П. Скоропадскаго? Постараюсь въ общихъ, объективныхъ чертахъ изобразить его портретъ, хотя всякiй пойметъ трудность такой задачи.

Потомокъ стародубскаго полковника Скоропадскаго, бывшаго гетманомъ Украйны съ 1708 по 1722 г., крупный помѣщикъ Черниговской и Полтавской губернiй, женатый на дочери генерала П. П. Дурново, воспитанникъ Пажескаго Е. И. В. Кор-

пуса — Павелъ Петровичъ Скоропадскій и по рожденію, и по воспитанію, и по службѣ, и по связямъ принадлежитъ цѣликомъ придворной русской аристократіи, той части русскаго или украинскаго дворянства, которая дѣлала карьеру при Дворѣ.

Состояніе Скоропадскаго, хотя и уступало по размѣрамъ состоянію Сумароковыхъ-Эльстонъ, Балашевыхъ, Строгановыхъ, но все же стояло въ ряду первыхъ мѣстъ, далеко уступая, однако, крупнымъ состояніямъ извѣстныхъ американскихъ милліардеровъ. Несмотря на богатство и знатность рода, П. П. Скоропадскій можетъ быть причисленъ къ демократамъ по взглядамъ и убѣжденію: это человѣкъ искренне и глубоко любящій украинское крестьянство, среди котораго онъ выросъ, гдѣ выросло и окрѣпло его самосознаніе, какъ украинца.

Если прибавить къ этому его доброту, постоянное и искренное желаніе всѣмъ придти на помощь, привѣтливость и подкупающую наружность, то станетъ весьма понятной способность его привлекать сердца и симпатіи окружающихъ людей. Человѣкъ личной храбрости, хотя и нервный, это въ то же время человѣлъ риска и фаталистъ — такимъ сдѣлало его, вѣроятно, военное ремесло.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, что къ той роли, какую ему навязалъ слѣпой капризъ исторіи, П. П. Скоропадскій ни въ какомъ отношеніи подготовленъ не былъ, и уже, конечно, не мечталъ о воскрешеніи изъ прошлаго и отжившаго — исторической археологіи — гетманства, когда послѣ развала фронта въ 1917 году осенью съ трудомъ добрался до Кіева. Былъ лишь одинъ моментъ, опредѣлявшій будущее: порученная ему центромъ украинизація корпуса свела его въ украинскую среду, въ кругъ офицерства, націоналистически настроеннаго.

Эти сильныя переживанія были послѣдними впечатлѣніями, увезенными имъ съ разсыпавшагося фронта.

Съ другой стороны, тянули связи, привычныя отношенія съ придворной знатью и петербургской аристократіей.

Мягкій до безхарактерности, доброжелательный до легкомыслія, онъ всѣмъ хотѣлъ сдѣлать добро и пріятное, а потому въ жизненныхъ, глубокихъ противорѣчіяхъ не умѣлъ выдержать строгую и опредѣленную линію поведенія.

Если прибавить къ этому весьма сложную политическую коньюнктуру, въ которой родилась Народная Украинская Республика, вспомнить, что воспріемницей гетманства была Германія, то изъ сказаннаго ясны будутъ всѣ тѣ исключительныя трудности, какія предстояло урегулировать гетману «Всеі Украіны». Тутъ нуженъ былъ исключительной проницательности и широкаго политическаго кругозора умъ и спеціальныя дарованія, которыхъ недоставало Скоропадскому.

Окруженный льстецами и часто ничтожными людьми, онъ, привыкшій къ этой атмосферѣ, не замѣчалъ ея исключительной неумѣстности въ переживавшійся тяжкій моментъ. И все же, всегда и вездѣ онъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ, т. е. совершеннымъ джентельменомъ въ англійскомъ пониманіи этого слова. Въ не столь сложное, отвѣтственное время онъ былъ бы, думается, не плохимъ конституціоннымъ правителемъ. Если мотивы самолюбія и честолюбія могли играть роль въ той исторической драмѣ, гдѣ центральной фигурой былъ П. П. Скоропадскій, то мы, конечно, не должны забывать, что покупалось все это не дешевой цѣной. Не у всѣхъ даже хватало и не у многихъ хватило бы храбрости возложить на свои плечи бремя гетманской власти.

Нельзя поэтому не одобрить тѣхъ, кто рѣшилъ раздѣлить съ П. П. Скоропадскимъ бремя этой власти.

Первымъ за себя и положительно рѣшилъ этотъ вопросъ профессоръ Кіевскаго Университета Н. П. Василенко, б. тов. Мин. Нар. Пр. при Временномъ Правительствѣ въ Петербургѣ, принадлежавшій къ партіи к-д. и умѣренный націоналистъ-украи-

нецъ. Человѣкъ въ высшей степени честный, спокойный и добросовѣстный, онъ много труда положилъ на формированіе перваго кабинета министровъ Скоропадскаго, куда онъ вошелъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и временно премьеръ-министромъ и Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи предсѣдатель Сената, онъ пользовался все время большимъ вліяніемъ у Скоропадскаго и значительнымъ авторитетомъ въ Совѣтѣ Министровъ.

Человѣкъ чистый, лично ничего не искавшій, культурный украинецъ и другъ Россіи, онъ, къ сожалѣнію, мало импонировалъ нѣмцамъ, не находилъ достаточно твердости въ сношеніяхъ съ ними. Работалъ онъ чрезвычайно интенсивно, спокойно, стараясь создать мирныя отношенія между украинцами и русскими.

Ѳедоръ Андреевичъ Лизогубъ, сразу намѣченный въ премьеръ-министры, происходилъ изъ старой украинской фамиліи Черниговской губерніи. Земецъ-октябристъ, хорошо знавшій земское дѣло, русскій человѣкъ до мозга костей, онъ оказался слабымъ въ руководствѣ работами кабинета и недостаточно дипломатомъ для чрезычайно запутаннаго и отвѣтственнаго момента въ положеніи Украйны, въ ея чрезвычайно деликатныхъ и сложныхъ отношеніяхъ съ Германіей, Антантой и, главное, съ Россіей. Подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ министровъ больше похожъ былъ на земское собраніе. Засѣдали чуть не ежедневно съ 9 ч. вечера до 2–3, иногда до 5–6 часовъ утра, тратили много времени на рѣшеніе элементарныхъ вопросовъ, но не было никакого плана законодательной работы, какъ не существовало и опредѣленной, стройной, выдержанной политики ни въ области экономической, ни въ области внутренняго управленія. Каждое вѣдомство работало по своему, не считаясь съ смежными, законодательствовали случайно, au jour le jour и, когда накладывали законодательную заплатку на какую-нибудь случайную дыру законодательнаго кафтана, непрочная ткань его расползалась по сосѣдству.

Такъ, напр., Министръ Юстиціи М. П. Чубинскій все свое вниманіе сосредоточилъ на созданіи Сената. Сенатъ и былъ дѣйствительно созданъ чуть ли не изъ 3/4 бывшаго сената Россійской Имперіи, что для Украйны, жившей подъ иностранной оккупаціей, было ненужной роскошью, а на мѣстахъ не было судебныхъ слѣдователей и преступность росла и развивалась, благодаря безнаказанности преступленія.

Цѣлый рядъ обвиненій сформулированъ былъ Министерствомъ Промышленности и Торговли противъ Министерства Путей Сообщенія, которое, по словамъ доклада В. А. Ауэрбаха – «организацію – первое требованіе желѣзнодорожнаго хозяйства – замѣнило украинизаціей» – намекъ на крайности въ этомъ направленіи, практиковавшіяся въ вѣдомствѣ, вопреки серьезнымъ интересамъ дѣла. Въ другомъ вѣдомствѣ, наоборотъ, хорошимъ тономъ были насмѣшки надъ «украинской мовой» (языкомъ). Словомъ, примѣровъ отсутствія плана и единства въ дѣйствіяхъ можно было бы набрать сколько угодно.

Если подвести итоги дѣятельности перваго министерства Гетмана Скоропадскаго съ мая до половины октября, т. е. за періодъ времени около полугода, то министерство это выступаетъ предъ нами со слѣдующими чертами:

1) Министерство это не было сепаратистскимъ или антирусскимъ. Оно жило надеждой на возрожденіе Россіи и всѣми силами хотѣло помочь Россіи на пути къ этому возрожденію. (См., напр., такой документъ, какъ записка 10 министровъ отъ 10 октября 1918 г.) Въ работѣ этого министерства принимали участіе, между многими другими лицами русскаго происхожденія и направленія: С. Н. Гербель, Г. Е. Афанасьевъ, Г. Г. Лерхе, сенаторъ С. В. Завадскій, Сементовскій-Курилло, фонъ-Замень, обвиненіе которыхъ въ измѣнѣ Россіи не только фактически не можетъ быть обосновано, но и просто неумно.

2) Министерство это всѣми своими силами старалось поддержать Украину въ ея борьбѣ съ анархіей и дать просторъ развитію ея культурныхъ силъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно отнюдь не было анти-украинскимъ, въ чемъ его обвиняли съ другой стороны. Не слѣдуетъ придираться къ частностямъ. Вообще же, было дано много доказательствъ уваженія къ украинскому языку и слову. Много довѣрія было оказано украинскимъ силамъ, и не вина Гетмана Скоропадскаго и его министровъ, если Украйна оказалась очень бѣдной культурными силами, необходимыми для созидательной работы. Для отвѣтственной работы требовалось много спеціальныхъ, техническихъ знаній, а потому для занятія нѣкоторыхъ видныхъ и важныхъ постовъ приходилось по необходимости обращаться къ неукраинскимъ элементамъ. Виновата въ этомъ вся предшествующая исторія, а никоимъ образомъ не Скоропадскій.

3) Въ основѣ своей направленіе Гетмана Скоропадскаго и его министерства было либерально-демократическое. Преслѣдовались цѣли, принимались мѣры, имѣвшія въ виду благо всей массы населенія, всѣхъ его слоевъ и классовъ. Правда, министерство внутреннихъ дѣлъ иногда прибѣгало къ мѣрамъ репрессивнаго характера, но время было такое, что всякая мягкость (а ея со временъ революціи было проявлено слишкомъ много, а послѣдствія ея оказались совершенно фатальными) принималась за признакъ слабости власти и поднимала настроеніе у тѣхъ элементовъ, которые противопоставляли себя власти. Такъ, напримѣръ, демагогическія, а не демократическія въ своей основѣ, городскія думы тяжелымъ камнемъ фатально, быть можетъ, сами того не замѣчая и не отдавая себѣ въ этомъ отчета, тянули въ пучину большевизма. Обвиненія въ недемократичности, реакціонности, имперіализмѣ и т. п. у насъ распространяются съ легкостью поразительной и вмѣстѣ съ легкомысліемъ, которое въ своей наивности было бы еще простительно, если бы часто не было совершенно преступно.

У насъ вообще въ модѣ всякаго рода обвиненія и мало обоснованныя, огульныя сужденія. Сколько самыхъ злостныхъ выпадовъ, обвиненій, мало обоснованныхъ и часто вовсе недобросовѣстныхъ, было высказано въ печати по адресу ген. П. П. Скоропадскаго! Я пишу эти строки, отнюдь не имѣя въ виду апологіи ген. Скоропадскаго, сдѣлавшаго рядъ большихъ промаховъ и огромныхъ ошибокъ, но я предложилъ бы его обвинителямъ задать себѣ слѣдующій вопросъ: что пріобрѣталъ ген. Скоропадскій, идя въ совершенно исключительно тяжкихъ условіяхъ на роль гетмана? Удовлетвореніе честолюбивыхъ замысловъ? Но это покупалось слишкомъ дорогой цѣной.

«Жизнь моя личная была сплошнымъ адомъ въ періодѣ гетманства» — писалъ мнѣ П. П. Скоропадскій въ началѣ 1920 года изъ Швейцаріи.

И тѣ, кто видѣлъ и дѣйствительно умѣлъ наблюдать условія жизни въ Кіевѣ, скажетъ, что въ этихъ простыхъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Скоропадскій пошелъ на шагъ, на который другіе не рискнули. Въ этомъ шагѣ, что бы ни говорили, былъ элементъ сознательной жертвы.

Рисковать ежеминутно своей жизнью — этому могла научить ген. Скоропадскаго только 3-лѣтняя война, активнымъ участникомъ которой онъ былъ въ самыхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ фронта. Обстановка, повторяю, была исключительно трудная.

«Если бы мнѣ пришлось повторить опять всю исторію, я, по совѣсти, не могъ бы поступить иначе, чѣмъ я поступилъ» — писалъ мнѣ въ другомъ письмѣ П. П. Скоропадскій.

При личномъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ П. П. Скоропадскимъ, которое относится къ концу 19 и началу 20 года, я нашелъ въ немъ человѣка, который:

1) Совершенно искренне ненавидѣлъ старый режимъ.

2) Проводилъ идею децентрализаціи, а не сепаратизма*.

3) Считалъ совершенно необходимымъ создать условія для свободнаго развитія украинскаго народа, ибо онъ вѣритъ въ существованіе, даже въ настоящій моментъ, культурныхъ силъ на Украйнѣ.

П. П. Скоропадскій утверждаетъ, что онъ все свое личное вліяніе употребилъ на радикальное рѣшеніе аграрнаго вопроса въ пользу крестьянъ, и онъ всегда съ горечью говоритъ о тѣхъ элементахъ на Украйнѣ, которые оказали оппозицію и противодѣйствіе проведенію на Украйнѣ аграрной реформы въ интересахъ широкихъ массъ крестьянства.

Не забудемъ и того, что періодъ гетманства былъ временемъ полной національной терпимости и признанія равноправія національностей.

Не были ли приняты всѣ мѣры, чтобы пріютить всѣхъ бѣжавшихъ изъ коренной Россіи отъ террора большевиковъ, спасти ихъ имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурныхъ силъ Россіи?

Въ Кіевѣ происходило формированіе, такъ называемой, южной арміи для борьбы съ большевиками, поддержанной затѣмъ, послѣ соглашенія съ ген. П. Н. Красновымъ, и оружіемъ, и деньгами.

Наконецъ, гетманскій періодъ не зналъ вовсе еврейскаго вопроса, какъ таковаго, со всѣми его отвратительными чертами: не было ни еврейскихъ погромовъ, ни какихъ либо иныхъ преслѣдованій на религіозно-національной почвѣ. Нѣкоторыя дикія выходки украинской прессы гасли въ атмосферѣ, неблагопріятной для культа національной розни. Наоборотъ, защита интересовъ евреевъ, какъ равноправныхъ гражданъ Украйны, велась опредѣленно и въ очень настойчивыхъ выраженіяхъ передъ лицомъ австрійскаго военнаго командованія, гдѣ иногда обнаруживались тенденціи къ средневѣковымъ мѣрамъ по отношенію къ еврейскому населенію**.

Да, Скоропадскій взялся за задачу, которая требовала и болѣе сильной воли, и болѣе яснаго творческаго пониманія. и совершенно исключительной твердости въ борьбѣ съ мало-сознательными элементами населенія. Не онъ создалъ событія, а событія создали его.

Справедливы ли поэтому упреки, адресуемые Скоропадскому? Этотъ упрекъ въ равной мѣрѣ падаетъ на все антибольшевистское движеніе и всѣ бѣлые фронты одинаково. Внутренняя логика событій, процессъ соціальный – въ ходѣ русской революціи были безконечно сильнѣе, какъ условій отдѣльныхъ лицъ, именами которыхъ возглавлялись мѣстныя попытки реакціи противъ большевизма, такъ и всей идеологіи интеллигентной Россіи, которая съ негодными средствами пыталась бороться съ стихіей. Этой стихіей владѣли и овладѣли одни только большевики и это потому, что они сразу же влились въ ея мощный, разрушительный потокъ и пошли по теченію за стихіей, и даже, накладывая свой штемпель тамъ, гдѣ имъ того вовсе и не хотѣлось. Таковъ, напримѣръ, Брестъ-Литовскій миръ.

Украйна и украинскій народъ слишкомъ мало отличались отъ Россіи по культурнымъ условіямъ, а потому такъ же фатально, какъ Россія, Украйна сдѣлалась добычей большевиковъ.

Раньше другихъ ген. Скоропадскій сталъ жертвой исторической неизбѣжности. Часто колеблющійся, неустойчивый, онъ все же, хотя и разбитый, не заслуживаетъ

* Съ тѣхъ поръ П. П. Скоропадскій, къ сожалѣнію, эволюціонировалъ сильно въ сторону сепаратистскихъ симпатій.

** Въ Архивѣ Державной Канцеляріи должны были сохраниться по этому вопросу весьма интересные документы.

того моральнаго осужденія, которое на него такъ охотно возлагаютъ. Primus inter pares въ несчастьи и неудачѣ. Отвѣтственность за эту неудачу ложится морально и на всѣхъ насъ Послѣдствія ея, какъ крестъ свой, мы несемъ тоже, какъ и тѣ, кто временно сіяли на верху.

Въ положеніи Украйны были черты, которыя не позволяли питать особаго оптимизма насчетъ будущаго. Въ Кіевѣ остался написанный мною въ іюлѣ 1918 года литературной документъ, предназначавшійся для французской прессы, извѣстный группѣ моихъ друзей, гдѣ, на основаніи анализа положенія «самостійной» Украйны, я предсказывалъ скорую трагическую развязку и пріурочивалъ ее опредѣленно къ моменту побѣды союзниковъ надъ нѣмцами на Западномъ Фронтѣ. Отнюдь не съ цѣлью подчеркнуть здѣсь свою прозорливость, упоминаю я объ этомъ, а исключительно для того, чтобы подчеркнуть основную и роковую ошибку въ оцѣнкѣ положенія дѣятелями гетманскаго періода на Украйнѣ. Даже такіе, несомнѣнно умные люди, какъ И. А. Кистяковскій и др., были убѣждены непоколебимо въ торжествѣ нѣмецкаго оружія. «Нѣмцы въ августѣ возьмутъ Парижъ, я въ этомъ убѣжденъ» — говорилъ Кистяковскій. И это убѣжденіе, къ сожалѣнію, раздѣлялось почти всѣми.

Не этой ли атмосферой объясняются извѣстныя заявленія П. Н. Милюкова, сдѣланныя имъ въ Кіевѣ. А если такой опытный политическій дѣятель и глубокій знатокъ международныхъ отношеній могъ ошибиться въ оцѣнкѣ политической коньюнктуры, то насколько это простительнѣе людямъ менѣе широкаго опыта и кругозора.

Я чувствовалъ себя глубоко одинокимъ въ своемъ непоколебимомъ убѣжденіи въ близкомъ, конечномъ разгромѣ нѣмцевъ. И для этого убѣжденія были несомнѣнно не одни теоретическія соображенія и выкладки, а и болѣе реальные, объективные признаки. Я внимательно и пристально слѣдилъ за нѣмцами, ихъ психикой, за тѣмъ, что и какъ они дѣлаютъ и что они говорятъ. Я раньше имѣлъ много случаевъ наблюдать нѣмцевъ и теперь я сравнивалъ то прежнее, что я зналъ о нихъ, съ тѣмъ, что я видѣлъ въ то время въ Кіевѣ. Я ясно и отчетливо наблюдалъ ихъ усталость и какое-то едва уловимое смущеніе. Даже, когда они веселились, съ нихъ не сходилъ какой-то налетъ глубокой грусти. Если Вы долго, серьезно и спокойно развивали имъ мысль о безнадежности затѣи мірового господства, съ ихъ устъ срывались тонкія фразы: «Unsere innere Lage ist sehr schwer.» Мнѣ казалось, что я вѣрно оцѣнивалъ значеніе ея: неудачи на фронтѣ (о которыхъ ничего не было извѣстно въ Кіевѣ) вызывали опасенія за внутреннюю устойчивость Имперіи.

Изъ указанной выше основной ошибки русскихъ политическихъ дѣятелей на Украйнѣ проистекали ошибочные выводы: 1) Украйна можетъ разсчитывать на нѣмецкія войска до формированія своей, новой арміи. 2) Украйнѣ предстоитъ длительный періодъ самостоятельнаго существованія, ибо таково направленіе Берлинской политики.

Это иллюзорное сознаніе обезпеченнаго спокойствія за нѣмецкими штыками заставляло не торопиться съ выработкой сеймового закона. По этой же причинѣ не торопились и съ аграрнымъ вопросомъ и аграрными законами. Оттого тянули скучную канитель мирныхъ переговоровъ съ большевистской мирной делегаціей, возглавлявшейся Г. Х. Раковскимъ.

X.

Каково же было внутреннее положеніе страны, наводившее меня на самые грустные выводы уже съ конца іюня мѣсяца?

Прежде всего необходимо констатировать тотъ фактъ, что аппаратъ власти былъ въ конецъ разрушенъ на Украйнѣ, какъ и въ коренной Россіи. Новый аппаратъ

создавался въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ. Изъ элементовъ, которые всю жизнь свою были въ оппозиціи правительству и вовсе не были воспитаны къ власти, трудно было ее конструировать: они вносили лишь разложеніе и раздраженіе, дискредитируя самое власть, какъ таковую. Новые представители власти не умѣли, часто при лучшихъ намѣреніяхъ, подойти вплотную и авторитетно къ новому для нихъ дѣлу. Старые же дѣятели, часто вновь призванные къ власти, примѣняли слишкомъ старые и ненавистные пріемы управленія.

Такіе губерніальные старосты (губернаторы), какъ напр. А. В. Десницкій (въ Мелитополѣ) изъ старыхъ земцевъ, Пищевичъ (въ Херсонѣ), сразу выдвинувшіеся своей дѣловой распорядительностью, были большой рѣдкостью.

Выше мы уже упоминали о крайнемъ недостаткѣ слѣдственныхъ властей и о разстройствѣ судебныхъ функцій. Какъ курьезъ, можно привести случай, когда ревизія камеры мирового судьи установила такой фактъ: мировой судья (изъ новыхъ, назначенныхъ при Ц. Р.) разобралъ всего лишь одно дѣло: о своемъ собственномъ разводѣ со своей супругой.

Анархія сдерживалась одной силой — нѣмецкимъ оружіемъ. Какъ же держали себя нѣмцы въ украинской деревнѣ? Все зависѣло, конечно, отъ личнаго командного состава. Мнѣ пришлось лично наблюдать нѣмцевъ, бывшихъ на постахъ въ деревнѣ Каневскаго у., Кіевской губ., которые не вызвали раздраженія у населенія и не оставили по себѣ дурныхъ чувствъ. За всѣ тѣ продукты, которые они брали у населенія, они исправно платили и ничѣмъ населенія не обижали.

Въ другихъ же мѣстахъ — я читалъ объ этомъ рядъ подробныхъ донесеній и слѣдственныхъ протоколовъ — шелъ прямой, безстыдный и циничный грабежъ. Были случаи во многихъ мѣстахъ, когда помѣщики пользовались нѣмецкой силой для возстановленія своихъ правъ и, въ особенности, возврата своего ограбленнаго имущества (движимости). Это приводило иногда къ такимъ конфликтамъ, что нѣмцамъ приходилось пускать въ ходъ артиллерію.

Въ общемъ же населеніе подчинялось насилію въ сознаніи своего безсилія.

«Что дѣлать, баринъ?» — говорили явившіеся изъ деревни крестьяне, «нѣмцы требуютъ сѣно по 1 рублю за пудъ, а стоитъ оно по 8 рублей; берутъ сало и платятъ по 1 рублю за фунтъ, а въ городѣ Черниговѣ цѣна пять рублей. Какъ тутъ, скажете, быть? Давать или не давать?» Я отвѣчалъ: «Вы же знаете, что наши солдаты, въ томъ числѣ и ваши односельчане, бросили фронтъ и, несмотря на всѣ убѣжденія и предупрежденія, рѣшили прекратить войну. Нѣмецкіе же солдаты пришли вооруженные, они слушаются своихъ офицеровъ и команды; если вы имъ добромъ не уступите, они возьмутъ то, что имъ надо, силой и уже тогда ничего не заплатятъ. А не будетъ нѣмцевъ — придутъ большевики: тѣ уже, конечно, платить не будутъ, а возьмутъ все даромъ. Когда у насъ опять будетъ армія, которая захочетъ слушать офицеровъ — тогда можно будетъ оказать сопротивленіе нѣмцамъ. А безъ арміи, мы, конечно, терпимъ и впередъ будемъ терпѣть обиды.»

Крестьяне стояли въ раздумьи, почесывая затылки — видно разсужденіе это было настолько элементарно и понятно, что возраженій не послѣдовало.

Австрійцы были хуже нѣмцевъ, у нихъ конфликты съ населеніемъ были чаще, чѣмъ у нѣмцевъ, чаще были и жестокія репрессіи, вызывавшія глубокую анархію и разложеніе деревенской жизни. Но тамъ дѣйствовала иноземная сила.

Но еще хуже, разлагающе дѣйствовали появившіеся мѣстами добровольческіе карательные отряды (офицерскіе?). 29–30 іюня я лично имѣлъ случай наблюдать возникновенье крупныхъ безпорядковъ, вызванныхъ дѣйствіями карателей, въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи. Въ с. Б. Букринѣ въ помѣщичьей усадьбѣ

жила моя семья. Вечеромъ 29 іюня я пріѣхалъ въ Букринъ и засталъ свою 15 лѣтнюю дочь страшно взволнованной. Дѣло заключалось въ томъ, что наканунѣ, за два-три дня, въ усадьбу нагрянуло нѣсколько людей въ военной формѣ (офицеровъ?), арестовали нѣсколькихъ крестьянъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ грабежѣ имущества экономіи (имѣвшее мѣсто въ періодъ господства Центральной Рады), арестованныхъ крестьянъ связали, били и истязали. Вели себя военные люди чрезвычайно нагло и грубо. Требовали пищи, пили и ѣли, и, конечно, ничего за принесенные имъ продукты не платили. Со слезами на глазахъ разсказывала дочь, какъ на ея глазахъ офицеръ (?) побилъ дѣвочку лѣтъ 12, которая принесла ему хлѣбъ и привѣтливо, съ поклономъ подала ему.

Офицеры (?) скоро уѣхали, а въ сосѣднемъ с. М. Букринѣ крестьяне, узнавъ объ экзекуціи въ Б. Букринѣ, взялись за оружіе и образовали вооруженную банду, которая начала свои аггрессивныя дѣйствія противъ жившей въ своей усадьбѣ семьи помѣщика Д. Напуганные обитатели убѣжали въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ и провели въ страхѣ всю ночь. На другой день крестьяне того же Букрина, съ которыми Д. былъ всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, помогли имъ, забравъ кое-что изъ имущества, выѣхать на подводахъ на пароходную пристань.

Ожидая возможныхъ осложеній и въ Б. Букринѣ, я выѣхалъ утромъ 30 іюня на лошадяхъ въ Ходоровъ къ пароходной пристани, но туда добраться уже было невозможно, ибо Ходоровъ оказался въ районѣ военныхъ дѣйствій между прибывшимъ изъ Канева небольшимъ военнымъ отрядомъ съ уѣзднымъ старостой (прежній исправникъ) во главѣ, и возставшими крестьянами, которыхъ оказалось уже къ этому времени около 1000 человѣкъ. Шла пулеметная и ружейная перестрѣлка. Во время этихъ военныхъ операцій былъ тяжело раненъ уѣздный староста, отрядъ его былъ разбитъ и на лодкахъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Полтавскую губернію. Ходоровъ былъ занятъ повстанцами. Пришлось намъ возвращаться обратно и ѣхать на Переяславъ, что и удалось безъ всякихъ осложненій.

Обо всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ связи съ этой исторіей, мною былъ представленъ немедленно подробный письменный докладъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Ѳ. А. Лизогубу. Мнѣ неизвѣстно, чтобы были предприняты какія либо мѣры для обузданія карателей и противъ карательныхъ экспедицій вообще. Извѣстно стало, что для усмиренія разросшагося возстанія вызваны были нѣмцы, а ихъ методы дѣйствій въ этихъ случаяхъ бывали рѣшительные, однако, едва ли способные внести успокоеніе въ деревню, ибо усмиреніе это совершалось далеко не мѣрами убѣжденія и кротости.

Я передавалъ свои наблюденія молодому помѣщику Полтавской губерніи К., возмущаясь карателями и бездѣйствіемъ по отношенію къ нимъ власти.

«Ничего! такъ имъ и надо... нѣмцы миндальничать не будутъ, а за грабежи тоже не мѣшаетъ проучить...»

Я просто остолбенѣлъ отъ такого ужаснаго непониманія обстановки и грозныхъ перспективъ. Увы! Такой случай отношенія не являлся далеко единичнымъ или изолированнымъ. Эгоизмъ, корыстолюбіе, желаніе использовать обстановку въ своихъ личныхъ цѣляхъ и выгодахъ были слишкомъ зауряднымъ явленіемъ у помѣщиковъ.

Такъ возникали безпорядки въ совершенно мирныхъ уголкахъ. Тамъ, гдѣ возставшіе брали верхъ надъ слабыми отрядами карателей, или гдѣ возставшимъ попадали въ плѣнъ офицеры, даже не принимавшіе участія въ карательныхъ дѣйствіяхъ — тамъ повстанцы распоряжались съ ужасающей жестокостью, напоминающей гайдамачину. У насъ были донесенія, что штопорами вытягивали кишки у несчастныхъ жертвъ народной ненависти и жестокаго самосуда разъяренной толпы.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что не будь тогда налицо нѣмецкой силы, гетманская власть была бы легко сметена еще въ іюнѣ-августѣ 1918 года.

Трудно, конечно, поддается опредѣленію роль соціалистической пропаганды въ организаціи возстаній — конечно, отрицать совершенно (какъ многіе это дѣлаютъ) ея значенія нельзя, но я указалъ выше на реальные факты и причины крупныхъ волненій и безпорядковъ, возникавшихъ въ весьма мирной обстановкѣ, внѣ всякой идейной пропаганды.

Я уже упоминалъ, что мнѣ неизвѣстно, какія мѣры принимались противъ дѣйствій карательныхъ отрядовъ и вообще принимались ли таковыя, я упоминалъ также о легкомысленномъ, открытомъ одобреніи дѣйствій карателей нѣкоторыми помѣщиками, но я a priori думаю, что власть не имѣла достаточной силы и авторитета, чтобы бороться съ этимъ явленіемъ. Къ непрекращавшимся волненіямъ деревни въ концѣ августа присоединилась еще желѣзно-дорожная забастовка, поддержанная, а быть можетъ, даже и организованная на огромныя денежныя средства, затраченныя большевиками. Городская демократія повела аттаку на правительство, а національный украинскій блокъ началъ оказывать большое и успѣшное давленіе на терявшихъ подъ ногами почву нѣмцевъ.

Совѣтъ министровъ Гетмана являлъ о ту пору картину полной неработоспособности. Голоса въ Совѣтѣ неизмѣнно дѣлились ровно пополамъ: было очевидно, что двѣ половины Совѣта расходятся между собой въ самыхъ основныхъ пунктахъ и принципахъ. Положеніе было катастрофическое. Къ внутренней неурядицѣ присоединялась напряженная и успѣшная пропаганда большевиковъ.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ въ этотъ періодъ уже не безвольный Ѳ. А. Лизогубъ, а И. А. Кистяковскій, наиболѣе яркая фигура во всемъ министерствѣ гетмана, умный, талантливый и чрезвычайной работоспособности человѣкъ. Онъ изъ силъ выбивался, стараясь укрѣпить власть, что отчасти, особенно въ провинціи, ему и удавалось, но объединить кабинетъ на единственно спасительной въ тотъ моментъ политикѣ твердой власти было невозможно, и такіе вліятельные министры, какъ напр. Н. П. Василенко, дѣловой С. М. Гутникъ, симпатичный и гуманный В. В. Зѣньковскій, шли опредѣленно противъ Кистяковскаго, увлекая за собой ровно половину Совѣта Министровъ. Повторялась трагедія власти Временнаго Правительства въ Петроградѣ, и несмотря на предупредительный, яркій опытъ исторіи, люди упорно держались пути политической маниловщины и невозмутимаго прекраснодушія.

Но весьма понятно, что въ создавшихся условіяхъ работа министерства не была и не могла быть продуктивной.

Въ самомъ началѣ своей дѣятельности на боевомъ посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Кистяковскій всѣ свои усилія употреблялъ на привлеченіе къ практической, созидательной дѣятельности мѣстныхъ національныхъ украинскихъ дѣятелей. Но, къ сожалѣнію, на этомъ пути онъ потерпѣлъ почти полную неудачу, ибо все это были въ большинствѣ своемъ люди, привыкшіе къ безпочвенной оппозиціи и они, за весьма рѣдкими исключеніями, оказались неспособными къ простой, дѣловой работѣ. Какъ я уже выше упоминалъ, особенно трудно было наладить аппаратъ мѣстной власти: съ фатальной неизбѣжностью приходилось возвращать къ власти и вербовать для кадровъ новой власти людей опыта стараго времени, которые были къ тому же настроены очень озлобленно всѣми предыдущими событіями. И люди начинали дѣйствовать по старому, забывая, что измѣнилась не только обстановка, въ которой приходилось работать, но и, самое главное, обывательская психика. Не будучи вовсе реакціонеромъ, И. А. Кистяковскій быстро создалъ себѣ репутацію крайняго реакціонера,

чѣмъ возстановилъ противъ себя какъ русскіе либеральные элементы, такъ и украинскихъ націоналистовъ. И причина здѣсь лежала не въ существѣ дѣла, а въ крайней распущенности языка и рѣзкости словъ, которыми И. А. Кистяковскій кстати и некстати, т. е. безъ всякой къ тому нужды, раздражалъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло лицъ и цѣлыя общественныя группы*.

Справедливость требуетъ сказать, что словесныя злоупотребленія были въ модѣ въ этотъ періодъ и ихъ позволяли себѣ дѣятели весьма почтенные и уважаемые.

Большой заслугой Кистяковскаго была прямая, открытая борьба, объявленная имъ большевикамъ, причемъ онъ храбро бралъ на себя весь odium за прямыя и откровенныя средства этой борьбы. Несчастье заключалось въ томъ, что онъ не умѣлъ отфильтрировать чистый большевизмъ, не сумѣлъ создать условія, при которыхъ за нимъ пошли бы для этой борьбы лѣвыя, не большевистскія фракціи и партіи оппозиціи.

Но легко ставить это въ вину и во сколько разъ труднѣе практическая работа въ данномъ направленіи при условіи, о которомъ я упоминалъ уже и выше, а именно: теоретики демократіи, больше слѣдившіе за чистотой своихъ партійныхъ формулъ, чѣмъ за кричащими, неотложными потребностями дня, а иногда и минуты, лѣвыя группы, къ сожалѣнію, не могли создать ничего положительнаго ни въ сферѣ устройства практической жизни — для этого достаточно посмотрѣть на результаты практической дѣятельности Кіевскаго и Одесскаго городскихъ управленій, бывшихъ почти цѣликомъ въ рукахъ лѣвыхъ думъ, ни тѣмъ болѣе въ сферѣ организаціи трудной борьбы съ большевизмомъ. Большевики, не связанные въ сущности ничѣмъ, даже собственными формулами и обѣщаніями, и дѣйствовавшіе съ грубой, циничной откровенностью, легко брали верхъ надъ всякими соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами.

Ихъ взаимоотношенія напоминали больше всего извѣстную сказку Салтыкова-Щедрина — «Карась-идеалистъ». Дѣло кончалось неизмѣнно по одному, хорошо заранѣе извѣстному трафарету: всѣ и вся попадало въ щучье хайло.

Повторяю, И. А. Кистяковскій, оставаясь на нѣмецкой формулѣ «Самостійной Украины», велъ совершенно добросовѣстно борьбу съ большевизмомъ, какъ интернаціональнымъ, возглавляемымъ Кремлемъ, такъ и съ большевизмомъ національнымъ, возглавляемымъ Петлюрой и его революціоннымъ штабомъ. Первый, международный большевизмъ имѣлъ своимъ представителемъ въ Кіевѣ Г. Х. Раковскаго, стоявшаго во главѣ мирной делегаціи и занятаго совсѣмъ не мирными дѣлами. На наиболѣе вредныхъ дѣятелей изъ этой группы и были направлены удары Кистяковскаго.

Если я говорю о большевизмѣ національномъ, то здѣсь нужна нѣкоторая оговорка. Среди національнаго союза были настоящіе большевики-украинцы и отъ нихъ первымъ былъ украинскій писатель, талантливый и страстнаго темперамента агитаторъ В. К. Винниченко. С. В. Петлюра, хотя и не былъ большевикомъ, но работа его агентовъ по подготовкѣ возстанія противъ гетманской власти, равносильна была отдачѣ Украйны во власть большевиковъ, что и подтвердили блестяще событія ближайшихъ мѣсяцевъ.

Препятствіемъ, ставшимъ на пути гетманской власти, въ этой борьбѣ ея съ большевиками, стали нѣмцы. Это необходимо особенно подчеркнуть, ибо украинская эпопея была лишь частностью общей картины. Нѣмцы импортировали большевиковъ въ Россію, поддерживали ихъ въ теченіе 1918 года всюду — въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ —

* Для примѣра можно привести такой эпизодъ. Послѣ рѣчи Кистяковскаго въ Одессѣ ему кто-то сказалъ: «Что же, это возвратъ къ временамъ Плеве?» — «Передо мной и Плеве, и Сипягинъ скоро окажутся мальчишками», не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Кистяковскій.

безразлично. Вспомнимъ, какъ снисходительно отнеслись нѣмцы къ убійству гр. Мирбаха въ Москвѣ. Нѣмецкій посолъ на Украйнѣ фонъ-Муммъ очень нервничалъ, видя, сколь мало реагировала центральная власть на убійство Мирбаха.

Въ распоряженіи украинскаго министерства внутреннихъ дѣлъ были матеріалы, содержавшіе неопровержимыя доказательства, показывавшія, что члены большевистской мирной делегаціи ведутъ усиленную пропаганду большевизма на Украйнѣ, не жалѣютъ милліоновъ «керенокъ» на организацію желѣзнодорожной забастовки и на организацію вооруженнаго возстанія. Въ началѣ октября 1918 г. И. А. Кистяковскій докладывалъ Совѣту Министровъ, что нѣмцы препятствуютъ ему арестовать извѣстныхъ своей преступной дѣятельностью опасныхъ большевиковъ и требуютъ освобожденія другихъ*. И. А. Кистяковскій тогда же сдѣлалъ заявленіе, что въ создавшихся условіяхъ онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за безопасность и спокойствіе Кіева.

Въ то же время, нѣмцы потребовали освобожденія арестованнаго Петлюры. У меня имѣются точныя доказательства, что С. В. Петлюра былъ освобожденъ гетманомъ Скоропадскимъ по настойчивому требованію нѣмцевъ. У меня имѣется письмо ко мнѣ П. П. Скоропадскаго, гдѣ на прямой вопросъ мой объ этомъ (по поводу письма, опубликованнаго С. К. Моркотуномъ въ «Cause Commune» осенью 1919 года), П. П. Скоропадскій отвѣтилъ, что онъ вынужденъ былъ освободить Петлюру по настоянію нѣмцевъ, угрожавшихъ въ противномъ случаѣ освободить его силой.

Есть данныя о дѣятельности С. В. Петлюры, еще въ качествѣ предсѣдателя Земской Управы, когда въ огромномъ зданіи Земской Управы на Владимирской улицѣ открыто съѣзжался и работалъ по организаціи анти-гетманской пропаганды весь штабъ украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, штабъ будущаго возстанія Петлюры.

Въ письмахъ ко мнѣ П. П. Скоропадскій сѣтуетъ на то, что полиція не могла дать ему въ руки матеріала, достаточно уличающаго Петлюру.

Я же весьма склоненъ думать, что, останься на посту Министра Юстиціи А. А. Романовъ, матеріала для обвиненія С. В. Петлюры нашлось бы достаточно, даже несмотря на защиту его нѣмцами.

Мнѣ представляется, что вся политика нѣмцевъ на Украйнѣ сводилась къ тому, чтобы поддерживать въ странѣ состояніе неустойчиваго равновѣсія, для того, чтобы въ любой моментъ чашка вѣсовъ, на которую нѣмцы положили бы гирю своего вліянія, могла накренить вѣсы исторіи туда, куда, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, это желательно было бы нѣмцамъ. Достаточно въ этомъ смыслѣ обратить вниманіе на слѣдующія оригинальныя, чтобы не сказать болѣе, комбинаціи: нѣмцы не только поддерживали матеріально, но и помогали формированію офицерскихъ отрядовъ, т. наз. Южной Арміи, и въ то же время нѣмецкіе офицеры-инструкторы находились въ большевистскихъ отрядахъ, дравшихся противъ офицеровъ русской арміи.

Нѣмцы какъ бы сознательно поставили себѣ цѣлью – уничтоженіе русскаго офицерства, и взятіе Кіева большевиками въ 1918 году имѣло непосредственнымъ результатомъ избіеніе русскаго офицерства. Невольно задаешь себѣ вопросъ: не мозгъ ли нѣмецкаго штаба руководилъ рукой большевиковъ въ русско-украинской войнѣ начала 1918 года?

Необходимо еще напомнить, что тѣ же нѣмцы постоянно и намѣренно путали карты при переговорахъ Украйны съ Крымомъ, чтобы и здѣсь, какъ нибудь невзначай,

---

* Въ архивѣ Госуд. Канцеляріи долженъ былъ сохраниться документъ – проектъ заявленія Совѣта Министровъ нѣмецкому Главному Командованію, написанный мною въ самомъ засѣданіи Совѣта. И. А. Кистяковскій предпочелъ вести устные переговоры.

не было достигнуто какого-нибудь соглашенія. Divide et impera было ихъ лозунгомъ. А русскіе Украйны и Крыма, серьезно вообразивъ себя двумя государствами, вели таможенную войну между собой, будто кому-то было полезно, чтобы въ Крыму гнили продукты, когда въ Кіевѣ на нихъ стояли безумныя цѣны. Позорная страница!

Когда нѣмцы стали нажимать на ген. Скоропадскаго, настаивая на созданіи лѣваго кабинета съ преобладаніемъ націоналистическихъ элементовъ, для меня стало совершенно ясно, что нѣмцы, не чувствуя за собой силы удержать далѣе Украйну въ сферѣ своего исключительнаго вліянія, возвращаются къ общей своей политикѣ разложенія Россіи, ибо сомнѣнія не могло быть въ результатѣ работы лѣвыхъ элементовъ. Этотъ результатъ былъ фатально неизбѣженъ и резюмировался онъ кратко: Украйна должна быть большевистской. Не могло быть сомнѣнія и въ томъ, что въ соотвѣтствующій моментъ нѣмцы предадутъ и «Гетмана Всіеі Украіні». Если и сомнѣвался, быть можетъ, то не хотѣлъ этому вѣрить самъ гетманъ.

XI.

Вообще же, нѣмцы играли съ Украйной такъ, какъ кошка играетъ съ мышью: то придавитъ, то дастъ побѣгать и насладиться иллюзіей свободы, зорко слѣдя въ то же время, чтобы добыча не ушла отъ стола хищника-побѣдителя.

Въ сферѣ промышленно-экономической и финансовой они все держали въ своихъ цѣпкихъ рукахъ, опутывая на будущее время Украйну густой сѣтью, разставленной нѣмецкимъ промышленнымъ капиталомъ съ его активнымъ грюндерствомъ, агентомъ котораго былъ въ Кіевѣ небезызвѣстный г. Добрый.

Напрасно выбивался изъ силъ, стараясь отстаивать свою финансовую независимость, добросовѣстный и честный А. К. Ржепецкій. Нѣмцы, конечно, оставались maîtres de la position и въ душѣ, конечно, смѣялись, когда гетманское правительство заключало самостоятельные договоры съ Румыніей, недосягаемой въ то время Даніей и т. п. Теперь документы и матеріалы, характеризующіе промышленныя и экономическія взаимоотношенія Украйны съ нѣмцами, уже доступны для научнаго изслѣдованія, которое возстановитъ намъ картину этихъ отношеній и предѣлы самостоятельности Украйны въ этой основной сферѣ жизнедѣятельности страны, я же здѣсь ограничиваюсь лишь характеристикой положенія.

Другой, дорого обходившейся Украйнѣ иллюзіей, было созданіе украинской арміи. Наивно увлеченный этой идеей, П. П. Скоропадскій изъ за этого миража дѣлалъ такіе шаги, какъ напр. его путешествіе въ Германію и его свиданіе съ Императоромъ Вильгельмомъ, Гинденбургомъ и Людендорфомъ. А между тѣмъ, путешествіе это, хотя бы и вовсе безобидное по своимъ результатамъ и содержанію, крайне повредило П. П. Скоропадскому въ общественномъ мнѣніи какъ круговъ антанты, такъ и Россіи.

Я никогда не раздѣлялъ искренней и серьезной вѣры П. П. Скоропадскаго въ возможность созданія серьезной военной силы на Украйнѣ. Начать съ того, что нѣмцы никогда бы не потерпѣли созданія сколько нибудь значительной военной силы на Украйнѣ, такъ какъ фатально и неизбѣжно она сдѣлалась бы угрозой имъ самимъ. Едва ли можно допустить, чтобы нѣмцы не давали себѣ въ этомъ отчета.

Но даже допустивъ на минуту эту мало въ общемъ вѣроятную возможность — я задаю вопросъ: изъ какихъ элементовъ можно было надѣяться создать это войско?

Среди офицеровъ были украинскіе націоналисты, среди южно-русскаго офицерства, даже высшихъ ранговъ, были федералисты, которые, не будучи ни врагами,

ни сепаратистами, тѣмъ не менѣе опредѣленно не сочувствовали и относились отрицательно къ возстановленію единой, централизованной Россіи. Значительное число такихъ офицеровъ послѣ паденія гетмана очутились въ Польшѣ: они не захотѣли пойти за Петлюрой, какъ завзятымъ врагомъ Россіи, но съ другой стороны они отказались и отъ вступленія въ ряды Деникинской Добрарміи, на знамени которой они не видѣли даже автономіи Украйны. Нужно только немного воображенія, чтобы представить себѣ душевную драму этихъ несчастныхъ жертвъ капризовъ исторіи. Въ такой безконечно тяжелой обстановкѣ пришлось имъ рѣшать вопросъ своей совѣсти!

Наконецъ, на службу въ гетманскія войска пошли многіе русскіе офицеры для борьбы съ большевиками, и недостатка предложеній услугъ для ролей командировъ корпусовъ, начальниковъ штабовъ, центральныхъ установленій военнаго вѣдомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существеннаго: солдатъ. И главная бѣда была въ этомъ: неоткуда было взять надежныхъ солдатъ. Призывная молодежь украинская уже побывала въ тылахъ дѣйствующей арміи, развратилась отъ бездѣлья и большевистской пропаганды на сходкахъ и митингахъ, но главное — бездѣльемъ тыловой службы и связаннаго съ нею времяпровожденія. Создать военныя части изъ этихъ элементовъ, или даже изъ свѣжихъ элементовъ совершенно распущенной деревенской молодежи, было, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Куда направлены были мысли и каково было настроеніе солдатъ, побывавшихъ въ дѣйствующей арміи — было наглядно продемонстрировано «синими жупанами», о которыхъ мы уже говорили выше.

Надежнаго войска, особенно при ненадежныхъ командирахъ, какъ показала исторія полковника Болбочана*, генерала Гутора** и многихъ другихъ — взять было неоткуда. Я дѣлился этими мыслями съ военнымъ министромъ ген. Скоропадскаго, глубоко честнымъ и симпатичнымъ, добрымъ и мягкимъ ген. Рогозой***, который раздѣлялъ мои опасенія.

Находившаяся въ состояніи анархіи деревня, гдѣ, какъ мы выше видѣли, часто беззастѣнчиво и жестоко хозяйничали нѣмцы, конечно, легко дѣлалась жертвой пропаганды агентовъ Петлюры, не вслѣдствіе того сомнительнаго соблазна, который обѣщала украинизація, а просто потому, что петлюровцы обѣщали свободу полнаго ограбленія помѣщиковъ въ пользу крестьянъ и не противились прямому грабежу всякаго добра въ помѣщичьихъ экономіяхъ.

Какъ только, подъ давленіемъ нѣмцевъ, Скоропадскій создалъ новое министерство съ преобладаніемъ лѣвыхъ элементовъ — стало ясно, что дни Украйны сочтены.

XII.

Да и какъ бы оно могло быть иначе? Долженъ былъ придти тотъ, кто теперь имѣлъ негласную поддержку нѣмцевъ: онъ и являлся, по существу, хозяиномъ положенія. Это были большевики.

---

* Полк. Болбочанъ первый поднялъ возстаніе противъ гетмана въ концѣ 1918 г.; въ 1919 году Болбочанъ разстрѣлянъ Петлюрой.

** Ген. Гуторъ былъ потомъ военнымъ министромъ у Петлюры.

*** Ген. Рогоза былъ разстрѣлянъ большевиками въ Одессѣ за отказъ поступить въ ряды Красной Арміи. Старика водили на разстрѣлъ нѣсколько разъ — онъ остался твердъ и геройски встрѣтилъ смерть.

Событія, достаточно послѣдовательно развивавшіяся затѣмъ, были лишь медленной агоніей, временемъ, потребнымъ для искуснаго машиниста, чтобы перемѣнить декорацію при открытомъ занавѣсѣ. Самыя попытки ген. Скоропадскаго измѣнить лозунги и иначе оріентировать внутреннюю и внѣшнюю политику ускоряли логическое развитіе событій.

Когда Гетманъ передалъ власть новому министерству подъ предсѣдательствомъ С. Н. Гербеля, въ украинскихъ кругахъ называемаго «министерствомъ русскихъ монархистовъ» — это цѣликомъ развязало руки украинцамъ-націоналистамъ. Они прямо объявили войну Гетману, какъ измѣннику Украйны: 15 ноября они образуютъ тайную Директорію, гдѣ главная роль принадлежитъ В. К. Винниченко, но въ ней фигурируетъ также и будущій «генералиссимусъ» С. В. Петлюра.

Небольшіе отряды русскихъ офицеровъ не могли устоять долго подъ ударами коалиціи открыто воюющихъ украинцевъ, тайно наступавшихъ съ сѣвера большевиковъ и при весьма подозрительномъ «нейтралитетѣ» нѣмцевъ. Вся эта «война» потребовала лишь одного неполнаго мѣсяца. Отрекшійся отъ власти Гетманъ П. П. Скоропадскій, брошенный всѣми, увезенъ былъ въ Берлинъ подъ видомъ раненаго нѣмецкаго офицера, благодаря заботамъ о немъ одного германскаго врача. Только это спасло ему жизнь.

Войска Директоріи вошли въ Кіевъ 14 декабря. Торжество украинцевъ было, впрочемъ, недолгое: всего черезъ шесть недѣль они должны были бѣжать изъ Кіева, уступивъ его большевикамъ.

Объ этомъ событіи вовсе умалчиваетъ брошюра, изданная въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Chronologie des principaux événements en Ukraine de 1917 à 1919». Въ этой брошюрѣ будущій историкъ найдетъ немало интересныхъ деталей событій, относящихся къ началу 1919 года, а также нѣкоторые документы, относящіеся къ 6 и 12 февраля и даже марту мѣсяцу 1919 года.

Своими собственными руками растерзали живое тѣло своей «неньки» (матери) — Украйны гг. Винниченко, Петлюра и ихъ менѣе знаменитые товарищи, ибо живой и здоровой они хотятъ видѣть ее только «самостійною». Есть, правда, и такой видъ патріотизма, о которомъ поэтъ Украйны Т. Г. Шевченко писалъ:

«....та отечество так любить,
так за ним бідкуэ,
та такъ з нього сердешного
кровь, як воду точить...»

Кровью и слезами залили всю Украйну Винниченко, Петлюра и прочіе украинскіе патріоты. Объявивъ въ 1917 году ея полную независимость, они исполнили заданіе нѣмцевъ, по указкѣ которыхъ Ленинъ провоцировалъ украинцевъ извѣстнымъ уже постановленіемъ С. Р. и С. Д., цитированнымъ мною въ началѣ: они вызвали бомбардировку и взятіе Кіева большевистскими войсками подъ командой Ремнева и Муравьева. Брестъ-Литовскимъ договоромъ они отдали Украйну на разграбленіе нѣмцамъ и австрійцамъ. Возстаніемъ противъ гетмана они въ конецъ разорили Украйну, отдавъ ее вторично въ руки большевиковъ. На этотъ разъ дѣло осложнилось еще такими аксессуарами, какъ дѣятельность разбойничьихъ бандъ Махно, Григорьева и другихъ «атамановъ» и грандіозными еврейскими погромами, которые затмили собою все, что ставилось въ вину царскому правительству Россіи съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и до 1906 года включительно, когда напр. Кишиневскій погромъ 1903 года заставилъ весь міръ содрогнуться отъ негодованія.

Какими дѣтскими сказками представляются теперь Кишиневскія событія въ сравненіи съ дѣяніями петлюровцевъ, жертвы которыхъ достигаютъ по неточнымъ еще даннымъ до 100,000 человѣкъ.

Съ тѣхъ поръ до нашего времени страна не выходитъ изъ состоянія анархіи. Страсти, искусственно разожженныя въ гражданской войнѣ, вызвали наружу все худшее въ человѣческой природѣ, и не видно конца испытанію огнемъ и мечемъ, гдѣ кромѣ жертвъ человѣческой жестокости, сотни и тысячи людей гибнутъ отъ голода, холода и развившихся на этой почвѣ страшныхъ эпидемій тифа, холеры, дизентеріи и др. И не видно конца этой трудно описуемой трагедіи, безъ исхода, видимаго впереди и безъ всякаго просвѣта надежды на будущее.

Кто передастъ словами то, что пережили города Южной Россіи? Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Херсонъ, Екатеринославъ, если мы вспомнимъ лишь крупные центры. Перенаселенные города, куда отъ деревенскаго террора бѣжало все могущее бѣжать изъ деревни населеніе, переполненные къ тому же бѣженцами военнаго времени изъ Царства Польскаго и Прибалтійскаго Края, бѣженцами отъ большевистскаго террора изъ Центральной Россіи – по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, платили контрибуціи не только деньгами и имуществомъ, но и жизнью обывателей, разграбляемыхъ то большевиками, то махновцами, иногда на протяженіи нѣсколькихъ дней. Все это ждетъ еще своего историка. Въ этой вакханаліи произвола, насилія, разнузданности и утонченнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью, многіе впали въ мистическое равнодушіе ко всему окружающему, другіе потеряли разсудокъ.

Если бы гг. Петлюра, Винниченко и другіе господа украинскіе націоналисты дѣйствительно цѣнили свою родину и любили ее не черезъ призму своего упрямаго, узкаго шовинизма, они не пошли бы на возстаніе противъ Гетмана, ибо послѣ опыта января 1918 года у нихъ не могло быть никакихъ сомнѣній въ исходѣ той борьбы, которую они начинали. Будь они не завистники власти, а настоящіе патріоты, они всѣми своими силами должны были бы поддержать гетманскую Украйну, даже въ томъ случаѣ, если не всѣ стороны гетманскаго режима одобрялись и принимались ими. Какъ въ извѣстномъ случаѣ Соломонова суда они бы скорѣе оставили любимаго ребенка живымъ и цѣлымъ въ чужихъ рукахъ, чѣмъ въ своихъ окровавленныхъ народной кровью въ преступной, навязанной народу борьбѣ. Ибо трудно найти для нихъ другое наименованіе – они явились несомнѣнно губителями Украйны и, какъ таковые, войдутъ они въ исторію.

Измѣнники Россіи, ненавистники всего русскаго, они надолго засорили дорогу для спокойнаго, разумнаго рѣшенія украинскаго вопроса. Многіе изъ тѣхъ русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые съ симпатіей относились къ стремленіямъ культурнаго украинства, къ развитію украинскаго языка, литературы и національнаго творчества во всѣхъ областяхъ жизни, теперь съ ужасомъ отшатнулись отъ своихъ прежнихъ симпатій, увидѣвъ бездну человѣческаго страданія, принесеннаго въ качествѣ жертвы на алтарь національной обособленности и розни.

И если Россія будущаго, черты которой не вырисовываются еще даже въ видѣ силуэтовъ, превратится когда-нибудь въ федеративное государство типа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то послѣ пережитыхъ ужасовъ Петлюровщины, почва для соглашенія страшно засорена и загрязнена. Страсти раскалены до-бѣла, и трудно хладнокровно подойти къ рѣшенію и безъ того сложной государственно-національной проблемы.

Трагедія Украйны, какъ и всей Россіи, еще не закончена. Мы видимъ для Украйны единственный разумный выходъ въ мирномъ соглашеніи съ Россіей.

Русскіе же люди, мы вѣримъ, вдумаются въ переживаемую трагедію и, въ опытѣ ужасныхъ событій современности, почерпнутъ указанія для разумной, справедливой политики будущаго.

Изъ воспоминанiй о 1917—20 г. г.

В. М. Краснова

(Продолженiе*)

XVI.

Свобода печати у большевиковъ. Признаки приближающагося паденiя. Ставка на винтовку. «Верховая ѣзда» по способу Троцкаго Эпизоды совѣтскаго управленiя. Тренiя между совѣтскими учрежденiями. Въ ожиданiи новой власти.

Послѣ провозглашенiя совѣтской власти, будущiй премьеръ Ставропольскаго совнаркома, А. А. Пономаревъ не отказалъ себѣ въ удовольствiи въ ту же ночь персонально побывать въ редакцiи издававшейся А. М. Воскресенскимъ газеты и объявить о ея закрытiи.

Издававшiяся соцiалъ-революцiонерами и меньшевиками газеты еще нѣкоторое, непродолжительное время существовали но, послѣ ряда конфискацiй и репрессiй, принуждены были закрыться.

Редакторъ одной изъ этихъ газетъ, членъ Учредительнаго Собранiя Е. А. Дементѣевъ, имѣлъ мужество выступить на одномъ изъ совѣтскихъ съѣздовъ съ рѣзкой критикой военныхъ затѣй совѣтской власти и выдержать, въ значительной мѣрѣ искусственную, бурю негодованiя, поднятую по почину Пономарева. Въ дальнѣйшемъ такiя выступленiя стали невозможны.

Отрѣзанное отъ центральной Россiи и казачьихъ областей совѣтскимъ барьеромъ, населенiе принуждено было питаться односторонними до уродливости фанфаронадами большевистскихъ оффицiозовъ и, невѣдомо откуда исходящими, слухами о томъ, что Добровольческая армiя еще жива, что силы ея, перетерпѣвъ судебъ удары, крѣпнутъ, что она не являетъ армiей завоевателей-мстителей...

Борясь съ этими слухами, большевистскiе оффицiозы порой прерывали свое замалчиванiе движенiя добровольческихъ отрядовъ сообщенiями, что первое посѣщенiе ими губернiи стоило населенiю села Лежанки въ февралѣ 1918 года нѣсколькихъ сотъ труповъ, что при второмъ посѣщенiи, на Страстной седьмицѣ, подожжено черкесами село Горькая-Балка, что при штурмѣ Екатеринодара Добровольческая армiя окончательно уничтожена и т. д.

Но какъ ни былъ бравуренъ тонъ большевистскихъ оффицiозовъ, все же чувствовалось, что этотъ перiодъ властвованiя большевиковъ въ Ставропольской губернiи подходитъ къ концу.

* См. Архивъ Русской Революцiи т. VIII.

Это чувствовалось по размаху тѣхъ паникъ, которыя рождались внезапно и быстро выростали чуть не до катастрофическихъ размѣровъ, по нервности, проявляемой самой властью и тѣми слоями, которые были причастны къ большевизму, по неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, толкавшей нѣкоторыхъ совѣтскихъ дѣятелей заблаговременно, въ чаяніи крушенія совѣтскаго корабля, запастись подъ сурдинку спасательнымъ поясомъ, зондируя почву, не будетъ-ли имъ прощенія отъ иной грядущей власти.

И какъ ни старались большевистскіе оффиціозы, какъ ни свирѣпствовалъ матросско-солдатскій терроръ, все-же ощущалось, — и прежде всего ощущали это большевики, — что власть ихъ прочныхъ корней въ населеніи не имѣетъ, будетъ сорвана съ мѣста и унесена, какъ «перекати-поле», первымъ-же порывомъ налетѣвшей бури.

Это почувствовали большевики, когда крестьяне одного изъ ближайшихъ совѣтскихъ съѣздовъ въ губерніи отказали въ санкціонированіи организаціи красной арміи и подверглись вооруженной угрозѣ со стороны «малой коллегіи».

Въ Ставрополѣ была разогнана городская дума, въ селахъ комиссары и эмиссары разгоняли начавшее прививаться волостное земство. Новыя сельскія власти, вооруженныя всѣми родами оружія, зря гоняли по улицамъ и дорогамъ крестьянскихъ лошадей, обучаясь «верховой ѣздѣ» властвованія по способу Троцкаго*.

Это обученіе «верховой ѣздѣ» сводилось къ «разбазариванію» частновладѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ и разсадниковъ племенного скота, закрытію медицинскихъ, ветеринарныхъ, зерноочистительныхъ и прокатныхъ пунктовъ прежняго земства, экспериментамъ надъ тонкорунным овцеводствомъ, закончившимся гибелью около 500,000 мериносовыхъ овецъ, о чемъ я говорилъ выше, и т. д.

Большевики дѣлали опредѣленную и откровенную ставку не на крестьянъ, которые составляли 90% населенія, не на рабочихъ, которыхъ въ губерніи былъ ничтожный процентъ, а на пришлаго, озвѣрѣвшаго на фронтѣ, или разложившагося въ тылу, солдата, обладавшаго винтовкой и патронами — реальными аттрибутами большевистской власти.

Большевистскіе владыки, несогласные съ такой упрощенной оріентаціей, послѣ короткаго періода властвованія сами вылетали изъ сѣдла и искали спасенія отъ солдатчины въ бѣгствѣ, какъ это было, напримѣръ, съ предсѣдателемъ совѣта народныхъ комиссаровъ А. А. Пономаревымъ.

Населеніе губерніи было отдано во власть Анисимовыхъ, Ашихиныхъ, Игнатьевыхъ, Труновыхъ и Сараевыхъ, изъ военной среды которыхъ черпались владыки и истребители контръ-революціи, заключавшей въ своемъ понятіи все, идущее въ разрѣзъ съ психологіей этихъ полу-людей, вооруженныхъ винтовкой, включительно до лидера мѣстнаго большевизма Пономарева и зарубленнаго въ Ставропольской тюрьмѣ красноармейцами ихъ главковерха Сорокина.

А за скрытыми въ «малой коллегіи» ширмами сидѣлъ и нажималъ кнопки таинственный Коппэ-отецъ, подъ псевдонимомъ котораго, какъ утверждали, скрывался жандармскій ротмистръ, не въ мѣру, даже по прежнимъ временамъ, поусердствовавшій при подавленіи крестьянскихъ безпорядковъ**.

---

* См. книгу Троцкаго «Терроризмъ и Коммунизмъ».

** Лѣтомъ 1918 года Коппэ-отецъ былъ захваченъ и казненъ добровольцами въ Кисловодскѣ. Интересно отмѣтить, что однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Коппэ былъ, впослѣдствіи казненный въ Ростовѣ, молодой Ставропольскій юристъ Н. І. Л-дзе, близкій знакомый еще со студенческихъ лѣтъ жандармскаго подполковника А. А. Бруна и любимецъ директора гимназіи И. А. Виноградова, давшій толчекъ къ вспышкѣ такъ называемой «Виноградов-

Какъ боролись эти многочисленные комиссары и эмиссары съ «контръ-революціей» я уже разсказывалъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, какъ они управляли.

На февральскомъ съѣздѣ совѣтовъ эмиссаръ Медвѣженскаго уѣзда, незадолго до переворота, попавшій подъ судъ за растрату общественныхъ суммъ, докладывалъ съѣзду о результатахъ объѣзда «ввѣренной ему» территоріи.

— Ну и насмотрѣлся-же я, товарищи, въ уѣздѣ всякаго пиралистическаго* гада: тутъ тебѣ и попы, и почтаря, и дохтура, и фершалы, и учители, и слѣдователи. Конешно, я принялъ соотвѣтственныя мѣры...

Каковы были эти «соотвѣтственныя мѣры» — едва ли необходимо расшифровывать.

Въ одномъ изъ городскихъ лазаретовъ комиссару при обходѣ барака брюшно-тифозныхъ была заявлена жалоба, что больничный персоналъ моритъ выздоравливающихъ красноармейцевъ голодомъ. Комиссаръ вызвалъ старшаго врача, накричалъ на него и предписалъ персоналу кормить больныхъ красноармейцевъ «до отказа». — Но вѣдь это брюшно-тифозные, — пробовалъ возразить врачъ.

— Молчать, — оборвалъ его комиссаръ, — сами понимаемъ!

И затѣмъ упорно добивался исполненія его предписанія, пока смертность среди брюшно-тифозныхъ красноармейцевъ не дошла до высшаго предѣла.

Я указывалъ выше, что въ губерніи было погублено около 500,000 штукъ тонкорунныхъ овецъ. Произошло это въ слѣдующей обстановкѣ.

Послѣ національзаціи частно-владѣльческихъ культурныхъ хозяйствъ, тонкорунныя овцы были соединены въ одну общую массу, а затѣмъ двумя, почти количественно равными, отарами отправлены для выпаса въ Удѣльную и Старо-Зармутинскую степи. Ветеринарный персоналъ тщетно указывалъ на опасность соединенія тонкорунной овцы въ такія огромныя массы при невыносливости ея, подверженности эпидемическимъ заболѣваніямъ, нестойкости при отсутствіи корма, воды и соли

Всѣ эти указанія были признаны старорежимнымъ предразсудкомъ и пролетаризированные мериносы были принесены въ жертву тому «основному большевистскому предразсудку», о которомъ Троцкій говоритъ въ выпущенной имъ книгѣ «Терроризмъ и коммунизмъ».

ской исторіи». Исторія эта вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1910 или 1911 году на Холодномъ Родникѣ, во время товарищеской пирушки, наканунѣ выдачи аттестатовъ, между выпускными и ихъ одноклассниками, подозрѣваемыми въ наушничествѣ передъ Виноградовымъ, произошла рукопашная стычка. Въ числѣ пострадавшихъ былъ Н. I. Л-дзе. Директоръ Виноградовъ, узнавъ объ этомъ, объявилъ выпускному отдѣленію, что аттестаты не будутъ вручены окончившимъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ товарищами выданы виновники стычки. Выпускные предложеніе это отклонили, указавъ, что обиженнымъ принадлежитъ право привлечь обидчиковъ къ судебной отвѣтственности. Тогда директоромъ былъ возбужденъ вопросъ о лишеніи аттестатовъ всего выпускного отдѣленія. У разнервничавшейся молодежи возникла мысль о цѣлой очереди самоубійствъ по жребію. Охватившая мѣстное общество тревога перекинулась въ печать, затѣмъ былъ присланъ для разслѣдованія этого эпизода членъ совѣта министра нар. просвѣщ. г. Спѣшковъ, получившій исчерпывающій матеріалъ объ антипедагогическихъ пріемахъ директора Виноградова, въ основу которыхъ былъ положенъ культъ шпіонажа среди учащихся. Вскорѣ послѣ этого аттестаты были выданы, а г. Виноградовъ былъ переведенъ въ другую гимназію.

По поступленіи въ университетъ Н. I. Л-дзе сдѣлался виднымъ членомъ крайнихъ правыхъ студенческихъ организацій, а послѣ захвата большевиками власти въ Ставрополѣ сотрудникомъ Кошиэ въ таинственной малой коллегіи. Арестованъ онъ былъ офицерами въ Ставрополѣ, куда прибылъ добровольно по совѣту ген. Уварова, и затѣмъ казненъ въ Ростовѣ по приговору военнаго суда.

* Надобно понимать, повидимому, «имперіалистическаго».

Александровскій уѣздный комиссаръ юстиціи Гамаюнъ, перемѣщенный затѣмъ въ губернскіе комиссары, въ докладѣ своемъ исполнительному комитету не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ, чтобы охарактеризовать положеніе юстиціи въ уѣздѣ. Народные судьи, по наблюденію комиссара, — не только не обладаютъ самыми упрощенными навыками къ судебному дѣлу, но просто безграмотны, безтолковы и, увы, не всегда чисты на руку. Совѣтскій неписанный кодексъ «революціоннаго правосознанія», преломляясь въ такой судейской атмосферѣ, можетъ, пожалуй, дать, — меланхолически заключаетъ докладчикъ, — «контръ-революціонное правосознаніе» въ населеніи...

Между совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, губернскимъ исполнительнымъ комитетомъ и таинственной «малой коллегіей» шли безпрерывныя тренія, приводившія то къ аресту матросовъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, то къ аресту матросами предсѣдателя этого совѣта Пономарева.

Уѣздные комитеты и совѣты, руководствуясь мѣстнымъ «революціоннымъ правосознаніемъ», не считались съ распоряженіями губернскаго центра и еще менѣе съ «мѣшкомъ декретовъ», по образному выраженію комиссара юстиціи, привезеннымъ изъ Москвы.

Волостные совѣты, въ большинствѣ случаевъ, только перелицовавшіе вывѣску волостного земства, еще менѣе считались съ распоряженіями центровъ, промежуточныхъ между волостью и «Коминтерномъ». Наиболѣе безпокойныхъ, а иногда и просто порочныхъ, односельчанъ они «ссылали» въ уѣздные или губернскіе совѣты, осуществляя, такимъ образомъ, отмѣненное былое право крестьянскаго міра удалять изъ своей среды сочленовъ за порочное поведеніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, напримѣръ, въ Свято-Крестовскомъ уѣздѣ, волостные совѣты вступали съ комиссарами въ вооруженныя стычки, организовывали дружины самообороны и поддерживали засѣвшихъ въ Прикумскихъ лагунахъ «камышанниковъ».

Изъ селъ, болѣе близко расположенныхъ къ Добровольческому фронту, посылали къ генералу Деникину ходоковъ узнать, скоро ли придетъ освобожденіе отъ совѣтской напасти. Послѣ Лежанки и Горькой Балки ходоки эти приносили не всегда добрыя вѣсти.

XVII.

Тихое пристанище. Розыски красноармейцами. Разсказы крестьянъ. Сумерки бѣглецовъ. Неожиданное появленіе партизанъ А. Г. Шкуро. Казнь комиссара Петрова. Ультиматумъ краснымъ. «Орудійный обстрѣлъ». «Видимо-невидимо». «Тихій ангелъ». Комиссары подъ вуалью. Телеграмма ген. Уварова. «Не кажите акцизникамъ».

Послѣ моего бѣгства, въ двадцатыхъ числахъ іюня, изъ Ставрополя я поселился въ уединенномъ хуторкѣ, расположенномъ, близъ большого села, на возвышенности, открывающей видъ на долину р. Калауса и холмистые подступы къ Ставрополю.

Хозяинъ хутора уступилъ мнѣ свою хибарку, уединенно расположенную въ саду, съ ложемъ изъ плетенаго ивняка и какимъ то одуряющимъ сладкимъ запахомъ внутри ея.

На мой вопросъ, откуда этотъ запахъ, простодушная жена хозяина довѣрчиво мнѣ объяснила, что запахъ этотъ отъ хранящагося подъ плетенкой самогоннаго аппарата для выкуриванія спирта изъ тутовыхъ ягодъ.

И, уже сообщивъ это, пугливо оглянулась по сторонамъ и попросила «ни казать про то слѣдователю, да и акцизникамъ». Въ дальнѣйшемъ ея мужъ продемонстрировалъ предо мною и этотъ аппаратъ въ работѣ, давъ потомъ отвѣдать отвратительно сладкой тутовой самогонки, не подозрѣвая, что онъ дѣлаетъ участникомъ своего преступленія прокурора, черезъ руки котораго прошло не одно утвержденіе обвинительныхъ актовъ по дѣламъ объ акцизныхъ нарушеніяхъ.

Провѣдавъ какими то путями о моемъ пріѣздѣ, меня навѣщали украдкой знакомые крестьяне изъ лежащаго внизу села, принося съ собою доходившія до нихъ вѣсти о положеніи въ Ставрополѣ, и приводя иногда съ собою только что прибывшихъ изъ Ставрополя бѣглецовъ, соблюдая при этомъ возможную конспирацію.

Эти мѣры предосторожности, какъ выяснилось вскорѣ, были далеко не излишними. Только случай спасъ меня отъ руки красноармейцевъ, разыскивавшихъ меня въ поселкѣ на берегу озера, куда я часто ходилъ купаться. Красноармейцы ворвались къ судьѣ, у котораго я былъ незадолго передъ этимъ, арестовали его, но потомъ освободили, убѣдившись, что подъ его фамиліей и наружностью не скрываюсь я, котораго они искали для расправы.

Посѣщая меня, крестьяне разсказывали о тяготахъ ихъ жизни послѣ водворенія въ губерніи фронтовиковъ. Стали бытовымъ явленіемъ случаи безсмысленнаго надругательства надъ тѣмъ, что крестьянскому сердцу было свято. Шла безсмысленная револьверная и ружейная пальба по иконамъ. Былъ случай матереубійства разрывной пулей изъ за пустяшной ссоры. На сходахъ отъ вернувшихся солдатъ старикамъ житья не было. Запасы и инвентарь разбазаривались пришельцами съ фронта для пьяной гульбы, сады и земля отбирались у отцовъ сынами-солдатами, хозяйство губилось...

Волостной совѣтъ, въ составъ котораго вошла почти цѣликомъ волостная управа, умудрялся пока еще держаться на поверхности, саботируя распоряженія краснаго начальства подъ видомъ тщательнаго обсужденія ихъ, но метаніе изъ города въ село комиссаровъ, ихъ автомобили и экстренные поѣзда наводили моихъ собесѣдниковъ на мысли, что въ городѣ началась агонія большевизма, и вызывали опасеніе, какъ бы въ послѣдней судорогѣ убѣгающій валъ его не натворилъ большихъ бѣдъ.

Волна новыхъ бѣглецовъ принесла вѣсть о вспыхнувшемъ въ Ставрополѣ и быстро подавленномъ офицерскомъ возстаніи, объ обстрѣлѣ красноармейцами частныхъ квартиръ, объ усилившемся террорѣ, сквозь бѣшеную гримасу котораго чувствовался испугъ передъ призракомъ приближающагося возмездія.

Число бѣглецовъ изъ мѣстъ, гдѣ особенно свирѣпствовалъ терроръ, все возрастало. Они ютились по садамъ и хуторамъ, обильно разбросаннымъ по балкамъ и склонамъ горы. Не показываясь днемъ, они выходили изъ своего убѣжища при наступленіи темноты и занимали наблюдательные пункты, откуда стремились ихъ взоры къ роднымъ угламъ.

Особенно часто у «Четырехъ братьевъ», — вытянутыхъ въ струнку тополей, двигались далеко за полночь огоньки папиросъ и порой слышалось грустное, придавленное пѣніе молодежи.

Изъ моего уединеннаго пристанища, круто расположеннаго среди зелени садовъ, въ прорывѣ готическихъ тополей, видна была лента желѣзной дороги, конечная станція ея на отлетѣ села и широкій пыльный трактъ, взбирающійся по холмамъ къ Ставрополю.

Снизу отчетливо доносился, то замирая, то выростая, шумъ двигающихся поѣздовъ, рожки и сирены пролетающихъ автомобилей. По вечерамъ, когда я и мои

гости снизу взбирались, точно призраки, на вершину возвышенности, за линией холмовъ вставало далекое марево городскихъ огней и долетали далекіе — быть можетъ, и оттуда — шорохи и шумы. Настороженной, измученной душѣ такъ хотѣлось разгадать ихъ причину и значеніе.

Въ первыхъ числахъ іюля краснымъ начальствомъ было предъявлено къ населенію срочное требованіе произвести пополненіе арміи и представить коней, довольствіе и фуражъ. Требованіе это было вынесено для обсужденія на сходы и митинги, одно село сносилось съ другимъ, отлынивая и торгуясь съ насѣдавшимъ начальствомъ, начальство присылало новые декреты и новыхъ гонцовъ, переходило отъ уговоровъ къ угрозамъ, пугало карательными отрядами и трибуналомъ.

Но пока тянулся этотъ торгъ, случилось нѣчто неожиданное.

Продвигаясь съ своимъ отрядомъ на соединеніе съ Добровольцами полковникъ Шкуро перерѣзалъ линію желѣзной дороги Ставрополь-Петровское, внезапно появился въ селѣ Кугульта и, захвативъ тамъ прибывшаго изъ города военнаго комиссара Петрова, повѣсилъ его у волостного правленія, а затѣмъ тѣло казненнаго комиссара приказалъ отправить въ Ставрополь съ запиской, что та же участь въ ближайшее время ожидаетъ и весь Ставропольскій совнаркомъ.

Внезапное появленіе подъ городомъ Шкуро, молва о партизанскихъ набѣгахъ котораго на Кисловодскъ и прилегающую территорію создавала ему легендарную славу въ населеніи, произвело исключительный переполохъ въ Ставрополѣ среди красныхъ.

Дня черезъ два, войдя въ соприкосновеніе съ добровольцами, Шкуро предъявилъ по телеграфу совѣтской власти ультиматумъ въ теченіе 48 часовъ сдать Ставрополь его арміи, иначе онъ приступитъ къ артиллерійскому обстрѣлу города.

Ультиматумъ этотъ былъ присланъ изъ села Донскаго, отстоящаго въ верстахъ 30 отъ Ставрополя.

Хотя наличность партизанскаго артиллерійскаго парка, къ тому времени, какъ разсказывалъ потомъ самъ Шкуро, не превышала двухъ негодныхъ къ стрѣльбѣ декоративныхъ орудій и поэтому «артиллерійскій обстрѣлъ» большого огорченія красному Ставрополю не причинилъ бы, красные поторопились очистить городъ до истеченія объявленнаго имъ срока, забивъ дороги бѣгущими изъ города частями, бросавшими оружіе и припасы и отдававшимися въ плѣнъ разоружавшему ихъ населенію.

У выѣзда изъ города группа мѣщанъ преградила путь автомобилю, везшему заплечнаго мастера Юнкерскаго сада Ашихина, обезоружила его и, арестовавъ, доставила въ тюрьму.

Этотъ и другіе случаи задержанія населеніемъ комиссаровъ побудили нѣкоторыхъ изъ нихъ броситься, минуя окраины города, не по Невинномысскому шоссе, вдоль котораго отступала Красная армія, а на Петровское и Александровское, чтобы пробиваться далѣе вглубь губерніи и на территорію Минеральныхъ водъ.

Слухи о проходѣ партизанскаго отряда Шкуро, съ необычайной быстротой облетѣвъ ближайшія села, перекинулись дальше въ губернію и очень скоро достигли и нашего убѣжища.

Количество партизанскихъ войскъ отряда сильно преувеличивалось очевидцами.

— Видимо-невидимо, — утверждали крестьяне, многозначительно при этомъ добавляя: «Не грабитъ! За все платитъ квитками! Пролетѣлъ, точно тихій ангелъ.»*

---

* Слѣдуетъ оговориться, что репутацію «тихаго ангела» полковникъ А. Г. Шкуро сохранилъ лишь до производства въ генеральскій чинъ. Поздѣйшее поведеніе его партизанъ повредило столько же Красной, сколько, если не болѣе, Добровольческой арміи.

Прибывшіе на другое утро изъ Кугульты крестьяне разсказали о казни военнаго комиссара Петрова, а дня черезъ два надъ колесными дорогами, ведущими изъ Ставрополя, стояла пыль столбомъ отъ комиссарскихъ автомобилей.

Часть пассажировъ была въ женскихъ костюмахъ, съ замаскированными вуалями и бинтами лицами, но густопсовые выкрики этихъ завуалированныхъ дамъ выдавали ихъ сочный мужской темпераментъ, сильно взвинченный напитками и испугомъ.

Еще не разсѣялась по дорогамъ пыль отъ этого шумнаго марша, какъ въ селахъ губерніи было получено за подписью генерала Уварова циркулярное распоряженіе о низверженіи комиссаровъ и совдеповъ и о возстановленіи прежняго волостного управленія.

Черезъ день я покинулъ свое убѣжище и прибылъ въ Ставрополь.

При отъѣздѣ, указавъ на вопросъ моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, мой служебный прокурорскій адресъ, я несказанно смутилъ ихъ и вызвалъ испуганную реплику старушки-хозяйки:

— Не кажите же про самогонку, ваше добродіе, акцизникамъ, да и слѣдователю...

XVIII.

Пріѣздъ ген. Уварова. Обстрѣлъ города красными. Красный командиръ Шпакъ. Вскрытіе могилъ въ Юнкерскомъ саду и погребеніе жертвъ. Орудійный салютъ большевиковъ. Послѣднія жертвы изъ села Татарки.

«Артиллерійскій обстрѣлъ» Ставрополя не состоялся. Передъ вечеромъ, въ день истеченія срока, объявленнаго А. Г. Шкуро краснымъ для очищенія города, въ Ставрополь влетѣлъ автомобиль, заполненный добровольцами въ погонахъ и боевыхъ знакахъ отличія, восторженно встрѣченный населеніемъ.

Вышедшій изъ автомобиля ген. Уваровъ привезъ съ собою приказъ о назначеніи его временнымъ Ставропольскимъ генералъ-губернаторомъ и сейчасъ же объявилъ о мобилизаціи офицеровъ и классныхъ чиновъ военнаго времени.

На призывъ генерала послѣдовалъ незамедлительный откликъ и не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ улицы города запестрѣли новенькими, Богъ вѣсть какимъ образомъ уцѣлѣвшими послѣ повальныхъ обысковъ, а иногда и самодѣльными, погонами офицерскихъ и классныхъ чиновъ.

Генералъ приказалъ занять офицерскими патрулями банки и всѣ денежныя хранилища и организовать воинскія части и гражданскія дружины.

Въ тотъ вечеръ, 9 іюля 1918 года, это были почти всѣ вооруженныя силы города Ставрополя, находившіяся притомъ въ стадіи организаціи; позднѣе подтянулись кавалерійскія части добровольцевъ и шкуринцевъ, прибылъ полковникъ Слащевъ и началась длительная оборона Ставрополя, вплоть до 14 октября, когда городъ былъ внезапно оставленъ добровольческими частями.

Автомобиль ген. Уварова лишь немногимъ опередилъ А. Г. Шкуро; когда послѣдній прибылъ въ Ставрополь, онъ былъ поставленъ передъ фактомъ уже имѣющагося въ Ставрополѣ генералъ-губернатора и охраны всѣхъ денежныхъ хранилищъ...

Красный штабъ, получившій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, обороняющихъ Ставрополь, готовя общую аттаку съ восточныхъ подступовъ, обстрѣливалъ городъ шрапнельнымъ огнемъ. Этому огню методически отвѣчало съ тюремной горы добровольческое орудіе.

Командующій Ставропольскимъ краснымъ фронтомъ, Шпакъ, самъ руководилъ обстрѣломъ, поставивъ легкія орудія на грузовики и дерзко заскакивая почти въ черту города.

Временный генералъ-губернаторъ пока не распаковывался и не переѣзжалъ изъ гостиницы въ губернаторскій домъ, принимая подвѣдомственныхъ ему чиновъ въ походной формѣ. Жизнь же горожанъ, — такъ глубока была ихъ вѣра въ мощь Добровольческой арміи, — спокойно и мирно текла подъ этотъ орудійный обстрѣлъ и дерзкіе налеты Шпака, пока онъ не былъ подкарауленъ и зарубленъ казачьей засадой.

Въ ближайшіе дни, по очищеніи города отъ красныхъ, было произведено вскрытіе могилъ погибшихъ отъ краснаго террора и всенародное погребеніе ихъ въ трехъярусной братской могилѣ въ оградѣ Андреевскаго собора.

Въ утро этого дня толпы народа хлынули по улицамъ къ оградѣ Юнкерскаго сада, гдѣ судебные чины и врачи, подъ общимъ руководствомъ слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, извлекали изъ земли трупы казненныхъ и предъявляли ихъ къ опознанію родственникамъ.

Наиболѣе крѣпкіе нервами горожане и родственники казненныхъ помогали имъ, соединяя часто разрозненныя части тѣла, собирая по всему саду обрубленныя кисти рукъ, части череповъ и пальцы.

Извлеченныя тѣла тутъ же укладывали въ гробы подъ раздирающіе крики опознавшихъ жертвы близкихъ.

Внутрь ограды прибыло духовенство всѣхъ исповѣданій христіанскихъ и нехристіанскихъ, чтобы сотворить послѣднія молитвы надъ многочисленными мучениками этой мѣстной Голгофы.

Гробы были поставлены широкимъ квадратомъ съ оставленнымъ въ центрѣ мѣстомъ для духовенства, администраціи и городского представительства.

Начиная слова заупокойной молитвы, епископъ Михаилъ зарыдалъ, облокотившись на пастырскій посохъ. Этому пастырскому рыданію отвѣтилъ плачъ толпы и обмороки женщинъ, увидѣвшихъ близкихъ не только мученически погибшими, но и въ разрушеніи и тлѣнѣ земной оболочки.

Длиннымъ кортежемъ двинулась вереница гробовъ въ сопровожденіи войскъ и толпъ народа къ обширной братской могилѣ, вырытой рядомъ съ могилой героини — Ставропольки Риммы Ивановой*, подъ звуки траурнаго марша и всенароднаго пѣнія молитвъ.

Къ Варваринскому кладбищу въ это же почти время направлялась менѣе многолюдная погребальная процессія съ тѣлами организатора офицерскаго возстанія Петра Федоровича Ртищева и его брата Павла Федоровича, казненныхъ большевиками въ одинъ день на Ярмарочной площади; на армянское, еврейское и мусульманское кладбища шли отдѣльныя траурныя процессіи съ гробами погибшихъ отъ руки большевизма единовѣрцевъ.

При погребеніи присутствовалъ поддерживаемый подъ руки съ забинтованной шеей и головой офицеръ Н., извлеченный тюремной администраціей въ день офицерскаго возстанія изъ подъ груды зарубленныхъ офицеровъ съ признаками жизни и затѣмъ спрятанный въ женскомъ отдѣленіи тюремной больницы.

Пока протекали часы этой общегородской скорби и исключительно тяжкихъ страданій многихъ сотенъ родственниковъ погибшихъ, надъ городомъ рвались шрап-

* Сестры милосердія, награжденной знаками офицерскаго Георгія, геройски погибшей со знаменемъ впереди войскъ на германскомъ фронтѣ.

нели и за Мамайскимъ лѣсомъ ухали орудія виновниковъ этой скорби, какъ бы мстя живымъ за ихъ запоздалое воздаяніе почестей погибшимъ жертвамъ.

Когда уже чинъ погребенія подходилъ къ концу и войска готовились дать заключительный салютъ, къ мѣсту погребенія спѣшно прибылъ грузовикъ, привезшій изъ подъ Татарки еще около 20 труповъ офицеровъ, выданныхъ мельникомъ большевикамъ и зарубленныхъ тамъ же на мѣстѣ.

Но пройдутъ многіе годы и тогда только, быть можетъ, будетъ подсчитано, сколько жертвъ гражданской войны сложило свои головы вокругъ Ставрополя, у Сенгилеевскаго озера и горы Недреманной.

XIX.

Законодательные экспромпты ген. Уварова. Основные законы. Какіе еще тамъ суды? Попытка окрестить соц.-дем. въ соц.-рев. Мы будемъ праздновать по своему, а вы празднуйте по своему. «Уничтожайте преступниковъ на мѣстѣ». Пріемъ крестьянскихъ депутацій. «Маршъ по домамъ!» Наступленіе красныхъ. Подвигъ корниловцевъ.

Въ то время, когда проф. К. Н. Соколовъ вырабатывалъ «государственно-правовой экспромптъ» для Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи*, ген. Уваровъ производилъ законодательные экспромпты на Ставропольской территоріи, — первой губерніи, принятой подъ правовую охрану Добровольческой арміей.

Очевидцы передавали мнѣ классическую, въ своемъ родѣ, сцену первыхъ законодательныхъ опытовъ Уварова.

По номеру гостиницы нервно шагалъ генералъ, диктуя въ присутствіи представителей города свои первые приказы.

— Пишите: приказъ номеръ одинъ, точка. Ставропольская губернія управляется на основаніи законовъ Россійской Имперіи, изданныхъ до 27 февраля 1917 года. Приказъ номеръ два, точка. Возстанавливаются суды: волостной, мировой... Какіе еще тамъ суды? — обратился генералъ къ офицеру, выстукивающему на машинкѣ.

— Не могу знать, Ваше Превосходительство.

— Можетъ быть, вы знаете, — обратился генералъ къ представителямъ.

Одинъ изъ нихъ, юристъ по образованію, и самъ судебный дѣятель по магистратурѣ, подалъ генералу реплику:

— По закону 1912 года не могутъ дѣйствовать, генералъ, одновременно суды волостные и мировые, что нибудь одно...

— Ну этихъ тонкостей мнѣ не надо... Я знаю судъ полевой, волостной и мировой, а дальше?

— Окружной, Ваше Превосходительство...

— Да-да, какъ же, чуть не забылъ! Пишите, — обратился генералъ къ офицеру..., и военно-окружные... Точка.

— Просто, окружной, Ваше Превосходительство, — перебилъ судейскій чинъ.

— Развѣ есть и такіе? Ну ладно, пишите: и просто окружные, — согласился ген. Уваровъ, — точка.

Таковъ былъ первый щедринскій генералъ-губернаторъ, назначенный Добровольческимъ командованіемъ для первой губерніи, передъ населеніемъ которой Добрармія держала свой государственный экзаменъ.

Дальнѣйшіе «экспромпты» ген. Уварова я уже наблюдалъ самолично.

Вотъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ временъ генералъ-губернаторствованія Уварова.

* См. стр. 74 воспоминаній К. Н. Соколова: «Правленіе генерала Деникина», Софія, 1921 г.

Какъ-то по приходѣ моемъ въ прокурорскій кабинетъ мнѣ доложилъ мой секретарь, что меня просилъ ген. Уваровъ прибыть къ нему.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, — обратился ко мнѣ генералъ, когда я вошелъ въ кабинетъ къ нему. — Тутъ издается газета, содержаніе которой мнѣ безразлично, но мнѣ не нравится ея подзаголовокъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Я хочу имъ посовѣтовать, пусть печатаютъ девизъ: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Это мнѣ больше нравится, а то пахнетъ какимъ-то интернаціоналомъ...

— А причемъ же здѣсь я, Ваше Превосходительство, — спросилъ я.

— Ну вы все таки человѣкъ мѣстный и знаете мѣстные обычаи...

— Приведенные Вами девизы, генералъ, не мѣстные. Первый — «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь» — соціалъ-демократовъ, а «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое» — соціалистовъ-революціонеровъ... Едва ли соціалъ-демократы захотятъ воспользоваться, хотя бы и по вашему совѣту, генералъ, девизомъ другой партіи. Вотъ все, что я могу доложить Вамъ, а затѣмъ, разрѣшите, генералъ, мнѣ отправиться къ исполненію моихъ служебныхъ обязанностей. — Я сдѣлалъ удареніе на словѣ «служебныхъ».

— Постойте, — остановилъ меня генералъ, — я придумалъ! Пусть пишутъ: «пролетаріи всея Руси соединяйтесь!»

На этомъ мы съ генераломъ разстались.

Въ другой разъ мнѣ прислали приказъ ген. Уварова, гдѣ онъ устанавливалъ расписаніе неприсутственныхъ дней, не совпадающее, до двунадесятыхъ праздниковъ включительно, съ табелью праздниковъ, указанныхъ въ законѣ и дальнѣйшихъ дополненіяхъ. При встрѣчѣ я указалъ на это генералу, сославшись на 24 ст. уст. о предупр. и пресѣченіи, гдѣ помѣщена табель праздниковъ.

— Какой такой уставъ пресѣченія — переспросилъ генералъ.

— Онъ напечатанъ въ четырнадцатомъ томѣ свода законовъ.

— Въ четырнадцатомъ томѣ, — удивился генералъ, — ну такъ что жъ?

— Судъ, — какъ и другіе правительственные органы, есть учрежденіе подзаконное, — связанъ судебными сроками и чины его могутъ понести матеріальную и судебную отвѣтственность за несоблюденіе законовъ.

— Вотъ какъ? Ну тогда вотъ что: вы празднуйте по своему, а мы будемъ праздновать по своему, — согласился генералъ.

Такъ мы и «праздновали».

Какъ то разъ я съ удивленіемъ прочелъ приказъ буквально слѣдующаго содержанія: «предписывается всѣмъ чинамъ: преступниковъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, уничтожать на мѣстѣ, а менѣе виновныхъ — предавать военно-полевому суду». Подписано Уваровымъ.

Воспользовавшись свиданіемъ съ А. И. Деникинымъ, я передалъ ему непосредственно этотъ приказъ.

— Вы меня не мистифицируете? — улыбнулся главнокомандующій. — Я его отмѣню по телеграфу, а Уварова отчислю*.

Тѣмъ не менѣе, ген. Уваровъ продолжалъ пребывать въ Ставрополѣ, перемѣщенный, правда, изъ званія самостоятельнаго помпадура на роль помощника полковника Глазенапа, вплоть до внезапной эвакуаціи Ставрополя въ октябрѣ 1918 года. Вѣдать этой эвакуаціей поручено было тому же генералу Уварову.

Случай съ послѣднимъ приказомъ далъ основаніе генералу Уварову и его правой рукѣ, начальнику его штаба, полковнику Яковлеву, называть меня не иначе, какъ «большевикъ Красновъ».

---

* Бесѣда эта съ ген. Деникинымъ происходила въ присутствіи еще двухъ лицъ.

Въ первые же дни пріѣзда П. В. Глазенапа, 34 лѣтняго гвардейскаго полковника, въ Ставрополь, стали прибывать депутаціи изъ большихъ селъ, пріѣхавшія привѣтствовать высшаго администратора губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ носителя въ глазахъ населенія героическихъ идей Добровольческой арміи.

Повидавшись кое съ кѣмъ изъ депутатовъ, среди которыхъ были почтенные мѣстные люди, съ безупречнымъ служебнымъ и общественнымъ стажемъ, я посовѣтовалъ П. В. Глазенапу обласкать ихъ, ибо, какъ говорилъ я, это первыя ласточки проявленія крестьянскихъ симпатій къ Добровольческому командованію.

Полковникъ Глазенапъ обѣщалъ переговорить въ этомъ смыслѣ съ ген. Уваровымъ.

Одинъ изъ депутатовъ, бывшій председатель мирового съѣзда, потомъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ пріемѣ, порученномъ совѣтнику губернскаго правленія Губаревскому.

Выйдя къ депутатамъ, Губаревскій приказалъ прибывшимъ раздѣлиться по уѣздамъ и стать по разнымъ угламъ. Наступила пауза. Молчалъ совѣтникъ, молчали и депутаты, среди которыхъ были и лица съ высшимъ образованіемъ. Одинъ изъ депутатовъ заявилъ о желаніи присутствующихъ ознакомиться съ задачами Добровольческой арміи, чтобы въ свою очередь информировать населеніе, въ частности же населеніе интересуется отношеніемъ власти къ Учредительному Собранію.

– Што-о? – перебилъ Губаревскій, – вы думете, что попали на митингъ? Исполнять приказы и распоряженія начальства – вотъ ваша задача. А теперь маршъ по домамъ и помнить, что карательныхъ отрядовъ у насъ хватитъ на всѣ уѣзды.

Говорилъ это Губаревскій повышеннымъ голосомъ, почти доходящимъ до крика. Ошеломленные депутаты покинули Ставрополь, и я не знаю, пріѣзжали ли потомъ какія-либо крестьянскія депутаціи къ полк. Глазенапу.

Между тѣмъ, красные, оправившись отъ охватившей ихъ паники, возобновили попытки къ захвату Ставрополя.

Наиболѣе угрожающее наступленіе ихъ развернулось 9 августа, когда передовая лавина вторглась на окраины города, и съ возвышенныхъ площадей и улицъ можно было наблюдать невооруженнымъ глазомъ перипетіи уличнаго боя.

Повторяю, велика была вѣра населенія въ мощь и правду Добрарміи и вѣра эта, купленная дорогою цѣною недавнихъ испытаній, позволяла населенію спокойно нести свою повседневную работу, зная, что ихъ защищаетъ Добрармія, и что тамъ на фронтѣ бьется мѣстная молодежь офицерскаго полка.

Но одинъ изъ моментовъ этого боя могъ стать роковымъ. Количественно слабыя силы добровольцевъ не выдержали напора неисчислимо превышающаго ихъ противника и изнемогали въ тщетномъ порывѣ сдержать напоръ красныхъ. Минуты здѣсь могли сыграть рѣшающую роль.

Положеніе было спасено появленіемъ въ тылу у красныхъ нѣсколькихъ десятковъ корниловцевъ, вышедшихъ изъ за горы, двигавшихся одинъ за другимъ безъ перебѣжекъ, во весь ростъ, съ винтовками за плечомъ.

Это произвело на красныхъ такую моральную депрессію, что они бросились въ панике отъ города, и добровольческая конница гнала ихъ полчища до селенія Бешпагира.

Здѣсь моральная сила Добрарміи вышла побѣдительницей, но въ сферѣ государственнаго строительства этого моральнаго героизма и даже простого пониманія задачъ и престижа власти добровольческой администраціей на территоріи Ставропольской губерніи пока не проявлялось.

Больше того, административные пріемы ген. Уварова, усовершенствованные на мѣстахъ Уваровыми «les petits» въ лицѣ начальниковъ уѣздовъ, чиновъ контръразвѣдки, государственной стражи и сельскихъ комендантовъ, на первыхъ же

порахъ являли собою совершенно опредѣлившуюся картину разложенія власти. Не надо было быть пророкомъ, чтобы почувствовать и предсказать, къ чему это должно было привести, если разнузданности не будетъ положенъ самый рѣшительный предѣлъ.

Недоброжелатели и враги Добрарміи не замедлили учесть и использовать создавшееся положеніе. Большевики за дорогую плату скупали приказы ген. Уварова и, размножая, выпускали ихъ вторымъ изданіемъ, маленькіе же диктаторы въ уѣздахъ и волостяхъ, по мѣрѣ силъ и способностей, дополняли антидобровольческую агитацію нагляднымъ примѣромъ разнузданности и своеволія.

Въ качествѣ безпокойнаго прокурора, въ очень непродолжительномъ времени я получилъ почетную ссылку въ мѣстный сенатъ и, неся оберъ-прокурорскія обязанности въ высшемъ кассаціонномъ судѣ, отошелъ на нѣкоторое время отъ самой рѣшительной борьбы съ этимъ явленіемъ.

XX.

Совѣщаніе у генералъ-губернатора. Вопросъ объ учрежденіи сената и судебной палаты. Споръ о наименованіи полиціи. Основной статутъ ген. Уварова. Возстановленіе силы узаконеній, изданныхъ и послѣ 27 февраля 1917 г. Передъ пріѣздомъ Главнокомандующаго.

Вскорѣ по пріѣздѣ, полковникъ Глазенапъ созвалъ изъ представителей вѣдомствъ совѣщаніе, обсужденію котораго былъ предложенъ рядъ вопросовъ, въ томъ числѣ объ учрежденіи мѣстнаго сената и палаты и объ организаціи полиціи.

Внося вопросъ о необходимости временной организаціи высшаго кассаціоннаго суда и палаты, П. В. Глазенапъ указалъ, что Главное Командованіе, желая возстановить въ полной мѣрѣ соблюденіе судебныхъ гарантій для тяжущихся, вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ пока невозможнымъ подчинить Ставропольскія судебныя мѣста Донскому сенату и Новочеркасской палатѣ, въ виду ясно опредѣлившейся германской оріентаціи Донского Правительства съ атаманомъ Красновымъ во главѣ.

Возраженіе нѣкоторыхъ изъ судебныхъ дѣятелей, что судебныя мѣста стоятъ внѣ политики и поэтому та или иная оріентація правительства для нихъ значенія имѣть не можетъ, успѣха не имѣла, и Ставропольскому окружному суду было поручено П. В. Глазенапомъ выработать проектъ организаціи кассаціоннаго и апелляціоннаго судовъ для представленія на утвержденіе Главнокомандующаго.

Выработанный общимъ собраніемъ окружнаго суда проектъ учрежденія этихъ судебныхъ мѣстъ въ непродолжительномъ времени былъ утвержденъ Главнокомандующимъ.

По этому проекту изъ состава окружнаго суда былъ выдѣленъ минимальный составъ въ кассаціонный и апелляціонный суды, съ возложеніемъ на первый компетенціи кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія сената, а на апелляціонный – основныхъ функцій палаты. Къ присутствію въ кассаціонномъ судѣ были назначены членъ суда М. Е. Семеновъ, старѣйшій членъ присяжной адвокатуры Г. Н. Прозрителевъ и тов. предсѣдателя окр. суда Н. Т. Шавровъ съ возложеніемъ на него обязанностей первоприсутствующаго. Несеніе прокурорскихъ обязанностей было возложено на меня.

Въ составъ апелляціоннаго суда вошли: предсѣдательствующимъ – членъ суда К. П. Орелъ, члены суда А. Е. Скрипчинскій и К. Н. Кокаевъ съ и. о. прокурора В. Г. Бутовичемъ.

Дѣйствовали эти суды около полугода, а затѣмъ были упразднены и возстановлена прежняя подчиненность Новочеркасской судебной палатѣ, какъ апелляціонной инстанціи, кассаціонной же инстанціей являлся отнынѣ, по соглашенію Главнаго Командованія съ Донскимъ атаманомъ, созданный на Дону сенатъ.

Возвращаюсь къ Ставропольскому совѣщанію. Наиболѣе боевымъ на совѣщаніи оказался вопросъ объ организаціи милиціи. Споръ возгорѣлся, главнымъ образомъ, вокругъ названія, которое должно быть присвоено этому институту.

Далъ такое направленіе спору все тотъ же ген. Уваровъ, выступившій съ рѣзкой критикой не самаго положенія о милиціи Врем. Правительства, а замѣны названія полиціи — милиціей, что могли невѣжественно допустить, по словамъ Уварова, только «глубоко штатскіе люди».

Продолжая мысль ген. Уварова, врачебный инспекторъ Абрамовъ привелъ въ качествѣ ultima ratio окончательно убѣждающаго въ необходимости сохраненія прежнихъ терминовъ: «полиція, городовой, приставъ, и полицеймейстеръ» слѣдующій эпизодъ, разсказанный ему полк. Глазенапомъ.

Въ одномъ изъ петербургскихъ кафе-шантановъ среди номеровъ этуалей неожиданно выступилъ городовой, просвистѣлъ въ свистокъ и скрылся. Номеръ этотъ имѣлъ исключительно шумный успѣхъ у публики и, какъ утверждалъ врачебный инспекторъ, эпизодъ этотъ воочію вскрылъ, какъ «Россія тоскуетъ по прежнему милому городовому».

Эта справка изъ кафешантанныхъ наблюденій Ставропольскаго генералъ-губернатора все же недостаточно убѣдила совѣщаніе въ томъ, что и Ставропольская губернія раздѣляетъ тоску «Россіи» о городовомъ, и организуемому институту охраны предположено было дать названіе «государственной стражи».

Впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ новаго «Положенія» дѣйствовалъ этотъ институтъ примѣнительно къ прежнему положенію Вр. Правительства о милиціи, за исключеніемъ подчиненія стражи органамъ общественнаго управленія, что, конечно, было совершенно естественно для того исключительнаго времени.

Нѣкоторыми изъ участниковъ совѣщанія предполагалось поднять вопросъ о приказѣ ген. Уварова. возвращавшемъ Ставропольскую губернію однимъ взмахомъ пера вспять къ порядку, существовавшему до 27 февраля 1917 года, съ упраздненіемъ всѣхъ изданныхъ послѣ этой даты актовъ узаконеній, до акта отреченія государя включительно*. Подобно Іисусу Навину, генералъ приказалъ солнцу остановиться надъ Гаваономъ, а лунѣ надъ долиною Аіалонскою, пока генералъ не истребитъ всего, связаннаго съ ненавистнымъ именемъ послѣ-февральскаго «Аморрейскаго» правительства.

Приказъ этотъ, не говоря уже о томъ, что на изданіе такихъ основныхъ статутовъ ген. Уваровъ надлежаще не былъ уполномоченъ, вносилъ невѣроятную путаницу въ дѣйствія правительственныхъ учрежденій и, рано или поздно, нуждался въ отмѣнѣ Главнымъ командованіемъ.

---

* Приказъ этотъ, въ числѣ другихъ, упразднялъ слѣдующія узаконенія: о мѣстномъ судѣ отъ 4 мая 1917 г., объ уголовной и гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ — отъ 11 апрѣля, о судахъ по административнымъ дѣламъ — отъ 30 мая, о судебной регистраціи обществъ и союзовъ, объ отмѣнѣ вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій — отъ 20 марта, законы 7 и 29 сентября объ измѣненіяхъ въ городовомъ положеніи, отъ 9 іюля — о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, отъ 21 мая — о волостномъ земствѣ, о печати — отъ 27 апрѣля, о поселковомъ управленіи, о введеніи земскихъ учрежденій на инородческой территоріи и т. д. Кромѣ того приказъ ген. Уварова возвращалъ ко всѣмъ надстройкамъ, произведеннымъ надъ Судебными уставами 1864 г., упразднялъ новую редакцію ряда статей уголовнаго кодекса, возстанавливалъ сословные суды особыхъ присутствій, отмѣнялъ мораторіи по векселямъ и на предъявленіе исковъ и проч.

Но послѣ справки увеселительнаго характера о тоскѣ Россіи по городовому иниціаторы предположенія раздумали ставить этотъ вопросъ на генералъ-губернаторскомъ совѣщаніи.

Доклады о возстановленіи дѣйствія ряда узаконеній, изданныхъ Временнымъ Правительствомъ, были представлены предсѣдателемъ окружнаго суда и делегаціей городской думы непосредственно генералу Деникину, и главнокомандующимъ былъ изданъ особый приказъ о силѣ этихъ узаконеній.

Ген. Уваровъ, хотя послѣ назначенія П. В. Глазенапа, и былъ лишенъ права самостоятельнаго помпадурства, тѣмъ не менѣе ухитрялся, на время выѣздовъ губернатора изъ Ставрополя, развивать свою административную энергію.

Такъ, уже будучи помощникомъ губернатора, онъ успѣлъ, за время отсутствія полк. Глазенапа, издать приказъ, о которомъ я упоминалъ, на имя всѣхъ должностныхъ лицъ «объ уничтоженіи преступниковъ на мѣстѣ преступленія и о преданіи менѣе виновныхъ военно-полевому суду».

Передъ самымъ пріѣздомъ въ Ставрополь ген. Деникина, когда предпогалалось чествованіе Главнокомандующаго городской думой in corpore, онъ заарестовалъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ гласныхъ, задержалъ до ночи оповѣщеніе городского самоуправленія объ ожидающемся утромъ прибытіи, а на обѣдъ, которымъ губернаторъ чествовалъ Главнокомандующаго, позабылъ пригласить предсѣдателя губернской земской управы, А. М. Кухтина, но зато не забылъ пригласить того самаго Левицкаго, который вмѣстѣ съ пьяными матросами игралъ отходную заключеннымъ большевиками въ Ставропольской тюрьмѣ заложникамъ буржуазіи.

Словомъ, старался по мѣрѣ силъ и способностей, пока, наконецъ, не былъ отчисленъ въ резервъ чиновъ Добровольческой арміи.

XXI.

Пріѣздъ ген. А. И. Деникина. «Начальнику сыскного отдѣленія и . . . предсѣдателю думы». Привѣтствія на вокзалѣ и на Соборной площади. Обѣдъ въ губернаторскомъ домѣ. Рѣчь генерала Деникина. Выступленіе сотрудника ген. Уварова. Поѣздка городской делегаціи въ Екатеринодаръ.

Осенью 1918 года состоялся пріѣздъ въ Ставрополь Командующаго Добровольческой арміей, ген. А. И. Деникина.

Губернаторъ П. В. Глазенапъ, сообщивъ о желаніи генерала Деникина посѣтить Ставрополь, просилъ намѣтить программу встрѣчи съ тѣмъ, чтобы онъ могъ своевременно доложить командующему.

Программа эта была выработана небольшой комиссіей и передана П. В. Глазенапу, причемъ представители городского самоуправленія въ виду того, что предполагалось чествованіе ген. А. И. Деникина раутомъ отъ Городской Думы, просили увѣдомить ихъ о пріѣздѣ Командующаго Арміей, по возможности, хоть за день до пріѣзда, или же, если такое увѣдомленіе по какимъ либо соображеніямъ будетъ признано неудобнымъ*, опредѣлить пріѣздъ не въ праздничный день, въ виду трудности собрать учащихся и широко оповѣстить населеніе.

П. В. Глазенапъ отбылъ къ Командующему.

Въ субботу, днемъ, была получена ген. Уваровымъ телеграмма о прибытіи Командующаго въ воскресенье, въ 9 часовъ утра. Доставлено было это увѣдомленіе въ городскую управу около 9 часовъ вечера. Офицеръ, которому поручено было

* Имѣлись въ виду продолжающіяся попытки красныхъ къ наступленію.

размножить и разослать текстъ оповѣщенія, передавалъ мнѣ, почему произошло такое замедленіе.

Въ сущности, текстъ оповѣщенія состоялъ всего изъ нѣсколькихъ словъ: «сообщается для свѣдѣнія, что Командующій арміей прибываетъ въ Ставрополь въ воскресенье, такого то числа, въ 9 часовъ утра». Впереди же шелъ длинный, занимающій почти листъ, перечень лицъ и учрежденій, кому это должно быть сообщено.

Когда оповѣщеніе было изготовлено, начальникъ губернаторскаго штаба, полковникъ Яковлевъ, раздраженно указалъ офицеру, что, по мнѣнію ген. Уварова, предсѣдатель городской думы помѣщенъ не въ надлежащемъ порядковомъ рангѣ.

— Потрудитесь поставить его въ самомъ хвостѣ, «съ союзомъ»: ...«начальнику сыскного отдѣленія и — предсѣдателю думы».

Вмѣсто забракованнаго, было изготовлено новое оповѣщеніе и разсылалось оно въ порядкѣ расположенія адресатовъ, почему и дошло до предсѣдателя думы послѣднимъ, ибо онъ, по указанію ген. Уварова и полк. Яковлева, въ ряду другихъ учрежденій и лицъ долженъ занимать самое послѣднее мѣсто — «съ союзомъ».

Эта задержка лишила городское самоуправленіе возможности выполнить программу чествованія ген. Деникина полностью, какъ она была намѣчена, и раутъ въ городской думѣ не могъ состояться*, тѣмъ болѣе, что за время отсутствія изъ города губернатора его контръ-развѣдкой были арестованы нѣкоторые изъ гласныхъ думы, въ томъ числѣ членъ Учредительнаго Собранія Е. А. Дементѣевъ. Арестованы они были безъ всякихъ основаній и послѣ усиленныхъ хлопотъ были освобождены наканунѣ пріѣзда ген. Деникина.

Послѣ поднесенія городскимъ головой хлѣба-соли отъ имени городского общественнаго управленія, ген. Деникинъ отбылъ въ кафедральный соборъ.

Пока шло богослуженіе, на Соборной площади расположились съ цвѣтами и гирляндами зелени учащіеся, а у паперти собора многочисленныя депутаціи, выразившія желаніе привѣтствовать вождя Добровольческой арміи.

При выходѣ ген. Деникина изъ собора къ нему обратились съ рѣчами епископъ Михаилъ, я — какъ предсѣдатель думы, предсѣдатель суда — П. А. Бурменскій, А. М. Воскресенскій — отъ мѣстной газеты, К. Г. Александровъ — отъ торгово-промышленной группы — и рядъ другихъ представителей населенія.

Трогательна была рѣчь малютки-ученицы**, привѣтствовавшей генерала отъ имени учащейся молодежи, какъ «защитника справедливости и правды Божьей» и поднесшей генералу вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Ген. Деникинъ поднялъ и расцѣловалъ малютку и отбылъ къ войскамъ среди толпъ молодежи, устилавшей ему путь гирляндами, забрасывавшей его цвѣтами.

Днемъ, въ залѣ губернаторскаго дома, состоялось представленіе ген. Деникину чиновъ и представителей различныхъ учрежденій и вѣдомствъ, приглашенныхъ затѣмъ къ участію въ обѣдѣ въ честь Командующаго арміей.

На обѣдѣ этомъ А. И. Деникинъ произнесъ рѣчь, какъ обычно, сильную и яркую, закончивъ ее словами***:

— Настанетъ часъ, когда большія и малыя рѣки сольются въ великомъ морѣ, имя которому — Россія, и армія явитъ тогда примѣръ лойяльнаго и безоговорочнаго подчиненія свободно выраженной волѣ народа.

* Это обстоятельство дало поводъ оффиціозу ген. Уварова открыть походъ противъ городской думы, предсѣдателя ея и городской управы.

** Малютка эта погибла въ городской больницѣ 16 октября 1918 г. послѣ эвакуаціи Ставрополя добровольцами.

*** Предо мною нѣтъ текста рѣчи ген. Деникина, — воспроизвожу ее по памяти.

— Будьте вы правыми, будьте вы лѣвыми, всѣхъ, у кого пламенѣетъ въ сердцѣ любовь къ Родинѣ, мы зовемъ къ работѣ и борьбѣ за великую и свободную Россію. —

Рѣчь эта, служившая какъ бы отвѣтомъ чаяньямъ, отметавшимъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ альянсъ съ демократіей, желавшимъ видѣть въ Добровольческой арміи лишь орудіе кастовыхъ вожделѣній, — произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и вызвала живѣйшіе отклики.

А. И. Деникинъ прикоснулся къ отверстой, наболѣвшей ранѣ, но прикосновеніе его было цѣлительно и любовно. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ присуствовавшихъ выступили слезы. Такъ хотѣлось вѣрить въ дѣйственность словъ ген. Деникина.

Конецъ обѣда былъ омраченъ выступленіемъ Н. Г. Левицкаго, приглашеннаго на обѣдъ въ качествѣ сотрудника Уваровскаго оффиціоза. Обращаясь къ присутствовавшему на обѣдѣ епископу Михаилу, Левицкій началъ свою рѣчь.

— Михаилъ тутъ говорилъ...

Затѣмъ, вложивъ въ уста владыки слова, которыхъ тотъ не произносилъ, Левицкій началъ доказывать отличіе Добровольческой арміи отъ полиціи. Послѣ этого выступленія присутствовавшихъ обошла записка съ приглашеніемъ закончить вербальную часть чествованія Командующаго Добровольческой арміей.

Въ тотъ же вечеръ ген. А. И. Деникинъ отбылъ изъ Ставрополя.

Къ пріѣзду ген. Деникина Ставропольскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ былъ составленъ докладъ по ряду вопросовъ «о пользахъ и нуждахъ», въ томъ числѣ: о поправкахъ къ городскому избирательному закону, о возстановленіи функцій административной юстиціи и судебной регистраціи товариществъ, обществъ и союзовъ, о смягченіи исключительныхъ условій военнаго времени и т. д.

Въ виду того, что посѣщеніе городской думы Командующимъ арміей не состоялось въ этотъ пріѣздъ и делегація думы аудіенціи по поводу этого доклада у ген. Деникина не имѣла, было испрошено разрѣшеніе Командующаго на представленіе этого доклада въ Екатеринодарѣ, куда нѣсколько позднѣе делегація городской думы и выѣхала.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ делегатами, ген. Деникинъ согласился съ большинствомъ изъ тезисовъ представленнаго доклада и обѣщалъ принять мѣры къ скорѣйшему проведенію ихъ въ жизнь.

Кромѣ того, делегаціи было обѣщано освободить Ставрополь отъ ген. Уварова.

Это было незадолго до 25 сентября 1918 года, — даты смерти Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи М. В. Алексѣева*.

XXII.

Положеніе на фронтѣ. Нажимъ ген. Врангеля на красныхъ. Тревога въ Ставрополѣ. Заявленіе губернатора. Внезапная эвакуація города. Разговоръ съ П. В. Глазенапомъ. Разлука съ больной семьей. «Нѣсколько часовъ» полк. Глазенапа. На ст. Пелагіада. Бесѣда съ А. И. Деникинымъ. Разгаръ борьбы за обладаніе городомъ. Занятіе Ставрополя ген. Врангелемъ. Вѣсть о гибели семьи.

Отбросивъ красныхъ отъ Екатеринодара, главныя силы добровольцевъ продолжали тѣснить ихъ изъ Майкопскаго отдѣла и въ направленіи на югъ, вдоль линіи Владикавказской желѣзной дороги.

---

* Послѣ смерти Верховнаго Руководителя Добр. Арміи М. В. Алексѣева, ген. А. И. Деникинъ сталъ именоваться Главнокомандующимъ сначала Добр. арміей, а затѣмъ, послѣ соглашенія съ Донскимъ и Кубанскимъ атаманами, состоявшагося 26 декабря 1918 г., — Главнокомандующимъ вооруженными силами Юга Россіи.

Ставрополь охранялся сравнительно слабыми силами и судьба его зависѣла отъ направленія, которое изберутъ главныя силы красныхъ при ихъ отступленіи.

Въ началѣ сентября 1918 года, съ перемѣннымъ счастьемъ, шла борьба въ районѣ станицъ Петропавловской и Михайловской, гдѣ была сосредоточена группа красныхъ, численностью около 15,000 бойцовъ.

Противъ нихъ дѣйствовали – 1-ая конная дивизія ген. Врангеля, въ составѣ около 1,200 бойцовъ, и пѣхотныя дивизіи Казановича и Дроздовскаго, занимавшія районъ Армавира и линію желѣзнодорожной магистрали до станціи Овечка.

Въ первыхъ числахъ октября конницей ген. Врангеля были взяты станицы Урупская и Безскорбная и начались бои за переправу черезъ Урупъ.

Тѣмъ временемъ красные, заслонившись Урупомъ, наступали въ разрѣзъ между конницей и 1-ой пѣхотной дивизіей, тѣсня пѣхотныя части ген. Казановича съ юга на Армавиръ.

13 октября, форсировавъ Урупъ, конница ген. Врангеля обратила красныхъ въ бѣгство. Полчища ихъ откатились къ ст. Успенской на Кубань – въ районъ, гдѣ сближается магистральная желѣзнодорожная линія съ Армавиръ-Туапсинской линіей на Ставрополь.

Не ожидая форсированія ген. Врангелемъ Кубани, силы красныхъ, переправившись на правый берегъ, начали распространяться внизъ по теченію Кубани и желѣзнодорожной линіи на Ставрополь. Этимъ движеніемъ красныхъ силъ предрѣшена была участь Ставрополя*.

Въ субботу, 13 октября началась въ Ставрополѣ тревога. Собравшіеся на очередное думское засѣданіе гласные просили городского голову освѣдомиться у губернатора о положеніи на фронтѣ. Вернувшись отъ полк. Глазенапа, городской голова, открывая думское засѣданіе, заявилъ по порученію губернатора, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній для тревоги. Положеніе на фронтѣ вполнѣ устойчиво. Никакой угрозы городу со стороны красныхъ не намѣчается.

Уже слѣдующее утро опредѣлило цѣну этого заявленія губернатора, а кстати и цѣну, въ глазахъ этого администратора, тѣхъ послѣдствій внезапной эвакуаціи города, которыя стоили населенію неисчислимыхъ и частью невознаградимыхъ потерь**.

Вернувшись домой послѣ думскаго засѣданія, я провелъ часть ночи у постели жены и двухъ дочерей – малютокъ, находившихся въ разгарѣ скарлатины. Жена и младшая дочь метались и бредили, переживая кризисъ болѣзни, старшая была такъ слаба, что ей впрыскивали камфору.

Смѣненный подъ утро, я едва успѣлъ въ кабинетѣ забыться сномъ, какъ раздался телефонный звонокъ. Городской голова меня спрашивалъ, принялъ ли я какія либо мѣры къ отъѣзду.

---

* Противникъ этого отступленія красныхъ силъ на Ставрополь, Сорокинъ, указывалъ, что Ставрополь можетъ явиться мѣшкомъ для Красной арміи, но онъ былъ отставленъ красными отъ командованія, заключенъ въ Ставропольскую тюрьму и въ ней погибъ, зарубленный красноармейцами. Впослѣдствіи, въ послѣднихъ числахъ октября 1918 г., ген. Врангель подтвердилъ реальность опасеній Сорокина – красные были окружены пѣхотными дивизіями ген. Боровскаго и Дроздовскаго со стороны линіи ж. д. Кавказская – Ставрополь, второю Кубанской дивизіей ген. Врангеля – со стороны Сенгилеевской и дивизіей ген Покровскаго – со стороны Темнолѣсской. Красныхъ спасъ прорывъ ими этого кольца въ ночь съ 30 на 31 октября въ секторѣ между пѣхотою ген. Боровскаго и конницей Улагая, что дало имъ возможность уйти въ направленіи на Петровское, Терновку и Благодатное, прикрываясь арьергардными боями.

** Главное Командованіе расцѣнивало, повидимому, П. В. Глазенапа, какъ администратора, иначе. Вскорѣ по возвращеніи въ разоренный Ставрополь, полк. Глазенапъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора.

— Почему? — удивился я.

— Посмотрите на улицу!

Изъ окна моего кабинета видно было, какъ по панели улицы, въ однихъ халатахъ, не взирая на пронизывающій холодный вѣтеръ, тянулись изъ лазаретовъ больные и раненые, нѣкоторые на костыляхъ. Порою ихъ обгоняли разрозненныя группы пѣхотинцевъ и всадниковъ. Троттуары были забиты спѣшащими съ узелками горожанами...

Я бросился къ губернатору П. В. Глазенапу. Его конвой расположился у гостиницы «Россія», противъ зданія окружнаго суда. Губернаторъ стоялъ въ подъѣздѣ гостиницы.

— Что случилось? — спросилъ я.

— Мы эвакуируемъ городъ, — спокойно отвѣтилъ полк. Глазенапъ.

— Но позвольте, вѣдь еще вчера вы утверждали... Какъ же это произошло?

— Такъ и произошло, — улыбнулся губернаторъ.

— Какъ же быть съ учрежденіями, судомъ, дѣлами?

— Оставьте все на мѣстѣ. Мы поджидаемъ подхода резервовъ. А, впрочемъ, какъ хотите.

Помолчавъ, губернаторъ посовѣтовалъ все же выѣхать «на нѣсколько часовъ» изъ города, такъ какъ городскія улицы могутъ стать ареною боя.

Приглашенный къ больной семьѣ врачъ категорически высказался противъ возможности эвакуировать больныхъ, въ виду остро-заразнаго характера заболѣванія и неизбѣжности столь опасныхъ при скарлатинѣ простудныхъ осложненій и указалъ единственный выходъ — помѣстить больныхъ подъ чужою фамиліею въ городской больницѣ.

Очнувшіяся отъ забытья, понявъ происходящее, жена и дѣти смотрѣли испуганными, полными слезъ глазами, пытались, преодолѣвая слабость, подняться и одѣться и просили взять съ собою...

— Мнѣ совсѣмъ лучше, возьмите насъ съ собою, — протягивала ручонки семилѣтняя дочь Злата.

Черезъ два дня, 16 октября, когда красноармейцы ворвались въ городскую больницу, всѣхъ ихъ не стало. Объ этомъ я узналъ лишь двѣ недѣли спустя... Мѣсяцъ спустя, при вскрытіи ихъ могилы слѣдственною властью, рученка Златы оказалась поднятою къ крышкѣ гроба.

. . . .

Заперевъ опустѣвшую квартиру, ничего не взявъ оттуда, — вѣдь всего на «нѣсколько часовъ» — припоминались мнѣ слова губернатора, — въ воскресенье, 14 октября, мы влились въ вереницу подводъ и пѣшеходовъ, послѣдними покидающихъ городъ.

Со мной рядомъ шелъ пожилой врачъ, несшій въ узелкѣ каравай хлѣба, картузъ табаку и медицинскіе инструменты, — это было все, что онъ успѣлъ захватить съ собою. Большинство идущихъ мужчинъ и ѣдущихъ дѣтей и женщинъ захватили съ собой не больше. Вѣдь, «всего на нѣсколько часовъ»...

За подъемомъ Монастырской горы, у воротъ Маріинскаго монастыря, часть бѣглецовъ остановилась, предполагая здѣсь остаться на ночлегъ, но проскакавшая группа всадниковъ посовѣтовала не задерживаться и спѣшить къ станціи Пелагіада, гдѣ подъ руководствомъ ген. Уварова заканчивается погрузка бѣглецовъ изъ Ставрополя.

Со станціи Пелагіада открывался видъ на сѣверные склоны города. Мысль, точно птица, вьющаяся вокругъ гнѣзда съ дѣтенышами, за склономъ горы указывала

путь къ родному дому и оттуда къ больницѣ, гдѣ оставленныя, безпомощныя близкія мечутся въ бреду. Къ чему погружаться въ вагоны, зачѣмъ уѣзжать такъ далеко? Вѣдь всего на «нѣсколько часовъ»...

Ночь перебыли въ 20 верстахъ отъ города, въ сел. Московскомъ. Какъ узнали потомъ, въ эту ночь въ другомъ подгородномъ селѣ Михайловскомъ красными былъ замученъ казанскій фабрикантъ Н. И. Алафузовъ, съ трудомъ вывезенный изъ города, больной угасающій старикъ.

На разсвѣтѣ 15 октября, поднятые тревогой, начали новое отступленіе до поселка Тищенскаго. Нѣсколько дней тамъ — и новый переходъ въ Кубанскую станицу Ново-Троицкую и оттуда черезъ день въ Ново-Александровскую.

«Нѣсколько часовъ» полковника Глазенапа растянулись въ длинныя, безпросвѣтныя недѣли...

Устроивъ двухъ старшихъ дѣтей, мать и сестру въ станицѣ Ново-Александровской, я воспользовался проѣздомъ завѣдующаго передвиженіемъ войскъ А. А. Колчинскаго, чтобы продвинуться ближе къ фронту.

Мы прибыли передъ вечеромъ на станцію Пелагіада, вблизи которой проходилъ фронтъ. Дулъ пронизывающій осенній вѣтеръ. У желѣзнодорожныхъ построекъ, поврежденныхъ снарядами, защищаясь отъ вѣтра, грѣлись добровольцы, получившіе передышку, — нѣкоторые безъ шинели. Недалеко, по склону горы, шла ружейная пальба, изъ окоповъ приходили перевязываться легко-раненые.

Здѣсь я узналъ о временномъ успѣхѣ добровольцевъ, ворвавшихся въ городъ, но скоро вытѣсненныхъ красными.

Неподалеку, — казалось, рукой подать, — высился выступъ Соборной горы, съ высокой стройной колокольней кафедральнаго собора, съ ползущей среди садовъ по крутому склону линіей домовъ. Виднѣлась часть бульвара, ведущаго къ пустынной теперь желѣзнодорожной станціи. Предвечерняя дымка, поднимаясь по склону, заволакивала такой близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій Ставрополь. Трескъ ружейной пальбы приближался. Съ наступленіемъ темноты поѣздъ «3» ушелъ обратно.

Въ одну изъ поѣздокъ на ст. Изобильную, гдѣ былъ расположенъ штабъ ген. Боровскаго, я имѣлъ случай бесѣдовать съ ген. Деникинымъ.

Послѣ продолжительнаго военнаго совѣщанія въ штабѣ пѣхотной 2-й дивизіи, генералъ вышелъ около полуночи въ комнату, гдѣ я ожидалъ конца совѣщанія. Я доложилъ генералу о тяжеломъ положеніи Ставропольскихъ бѣженцевъ, такъ внезапно оставившихъ свои дома, о лишеніяхъ, переносимыхъ ими, напомнилъ, какъ населеніе Ставрополя вѣрило въ Добрармію.

Что жъ дѣлать, — тихо отвѣтилъ генералъ, — военное счастье измѣнчиво, и дни неудачъ бьютъ и армію, и мирное населеніе... Если бы вы знали, какъ тяжела борьба, какъ много жертвъ несетъ армія.

Въ концѣ бесѣды, ген. Деникинъ предложилъ мнѣ выѣхать съ нимъ на станцію Кавказскую, гдѣ формировался бѣженскій комитетъ Ставропольцевъ.

Между тѣмъ медленная упорная борьба вокругъ Ставрополя только разгоралась. Добровольческія части стягивали кольцо вокругъ Ставрополя, намѣреваясь покончить съ тридцатитысячной арміей красныхъ однимъ ударомъ.

30 октября части конной дивизіи ген. Врангеля подошли къ Ставрополю. На разсвѣтѣ 31 октября, ген. Врангель атаковалъ красныхъ, наступавшихъ противъ пѣхотной дивизіи ген. Боровскаго. Въ этотъ день ген. Бабіевъ ворвался въ городъ и захватилъ желѣзнодорожный вокзалъ. Весь день 1 ноября и въ продолженіи ночи шли бои съ перемѣннымъ счастіемъ, переходя въ уличный бой. Утромъ 2 ноября

началась аттака казаками города съ юга и лишь къ вечеру, послѣ безпрерывнаго боя, Ставрополь вновь былъ въ рукахъ добровольцевъ*.

Вечеромъ 1 ноября, губернаторъ П. В. Глазенапъ на ст. Радзвяной получилъ приказъ Командующаго выступить къ Ставрополю походнымъ порядкомъ со своимъ штабомъ и государственной стражей, а 3 ноября въ городъ прибылъ со своимъ штабомъ ген. Деникинъ.

Добровольческія части преслѣдовали въ это время красныхъ, отступившихъ, послѣ прорыва добровольческаго кольца, вдоль линіи желѣзной дороги на Петровское.

* * *

Почти передъ моимъ выѣздомъ въ Ставрополь, ко мнѣ подошелъ на станціи Кавказской товарищъ предсѣдателя Ставропольской думы Е. Г. М-овъ.

— Неужто все это правда? — спросилъ онъ меня.

— О чемъ вы? — невольно вздрогнулъ я.

— Такъ вы еще ничего не знаете... Тогда простите...

Немного спустя мнѣ сообщили свѣдѣнія о гибели моей семьи, разгромѣ и пожарѣ въ моей квартирѣ.

XXIII.

Ставропольскій фронтъ. «Диктатура» г. г. комендантовъ. «Пой, Боже Царя храни!» Приказъ о поклонахъ. Порка по передовѣрію. «Мало васъ рѣзали». Въ контръ-развѣдкахъ. «Право офицерское».

Со второй половины октября 1918 года Ставропольская губернія, черезъ которую съ Сѣвернаго Кавказа откатывались силы красныхъ, на нѣсколько мѣсяцевъ стала ареною главной борьбы добровольческихъ и красныхъ силъ.

Съ 14 октября по ноябрь шла борьба вокругъ Ставрополя. Въ первой половинѣ ноября развивались упорные бои за обладаніе Константиновскимъ и Петровскимъ, въ районъ которыхъ откатились изъ подъ Ставрополя красные, пока 15 ноября они не были разбиты и обращены въ бѣгство Улагаемъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября красные бросились на отрядъ ген. Станкевича, занимавшій Приманыческій уголъ губерніи, но угрожаемые конницей ген. Врангеля, затѣмъ метнулись на армейскій корпусъ ген. Казановича въ районѣ подступовъ къ уѣздному селу Благодарному.

Здѣсь, 22 декабря, въ районѣ селъ Шишкино и Медвѣдки при участіи войскъ ген. Врангеля разыгрался большой бой, ходъ котораго наблюдали съ возвышенности ген. Деникинъ и прибывшая съ нимъ союзническая миссія съ ген. Пулемъ во главѣ.

Разбитые въ вечеръ этого дня красные были отброшены къ сел. Благодарному, а оттуда къ городу Святого Креста, гдѣ Улагай захватилъ большую военную добычу.

Въ началѣ января 1919 года красные были оттѣснены къ начальному пункту Прикумской жел. дор., окружены въ Георгіевскѣ, разбиты и, оставивъ богатую добычу, бросились къ Каспійскому морю, гонимые конницей ген. Покровскаго.

Во второй половинѣ января 1919 года XI красная армія растаяла, отдавъ добровольцамъ огромные обозы, бронепоѣзда, орудія, пулеметы и свыше 30,000 плѣнныхъ.

---

* Въ воспоминаніяхъ К. Н. Соколова «Правленіе ген. Деникина» указывается, что уже 1 ноября на засѣданіи Кубанской рады ген. Деникинымъ была оглашена телеграмма о взятіи Ставрополя. Повидимому, это телеграфное сообщеніе имѣло въ виду захватъ Ставрополя ген. Бабіевымъ 31 октября.

На короткое время Манычская операція затронула юго-восточный уголъ губерніи, но уже черезъ нѣсколько дней, въ первыхъ числахъ мая, фронтъ передвинулся въ область Войска Донского и затѣмъ далеко и надолго отодвинулся въ сѣверномъ направленіи.

Такимъ образомъ, въ январѣ 1919 года, можно считать фронтъ военныхъ дѣйствій ушедшимъ изъ предѣловъ Ставропольской губерніи и, въ мѣру его отдаленія, населеніе вправѣ было ожидать смягченія той диктатуры, которая въ верхахъ теоретически мыслилась полнотой власти Главнокомандующаго, а на мѣстахъ претворялась въ произволъ людей, имѣющихъ на плечахъ военные погоны, какой бы малый чинъ на этихъ погонахъ ни былъ обозначенъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ проявленія этой мѣстной «диктатуры».

Въ Николинъ день, 6 декабря 1918 года, Ставропольскій комендантъ полк. Архиповъ, по совѣту одного изъ своихъ сотрапезниковъ, послалъ солдатъ за гласнымъ мѣстной городской думы М., принадлежавшимъ къ лѣвому крылу эсэровской партіи.

Когда М. прибылъ въ помѣщеніе комендатуры и спросилъ о причинахъ его вызова, полк. Архиповъ приказалъ ему:

– Пой «Боже, Царя храни», такой-сякой!

– Неужто вы меня, полковникъ, только для этого и вызывали?

– Да ты еще разговаривать? Всыпать ему!

Къ приходу М. уже были заготовлены шомпола и мокрые мѣшки. По приказанію коменданта солдаты схватили М. и надругались надъ нимъ въ присутствіи находившихся здѣсь же сотрапезниковъ коменданта.

– Теперь Вы свободны, – объявилъ комендантъ гласному М. по окончаніи экзекуціи.

Это происходило въ центрѣ губернскаго города, противъ зданія окружнаго суда.

Послѣ того, какъ вокругъ этого дѣла была поднята буча, въ Ставрополь для производства слѣдствія прибылъ военный слѣдователь г. Миславскій, очень холодно, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, принятый военнымъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

Приговоренный военнымъ судомъ* къ семидневному, кажется, домашнему аресту, полк. Архиповъ вернулся къ своей прежней должности, а затѣмъ былъ назначенъ начальникомъ государственной стражи Больше-Дербетовскаго улуса.

Въ селѣ Лѣтницкомъ, Медвѣженскаго уѣзда, мѣстный комендантъ вызвалъ къ себѣ одного изъ мѣстныхъ жителей и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

– Ты судился съ такимъ-то?

– Судился.

– Сколько тебѣ присудилъ мировой?

– Двѣнадцать сотенъ.

– Всыпать ему по одной за каждую сотню.

Когда истцу всыпали, комендантъ проводилъ его словами:

– Передай мировому, что и ему то же будетъ, если онъ будетъ обижать моихъ знакомыхъ.

Въ селѣ Ладовско-Балковскомъ мѣстный комендантъ издалъ приказъ, чтобы мужчины при встрѣчѣ съ нимъ останавливались и кланялись, снимая головной уборъ, а женщины привѣтствовали бы его пояснымъ поклономъ, сложивъ руки на животѣ.

Какъ видите, даже это было предусмотрѣно.

---

* Защитникомъ полк. Архипова на судѣ выступалъ членъ Госуд. Думы Замысловскій.

Черезъ нѣкоторое время въ отдѣлъ пропаганды явилась рыдающая сельская учительница и разсказала, что комендантъ приказалъ ее выпороть за неисполненіе приказа.

Въ подгородномъ селѣ Кугультѣ, мѣстный комендантъ Л. передовѣрилъ свои права матушкѣ, и урядникъ Гладковъ поролъ бабъ по приказу послѣдней среди бѣлаго дня у волостного правленія.

Хуже всего было то, что случаи эти превращались въ бытовое явленіе, и притомъ явленіе или безнаказанное, или во всякомъ случаѣ не влекущее за собой устраненія отъ дальнѣйшей дѣятельности такого администратора.

Бороться съ этой разнузданностью было очень трудно цивильнымъ людямъ, да и не всякій рисковалъ на эту борьбу, зная, какая бѣшеная аттака поднималась противъ жалобщика или должностного лица, принявшаго жалобу, по обвиненію ихъ и въ большевизмѣ, и въ содѣйствіи краснымъ, а иногда просто въ сожительствѣ съ... красноармейкой*.

Обычнымъ отвѣтомъ ген. Уварова, когда къ нему обращались съ жалобами на случаи произвола и обидъ, была стереотипная фраза:

– Мало васъ еще большевики рѣзали! Погодите, вотъ мы уйдемъ, такъ васъ дорѣжутъ!

На одну изъ жалобъ городского головы о невѣроятныхъ «реквизиціяхъ» на окраинахъ города, военный губернаторъ П. В. Глазенапъ отвѣтилъ:

– А я нахожу это справедливымъ. Раньше они грабили, теперь пусть ихъ пограбятъ...

Я намѣренно пока не касался дѣятельности полевыхъ судовъ, военно и судебно-слѣдственныхъ комиссій и контръ-развѣдокъ, ибо отъ насъ, цивильныхъ людей, учрежденія эти были отгорожены высокими стѣнами.

Помню только, какъ при первомъ же посѣщеніи офицерской контръ-развѣдки, на Барятинской ул., я былъ пораженъ криками и стонами, исходившими откуда-то снизу.

– Это пьяныхъ вытрезвляютъ, – пояснилъ мнѣ начальникъ развѣдки.

– А развѣ и это входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей? – спросилъ я.

Это была контръ-развѣдка вспомогательная, временная. Другая, постоянная, помѣщалась въ барскомъ особнякѣ Европейскаго переулка, а затѣмъ перешла подъ одну крышу съ синагогой.

Въ числѣ сотрудниковъ-добровольцевъ этого учрежденія состояли бывшій предсѣдатель союза русскаго народа В. А. Соколовъ (о преступной дѣятельности котораго въ партизанскомъ отрядѣ «имени Ставропольскаго военнаго губернатора» докладывалъ мнѣ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ) и недавно передъ этимъ отбывшій наказаніе за подлоги и растраты подпольный ходатай Сопневъ.

Въ связи съ дѣятельностью этого учрежденія припоминаю одинъ случай убійства, когда виновныхъ обнаружено не было.

Въ ноябрѣ 1918 года, вскорѣ послѣ очищенія Ставрополя отъ красныхъ, къ Н. А. Косенкову, мѣстному хлѣботорговцу, бывшему гласному думы, вечеромъ, явились военныя лица, назвавшія себя чинами контръ-развѣдки, и потребовали немедленной явки Косенкова въ помѣщеніе развѣдки. На утро трупъ Н. А. Косенкова былъ обнаруженъ на площади Верхняго Базара.

---

* Такой запросъ поступилъ ко мнѣ изъ Управленія Юстиціи по поводу одного изъ моихъ товарищей прокурора.

Какъ претворялась эта мѣстная «диктатура» въ пониманіи мѣстнаго населенія?

Въ одну изъ моихъ служебныхъ поѣздокъ ко мнѣ обернулся съ облучка ямщикъ и, вглядываясь въ меня, задалъ вопросъ:

– А что, баринъ, вы не изъ судейскихъ?

– Изъ судейскихъ. А что?

– Да вотъ у насъ тутъ одно дѣло случилось. Сказать прямо – пьяные офицеры брата до смерти убили.

– Какъ убили?

– Да такъ, – заругались да и убили. Такъ вотъ хотѣлъ я васъ спросить, есть такія права, чтобы жаловаться?

– Конечно. Заявите слѣдователю или прокурору, а хотите, я приму отъ васъ заявленіе.

– Вишь ты, какое дѣло! А старики порѣшили не жаловаться, потому, говорятъ, теперь право офицерское...

XXIV.

Въ ожиданіи перелома. Особое Совѣщаніе. Актъ о подчиненіи адмиралу Колчаку. Адресъ объединенія организацій. «Потерпите немного». Военная іерархія. Партизанскіе отряды имени Ставропольскаго военнаго губернатора. Страничка военнаго эпоса этихъ отрядовъ. «Дѣлу этому не бывать».

Весна и лѣто 1919 года были мѣсяцами развертыванія силъ юга Россіи на фронтахъ военномъ и гражданскомъ.

Военные успѣхи арміи перенесли линію фронта далеко на сѣверъ и западъ и для значительной части территоріи, освободившейся отъ боевого хаоса, казалось бы, наступило время водворенія порядка и осуществленія обѣщаній, провозглашавшихся Главнымъ Командованіемъ.

При Главнокомандующемъ Вооруженными Силами Юга Россіи развивало дѣятельность Особое Совѣщаніе, въ составъ котораго разновременно входили: ген. Драгомировъ, ген. Лукомскій, ген. Романовскій, ген. Санниковъ, ген. Тихменевъ, Н. И. Астровъ, М. М. Федоровъ, В. В. Шульгинъ, М. В. Бернацкій, Э. П. Шуберскій, І. А. Гейманъ, А. А. Нератовъ, В. Н. Челищевъ, Н. Н. Чебышевъ, В. А. Степановъ, К. Н. Соколовъ, Н. Е. Парамоновъ, С. В. Безобразовъ, А. А. Лодыженскій, С. Н. Масловъ, В. П. Носовичъ, И. П. Шиповъ.

Центральныя управленія вѣдомствъ изъ скромныхъ отдѣловъ развернулись въ подлинныя министерства.

Иностранными сношеніями вѣдалъ А. А. Нератовъ. Во главѣ управленія финансовъ стоялъ М. В. Бернацкій, на котораго возлагались большія надежды въ смыслѣ упорядоченія финансовой системы. Начальникомъ управленія юстиціи былъ назначенъ испытанный судебный дѣятель, бывшій предсѣдатель московскаго съѣзда мировыхъ судей, а затѣмъ судебной палаты, В. Н. Челищевъ. Вѣдомство внутреннихъ дѣлъ было ввѣрено бывшему прокурору Московской судебной палаты Н. Н. Чебышеву, а затѣмъ оберъ-прокурору уголовнаго департамента В. П. Носовичу, пользовавшемуся въ былыя времена репутаціей непоколебимаго законника и недреманнаго ока.

Узаконенія и распоряженія центральной власти, получая починъ въ вѣдомствахъ, проходили путь обсужденія въ Особомъ Совѣщаніи и облекались отдѣломъ законовъ въ форму, выгодно отличающую ихъ отъ недавнихъ законодательныхъ «экспромптовъ» властей самаго разнообразнаго калибра и интеллекта.

6 марта 1919 года были учреждены временныя положенія: о гражданскомъ управленіи, объ общественномъ управленіи городовъ, о выборахъ городскихъ гласныхъ. Нѣсколько позднѣе положенія: о государственной стражѣ, о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и, наконецъ, о волостномъ земствѣ.

Казалось, съ внѣшней стороны бурная рѣка жизни начала вливаться въ мирное русло эволюціи.

30 мая 1919 года получилъ силу слѣдующій актъ ген. А. И. Деникина:

«Безмѣрными подвигами Добровольческихъ Армій, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и горскихъ народовъ освобожденъ югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій, съ вѣрой, надеждой и любовью.

Но наряду съ боевыми успѣхами въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ Единой Верховной Власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой родины и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и даруетъ спасеніе Россіи. Генералъ-Лейтенантъ ДЕНИКИНЪ».

Послѣ опубликованія этого рыцарски-необходимаго* акта Главнокомандующему была представлена, за подписями предсѣдателя Національнаго Центра М. М. Федорова, предсѣдателя Совѣта Государственнаго объединенія Россіи А. В. Кривошеина и предсѣдателя Союза Возрожденія В. А. Мякотина, слѣдующая резолюція, принятая на объединенномъ засѣданіи этихъ организацій:

«Пятаго іюня, собравшись въ торжественномъ, объединенномъ засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи: союзъ Возрожденія Россіи, Совѣтъ Государственнаго Объединенія Россіи и Всероссійскій Національный Центръ засвидѣтельствовали общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго генераломъ Деникинымъ 30 сего мая.

Названныя организаціи, объединяющія въ своемъ составѣ представителей самыхъ различныхъ партій и группъ и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутымъ національнымъ фронтомъ встрѣчаютъ радостную и волнующую вѣсть о воскрешеніи Русскаго Государства, какъ Единаго Цѣлаго.

Видя въ этомъ событіи залогъ дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуютъ генерала Деникина, въ самозабвенномъ подвигѣ служенія Россіи неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и провозгласившаго Ея объединеніе подъ властью Верховнаго Правителя.

Политическія организаціи, собравшіяся въ настоящемъ засѣданіи, выражаютъ твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своемъ обязательствѣ довести страну до Учредительнаго Собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будетъ привѣтствованъ широкими народ-

* Слѣдуетъ отмѣтить, что Главное Командованіе Юга Россіи въ этотъ моментъ было въ апогеѣ военныхъ успѣховъ своихъ армій.

ными массами какъ избавитель отъ тираніи большевиковъ и глава объединенной Россіи, Всероссійское же Правительство, возглавляемое адмираломъ Колчакомъ, получитъ санкцію международнаго признанія.

Да здравствуетъ воскресшая Россія! Да здравствуетъ Единое Русское Государство и его доблестные вожди, адмиралъ Колчакъ и генералъ Деникинъ, взявшіе на себя подвигъ возрожденія Россіи къ новой свободной жизни».

На мѣстахъ и въ частности въ Ставропольской губерніи не менѣе восторженно былъ встрѣченъ этотъ актъ главнаго Командованія, окрылявшій надежду, что приближается на смѣну царившему хаосу какая-то новая грань бытія.

— Потерпите немного, — нѣсколько ранѣе говорилъ мнѣ вліятельный членъ Особаго Совѣщанія Н. И. Астровъ въ отвѣтъ на мою информацію, что творится въ Ставропольской губерніи.

— Потерпите немного, скоро все наладится, все образуется...

Но терпѣть Ставропольской губерніи, неповинной въ «предательствѣ на почвѣ личныхъ честолюбій», чуждой какихъ бы то ни было самостійныхъ стремленій, — пришлось очень долго.

Позднѣе, — уже осенью 1919 года, Н. И. Астровъ, характеризируя соотношеніе центра и мѣстъ, принужденъ былъ признать центръ работающимъ безъ приводныхъ ремней. Власть, поставленная центромъ на мѣста, была «самостійна» въ своихъ увлеченіяхъ, злоупотребленіяхъ и порой — преступленіяхъ.

И въ этомъ отношеніи Ставропольская губернія, первозванная, какъ я уже говорилъ, подъ правовую защиту Добрарміи, являла собою наглядный примѣръ.

Въ первые мѣсяцы 1919 года въ Ставріи, какъ тогда называли губернію, продолжалъ губернаторствовать П. В. Глазенапъ, произведенный въ генеральскій чинъ послѣ возвращенія въ Ставрополь.

Правильнѣе было бы сказать, не «губернаторствовалъ», а «командовалъ» губерніей, ибо вся іерархическая лѣстница мѣстной администраціи была выстроена изъ военныхъ чиновъ.

Начальниками уѣздовъ назначались офицеры, во главѣ гос. стражи стояли также офицеры, въ губерніи дѣйствовали военно-слѣдственныя комиссіи* и полевые суды, дѣятельность которыхъ объединялась въ лицѣ завѣдующаго судной частью при губернаторѣ.

Въ каждомъ населенномъ пунктѣ диктаторствовали военные коменданты, примѣры дѣятельности которыхъ я уже приводилъ выше.

Но ген. Глазенапу казалось и этого мало. Съ его согласія были сорганизованы особые партизанскіе отряды «имени Ставропольскаго губернатора», слывшіе въ населеніи подъ именемъ «тавричанскихъ» отрядовъ.

Исторія возникновенія этихъ отрядовъ, насколько мнѣ удалось выяснить впослѣдствіи, такова.

Союзъ Ставропольскихъ «землеробовъ», въ которомъ значительную роль игралъ бывшій предсѣдатель союза русскаго народа, а позднѣе членъ-инициаторъ коммунхоза въ селеніи Орѣховскомъ, овцеводъ В. А. Соколовъ, обратился къ Главному Командованію съ предложеніемъ организовать изъ надежнаго зажиточнаго элемента мѣстные отряды, которые могли бы быть противопоставлены въ силу своего «классоваго самосознанія» большевистскимъ «рабоче-крестьянскимъ» отрядамъ.

Предложеніе это Главнымъ Командованіемъ было отвергнуто, но Ставропольскимъ Командованіемъ, въ лицѣ П. В. Глазенапа, принято.

* Позднѣе онѣ были переименованы въ судебно-слѣдственныя комиссіи.

Отряды сорганизовались и начали развивать свою дѣятельность въ губерніи.

Каковъ былъ ихъ составъ?

Не берусь ставить всѣхъ за одную общую скобку, но, повидимому, къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ этихъ отрядовъ относятся слѣдующія слова ген. А. И. Деникина:

— «Одинъ оказался пьяницей и садистомъ и, будучи исключенъ изъ арміи, впослѣдствіи подобралъ шайку, нанялся къ ставропольскимъ овцеводамъ и терроризировалъ населеніе, пока не былъ преданъ суду*».

«Подобралъ шайку»... но вѣдь «шайка»-то эта дѣйствовала съ вѣдома Ставропольскаго губернатора!

Каковы были результаты дѣятельности этихъ отрядовъ и имъ подобныхъ въ другихъ мѣстахъ? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ приказа ген. Деникина отъ 6 іюня 1919 года:

«Крупные успѣхи арміи на фронтѣ омрачились донесеніями, что крестьяне, освобожденныхъ отъ большевиковъ районовъ, начинаютъ измѣнять свое первоначальное отношеніе къ арміи вслѣдствіе того, что во многихъ мѣстахъ началось при помощи войскъ возстановленіе въ правахъ помѣщиковъ».

Телеграмма ген. Деникина на имя командующихъ арміями отъ 9 іюня 1919 года говоритъ о подобномъ проявленіи «военно-классоваго самосознанія» еще болѣе опредѣленно.

«По дошедшимъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за войсками, при наступленіи въ очищенныя отъ большевиковъ мѣста, являются владѣльцы, насильственно возстанавливающіе, нерѣдко при прямой поддержкѣ воинскихъ командъ, свои нарушенныя въ разное время права, прибѣгая при этомъ къ дѣйствіямъ, имѣющимъ характеръ сведенія личныхъ счетовъ и мести.

При томъ смятеніи и путаницѣ, которыя внесены въ жизнь гражданской войной и большевистскимъ владычествомъ, при полномъ разрушеніи судебнаго и административныхъ аппаратовъ, воинскія части не могутъ принимать на себя обязанности разбираться съ должными гарантіями справедливости въ спорныхъ правовыхъ взаимоотношеніяхъ.

Власти обязаны въ переходное время, впредь до установленія законнаго порядка, предупреждать всякіе новые очевидные захваты правъ, не разрѣшая прежнихъ споровъ и не допуская насилія съ чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы оно ни дѣлалось.

Урегулированіе этого вопроса принадлежитъ законодательной власти. Насильниковъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, буду привлекать къ суду. Всякія направленныя къ тому самочинныя, путемъ насилія, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и группъ должны пресѣкаться самымъ настойчивымъ образомъ.

Иначе порядку не скоро суждено возстановиться; взаимное ожесточеніе будетъ расти, авторитетъ и популярность арміи — падать; вмѣсто одного насилія появится другое; населеніе не будетъ видѣть въ войскахъ Добровольческой Арміи избавителей отъ произвола, а пристрастныхъ заступниковъ за интересы одного класса въ ущербъ другимъ».

Когда я, послѣ ликвидаціи Ставропольскаго кассаціоннаго суда, вернулся вновь къ обязанностямъ прокурора, до меня стали доходить свѣдѣнія о такого рода дѣйствіяхъ партизанскихъ отрядовъ, что я поставленъ былъ въ необходимость задать однажды губернатору Глазенапу вопросъ:

---

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской смуты». Т. II, стр. 204.

— Извѣстно ли Вамъ, Петръ Владимировичъ, о дѣйствіяхъ въ губерніи шаекъ, присвоившихъ себѣ названіе «партизанскихъ отрядовъ», имени Ставропольскаго военнаго губернатора Глазенапа»?

— Почему же «присвоившихъ», — спокойно отвѣтилъ мнѣ ген. Глазенапъ, — это и есть отряды моего имени.

— Въ такомъ случаѣ долженъ поставить васъ въ извѣстность, что мною сдѣлано предложеніе о возбужденіи предварительнаго слѣдствія по одному изъ дѣлъ такого отряда.

— Этому дѣлу не бывать, — пристально взглянувъ на меня, отвѣтилъ ген. Глазенапъ.

Въ виду того, что дѣло начиналось при такихъ «ауспиціяхъ», я подробно доложилъ объ этомъ прокурору палаты Н. С. Ермоленко, и онъ обѣщалъ мнѣ полное содѣйствіе по охранѣ слѣдствія отъ могущаго послѣдовать со стороны военныхъ властей натиска, въ связи съ возбужденіемъ этого дѣла.

Выдающійся слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ставропольскаго суда, В. Н. Яроцкій, «закопался» на нѣсколько недѣль въ губернію и, вернувшись, вручилъ мнѣ нѣсколько томовъ производства по дѣлу «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ*», сдѣлавъ при этомъ докладъ, подтвердившій правильность моего наименованія этихъ отрядовъ предъ губернаторомъ П. В. Глазенапомъ.

«Информаторомъ» — одного изъ отрядовъ состоялъ В. Н. Соколовъ, о которомъ я уже говорилъ, какъ объ организаторѣ въ болѣе раннія времена Союза русскаго народа въ Ставрополѣ, а въ болѣе позднія — коммунхоза въ селѣ Орѣховскомъ.

Онъ же состоялъ и «интендантомъ» по «сбору» у населенія фуража и иного довольствія для нуждъ отряда. Онъ же поставлялъ въ контръ-развѣдку на расправу своихъ недавнихъ товарищей по коммунхозу.

В. Н. Яроцкій, въ числѣ другихъ иллюстрацій, привелъ мнѣ такую картинку партизанскихъ дѣйствій «по сбору фуража и иного довольствія».

Къ Ставрополю медленно тянется большой обозъ, везущій шерсть** въ городскіе склады.

Внезапно и почти одновременно, на обозъ нападаютъ двѣ вооруженныхъ группы и открываютъ споръ, какая изъ этихъ группъ первая захватила этотъ «военный призъ».

Споръ разгорается и принимаетъ настолько острый характеръ, что единственнымъ выходомъ изъ положенія является формальное объявленіе войны. Обѣ «арміи» разсыпаются цѣпями и открываютъ одна противъ другой, выражаясь языкомъ военныхъ реляцій, бѣглый огонь, а обозчики, повидимому привыкшіе къ положенію подобнаго рода внезапностей, мирно щелкая подсолнухи, наблюдаютъ съ ближайшаго пригорка, оружіе какого изъ «партизанскихъ отрядовъ имени Ставропольскаго губернатора» увѣнчаетъ судьба успѣхомъ.

Не успѣлъ я ознакомиться подробно съ производствомъ, какъ послѣдовало предписаніе представить дѣло «объ убійствѣ бр. Макаровыхъ» въ Управленіе Юстиціи для обозрѣнія, и, пока я оставался прокуроромъ, дѣло это обратно въ мою камеру не вернулось.

---

* Дѣло было такъ названо, во избѣжаніе преждевременной огласки.

** Слѣдуетъ отмѣтить, что Ставропольская губернія являлась значительнымъ поставщикомъ на шерстяной рынокъ мериносовой шерсти.

XXV.

Продолженіе распада на мѣстахъ. Губернаторъ ген. А. М. Валуевъ. Особый агитаціонный отрядъ и общества «За Россію». «Дикая дивизія» въ Святокрестовскомъ уѣздѣ. Власть въ с. Благодарномъ. Медвѣженская полиція. Мѣста заключенія. Восьмилѣтній каторжанинъ. По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ. Тифъ. Мѣры ген. Валуева.

По соглашенію съ прокуроромъ палаты было установлено, что мои участковые товарищи прокурора возможно чаще будутъ объѣзжать свои районы и представлять мнѣ доклады о положеніи на мѣстахъ, я же періодически, въ свою очередь, буду представлять сводку этихъ свѣдѣній прокурору палаты.

Ген.-лейт. А. М. Валуевъ, замѣнившій къ тому времени ген.-майора П. В. Глазенапа на посту Ставропольскаго губернатора, былъ вполнѣ лойяленъ къ дѣйствіямъ прокурорскаго надзора, не ставилъ никакихъ препятствій къ раскрытію во всей полнотѣ существующаго на мѣстахъ административнаго распада и неукоснительно присылалъ мнѣ на распоряженіе накоплявшіеся у него матеріалы по жалобамъ на должностныя злоупотребленія.

Въ связи съ административнымъ неблагополучіемъ, въ Ставропольскую губернію былъ командированъ особый агитаціонный отрядъ, на обязанности котораго лежала пропаганда и закрѣпленіе въ сознаніи населенія подлинныхъ идей Главнаго Командованія, не омраченныхъ мѣстной диктатурой.

По мысли С. Н. Сирина, стоявшаго во главѣ отряда, на территоріи губерніи возникла сѣть аполитическихъ организацій, именовавшихся обществами «За Россію», лойяльныхъ по отношенію къ власти, ставившихъ своей задачей содѣйствіе власти по укорененію на мѣстахъ правовыхъ началъ.

Связанный непрерывнымъ общеніемъ со многими десятками открывшихся въ губерніи обществъ «За Россію», С. Н. Сиринъ сообщалъ власти и мнѣ, какъ прокурору, обо всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ должностныхъ преступленій и злоупотребленій и въ значительной степени содѣйствовалъ подзаконной борьбѣ съ этими явленіями.

Первая же сводка докладовъ моихъ участковыхъ товарищей и матеріаловъ по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ и жалобамъ дала удручающую картину разложенія власти на мѣстахъ.

Въ Святокрестовскомъ уѣздѣ безнаказанно буйствовала «дикая дивизія», способствуя превращенію лойяльныхъ до того времени крестьянъ въ «зеленыхъ камышанниковъ».

Въ одномъ мѣстѣ чины этой дивизіи, ворвавшись въ больницу, оставили послѣ себя нѣсколько десятковъ труповъ. Зарегистрированы были случаи повѣшенія «для острастки» первыхъ же встрѣчныхъ на улицѣ. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на угонъ чинами дивизіи рабочаго скота и лошадей прямо съ полей, гдѣ производились работы*.

Во главѣ уѣзда стоялъ полк. Л., признававшійся начальнику особаго агитаціоннаго отряда, что онъ не сторонникъ судебнаго преслѣдованія преступниковъ и предпочитаетъ вмѣсто этой «волокиты» просто «ликвидировать» преступниковъ на мѣстѣ.

---

* Донесенія агитаціоннаго отряда въ значительной мѣрѣ способствовали переводу «дикой дивизіи» изъ Святокрестовской территоріи, чаша терпѣнія которой переполнилась отъ этого буйства.

Въ селѣ Благодарномъ, уѣздномъ центрѣ обширной территоріи, власть начальника уѣзда полк. Ч. была на откупу у какой-то полуграмотной женщины и буфетчика уѣзднаго притона З., открыто торговавшаго у буфетной стойки и напитками, и благоволеніемъ уѣзднаго начальства.

Рѣдкій день я не подписывалъ предложеній о возбужденіи, въ порядкѣ закона отъ 11 апрѣля 1917 года, преслѣдованія противъ чиновъ государственной стражи по Медвѣженскому уѣзду, притомъ въ такихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою безусловное содержаніе подъ стражей.

Мѣста заключенія, въ которыхъ не утихали эпидеміи тифовъ, были переполнены сверхъ мѣры подслѣдственными развѣдокъ и комиссій, заставлявшихъ по нѣсколько мѣсяцевъ ожидать первоначальнаго допроса. При обходѣ мною мѣстъ заключенія въ Ставрополѣ обнаружился такой, напримѣръ, своеобразный титулъ содержанія подъ стражей: «препровождается неизвѣстный для содержанія подъ стражей впредь до особаго рапоряженія, арестованный мною на ст. Гулькевичи». Подпись – поручикъ такого-то полка. Арестованный дѣлалъ все зависящее, чтобы выйти изъ положенія «неизвѣстности», опровергая свою безликость имѣющимися у него документами, но проѣхавшій станцію Гулькевичи поручикъ, повидимому, давно забылъ объ обѣщанномъ имъ «особомъ распоряженіи» и этимъ обрекъ его пребывать въ состояніи «неизвѣстности», и подъ стражей многіе мѣсяцы*.

Въ помѣщеніи каторжанъ я обнаружилъ восьмилѣтняго мальчика, приговореннаго полевымъ судомъ къ пятнадцатилѣтней каторгѣ «по подозрѣнію» въ шпіонажѣ въ пользу красныхъ**. Тамъ же отбывалъ наказаніе присужденный полевымъ судомъ къ каторгѣ «за внѣбрачное сожительство съ родственницей».

Впрочемъ, указаніе преступленія, влекущаго пребываніе подъ стражей, было сравнительно рѣдкостью.

Въ большинствѣ случаевъ подслѣдственные или осужденные присылались органами временной или полевой юстиціи при краткой запискѣ безъ копіи опредѣленія о заключеніи подъ стражу или приговора, иногда просто съ лаконическимъ указаніемъ: содержать! Поэтому въ графѣ тюремныхъ журналовъ, требующей указанія по обвиненію въ чемъ содержится заключенный, сплошь и рядомъ значилось: свѣдѣній не имѣется***.

За переполненіемъ тюремной больницы сыпно-тифозные размѣщались въ общемъ тюремномъ корпусѣ. Видъ камеръ, превращенныхъ въ очаги заразы, представлялъ собой, поистинѣ, одну изъ картинъ Дантова «Ада».

---

* Припоминаю случай, имѣвшій мѣсто, когда я уже былъ утвержденъ Главнокомандующимъ воор. силами Юга Россіи въ званіи министра юстиціи этой территоріи.

При обходѣ мною сыпно-тифознаго помѣщенія Новороссійской тюрьмы, глубокій старикъ протянулъ мнѣ бумажку, въ которой значилось, что онъ одесскій домовладѣлецъ, по фамиліи Бронштейнъ, 71 года.

– По какому дѣлу содержится? – спросилъ я сопровождавшаго меня начальника тюрьмы.

– По подозрѣнію въ родствѣ съ Троцкимъ-Бронштейномъ, Ваше Высокопревосходительство.

Я удивленно посмотрѣлъ на прокурора.

– Почему до сихъ поръ не освобожденъ?

– Содержится по распоряженію Главнокомандующаго, – смутился прокуроръ.

Я поручилъ прокурору палаты наблюсти, чтобы «подозрѣваемый въ родствѣ» былъ перемѣщенъ въ другую больницу, а Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова, имѣвшаго въ этотъ день докладъ у Главнокомандующаго, во избѣжаніе кривотолковъ, просилъ доложить А. И. Деникину непосредственно объ этомъ эпизодѣ.

** По распоряженію Главнокомандующаго, этотъ восьмилѣтній «каторжанинъ» вскорѣ былъ возвращенъ родителямъ.

*** Такое же положеніе, если не хуже, отмѣчено было мною при посѣщеніи Екатеринодарской краевой тюрьмы.

Въ лучшемъ случаѣ на нарахъ, а въ худщемъ — на голомъ асфальтовомъ полу, ютились вповалку больные, въ грязномъ, рваномъ бѣльѣ, держа очередь, чтобы хоть плечомъ прислониться къ печи, скудному источнику тепла. При проходѣ по камерамъ подъ ногами хрустѣли насѣкомыя. Переживавшіе кризисъ, а можетъ быть и послѣднія минуты, больные катались въ бреду по полу. Одинъ изъ нихъ въ состояніи бредовой экзальтаціи при моемъ появленіи заявилъ мнѣ:

— Прошу, прокуроръ, ходу моей жалобѣ не давать, ибо вчера ночью я умеръ*.

Отъ тифа погибъ начальникъ тюрьмы С. З. Дейниковскій, два его помощника лежали въ тифѣ, нѣсколько надзирателей тоже. Курсирующія же ежедневно отъ тюрьмы къ кладбищу подводы разгружали переполненную въ 3 раза противъ комплекта тюрьму, чтобы освободить мѣста новымъ и новымъ толпамъ арестованныхъ, препровождаемыхъ сельскими комендантами, комиссіями и развѣдками съ своими лаконическими записками: содержать!

Я обратилъ вниманіе ген. Валуева на это совершенно недопустимое положеніе. Послѣ личнаго посѣщенія мѣстъ заключенія имъ былъ изданъ приказъ, напоминающій объ уголовной отвѣтственности за несоблюденіе предписываемыхъ закономъ гарантій при заключеніи подъ стражу, объявлены были правила письменнаго производства дѣлъ въ полевыхъ судахъ, а для обзора и разгрузки дѣлъ во временныя военно-слѣдственныя учрежденія были командированы юристы, изнемогшіе въ этой сизифовой работѣ.

Власть, даже при искреннемъ желаніи бороться съ царившей разнузданностью, дѣйствовала «безъ приводныхъ ремней» и была безсильна въ этомъ жестокомъ быту своеобразной «диктатуры».

Я приведу нѣсколько бытовыхъ эпизодовъ этого жестокаго времени.

XXVI.

Убійство Н. Н. Безмѣнова. Дѣло объ убійствѣ екатеринославскаго помѣщика Кордубана. Казнь Р. Г. «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ!»

Въ имѣніи «Николина пристань», близъ большого села Петровскаго, проживали съ своими семьями обломки мѣстнаго дворянскаго рода, Николай Николаевичъ и Иванъ Николаевичъ Безмѣновы.

Имя ихъ когда-то гремѣло въ губерніи. Въ дѣтствѣ, когда я былъ частымъ гостемъ въ семьѣ «безсмѣннаго» Ставропольскаго губернатора Н. Е. Никифораки**, я знавалъ въ старомъ губернаторскомъ домѣ «безмѣновскую комнату», гдѣ обычно останавливались братья Безмѣновы, пріѣзжая изъ имѣнія съ челядью и верховыми лошадьми.

Позднѣе Безмѣновы, ведшіе тяжбу съ сосѣдями и кредитными учрежденіями, обѣднѣли.

Имѣніе ихъ, кромѣ небольшого хуторка «Николина пристань», пошло съ молотка, а жизненные удары превратили Н. Н. Безмѣнова сначала въ административнаго ссыльнаго, а затѣмъ въ 1906 году въ главнаго подсудимаго по большому политическому «безмѣновскому» процессу, гдѣ онъ предсталъ во главѣ 100 крестьянъ

---

* Онъ ошибся только во времени: онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ послѣ посѣщенія мною тюрьмы.

** Ген.-лейт. Н. Е. Никифораки губернаторствовалъ въ Ставрополѣ около 17 лѣтъ. Превзошелъ его въ этомъ отношеніи лишь архіепископъ Агафодоръ, на много лѣтъ пережившій въ Ставрополѣ своего друга, губернатора Никифораки.

предъ особымъ присутствіемъ палаты, въ качествѣ предсѣдателя ставропольскаго крестьянскаго союза.

По отбытіи трехгодичнаго заключенія въ крѣпости, Н. Н. Безмѣновъ велъ тихую жизнь хуторянина на своемъ захудаломъ хуторкѣ, пока преобразованное въ 1917 году земство не призвало его на постъ предсѣдателя Ставропольской уѣздной земской управы.

Послѣ разгона земства большевиками, въ 1918 году, Н. Н. Безмѣновъ вновь вернулся къ себѣ на хуторъ и уже не игралъ никакой роли въ протекавшихъ перипетіяхъ борьбы, хотя популярность его среди крестьянскаго населенія была равноцѣнна ненависти окружавшихъ его хуторокъ сосѣдей-тавричанъ.

Уже въ дни добровольцевъ, осенью 1918 года, къ нему на хуторъ ворвалась группа военныхъ, выволокла на дворъ усадьбы, поставила къ «стѣнкѣ», но жена Безмѣнова, еще не оправившаяся отъ родовъ, умолила на этотъ разъ офицеровъ пощадить жизнь мужа. Безмѣнова бросили, раздробивъ ему 2 ребра и изувѣчивъ прикладами.

Жена и ребенокъ Безмѣнова вскорѣ послѣ этого случая скончались. Это было еще не все.

Весной 1919 года я получилъ телеграмму отъ И. Н. Безмѣнова, умолявшаго предотвратить военную расправу надъ его братомъ, увезеннымъ офицерами въ сел. Петровское.

Я снесся по телефону съ губернаторомъ Валуевымъ и, когда прибылъ къ нему по его приглашенію, узналъ слѣдующія подробности этого бытового дѣла.

Въ Ставропольскую губернію случайно забрела изъ Астраханскихъ степей заблудившаяся часть какого-то полка.

Землевладѣльцы, во время совмѣстной пирушки съ офицерами этой части, жаловались на безпокойное сосѣдство соціалиста Безмѣнова. Офицеры распорядились заарестовать Н. Н. Безмѣнова; тутъ же, на залитомъ напитками столѣ, былъ написанъ приказъ объ учрежденіи военно-полевого суда и о преданіи ему Н. Н. Безмѣнова.

Чуть ли не за этимъ же столомъ ночью Н. Н. Безмѣнова осудили къ повѣшенію и, занявъ телеграфъ и телефонъ военнымъ патрулемъ, чтобы вѣсть объ этой расправѣ не проникла въ городъ, на утро Безмѣнова казнили.

Послѣ этого заблудившаяся часть вновь откочевала въ Астраханскія степи, скрывшія въ своихъ пескахъ имена участниковъ этого ночного дѣла.

Вотъ и все.

Читатель задастъ, пожалуй, вопросъ: не спуталъ ли я даты? Можетъ быть, это было въ дни владычества красныхъ? Можетъ быть, эту расправу надъ обломкомъ дворянскаго рода, надъ предсѣдателемъ земской управы, сотворила красная банда «товарища Трунова»?

Нѣтъ, это была воинская часть, подъ предводительствомъ людей, носящихъ офицерскіе погоны.

Я срочно донесъ по телеграфу въ Управленіе Юстиціи объ этомъ дѣлѣ. Позднѣе ген. Валуевъ, разсказывая объ этой пьяной «шалости» прибывшему прокурору палаты, добавилъ, что окрестные крестьяне совершаютъ паломничество къ мѣсту казни Николая Николаевича Безмѣнова.

* *

*

На первый день Пасхи, въ 1919 году, выходя изъ своей квартиры, я услышалъ неподалеку два выстрѣла, вслѣдъ за которыми изъ лежащаго наискось дома тавричанина К. Н. Барабаша кто-то выскочилъ съ крикомъ: доктора, доктора!

Предчувствуя несчастье, я бросился въ домъ Барабаша. На верандѣ, съ открытой дверью изъ столовой, я наткнулся на кровоточащее тѣло крупнаго мужчины. У перилъ веранды стоялъ молодой офицеръ, съ револьверомъ въ рукѣ, встрѣтившій меня словами:

– Ну, чего тамъ! Пускай не лопочетъ на своей «собачьей мовѣ».

Въ дверяхъ столовой толпились гости К. Н. Барабаша, часть ихъ продолжала трапезу за столомъ. Прибывшій одновременно со мною врачъ констатировалъ смерть раненаго.

Пока я послалъ за слѣдователемъ и комендантскимъ адъютантомъ и прибыли чины стражи, я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Къ убитому подошелъ хозяинъ дома, отецъ убійцы, и, покачиваясь на пьяныхъ ногахъ, обратился къ покойному:

– Что, братъ, каюкъ? Не лѣзь не въ свое дѣло...

Въ это время въ дверяхъ появилась бойкая барышня и, обращаясь къ вышедшимъ на веранду гостямъ, укоряла ихъ:

– Ну, что вы право. Успѣете на «это» насмотрѣться. Кушанье простынетъ!

Допросъ свидѣтелей, происходившій въ моемъ присутствіи, нарисовалъ такую обстановку убійства.

Въ этотъ день Св. Пасхи у родоначальника «тавричанской» династіи К. Н. Барабаша собрались гости, въ числѣ которыхъ былъ родственникъ хозяина М. И. Барабашъ и пришедшій съ нимъ крупный Екатеринославскій помѣщикъ Кордубанъ, дальній родственникъ другой Ставропольской династіи Кордубановъ.

Танцевали подъ звуки непремѣнной у тавричанъ гармоники, выпивали и вели въ привычныхъ формахъ бесѣду.

За столомъ присутствовало и полковое начальство сыновей хозяина, офицеровъ.

– А что, собачій сынъ, заплатишь ты мнѣ по векселю? – обратился хозяинъ К. Барабашъ къ своему гостю М. Барабашу.

– Что это вы, дядюшка, только для такихъ дурацкихъ разговоровъ меня и пригласили?

– Вотъ ты какъ, – подскочилъ къ гостю офицеръ, сынъ хозяина, и ударилъ М. Барабаша по лицу.

М. Барабашъ схватилъ со стола бутылку и швырнулъ ею въ обидчика, но тотъ успѣлъ выскочить на веранду и бутылка пробила лишь дверное стекло.

Екатеринославскій гость Кордубанъ, разсказывавшій передъ тѣмъ объ «Екатеринославщинѣ», принялъ сторону обиженнаго гостя и вышелъ на веранду, убѣждая офицера Барабаша «помириться» съ обиженнымъ гостемъ.

Офицеръ Барабашъ выхватилъ револьверъ и со словами: и ты туда же? – двумя выстрѣлами въ упоръ уложилъ своего гостя.

Версія объ «украинской мовѣ» пришла ему въ голову нѣсколько позднѣе.

По окончаніи допроса свидѣтелей я высказалъ слѣдователю мнѣніе о необходимости безусловнаго содержанія убійцы подъ стражей.

При ближайшей встрѣчѣ ген. Валуевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, настаиваю ли я въ отношеніи офицера Барабаша на высшей мѣрѣ пресѣченія, и при этомъ пояснилъ:

– Видите ли, офицерство возмущено содержаніемъ подъ стражей Барабаша и ко мнѣ поступила, за многими подписями, петиція, аттестующая Барабаша, какъ

примѣрнаго офицера, защищавшаго въ этомъ столкновеніи съ оружіемъ въ рукахъ и честь офицерскаго мундира, и идеи Добр. арміи.

Я разсказалъ А. М. Валуеву подробности этой «защиты чести офицерскаго мундира и идей Добр. арміи», добавивъ при этомъ, что полковое начальство Барабаша присутствовало при этой «защитѣ», и ген. Валуевъ не удержался отъ весьма рѣзкаго восклицанія по адресу петиціонеровъ.

Производившій слѣдствіе В. Н. Яроцкій привелъ въ своемъ заключительномъ постановленіи подробный служебный формуляръ офицера Барабаша, главная служба котораго, въ сущности, протекала въ полковой лавочкѣ, гдѣ онъ не безъ пользы для себя спекулировалъ напитками и деликатессами.

Тѣмъ не менѣе, аттестація своей цѣли достигла и нормальное наказаніе Барабашу по ходатайству военнаго суда было замѣнено разжалованіемъ въ солдаты, а затѣмъ Барабашъ вновь былъ возстановленъ въ офицерскомъ званіи.

Я разсказалъ объ этомъ бытовомъ тавричанскомъ дѣлѣ для того, чтобы судить, каковы нравы могли быть въ тѣхъ отрядахъ «имени Ставропольскаго губернатора», которые слыли въ населеніи подъ названіемъ «тавричанскихъ».

* * *

Ставропольскій хлѣботорговецъ Г. повѣдалъ мнѣ въ моемъ прокурорскомъ кабинетѣ слѣдующую печальную повѣсть.

Въ разгаръ большевистскаго террора на территоріи Кавказскихъ минеральныхъ водъ, его дочь – дѣвушка Р. Г. – бѣжала съ нѣсколькими офицерами оттуда въ Ставрополь, уже занятый добровольческими частями.

Ѣхать приходилось на лошадяхъ черезъ красно-армейскіе кордоны и села, гдѣ митинговали красные, призывая населеніе на фронтъ противъ бѣлыхъ.

Спасая себя и своихъ спутниковъ, Г. въ критическіе моменты выступала на митингахъ, заявляя себя большевичкой, ѣдущей съ «товарищами» по особо важному порученію. Въ концѣ концовъ, она благополучно добралась вмѣстѣ съ офицерами до Ставрополя.

Тамъ, по рапорту своего спутника, офицера Б., она была арестована, предана полевому суду и казнена.

По словамъ ея отца, въ ночь передъ казнью, въ помѣщеніе, гдѣ она содержалась, явился одинъ изъ ея судей.

– Что, барышня, скоро подвѣсятъ... Страшно, небось? А хорошенькая! Глазки-то какіе! Небось, кто-нибудь цѣловалъ ихъ? Ну, поцѣлуй меня...

Черезъ нѣсколько часовъ Г. была повѣшена на опушкѣ лѣса...

* * *

Я знаю, какіе упреки по моему адресу можетъ вызвать эта часть моихъ воспоминаній.

Но, когда я взялся за перо, я далъ обѣщаніе своей совѣсти человѣка, много вѣрившаго, много пережившаго, не скрыть ничего изъ этихъ ужасовъ, задавившихъ своею тяжестью общерусское идейное дѣло.

Вѣдь «диктатура» этого быта была такъ неотвратимо жизненна, что даже ген. А. И. Деникину въ моменты, когда онъ слышалъ «заглушенный сухой трескъ одиночныхъ выстрѣловъ», творящихъ расправу, оставалось только молиться:

— «Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ*».

А между тѣмъ, эти «заглушенные» выстрѣлы наносили смертельныя раны не только тѣлу невинно-убіенныхъ, но и самому дѣлу Добровольческой Арміи.

XXVII.

Уходъ ген. Валуева. Запросъ Управленія Юстиціи. Мой переходъ въ магистратуру. Административная юстиція въ толкованіи 1-го департамента. По аналогіи съ губернскими учрежденіями. На усмотрѣніе. «Онъ въ погонахъ». Соблюденіе не обязательно. Совѣщаніе по вопросу о введеніи въ гражданскихъ судахъ 279 ст. воинскаго устава о нак.

Назначеніе послѣ ген. П. В. Глазенапа на губернаторскій постъ ген. А. М. Валуева, имѣвшаго большой административный стажъ, и гражданскаго вице-губернатора — было уже движеніемъ впередъ.

Какъ я указывалъ выше, ген. Валуевъ взялъ правильный курсъ въ пресѣченіи должностного своевольства и велъ посильную борьбу съ разнузданностью военныхъ нравовъ, поскольку эта борьба была тогда возможна.

Но чиновничество не любило ген. Валуева. Оно не могло простить ему такихъ, съ точки зрѣнія чиновника, чудачествъ, какъ пріемъ просителей съ 6 час. утра, доступность генерала, приглашеніе имъ въ день Св. Пасхи всѣхъ желающихъ посѣтить его, безъ различія вѣроисповѣданія и положенія и пр.

— Демагогія! — слышалось нерѣдко въ канцеляріяхъ и пріемныхъ, привыкшихъ къ иному обхожденію начальства.

Пробылъ ген. Валуевъ очень недолго на губернаторскомъ посту и, послѣ его попытки нормировать отношенія между рабочими и работодателями, телеграфнымъ распоряженіемъ ген. Лукомскаго ему было приказано срочно сдать должность и выѣхать изъ Ставрополя.

Не долго пробылъ и я на прокурорскомъ мѣстѣ.

Однажды, за подписью завѣдующаго отдѣломъ личнаго состава Управленія Юстиціи г. Ясинскаго, я получилъ довѣрительное письмо, въ которомъ мнѣ сообщалось о желаніи начальника управленія В. Н. Челищева имѣть отъ меня письменное подтвержденіе, что я не состою ни въ какой партійной организаціи.

Въ качествѣ мотивовъ этого пожеланія указывалось, что мое имя фигурировало въ партійномъ спискѣ кандидатовъ въ Учредительное Собраніе, о чемъ въ Управленіи Юстиціи имѣются свѣдѣнія.

Я отвѣтилъ непосредственно В. Н. Челищеву, приложивъ къ письму прошеніе объ отставкѣ.

Встрѣченный вскорѣ мною, на происходившемъ въ Ставрополѣ помѣстномъ церковномъ соборѣ, бар. А. В. Врангель, близкій къ министерскимъ сферамъ, передалъ мнѣ просьбу В. Н. Челищева не придавать такого значенія этому запросу и предупредилъ о желаніи министерскихъ сферъ уберечь меня отъ генеральскаго натиска за барьеромъ несмѣняемой магистратуры.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣдовало на мое имя телеграфное предложеніе занять освободившееся мѣсто товарища предсѣдателя окружного суда по административному отдѣленію и я, вопреки уговорамъ прокурора палаты, покинулъ постъ прокурора въ Ставрополѣ.

---

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки русской Смуты». Т. II, стр. 243.

Служба въ органахъ административной юстиціи, призванной во всеоружіи судебныхъ гарантій разрѣшать споры о правѣ между населеніемъ и властью, привлекала меня со времени введенія въ полномъ объемѣ административной юстиціи въ Россіи. Я придавалъ этой работѣ большое воспитывающее значеніе.

Къ тому же, я не утратилъ все еще тогда вѣры, что царящій хаосъ есть явленіе скоропреходящее и временное, что вложенная въ русло мирной эволюціи жизнь унесетъ безъ возврата всю хлестаковщину и накипь, всплывшія въ котлѣ гражданскаго междуусобія, и близко время мирнаго гражданскаго творчества, къ огражденію молодыхъ правъ котораго должны быть призваны стойкія культурныя силы.

Но скоро мои судейскіе навыки получили ударъ со стороны, откуда я меньше всего его ожидалъ.

Административнымъ отдѣленіемъ окружнаго суда были получены два указа сената по 1-му департаменту, изъ которыхъ явствовало, что вся природа преобразованія административной юстиціи, которое внесъ въ существо послѣдней законъ 30 мая 1917 года, введя административный судъ въ систему общей судебной власти, сдѣлавъ административное правосудіе неотъемлемой частью единаго общаго суда, — что вся эта «великая реформа» административной юстиціи правовымъ сознаніемъ г. г. сенаторовъ не пріемлется и они продолжаютъ трактовать административный судъ по аналогіи съ отжившимъ губернскимъ присутствіямъ.

Составъ отдѣленія суда былъ смущенъ такимъ толкованіемъ закона 30 мая, но прежде, чѣмъ ставить этотъ вопросъ оффиціально, я пошелъ переговорить съ предсѣдателемъ суда К. И. Телятниковымъ, высказавъ ему приведенныя выше соображенія о существѣ конструкціи административнаго суда.

К. И. Телятниковъ посовѣтовалъ мнѣ повременить, пока онъ снесется частнымъ образомъ чрезъ и. д. предсѣдателя палаты К. Н. Марка, не произошло ли простой описки въ указахъ сената.

И. д. старшаго предсѣдателя палаты К. Н. Маркъ въ письмѣ отъ 1 ноября 1919 г. увѣдомилъ, что въ сенатѣ «дѣло это вызвало смущеніе и на 5 ноября назначено совѣщаніе по поводу этого дѣла».

Но «смущеніе» г. г. сенаторовъ быстро прошло и въ письмѣ отъ 5-го ноября К. Н. Маркъ уже писалъ К. И. Телятникову:

«Мнѣ сообщили изъ 1 департамента, что различій между дѣлами, разсмотрѣнными судомъ по существу или въ апелляціонномъ порядкѣ, Сенатъ не дѣлаетъ въ смыслѣ постановленій резолюцій, и въ томъ, и въ другомъ, въ случаяхъ признанія неправильностей, выносятся резолюціи объ отмѣнѣ рѣшеній и возвращаются для новаго разсмотрѣнія; требованій объ измѣненіи состава (суда) не можетъ быть поставлено по административнымъ дѣламъ по **аналогіи съ губернскими учрежденіями**»...

Такимъ образомъ, «аналогія» съ почившими въ Бозѣ дореформенными учрежденіями не оставляла уже сомнѣній.

Послѣ этого я обратился уже съ представленіемъ въ управленіе юстиціи о направленіи этого вопроса въ порядкѣ 259^1 ст. учрежд. суд. устан.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ мнѣ припоминается слѣдующій разсказъ В. Н. Челищева изъ его оберъ-прокурорской практики, когда сенатъ размѣщался въ Ялтѣ.

Въ сенатъ поступило отъ Главнокомандующаго бар. Врангеля «по принадлежности» прошеніе, если не ошибаюсь, ген. Климовича, о возстановленіи его въ сенаторскихъ правахъ, утраченныхъ въ силу закона отъ 26 декабря 1916 года, т. е. закона императорской даты.

Сенатъ уклонился отъ разрѣшенія вопроса по существу и опредѣлилъ вопреки оберъ-прокурорскому заключенію предоставить разрѣшеніе этого вопроса усмотрѣнію (!) Главнокомандующаго.

Слѣдуетъ признаться, что давленіе военнаго усмотрѣнія чувствовалось ощутительно, и не всегда можно было предвидѣть апельсинную корку, о которую поскользнешься.

Помню, вызванный срочно въ Ростовъ, я получилъ разрѣшеніе коменданта, за отсутствіемъ другихъ служебныхъ мѣстъ, занять мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ.

У входа въ вагонъ офицеръ, провѣрявшій комендантскіе ярлычки, потребовалъ у меня «документъ о личности». Просмотрѣвъ мое служебное удостовѣреніе, онъ заявилъ:

— Васъ допустить въ вагонъ я не могу.

И обратился къ стоявшему за мной претенденту:

— А вы кто такой?

— Капельмейстеръ такого-то оркестра.

— Пожалуйте.

— Почему же мнѣ тогда нельзя? — спросилъ я.

— Онъ въ погонахъ, а вы?

И онъ недоумѣвающе-удивленно вздернулъ плечами.

Противъ такого аргумента возражать въ тѣ времена не приходилось.

Это вскидываніе плечъ, отягченныхъ погонами, поднималось значительно выше перрона желѣзнодорожнаго вокзала.

«Собственно, мы, штатскіе люди, — указываетъ близкій къ главному командованію К. Н. Соколовъ*, — никогда не пользовались полноправнымъ положеніемъ въ системѣ нашей правительственной іерархіи, и наше управленіе было, по преимуществу, управленіемъ черезъ генераловъ».

Это «управленіе черезъ генераловъ» властно вторгалось въ жизнь гражданскихъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и въ вѣдомство юстиціи — и въ тѣ времена, когда во главѣ юстиціи стоялъ ген. А. С. Макаренко и когда на смѣну послѣднему пришелъ испытанный судебный дѣятель В. Н. Челищевъ.

Ко мнѣ, когда я былъ прокуроромъ, поступило свыше предложеніе о возбужденіи, съ устраненіемъ отъ должности, преслѣдованія противъ предсѣдателя Александровскаго съѣзда мировыхъ судей Ф. Л. Есаулова.

Я принужденъ былъ отвѣтить, что затрудняюсь исполнить это предложеніе, въ силу существующаго порядка, требующаго санкціи соединеннаго присутствія сената, предварительно уголовной репрессіи въ отношеніи судей, по классу же должности преслѣдованіе должно получить иниціативу отъ прокурора палаты.

Въ отвѣтъ я получилъ разъясненіе, что соблюденіе этого порядка необязательно, въ виду состоявшейся уже резолюціи ген. А. М. Драгомирова о преданіи суду и устраненіи Ф. Л. Есаулова**.

Въ эти дни «управленія черезъ генераловъ» стало возможнымъ внесеніе по предложенію свыше на обсужденіе общихъ собраній окружныхъ судовъ такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ вопросъ о цѣлесообразности или нецѣлесообразности существованія суда присяжныхъ засѣдателей.

---

* К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», стр. 79.

** Въ связи съ этимъ, въ памяти моей встаетъ эпизодъ изъ давно прошедшихъ временъ, когда даже вел. кн. Михаилъ Николаевичъ, будучи Кавказскимъ намѣстникомъ, не посягнулъ устранить члена судебной магистратуры послѣ того, какъ ему было разъяснено требованіе закона на этотъ случай.

Прокуроръ палаты Н. С. Ермоленко разсказывалъ мнѣ о совѣщанiи подъ предсѣдательствомъ, кажется, сенатора Романова, въ которомъ онъ участвовалъ по должности прокурора.

Совѣщанiю этому, состоявшему изъ судебныхъ дѣятелей, предложено было ни больше, ни меньше, какъ обсудить вопросъ о возможности примѣненiя въ гражданскихъ судахъ смертной ст. 279 воинскаго устава о наказанiяхъ.

Единодушный отрицательный отвѣтъ собравшихся вызвалъ, какъ передавалъ Н. С. Ермоленко, нервное восклицанiе предсѣдательствующаго:

– Такимъ отношенiемъ къ предложенiю военныхъ сферъ вы ставите, господа, подъ угрозу и самое существованiе гражданской юстицiи.

Но въ судебномъ вѣдомствѣ, къ счастью, это давленiе атмосферы военныхъ обстоятельствъ все еще встрѣчало сопротивленiе судейской независимости и преданности судебнымъ уставамъ 1864 года, что нерѣдко давало поводъ въ военномъ пониманiи судейскую независимость подводить подъ понятiе мятежной самостiйности.

XXVIII.

Переломъ на фронтѣ. Ноябрьскiя событiя въ Екатеринодарѣ. Ген. В. Л. Покровскiй. «Моральные предразсудки». Разгромъ Рады.

Въ октябрѣ 1919 года начался переломъ военнаго счастья на фронтѣ, принявшiй скоро грозныя формы стремительнаго отхода армiи. Почти одновременно разыгрались въ Екатеринодарѣ событiя, завершившiяся казнью Калабухова и разгромомъ Кубанской Краевой Рады.

Событiя эти, завершавшiя долгую, обостренную тяжбу Главнаго командованiя съ Кубанскимъ казачествомъ въ трагическiе дни развала фронта, до сихъ поръ не получили полнаго освѣщенiя и, больше того, лицами, которыя могли бы пролить свѣтъ на эти событiя, какъ бы намѣренно приспускается надъ ними занавѣсъ.

Помощникъ Главнокомандующаго ген. А. С. Лукомскiй, доведя свои воспоминанiя до перемѣщенiя ген. П. Н. Врангеля на постъ командующаго Добровольской Армiей, дѣлаетъ сносокъ: «При описанiи этого перiода я совсѣмъ не касаюсь событiй, происшедшихъ на Кубани въ началѣ ноября. Не касаюсь не потому, что это я признавалъ бы преждевременнымъ, а просто потому, что въ моемъ распоряженiи нѣтъ никакихъ документовъ. Подробностей же я не знаю, такъ какъ указанiя были даны генералу Врангелю непосредственно генераломъ Деникинымъ»*.

Бытописатель «Правленiя ген. Деникина», проф. К. Н. Соколовъ, идетъ еще дальше. Озаглавивъ главу десятую своихъ воспоминанiй «Кубанское дѣйство», онъ ставитъ подъ этимъ заглавiемъ рядъ точекъ, а набранный петитомъ сносокъ заканчиваетъ словами:

«Подробности «Кубанскаго дѣйства», вокругъ котораго накопилось много легендъ, едва ли сейчасъ могутъ быть оглашены»**.

Между тѣмъ, «легенды эти», надо это признать, ускорили развязку и безъ того быстро развивавшейся трагедiи на югѣ***.

---

* «Архивъ Русской Революцiи», т. V, стр. 134.

** К. Н. Соколовъ. «Правленiе ген. Деникина», стр. 199.

*** По словамъ Г. Раковскаго («Въ станѣ бѣлыхъ», стр. 32) Командующiй Донской армiей ген. В. И. Сидоринъ еще въ моментъ Харьковскаго совѣщанiя, 2 ноября 1919 года, выразилъ ген. А. И. Деникину опасенiе, что неосторожныя дѣйствiя Врангеля и Покровскаго на Кубани могутъ роковымъ образомъ отразиться на фронтѣ. Ген. И. П. Романовскiй тогда успокоилъ ген. Сидорина заявленiемъ, что ничего серьезнаго нѣтъ и никакихъ осложненiй на Кубани не произойдетъ.

25 октября 1919 года ген. Деникинъ телеграфировалъ ген. Врангелю:

«Въ іюлѣ текущаго года между Правительствомъ Кубани и меджилисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача Кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе меджилиса, чѣмъ обрекается на гибель терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Калабуховымъ и Намитоковымъ съ одной стороны — и Чермоевымъ, Гандаровымъ, Хадзараговымъ, Бамматовымъ съ другой стороны. Приказываю: при появленіи этихъ лицъ на территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи немедленно предать ихъ военно-полевому суду за измѣну».

Кубанскій край былъ включенъ въ тыловой районъ Кавказской арміи и произвести «Кубанское дѣйство» было поручено ген. В. Л. Покровскому.

Кубанскій атаманъ ген. Филимоновъ и Краевое Правительство, въ лицѣ его предсѣдателя Курганскаго, телеграфировали по этому поводу ген. Врангелю:

«Кубанскій войсковой атаманъ и Кубанское Краевое Правительство категорически заявляютъ, что Краевое Правительство никакихъ договоровъ съ меджилисомъ горскихъ народовъ не заключало и никого на заключеніе такихъ договоровъ не уполномачивало.

Лица, перечисленныя въ телеграммѣ Главнокомандующаго — Бычъ, Намитоковъ, Савицкій и Калабуховъ были делегированы Кубанской краевой радой, а первые два и кубанскимъ правительствомъ.

Правительство послало своихъ делегатовъ, какъ представителей, въ составъ Россійской делегаціи въ Парижѣ въ помощь Сазонову, а также для защиты интересовъ Кубани предъ мирной конференціей и для информаціи.

Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого Правительства договоръ съ меджилисомъ горскихъ народовъ, о чемъ Краевому Правительству по сіе время оффиціально неизвѣстно, то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого Правительства и существо договора сужденію Кубанской Краевой Рады, на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится.

Во всякомъ случаѣ упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и какъ таковые пользуются неприкосновенностью, почему, въ случаѣ совершенія ими незакономѣрныхъ дѣйствій, могутъ подлежать суду только Кубанской краевой власти, ихъ делегировавшей.

Приказъ о преданіи названныхъ лицъ военно-полевому суду является нарушеніемъ правъ Кубанской краевой власти, глубоко оскорбляетъ правосознаніе Кубанскаго народа и не можетъ не отразиться на настроеніи народа и фронта.

Сыны Кубани не запятнали себя измѣной, а принесли и несутъ найбольшія жертвы своею кровью и достояніемъ для возсозданія Россіи.

Кубань въ правѣ требовать срочной отмѣны телеграммы Вашего Превосходительства, въ виду несправедливости обвиненія Краевой власти въ измѣнѣ и въ виду несомнѣннаго исключительнаго права только Краевой власти судить своихъ дипломатическихъ представителей».

31 октября послѣдовала новая телеграмма Главнокомандующаго на имя генерала Врангеля:

«Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое № 16729 и принять по Вашему усмотрѣнію всѣ мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ вашъ армейскій районъ».

Генералъ В. Л. Покровскій прибылъ въ Екатеринодаръ.

Генералъ Деникинъ теперь, промѣнявъ мечъ на перо, даетъ такую характеристику этому молодому офицеру-летчику, впослѣдствіи произведенному въ генеральскій чинъ.

— «Покровскій былъ молодъ, малаго чина и военнаго стажа, и никому не извѣстенъ. Но проявлялъ кипучую энергію, былъ смѣлъ, жестокъ, властолюбивъ и не очень считался съ «моральными предразсудками». Одна изъ тѣхъ характерныхъ фигуръ, которыя въ мирное время засасываются тиной уѣзднаго захолустья, а въ смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни...»*

Вотъ такому-то смѣлому, жестокому, властолюбивому и не очень считавшемуся съ «моральными предразсудками» генералу и было дано деликатное порученіе привести въ порядокъ Кубань, территорія которой, предвидѣлось, можетъ стать ареной послѣдней схватки съ красной арміей, «психологической» позиціей этой борьбы.

Генералъ Покровскій предъявилъ Кубанскому атаману списокъ 30—40 кубанцевъ, съ Калабуховымъ во главѣ, подлежащихъ немедленному задержанію по настоянію ген. Деникина.

— Пригласите ихъ къ себѣ на совѣщаніе — предложилъ ген. Покровскій атаману, гарантируя съ своей стороны неприкосновенность лицамъ, явившимся во дворецъ атамана на совѣщаніе.

По разсказу атамана, въ 7 часу вечера онъ услышалъ топотъ ногъ по лѣстницѣ и, выйдя изъ кабинета, увидѣлъ поднимающуюся группу вооруженныхъ офицеровъ, съ ген. Покровскимъ во главѣ.

— Что это означаетъ? — спросилъ атаманъ ген. Покровскаго.

— Я рѣшилъ арестовать при выходѣ всѣхъ этихъ господъ и мною уже данъ соотвѣтствующій приказъ гвардейскому дивизіону окружить этотъ домъ.

— Но вѣдь вы дали мнѣ слово не дѣлать этого?

— Я далъ слово, а теперь беру его обратно**.

Вторично ген. Покровскій далъ «слово» не вѣшать Калабухова до переговоровъ делегаціи, избранной Радой, съ ген. Деникинымъ. Однако, когда избранная Радой делегація обратился со своимъ ходатайствомъ къ ген. Деникину, тотъ отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, уже поздно: приговоръ приведенъ въ исполненіе***.

По разсказу близкаго къ ген. П. Врангелю г. В. фонъ Дрейера, Главное Командованіе, не вѣря въ надежность строевыхъ казаковъ, которымъ была поручена ликвидація «спора» съ кубанцами, сформировало въ Екатеринодарѣ офицерскій отрядъ до 200 человѣкъ, поручивъ его вѣдѣнію полк. Кубанскаго войска Карташева, извѣстнаго своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ самостійникамъ****.

Въ ночь на 5 ноября полк. Карташевъ уже занялъ офицерскими заставами вокзалъ, главныя площади и окружилъ караулами съ пулеметами зданіе Краевой Рады*****.

Начальникъ отдѣла пропаганды въ Кубанской обл., полк. У., разсказалъ мнѣ, что къ нему, въ Екатеринодарѣ, ночью явилась группа офицеровъ и, предъявивъ за подписью ген. Лукомскаго распоряженіе о полномъ содѣйствіи «подателямъ сего», потребовала у полк. У. содѣйствія для задержанія нѣсколькихъ десятковъ кубанцевъ членовъ Рады, списокъ которыхъ у офицеровъ имѣлся въ рукахъ.

* Ген. Деникинъ: «Очерки русской смуты», т. II, стр. 268.

** Ген. Филимоновъ: «Разгромъ Кубанской Рады». Арх. русской революціи, т. V, стр. 326.

*** Тамъ же.

**** Полк. Карташеву Кубанцы приписывали организацію вооруженнаго нападенія на квартиру одного изъ лидеровъ самостійниковъ П. Л. Макаренко, въ ночь на 8 іюня 1919 г.

***** Фонъ Дрейеръ: «Крестный путь во имя Родины», стр. 74.

Полк. У. отвѣтилъ, что безъ подтвержденія достовѣрности подписи и характера порученія, онъ затрудняется выполнить это требованіе, но затѣмъ, получивъ къ своему удивленію подтвержденіе подписи и даннаго за этой подписью порученія, отбылъ въ ставку лично доложить о томъ, что предполагается учинить въ Екатеринодарѣ.

Не берусь судить, кто правъ: полковникъ ли У., разсказывавшій мнѣ это, или ген. Лукомскій, не касающійся въ своихъ воспоминаніяхъ этихъ событій, ибо въ его распоряженіи «нѣтъ никакихъ документовъ, подробностей же онъ не знаетъ, такъ какъ указанія были даны ген. Врангелю непосредственно ген. Деникинымъ»*.

Но предоставимъ разсказъ о томъ, что произошло, самому ген. Покровскому.

Вотъ что онъ доносилъ ген. Врангелю 6 ноября 1919 года.

«Ультиматумъ былъ мною предъявленъ вчера, срокъ истекалъ къ 12 час. дня. Сущность ультиматума вамъ извѣстна. Отъ $9^1/_2$ до 12 велась торговля. На совѣщаніи у атамана присутствовали: Сушковъ, Скобцовъ, Горбунинъ, оба Успенскіе и еще какой-то членъ, не помню. Всѣ уговаривали меня, во избѣжаніе кровопролитія, отказаться отъ своихъ требованій и убѣждали дать согласіе на посылку делегаціи Главкому.

Въ виду полной непріемлемости и явно намѣренной оттяжки я къ 12 ч. отказался продолжать переговоры и направился къ войскамъ.

Въ этотъ моментъ совѣщаніе признало необходимымъ выдать мнѣ Калабухова, котораго я арестовалъ и отправилъ къ себѣ на квартиру.

Тутъ же совѣщаніе по вопросу о выполненіи моего второго требованія, — выдачи лидеровъ самостійниковъ, — постановило ѣхать въ Раду и требовать отъ нихъ сдачи.

Прибывъ къ войскамъ, я былъ встрѣченъ ими криками: ура. Мной былъ посланъ въ Раду офицеръ, передавшій президіуму мое требованіе немедленно выдать мнѣ лидеровъ и собрать таманскій дивизіонъ охраны Рады для сдачи оружія.

Въ виду затяжки отвѣта и истеченія срока, мною была введена въ Раду сотня для занятія карауловъ и разоруженія таманцевъ. Противъ Рады была выстроена также сотня.

Въ періодъ процесса безболѣзненнаго разоруженія, ко мнѣ стали являться самостійники, которые тутъ же арестовывались и отправлялись во дворецъ.

Рада реагировала на всѣ требованія сочувственно.

Въ данный моментъ у меня въ квартирѣ сидятъ: Петръ Макаренко, Омельченко, Воропиновъ, Манжула, Роговецъ, Феськовъ, Подтопельный, Жукъ, Балабасъ и братъ Рябовола**. Иванъ Макаренко и Безкровный скрылись и разыскиваются. Дальнѣйшіе аресты производятся. Таманцы обезоружены и взяты подъ стражу.

Рада выбрала делегацію для посылки Главкому съ изъявленіемъ покорности и декларативнымъ заявленіемъ объ оріентаціи за Единую Россію. Делегація сидитъ у меня.

Обратный мой пріѣздъ во дворецъ сопровождался криками «ура» всего населенія. Повидимому, — сочувствіе полное.

Убѣдившись въ безболѣзненномъ окончаніи операціи, атаманъ рѣшилъ, что онъ можетъ оставаться у власти. Сочувствія этому со стороны политическихъ дѣятелей нѣтъ, — въ данное время общая ситуація не въ его пользу.

---

* Изъ воспоминаній ген. А. С. Лукомскаго. Арх. Русск. Рев., т. VI, стр. 134.

** Предсѣдателя Кубанской Рады, убитаго 13 іюня 1919 г. при загадочныхъ обстоятельствахъ въ Ростовѣ.

Послѣ окончанія разговора съ вами я соединяюсь со Ставкой, дабы мой последующій, совмѣстный съ Филимоновымъ*, разговоръ со Ставкой, который я вынужденъ былъ ему обѣщать, не далъ бы смягчающихъ рѣшеній въ Ставкѣ».

7 ноября членъ Рады, Калабуховъ, былъ казненъ на Крѣпостной площади, остальные же арестованные члены Рады были высланы изъ предѣловъ территоріи вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

XXIX.

Переговоры о созданіи Южно-Русской власти. Открытіе засѣданій Верховнаго Круга. Совѣщаніе на ст. Тихорѣцкой. Соглашеніе съ Главнымъ Командованіемъ. Полоса бодрости и успѣховъ. Катастрофа съ конницей ген. Павлова и корпусомъ ген. Крыжановскаго. «Ставропольское направленіе».

Все болѣе ухудшавшееся положеніе на фронтѣ должно было, казалось бы, ускорить завершеніе переговоровъ о созданіи объединенной Южно-Русской власти.

Но переговоры между уполномоченными Главнаго Командованія и представителями Южно-Русской Конференціи казачьихъ областей, начавшіеся еще 5 сентября, тянулись и въ ноябрѣ, и въ декабрѣ и власть къ объединенію не приблизили.

Между тѣмъ Новочеркасскъ палъ въ первые дни Рождества, 26 декабря Ростовъ былъ оставленъ частями Добровольческаго корпуса, и лавина красныхъ подкатывалась все ближе и ближе.

5 января 1920 года въ Екатеринодарѣ открылись засѣданія Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека.

Въ «положеніи», принятомъ 12 января, Верховный Кругъ такъ опредѣлилъ свои задачи:

– «Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терскаго Большого Войскового Круга, въ тяжелый историческій моментъ, когда купленной потоками крови свободѣ и самому существованію всего населенія грозитъ гибель, собрались въ Екатеринодарѣ для организаціи рѣшительной борьбы противъ большевиковъ и очищенія отъ нихъ нашихъ территорій, защиты отъ разгрома нашихъ очаговъ, установленія внутренняго спокойствія и обезпеченія свободы и права, беремъ въ свои руки Верховную Власть по дѣламъ, общимъ для Дона, Кубани и Терека, и устанавливаемъ слѣдующее положеніе о Верховномъ Кругѣ:

1. Верховный Кругъ является полномочнымъ представительствомъ государственныхъ образованій Дона, Кубани и Терека и ставитъ себѣ задачей: а) установленіе Союзнаго Государства, составленнаго изъ указанныхъ выше территорій, съ возможностью расширенія предѣловъ Союзнаго Государства включеніемъ новыхъ областей, на основахъ союзной конституціи и по свободному волеизъявленію населенія тѣхъ областей и б) Созданіе Союзной власти.

2. Союзная конституція и союзная власть устанавливаются на время до созданія общегосударственной власти Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ»**.

Вечеромъ, 11 января была получена изъ ставки Главнокомандующаго телеграмма съ приглашеніемъ председателю Круга и его товарищамъ прибыть 12 января на ст. Тихорѣцкую для участія въ большомъ совѣщаніи, созванномъ по инициативѣ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина.

* Кубанскимъ атаманомъ.

** Протоколы засѣданій Верх. Круга отъ 10 и 12 января 1920 года.

На совѣщаніи этомъ* была сдѣлана послѣдняя попытка договориться, передъ лицомъ общей для всѣхъ угрозы, о созданіи объединенной власти на Югѣ Россіи. Послѣ солидарнаго выступленія военныхъ начальниковъ въ пользу объединенія вокругъ Главнаго Командованія, къ которымъ присоединились и Донской атаманъ А. Н. Богаевскій, и предсѣдатель Донского Круга В. А. Харламовъ, и предсѣдатель Донского Правительства Н. М. Мельниковъ, попытка эта имѣла свои результаты.

16 января, въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, войсковыхъ атамановъ и предсѣдателей правительствъ, генералъ А. И. Деникинъ, выслушавъ привѣтствіе Верховнаго Круга, охарактеризовалъ стратегическое и политическое положеніе и изложилъ Кругу desiderata, на основаніи которыхъ онъ мыслитъ возсозданіе Россіи.

22 января Верховнымъ Кругомъ было поручено президіуму увѣдомить Главнокомандующаго о состоявшемся соглашеніи, а 23 января былъ принятъ текстъ воззванія**, въ которомъ между прочимъ говорилось:

«Мы, Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ошибки и преступленія, послужившія причиной недавней катастрофы на фронтѣ, не повторились, признали необходимымъ для блага народа и успѣха борьбы съ большевизмомъ установить и установили въ полномъ согласіи съ Главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россіи общую власть для всего Юга Россіи и единство командованія для всѣхъ армій, чтобы совмѣстными усиліями казачества, добровольцевъ и горцевъ сломить противника и развить наши успѣхи»...***

Выступленіе на другой день предъ Верховнымъ Кругомъ Командующаго Донской Арміей ген. В. И. Сидорина, выразившаго твердую увѣренность въ близкой побѣдѣ надъ большевиками въ случаѣ своевременнаго подхода Кубанской арміи, еще болѣе повысило настроеніе Верховнаго Круга, устроившаго ген. Сидорину бурную овацію и обѣщавшаго принять всѣ мѣры въ дѣлѣ оказанія поддержки фронту****.

Эти январскіе успѣхи на внутреннемъ и внѣшнемъ фронтѣ породили и въ широкихъ кругахъ населенія бодрую увѣренность, что не все еще потеряно, что побѣда возможна и близка при добромъ желаніи не повторять прежнихъ ошибокъ и при честномъ союзѣ военныхъ силъ съ гражданскимъ населеніемъ.

Но дни этой бодрости были быстротечны.

Послѣ неудачныхъ боевъ на Дону конницы Буденнаго и Думенко красное командованіе выработало новый планъ наступленія въ Ставропольскомъ направленіи и уже 29 января армія Буденнаго двинулась въ направленіи на Тихорѣцкую.

Конной группѣ ген. Павлова поручено было ликвидировать это движеніе ударомъ на Торговую и здѣсь на поляхъ, бывшихъ въ прошломъ году ареной побѣдоносныхъ боевъ ген. Врангеля, разразился въ началѣ февраля тяжелый ударъ надъ донскою конницей.

Въ рѣдкій на югѣ 24 градусный морозъ, при сильномъ вѣтрѣ, десятитысячная группа ген. Павлова въ теченіе 4 дней обмерзала въ безлюдныхъ степяхъ Маныча, потерявъ въ этой борьбѣ со стихіей больше половины своего наличнаго состава.

---

* Въ совѣщаніи участвовали: Главнокомандующій ген. А. И. Деникинъ, начальникъ его штаба ген. И. П. Романовскій, Командующіе Донской и Кавказской арміями и Добровольческимъ корпусомъ, президіумъ Верховнаго и Войсковыхъ круговъ, атаманы и предсѣдатели правительствъ Дона, Кубани и Терека.

** Протоколы засѣданій Верховнаго Круга отъ 22 и 23 января.

*** Здѣсь, повидимому, имѣются въ виду крупные успѣхи донцевъ и добровольцевъ въ бояхъ съ Думенко и Буденнымъ 15 и 16 января 1920 года.

**** Протоколъ засѣданія Верх. Круга отъ 24 января.

Почти одновремено, красными въ районѣ Бѣлой Глины и Песчанокопской были разгромлены только что сформированныя части кубанскаго корпуса ген. Крыжановскаго.

«Ставропольское направленіе» стало опять играть значительную роль.

XXX.

Агонія Ставрополя. Послѣдніе губернаторы и вице-губернаторы. Военная муштра служащихъ. Либо эвакуація – либо полевой судъ. Разстрѣлъ тюрьмы. Паника въ городѣ. Полоса успокоенія. Вызовъ въ Екатеринодаръ.

Съ января 1920 года Ставрополь медленно агонизировалъ.

Губернаторствовалъ въ Ставрополѣ въ это время ген. Мустафинъ, но судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, бремя управленія дѣлилъ съ ген. Мустафинымъ и находившійся въ Ставрополѣ же Астраханскій губернаторъ Б. Э. Крыштафовичъ.

Вице-губернаторовъ тоже было нѣсколько, такъ что, помню, если получалось приглашеніе явиться къ губернатору, то обычно спрашивали.

– Къ какому: Ставропольскому или Астраханскому?

Если же вызовъ шелъ отъ вице-губернаторъ, то спрашивали:

– Брянчанинову, Шеншину или Попову?

Городъ былъ заполненъ бѣжавшими изъ уѣзда чинами государственной стражи, растерявшими свое начальство и искавшими руководства и указаній всюду, до земской управы, включительно, т. е. тамъ, гдѣ они его получить не могли.

Въ сферѣ политическаго розыска пріобрѣла вліяніе колоритная фигура полк. Будаговскаго, пытавшагося еще ранѣе ввести въ обиходъ ужъ слишкомъ упрощенные пріемы ущемленія.

Мнѣ, напримѣръ, извѣстенъ такой случай раскрытія въ Ставрополѣ «заговора».

Въ почтовой конторѣ было задержано письмо, адресованное, не помню сейчасъ кому, гласнымъ городской думы, адвокатомъ Е. А. Дементѣевымъ.

Въ письмѣ этомъ, подписанномъ не только именемъ и фамиліей, но и отчествомъ Дементѣева, разрабатывался подробный планъ возстанія въ Ставрополѣ, причемъ въ качествѣ руководителей возстанія указывались предсѣдатель правленія Союзъ-Банка Л. Г. Малій, Предсѣдатель Правленія кооператива И. П. Соколовъ и, не помню сейчасъ, кто еще.

Всѣ эти лица были арестованы, и началось сенсаціонное дѣло о мѣстномъ заговорѣ.

Къ счастью, въ производствѣ по дѣлу оказалось и подлинное письмо г. Дементѣева, послужившее нитью къ раскрытію заговора, но нить эта оказалась производства совсѣмъ не г. Дементѣева, что явно обнаружилось изъ сличенія почерковъ и наивнаго писарского текста письма.

Дѣло о «заговорѣ» было ликвидировано, а о пріемахъ розыска было доведено до свѣдѣнія Управленія Внутреннихъ Дѣлъ.

На площадяхъ города шла нудная, опереточная муштра служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, наталкивавшая населеніе на мысль, что, вѣроятно, дѣла на фронтѣ ужъ очень не хороши, если пожилому члену суда или бухгалтеру казенной палаты приходится по утрамъ обучаться ружейнымъ пріемамъ.

Въ концѣ января 1920 года и. о. Ставропольскаго вице-губернатора А. А. Поповымъ было издано отъ имени военнаго губернатора слѣдующее оригинальное распоряженіе:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Симъ объявляется, что, согласно распоряженію Ставропольскаго Военнаго Губернатора, всѣ служащіе Ставропольскаго Губернскаго Управленія, какъ состоящіе на государственной службѣ, такъ и по вольному найму, обязаны при эвакуаціи Губернскаго Управленія выѣхать изъ гор. Ставрополя, вмѣстѣ съ нимъ, въ противномъ случаѣ всѣ служащіе, оставшіеся въ гор. Ставрополѣ, безъ особаго на то распоряженія или разрѣшенія Военнаго Губернатора, будутъ имъ преданы военно-полевому суду. Лица, почему либо не могущія выѣхать вмѣстѣ съ Губернскимъ Управленіемъ, обязаны сего числа до 3 часовъ дня по мѣстному времени подать докладную записку Исп. об. Вице-Губернатора А. А. Попову объ увольненіи ихъ отъ службы съ возвращеніемъ полученнаго впередъ содержанія за три мѣсяца, при чемъ отъ А. А. Попова будетъ зависѣть удовлетворить или нѣтъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, въ зависимости отъ того, необходимо ли данное лицо для Губернскаго Управленія или же нѣтъ.

Подписалъ: Исп. об. Ставропольскаго
Вице-Губернатора ПОПОВЪ.

28 января 1920 года.

Въ такомъ же порядкѣ въ концѣ января, подъ окрики губернатора Мустафина и «добавочнаго» вице-губернатора Шеншина, эвакуировались и другія учрежденія, чины которыхъ, выброшенные безъ всякаго толку изъ Ставрополя, вмѣстѣ со своими семьями, сначала болѣли, голодали и мерзли въ нетопленныхъ вагонахъ*, а потомъ, переброшенные въ Новороссійскъ, принуждены были эвакуироваться дальше, — за предѣлы Россіи.

Казалось бы, дальше подобныхъ распоряженій г. г. Мустафиныхъ и Шеншиныхъ идти некуда. Но въ городѣ стали носиться слухи о готовящихся по завершеніи эвакуаціи разстрѣлѣ тюрьмы и о разрушеніи городской электрической станціи и водопровода.

Воспользовавшись пріѣздомъ въ Ставрополь Командующаго Кубанской арміей ген. А. Г. Шкуро, городской голова довелъ до его свѣдѣнія объ этихъ волнующихъ населеніе слухахъ и получилъ отъ ген. Шкуро завѣреніе, что подобныя дѣйствія имъ, Командующимъ арміей, допущены не будутъ.

Но стоило только Командующему арміей отбыть изъ Ставрополя, какъ вице-губернаторъ Шеншинъ, вызвавъ въ губернаторскій домъ начальника окарауливающей тюрьму воинской части, передалъ «словесное распоряженіе» Командующаго арміей ликвидировать ночью по списку содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ.

Подъ утро населеніе было встревожено ружейными залпами, а затѣмъ быстро по городу разнеслась вѣсть о лежащихъ въ полѣ у Холоднаго Родника 60 или 80 еще теплыхъ трупахъ.

Жители окраинъ бросились разыскивать родственниковъ среди безсудно казненныхъ. Нѣкоторые раненые сами приползли въ городъ и разсказали подробности этой кошмарной бойни.

Населеніе окраинъ, да и не только окраинъ, открыто посылало свои проклятія губернатору Мустафину и его сподвижникамъ, поставившимъ мирное населеніе подъ угрозу возможной расправы за эту бойню при вступленіи въ городъ красныхъ, появленіе которыхъ въ городѣ мѣрами ставропольскихъ администраторовъ было ускорено.

---

* 30 января 1920 года я получилъ отъ предсѣдателя Ставропольскаго суда К. И. Телятникова такую телеграмму: «Сидимъ на ст. Армавиръ, нѣтъ дровъ, мерзнемъ. Переговорите съ губернаторомъ. Въ случаѣ возможности буду просить Предсѣдателя Правительства о возвращеніи суда въ Ставрополь».

Напряженное ожиданіе надвигающейся катастрофы было столь велико, что въ небывалый снѣжный буранъ, подъ вечеръ 6 февраля, началось, точно по сигналу, паническое бѣгство изъ Ставрополя.

Метель и паника достигли такихъ размѣровъ, что воинскіе, полицейскіе и бѣженскіе обозы заблудились уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, чтобы согрѣться — стали жечь имущество и подводы, изъ прилегающаго же лѣса хлопали выстрѣлы заблудившихся одиночекъ, усиливая еще больше панику.

Когда развѣло, городскія опытныя поля и Грушевскій спускъ, гдѣ сбились съ дороги отступавшіе, представляли батальный пейзажъ, усѣянный разбитыми патронными ящиками, полуобгорѣлымъ имуществомъ и, увы, трупами уже окоченѣвшихъ людей.

Черезъ день въ станицѣ Сенгилеевской, куда собрались послѣ ночной паники воинскія части и бѣженцы, было получено извѣстіе, что тревога была преждевременной и въ Ставрополѣ сравнительно спокойно.

Воинскія части и полицейская стража начали возвращаться въ городъ.

Чуть ли не въ этотъ же день было получено сообщеніе о занятіи добровольческими частями Ростова, и наступило временное успокоеніе.

Въ качествѣ оставшагося въ Ставрополѣ старшаго чина окружного суда, я получилъ отъ военнаго губернатора «въ порядкѣ военнаго управленія» предложеніе приступить, вмѣстѣ съ оставшимися въ Ставрополѣ чинами судебнаго вѣдомства, къ исполненію необходимыхъ судебныхъ дѣйствій, вызываемыхъ требованіями жизни.

Не взирая на то, что распоряженіемъ того же военнаго губернатора судъ былъ эвакуированъ, — «мы приступили».

Но руководить этими дѣйствіями мнѣ пришлось недолго, ибо вскорѣ я получилъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Н. М. Мельникова срочный вызовъ въ Екатеринодаръ для переговоровъ о моемъ вступленіи въ составъ Южно-Русскаго правительства.

XXXI.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ. На станціи Кавказской. Въ поѣздѣ ген. А. Г. Шкуро. Составъ Южно-Русскаго правительства. Бесѣда съ Н. М. Мельниковымъ и Н. В. Чайковскимъ. Приказъ объ утвержденіи въ званіи министра юстиціи.

Получивъ справку изъ штаба губернатора о сравнительно прочномъ положеніи Ставрополя, я выѣхалъ 15 февраля съ санитарной летучкой въ Армавиръ, чтобы оттуда пробираться къ Екатеринодару.

Изъ Армавира пришлось выѣхать только на другой день на развѣдочномъ паровозѣ, ибо на Кавказской происходило что-то непонятное и поѣзда въ томъ направленіи не шли.

Поздно вечеромъ паровозъ безъ огней подошелъ къ Кавказской. Тамъ царила мертвая тишина.

Въ залахъ станціоннаго зданія, на полу и сдвинутыхъ столахъ спали вповалку солдаты. У вокзала стоялъ наготовѣ сборный служебный поѣздъ, въ который перемѣстились и чины, обслуживающіе станцію. Желѣзнодорожные пути, обычно забитые составами, были пусты.

Мнѣ объяснили, что незадолго до моего пріѣзда былъ отбитъ налетъ на станцію красныхъ и ожидается новый налетъ. На мой вопросъ, какъ мнѣ пробраться въ Екатеринодаръ, дежурный по станціи лишь развелъ безпомощно руками.

На мое счастіе къ станціи подошелъ не ожидавшійся съ юга наливной поѣздъ. Я воспользовался этимъ подаркомъ судьбы и на утро 17 февраля выѣхалъ въ этомъ «экспрессѣ» до ст. Усть-Лабы, дальше которой поѣздъ не шелъ.

Въ Усть-Лабѣ, забитой формируемыми Кубанскими частями, находился штабъ Кубанскаго командарма. Тамъ мнѣ сказали, что съ минуты на минуту ожидается проѣздъ черезъ станцію ген. Шкуро.

Дѣйствительно, передъ вечеромъ къ станціи приблизился «train de luxe» ген. Шкуро съ собственной электрической станціей и оскаленными волчьими пастями на вагонѣ, гдѣ помѣщался Командующій.

Я былъ приглашенъ въ столовую ген. Шкуро, залитую, точно зала кинематографа, безчисленными лампіонами. По угламъ стояли прекрасныя чучела волковъ.

Во время обѣда я разсказалъ Командующему о Ставропольской бойнѣ арестованныхъ, произведенной будто бы по его распоряженію.

— Врутъ, — возмутился Шкуро. — Когда я тамъ былъ, мнѣ доложили, что тюрьма разбита на три категоріи: первую я приказалъ немедленно освободить, вторую въ послѣдній моментъ, а третью...

Генералъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— То-есть, вывезти, — затѣмъ пояснилъ онъ. Это ужъ дѣло рукъ Мустафина и Шеншина.

— Да, кстати, — добавилъ Шкуро, вѣдь Ставрополь-то мы вчера сдали.

— Какъ сдали?

— Да, такъ — не выдержали вояки. Но не унывайте, скоро мы его опять отобьемъ.

Такимъ образомъ, я вторично оказался отрѣзаннымъ отъ родного угла и семьи, и на этотъ разъ уже на многіе годы.

Въ концѣ обѣда къ Командующему подошелъ штабъ-офицеръ съ раздаточной вѣдомостью.

— Благоволите, Ваше Превосходительство, расписаться въ полученіи содержанія.

— Сколько? — спросилъ ген. Шкуро.

Офицеръ назвалъ сумму.

— Столько-то? Не желаю. Дай карандашъ, такъ и напишу: не же-ла-ю! Что они смѣются, что-ли?

— Ваше Превосходительство, — вмѣшался пожилой генералъ, начальникъ штаба арміи, — конечно, сумма для Васъ мизерна, но отчего бы Вамъ не роздать ее ну, хотя бы казачьимъ женамъ?

— А вѣдь правда, — согласился Шкуро, — дай резинку.

Ген. Шкуро расписался и принялъ пачку денегъ.

Начальникъ штаба попросилъ разрѣшенія Командующаго приступить къ докладу. Я откланялся и пошелъ на ночлегъ въ другой вагонъ попроще, наполненный — «до отказа» боевыми, истощенными офицерами.

---

18 февраля, по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, я узналъ, что Совѣтъ Министровъ отбылъ въ Новороссійскъ для пріема дѣлъ отъ прежнихъ Управленій, и воспользовался нѣсколькими днями до возвращенія Н. М. Мельникова, чтобы сколько-нибудь оріентироваться въ общемъ положеніи.

Въ Ставрополѣ въ послѣднее время мы жили обрывками случайно долетавшихъ до насъ слуховъ.

Наоборотъ, Екатеринодаръ, въ которомъ сходились линіи разнообразныхъ вліяній и въ которомъ, какъ въ Гамбургѣ, дѣлали политическую «луну», былъ первоисточникомъ и центромъ клокочущаго вулкана борьбы.

Здѣсь я впервые узналъ списокъ лицъ, частью уже вошедшихъ въ составъ правительства, частью предполагавшихся къ назначенію.

Въ составъ кабинета Н. М. Мельникова, — бывшаго передъ этимъ предсѣдателемъ Донского правительства, уже вошли: начальникъ штаба Донской арміи ген. А. К. Кельчевскій* — военнымъ и морскимъ министромъ, ген. Н. Н. Баратовъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, бывшій комиссаръ Временнаго Правительства въ Ростовѣ В. Ф. Зеелеръ — внутреннихъ дѣлъ, Членъ Верховнаго Круга донецъ П. М. Агѣевъ — земледѣлія, проф. М. В. Бернацкій — финансовъ, кубанецъ Л. В. Звѣревъ — путей сообщенія, Новороссійскій общественный дѣятель Ф. С. Леонтовичъ — торговли и промышленности, бывшій премьеръ Кубанскаго правительства Ф. С. Сушковъ — народнаго просвѣщенія и Кубанскій общественный дѣятель Н. С. Долгополовъ — здравоохраненія.

Предполагалось вступленіе въ составъ кабинета члена «Политическаго совѣщанія» въ Парижѣ Н. В. Чайковскаго — съ портфелемъ министра политическаго образованія, члена Кубанской Рады, Я. Л. Щупляка — министромъ продовольствія и Н. Г. Дитрихсона — Государственнымъ Контролеромъ**.

Такимъ образомъ, въ составѣ министровъ предполагалось предоставить найбольшее количество мѣстъ кубанцамъ: Ф. С. Сушковъ, Л. В. Звѣревъ, Н. С. Долгополовъ и Я. Л. Щуплякъ, три — донцамъ: Н. М. Мельниковъ, ген. А. К. Кельческій и П. М. Агѣевъ***, два — ставропольцамъ, и по одному терцамъ и черноморцамъ — ген. Н. Н. Баратовъ и Ф. С. Леонтовичъ.

Это былъ кабинетъ мѣстныхъ силъ съ преобладаніемъ представителей казачьихъ земель.

По конструкціи соглашенія Главнаго Командованія съ Верховнымъ Кругомъ, исполнительная власть Совѣта Министровъ, за исключеніемъ министровъ военно-морского и путей сообщенія, являлась отвѣтственной передъ Законодательной Палатой, подготовительныя мѣры по созыву которой въ спѣшномъ порядкѣ возлагались на временную законодательную комиссію.

Чтобы провѣрить, насколько конструкція достигнутаго соглашенія и персональный составъ кабинета отвѣчаютъ дѣйствительнымъ желаніямъ будирующаго казачества, я повидался съ нѣсколькими участниками Верховнаго Круга и, въ частности, съ предсѣдателемъ его, И. П. Тимошенко, котораго знавалъ еще въ Ставрополѣ въ 1906 году.

Мнѣ казалось, что сложившаяся военная обстановка, дѣлавшая территорію Ставрополья и Кубани ареной послѣдней рѣшительной схватки съ катящимся краснымъ валомъ, налагаетъ сугубую обязанность сосредоточенныхъ и искреннихъ дѣйствій всѣхъ борющихся силъ въ этотъ исключительно чреватый послѣдствіями моментъ, съ другой же стороны наличность достаточнаго числа бойцовъ и снаряженія и начавшіеся было успѣхи южныхъ армій — вселяли надежду въ возможность и необходимость объединеннаго напряженія воли къ побѣдѣ. На поставленный мною вопросъ, насколько казачество искренно пріемлетъ новую власть, И. П. Тимошенко отвѣтилъ:

* Во все время моего пребыванія въ составѣ Правительства ген. Кельчевскій находился на фронтѣ и его замѣщалъ въ военно-морскомъ вѣдомствѣ его помощникъ ген. В. Е. Вязьмитиновъ.

** Назначеніе Н. Г. Дитрихсона, въ связи съ темпомъ событій, не состоялось.

*** Территоріально къ донцамъ же примыкалъ и В. Ф. Зеелеръ, общественный дѣятель и комиссаръ Вр. Правительства въ Ростовѣ на Дону.

— Не раздумывайте и не откладывайте своего вхожденія въ кабинетъ. Будемъ всѣ вмѣстѣ работать*.

Окончательное рѣшеніе вылилось у меня послѣ бесѣды съ вернувшимся изъ Новороссійска Н. М. Мельниковымъ, котораго я цѣнилъ и уважалъ, какъ безупречнаго дѣятеля крупнаго масштаба, и съ Н. В. Чайковскимъ, обаятельный и благородный обликъ котораго будетъ лучшимъ воспоминаніемъ изъ цикла моихъ житейскихъ встрѣчъ.

24 февраля 1920 года состоялся приказъ Главнокомандующаго объ утвержденіи Н. В. Чайковскаго въ званіи члена Совѣта Министровъ и меня въ званіи Министра Юстиціи территоріи вооруженныхъ силъ юга Россіи.

Въ тотъ же день я получилъ приглашеніе принять участіе въ засѣданіи Совѣта Министровъ.

XXXII.

Наканунѣ деклараціи Южно-Русскаго Правительства. Обѣщаніе амнистіи кубанцамъ. Выступленіе на Верховномъ Кругѣ. «Привѣтствіе» предсѣдателя Круга И. П. Тимошенко. Отказъ Главнокомандующаго отъ амнистіи. Попытка кубанцевъ упразднить соглашеніе. Наканунѣ оставленія Екатеринодара. Мѣры для охраны больныхъ и раненыхъ.

Екатеринодаръ клокоталъ въ эти дни самыми разнообразными настроеніями и вліяніями.

Въ казачьихъ сферахъ наблюдалась надломленность вѣры и предчувствіе краха въ ближайшемъ будущемъ.

Въ ставкѣ Главнаго Командованія, наоборотъ, преобладалъ оптимизмъ: силъ для отпора достаточно, только бы нашли волю и разумъ Кубанцы къ побѣдѣ.

По возвращеніи изъ Новороссійска Совѣтъ Министровъ предполагалъ въ ближайшіе же дни выступить передъ Верховнымъ Кругомъ съ программной деклараціей, текстъ которой былъ выработанъ Н. В. Чайковскимъ.

Одновременно, чтобы смягчить воспоминанія Кубанцевъ о ноябрьскихъ событіяхъ въ Екатеринодарѣ, министры просили Главнокомандующаго объ объявленіи амнистіи Кубанцамъ, потерпѣвшимъ гоненіе въ ноябрѣ 1919 года.

Поздно вечеромъ, 25 февраля, Н. М. Мельниковъ, возившій текстъ деклараціи А. И. Деникину, сообщилъ о послѣдовавшемъ согласіи Главнокомандующаго на предоставленіе амнистіи Кубанцамъ.

На слѣдующій день, 26 февраля, состоялась первая встрѣча Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства съ Верховнымъ Кругомъ Дона, Кубани и Терека.

Предсѣдатель Круга И. П. Тимошенко, открывъ засѣданіе, доложилъ, что къ нему поступило заявленіе Южно-Русскаго Правительства о желаніи выступить передъ Кругомъ съ деклараціей:

— Но съ этимъ Правительствомъ, — заявилъ И. П. Тимошенко, — ни въ какой органической связи мы не находимся, да къ тому же не знаемъ, гдѣ это Правительство будетъ развивать свою дѣятельность, — быть можетъ, въ теплыхъ краяхъ?... Поэтому будемъ считать эту декларацію просто сообщеніемъ.

Послѣ этого И. П. Тимошенко передалъ предсѣдательствованіе своему замѣстителю, и покинулъ залу засѣданій.

Послѣ недавней бесѣды съ И. П. Тимошенко меня поразилъ столь скорый переходъ его къ легкимъ тонамъ при первой же встрѣчѣ съ людьми, среди которыхъ

* Насколько этотъ отвѣтъ былъ искрененъ, я убѣдился уже черезъ нѣсколько дней.

былъ Н. В. Чайковскій, пользовавшійся признаніемъ и уваженіемъ уже въ тѣ годы, когда г. Тимошенко не носилъ не только казачьей черкески, но и просто мальчишескихъ штановъ.

Почти передъ выступленіемъ Н. М. Мельникова на трибуну, ему доложили о просьбѣ Главнокомандующаго не упоминать въ своей рѣчи о предполагающейся амнистіи кубанцамъ, такъ какъ Главнокомандующій передумалъ.

Оглашенная декларація была* принята Верховнымъ Кругомъ молчаливо. Когда Н. М. Мельниковъ уже сходилъ съ трибуны, раздалось нѣсколько голосовъ:

---

* Вотъ текстъ деклараціи:

«Во имя спасенія Родины и возрожденія ея на основахъ народовластія, по соглашенію Главнокомандующаго Вооруженными Силами Юга Россіи съ демократическимъ представительствомъ Дона, Кубани и Терека, на Югѣ Россіи образована новая власть, осуществляемая: Главнокомандующимъ Вооруженными Силами Юга Россіи Антономъ Ивановичемъ Деникинымъ какъ главою власти, Законодательной Палатой и Совѣтомъ Министровъ, отвѣтственныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ передъ Законодательной Палатой изъ свободно избранныхъ представителей населенія.

Совѣтъ Министровъ образованъ въ слѣдующемъ составѣ:
Николай Михайловичъ Мельниковъ (Предсѣдатель Совѣта Министровъ),
Генералъ-Лейтенантъ Анатолій Купріановичъ Кельчевскій (Военный и Морской Мин.),
Николай Николаевичъ Баратовъ (Министръ Иностранныхъ Дѣлъ),
Владиміръ Феофиловичъ Зееллеръ (Министръ Внутреннихъ Дѣлъ),
Василій Михайловичъ Красновъ (Министръ Юстиціи),
Павелъ Михайловичъ Агѣевъ (Министръ Землеустройства и Земледѣлія),
Михаилъ Владиміровичъ Бернацкій (Министръ финансовъ),
Леонидъ Владиміровичъ Звѣревъ (Министръ Путей Сообщенія),
Федоръ Степановичъ Леонтовичъ (Министръ Торговли и Промышленно),
Филиппъ Семеновичъ Сушковъ (Министръ Народнаго Просвѣщенія),
Николай Савичъ Долгополовъ (Министръ Здравоохраненія и Призрѣнія),
Яковъ Лаврентьевичъ Щуплякъ (Министръ Продовольствія),
Николай Васильевичъ Чайковскій (Членъ Совѣта Министровъ).

Южно-Русское Правительство ставитъ своей задачей возстановленіе русской государственности черезъ Учредительное Собраніе на началахъ всенароднаго представительства и отвѣтственности власти. Оно стремится использовать демократическую государственность для проведенія и осуществленія въ жизни коренныхъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ въ интересахъ народа и прежде всего трудящихся крестьянъ, казаковъ и рабочихъ.

Мелкая собственность трудового типа – общинная, товарищеская, подворная или единоличная – сохраняется въ полной неприкосновенности за ихъ нынѣшними законными владѣльцами. Вся земля, чья бы она ни была, превышающая опредѣленную законную норму, немедленно и въ полномъ объемѣ поступаетъ въ распредѣленіе между нуждающимися въ землѣ съ выдачей правительственными органами соотвѣтствующихъ документовъ. На этихъ основаніяхъ, впредь до разрѣшенія земельнаго вопроса въ полномъ объемѣ Учредительнымъ Собраніемъ, будетъ изданъ въ срочномъ порядкѣ временный законъ о землѣ. Владѣльцы отчуждаемыхъ земель устраняются отъ переговоровъ и расчетовъ съ новыми владѣльцами. Переговоры и расчеты по земельнымъ дѣламъ ведетъ Правительство черезъ особые его органы, созданные на демократическихъ началахъ.

Земельные законы Дона, Кубани и Терека проводятся въ жизнь мѣстными законодательными учрежденіями.

По вопросу рабочему Правительство приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы условія и оплата труда обезпечивали рабочему и служащему существованіе, достойное гражданина свободной страны. Правительство беретъ на себя совмѣстно съ профессіональными организаціями охрану интересовъ трудящихся и приметъ мѣры къ страхованію ихъ отъ увѣчій, инвалидности, болѣзни и старости. Правительство предоставитъ трудовому населенію выгоды крупнаго капитала черезъ кооперативныя организаціи, содѣйствуя развитію послѣднихъ.

Правительство поставитъ на мѣстахъ честную администрацію, вся дѣятельность которой будетъ проникнута законностью и будетъ обезпечивать жизнь, свободу, честь и достояніе гражданъ. Власть отвѣтственная и твердая будетъ неуклонно проводить въ жизнь указанія центральнаго правительства и установитъ столь нужный для гражданъ порядокъ. Городскія и земскія самоуправленія будутъ возстановлены на основахъ всеобщаго голосованія.

Правительство будетъ вести безпощадную борьбу съ моральнымъ разваломъ, со взяточни-

— А амнистія?

Н. Н. Баратовъ, обратившійся къ Верховному Кругу съ горячимъ призывомъ о единеніи всѣхъ борющихся силъ и о поддержкѣ Правительства, нѣсколько поднялъ настроеніе, но все же стало очевидно, что на установленіе «органической связи» Верховнаго Круга съ Южно-Русскимъ Правительствомъ надежды мало.

чествомъ, спекуляціей, сведеніемъ личныхъ счетовъ, и всемѣрно пойдетъ навстрѣчу проявленію творческихъ силъ населенія и повышенію производительности труда.

Правительство обезпечитъ каждому свободу исповѣданія и защититъ религію и святыни отъ поруганій и насилій.

Правительство, ставя своей задачей снабженіе населенія необходимыми товарами въ достаточномъ количествѣ на основахъ правильнаго товарообмѣна, приметъ всѣ мѣры къ возстановленію нормальной работы желѣзныхъ дорогъ и водныхъ сообщеній.

Признавая просвѣщеніе основой благосостоянія народнаго, Правительство приложитъ всѣ усилія къ возстановленію и поддержанію разрушенныхъ и къ насажденію и развитію новыхъ культурныхъ и образовательныхъ учрежденій.

Въ области внѣшнихъ отношеній Правитеельство намѣрено охранять преемство политики, которое выражается въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Великими Западными Демократіями и съ Великой Заатлантической Республикой, спаянныхъ съ Россіей общей борьбой за истинную свободу и справедливость. Правительство не забудетъ, что Союзныя Націи своей побѣдой разрубили тотъ узелъ, который былъ затянутъ на шеѣ русскаго народа Брестъ-Литовскимъ мирнымъ договоромъ. Оно не забудетъ и того, что, освободивъ Россію отъ одного насилія, Западныя Державы тотчасъ же протянули руку помощи русскимъ національно-мыслящимъ кругамъ противъ изувѣрства и насилій новыхъ деспотовъ, захватившихъ власть на Русской Землѣ и залившихъ ее братской кровью. Державы, очевидно, побуждались къ этому сознаніемъ тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя были принесены русскимъ народомъ для общей побѣды союзниковъ.

Правительство будетъ стремиться въ вящему закрѣпленію узъ дружбы съ Союзными Державами и приложитъ всѣ усилія къ налаженію взаимныхъ торгово-экономическихъ отношеній, столь важныхъ въ обоюдныхъ интересахъ при современномъ потрясеніи хозяйственнаго строя во всемъ мірѣ.

Столь же горячо Правительство будетъ работать надъ развитіемъ преемственныхъ узъ братской дружбы съ единокровными намъ славянскими странами, нынѣ вышедшими на путь свободнаго развитія своихъ культурно-національныхъ и производительныхъ силъ. Славянское единеніе необходимо въ цѣляхъ обезпеченія Европѣ длительнаго и прочнаго мира.

Въ частности, Правительство озаботится упроченіемъ отношеній съ Польшей, независимость которой Россія, въ лицѣ Временнаго Правительства, признала первою изъ всѣхъ державъ и тѣмъ явила міру искреннее желаніе предать забвенію всѣ прежнія русско-польскія недоразумѣнія. Мы твердо вѣримъ, что въ новой эрѣ, которая открылась передъ обоими братскими народами, не будетъ мѣста прежнимъ грѣхамъ ни съ той, ни съ другой стороны.

Со всѣми нашими сосѣдями и друзьями мы хотимъ жить въ мирѣ и согласіи, ибо никто сейчасъ болѣе Россіи не нуждается въ мирѣ, чтобы залѣчить раны, нанесенныя ей великой войной и великой анархіей большевиковъ. Только по отношенію къ послѣднимъ мы остаемся и останемся до конца непримиримыми, ибо пока не пораженъ большевизмъ, растоптавшій въ грязи великіе завѣты свободы, равенства и братства, не будетъ мира и счастья не только на Руси, но и во всемъ мірѣ.

Россія выйдетъ изъ своихъ страданій духовно обновленною и это обновленіе должно прежде всего отразиться на взаимоотношеніяхъ всѣхъ населяющихъ ее народностей. Особенныя старанія Правительство приложитъ къ налаженію вполнѣ дружественныхъ взаимоотношеній съ ближайшими къ намъ Закавказскими образованіями, — Грузіей, Азербейджаномъ и Арменіей.

Мы мыслимъ Россію единой и великой, но это не является отрицаніемъ культурныхъ, національныхъ и исторически сложившихся особенностей, входящихъ въ ея составъ частей. Уже нынѣ мы заявляемъ о признаніи нами самостоятельности существованія фактическихъ Правительствъ окраинъ, ведущихъ борьбу съ большевиками. Мы считаемъ, что установленіе будущихъ отношеній окраинъ къ Россіи совершится путемъ договора обще-русскаго Правительства съ окраинными Правительствами, причемъ допускается посредничество Союзныхъ Державъ. Мы вѣримъ, что когда будетъ пораженъ большевизмъ, передъ неистовствомъ котораго содрогнулся весь образованный міръ, всѣ народы, населяющіе Россію, сразу увидятъ и поймутъ, насколько ихъ собственными національными, культурными и хозяйственными интересами повелительно диктуется единеніе съ великимъ русскимъ народомъ, отказавшимся безвозвратно отъ системы угнетенія слабѣйшихъ, а готовымъ, наоборотъ, пріобщить ихъ къ общему подвигу строенія зданія Великой, новой, Свободной Россіи».

Учтя это, Кубанская фракція Верховнаго Круга въ тотъ же вечеръ поставила вопросъ о пересмотрѣ рѣшенія о соглашеніи съ Главнымъ Командованіемъ, но предложеніе кубанцевъ было отвергнуто большинствомъ всѣхъ противъ голосовъ кубанцевъ.

Событія развивались такъ быстро, что объ органической работѣ не могло быть и рѣчи.

Вся атмосфера, царившая въ эти дни въ Екатеринодарѣ, была насыщена ощущеніемъ приближающейся катастрофы.

Городъ былъ забитъ больными и ранеными, которыхъ полностью не представлялось возможнымъ вывезти, и переполненъ сверхъ мѣры бѣженцами, ютившимися за отсутствіемъ крова со всѣмъ своимъ скарбомъ таборами подъ открытымъ небомъ.

Всѣхъ насъ удручала мысль, что будетъ съ больными, ранеными и безпріютными бѣглецами при вступленіи красныхъ полчищъ въ этотъ очагъ «казачьей контръреволюціи».

Совѣтомъ, по соглашенію съ Главнокомандующимъ, мнѣ было поручено попытаться продѣлать тотъ опытъ, который далъ положительные результаты въ 1918 году, когда Добровольческое Командованіе рискнуло оставить въ ст. Дядьковской своихъ больныхъ и раненыхъ на попеченіи освобожденныхъ большевиковъ, давшихъ слово оберечь раненыхъ отъ расправы.

Ген. Деникинъ такъ описываетъ этотъ эпизодъ въ ст. Дядьковской. — ...«Врачи составили списокъ раненыхъ, не могущихъ выдержать перевозки, которыхъ оказалось около 200; станичный сборъ постановилъ принять ихъ на свое попеченіе; оставлена была извѣстная сумма денегъ, врачъ, сестры и нѣсколько заложниковъ, выведенныхъ кубанцами изъ Екатеринодара, среди которыхъ былъ вліятельный большевикъ Лиманскій, давшій слово оберечь раненыхъ и исполнившій добросовѣстно свое обѣщаніе»*.

Въ Кубанской краевой тюрьмѣ содержался въ эти дни тотъ самый «вліятельный большевикъ Лиманскій», который, по свидѣтельству ген. Деникина, уже однажды добросовѣстно выполнилъ данное имъ обѣщаніе**.

Я пробылъ 27 и 28 февраля въ корпусахъ Кубанской тюрьмы, обойдя всѣ ея помѣщенія и выслушавъ заявленія содержавшихся въ ней.

Подъ вечеръ 28 февраля при участіи А. Лиманскаго былъ составленъ списокъ 29 лицъ, подлежавшихъ освобожденію. При мнѣ лица эти покинули помѣщеніе тюрьмы съ выданными за моею подписью удостовѣреніями.

Передъ отъѣздомъ я обратился къ тюремной администраціи и стражѣ съ напоминаніемъ, что какія бы то ни было безсудныя расправы и насильственныя дѣйствія надъ заключенными не могутъ быть допущены, и что военная власть обѣщала принять всѣ мѣры къ огражденію порядка.

Когда я возвращался изъ тюрьмы, улицы были заполнены безпрерывной лентой военныхъ и бѣженскихъ обозовъ и кое-гдѣ на окраинахъ хлопали выстрѣлы.

На другой день я довелъ до свѣдѣнія члена Кубанскаго Правительства по дѣламъ юстиціи, г. Сулятицкаго о мѣрахъ, предпринятыхъ мною въ Кубанской тюрьмѣ, и обратилъ вниманіе его, что за учрежденіями Кубанскаго Правительства числится 169 лицъ въ порядкѣ, противорѣчащемъ требованіямъ закона.

* Ген. А. И. Деникинъ. «Очерки Русской Смуты», т. II, стр. 311.

** Числился А. Лиманскій за Главнымъ Военнымъ и Военно-морскимъ Прокуроромъ вооруж. силъ Юга Россіи по обвиненію «въ большевизмѣ».

XXXIII.

Отъѣздъ изъ Екатеринодара. Въ пути. Возвращеніе въ Екатеринодаръ Л. В. Звѣрева, В. Ф. Зеелера и Н. С. Долгополова. Встрѣча съ г. Т. Послѣдніе дни Екатеринодара. Временный комитетъ. Будированіе кубанцевъ. Переговоры ихъ о личныхъ гарантіяхъ. Паденіе Екатеринодара.

29 февраля поѣздъ Главнокомандующаго отбылъ изъ Екатеринодара, а на другой день отошелъ въ Новороссійскъ поѣздъ Правительства.

Я не берусь описывать жуткихъ картинъ, развертывавшихся передъ глазами во время пути.

Поѣздъ медленно двигался вдоль сплошного потока перемѣшанныхъ человѣческихъ массъ, обозовъ, подводъ и кибитокъ. Это былъ поистинѣ великій исходъ народа, заполнившаго своею движущейся массой, кибитками и гуртами скота, всѣ дороги и широкую полосу прилегающихъ полей.

Дулъ сильный вѣтеръ. Начиналась метель.

Выведя поѣздъ на нѣсколько станцій отъ Екатеринодара, министръ путей сообщеній Л. В. Звѣревъ отбылъ на дрезинѣ обратно въ городъ. Вмѣстѣ съ нимъ выѣхали въ Екатеринодаръ В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ.

Поѣздъ нашъ двигался до Новороссійска трое сутокъ, уступая дорогу иногда по расписанію, но чаще въ нарушеніе его, поѣздамъ, вооруженные пассажиры которыхъ, не желая считаться ни съ какими графиками, съ нагайками и револьверами въ рукахъ, заставляли продвигать ихъ поѣзда дальше.

Къ намъ то и дѣло поступали жалобы на учиненныя на станціяхъ насилія, заявленія о проходѣ поѣздовъ безъ надлежащихъ разрѣшеній, о захватѣ паровозовъ, наконецъ, о стрѣльбѣ въ служащихъ и постоянныхъ угрозахъ расправы.

На одной изъ станцій, гдѣ утомительно долго стоялъ нашъ поѣздъ, пропуская обгонявшіе насъ составы, вниманіе мое привлекъ, бесѣдовавшій о чемъ-то съ управляющимъ дѣлами совѣта И. М. Нарцевымъ, молодой штатскій съ коротко подстриженными усами.

– Гдѣ я его встрѣчалъ, – вертѣлся вопросъ въ головѣ.

Замѣтивъ, вѣроятно, направленный въ его сторону мой взглядъ, бесѣдовавшій направился ко мнѣ.

– Позвольте представиться: директоръ канцеляріи министра... Т.

При этомъ онъ сдѣлалъ жестъ, оправляющій кольца несуществующихъ усовъ. Въ ту же минуту я вспомнилъ.

– Мы съ вами уже встрѣчались.

– Гдѣ, позвольте узнать?

Въ кабинетѣ Московскаго Городского Головы, гдѣ вы были, кажется, лицомъ, исполнявшимъ распоряженія министра Н. А. Маклакова.

Мой собесѣдникъ смутился.

– Вѣроятно, эта справка невыгодна для меня въ вашей памяти.

Дѣйствительно, «справка», всплывшая въ моей памяти, была невыгодна для теперешняго положенія г. Т.

Въ 1915, если не ошибаюсь, году былъ назначенъ въ Москвѣ съѣздъ уполномоченныхъ союза городовъ, но, когда уполномоченные уже съѣхались, послѣдовало распоряженіе министра Н. А. Маклакова о воспрещеніи съѣзда.

Съѣхавшиеся сдѣлали нѣсколько попытокъ собраться на частное совѣщаніе, сначала въ Камергерскомъ переулкѣ, потомъ у А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова, но полиція неуклонно мѣшала ихъ бесѣдѣ, вплоть до вторженія въ особнякъ С. Н. Третьякова.

Повторялась картина, столь обычная для студенческихъ сходокъ, разгоняемыхъ полиціей, съ тою только разницей, что вмѣсто студенческой молодежи было нѣсколько десятковъ провинціальныхъ мэровъ и не было наряда конныхъ городовыхъ и жандармеріи для загона «бунтующей молодежи» въ манежъ.

Московскій городской голова М. В. Челноковъ, бывшій въ то же время и Главноуполномоченнымъ Союза Городовъ, пригласилъ съѣхавшихся собраться у него въ служебномъ кабинетѣ для совмѣстной бесѣды.

Но какъ только уполномоченные собрались, раздался стукъ въ двери и въ кабинетъ М. В. Челнокова вошелъ молодой чиновникъ въ формѣ штатскаго генерала. Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ объявилъ присутствующимъ въ кабинетѣ:

– Вслѣдствіе распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію Его Превосходительства, московскаго градоначальника, прошу присутствующихъ покинуть это помѣщеніе.

– Позвольте васъ спросить, – поднялся изъ за стола М. В. Челноковъ, – съ какихъ это поръ Московскій Городской Голова не воленъ быть хозяиномъ у себя въ кабинетѣ?

– Не могу знать, Ваше Превосходительство, – отчеканилъ чиновникъ, – прошу присутствующихъ подчиниться.

– Вѣроятно, вамъ извѣстно, – продолжалъ М. В. Челноковъ, что сюда собрались Городскіе Головы, прибывшіе изъ далекихъ мѣстъ, не для того только, чтобы выслушать приказаніе Его Превосходительства, Московскаго градоначальника?

– Такъ точно, Ваше Превосходительство. Прошу подчиниться.

– Кромѣ того, вамъ, конечно, извѣстно, – обратился къ чиновнику Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Некрасовъ, – что подчиненные, исполняя незакономѣрное распоряженіе своего начальства, тоже несутъ отвѣтственность за его незакономѣрность?

– Такъ точно, Ваше Превосходительство, – отчеканилъ чиновникъ, оправляя привычнымъ жестомъ колечки усовъ, – извѣстно... Прошу подчиниться.

Мы подчинились.

Теперь я встрѣтилъ г. Т. въ новомъ званіи на службѣ Южно-Русскаго Правительства, но уже безъ представительныхъ усовъ, такъ пышно расцвѣтающихъ на полицейской службѣ.

Вернувшіеся изъ Екатеринодара В. Ф. Зеелеръ и Н. С. Долгополовъ разсказали, что тамъ происходитъ.

Гражданская власть въ городѣ перешла сначала въ руки городского самоуправленія, а затѣмъ была передана временному комитету, въ составъ котораго вошла часть лицъ, освобожденныхъ мною передъ отъѣздомъ изъ тюрьмы.

По позднѣйшему признанію начальника Екатеринодарскаго гарнизона, ген. Гандурина, временный комитетъ въ значительной степени помогъ военной власти сохранить порядокъ въ городѣ до послѣдняго момента.

Воспользовавшись отсутствіемъ почти полностью Терцевъ и въ значительномъ количествѣ Донцевъ, Кубанцы вынесли на Верховномъ Кругѣ передъ тѣмъ, какъ покинуть Екатеринодаръ, постановленіе о полномъ разрывѣ съ ген. Деникинымъ и

въ сферѣ военнаго командованія и въ области гражданскаго управленія, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно приступить къ организаціи обороны собственными силами и организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января*.

Но, узнавъ объ этомъ постановленіи Верховнаго Круга, опротестовали его сначала Терская, а затѣмъ и Донская фракціи, выразивъ сомнѣніе въ наличности надлежащаго кворума на этомъ засѣданіи Верховнаго Круга и не соглашаясь съ существомъ этого постановленія.

Попутно выяснилось, что постановленіе Круга о разрывѣ съ ген. Деникинымъ вынесено подъ давленіемъ созданной Кубанцами сенсаціи, что военно-начальники уже вышли изъ повиновенія Главнокомандующему и что ген. А. К. Кельчевскій изъявилъ согласіе стать во главѣ объединеннаго Командованія.

Н. С. Долгополовъ разсказалъ еще объ одномъ характерномъ для кубанцевъ эпизодѣ, въ связи съ освобожденіемъ, по постановленію Южно-Русскаго Правительства, 29 лицъ изъ Кубанской краевой тюрьмы.

Освобожденнымъ было предложено, подъ угрозой новаго заключенія подъ стражу, гарантировать безопасность остающимся въ Екатеринодарѣ членамъ Кубанскаго правительства, Рады и оставленнымъ въ городѣ ихъ семьямъ.

Въ отвѣтъ на это предложеніе былъ полученъ будто бы такой отвѣтъ:

— Мы являемся въ одинаковой мѣрѣ политическими врагами и Южно-Русскаго Правительства, и вашими. Но первое, освобождая насъ въ интересахъ охраны больныхъ и раненыхъ, не ставило намъ никакихъ предложеній ни о собственной безопасности, ни о безопасности своихъ семей. За это мы невольно уважаемъ ихъ, а вы... дѣлайте съ нами, что хотите, но отъ переговоровъ съ вами увольте...

5 марта въ Новороссійскѣ были получены свѣдѣнія о паденіи Екатеринодара.

XXXIV.

Переполненіе Новороссійска. Послѣднія надежды на «психологическую позицію». Засѣданіе въ поѣздѣ Главнокомандующаго. Сообщеніе ген. А. П. Богаевскаго. Докладъ ген. И. П. Романовскаго. Захватъ красными переправы черезъ Кубань. Распоряженіе Главнокомандующаго о погрузкѣ. Отъѣздъ изъ Новороссійска.

Помѣщался въ Новороссійскѣ поѣздъ Правительства на эстокадной пристани, вдали отъ города, откуда мы ежедневно выѣзжали въ управленіе вѣдомствъ, а по вечерамъ собирались въ салонъ-вагонѣ предсѣдателя для совмѣстнаго обсужденія возникавшихъ вопросовъ.

---

* Вотъ полный текстъ постановленія отъ 3 марта:

«Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, обсудивъ текущій политическій моментъ въ связи съ событіями на фронтѣ и принимая во вниманіе, что борьба съ большевизмомъ велась силами, въ соціально-политическомъ отношеніи слишкомъ разнородными, и объединеніе ихъ носило вынужденный характеръ, и что послѣдняя попытка Высшаго Представительнаго Органа Краевъ — Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека сгладить обнаруженные дефекты объединенія не дала желанныхъ результатовъ, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронтѣ, постановилъ: 1) считать соглашеніе съ ген. Деникинымъ въ дѣлѣ организаціи Южно-Русской Власти — не состоявшимся; 2) освободить атамановъ и правительства отъ всѣхъ обязательствъ, связанныхъ съ указаннымъ соглашеніемъ; 3) изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека изъ подчиненія ген. Деникину въ оперативномъ отношеніи; 4) немедленно приступить совмѣстно съ атаманами и правительствами къ организаціи обороны нашихъ краевъ — Дона, Кубани и Терека и прилегающихъ къ нимъ областей; 5) немедленно приступить къ организаціи союзной власти на основахъ постановленія Верховнаго Круга отъ 12 января 1920 года».

Текстъ послѣдняго постановленія приведенъ мною въ главѣ XXIX моихъ воспоминаній.

Въ самомъ городѣ, куда еще съ декабря 1919 года, при отходѣ арміи на югъ, была направлена лавина подневольныхъ и добровольныхъ бѣженцевъ, послѣдніе ютились въ обстановкѣ, не поддающейся описанію.

Въ городѣ свирѣпствовалъ сильный тифъ, больницы и лазареты были переполнены сверхъ всякой мѣры, и больные, въ большинствѣ случаевъ, лежали и умирали въ комнатахъ и углахъ, гдѣ бѣженцы занимали каждую пядь пространства.

Между тѣмъ, прибывали все новыя и новыя волны бѣженцевъ, сначала въ облѣпленныхъ ими поѣздахъ, а потомъ уже коннымъ и пѣшимъ порядкомъ.

На желѣзнодорожныхъ путяхъ, загроможденныхъ бѣженскими вагонами-жилищами, возникъ новый городъ, съ каждымъ днемъ все болѣе разраставшійся и заставлявшій желѣзнодорожную администрацію прибѣгать къ героическимъ и жестокимъ мѣрамъ, чтобы отвоевать пространство для необходимаго маневрированія.

Начавшаяся еще въ февралѣ эвакуація семействъ служащихъ въ Турцію и Сербію не могла сколько-нибудь замѣтно разрядить бѣженскія массы, наоборотъ, численно увеличивавшіяся съ каждымъ днемъ, а въ послѣдніе дни – съ каждымъ часомъ.

Для служащихъ центральныхъ управленій подготовлялся на случай эвакуаціи пароходъ «Віолетта», съ большимъ трудомъ отвоеванный для этой цѣли, находившійся все же не въ прочномъ обладаніи лицъ, завѣдывавшихъ этой частью эвакуаціи.

И тѣмъ не менѣе до 7 марта, несмотря на весь этотъ катастрофическій хаосъ, еще не потеряна была надежда на устойчивость «психологическаго» рубежа Кубани, за многоводнымъ теченіемъ которой казачьи части, вѣрилось, выйдутъ изъ охватившей ихъ прострацін, встанутъ, собравшись съ силами, на защиту своихъ очаговъ и сломятъ наступленіе красныхъ.

7 марта подъ предсѣдательствомъ Главнокомандующаго въ его поѣздѣ, у Каботажной пристани, состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ при участіи начальника штаба ген. И. П. Романовскаго и Донского атамана А. П. Богаевскаго.

Ожидался пріѣздъ или прилетъ Командующаго Донской арміей В. И. Сидорина и начальника его штаба ген. А. К. Кельческаго, но ни тотъ, ни другой не прибыли.

Донской атаманъ сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ, въ которой состоялось постановленіе Верховнаго Круга о разрывѣ съ Главнымъ Командованіемъ, и объ обращеніи казачьей депутаціи къ ген. Сидорину съ предложеніемъ принять на себя званіе Главнокомандующаго.

Услышавъ отъ ген. Сидорина отвѣтъ, что такое постановленіе въ переживаемое арміей трудное время онъ можетъ трактовать только, какъ измѣну, а проводящихъ это постановленіе въ жизнь почитаетъ измѣнниками дѣлу въ самый серьезный моментъ борьбы, – депутаты очень смутились и заявили, что, повидимому, произошло какое-то недоразумѣніе, ибо ихъ увѣрили, что военно-начальниками вопросъ о разрывѣ съ ген. Деникинымъ уже рѣшенъ.

Какъ я уже упоминалъ, въ дальнѣйшемъ и Терцы, и Донцы опротестовали это постановленіе Круга и до конца своего пребыванія на русской территоріи не отрывались отъ Главнаго Командованія.

На этомъ же засѣданіи состоялся докладъ начальника штаба Главнокомандующаго.

Давъ подробную характеристику положенія, ген. Романовскій подчеркнулъ достаточную наличность и силъ, и средствъ для отпора врагу.

– Для насъ является психологической загадкой то, что происходитъ... Но даже на подходахъ къ Новороссійску мы могли бы продержаться годы, – закончилъ ген. Романовскій.

Оптимизмъ ген. Романовскаго произвелъ обратное дѣйствіе на большинство присутствующихъ. Чувствовалось, что это докладъ не для Правительства, не для сотрудниковъ, органически спаянныхъ съ Главнымъ Командованіемъ, что много въ немъ не договорено, и жестокую правду скажетъ скоро ужъ сама жизнь.

На этомъ же засѣданіи впервые я замѣтилъ черту характера ген. А. И. Деникина, которая меня удивила.

Ф. С. Леонтовичъ сообщилъ о срочной необходимости полученія изъ Грузіи топлива для нашихъ судовъ, принужденныхъ бездѣйствовать въ такой острый моментъ.

Между тѣмъ, мы еще не выполнили нашего обѣщанія передъ Грузіей передать зерно изъ Новороссійскихъ запасовъ.

– Сколько имъ обѣщано? – спросилъ ген. Деникинъ.

– 200,000 пудовъ.

– Дайте имъ 20,000.

– Но вѣдь запасы все равно погибнутъ, разъ суда будутъ бездѣйствовать.

– Дайте имъ 25,000.

Когда мы возвращались черезъ бухту къ себѣ на эстокадную пристань, въ эту бурную ночь, хлеставшую порывами вѣтра и волнъ, мы еще не знали, что въ этотъ же день, 7 марта, красные овладѣли переправой черезъ Кубань и всего нѣсколько дней отдѣляютъ и армію, и населеніе, сплотившееся на этомъ клочкѣ земли, отъ окончательной катастрофы.

Какъ же могло случиться, что «психологическая позиція» рухнула такъ легко и скоро, – послѣдняя позиція, защищаемая многоводной Кубанью и значительными силами войскъ?

Намъ, людямъ не военнымъ, разрѣшить эту загадку не дано. Объ этомъ разскажутъ военные авторитеты.

Судить о томъ, что представлялъ собою Новороссійскъ въ эти дни, можно по слѣдующему приказу Главнокомандующаго*:

«Новороссійскъ сталъ тыловымъ вертепомъ. Улицы кишатъ молодыми, здоровыми воинами-дезертирами, отыгрывающимися на крови боевыхъ частей.

Положить конецъ этому преступленію:

1) Закрыть всѣ возникшія на почвѣ развала, не утвержденныя властью, военныя общества. Въ случаѣ неисполненія–руководителей предавать полевому суду: сотня, полкъ, батарея, дивизія–вотъ вамъ настоящія здоровыя военныя общества!

2) Не допускать никакихъ собраній и митинговъ.

3) Приступить къ задержанію и сужденію полевымъ судомъ всѣхъ воиновъ-дезертировъ, отлучившихся отъ частей, не явившихся для регистраціи послѣ расформированія ихъ частей и учрежденій, а также всѣхъ уклоняющихся военно-обязанныхъ.

Тѣ, кто избѣжатъ учета, пусть помнятъ, что, въ случаѣ эвакуаціи Новороссійска, будутъ брошены на произволъ судьбы».

8 марта въ засѣданіи совѣта было доложено оффиціальное сообщеніе Британской Миссіи о трагической гибели Верховнаго Правителя Россіи, адмирала Колчака.

Въ концѣ засѣданія былъ поставленъ вопросъ объ общей отставкѣ министровъ.

Противъ этого горячо возражалъ Н. В. Чайковскій, убѣдившій въ несвоевременности этого шага.

Еще днемъ 8 марта было сдѣлано распоряженіе о погрузкѣ служащихъ центральныхъ управленій на пароходъ «Віолетта», на которомъ предполагало отбыть въ Ѳеодосію и Правительство.

---

* Отъ 8 марта 1920 года за № 2766.

Но въ ночь на 10 марта, почти на разсвѣтѣ, Главнокомандующимъ было сообщено Совѣту о необходимости Правительству выѣхать утромъ 10 марта на англійскомъ пароходѣ — «Бюргермейстръ Шредеръ», идущемъ въ Севастополь, безъ захода въ Ѳеодосію. Погрузка должна была быть произведена въ теченіе 2—3 часовъ. Остаться должны были министры: финансовъ — М. В. Бернацкій, военный — ген. В. Е. Вязьмитиновъ и замѣстители министровъ — продовольствія, торговли и промышленности и внутреннихъ дѣлъ.

На пароходѣ этомъ, заполненномъ бѣженцами, покидавшими Россію, Правительство получило мѣсто на верхней палубѣ.

Въ 8 час. утра пароходъ отошелъ отъ англійской базы.

XXXV.

Въ Севастополѣ. Судъ ген. Слащева. «И добавляю...» Экспертиза ген. Шиллинга. Оріентація епископа Веніамина. Предполагаемое совѣщаніе съ Крымскими общественными и политическими дѣятелями. Земельный законопроектъ. Разговоръ по прямому проводу. Внезапное расформированіе Совѣта Министровъ.

Пріѣзду Правительства въ Севастополь предшествовала разыгравшаяся тамъ исторія, вызвавшая затѣмъ общую трехдневную забастовку Крымскихъ рабочихъ.

6 марта Особымъ Отдѣломъ Морского Управленія было арестовано десять лицъ, въ томъ числѣ и популярный въ Севастополѣ врачъ Я. С. Гитинъ, и затѣмъ всѣ арестованные были преданы военно-полевому суду по обвиненію ихъ въ подготовкѣ въ Севастополѣ возстанія.

Приговоромъ военно-полевого суда, состоявшимся 10 марта, пять изъ нихъ, въ томъ числѣ врачъ Гитинъ, были оправданы, трое приговорены къ срочной каторгѣ и трое къ смертной казни.

Представленный на конфирмацію приговоръ этотъ комендантомъ крѣпости, ген. А. Ф. Турбинымъ, утвержденъ не былъ и нормальнымъ по закону направленіемъ дѣла была бы передача его на новое разсмотрѣніе въ военно-морской судъ, съ примѣненіемъ тѣхъ гарантій, которыя даетъ военно-судебный уставъ.

Такой исходъ дѣла не понравился ген. Слащеву. Онъ вывезъ обвиняемыхъ въ свою резиденцію Джанкой для преданія ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и оправданныхъ, новому военно-полевому суду тамъ же.

Это уже была простая расправа, не прикрытая даже законами военнаго времени, и такія упрощенныя дѣйствія ген. Слащева вызвали среди населенія понятную тревогу.

На другой же день по водвореніи Южно-Русскаго Правительства въ Севастополѣ — и къ отдѣльнымъ министрамъ, и къ Совѣту въ цѣломъ явились депутаціи отъ мѣстнаго самоуправленія и профессіональныхъ союзовъ съ обращенной къ Правительству просьбой содѣйствовать нормальному направленію этого дѣла.

Отдавая себѣ отчетъ, насколько мало надежды на благопріятные результаты сулитъ такое обращеніе власти гражданской къ мѣстному Наполеону, Совѣтъ Министровъ все же поручилъ своему предсѣдателю Н. М. Мельникову и министру внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеелеру снестись по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

На обращеніе Н. М. Мельникова, въ которомъ онъ юридически обосновалъ желаніе гражданской власти, чтобы дѣйствующія нормы закона не нарушались бы, былъ полученъ отвѣтъ ген. Слащева:

— Эти «прохвосты» уже разстрѣляны.

Можно понять, какое впечатлѣніе этотъ отвѣтъ долженъ былъ произвести на родственниковъ арестованныхъ и представителей рабочихъ, собравшихся у зданія, гдѣ шелъ разговоръ по прямому проводу съ ген. Слащевымъ.

Мало того, на другой день ген. Слащевъ опубликовалъ въ газетахъ и въ сообщеніи войсковымъ частямъ текстъ этого разговора, дополнивъ его слѣдующей фразой:

– И добавляю, что никогда не позволю тылу диктовать фронту!

Судьба не дала мнѣ случая видѣть ген. Слащева, о которомъ одни говорили, какъ о способномъ и рѣшительномъ военномъ начальникѣ, другіе, какъ о привычномъ кокаинистѣ, дѣйствующемъ въ постоянномъ возбужденіи паровъ этого яда.

Но выпущенная ген. Слащевымъ уже въ Константинополѣ брошюра подъ заглавіемъ: «Требую суда гласности и общественнаго мнѣнія», не можетъ дать двухъ отвѣтовъ по вопросу объ оцѣнкѣ психическихъ качествъ ея автора.

Лучшаго памфлета, разоблачающаго ничтожество этого Крымскаго диктатора, надоѣвшаго, повидимому, всѣмъ своими безчисленными рапортами, не могли бы создать и его злѣйшіе враги.

Въ этой брошюрѣ ген. Слащева все получило свое мѣсто: и его претензія въ Россійскіе Наполеоны, и его порывы разрѣшить собственнымъ умомъ всѣ запутанные вопросы политики и экономики путемъ рапорта по начальству, и саморекламное вдохновеніе при описаніи своихъ подвиговъ, и непомѣрное самомнѣніе этого недоучившагося Митрофанушки.

Послѣ выхода этой брошюры, бредового содержанія, сталъ понятенъ и его послѣдующій шагъ перехода къ краснымъ, когда передъ отъѣздомъ изъ Константинополя онъ объявилъ «orbi et urbi»:

– Я ѣду защищать честь Россіи!

Другой мѣстный Наполеонъ, правда, уже имѣвшій свое Ватерлоо въ Одессѣ, Главноначальствующій ген. Шиллингъ, разъяснилъ въ печати, что дѣйствія ген. Слащева онъ признаетъ вполнѣ правильными, на вопросъ же министра внутреннихъ дѣлъ В. Ф. Зеелера, которому онъ былъ подчиненъ, какъ Главноначальствующій:

– Чѣмъ Вы руководствовались, признавъ дѣйствія Слащева правильными, когда законъ говоритъ обратное?

Ген. Шиллингъ отвѣтилъ:

– Я не юристъ и сейчасъ не могу Вамъ дать отвѣта, но, если угодно, наведу объ этомъ справки у юристовъ.

Наведеніе этихъ справокъ «если угодно», конечно, было безнадежнымъ занятіемъ для поднятія престижа закона и умаленія престижа генераловъ Шиллинговъ, сіявшихъ отраженнымъ сіяніемъ даже тогда, когда ихъ фаза приближалась къ ущербу.

Бокъ-о-бокъ съ Совѣтомъ Министровъ, ютившихся по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, занималъ безплатно нѣсколько аппартаментовъ уже лишенный воинской славы ген. Май-Маевскій, пользуясь безплатно фешенебельнымъ помѣщеніемъ и, больше того, полегоньку продавая изъ этихъ аппартаментовъ принадлежащее гостиницѣ имущество.

Вѣроятно, онъ тоже не претендовалъ на званіе юриста, но «если угодно», пожалуй, могъ бы обосновать свое право на чужое имущество исключительными обстоятельствами военнаго характера, не доступными пониманію штатскихъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней, по переѣздѣ Правительства въ Севастополь, Н. М. Мельникова и В. Ф. Зеелера посѣтилъ мѣстный епископъ Веніаминъ, заявившій, что «онъ» не понимаетъ цѣли пріѣзда совѣта министровъ въ Крымъ, такъ какъ «онъ» оріентируется не на ген. Деникина, а на ген. Врангеля.

Такимъ образомъ, въ первые же дни появленія Южно-Русскаго Правительства на Крымской территоріи, передъ гражданской властью въ еще болѣе обостренной формѣ сталъ вопросъ о неизмѣнномъ поглощеніи властью военной и компетенціи, и престижа власти гражданской, всѣ шаги которой при такой обстановкѣ обречены быть бѣгомъ на мѣстѣ.

Этотъ вопросъ не разъ всплывалъ въ Совѣтѣ еще до переѣзда въ Крымъ, и въ Новороссійскѣ чуть не былъ рѣшенъ въ смыслѣ коллективнаго заявленія о выходѣ въ отставку, но отъ этого тогда насъ удержало опасеніе еще болѣе осложнить положеніе Главнаго Командованія, съ другой же стороны мысль о томъ, что быть можетъ въ Крыму, связавшись съ мѣстной общественностью, мы выйдемъ, наконецъ, изъ этого заколдованнаго круга поглощенія.

Дѣйствительно, по мѣрѣ пребыванія Совѣта въ Севастополѣ, у представителей Крымской общественности, съ кн. В. А. Оболенскимъ во главѣ, начало устанавливаться доброжелательное общеніе съ Совѣтомъ, подавшимъ мысль о желательности совмѣстнаго совѣщанія по вопросу о планѣ работъ Правительства и о введеніи въ его составъ мѣстныхъ дѣятелей.

Разработанный Правительствомъ земельный законопроектъ, повидимому, отвѣчалъ широкимъ чаяніямъ. У каждаго изъ насъ, въ сферѣ вѣдомственной работы, стало устанавливаться все болѣе прочное и доброжелательное общеніе съ мѣстными людьми.

Но совѣщанію не суждено было состояться.

Въ связи съ конфликтомъ, происшедшимъ у Совѣта съ ген. Слащевымъ, сдѣлавшимъ при этомъ попытку уронить престижъ гражданской власти передъ воинскими частями, Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку къ огражденію компетенціи гражданской власти отъ вторженія въ ея сферу военнаго правотворчества.

Предсѣдатель Совѣта Н. М. Мельниковъ долженъ былъ снестись по этому поводу съ Главнокомандующимъ и послалъ 16 марта офицера для порученій къ прямому проводу выяснить вопросъ, когда можетъ состояться бесѣда съ Главнокомандующимъ.

На запросъ Н. М. Мельникова, явившагося въ условленное время, изъ Ѳеодосіи, гдѣ пребывалъ ген. А. И. Деникинъ, послѣдовалъ отвѣтъ:

– Главнокомандующій очень извиняется, онъ подойдетъ къ аппарату черезъ десять минутъ и проситъ васъ обождать.

Примѣрно черезъ полчаса къ аппарату подошелъ вмѣсто Главнокомандующаго М. В. Бернацкій.

– Главнокомандующій очень занятъ срочными военными дѣлами, заявилъ М. В. Бернацкій, – и не можетъ прибыть къ аппарату.

А затѣмъ добавилъ:

– Кстати сообщаю вамъ, что только что подписанъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ Южно-Русскаго Правительства.

Это сообщеніе «кстати», выслушанное къ тому же даже не изъ устъ Главнокомандующаго, а порученное къ передачѣ М. В. Бернацкому, всегда державшему себя обособленно отъ остального состава Совѣта, произвело невыразимо гнетущее впе-

чатлѣніе на всѣхъ насъ, ожидавшихъ сообщенія нашего премьера о результатахъ его сношенія съ Главнокомандующимъ.

Помню, одинъ изъ присутствовавшихъ, наиболѣе тѣсно связанный давней работой съ ген. Деникинымъ и узами личной съ нимъ дружбы, закрылъ руками глаза, на которыхъ выступили слезы.

Такимъ образомъ, было упразднено единоличнымъ актомъ Главнаго Командованія, даже безъ предварительнаго сношенія, Правительство, на организацію котораго, путемъ взаимныхъ компромиссовъ Главнаго Командованія и Казачества было затрачено такъ много времени и усилій.

XXXVI.

Послѣдняя встрѣча съ ген. Деникинымъ. – Дѣловое учрежденіе М. В. Бернацкаго. – Діалогъ Н. В. Чайковскаго и А. И. Деникина. – Отъѣздъ изъ Крыма.

18 марта составъ бывшаго Совѣта, за исключеніемъ В. Ф. Зеелера, оставшагося въ Севастополѣ, прибылъ въ Ѳеодосію.

Въ газетѣ «Вечернее Время» уже былъ опубликованъ приказъ объ упраздненіи Совѣта Министровъ и о порученіи М. В. Бернацкому организовать «дѣловое учрежденіе».

Въ тотъ же вечеръ Н. М. Мельниковъ и Н. Н. Баратовъ были вызваны къ Главнокомандующему.

По ихъ разсказу ген. Деникинъ встрѣтилъ ихъ словами:

– Браните меня, какъ хотите, за то, что я учинилъ съ Совѣтомъ, но я былъ вынужденъ это сдѣлать въ интересахъ самого же Совѣта.

Дальше ген. Деникинъ намекнулъ, что надъ головами министровъ въ Севастополѣ нависла непосредственная угроза*.

Затѣмъ ген. Деникинъ сослался, что М. В. Бернацкій напуталъ въ разговорѣ по прямому проводу, ибо онъ, ген. Деникинъ, не собирался оформить приказа о упраздненіи до разговора по прямому проводу и тѣмъ болѣе опубликовать приказъ.

Прощаясь, ген. Деникинъ выразилъ желаніе лично проститься со всѣми нами.

М. В. Бернацкій, просившій еще ранѣе Н. М. Мельникова и Н. В. Чайковскаго посѣтить его, предложилъ первому портфель юстиціи въ «дѣловомъ учрежденіи», а Н. В. Чайковскому дипломатическое представительство.

На вопросъ Н. В. Чайковскаго, что это за «дѣловое учрежденіе», М. В. Бернацкій разъяснилъ:

– Въ сущности, Правительство теперь должно быть чѣмъ-то, вродѣ канцеляріи при Главнокомандующемъ.

– Быть посломъ отъ канцеляріи я не могу, – отвѣтилъ Н. В. Чайковскій.

Н. М. Мельниковъ отъ портфеля въ этомъ учрежденіи отказался еще раньше.

На другой день состоялась «прощальная аудіенція» у Главнокомандующаго.

Отсутствовали М. В. Бернацкій, перешедшій въ «дѣловое учрежденіе», В. Ф. Зеелеръ, оставшійся въ Севастополѣ, П. М. Агѣевъ, наотрѣзъ отказавшійся идти къ ген. Деникину.

* Пусть даже эта угроза была. Но все же было бы болѣе правильнымъ предоставить самимъ и каждому изъ министровъ распорядиться своею собственной головою.

Главнокомандующій въ Ѳеодосіи имѣлъ пребываніе въ гостиницѣ «Асторія», и послѣдняя встрѣча съ нимъ произошла въ небольшой комнатѣ, едва вмѣстившей насъ.

Ген. Деникинъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты, смущенно поздоровался съ каждымъ изъ насъ. Нѣкоторое время царило молчаніе.

Н. М. Мельниковъ отъ имени всѣхъ насъ пожелалъ военныхъ успѣховъ Главному Командованію, которымъ долженъ сопутствовать путь искренняго демократизма.

Ген. Деникинъ отвѣтилъ, что демократическая линія, разъ принятая, будетъ проводиться послѣдовательно, были бы лишь военные успѣхи, и бѣгло ознакомилъ насъ съ военнымъ положеніемъ.

Когда ген. Деникинъ умолкъ, Н. В. Чайковскій задалъ вопросъ:

— Антонъ Ивановичъ, но все же, что васъ побудило совершить этотъ переворотъ?

— О какомъ переворотѣ говорите вы? — переспросилъ ген. Деникинъ.

— Объ упраздненіи Совѣта Министровъ.

— Что это, допросъ? — вдругъ вспыхнулъ ген. Деникинъ.

— Нѣтъ, это естественный вопросъ человѣка, давшаго свое имя и силы для совмѣстной работы и устраненнаго внезапно отъ этой работы.

— Я назначаю, я и увольняю, — глухо отвѣтилъ ген. Деникинъ. — Къ тому же объ этомъ я уже подробно говорилъ съ вашимъ Предсѣдателемъ.

— Я больше вопросовъ не имѣю, — закончилъ этотъ разговоръ Н. В. Чайковскій.

Ф. С. Сушковъ указалъ на неблагопріятное впечатлѣніе, какое должно получиться отъ единоличнаго акта Главнокомандующаго, упразднившаго своею волей Правительство, возникшее въ результатѣ столь долгихъ переговоровъ, взаимныхъ уступокъ и соглашенія съ казачествомъ.

— Послѣ этого акта, — закончилъ Ф. С. Сушковъ, — въ опредѣленныхъ кругахъ будутъ культивировать убѣжденіе, что окончательно утрачена связь казачества съ Главнымъ Командованіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ мы простились съ Главнокомандующимъ.

Подъ Благовѣщенье, весною 1920 года, пароходъ «Викторія», на которомъ находился бывшій Совѣтъ Министровъ, по пути въ Константинополь, зашелъ въ Батумъ.

Здѣсь предполагали сойти Н. Н. Баратовъ, Я. Л. Щуплякъ и П. М. Агѣевъ. Не захотѣлось и мнѣ отрываться отъ Россіи.

Уже изъ газетъ въ Батумѣ я узналъ о военномъ совѣщаніи въ Севастополѣ, о вступленіи ген. П. Н. Врангеля въ званіе Главнокомандующаго и объ отъѣздѣ ген. Деникина въ Константинополь, гдѣ судьба готовила ему еще одинъ тяжкій ударъ — смерть отъ руки русскаго офицера его ближайшаго друга и сотрудника ген. И. П. Романовскаго.

ДОКУМЕНТЫ

ИСПОВѢДЬ

В. И. Кельсіева

Вступительныя замѣчанія

Василій Ивановичъ Кельсіевъ (род. въ 1835 г., умеръ въ 1872 г.) игралъ видную роль въ русской эмиграціи 60-хъ годовъ. Принималъ участіе въ «Колоколѣ» и издавалъ при «Колоколѣ» приложеніе, подъ названіемъ: «Общее вѣче», въ которомъ обсуждались особенно интересовавшіе его вопросы русскаго раскола. Въ 1862 г. ѣздилъ подъ фальшивымъ паспортомъ въ Россію, чтобы вступить въ непосредственныя сношенія съ раскольниками, которые, по его мнѣнію, должны были быть главной опорой русскаго революціоннаго движенія. По возвращеніи изъ Россіи за-границу провелъ нѣсколько лѣтъ на Балканахъ, среди раскольниковъ и сектантовъ. Въ 1867 г., разочаровавшись въ революціонномъ движеніи, добровольно предался въ руки русскихъ властей. Отправленный въ Петербургъ, въ III-ье Отдѣленіе, составилъ печатаемую ниже исповѣдь, въ которой подробно изложилъ, какъ свою біографію, такъ и мотивы, заставившіе его отказаться отъ революціонной работы. Онъ былъ прощенъ и освобожденъ изъ заключенія.

А. И. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» (т. V, стр. 112–128, изд. «Слово», Берлинъ 1921 г.) посвятилъ В. И. Кельсіеву слѣдующія строки.

«Имя В. Кельсіева пріобрѣло въ послѣднее время печальную извѣстность: быстрота внутренней и скорость внѣшней перемѣны, удачность раскаянія, неотлагаемая потребность всенародной исповѣди и ея странная усѣченность, безтактность разсказа, неумѣстная смѣшливость рядомъ съ неприличной въ кающемся и прощенномъ развязностью; — все это, при непривычкѣ нашего общества къ крутымъ и гласнымъ превращеніямъ, вооружило противъ него лучшую часть нашей журналистики. Кельсіеву хотѣлось во что-бы то ни стало — занимать собою публику; онъ и накупился на видное мѣсто мишенью, въ которую каждый бросаетъ камень не жалѣя. Я далекъ отъ того, чтобъ порицать нетерпимость, которую показала въ этомъ случаѣ наша дремлющая литература. Негодованіе это свидѣтельствуетъ о томъ, что много свѣтлыхъ, неиспорченныхъ силъ уцѣлѣли у насъ, несмотря на черную полосу нравственной неурядицы и безнравственнаго слова. Негодованіе, опрокинувшееся на Кельсіева, то самое, которое нѣкогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворенія и отвернулось отъ Гоголя за его «переписку съ друзьями».

Бросать въ Кельсіева камнемъ лишнее, въ него и такъ брошена цѣлая мостовая. Я хочу передать другимъ и напомнить ему, какимъ онъ явился къ намъ въ Лондонъ и какимъ уѣхалъ во второй разъ въ Турцію.

Пусть онъ сравнитъ самыя тяжелыя минуты тогдашней жизни съ лучшими своей теперешней карьеры.

Страницы эти писаны прежде раскаянья и покаянья, прежде метемпсихозы и метаморфозы. Я въ нихъ ничего не измѣнилъ и добавилъ только отрывки изъ писемъ. Въ моемъ бѣгломъ очеркѣ Кельсіевъ представленъ такъ, какъ онъ остался въ памяти до его появленія на лодкѣ въ скулянскую таможню, въ качествѣ запрещеннаго товара, просящаго конфискаціи и поступленія съ нимъ по законамъ.

Въ 1859 году получилъ я первое письмо отъ него.

Письмо отъ Кельсіева было изъ Плимута. Онъ туда приплылъ на пароходѣ Сѣверо-Американской компаніи и отправлялся куда-то въ Ситху или Уполамай на

службу. Погостивши въ Плимутѣ, ему расхотѣлось ѣхать на Алеутскіе острова и онъ писалъ ко мнѣ, спрашивая, можно-ли ему найти пропитаніе въ Лондонѣ. Онъ успѣлъ уже въ Плимутѣ познакомиться съ какими-то теологами и сообщалъ мнѣ, что они обратили его вниманіе на замѣчательныя истолкованія пророчествъ. Я предостерегъ его отъ англійскихъ клерджименовъ и звалъ въ Лондонъ, «если онъ дѣйствительно хочетъ работать». Недѣли черезъ двѣ онъ явился. Молодой, довольно высокій, худой, болѣзненный, съ четвероугольнымъ черепомъ, съ шапкой волосъ на головѣ, — онъ мнѣ напоминалъ — не волосами (тотъ былъ плѣшивъ) — а всѣмъ существомъ своимъ Энгельсона, и дѣйствительно онъ очень многимъ былъ похожъ на него. Съ перваго взгляда можно было замѣтить много неустроеннаго и неустоявшагося, — но ничего пошлаго. Видно было, что онъ вышелъ на волю изъ всѣхъ опекъ и крѣпостей, но еще не приписался ни къ какому дѣлу и обществу: — цѣли не имѣлъ. Онъ былъ гораздо моложе Энгельсона, но все-же принадлежалъ къ позднѣйшей шеренгѣ Петрашевцевъ и имѣлъ часть ихъ достоинствъ и всѣ недостатки, учился всему на свѣтѣ и ничему не научился до тла, читалъ всякую всячину и надо всѣмъ ломалъ довольно безплодно голову. Отъ постоянной критики всего общепринятаго Кельсіевъ раскачалъ въ себѣ всѣ нравственныя понятія и не пріобрѣлъ никакой нити поведенья.

Особенно оригинально было то, что въ скептическомъ ощупываніи Кельсіева сохранилась какая-то примѣсь мистическихъ фантазій: онъ былъ нигилистъ съ религіозными пріемами, нигилистъ въ дьяконовскомъ стихарѣ. Церковный оттѣнокъ, нарѣчіе и образность остались у него въ формѣ, въ языкѣ, въ слогѣ*, и придавали всей его жизни особый характеръ и особое единство, основанное на спайкѣ противоположныхъ металловъ.

У Кельсіева шелъ тотъ знакомый намъ переборъ, который дѣлаетъ почти всегда въ самомъ дѣлѣ проснувшійся русскій внутри себя и о которомъ вовсе не думаетъ за недосугомъ и заботами западный человѣкъ, втянутый своими спеціальностями въ другія дѣла; старшіе братья наши не провѣряютъ задовъ, и отъ того у нихъ смѣняются поколѣнія, строя и разрушая, награждая и наказуя, надѣвая вѣнки и кандалы, твердо увѣренные, что такъ и надобно, что они дѣлаютъ дѣло. Кельсіевъ, напротивъ, сомнѣвался во всемъ и не принималъ на слово ни добро — добра, ни зло — зла. Кобенящійся духъ этотъ, отрѣшающійся отъ впередъ идущей нравственности и готовыхъ истинъ, накипѣлъ всего больше въ micarême нашего николаевскаго поста и рѣзко сталъ высказываться, когда гиря, давившая наши мозги, приподнялась на одну линію. На этотъ полный жизни и отваги анализъ и накинулась богъ вѣсть что хранящая консервативная литература, а за ней и правительство.

Во время нашего пробужденія — подъ звуки севастопольскихъ пушекъ, съ чужихъ словъ, многіе изъ нашихъ умниковъ пошли повторять, что западный консерватизмъ у насъ фактъ правильный, что насъ наскоро подогнали къ европейскому образованію не для того, чтобъ дѣлиться съ нимъ наслѣдственными болѣзнями и застарѣлыми предразсудками, а для «сравненія съ старшими», для того, чтобъ была возможность съ ними идти ровнымъ шагомъ впередъ. Но какъ только мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что у проснувшейся мысли, что у возмужалаго слова нѣтъ ничего твердаго, «ничего святаго», а есть вопросы и задачи, что мысль ищетъ, что слово отрицаетъ, что дурное раскачивается вмѣстѣ съ «завѣдомо» хорошимъ и что духъ пытанія и сомнѣнія влечетъ все, все безъ разбора — въ пропасть лишенную перилъ — тогда крикъ ужаса и изступленія вырывается изъ груди, и пассажиры первыхъ классовъ закрываютъ глаза, чтобъ не видать, какъ вагоны сорвутся съ рельсовъ, а кондукторы тормозятъ и останавливаютъ всякое движеніе.

Разумѣется, бояться — причины нѣтъ: возникающая сила слишкомъ слаба, чтобъ матеріально сдвинуть шестидесятимилліоный поѣздъ съ рельсовъ. Но въ ней была программа, можетъ быть пророчество.

Кельсіевъ развился подъ первымъ вліяніемъ времени, о которомъ мы говорили. Онъ далеко не осѣлся, не дошелъ ни до какого центра тяжести, но онъ былъ въ полной ликвидаціи всего нравственнаго имущества. Отъ стараго онъ отрѣшился, твердое распустилъ, берегъ оттолкнулъ, и, очертя голову, пустился въ широкое море. Равно подозрительно и съ недовѣріемъ относился онъ къ вѣрѣ и къ невѣрію, къ русскимъ порядкамъ и къ порядкамъ западнымъ.

Одно, что пустило корни въ его груди, было сознаніе страстное и глубокое эко-

* Петрашевцами заключаются у насъ сильно занимавшіеся юноши; ихъ можно назвать послѣднимъ классомъ нашего учебнаго историческаго развитія.

номической неправды современнаго государственнаго строя, и въ силу этого, ненависть къ нему и темное стремленіе къ соціальнымъ теоріямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ выходъ.

На это сознаніе неправды и на эту ненависть, сверхъ пониманья, онъ имѣлъ неотъемлемое право.

Въ Лондонѣ онъ поселился въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей города, въ глухомъ переулкѣ Фулама, населенномъ матовыми, подернутыми чѣмъ-то пепельнымъ, ирландцами и всякими исхудалыми работниками. Въ этихъ сырыхъ каменныхъ корридорахъ безъ крыши страшно тихо, звуковъ почти нѣтъ никакихъ, ни свѣта, ни цвѣта: люди, плошки, дома, все полиняло и осунулось; дымъ и сажа обвели всѣ линіи траурнымъ ободкомъ. По нимъ не трещатъ телѣжки лавочниковъ, развозящихъ съѣстные припасы, не ѣздятъ извощичьи кареты, не кричатъ разнощики, не лаютъ собаки (послѣднимъ рѣшительно нечѣмъ питаться); изрѣдка только выходитъ какая нибудь худая взъерошенная и покрытая углемъ кошка, проберется по крышѣ и подойдетъ къ трубѣ погрѣться, выгибая спину и обличая видомъ, что внутри дома она передрогла.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ Кельсіева, его не было дома. Очень молодая, очень некрасивая женщина — худая, лимфатическая, съ заплаканными глазами, сидѣла у тюфяка, постланнаго на полу, на которомъ весь въ лихорадкѣ и жарѣ метался, страдалъ, умиралъ ребенокъ, году или полутора.

Я посмотрѣлъ на его лицо и вспомнилъ предсмертныя черты другого ребенка, это было то же выраженіе. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, другой родился.

Бѣдность была всесовершеннѣйшая. Молодая, тщедушная женщина, или лучше, замужняя дѣвочка, выносила ее геройски и съ необычайной простотой.

Думать нельзя было, глядя на ея болѣзненную, золотушную, слабую наружность, что за мощь, что за сила преданности обитала въ этомъ хиломъ тѣлѣ. Она могла служить горькимъ урокомъ нашимъ записнымъ романистамъ. Она была, хотѣла быть тѣмъ, что впослѣдствіи назвали **нигилисткой**, странно чесала волосы, небрежно одѣвалась, много курила, не боялась ни смѣлыхъ мыслей, ни смѣлыхъ словъ; она не умилялась передъ семейными добродѣтелями, не говорила о священномъ долгѣ, о сладости жертвы, которую совершаетъ ежедневно, и о легкости креста, давившаго ея молодыя плечи. Она не кокетничала своей борьбой съ нуждой и дѣлала все: шила и мыла, кормила ребенка, варила мясо и чистила комнату. Твердымъ товарищемъ была она мужу и великой страдалицей сложила голову свою на дальнемъ востокѣ, слѣдуя за блуждающимъ, безпокойнымъ бѣгомъ своего мужа, и потерявъ рядомъ двухъ послѣднихъ малютокъ.

Поборолся я сначала съ Кельсіевымъ, старался его убѣдить, чтобъ онъ не отрѣзывалъ себѣ съ самаго начала, не извѣдавши жизни изгнанника, пути къ возвращенію.

Я ему говорилъ, что надобно прежде узнать нужду на чужбинѣ, нужду въ Англіи, особенно въ Лондонѣ; я ему говорилъ, что въ Россіи теперь дорога всякая сила.

— Что вы будете здѣсь дѣлать? – спрашивалъ я его. Кельсіевъ собирался всему учиться и обо всемъ писать; пуще всего хотѣлъ онъ писать о женскомъ вопросѣ, о семейномъ устройствѣ.

— Пишите прежде — говорилъ я ему — объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Это первый вопросъ, стоящій на дорогѣ. – Но симпатіи Кельсіева были не туда обращены. Онъ дѣйствительно принесъ мнѣ статью о женскомъ вопросѣ. Она была безмѣрно плоха. Кельсіевъ посердился, что я ее не напечаталъ, и самъ благодарилъ меня за это, года два спустя.

Возвращаться онъ не хотѣлъ. Во чтобъ ни стало надобно было найти ему работу. За это мы и принялись. Теологическія эксцентричности его намъ помогли. Мы доставили ему корректуру Св. Писанія, издаваемаго по русски лондонскимъ библейскимъ обществомъ, затѣмъ передали ему кипу бумагъ, полученныхъ нами въ разное время, по части старообрядцевъ. За изданіе ихъ и приведеніе въ порядокъ Кельсіевъ принялся со страстью. То, о чемъ онъ догадывался и мечталъ, то раскрывалось передъ нимъ фактически: грубо наивный соціализмъ въ евангельской ризѣ сквозилъ ему въ расколѣ. Это было лучшее время въ жизни Кельсіева, онъ съ увлеченіемъ работалъ и прибѣгалъ иногда вечеромъ ко мнѣ указать какую нибудь соціальную мысль духоборцевъ, молоканъ, какое нибудь коммунистическое ученіе Ѳедосѣевцевъ; онъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ скитанія по лѣсамъ, ставилъ идеаломъ своей жизни скитаться между ними и сдѣлаться учителемъ соціально-христіанскаго раскола въ Бѣлокриницѣ или Россіи.

И дѣйствительно, Кельсіевъ былъ въ душѣ «бѣгуномъ», бѣгуномъ нравственнымъ и практическимъ: его мучили неустоявшіяся мысли, тоска. На одномъ мѣстѣ онъ оставаться не могъ. Онъ нашелъ работу, занятіе, безбѣдное пропитаніе, но не нашелъ дѣла, которое-бы поглотило совсѣмъ его безпокойный темпераментъ; онъ былъ готовъ искать его, готовъ былъ не только идти всюду, но поступить въ монахи, принявъ священство безъ вѣры.

Настоящій русскій человѣкъ, Кельсіевъ всякій мѣсяцъ дѣлалъ новую программу занятій, придумывалъ проекты и брался за новую работу, не кончивъ старой. Работалъ онъ запоемъ и запоемъ ничего не дѣлалъ. Онъ схватывалъ вещи легко, но тотчасъ удовлетворялся до пресыщенія, изъ всего тянулъ онъ с разу жилы до послѣдняго вывода, а иногда и подальше.

Сборникъ о раскольникахъ шелъ успѣшно; онъ издалъ шесть частей, быстро расходившихся. Правительство, видя это, позволило обнародованіе свѣдѣній о старообрядцахъ. Тоже случилось съ переводомъ библіи. Переводъ съ еврейскаго не удался, Кельсіевъ попробовалъ сдѣлать un tour de force и перевести «слово въ слово», несмотря на то, что грамматическія формы семитическихъ языковъ вовсе не совпадаютъ съ славянскими. Тѣмъ не меньше, выпущенные ливрезоны разошлись мгновенно, и святѣйшій сvнодъ, испугавшись заграничнаго изданія, благословилъ печатаніе стараго завѣта на русскомъ языкѣ. Эти обратныя побѣды никогда никѣмъ не были поставлены въ credit нашего станка.

Въ концѣ 1862 Кельсіевъ отправился въ Москву съ цѣлью завести прочныя связи съ раскольниками. Поѣздку эту онъ когда нибудь долженъ самъ разсказать. Она невѣроятна, невозможна, а на дѣлѣ дѣйствительно была. Въ этой поѣздкѣ отвага граничитъ съ безуміемъ; въ ней опрометчивость почти преступная, но уже конечно не я буду его винить въ ней. Неосторожная болтовня за границей могла сдѣлать много бѣдъ. Но къ дѣлу и оцѣнкѣ самой поѣздки это не идетъ.

Возвратясь въ Лондонъ, онъ принялся по требованію Трюбнера за составленіе русской грамматики для англичанъ и за переводъ какой-то финансовой книги. Ни того, ни другаго онъ не кончилъ: путешествіе сгубило его Sitzfleisch. Онъ тяготился работой, впадалъ въ ипохондрію, унывалъ; а работа была нужна, денегъ опять не было ни гроша. Къ тому-же и новый червь начиналъ точить его. Успѣхъ поѣздки, безспорно доказанная отвага, таинственные переговоры, побѣда надъ опасностями, все это раздуло въ его груди и безъ того сильную струю самолюбія; обратно Цезарю, Донъ Карлосу и Вадиму Пассекъ, Кельсіевъ, запуская руки въ свои густые волосы, говорилъ, покачивая грустно головой: «Еще нѣтъ тридцати лѣтъ, и уже такая отвѣтственность взята мною на плечи». Изъ всего этого легко можно было понять, что грамматики онъ не кончитъ, а уйдетъ. Онъ и ушелъ. Ушелъ онъ въ Турцію, съ твердымъ намѣреніемъ еще больше сблизиться съ раскольниками, составить новыя связи и, если возможно, остаться тамъ и начать проповѣдь вольной церкви и общиннаго житья. Я писалъ ему длинное письмо, убѣждая его не ѣздить, а продолжать работу. Но страсть къ скитанію, желаніе подвига и великой судьбы, мерещившейся ему, были сильнѣе, и онъ уѣхалъ. Онъ и Мартьяновъ исчезаютъ почти въ одно время. Одинъ, чтобъ послѣ ряда несчастій и испытаній хоронить своихъ и потеряться между Яссами и Галацомъ; другой, чтобъ схоронить себя на каторжной работѣ, куда его сослала неслыханная тупость царя и неслыханная злоба мстящихъ помѣщиковъ-сенаторовъ.

Послѣ нихъ являются на сцену люди другого чекана. Наша общественная метаморфоза, не имѣя большой глубины и захватывая очень тонкій слой, быстро изнашиваетъ и измѣняетъ формы и цвѣта.

Между Энгельсономъ и Кельсіевымъ уже цѣлая формація, какъ между нами и Энгельсономъ. Энгельсонъ былъ человѣкъ сломленный, оскорбленный; зло, сдѣланное ему всей средой, міазмы, которыми онъ дышалъ съ дѣтства, изуродовали его. Лучъ свѣта скользнулъ по немъ и отогрѣлъ его года за три до его смерти, когда уже неостанавливаемый недугъ грызъ его грудь. Кельсіевъ, тоже помятый и попорченный средой, явился однако безъ отчаянія и устали; оставаясь за границей, онъ не просто шелъ на покой, но просто бѣжалъ безъ оглядки отъ тяжести: онъ шелъ куда-то. Куда? — этого онъ не зналъ (и тутъ всего ярче выразился видовой оттѣнокъ его класта), опредѣленной цѣли онъ не имѣлъ; онъ ее искалъ покамѣстъ, осматривался и приводилъ въ порядокъ, а пожалуй и въ безпорядокъ всю массу идей, захваченныхъ въ школѣ, книгахъ и жизни. Внутри у него шла ломка, о которой мы говорили, и она для него была существеннымъ вопросомъ, которымъ онъ

жилъ, выжидая или такого дѣла, которое поглотило-бы его, или такую мысль, которой-бы онъ отдался.

Потаскавшись въ Турціи, Кельсіевъ рѣшился поселиться въ Тульчѣ; тамъ онъ хотѣлъ учредить средоточіе своей пропаганды между раскольниками, школу для казацкихъ дѣтей и сдѣлать опытъ общинной жизни, въ которой прибыль и убыль должна была падать на всѣхъ, чистая и не чистая, легкая и трудная работа — обдѣлываться всѣми. Дешевизна помѣщенья и съѣстныхъ припасовъ дѣлали опытъ возможнымъ. Онъ сблизился съ старымъ атаманомъ Некрасовцевъ, Гончаромъ, и въ началѣ превозносилъ его до небесъ.

Лѣтомъ въ 1863 подъѣхалъ къ нему его меньшой братъ Иванъ, прекрасный, даровитый юноша. Онъ былъ по студентскому дѣлу высланъ изъ Москвы въ Пермь; тамъ попался къ негодяю губернатору, который его тѣснилъ. Потомъ его опять вызвали въ Москву для какихъ-то показаній; ему грозила ссылка далѣе Перми. Онъ бѣжалъ изъ частнаго дома и пробрался черезъ Константинополь въ Тульчу. Старшій братъ былъ чрезвычайно радъ ему; онъ искалъ товарищей и наконецъ звалъ жену, которая рвалась къ нему, и жила на нашемъ попеченьи въ Тедингтонѣ. Пока мы ее снаряжали, явился въ Лондонъ и самъ Гончаръ.

Хитрый старикъ, почуявшій смуты и войны, вышелъ изъ своей берлоги понюхать воздухъ и посмотрѣть, чего откуда можно ждать, т. е. съ кѣмъ идти и противъ кого. Не зная ни одного слова, кромѣ по русски и по турецки, онъ отправился въ Марсель и оттуда въ Парижъ. Въ Парижѣ онъ видѣлся съ Чарторижскимъ и Замойскимъ; говорятъ даже, что его возили къ Наполеону; отъ него я этого не слыхалъ. Переговоры ни къ чему не привели, и сѣдой казакъ, качая головой и щуря лукавыми глазами, написалъ каракульками семнадцатаго столѣтія ко мнѣ письмо, въ которомъ, называя меня «графомъ», спрашивалъ — можетъ ли пріѣхать къ намъ и какъ насъ найти. Мы жили тогда въ Тедингтонѣ; безъ языка не легко было добиться до насъ, и я поѣхалъ въ Лондонъ на желѣзную дорогу встрѣтить его. Выходитъ изъ вагона старый русскій мужикъ, изъ зажиточныхъ, въ сѣромъ кафтанѣ, съ русской бородой, скорѣе худощавый, но крѣпкій, мускулистый, довольно высокій и загорѣлый, несетъ узелокъ въ цвѣтномъ платкѣ.

— Вы Осипъ Семеновичъ? — спрашиваю я.

— Я, батюшка, я. — Онъ подалъ мнѣ руку. Кафтанъ распахнулся, и я увидѣлъ на поддевкѣ большую звѣзду, разумѣется турецкую: русскихъ звѣздъ мужикамъ на даютъ. Поддевка была синяя и оторочена широкой пестрой тесьмой, этого я въ Россіи не видалъ.

— Я такой-то, пріѣхалъ васъ встрѣтить, да проводить къ намъ.

— Что-же ты это, ваше сіятельство, самъ безпокоился... того... ты бы того, кого нибудь..

— Это ужъ оттого видно, что я не сіятельство. Съ чего-же, Осипъ Семеновичъ, вы выдумали меня называть графомъ?

— А Христосъ тебя знаетъ, какъ величать; ты небось въ своемъ дѣлѣ во главѣ стоишь. Ну, а я — того, человѣкъ темный, ну и говорю: графъ, т. е. сіятельный, т. е. голова.

Не только оборотъ рѣчи, но и произношеніе у Гончара было великорусское, крестьянское. Какъ у нихъ въ захолустьи, окруженномъ иноплеменными, такъ славно сохранился языкъ? — трудно было бы понять безъ старообрядческаго мерщенія. Расколъ ихъ выдѣлилъ такъ строго, что никакое чужое вліяніе не переходило за ихъ частоколъ.

Гончаръ прожилъ у насъ три дня. Первые дни онъ ничего не ѣлъ, кромѣ сухого хлѣба, который привезъ съ собой, и пилъ одну воду. На третій день было воскресенье; онъ разрѣшилъ себѣ стаканъ молока, рыбу, варенную въ водѣ и, если не ошибаюсь, рюмку хереса.

Русское себѣ на умѣ, восточная хитрость, осмотрительность охотника, сдержанность человѣка, привыкшаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ полному безправію и къ сосѣдству сильныхъ враговъ, долгая жизнь, проведенная въ борьбѣ, въ настойчивомъ трудѣ, въ опасностяхъ, все это такъ и сквозило изъ за мнимо простыхъ чертъ и простыхъ словъ сѣдого казака. Онъ постоянно оговаривался, употреблялъ уклончивыя фразы, тексты изъ Священнаго Писанія, дѣлалъ скромный видъ, очень сознательно разсказывая о своихъ успѣхахъ и, если иногда увлекался въ разсказахъ о прошломъ и говорилъ много, то навѣрное никогда не проговорился о томъ, очемъ хотѣлъ молчать.

Этотъ закалъ людей на Западѣ почти не существуетъ. Онъ не нуженъ такъ, какъ не нужна дамасская сталь для лезвія перочиннаго ножа.

Въ Европѣ все дѣлается гуртомъ, массой; человѣку одиночно не нужно столько силы и осторожности.

Въ успѣхъ польскаго дѣла онъ уже не вѣрилъ и говорилъ о своихъ парижскихъ переговорахъ, покачивая головой. — «Намъ, конечно, гдѣ-же сообразить: мы люди маленькіе, темные, а они вонъ поди какъ, ну вельможи, какъ слѣдуетъ; только эдакъ нравъ-то легкій. Ты, молъ, Гончаръ не сумлевайся: вотъ какъ справимся, мы то и то сдѣлаемъ для тебя напримѣръ. Понимаешь?.. все будетъ въ удовольствіе. Оно точно, люди они добрые, да поди вотъ, когда справятся... съ такой политикой». Ему хотѣлось разузнать, какія у насъ связи съ раскольниками и какія опоры въ краѣ; ему хотѣлось осязать, можетъ-ли быть практическая польза въ связи старообрядцевъ съ нами. Въ сущности для него было все равно, онъ пошелъ бы равно съ Польшей и Австріей, съ нами и съ Греками, съ Россіей и съ Турціей, лишь-бы это было выгодно для его Некрасовцевъ. Онъ и отъ насъ уѣхалъ, качая головой. Написалъ потомъ два-три письма, въ которыхъ между прочимъ жаловался на Кельсіева, и подалъ, вопреки нашего мнѣнія, адресъ государю.

Въ началѣ 1864 поѣхали въ Тульчу два русскихъ офицера, оба эмигранта: Краснопѣвцевъ и В. Маленькая колонія сначала дружно принялась за работу. Они учили дѣтей и солили огурцы, чинили свои платья и копались въ огородѣ. Жена Кельсіева варила обѣдъ и обшивала ихъ. Кельсіевъ былъ доволенъ началомъ, доволенъ казаками и раскольниками, товарищами и турками*.

Кельсіевъ писалъ еще намъ свои юмористическіе разсказы о ихъ водвореніи, а уже черная рука судьбы была занесена надъ маленькой кучкой Тульчинскихъ общинниковъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1864, ровно черезъ годъ послѣ своего пріѣзда умеръ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, на рукахъ своего брата, въ злѣйшемъ тифѣ, Иванъ Кельсіевъ. Смерть его была для брата страшнымъ ударомъ; онъ самъ занемогъ, но какъ-то отходился. Письма его того времени ужасны. Духъ, поддерживавшій отшельниковъ, упалъ, угрюмая скука овладѣвала ими; начались преступленія и ссоры. Гончаръ писалъ, что Кельсіевъ сильно пьетъ. Краснопѣвцевъ застрѣлился. В. ушелъ. Дальше не могъ вытерпѣть и Кельсіевъ; онъ взялъ свою жену и своихъ дѣтей (у него еще родился ребенокъ) и, безъ средствъ, безъ цѣли, отправился сначала въ Константинополь, потомъ въ Дунайскія княжества. Совершенно отрѣзанный отъ всѣхъ, отрѣзанный на время даже отъ насъ, онъ въ это время разошелся съ Польской эмиграціей въ Турціи. Напрасно искалъ онъ заработать кусокъ хлѣба, съ отчаяніемъ смотрѣлъ онъ на изнуреніе бѣдной женщины и дѣтей. Деньги, которыя мы посылали иногда, не могли быть достаточны. «Случалось, что у насъ вовсе не было хлѣба», — писала незадолго до своей смерти его жена. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій Кельсіевъ нашелъ въ Галацѣ мѣсто «надзирателя за шоссейными работами». Скука томила, грызла его. Онъ не могъ не винить себя въ положеніи семьи. Невѣжество дико-восточнаго міра оскорбляло его; онъ въ немъ чахнулъ и рвался вонъ. Вѣру въ раскольниковъ онъ утратилъ; вѣру въ Польшу утратилъ; вѣра въ людей, въ науку, въ революцію, колебались сильнѣй и сильнѣй, и можно было легко предсказать, когда и она рухнется. Онъ только и мечталъ, чтобъ во что бы то ни стало вырваться опять на свѣтъ, пріѣхать къ намъ, и съ ужасомъ видѣлъ, что ему покинуть семью нельзя. «Еслибъ я былъ одинъ, — писалъ онъ нѣсколько разъ, — я съ дагеротипомъ или органомъ ушелъ бы куда глаза глядятъ и, потаскавшись по міру, пѣшкомъ явился бы въ Женеву».

Помощь была близка.

«Малуша» (такъ звали старшую дочь) легла здоровая спать, проснулась ночью больная; къ утру умерла холерой. Черезъ нѣсколько дней умеръ меньшой; мать свезли въ больницу. У ней открылась острая чахотка.

«Помнишь-ли, ты когда-то мнѣ обѣщалъ сказать, когда я буду умирать, что это смерть. Смерть-ли это?»

«Смерть, другъ мой, смерть».

И она еще разъ улыбнулась, впала въ забытье и умерла...»

* И вотъ эта ужасная Тульчинская агенція, имѣвшая сношенія съ всемірной революціей, поджигавшая русскія деревни на деньги изъ Маццинеевскихъ кассъ, грозно дѣйствовавшая года черезъ два послѣ того, какъ перестала существовать, и теперь еще поминаемая въ литературѣ сыщиковъ и въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ Каткова!

Прежде чѣмъ я приступлю къ изложенію моей прошлой дѣятельности противъ правительства, я долженъ сдѣлать оговорку, что если нѣкоторые факты или подробности будутъ упущены мною въ настоящемъ изложеніи, то это случится никоимъ образомъ не изъ умысла, а или по забывчивости, или потому, что подробности эти кажутся мнѣ не заслуживающими вниманія. Я буду стараться не дѣлать подобныхъ пропусковъ, но, если они случатся, то покорнѣйшу прошу ВЫСОЧАЙШЕ учрежденную надо мною Коммисію, не ставить мнѣ ихъ въ вину, такъ какъ я на каждый вопросъ и на каждый случай изъ моей жизни, всегда оходно дамъ отдѣльное показаніе или поясненіе въ видѣ приложенія къ настоящей запискѣ. Раскаяніе мое искренно и откровенность моя, какъ и самая моя сдача правительству, не вынуждены.

Записка моя — необходимо для ясности изложенія — должна распасться на слѣдующіе пять отдѣловъ.

1) Дѣятельность въ Лондонѣ, съ ноября 1859 г. по мартъ 1862 года, когда я занимался изученіемъ раскола, революціонныхъ ученій и т. п., а равно и изданіемъ «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ».

2) Поѣздка въ Россію съ турецкимъ паспортомъ на имя Василія Яни, въ мартѣ 1862, для соединенія сектантовъ съ партіею «Колокола».

3) Дѣятельность въ Цареградѣ, съ октября 1862 по декабрь 1863 года, когда я старался соединить въ одно всѣ противу-правительственные элементы: сектантовъ, черкесовъ, поляковъ и т. п.

4) Пребываніе въ Тульчѣ, съ декабря 1863 по апрѣль 1865 года, гдѣ я былъ атаманомъ русскихъ выходцевъ, и гдѣ я убѣдился фактами въ несостоятельности моихъ политическихъ вѣрованій.

5) Пребываніе въ Галацѣ (съ апрѣля 1865 по апрѣль 1866), въ Вѣнѣ, въ Венгріи, въ Галичинѣ (по ноябрь 1866) и въ Яссахъ до 19-го мая сего 1867 года, когда я явился въ Скулянскую таможню, съ просьбою объ моемъ арестованіи.

Затѣмъ, приступая къ своему разсказу, я обращаюсь къ сердцу Государя и къ доказанному благоразумію его правительства, съ просьбою, что какая-бы участь меня ни постигла, какой-бы карѣ ни былъ я подвергнутъ, обратить, во имя Россіи, вниманіе на причины и обстоятельства, вызвавшія и вызывающія у насъ явленія въ родѣ нигилистовъ или эмигрантовъ. Какъ дѣятельнѣйшій членъ оппозиціи, я видѣлъ слишкомъ близко многое, что совершенно недоступно офиціальнымъ лицамъ, я входилъ въ трущобы, куда не всякій рѣшился-бы заглянуть, да мало кто и заглядывалъ, я изучалъ и изучалъ добросовѣстно партіи, стоящія за и противъ правительства... Я кончилъ тѣмъ, что вслѣдствіе этого пристальнаго изученія основныхъ началъ нашей и общеславянской народности, я сдался въ безусловное распоряженіе правительства, которому и представляю теперь мою исповѣдь.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ЛОНДОНѢ

Я пріѣхалъ въ Лондонъ въ маѣ 1859 года. Поводомъ къ этому была болѣзнь моей жены, понудившая меня взять отпускъ на шесть мѣсяцевъ отъ Россійско-американской Компаніи, въ колоніи которой я ѣхалъ старшимъ помощникомъ бухгалтера. Жена моя захворала въ Плимутѣ сильнымъ кровотеченіемъ послѣ родовъ; доктора совѣтовали ей ѣхать на лѣто въ Германію, а для этого нужно было достать паспортъ, такъ какъ, кромѣ отпуска, у меня не было другихъ документовъ. Это обстоятельство и понудило ѣхать въ Лондонъ, но поѣздка, при дурномъ устройствѣ англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, при чрезвычайно короткихъ остановкахъ на станціяхъ и при чрезвычайно длинныхъ туннеляхъ, сильно потрясла только что оправившееся здоровье моей жены и очень дурно подѣйствовала на ребенка, котораго она сама не могла кормить грудью. Я пріѣхалъ въ Лондонъ съ больною семьей и долженъ былъ остаться тамъ на цѣлое лѣто, такъ какъ паспортъ не приходилъ изъ Петербурга. Настала осень, ребенокъ хирѣлъ и хирѣлъ, жена все была слаба, а между тѣмъ срокъ отпуску выходилъ, нужно было ѣхать въ Гамбургъ, сѣсть на компанейскій корабль «Цесаревичъ» и ѣхать въ Америку, т. е. пройти весь Атлантическій океанъ съ сѣвера на югъ, обогнуть мысъ Горнъ и пройти весь Тихій океанъ съ юга на сѣверъ. Я подалъ прошеніе объ отпускѣ еще на полъ года. Компанія предложила мнѣ или немедленно ѣхать, или подать въ отставку, съ уплатою ей сдѣланныхъ на меня расходовъ; я отдалъ ей въ распоряженіе всю мою движимость, которая уже была въ ея рукахъ, и просилъ ее, что буде продажа моей библіотека и моихъ вещей не покроетъ моего долга, то чтобы она извѣстила меня объ этомъ, и я приму мѣры расквитаться съ нею. Отвѣта отъ нея я не получалъ, равно какъ и семейныхъ бумагъ, находившихся между моими вещами, такъ что до сихъ поръ ничего не знаю о моихъ къ ней отношеніяхъ. Причину ея молчанія я объясняю себѣ тѣмъ, что я вскорѣ послѣ того объявилъ себя эмигрантомъ.

Причины, побудившія меня пойти въ генеральное русское консульство въ Лондонѣ и заявить, что я отказываюсь отъ своей карьеры, что порываю всѣ связи съ отечествомъ, съ родными, съ близкими, заключались въ общемъ тогдашнемъ настроеніи русской молодежи. Герценъ и Огаревъ долго и упорно уговаривали меня отказаться отъ моего намѣренія, — но духъ времени сильнѣе здраваго смысла: я остался въ Лондонѣ противъ ихъ желанія, безъ опредѣленной цѣли, безъ выясненной задачи. «Работать нужно, пропагандировать нужно, это священный долгъ современнаго русскаго», твердилъ я себѣ. Мнѣ тогда было 24 года, Россію я видѣлъ только отъ Петербурга до Новгорода, да и то мелькомъ, жизнь я велъ въ Петербургѣ кабинетную; свѣдѣнія и теоріи мои были почерпнуты изъ книжекъ и изъ разсказовъ такихъ же юношей, какимъ я тогда былъ; занятія мои состояли въ изученіи китайскаго, манчжурскаго, монгольскаго, тибетскаго, санскритскаго языковъ, да нарѣчій нашихъ финскихъ племенъ, а лингвистика, разумѣется, плохо могла содѣйствовать знанію дѣйствительной жизни и общественныхъ отношеній. Я даже и общества тогда избѣгалъ по крайней застѣнчивости моего характера: я былъ человѣкъ книжный, кабинетный, я даже въ Америку ѣхалъ именно для изученія эскимосскихъ и американскихъ нарѣчій, которыя меня сильно интересовали, больше чѣмъ заманчивая перспектива сдѣлаться со временемъ русскимъ консуломъ гдѣ нибудь въ Кантонѣ или въ Шанхаѣ. И вотъ вмѣсто того, чтобы исполнить свое давнишнее намѣреніе, побывать въ русской Америкѣ, повидать племена, живущія по берегамъ Тихаго Океана,

изучить ихъ цивилизацію, языки, нравы, преданія, вѣрованія, — мечта, которую я лелѣялъ съ 15-лѣтняго возраста, — я все бросилъ, отъ всего отрекся и сдѣлался пропагандистомъ. А примиреніе съ Американскою Компаніей было возможно, — стоило только обождать выздоровленія жены...

Я еще въ Петербургѣ былъ захваченъ тѣмъ оппозиціоннымъ движеніемъ умовъ, которое началось у насъ вслѣдствіе неудачъ крымской кампаніи. Рѣдкій кто изъ моихъ тогдашнихъ сверстниковъ не роптал на правительство; довѣріе къ его способности и благонамѣренности падало со дня на день, и молодежь, испуганная и оскорбленная за Россію, волей не волей напрягала всѣ свои силы на изученіе зла и на отысканіе средствъ къ спасенію; Россіи же тогда почти никто хорошо не зналъ, — она вся, со своимъ настоящемъ и прошедшимъ, была покрыта канцелярскою тайной, для изученія ея приходилось обращаться къ рукописной литературѣ да къ сочиненіямъ объ насъ иностранцевъ, то есть къ весьма плохимъ источникамъ. Но и эти скудные источники были тогда запрещены, что и давало имъ огромный вѣсъ въ нашихъ глазахъ. «Зачѣмъ таятъ отъ насъ правду?» разсуждали мы, «отчего все, что у насъ происходитъ, покрыто тайной? Развѣ это не доказательство недобросовѣстности и даже злоумышленности правительства?» — и правительство становилось въ нашихъ глазахъ партіей заговорщиковъ.

Послѣдствія были такія, какихъ и ожидать слѣдовало. Все, что только исходило изъ правительственной среды, впередъ не пользовалось довѣріемъ; все, что заявляло себя противъ правительства и его дѣйствій, впередъ могло разсчитывать на сочувствіе и довѣріе. Запрещенныя книги неминуемо стали казаться тогда чуть не откровеніемъ свыше, и достоинство ихъ стало тоже неминуемо оцѣняться не по содержанію, а по степени запрещенности. Что же мы находили въ этихъ книгахъ, которыя читались съ такою жадностью? — крайнія, революціонныя и философскія ученія! Передъ нами открывался новый міръ, міръ, пожалуй, фантастическій, возможный только въ теоріи, но неофиты всегда страстные охотники до теорій, а особенно до теорій, преслѣдуемыхъ властью. Возражать намъ, вести съ нами полемику, переубѣдить насъ — никто не могъ, потому что никто, или мало кто, заглядывалъ тогда въ Россіи въ эти книги, потому что изученіе этихъ теорій было тогда крайне затруднительно, потому что даже литература не смѣла говорить о нихъ. Какъ духовная цензура содѣйствовала развитію у насъ всякихъ религіозныхъ сектъ, такъ политическая цензура вызвала, необходимымъ сдѣлала возникновеніе той партіи, которую впослѣдствіи стали называть нигилистами. Если-жъ къ этому принять въ разсчетъ смѣлость русскаго ума, который крайне послѣдователенъ въ своихъ выводахъ и ни передъ чѣмъ не останавливается, какъ въ положеніяхъ, такъ и въ отрицаніяхъ, то нигилизмъ и окажется чисто русскимъ, доморощеннымъ явленіемъ. «Русскій человѣкъ», говорятъ наши сектанты, «тѣмъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что онъ правды ищетъ» — и дѣйствительно, страсть къ послѣдовательности, къ развитію каждаго положенія до nec plus ultra, довела простонародье до скопчества, до самосожигательства, до восторженности! — а гимназистовъ, семинаристовъ и студентовъ догнала до такихъ отрицаній, о какихъ Западу и во снѣ не снилось. Послѣдовательность — отличительная черта даже самой исторіи нашей. Владиміръ изъ братоубійцы превратился въ человѣка, совѣстящагося казнить разбойниковъ. Нашъ народный герой Илья Муромецъ, только что на ноги встаетъ, какъ начинаетъ мечтать, что будь въ землю кольцо ввинчено, своротилъ бы онъ мать сыру землю, будь столбъ отъ земли до неба, стряхнулъ бы онъ съ мѣста небо синее. Московскіе бояре задались мыслью собрать землю Русскую и подавить орду поганую — и вотъ не только земля Русская, но даже и значительный лоскутъ Мазовіи сталъ нашимъ; не только царство Казанское и Астраханское наше,

но и Ташкентъ къ намъ попалъ, и Хива, и Бухара ждутъ того же. Никонъ, патріархъ, съ его ненужно послѣдовательными исправленіями обрядовъ, Петръ Великій, съ его не только не нужнымъ, но даже и вреднымъ предпочтеніемъ иностранцевъ русскимъ и бритьемъ бородъ! – были глубоко русскіе люди, какъ и ихъ преемники по сей день. И эта-то мощь нашей русской государственной мысли приводитъ въ трепетъ турокъ въ Цареградѣ, нѣмцевъ въ Вѣнѣ и мадьяровъ въ Пештѣ: они предчувствуютъ, что близокъ часъ, когда наша западная граница перешагнетъ Карпаты и протянется по далматскому берегу Адріатики, когда славянство примкнетъ къ намъ въ силу собственнаго его тяготѣнія и въ силу нашей исторической миссіи, исполняемой нами столько вѣковъ съ такой ничѣмъ не колебимой послѣдовательностью.

Другая причина увлеченія молодежи соціализмомъ и атеизмомъ лежала въ весьма плохомъ устройствѣ тогдашнихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ учили всему на свѣтѣ и ничему не выучивали. Энциклопедичность нашего образованія, всезнайство наше, способность судить обо всемъ, не зная ровно ничего толкомъ, давали намъ смѣлость браться за разрѣшеніе какихъ угодно сложныхъ вопросовъ науки и жизни, и ловко отбивать возраженія нашихъ противниковъ, забрасывая ихъ мишурой нашей мнимой учености. Наши училища готовили насъ вовсе не въ полезныхъ подданныхъ и гражданъ, вовсе не въ дѣловыхъ людей, а въ людей свѣтскихъ, въ мастера на всѣ руки! и поэтому развили въ насъ не любовь къ труду и къ изслѣдованію, а страсть хватать вершки, отыскивать послѣднее слово науки; – мы и стали матеріалистами, потому что не были достаточно подготовленными отличать ипотезы отъ фактовъ.

Въ атеизмъ загнало насъ плохое положеніе православной церкви въ то время. Я въ этомъ убѣдился въ бытность мою въ Галичинѣ, осенью прошлаго года, гдѣ я имѣлъ случай изучить, какія полезныя силы для государства, для нравственности и для науки таятся въ православіи и какъ мы сами себя разслабляемъ, не давая ему ни должной поддержки, ни должнаго развитія. У уніатовъ, какъ и у протестантовъ, семинарій нѣтъ – дѣти духовенства воспитываются вмѣстѣ съ дѣтьми мирянъ – отъ этого они вовсе не отрѣзываются отъ міра, ни своими свѣдѣніями, ни пріемами, ни костюмомъ, какъ у насъ. По окончаніи гимназіи, желающіе посвятить себя духовному званію поступаютъ или на богословскій факультетъ, или въ духовныя академіи, и только по окончаніи курса въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, только по сдачѣ весьма строгаго экзамена, получаютъ они право на рукоположеніе. Но и затѣмъ связь ихъ съ училищами не прекращается. Они сплошь и рядомъ занимаютъ кафедры даже вовсе не по богословскимъ наукамъ, они бываютъ инспекторами, воспитателями, смотрителями училищъ; церковь не оставлаетъ дѣтей и пріучаетъ ихъ смотрѣть на нее съ любовью и съ уваженіемъ. – У насъ же было (какъ теперь, не знаю) совершенно другое: Петръ Великій стѣснилъ духовенство, потому что оно заявляло себя противъ его антинаціональныхъ реформъ, Биронъ и Ко придавили его изъ отвращенія ко всему не нѣмецкому и не протестантскому; затѣмъ езуиты стали возбуждать правительство противъ православнаго духовенства, за ними поляки и тѣ-же нѣмцы, за ними сочувствіе къ духовенству подорвалъ въ нашемъ обществѣ дурной примѣръ французскихъ ультрамонтановъ, итальянскихъ санфедистовъ и т. д. Всѣ эти историческія причины свели наше духовенство на minimum его дѣтельности и сдѣлали изъ него – къ величайшему торжеству сектанства и атеизма – машину для исполненія обрядовъ. Нравственность его пользовалась плохой славой, невѣжество его было извѣстно всѣмъ и каждому; да и могло ли оно быть образованнымъ, когда можно сдѣлаться священникомъ прямо изъ семинаристовъ? Наконецъ, у него не было свѣтскаго лоску, какъ у ксендза или у пастора, по французски оно не знало,

балы и театры ему заперты, а при такихъ недостаткахъ, разумѣется, ни въ одну гостиную священникъ не входитъ безъ зову...

Я поступилъ въ Коммерческое училище 10-ти лѣтнимъ ребенкомъ (1845). Въ нашемъ домѣ строго соблюдались всѣ постановленія и обычаи церкви. Посты никогда и ни въ какомъ случаѣ не нарушались, углы были уставлены иконами, передъ которыми теплились неугасимыя лампады, въ церковь мы ходили, какъ слѣдуетъ, чуть что не каждый день, молебны и водосвятья совершались у насъ въ большіе праздники, — я былъ искренно православнымъ, насколько то было возможно при моемъ возрастѣ, но училище сдѣлало меня атеистомъ.

Дѣти очень впечатлительны и наблюдательны, а тѣмъ болѣе скоры на выводы. Намъ твердили наши воспитатели и учителя — «учитесь, будете людьми, какъ мы», — а они были всѣ болѣе или менѣе индиференты. О постѣ въ среду и въ пятницу я даже забылъ въ училищѣ; иконы, которыя я такъ любилъ и уважалъ, были въ комнатахъ училища крохотныя, загаженныя мухами; молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія исправлялись только очевидно для формы. Законъ Божій преподавался точно неизбѣжная излишность. Ничто не дышало тѣмъ тихимъ, яснымъ, всепрощающимъ духомъ христіанства, какъ въ англійскихъ, въ галицкихъ школахъ. Воспитателей (гувернеровъ) было у насъ восемь человѣкъ — и изъ нихъ только двое русскихъ, а впослѣдствіи даже одинъ. Инспекторъ и директоръ также были не православные, — мы смотрѣли на нихъ, какъ на развитѣйшихъ людей и догадывались, что развитіе и православіе, наука и наша вѣра не ладятъ между собою. О вѣрѣ съ нами говорилъ только законоучитель, да и то разъ въ недѣлю, а воспитатели иновѣрцы невольно должны были обходить молчаніемъ эти вопросы. Къ этому мы узнавали невольно, что на Западѣ люди и умнѣе, и лучше насъ, что оттуда идутъ въ Россію всѣ истины науки и всѣ правила общежитія, — выводъ былъ ясенъ и неизбѣженъ. Къ этому явилась на помощь геологія съ ея ипотезами объ образованіи земного шара, физіологія, географія и прочее, и прочее, такъ что сомнѣніе въ истинахъ вѣры, которую мы держали и которую намъ преподавали убійственно сухо, поневолѣ стало закрадываться въ душу, а разъяснить эти сомнѣнія было некому. Учителя наши отдѣлывались отъ насъ, не желая попасть въ просакъ, воспитатели даже по самому умственному развитію своему не были въ состояніи отвѣчать на наши вопросы, да и увертывались отъ нихъ, чтобы не сказать чего нибудь не православнаго. Приходилось доходить до всего своимъ собственнымъ умомъ, — нашъ законоучитель разъяснялъ намъ все черезчуръ схоластически, такъ что мы его не понимали, и дошли мы собственнымъ умомъ, кто до молоканства, кто до атеизма, какъ воспитанники другихъ училищъ, пошли въ нигилизмъ, какъ Балабины, Гагарины, Голицыны, Свѣчины и прочіе, подѣлались католиками. И такъ до тѣхъ поръ будетъ у насъ твориться, покуда бѣлое духовенство не будетъ признано сильнѣйшимъ консервативнымъ элементомъ русской народности, пока оно не займетъ въ обществѣ того-же положенія, какимъ оно пользовалось у насъ въ XVII вѣкѣ, а въ Англіи и по сію пору. Я рѣшительно не вижу другихъ средствъ для противодѣйствія всякимъ фантастическимъ теоріямъ и ученіямъ, — кромѣ уничтоженія семинарій, устройства богословскихъ факультетовъ при университетахъ, реформы духовныхъ академій, на манеръ уніатской Barbareum въ Вѣнѣ, и запрещенія ставить въ священники или въ дьяконы лицъ, не знающихъ основательно латинскаго, греческаго, еврейскаго языковъ, да одного изъ новѣйшихъ западныхъ (славянскія нарѣчія всѣ должны быть обязательны), не знающихъ основательно церковной исторіи и археологіи, и мнѣ кажется, что если не будутъ приняты дѣятельныя мѣры, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ православіе пропадетъ въ Россіи. Его съ одной стороны расколъ поглотитъ, а съ другой стороны западный

протестантизмъ; а то и другое будетъ несчастіемъ для нашей политической будущности. Въ настоящее время вопросъ о поддержкѣ православія становится въ высшей степени важнымъ, въ виду усиленной дѣятельности противъ него и противъ самаго раскола иностранныхъ пропагандистовъ, которые, какъ мнѣ кажется, скоро возьмутъ верхъ, — но объ этомъ я разскажу послѣ, покуда скажу только, что изгнаніе бѣлаго духовенства изъ свѣтскаго общества и закрытіе ему клубовъ, театровъ, трактировъ, общественныхъ увеселеній, — политическое самоубійство. Я много и пристально изучалъ бытъ православныхъ священниковъ въ Болгаріи, въ Молдавіи и въ Австріи, и у меня сердце болитъ при воспоминаніи, какъ у насъ не умѣли пользоваться этимъ сильнымъ рычагомъ прогресса, сколько талантовъ гибнетъ, и какое малое число истинно образованныхъ людей выходитъ изъ нашихъ училищъ. Будь духовенство посредникомъ высшихъ и низшихъ сословій, — никакой нигилизмъ не пустилъ бы корней, да и грамотность была бы распространена въ народѣ.

Отступленія мои, можетъ быть, слишкомъ длинны; но я дѣлаю ихъ по необходимости, такъ какъ разсказъ о событіяхъ, которыя я видѣлъ, или въ которыхъ участвовалъ, былъ бы не понятенъ безъ объясненія причинъ этихъ событій.

Перехожу къ тому, что дѣлалось въ Лондонѣ.

Въ маѣ 1859 г., когда я пріѣхалъ въ Лондонъ, я засталъ Герцена во всемъ блескѣ его славы и авторитета. Черезъ два года вліяніе его стало ослабѣвать, черезъ три года звѣзда его окончательно померкла. Я познакомился съ нимъ по общему порядку, какой не то самъ завелся, не то Герценомъ-же былъ заведенъ въ Лондонѣ. Каждый пріѣзжій естественнымъ образомъ прежде всего бѣжалъ къ Трюбнеру купить «Колоколъ», «Полярную Звѣзду» и прочія заграничныя изданія. При этомъ выходила вѣчная комедія, очень льстившая Трюбнеру, — русскіе жали ему руку, благодарили его за его либерализмъ, за его дѣятельность для блага человѣчества вообще, а русскаго народа въ особенности. — Они, въ простотѣ души, принимали его чуть не за равнаго Маццини, а во всякомъ случаѣ за друга и за помощника Герцена. Трюбнеру это ужасно льстило, онъ самъ на себя начиналъ смотрѣть какъ на замѣчательнаго человѣка, собирался и даже совѣта спрашивалъ, не будетъ ли полезно гравировать его портретъ для распространенія въ Россіи? — Онъ думалъ, что это будетъ содѣйствовать развитію оппозиціи. Я разъ, въ шутку, выпыталъ у него признаніе въ надеждѣ, что облагодѣтельствованный имъ русскій народъ рано или поздно поставитъ ему памятникъ. Въ сущности, Трюбнеръ добрый малый, ловкій издатель и агентъ американскихъ книгъ, человѣкъ практически неглупый и очень оборотливый. — На лондонскихъ изданіяхъ онъ нажилъ большія деньги, единственно умѣніемъ распространить ихъ на континентѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ безусловное довѣріе къ Герцену и Огареву, а потомъ ко мнѣ, такъ что брался издавать все безусловно, что только мы ему предлагали: — по русски онъ не зналъ ни слова, объ Россіи понятія не имѣлъ. Про него говорили, будто онъ много содѣйствовалъ ввозу въ Россію своихъ изданій — это неправда. Онъ слишкомъ остороженъ, чтобы рисковать своимъ товаромъ, посылая его на удалую. Какъ тогда, такъ и послѣ «Колоколъ» и прочее распространялись единственно путешественниками, возвращавшимися изъ-за границы.

Пріѣзжій въ Лондонъ обыкновенно изъявлялъ Трюбнеру желаніе удостоить счастія познакомиться съ Герценомъ. Трюбнеръ давалъ адресъ и приглашалъ написать записку. Въ отвѣтъ на эту записку Герценъ назначалъ свиданіе или у себя или у пріѣзжаго, если послѣднему почему нибудь не хотѣлось, чтобъ его видѣли въ домѣ Герцена. Такіе случаи бывали очень часто — лица, очень высоко-поставленные,

никогда не входили въ домъ Герцена, и тайна свиданія ихъ съ нимъ такъ и остается тайной на долгое время, когда выйдутъ въ свѣтъ не изданныя главы его записокъ «Былое и Думы», которыя много прольютъ свѣта на исторію этого періода. Собственныя имена въ домѣ Герцена не произносились, или произносилися очень рѣдко. Кто самъ не хотѣлъ скрывать своихъ визитовъ, тотъ самъ себя называлъ; кто конфузился или просилъ, чтобъ его не выдавали, того имя или мы перемѣняли, что было впрочемъ рѣдко, или обыкновенно отдѣлывались отъ нескромныхъ вопросовъ тѣмъ, что не помнимъ, не знаемъ, трудное имя и т. п. Да и трудно было помнить всѣхъ пріѣзжавшихъ на поклоненіе, такъ много ихъ было. Они мелькали одинъ за другимъ, входили съ трепетомъ благоговѣнія, слушали и врѣзывали себѣ въ память каждое слово Герцена, сообщали ему свѣдѣнія словесно или въ заранѣе приготовленныхъ запискахъ, выражали ему собственное сочувствіе и сочувствіе своихъ знакомыхъ, благодарили за пользу, приносимую обличеніями Россіи, и за страхъ, который «Колоколъ» навелъ на все нечестное и нечистое, — затѣмъ раскланивались и изчезали. Кого только не перебывало при мнѣ у Герцена! — бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи бывали, студенты, — точно панорама какая-то проходила передъ глазами, точно водопадъ лился, и это не считая тѣхъ, съ которыми онъ видался съ глазу на глазъ. Много разъ, стоя у камина въ его кабинетѣ въ Fulham'ѣ, я хохоталъ въ душѣ, смотря на какого-нибудь капитана въ отставкѣ, который нарочно поѣхалъ въ Лондонъ изъ такой глуши, какъ Симбирскъ или Вологда, заявить свое сочувствіе, объяснить, что онъ не ретроградъ, какъ и сосѣдъ его Степанъ Петровичъ и какъ кумъ его Петръ Степановичъ — «Это все, доложу вамъ, золотой нашъ Александръ Ивановичъ, люди благородные, свободомыслящіе-съ, да-съ, — этими людьми вся губернія наша можетъ гордиться! и если-бъ правительство умѣло выбирать людей, цѣнить бы-съ умѣло благородство характера — давно бы-съ они важныя мѣста занимали въ государствѣ. Но у насъ-съ, какъ вы и сами изволили замѣтить, больше на низкопоклонствѣ можно выѣхать! Вотъ, напримѣръ нашъ исправникъ — ужъ вы его отдѣлайте въ «Колоколѣ», вамъ за это весь уѣздъ благодаренъ будетъ, мнѣ даже поручено просить васъ объ этомъ... Человѣкъ развратный, жену свою бьетъ, — проигралъ въ карты прокурору 4 рубля и не платитъ!» — Являлись дамы съ дочерьми и съ сыновьями, просили написать имъ въ альбомы, являлись люди просить совѣта въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Какой-то господинъ, отправляясь въ Іерусалимъ, писалъ письмо съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи и съ изложеніемъ своего взгляда на ничтожество жизни. Все это, разумѣется, сильно надоѣдало Герцену и Огареву и постоянно ставило ихъ въ самое неловкое положеніе. Печатать всего, что присылалось или что сообщалось, не было возможности. «Колоколъ» долженъ-бы былъ принять размѣры Times'а, а содержаніе его состояло-бы изъ невѣроятныхъ процессовъ, сплетенъ и всякой дряни; онъ потерялъ-бы мигомъ все значеніе, превратясь въ органъ личныхъ неудовольствій Богъ знаетъ кого, Богъ знаетъ противъ кого. Клевета и такъ въ него попадала, а что было-бы, если-бы все печаталось?

Серьезныя свиданія составляли, какъ я сказалъ, тайну Герцена и Огарева; свиданія и пріемы не серьезныя дѣлались разъ въ недѣлю (впослѣдствіи два раза), въ назначенный день, обыкновенно въ воскресенье, съ пяти часовъ вечера. Тутъ-то и была каторжная работа обоимъ издателямъ «Колокола» — занимать гостей, быть любезными со всѣми, выслушивать всякій вздоръ и не показывать вида, что скучно. А не принимать тоже было нельзя; каждый пріѣзжій все-таки привозилъ какія нибудь новыя свѣдѣнія, да и въ интересахъ пропаганды необходимо было знакомиться съ каждымъ ищущимъ знакомства. Эти люди все-таки были передовыми въ своихъ

кружкахъ, были смѣлѣе другихъ, рѣшаясь являться публично въ общество изгнанниковъ и, воротясь домой, могли усилить свой авторитетъ извѣстіемъ, что они обѣдали у Герцена, указали ему на нѣкоторыя злоупотребленія, дотолѣ ему неизвѣстныя, и вообще говорили съ нимъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Но, въ сущности, сколько я могъ замѣтить, мало кто изъ нихъ понималъ ясно, чего добивается «Колоколъ» — гости наши въ простотѣ души считали насъ революціонерами, тогда какъ мы были реформаторами; они принимали Герцена за агитатора, — а онъ былъ органомъ оппозиціи старому порядку вещей, начавшейся и дѣйствовавшей въ самой Россіи. Съ кѣмъ можно сравнить Герцена и Огарева, по ихъ взгляду на вещи и по ихъ направленію — это скорѣе всего съ Брайтономъ и Кобденомъ. Обстоятельства принудили ихъ, противъ ихъ воли, сдѣлаться агитаторами, но на этомъ агитаторствѣ и подорвалось ихъ вліяніе.

Здѣсь я опять долженъ сдѣлать отступленіе, такъ какъ считаю долгомъ разъяснить правительству силы и взаимныя отношенія такъ называемой партіи безпорядка. Офиціальныя свѣдѣнія объ ней невѣрны, потому что составители офиціальныхъ записокъ всякаго рода (какъ я убѣдился, сличая изданныя мною офиціальныя записки о расколѣ съ тѣмъ, что есть на дѣлѣ), всегда преувеличиваютъ опасность, по весьма естественному желанію и отличиться передъ начальствомъ усердіемъ, и поддѣлаться подъ его личный взглядъ, а, пожалуй, еще и изъ страха навлечь на себя отвѣтственность, если изъ партіи, которая поручена имъ для изслѣдованія, вдругъ и въ самомъ дѣлѣ возникнетъ что нибудь опасное. То же надо замѣтить и о показаніяхъ, даваемыхъ обвиняемыми при слѣдствіяхъ: они запутываютъ дѣло или по незнанію, или умышленно, чтобъ отвертѣться; фанатики изъ нихъ преувеличиваютъ опасность изъ хвастовства, или изъ желанія стяжать мученическій вѣнецъ; малодушные, блудливые какъ кошки и трусливые какъ зайцы, попавъ въ руки правительства, пугаются своей участи и, чтобъ спастись, начинаютъ каяться въ тюрьмѣ, — а это ужъ самый неблаговидный мотивъ раскаянія, — и плетутъ на своихъ товарищей все, что попало, изъ страха и изъ желанія подслужиться слѣдователямъ и судьямъ. Затѣмъ, сочиненія и прокламаціи самихъ дѣятелей оппозиціи также не заслуживаютъ довѣрія, — это я ужъ по личному опыту знаю. Когда мнѣ пришлось сдѣлаться агитаторомъ, какъ это разскажу впослѣдствіи, я сплошь и рядомъ долженъ былъ привирать о располагаемыхъ мною средствахъ; я долженъ былъ, какъ это ни было мнѣ противно, туманить глаза людей, на которыхъ приходилось дѣйствовать преувеличенными разсказами о силѣ и значеніи нашей партіи въ Россіи. Политическіе и религіозные агитаторы, революціонеры, соціалисты, езуиты, молокане, спириты, всѣ прибѣгаютъ къ этому способу; — послушать любого изъ нихъ, то міръ только его сторонниками и держится, а будущность цивилизаціи только его сектѣ или партіи и принадлежитъ, тогда какъ на дѣлѣ-то оказывается, что исторія человѣчества идетъ по діагонали двухъ силъ: силы преданія или привычки и силы толчка, даваемаго ей новыми ученіями, — поэтому ни одна партія и ни одна секта никогда не достигаютъ своей цѣли.

Я стоялъ слишкомъ близко къ лондонской партіи, оставилъ ее по убѣжденію, воротился въ Россію по доброй волѣ и потому, надѣюсь, что показаніе мое не можетъ быть заподозрѣно въ умышленномъ искаженіи фактовъ, и что и мнѣ нѣтъ никакой выгоды преувеличивать или уменьшать ихъ значеніе.

Пріѣхавъ въ Англію вскорѣ послѣ декабрьскаго coup d'état, Герценъ, какъ и самъ онъ разсказываетъ въ «Быломъ и Думахъ», примкнулъ къ существовавшему тогда Европейскому Революціонному Комитету. Комитетъ этотъ состоялъ изъ представителей всѣхъ народностей и всѣхъ партій и естественно не замедлилъ распасться

на вѣки вѣчные. Во времена первой республики (1789) догматъ оппозиціи былъ чрезвычайно простъ: «Всѣ люди родятся одинаково — да будетъ-же въ человѣчествѣ братство, равенство и свобода!» Эту логическую посылку могъ одинаково исповѣдовать и французъ, и англичанинъ, и самоѣдъ; но съ паденія распублики, а тѣмъ болѣе съ реставраціи, вопросъ осложнился. Прогрессисты принялись за серьезное изученіе наукъ экономическихъ, историческихъ и словесныхъ, и изъ этого изученія возникли партіи соціалистовъ, поборниковъ историческаго права, и поборниковъ національности. Волненія начала тридцатыхъ годовъ уже показали, какое направленіе приметъ исторія, и 1848 г. окончательно разрубилъ гордіевъ узелъ и опредѣлилъ характеръ нашей эпохи. Принципы 1789 г. убиты имъ были наповалъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, потому что каждому стала ясна ихъ несостоятельность и непримѣнимость къ практической жизни. Въ Италіи борьба кипѣла за національность, въ Германіи тоже, въ Венгріи — за историческое право. Въ разгарѣ борьбы и въ переполохѣ отъ реакціи, предводители движенія искренно вѣрили, что между ними нѣтъ никакой разницы, что они одинаково думаютъ, чувствуютъ и къ одному и тому-же стремятся; поэтому они такъ легко и сошлись въ эмиграціи, никакъ не предполагая, что сближеніе необходимо должно было ихъ перессорить.

Между французами было двѣ партіи: революціонеры (Ледрю-Роленъ) и соціалисты (Луи Бланъ). Одна сторона обвиняла другую въ проигрышѣ дѣла, въ непрактичности, въ пристрастности. Маццини не могъ простить французамъ взятія Рима, которое погубило итальянское дѣло, а французы не могли понять, что Италія не можетъ же на вѣки вѣчные оставаться расчлененной изъ вѣжливости или изъ уваженія къ Франціи. Франція передовая страна Европы, Франція родина и очагъ мысли, науки, вкуса; Франція, для блага человѣчества, должна преобладать надъ Европой и безъ ея санкціи ни одинъ народъ не только своей внѣшней политикой, но даже и внутренней распоряжаться не долженъ: — а тутъ Маццини признаетъ Италію чуть не выше Франціи, благоговѣетъ только передъ Dio e Popolo, да еще имѣетъ нахальство заявить, что Italia fara da se!!! Съ мадьярами также никто не могъ сладить — мадьяры были аристократы, гордые своимъ происхожденіемъ, генеалогіями, историческимъ правомъ на словаковъ, словенцевъ, хорватовъ, сербовъ, русскихъ; либеральные принципы, провозглашаемые ими, очевидно были взяты на реквизицію, чтобы произвести возстаніе. Нѣмцы никакъ не могли ни мадьярамъ простить ихъ бунта противъ Вѣны, ни итальянцамъ ихъ нечувствительность къ благамъ нѣмецкой культуры, ни французамъ ихъ необходимости исправить границу присоединеніемъ за-рейнскихъ земель. Про поляковъ и говорить нечего — они были разбиты на три главныя партіи, не считая множества мелкихъ, и никакъ не могли убѣдить нѣмцевъ, что Данцигъ, Кенигсбергъ и Бранденбургъ входятъ въ составъ Польши; на итальянцевъ они были злы, да и злы до сихъ поръ, что итальянскій вопросъ отвелъ глаза Европы отъ польскаго, — только съ французами они какъ-то ладили и ладятъ, но и то не съ эмигрантами, а съ бонапартистами, отъ которыхъ ждутъ дѣйствительной помощи.

Кромѣ розни въ принципахъ, распаденію Центральнаго Европейскаго Революціоннаго Комитета помогъ еще финансовый вопросъ. Каждая партія, каждая народность считала свое дѣло неотлагаемо важнѣйшимъ въ Европѣ и каждая увѣряла, что выиграй она, то и всѣ другія выиграютъ, а капиталъ былъ не большой — Герценъ чуть-ли не больше всѣхъ пожертвовалъ — да и большинству эмигрантовъ жить было нечѣмъ, за работу-же эмигранты принимаются очень неохотно, въ ожиданіи, что не сегодня завтра снова заварится каша, тунеядничаютъ, интригуютъ и кончаютъ обыкновенно очень плохо.

Комитета теперь нѣтъ и едва ли когда нибудь онъ возобновится, но эмигранты все таки состоятъ въ связяхъ между собою. Съ французами, съ нѣмцами Герценъ почти совсѣмъ разошелся, такъ что въ мое уже время ни тѣ, ни другіе почти и въ домѣ его не бывали, а кто и бывалъ, то не изъ замѣчательныхъ (Девиль, Альтмауэръ, Майзенбугъ). Съ мадьярами онъ точно также разошелся, видаясь изрѣдка только съ Кошутомъ и съ Пульскимъ, – отзывы его объ нихъ обо всѣхъ, о французахъ, нѣмцахъ и о мадьярахъ, были вообще не въ ихъ пользу. Только съ Маццини и съ его друзьями былъ онъ въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ очень уважаетъ итальянцевъ за ихъ способность быстро понимать каждый вопросъ и безпристрастно отзываться даже о враждебныхъ имъ партіяхъ. Маццини нравится ему за его желѣзную волю, за ловкость, смѣлость и послѣдовательность. Это дѣйствительно необыкновенный человѣкъ, – ему все покоряется. Англійская аристократія тысячи фунтовъ стерлинговъ давала ему на итальянское дѣло; каждый годъ раза по два по три ѣздилъ онъ въ Италію, гдѣ былъ приговоренъ къ смертной казни, и ѣздилъ обыкновенно безъ паспорта. Онъ всѣмъ пожертвовалъ во имя единства Италіи и вотъ почти добился его – остается еще сдѣлать изъ Италіи республику – программа его Dio e Popolo.

Итакъ, отъ Европейскаго комитета осталась только пріязнь нѣкоторыхъ изъ его членовъ и готовность дѣлать другъ другу разныя мелкія услуги. Англичанинъ, ѣдущій въ Италію, можетъ получить отъ Герцена письмо къ Гарибальди, Кошутъ можетъ дать русскому, представленному Герценомъ, рекомендательное письмо въ Пештъ – но далѣе этихъ пріятельскихъ отношеній связи нынѣшнихъ предводителей политическихъ партій нейдутъ.

Другое происходитъ въ массѣ эмиграціи, въ этихъ хористахъ революціи, какъ Герценъ ихъ назвалъ. – Это народъ совсѣмъ особенный и ничуть не похожій на вожаковъ. Большинство ихъ составляютъ бывшіе гимназисты, недоучившіеся студенты, прапорщики и поручики, мелкіе чиновники, солдаты, мастеровые, которые, изъ фразы, изъ увлеченія, пошли на баррикады или въ повстанье и унесли свои головы въ эмиграцію. – Работать они не любятъ, потому что «мы – дескать, крови своей за свободу не жалѣли», да и головы у нихъ чрезчуръ экзальтированы, чтобъ за что нибудь дѣльное приняться. Въ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ они ровно ничего не смыслятъ – задолбили себѣ, что свобода вещь очень хорошая, да что безъ революціи свободы добиться нельзя, что цари, дворяне и попы – враги свободы, что всякое возстаніе есть дѣло и благородное, и полезное – на томъ и конецъ, дальше и спрашивать ихъ не о чемъ. Газетъ они почти не читаютъ, а что и читаютъ, того толкомъ не понимаютъ, легковѣрны до крайности, волнуются при каждомъ нелѣпѣйшемъ слухѣ, подыскиваютъ нелѣпѣйшія объясненія непонятнымъ для нихъ дѣйствіямъ передовыхъ политическихъ дѣятелей, приписываютъ имъ намѣренія и дѣла, какихъ у тѣхъ и въ помыслѣ не было: одинъ изъ такихъ господъ взвалилъ на Герцена и Маццини поджигательство въ южной России, чрезъ мое посредничество, при помощи скопцовъ и липованъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что Каракозовъ былъ подосланъ дворянствомъ (по словамъ Nord'а), или что покойный цесаревичъ Николай Александровичъ живъ, и что его видаютъ въ Новороссійскомъ краѣ. Переслушать нѣтъ возможности всѣхъ нелѣпицъ, которыя болтаютъ эмигранты и всѣ интересующіеся политикой, но не слѣдящіе за ней толкомъ. Они врутъ для того, чтобъ задать тонъ, показать, что и они кое что знаютъ, что они пользуются довѣріемъ у людей свѣдущихъ и имѣющихъ связи. Предположеніе, догадка въ ихъ неразвитыхъ, но тщеславныхъ умахъ мигомъ превращаются въ истину.

Эти хористы – вѣчные и неизмѣнные участники каждой революціи или инсуррекціи. Они дерутся въ Италіи, въ Америкѣ, въ Польшѣ, въ Кандіи, въ Перу и

въ Чили, гдѣ только потасовка, тамъ безъ нихъ не обходится! Держутся они вмѣстѣ, невзирая на національность, а партій межъ ними не водится. Но союзъ ихъ не страшенъ, потому что они не имѣютъ ни авторитета, ни связей, ни капитала. Опасность отъ нихъ можетъ быть другого рода: – услышитъ какой нибудь изъ подобныхъ господъ, сосланный въ Казань или въ Рязань, что поджоги приписываются революціонерамъ и совершаются ими во имя благоденствія рода человѣческаго, станетъ объ этомъ раздумывать и, чего добраго, сообразитъ, что и онъ обязанъ сдѣлать такую же услугу прогрессу. – По крайней мѣрѣ, на столько, сколько я знаю противоправительственныя силы современной западной и восточной Европы, я не могу допустить, представить себѣ не могу самой возможности общества политическихъ поджигателей. Я знаю, что правительство имѣетъ другой взглядъ на этотъ вопросъ, но я могу то только замѣтить, что если-бъ что нибудь подобное существовало въ Добруджѣ, въ Молдавіи и въ Молдавской Бессарабіи, то это не могло-бы не быть мнѣ извѣстнымъ, а еслибъ мнѣ было извѣстно, то пусть мнѣ на слово повѣрятъ – я бы или остановилъ безумцевъ, или самъ бы указалъ на нихъ правительству. Липованы и скопцы сами бы растерзали на мѣстѣ каждаго, кто явился бы къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ, а когда я сообщилъ имъ, что русскія газеты обвиняютъ ихъ въ поджигательствѣ, они только хохотали на это обвиненіе, даже не обижаясь имъ, такъ дико оно имъ показалось. Наконецъ, наши консула въ Галацѣ, въ Измаилѣ и въ Тульчѣ должны были бы что нибудь слышать о поджигателяхъ и объ ихъ агентурѣ въ Добруджѣ. Старообрядческій епископъ тульчанскій Іустинъ находится теперь въ Москвѣ, гдѣ онъ принялъ единовѣріе, въ Москвѣ же, кажется, теперь живетъ и инокъ Іоасафъ изъ славскаго скита – пусть правительство наведетъ справки, если оно все еще вѣритъ этой сплетнѣ, которая могла зародиться только въ умахъ эмиграціонной черни да слѣдящихъ за нею полицейскихъ агентовъ, обыкновенно очень плохо знакомыхъ съ дѣлами и тоже излишне сообразительныхъ.

Итакъ, Революціонный Комитетъ распался. Герценъ остался одинъ съ пріятелемъ своимъ, полякомъ графомъ Ворцелемъ, предводителемъ польской демократической партіи и редакторомъ газеты «Demokrata Polski». – Типографію свою онъ помѣстилъ вмѣстѣ съ типографіей Ворцеля и началъ печатать свои повѣсти, воспоминанія («Тюрьма и Ссылка»), «Съ того берега» и т. п. сочиненія, которыя въ строгомъ смыслѣ слова были вовсе не революціонныя, и даже совершенно безвредныя, хотя тогдашнія цензурныя правила и не могли допустить появленія ихъ въ Россіи. Но другой русскій эмигрантъ, бывшій тогда въ Лондонѣ, Энгельсонъ, не удовлетворялся этой чисто литературной дѣятельностью – онъ сталъ печатать извѣстные памфлеты «Письмо Емельки Пугачева», «Видѣніе Святого Кондратія» и т. п. Что это за человѣкъ былъ, можно судить по его сочиненіямъ, лишеннымъ не то здраваго смысла, не то пониманія нашей народности. Въ «Видѣніи Святого Кондратія» онъ предлагаетъ не хоронить мертвыхъ – а сожигать ихъ! Точно объ тогдашнемъ положеніи дѣлъ нечего было сказать дѣльнаго, и точно одного подобнаго предложенія народу не было бы довольно внушить ему разъ навсегда суевѣрное отвращеніе къ либераламъ! Герценъ печаталъ его статьи, нехотя и кончилъ тѣмъ, что порвалъ съ нимъ всѣ связи. Изъ его собственныхъ памфлетовъ того времени замѣчателенъ только одинъ «Юрьевъ День, Юрьевъ День Русскому Дворянству» съ знаменитою фразою «къ топорамъ, братцы!» Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ памфлетъ былъ толковѣй и дѣльнѣй Энгельсоновскихъ. Кромѣ того Герценъ ни за что не соглашался дѣлать пропаганду въ Россіи при помощи иностранцевъ, тогда какъ Энгельсонъ настаивалъ, что слѣдуетъ воспользоваться Крымской войной для распространенія лондонскихъ брошюръ въ Россіи, – если не ошибаюсь, это и была одна изъ главныхъ причинъ ихъ размолвки. –

Началъ Герценъ «Полярную Звѣзду», самая обертка которой показываетъ его глубокое благоговѣніе къ прежнимъ поборникамъ свободы въ Россіи; — ни про одного изъ нихъ не позволитъ онъ худо при немъ отозваться. Но ни «Полярная Звѣзда», ни памфлеты, ничто не указывало на опредѣленный планъ его дѣятельности, хотя уже и тогда онъ поставилъ себѣ задачею добиваться: 1) освобожденія крестьянъ съ землею, 2) отмѣненія цензуры и 3) отмѣненія тѣлеснаго наказанія, требованія, какъ я и выше замѣтилъ, вовсе не революціонныя; — о республикѣ, о династіи не было ни слова, равно какъ и не было ни одного слова въ пользу возстанія, — сколько я помню.

Огаревъ, другъ дѣтства Герцена, его alter ego, пріѣхавъ въ Лондонъ, основалъ «Колоколъ» и далъ болѣе правильный ходъ пропагандѣ. — Герценъ уступилъ ему всѣ финансовые, экономическіе и юридическіе вопросы, оставилъ за собой только общія статьи и смѣсь, гдѣ было болѣе простора его широкому перу и его врожденному юмору. — Съ этого-же времени начинается и эпоха его огромнаго вліянія на всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи.

Заговоровъ онъ не дѣлалъ, тайныхъ обществъ не основывалъ. «Пусть въ самой Россіи заводятъ оппозиціонныя и реформистскія лиги, твердилъ онъ каждому пріѣзжему, намъ изъ-за границы этого дѣлать неудобно, да и нечестно-бы было толкать людей на гибель, зная, что сами ничему не подвергаемся. Наше дѣло быть органами движенія, путь ему и цѣль указывать, высказывать то, о чемъ цензура заставляетъ молчать...» И дѣйствительно, несмотря ни на просьбы, ни на какія убѣжденія, Герценъ и Огаревъ не рѣшались выступить агитаторами на манеръ Маццини. Такъ было до лѣта 1862 г.

Это — смотря на дѣло съ тогдашней точки зрѣнія — было большой ошибкой. Вся Россія волновалась лондонскою пропагандой, все готово было дѣйствовать противъ правительства, но никто не зналъ, какъ и съ чего начать; даже, чего хотѣть, не знали. Люди пріѣзжали въ Лондонъ съ полною готовностью служить дѣлу, они отдавались въ безусловное распоряженіе Герцена, они команды ждали, имъ нужна была формула, катихизисъ, чего хотѣть и чего не хотѣть, и въ отвѣтъ не получали ничего опредѣленнаго. Я тысячу разъ указывалъ на это Герцену и Огареву, но они стояли на своемъ. «Ну, хоть уставъ лиги сочините, говорилъ я, напишите его по параграфамъ; ваши слова, вашъ приказъ будетъ имѣть силу и авторитетъ. Укажите точно и ясно, чего слѣдуетъ добиваться, а то вѣдь хаосъ идетъ вопіющій между прогрессистами.» — Ничего нельзя было подѣлать: оппозицію они создали, а сорганизовать ее не сумѣли — проще выразиться — они были публицисты, а Герценъ даже и очень талантливый, — но имъ однихъ пустяковъ не доставало — они не были государственные люди.

Съ самаго Парижскаго мира, когда съ наплывомъ русскихъ за-границу такъ быстро стали расходиться ихъ изданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ ихъ пріобрѣлъ такое огромное значеніе, имъ чуть не каждый пріѣзжій, чуть не каждое письмо, предлагали деньги на поддержку пропаганды и на основаніе капитала для тайнаго общества; — они не принимали, а собрать могли-бы сотни тысячъ. «Нашихъ собственныхъ средствъ довольно, отвѣчали они, для веденія пропаганды, пріемомъ денегъ мы навлечемъ на себя и большую отвѣтственность, и чего добраго набросимъ тѣнь на чистоту нашихъ цѣлей. Употребите эти деньги въ Россіи; тамъ онѣ болѣе нужны, потому что тамъ нужно дѣло дѣлать». Жертвователи пожимали плечами, спускали деньги въ Парижѣ или въ Баденъ-Баденѣ, а кто и не спускалъ, кто и желалъ бы отдать ихъ кому нибудь въ Россіи, тотъ не зналъ, къ кому обратиться. Даже когда авторитетъ пропаганды сталъ падать, одинъ юный офицеръ, только что получившій

по наслѣдству что-то около 100,000 руб. наличными, не считая огромнаго имѣнія (Казаковъ, помнится, его звали), привезъ свой капиталъ (въ 1862) въ Лондонъ и отдавалъ его Огареву, обѣщаясь отдать и то, что выручится отъ продажи имѣнья. «Мы заводимъ теперь Общій Фондъ, сказалъ Огаревъ, и мы рѣшили, что у кого меньше 5000 рублей (если не ошибаюсь) дохода, тотъ пусть 5% своего дохода вноситъ, а у кого больше, тотъ 10%, а такихъ пожертвованій мы не можемъ принять.» — Это мнѣ самъ Казаковъ разсказывалъ въ Парижѣ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и, очевидно, перемѣняя убѣжденія. Сколько я, съ самаго начала моего знакомства, ни убѣждалъ Герцена и Огарева въ необходимости имѣть капиталъ на непредвидимыя обстоятельства, — нельзя было ихъ уломать. А послѣдствія показали, что я былъ правъ и что сила Лондона, главнымъ образомъ, состояла въ томъ, что тамошнихъ дѣятелей считали людьми очень дѣловыми и что никто не могъ допустить, чтобъ они, волнуя Россію, не были готовы стать въ данную минуту въ главѣ возстанія. Энтузіасты думали, что у насъ не толька несмѣтные капиталы, но что у насъ есть даже склады пушекъ, пороху, ружей…

Горько мнѣ разоблачать ошибки людей, которымъ я нѣкогда слѣпо вѣровалъ и которыхъ до сихъ поръ искренно люблю, особенно Герцена… Мнѣ тяжело писать разъясненіе ихъ неудачъ — но разъясненіе это необходимо сдѣлать. Государь и правительство его сдѣлали столько добра Россіи въ эти 13-ть лѣтъ, они такъ сумѣли перегнать насъ, тогдашнихъ прогрессистовъ, что долгъ лежитъ на каждомъ добросовѣстномъ русскомъ раскрыть имъ прошедшее и настоящее, все, что можетъ облегчить имъ труды ихъ въ будущемъ.

Еще что погубило насъ, это нападки Герцена на русскихъ литераторовъ и журналистовъ. Послѣ войны всѣ журналы наши и вся литература приняла оппозиціонный характеръ; всѣ образованные люди сочувствовали возникновенію русской типографіи за границей, и если кто и роптал на лондонскую пропаганду, то только въ томъ смыслѣ, что она недостаточно ловко ведетъ дѣло, бьетъ не туда, куда слѣдовало бы. Удовольствіе, что у насъ явилась оппозиція, было общее, и вся журналистика ее поддерживала. Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ настроеніемъ умовъ, Герценъ и Огаревъ стали нападать на Каткова, на Краевскаго, на Усова, да почти что на всѣхъ безъ исключенія, за ихъ обмолвки, или за ихъ взгляды, въ которыхъ они не сходились съ «Колоколомъ». Еслибъ эти мелочи оставить безъ вниманія, не требовать отъ людей невозможнаго единомыслія по всѣмъ второстепеннымъ вопросамъ, то едва-ли бы возникла такая вражда къ намъ сначала «Московскихъ Вѣдомостей», а потомъ и всѣхъ прочихъ журналовъ. Герценъ съ Огаревымъ, какъ и Чернышевскій съ Благосвѣтловымъ, не сумѣли справиться съ свободою книгопечатанія, потому что были излишне пріучены къ строгой цензурѣ. Они совершили самоубійство, вызвавъ безъ малѣйшей нужды оппозицію своимъ принципамъ. Они дотравили своихъ противниковъ до перемѣны убѣжденій изъ за наносимыхъ имъ оскорбленій, а извѣстно, что убѣжденія и взгляды людскіе всего легче мѣняются изъ-за личныхъ неудовольствій. Я злился, что русскіе публицисты стали нападать на «Колоколъ», а Герценъ и Огаревъ радовались; имъ казалось, публичныя возраженія на ихъ принципы только распространятъ эти принципы въ обществѣ, — такъ глубоко вѣрили они въ правоту своего дѣла.

Въ 1860 году каждый пріѣзжій слушалъ ихъ съ благоговѣніемъ, въ 1861 начали робко возражать имъ, въ 1862 съ ними уже спорили и прямо въ глаза имъ говорили, что они забыли Россію. Даже мнѣ наединѣ жаловались на промахи и на политическую несостоятельность Герцена и Огарева. А Герценъ все острилъ да шутилъ, хоть иногда и со слезами на глазахъ, въ силу своего глубокаго юмора и сильно любя-

щаго сердца, и никакъ не могъ удержаться отъ статей въ родѣ той, гдѣ говорилось, будто его хотятъ похитить. Что письмо объ этомъ дѣйствительно къ нему пришло, это положительно; и что почеркъ лица, которымъ оно было писано, былъ знакомъ, хотя никто не зналъ, кто этотъ тайный другъ пропаганды, – все это вѣрно. Но, во первыхъ, не слѣдовало обращать вниманія на такую несбыточную угрозу, а во вторыхъ, слѣдовало догадаться, что если и былъ такой умыселъ, то онъ никакъ не принадлежалъ самому правительству, а если даже и принадлежалъ, то существовалъ какъ проектъ, какъ предположеніе, объ осуществленіи котораго даже и не думали, потому что и въ секретѣ его не держали. Статья эта тоже сильно скомпрометировала Герцена, сдѣлавъ его смѣшнымъ... Впрочемъ, трудно даже и перечислить всѣ причины, поведшія его къ паденію съ той высоты, на какой онъ стоялъ до 1861–62 года. Довольно того замѣтить, что въ то время, когда я выступилъ агитаторомъ, нашъ кредитъ былъ уже сильно подорванъ, а наше безсиліе въ финансовомъ отношеніи, какъ и недостатокъ въ слѣпо преданныхъ послѣдователяхъ, а излишекъ въ врагахъ и въ критикахъ, – окончательно подорвали наше вліяніе и, какъ я ни бился, я уже не могъ возстановить его.

Я сказалъ, что я остался въ Лондонѣ съ больною семьей и безъ средствъ. По счастью мнѣ попались уроки, которыми я пробился кое какъ цѣлое лѣто. Къ осени, одинъ книгопродавецъ, Willams, сдѣлалъ мнѣ предложеніе перевести Библію съ церковнаго на русскій, для одной высокопоставленной особы, имени которой онъ объявить мнѣ не въ правѣ, и которой въ настоящее время нѣтъ въ Лондонѣ.

– «Я и условій даже не знаю, сколько эта особа заплатитъ за вашъ трудъ, но мнѣ поручено найти способнаго переводчика, если можно лингвиста, а какъ вы именно такое лицо, какое нужно, то я вамъ сообщу условія, когда эта особа возвратится».

Въ тотъ или въ другой день я передалъ этотъ разговоръ Трюбнеру, – Трюбнеръ нахмурился.

– «А, такъ его высочество такъ со мной поступаетъ!!! Не черезъ меня ищетъ переводчика, не черезъ меня, издателя русскихъ книгъ и друга русскихъ, а черезъ Вильямса!!!»

– «Какое его высочество?»

– «Lucien Bonaparte, извѣстный дилетантъ лингвистики... Такъ вотъ онъ какъ! Я этого отъ него не ожидалъ. Я уже разъ нашелъ ему переводчика для «Пѣсни Пѣсней*», а онъ вотъ какъ со мной!...» – расходился Трюбнеръ.

– «Да зачѣмъ же ему этотъ переводъ?»

– «А! – у него вѣчныя фантазіи: онъ занимается сравненіемъ европейскихъ языковъ...»

– «Жалко, сказалъ я, а я думалъ предложить ему перевести Библію не съ церковнаго – это трудъ скучный, да и не занимательный – а съ еврейскаго».

Глаза Трюбнера засверкали.

– «А вы знаете по еврейски? Неужели вы знаете?»

– «Не скажу, чтобы я былъ гебраистъ, но понимаю свободно почти все, что читаю...»

Трюбнеръ подпрыгнулъ.

– «Тогда вотъ что. Переводите Библію для меня. Это будетъ и памятникъ русской литературы и будетъ имѣть цивилизующее вліяніе на Россію – и наконецъ – наконецъ, это должно будетъ пойти...»

* Напечатано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, кажется, не больше 25. Переводилъ какой-то эмигрировавшій офицеръ, по фамиліи Т. Онъ впослѣдствіи служилъ у Гарибальди. Я его не засталъ въ Лондонѣ.

На другой день мы подписали контрактъ, и я сѣлъ за работу. — Въ этотъ же день у меня умерла моя дочка. — Трюбнеръ предложилъ мнѣ начать съ труднѣйшей книги, съ пророка Исаи, чтобы посмотрѣть, какъ у меня пойдетъ дѣло и въ силахъ-ли я справиться съ этимъ трудомъ. Вознагражденіе онъ далъ мнѣ крохотное, судя по англійскимъ цѣнамъ за литературный трудъ — 10 фунтовъ стерлинговъ (около 60 р.) за книгу. Работалъ я усердно, даже страстно, пользуясь при этомъ преимущественно раціоналистическими коментаторами, которыхъ выводы какъ нельзя болѣе согласовались съ моимъ тогдашнимъ атеизмомъ и приводили меня въ восторгъ разъясненіемъ послѣднихъ моихъ сомнѣній. Переводъ мой и сдѣланъ былъ въ такомъ духѣ, то есть темныя и спорныя мѣста я переводилъ не такъ, какъ они понимаются церковью и какъ утверждены ея преданіемъ, а такъ, какъ ихъ объясняютъ раціоналисты, на основаніи однихъ законовъ еврейской грамматики. Разумѣется, во мнѣ возникло при самомъ началѣ моей работы желаніе облагодѣтельствовать русскій народъ истинами, въ которыхъ я былъ убѣжденъ, какъ не знаю въ чемъ.

Переводъ Исаи не напечатанъ. — Трюбнеръ отложилъ его до того времени, пока я переведу историческія и учительныя книги — и я принялся за Пятикнижіе Моисеево, которое и издано, съ нелѣпѣйшимъ предисловіемъ, обращикомъ сумбура, сидѣвшаго въ моей головѣ. Переводъ мой вышелъ плохъ. Во первыхъ, мнѣ трудно было подыскивать русскія слова на каждое еврейское, а я задалъ себѣ задачу сдѣлать переводъ такимъ точнымъ, чтобы каждое еврейское слово, во всемъ моемъ трудѣ передавалось только опредѣленнымъ разъ на всегда русскимъ. Для точности-же я не измѣнялъ еврейскаго синтаксиса, жертвуя вѣрности красотою слога. — Изъ этого у меня вышла маленькая непріятность съ Герценомъ. Когда набранъ былъ первый листъ, онъ ахнулъ неизяществу перевода и на отрѣзъ объявилъ, что онъ ни за что не допуститъ печатанія въ Лондонѣ такого безобразія, которое скомпрометируетъ репутацію Вольной Русской Типографіи. Какъ я ему ни объяснялъ разницу перевода литературнаго съ ученымъ, онъ стоялъ на своемъ, хоть и былъ совершенно не правъ, какъ человѣкъ, никогда не занимавшійся филологіей и не понимающій ея требованій: переводъ для изслѣдователей, для ученыхъ, какъ я предпринялъ, дѣлается всегда на условіяхъ совершенно отличныхъ отъ перевода, назначаемаго для легкаго чтенія и для публики. Но дѣлать было нечего, пришлось уступить принципалу, какъ его въ шутку называлъ Огаревъ, и сдѣлать изъ перевода по одной системѣ — переводъ по двумъ, что его окончательно погубило. Къ этому надо прибавить еще опечатки, тогда еще очень неисправной лондонской типографіи, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли даже очень забавны; вмѣсто: — «и передалъ ему Богъ свой духъ» — напечатано: «и далъ ему Богъ свой передухъ».

Строгая, но въ сущности вѣрная рецензія этого труда была тогда-же сдѣлана въ «Православномъ Обозрѣніи» и перепечатана во многихъ свѣтскихъ журналахъ. — На книгахъ Моисеевыхъ переводъ мой и остановился. Трюбнеръ хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ пойдетъ въ продажѣ, а пошелъ онъ плохо и по высокой цѣнѣ Трюбнеровскихъ изданій, и по общему равнодушію нашей читающей публики ко всему, что касается религіи. Причины этого равнодушія я указалъ выше.

Во время работы надъ переводомъ, я сблизился съ Lucien Bonaparte! Меня познакомилъ съ нимъ Трюбнеръ, и Lucien далъ мнѣ доступъ въ свою библіотеку, богатую собраніемъ старопечатныхъ Библій на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыми я и пользовался. Принцъ — большой любитель лингвистики, много работаетъ, но взглядъ его на науку и знакомство съ современными научными пріемами отстали вѣка на два. Намѣренія своего перевести Библію съ церковнаго на русскій онъ не оставлялъ, но почему-то вообразивъ, что острожское изданіе представляетъ лучшій

славянскій текстъ, онъ хотѣлъ сдѣлать переводъ съ острожскаго, да еще съ перваго, котораго нѣтъ въ Лондонѣ, и которое онъ искалъ гдѣ-нибудь купить. Такъ это дѣло и не состоялось. Видались мы часто, много спорили о лингвистической классификаціи языковъ, не убѣдили ни въ чемъ другъ друга и разстались съ его отъѣздомъ въ Парижъ, гдѣ онъ засѣдаетъ въ Сенатѣ. Принцъ тогда занимался кельтійскими нарѣчіями, но никакъ не могъ совладать съ звукомъ ы — есть кельтійское слово dym, которое выговаривается совершенно какъ наше — дымъ; принцъ никакъ не могъ произнести его. — О политикѣ у насъ не было сказано ни слова.

[Въ это-же время изданъ былъ въ Лондонѣ «Стоглавъ». Русскіе журналы приписываютъ мнѣ это изданіе, въ чемъ я совершенно неповиненъ. Его напечаталъ бѣглый дьяконъ нашей афинской миссіи Агапій, грязная личность, оклеветавшая въ «Колоколѣ» своего архимандрита, надѣлавшая пропасть подлостей въ Лондонѣ и уѣхавшая на Востокъ. Въ Бейрутѣ Агапій былъ уніятомъ, но и тамъ перессорился съ о. Гагаринымъ; потомъ въ Александріи сдѣлался онъ почтальономъ, кажется, — а гдѣ онъ теперь, не знаю. Рукопись Стоглава подарилъ ему князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій.]

Мой переводъ Библіи, несмотря на всю его неудачность, принесъ, однако, своего рода пользу. Лондонское Библейское Общество стало перепечатывать Осьмикнижіе изданія 20-хъ годовъ, а въ Россіи духовныя академіи принялись за самостоятельные переводы — странное дѣло, все, что въ настоящее царствованіе замышлялось во вредъ правительству и церкви, все пошло имъ на пользу!

Уроки мои продолжались, Библейское Общество пригласило меня корректировать его изданіе Осьмикнижія и Новаго Завѣта на весьма щедрыхъ условіяхъ, досугъ былъ у меня большой, такъ что я могъ возвратиться къ моимъ любимымъ занятіямъ — сравнительнымъ изученіямъ языковъ. Изрѣдка я составлялъ также для «Колокола» экстракты изъ процессовъ, неправильно рѣшенныхъ въ Россіи, и вообще разныя маленькія извлеченія изъ большихъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, изъ кипы бумагъ по дѣлу о выселеніи въ Турцію Крымскихъ татаръ. Рукописей и дѣлъ привозилось и присылалось въ Лондонъ несмѣтное множество: однихъ не франкированныхъ писемъ получалъ Герценъ шилинговъ на 10 въ день (рубля на 3), и у него положительно не было возможности самому перечитывать всю эту груду бумагъ, приходившихъ въ его руки.

Разъ вечеромъ, отдавая мнѣ на пересмотръ разныя бумаги, онъ вдругъ остановился и сказалъ: «да постойте, вы, богословъ, — какъ онъ меня шутя называлъ съ тѣхъ поръ, какъ я принялся за Библію, — просмотрите-ка за одно и документы о раскольникахъ. Они у меня давно валяются, прочесть ихъ я все не соберусь, а мнѣ говорили, что они очень интересны. Я, признаться сказать, въ богословскихъ вопросахъ ничего не смыслю, стало это по вашей части — посмотрите, можетъ что и найдется извлечь изъ нихъ для «Колокола». — И онъ вытащилъ мнѣ огромнѣйшій тюкъ рукописей, о которомъ онъ бы и не вспомнилъ до сихъ поръ, думаю, еслибъ не шумъ, надѣланный, незадолго передъ тѣмъ, книгою Щапова о расколѣ.

Воротясь домой, я сталъ перебирать записки о раскольникахъ — и не могъ оторваться отъ нихъ. Я всю ночь не спалъ за чтеніемъ. Я чуть въ умѣ не тронулся. Точно жизнь моя переломилась, точно я другимъ человѣкомъ сталъ. — Въ самомъ дѣлѣ, — не дай Герценъ мнѣ этихъ документовъ, можетъ быть, я до сихъ поръ былъ бы революціонеромъ и нигилистомъ — они спасли меня.

Мнѣ казалось, при чтеніи ихъ, что я вхожу въ невѣдомый, таинственный міръ, въ міръ сказокъ Гофмана, Эдгара-По или Тысячи и одной ночи. Скопцы съ ихъ мистическими обрядами и ихъ, исполненными поэзіи, «распѣвцами» и «страдами»,

хлысты, съ ихъ причудливыми вѣрованьями, мрачные типы безпоповцевъ, интриги старообрядческихъ вожаковъ, существованіе русскихъ селъ въ Пруссіи, въ Австріи, въ Молдавіи и въ Турціи, — все это неожиданно открылось мнѣ въ эту ночь: секта смѣняла секту, образы неслись передо мною одинъ за другимъ точно въ волшебномъ фонарѣ; я читалъ, читалъ, перечитывалъ, голова кружилась, духъ спирался въ груди — я убилъ-бы того, кто помѣшалъ-бы мнѣ читать; я за всю Калифорнію не выпустилъ-бы изъ рукъ этихъ записокъ. — Какъ сумасшедшій выбѣжалъ я изъ дома въ подлень, чтобы освѣжить голову, которая не могла переварить всего прочитаннаго, и чтобы подѣлиться моимъ восторгомъ съ Герценомъ, съ Огаревымъ, съ Чернецкимъ, нашимъ типографщикомъ, съ Трюбнеромъ, наконецъ, съ первымъ встрѣчнымъ. На меня смотрѣли, разумѣется, съ недоумѣніемъ, не понимали, чему я такъ радуюсь, и изъ всѣхъ моихъ разсказовъ о вѣрованіяхъ нашихъ сектантовъ заключали только, что они очень глупы. — Словомъ, меня никто не понялъ.

— Ерунда! — говорили мнѣ. Дураки эти раскольники! Какъ можно изъ за формы креста или изъ за перстосложенія спорить, навлекать на себя гоненія; вздоры, мелочь дѣлать догматомъ; упускать духъ ученія церкви изъ-за обрядности? Какъ можно сочинять и вѣровать въ Христовъ Ивановъ Тимофеевичей или въ Богородицу-Акулину Ивановну, матушку царицу небесную?..

...Но я видѣлъ въ расколѣ совсѣмъ другое. Эти мужики-сиволапы, эти бородатые купцы, поруганные и осмѣянные Европой и нашими образованными людьми, эти невѣжды, варвары, погрязнувшіе въ грубомъ матеріализмѣ, — мигомъ поднялись въ моихъ глазахъ. — Не плохъ тотъ народъ, который, при всѣхъ общественныхъ неурядицахъ и подъ страшнымъ гнетомъ XVII и XVIII вѣка, сумѣлъ не заснуть, какъ западный paysan или Bauer, или какъ польскій chłop, — а напротивъ того, думалъ и думалъ о высшихъ вопросахъ, могущихъ занимать умъ человѣческій — о правдѣ и о неправдѣ, о Христѣ и объ Антихристѣ, о вѣчности, о душѣ, о спасеніи, короче — о тѣхъ міровыхъ вопросахъ, надъ которыми бились и доселѣ бьются лучшіе умы человѣчества. Если выводы его ложны, даже нелѣпы и дики подчасъ — вина не его: онъ додумывался до чего могъ, толковалъ и понималъ, какъ умѣлъ; — не отсутствіе таланта мѣшаетъ даровитому маляру стать великимъ художникомъ, а незнаніе техники, — перспективы, анатоміи, законовъ освѣщенія и гармоніи красокъ. Раскольничество дѣлаетъ честь русскому народу, доказывая, что онъ не спитъ, что каждая умная мужицкая голова сама хочетъ провѣрить догматы вѣры, сама промышляетъ о истинѣ — что русскій человѣкъ правды ищетъ, а какую найдетъ, по той и пойдетъ, не пугаясь ни костра, ни пещеры съ заваленнымъ входомъ, ни оскопленія, ни даже человѣческихъ жертвъ и людоѣдства. На Западѣ простой народъ слѣпъ. Западныя секты сочинены для него учеными богословами, а русскій человѣкъ самъ, одинъ одинёхонекъ, на свой салтыкъ и на свою отвѣтственность, правды ищетъ, какъ самъ и Сибирь завоевалъ, и русское царство отстоялъ, самъ свою архитектуру даже создалъ и свое искусство, и — я твердо вѣрую — самъ создастъ и свою науку и общественный бытъ и перещеголяетъ ими шумливый и гордо презирающій насъ Западъ. Задатки этому, даже и больше чѣмъ задатки, уже положены реформами настоящаго царствованія.

Другое, что меня такъ заинтересовало въ расколѣ, это оригинальность, или лучше сказать, вычурность его ученій, не похожая ни на что въ цѣломъ свѣтѣ, такая-же самобытная, какъ архитектура Василія Блаженнаго, какъ обдѣлка иконъ въ фольгу, какъ рѣзьба берестяныхъ бураковъ для соли, какъ раскраска деревянныхъ чашекъ, — словомъ, его несомнѣнно русское происхожденіе и исключительно русскій характеръ. И вотъ, я поставилъ себѣ почти задачею жизни разгадать сущ-

ность этого явленія, докопаться до его источниковъ и проникнуть въ его тайны. — Я, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, ничѣмъ такъ не интересовался, какъ всѣмъ загадочнымъ, вычурнымъ, таинственнымъ. Это меня въ дѣтствѣ заставило одолѣть китайскую грамоту, въ юношествѣ отняло нѣсколько мѣсяцевъ на изученіе египетскихъ и мексиканскихъ іероглифовъ, втянуло меня въ изученіе буддизма, конфуціанизма и другихъ восточныхъ религій, метало меня и въ философію, и въ астрономію и еще не знаю куда; наконецъ, завлекло изученіемъ раскола, а наконецъ побудило меня посѣтить и изслѣдовать такія захолустья Турціи и Австріи, по которымъ (грубое, но мѣткое народное выраженіе) самъ чортъ въ семь лѣтъ только разъ пробѣгаетъ.

Наконецъ, меня возмутила несправедливость стѣсненія нашихъ сектъ, тогда какъ иностранныя пользуются у насъ полной свободой. Католичество, съ канонической точки зрѣнія, болѣе раскольничья вѣра, чѣмъ старообрядчество, которое почти ничѣмъ не отличается отъ православія, — а католичество у насъ въ почетѣ и «бискупы» не должны прятаться, какъ «владыки». Лютеранство — ересь, а безпоповство только расколъ, — лютеранство въ чести, а безпоповство еле-еле терпимо. Всевозможныя иностранныя протестантскія секты терпимы въ Россіи, — а наши собственные протестанты, у которыхъ и догматы толковѣе, чѣмъ у западныхъ, которые и Библію признаютъ нашу цѣликомъ, не отвергая ни одной изъ ея книгъ, которые и имена одинакія съ нами носятъ, стараго стиля держатся — молоканы — чуть что не преслѣдуются. Такое неуваженіе къ своему и потачка чужому меня оскорбила, какъ русскаго, а какъ человѣку, мнѣ стало жалко тѣснимыхъ, и я не могъ не понять, что стѣсненіе это, въ какихъ бы размѣрахъ оно ни происходило, можетъ вести только къ развитію въ бѣдномъ народѣ фанатизма и воспріимчивости ко всякаго рода фантастическимъ ученіямъ.

Я рѣшился помочь горю, — а помочь ему, по тогдашнему настроенію умовъ въ Россіи вообще, а у насъ въ Лондонѣ въ особенности, можно было только протестомъ, рѣзкими выходками противъ правительства и обличительными нападками на него. По тогдашнему, самымъ вѣрнымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ сдѣлать что-нибудь путное, было усиленіе оппозиціи и сліяніе всѣхъ недовольныхъ элементовъ воедино. Предполагать, что правительство и само искренно желаетъ добра Россіи, что его собственный интересъ состоитъ въ освобожденіи народа отъ всякихъ утратившихъ надобность стѣсненій, — тогда казалось безуміемъ. Слова: правительство и зло были чуть не синонимы, — надежды Россіи возлагались на молодое поколѣніе... Теперь все это кажется страннымъ, а тогда, право, въ это искренно вѣрилось, и каждый мальчишка искренно считалъ себя и способнѣе, и опытнѣе всѣхъ государственныхъ людей Европы. Опытность, практика, привычка къ дѣламъ ни во что не ставились; осторожность и обдумываніе казались недобросовѣстностью. Это была какая-то лихорадочная пора, всѣ метались будто спросонья, разбуженные севастопольскимъ погромомъ; глаза не были пріучены къ свѣту, умъ — къ пониманію, руки — къ работѣ.

— «Ну, сказалъ мнѣ Герценъ, выслушавъ мои панегирики расколу, вамъ и книги въ руки, — я въ вѣроученіяхъ мало понимаю, но, само собой, раскольникамъ слѣдуетъ помочь, — нельзя-жъ оставаться равнодушными, когда людей тѣснятъ за ихъ, хоть и нелѣпыя, вѣрованія. Составьте что-нибудь изъ этихъ записокъ и напечатайте: надо-жъ вывести эти дѣла на свѣжую воду».

Но мнѣ мало было вывести на свѣжую воду. Мнѣ хотѣлось приманить раскольниковъ на нашу сторону, возбудить въ нихъ политическую оппозицію правительству, воспользоваться безпоповскимъ ученіемъ, что царь — антихристъ, министры и ар-

хіереи — архангелы сатаны, чиновники и священники — воплощенные черти. Мнѣ хотѣлось сдѣлать для раскольниковъ практическій выводъ изъ ихъ вѣрованій, надоумить ихъ, чего имъ хотѣть, чего добиваться и кого держаться. На бѣду мою, я до тѣхъ поръ не былъ лично знакомъ съ нашими сектантами, хотя у меня даже родныхъ много между старообрядцами; все, что я зналъ объ нихъ — я зналъ только по доставшимся мнѣ документамъ. — Знай я расколъ, какъ я теперь его знаю, я бы и не подумалъ расчитывать на его помощь оппозиціи.

Принялся я писать книгу по этимъ документамъ, — но книга моя не удавалась. Во первыхъ, документы эти не имѣли почти никакой связи между собою, во вторыхъ, въ Лондонѣ ничего почти не было изъ книгъ, изданныхъ о русскихъ сектахъ, да и въ самой Россіи мало что было о нихъ печатано. Побился я, побился и рѣшилъ, не мудрствуя лукаво, напечатать мои матеріалы цѣликомъ, не опуская и не измѣняя ничего. Такъ я и сдѣлалъ, — я напечаталъ все, что у меня было, кромѣ статей отрывочныхъ, неясныхъ, сокращенныхъ и т. п. — Г. Мельниковъ, впослѣдствіи, обвинялъ меня печатно, будто я умышленно исказилъ его записку, поданную его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу, которая напечатана у меня въ 1 выпускѣ. — У меня было три списка этой записки, и всѣ совершенно одинаковые: я не только не искажалъ и не передѣлывалъ ничего, мнѣ даже интересу на это не было; я бы не посягнулъ на это уже и потому, что я библіофилъ и антикварій, — а ужъ никто не имѣетъ такого слѣпого благоговѣнія къ письменнымъ памятникамъ, какъ библіофилы и антикваріи. Старообрядцы тоже ропщутъ на меня за помѣщеніе «Синаксаря» — пародіи на ихъ сказнія, а самое помѣщеніе этой пародіи доказываетъ, что я составлялъ сборникъ безпристрастно, а не подбирая документы, какъ это утверждаетъ авторъ «Раскола, какъ орудія враждебныхъ Россіи партій» (Русскій Вѣстникъ), который, впрочемъ, и самое дѣло излагаетъ и не полно, и не вѣрно.

Предисловія мои къ обоимъ выпускамъ «Сборника Правительственныхъ Свѣдѣній о Раскольникахъ» вполнѣ выражаютъ мой тогдашній взглядъ и тогдашнія тенденціи, а равно и показываютъ мое полное незнакомство съ расколомъ и мой пристрастный взглядъ на дѣйствія людей, съ которыми я не сходился по убѣжденію: отсюда мои рѣзкіе отзывы о Надеждинѣ, Мельниковѣ, даже о Шафарикѣ и Гакманѣ.

Печатая Сборникъ и изучая расколъ, я рѣшился ѣхать въ Бѣлую Криницу, въ Молдавію, въ Турцію для личнаго ознакомленія съ русскими выходцами и для заведенія, при ихъ помощи, сношеній съ ихъ единовѣрцами въ Россіи. Мнѣ думалось устроить у нихъ склады нашихъ изданій, предложить имъ завести у насъ типографію для печатанія ихъ собственныхъ сочиненій и, вообще, познакомиться съ ними. — Герценъ и Огаревъ наотрѣзъ отказали мнѣ въ разрѣшеніи ѣхать, и пришлось слушаться, потому что я самъ напросился въ эмиграцію, самъ остался въ Лондонѣ, противъ ихъ желанія, потому что всякая разладица между мной и ими повела-бы только къ ослабленію моихъ силъ дѣйствовать для блага Россіи. — Возраженія ихъ были тѣ, что подобная поѣздка не имѣетъ опредѣленной цѣли, что если раскольникамъ нужно, они и сами пріѣдутъ, сами попросятъ завести типографію съ церковнымъ шрифтомъ, сами заведутъ у себя склады. Но, мнѣ кажется, у нихъ была и задняя мысль, впрочемъ весьма основательная: — моя поѣздка, моя чисто агитаціонная дѣятельность, непремѣнно выдвинула бы меня впередъ и мое имя загородило-бы ихъ имена, такъ что ихъ значеніе, какъ публицистовъ, померкло бы передъ моимъ значеніемъ агитатора. А я еще былъ слишкомъ молодъ (25—26 лѣтъ), да и недавно сталъ имъ извѣстенъ. Кто могъ поручиться, что легко прі-

брѣтенная извѣстность не вскружитъ мнѣ голову, не толкнетъ меня злоупотребить своимъ вліяніемъ, и не надѣлаетъ бѣдъ раздѣленіемъ лагеря? Чѣмъ я могъ обезпечить ихъ, что я не наговорю лишняго, не затѣю вздора, что, въ случаѣ ареста, не выдамъ изъ малодушья людей, которые мнѣ довѣрятся?.. — Разумѣется, мнѣ не было это высказано, но не понять ихъ мотивовъ было нельзя. Я проглотилъ пилюлю, какъ она ни была горька — и покорился. — «Выдержите искусъ, Кельсіевъ», говорилъ мнѣ часто Герценъ, всегда болѣе расположенный ко мнѣ, чѣмъ Огаревъ; — «знаю, что вамъ тяжело; знаю, что нелегко, но крѣпитесь, закалите свою волю — даже монахомъ нельзя сдѣлаться, не побывавъ послушникомъ, даже въ офицеры не иначе производятъ, какъ изъ кадетовъ или изъ юнкеровъ. Терпи казакъ — атаманъ будешь!» — И я терпѣлъ, выносилъ безропотно свое послушаніе, — но атаманомъ не сталъ, или и сталъ (казакъ-баши), но уже совершенно другого рода.

Мысль о причинахъ и о сущности раскола не давала покою мнѣ: я бросилъ на время лингвистику и принялся за изученіе исторіи Россіи, за преданія, за сказки, за народную поэзію, за миѳологію, — миѳологія и сдѣлалась съ того времени моей спеціальностью, — и, хотя я ничего еще не писалъ по этой части, но мнѣ кажется, что я нашелъ средства и методъ возстановить вполнѣ наши языческія вѣрованья, что и сдѣлаю, если когда нибудь буду на свободѣ и буду имѣть возможность посѣщать императорскую публичную библіотеку. Занятія эти все болѣе и болѣе ознакомливали меня съ вѣрованіями и обычаями нашего народа, но я все таки его не зналъ, — потому что не живалъ съ нимъ. Впрочемъ, и это былъ уже большой шагъ впередъ — это былъ выходъ изъ отвлеченной созерцательной жизни въ жизнь практическую — и этимъ шагомъ я обязанъ былъ своимъ документамъ о расколѣ. Они же выгнали меня и изъ моего кабинета. Изучая русскія секты, я не могъ не сравнивать ихъ съ западными, а я жилъ въ отечествѣ западныхъ сектъ, и мнѣ пришлось взяться за ихъ изученіе. Но тутъ книги составляли для меня только пособіе, коментаріи, а сектанты были у меня живые. И я началъ, въ первый разъ въ жизни, шататься по разнымъ моленнымъ, митингамъ, изучать обряды, заводить знакомства съ мармонами, съ квакерами, съ масонами, съ odd fellows и со всѣми прочими ненормальными явленіями англійской жизни. Это возбудило во мнѣ охоту ознакомиться съ людьми на дѣлѣ, а до тѣхъ поръ я зналъ ихъ только изъ книги, — а знакомиться мнѣ было всего любопытнѣй съ простонародьемъ, такъ какъ всѣ наши вѣрованія и всѣ соціалистическія системы стремились къ улучшенію быта низшихъ классовъ, — и я, переломивъ въ себѣ разъ навсегда и брезгливость, и застѣнчивость, сталъ посѣщать всякія трущобы, куда прячется бѣда и порокъ, заслуженное и не заслуженное горе. Я сталъ ходить туда, какъ ботаникъ ходитъ собирать растенія, или какъ орнитологъ забирается съ вечера въ чащи лѣса подслушивать и подсматривать, какая птица встаетъ раньше, а какая позже, какъ какая кричитъ и съ чего начинаетъ день свой.

Въ тавернахъ, въ питейныхъ домахъ, на дешевенькихъ представленіяхъ, я сближался съ кѣмъ попало, съ кѣмъ только удавалось заговорить, говорилъ на всевозможныя темы, и — и потерялъ вѣру въ соціализмъ, или, по крайней мѣрѣ, въ прелесть его для бѣдняковъ. Оборвыши, люди, дня по три не ѣвшіе, защищали также горячо право собственности, какъ любой купецъ или землевладѣлецъ. Сначала мнѣ казалось это дико, я сталъ добиваться причинъ и добился: въ человѣкѣ индивидуальность слишкомъ сильна, чтобъ безусловно жертвовать ею долгое время интересамъ массы. Но соціализмъ все таки возможенъ и, я думаю, даже не отвратимъ, но только никакъ не въ французской его формѣ, а въ родѣ англійскихъ Collaborative Associations, съ такимъ успѣхомъ и съ такой пользой распространяю-

щихся теперь повсюду, безъ шуму, безъ нарушенія чьихъ-либо интересовъ и безъ противудѣйствія личному обогащенію ихъ собственныхъ членовъ. Подобный соціализмъ, разумѣется, заслуживаетъ и сочувствія, и поддержки каждаго честнаго человѣка и каждаго правительства. Соціализмъ французской, по программѣ «Молодой Россіи» — фантазія, могущая занимать головы развѣ шестнадцатилѣтнихъ отцовъ отечества.

Итакъ, я перешелъ на реальную почву, задоръ мой сталъ улегаться, но еще не проходилъ; нужно было побольше видѣть и побольше узнать, чтобъ окончательно отрезвиться отъ оппозиціонной горячки. Но отрезвленіе это давалось не вдругъ. Болѣзнь была хроническая.

Каждаго пріѣзжаго я разспрашивалъ о сектантахъ и каждаго просилъ собирать и высылать мнѣ матеріалы, разъясняя ему, разумѣется, всю важность и полезность сближенія нашей партіи съ раскольничьими согласіями, и проповѣдуя необходимость этого сближенія. Матеріалы, дѣйствительно, стали присылаться и между ними, къ величайшему моему восторгу я нашелъ и книгу Надеждина «О Скопцахъ». Ее я давно желалъ видѣть, — списка ея у меня не было, а понятіе я имѣлъ объ ней только по извлеченію изъ нея, ходившему по рукамъ. Книга эта была кѣмъ-то прислана Герцену (всѣ посылки шли ему), съ просьбою возвратить владѣльцу въ сохранности. Стало быть печатать съ нея было нельзя: въ типографіяхъ необходимо разбирать оригиналъ на листы для раздачи работникамъ. Пришлось переписать всю книгу отъ первой до послѣдней страницы — и, нечего дѣлать, я переписалъ, съ соблюденіемъ даже орфографіи Надеждина. Вышла она, впрочемъ, не при мнѣ — я уже былъ въ Россіи. «Скопцы» былъ III-й выпускъ моего Сборника, а IV-й, составленный, какъ и два первыхъ изъ разной смѣси, вышелъ, когда я былъ въ Цареградѣ, и потому очень дурно прокорректированъ. — На этомъ и кончилась моя издательская дѣятельность за границею. Мнѣ приписываютъ изданіе «Собранія Постановленій по Части Раскола» — оно вышло, когда я былъ тоже въ Цареградѣ, а издавалъ его Огаревъ. Кто сочинитель и кто издатель «Исповѣданія Молокановъ», дрянной книжонки, вовсе не дающей понятія о молоканствѣ, и которая навѣрно не молоканами и писана — я не знаю.*

Заключаю нѣкоторыми подробностями изъ нашей внутренней жизни, которыя, я думаю, не будутъ лишены интереса, а во всякомъ случаѣ послужатъ къ разъясненію многихъ отношеній, о которыхъ мнѣ придется упоминать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Насъ было трое въ Лондонѣ: принципалъ Герценъ, его alter ego — Огаревъ и ихъ послушникъ — я. Къ намъ примыкали два поляка, которые, впрочемъ, вращаясь около насъ, сильно обрусѣли. Это былъ типографщикъ Герцена, Чернецкій, уроженецъ Люблинской губерніи, эмигрантъ 1848 года, участвовавшій въ Венгерской кампаніи, человѣкъ очень тихій, работящій, исправный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Выбравъ себѣ скромную роль управителя типографіи, онъ исполнялъ ее усердно, съ образцовою точностью, ни во что не мѣшался, никакихъ претензій не имѣлъ и довольствовался своей скромною долею. Другой былъ уроженецъ тоже царства Польскаго, не помню какой — губерніи, дѣйствительный студентъ Московскаго университета, участвовалъ въ Познанскомъ дѣлѣ 1846 года, дрался на баррикадахъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ, пока судьба не занесла его въ Англію, гдѣ онъ какими-то судьбами и сдѣлался повѣреннымъ Герцена по его частнымъ дѣламъ. Впослѣдствіи Тхоржевскій открылъ небольшую книжную лавочку и летучую библіотеку, занимался разными коммиссіями,

* Грибуль, сказка Жоржъ-Занда — переводъ моей жены, больше она ничего не печатала.

вѣчно хандрилъ, вѣчно жаловался на нездоровье и на попусту прожитую жизнь; плакался, что холость и что жены себѣ по вкусу подобрать не можетъ, но, впрочемъ, былъ очень добрый и услужливый человѣкъ, такъ же искренно и глубоко привязанный къ Герцену, какъ и Чернецкій. Всѣ мы жили тихо, смирно, дружески, никогда не ссорились, и всѣ признавали авторитетъ Герцена, даже и самъ Огаревъ.

Въ 1860 г. къ компаніи нашей прибавился іеродіаконъ Агапій, о которомъ я поминалъ, но войти въ нашъ тѣсный кружокъ ему не удалось, по его тяжелому, мнительному и скрытному характеру.

Въ концѣ 1860 года явился Дубровинъ, простодушный и очень симпатичный мальчикъ, прямо со школьной скамейки (бывшаго Дворянскаго полка), который прошелъ пѣшкомъ всю Финляндію, Швецію и часть Норвегіи, съ переполоху, что его арестуютъ за какое-то письмо политическаго содержанія; — я не понимаю, что онъ могъ написать политическаго, — должно быть, какія нибудь бредни тогдашней молодежи. Съ Герценомъ онъ какъ-то не сошелся, мучился тоской по родинѣ и кончилъ тѣмъ, что, не пропущенный во Францію, поѣхалъ въ Норвегію, чтобы пробраться черезъ нее въ Россію — и пропалъ безъ вѣсти.

При немъ же явился въ Лондонъ князь Николай Платоновичъ Трубецкой, который скрылъ отъ насъ причину, почему онъ оставилъ Россію. Онъ много настрадался, пока рѣшился обратиться къ намъ за помощью... впрочемъ, его исторія должна быть лучше извѣстна правительству.

Былъ еще англійскій подданный, не знавшій ни слова по англійски, уроженецъ Нижняго, Владиміръ Эберманъ, гимназистъ, бѣжавшій изъ Россіи, потому что испугался словъ своихъ, сказанныхъ имъ изъ мальчишескаго желанія себя показать квартальному, звавшему его въ свидѣтели по какому-то дѣлу (Что мнѣ ваша повѣстка! Что мнѣ ваши законы! Что мнѣ вашъ царь! Я англійскій подданный, такъ мнѣ вашъ царь все равно, что китайскій Богдыханъ!). И онъ много натерпѣлся. Спустилъ небольшія деньги, какія у него были (помнится 1000 р. с.), связавшись тоже съ выходцемъ изъ Россіи, какимъ-то Левестамомъ, бывшимъ коммиссаріатскимъ чиновникомъ во время Крымской войны и приговореннымъ по суду къ разстрѣлянію, какъ онъ самъ хвастался, не объясняя, впрочемъ, за какія добродѣтели. Левестамъ обчистилъ бѣднаго мальчика, какъ липку; тотъ съ голоду предложилъ русскому посланнику себя въ шпіоны; намъ объ этомъ сообщили изъ Петербурга (тотъ же таинственный почеркъ, о которомъ я упоминалъ); Чернецкій вышвырнулъ его изъ типографіи, и съ тѣхъ поръ онъ какъ въ воду канулъ, пока я вдругъ не встрѣтилъ его въ Тульчѣ, учителемъ въ молоканской школѣ. И тамъ ему не повезло, отчасти по моей винѣ и по требованію Герцена — сбыть его съ рукъ куда нибудь. Уже въ Кишиневскомъ тюремномъ замкѣ, я узналъ, что онъ добровольно воротился въ Россію, просидѣлъ 10 мѣсяцевъ въ томъ самомъ карцерѣ, гдѣ мнѣ, по счастью, привелось пробыть только двое сутокъ, и что тотъ-же унтеръ-офицеръ Марковъ, который доставилъ меня въ III-е Отдѣленіе, отвозилъ Эбермана изъ кишиневскаго острога въ нижегородскій, въ мартѣ нынѣшняго года.

Всѣ эти выходцы были наборщиками у Чернецкаго, и если что можно объ нихъ прибавить, то развѣ то, что іеродіаконъ Агапій и князь Трубецкой были отличные наборщики и бывали приняты у Герцена, а что Дубровинъ и Эберманъ были лѣнивы, и у Герцена, который ихъ не взлюбилъ съ перваго разу, приняты почти не бывали. О князѣ Юріи Николаевичѣ Голицинѣ и о его спутникахъ — я не считаю нужнымъ здѣсь разсказывать. Его невѣроятныя приключенія и такъ довольно извѣстны.

Князь Петръ Владимировичъ Долгоруковъ бывалъ въ Лондонѣ наѣздомъ. Отношенія наши съ нимъ были довольно натянутыя. Мы расходились съ нимъ въ

принципахъ, да и наконецъ — надо правду сказать — неловко себя чувствовали въ присутствіи претендента на императорскій престолъ и претендента очень обидчиваго. Князь нигдѣ не составилъ себѣ партіи, онъ былъ всѣмъ чужой и при немъ всякій какъ-то стѣснялся изъ вѣжливости; тогда какъ безъ него всѣ были свободны и каждый чувствовалъ себя въ нашемъ кружкѣ будто дома.

Наконецъ, и бывшій апостольскій викарій полярныхъ странъ сѣвернаго полюса, Джунковскій былъ у насъ. Первый разъ, кажется, лѣтомъ 1860 года, второй разъ осенью 1861-го года. Во второе его посѣщеніе, я, никогда не покидавшій мысли завести церковный шрифтъ, сговорился съ нимъ объ устройствѣ въ его типографіи, въ сѣверной части Норвегіи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нордъ-Капа, въ городѣ –, отдѣленія, для печатанія, старообрядческихъ книгъ. Я не скрывалъ отъ него своего атеизма и моего отвращенія къ католицизму.

— «Я долженъ прямо объяснить вамъ, Степанъ, сказалъ я ему, что уговоръ лучше денегъ — я ни слова не скажу, не только что не напишу, въ пользу исповѣданія, глава котораго не въ Россіи, которое повлекло-бы къ разслабленію русской народности. Помогать расколу всѣхъ сектъ — я готовъ, потому что расколъ прежде всего наше доморощенное произведеніе, и что каждый раскольникъ прежде всего русскій; онъ даже вѣруетъ только въ тѣ догматы, которые сочинены въ Россіи. А про послѣдователей иностранныхъ исповѣданій этого нельзя сказать — какіе ни будь они русскіе патріоты, а богословіе ихъ все-таки чужого ума дѣло и догматика ихъ вырабатываться всегда будетъ не у насъ, а за границей, гдѣ она волей неволей будетъ принимать оттѣнокъ враждебный нашей національности. Будь поляки и нѣмцы православными, или поди они въ нашъ расколъ, не было бы у насъ безтолковой рѣзни съ одними, да и другіе-бы давнымъ давно обрусѣли и языкомъ, и именами, и самыми чувствами. А то поляки тянутся къ Франціи, а нѣмцы на Пруссію глядятъ — у нихъ въ Швабіи свой король».

— «Я очень уважаю и цѣню вашу откровенность, — отвѣчалъ Джунковскій, — и вамъ не покажется парадоксомъ, что я имѣю большое сочувствіе къ атеистамъ».

Я глаза вытаращилъ отъ такого оборота дѣла.

— «Да, я признаю только два послѣдовательныхъ ученія — атеизмъ и католицизмъ, есть Богъ и нѣтъ Бога. Если нѣтъ — ну и нѣтъ, и это можетъ войти въ умную голову. А если умная голова признаетъ какимъ-бы то ни было путемъ, что Богъ есть, то я не вижу, какъ ему не допустить проявленія этого Бога на землѣ пророчествами, чудесами, чудотворными иконами, мощами и всѣмъ, надъ чѣмъ смѣются протестанты*, признавая возможность ихъ во времена Ветхаго Завѣта и отрицая ихъ въ Новомъ, со временъ смерти послѣдняго изъ учениковъ Христовыхъ. — Атеиста я понимаю, — а ихъ я не понимаю...»

— «Ни я. Я тоже нахожу ихъ непослѣдовательными. Мормонъ или скопецъ мнѣ понятнѣй», отвѣчалъ я. — И въ самомъ дѣлѣ, стоило мнѣ убѣдиться (путемъ новѣйшихъ открытій въ астрономіи) въ существованіи Разума въ природѣ, которую я считалъ безсмысленной игрой вѣчной матеріи — я пошелъ въ церковь. Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Джунковскій вышелъ изъ костела въ ту же церковь. — «Дѣлайте, что хотите, печатайте, что хотите, — продолжалъ Джунковскій, — и не работайте въ пользу католицизма. Нашъ интересъ, интересъ католиковъ, весьма простъ. Намъ нужно добиться полной свободы вѣроисповѣданія на всемъ зем-

* Я покорнѣйшее прошу особъ не православнаго исповѣданія, въ руки которыхъ можетъ перейти эта записка, не ставить мнѣ въ вину многихъ подобныхъ отзывовъ, которые мнѣ придется дѣлать объ иностранныхъ исповѣданіяхъ и лицахъ иностраннаго происхожденія. Я вполнѣ увѣренъ, что они первые оцѣнятъ мою искренность съ ними.

номъ шарѣ и уничтоженія монархій. Намъ республики выгоднѣй монархій. Вы скажете, что въ Римѣ иначе на это смотрятъ — да, правда, тамъ въ большой силѣ старая партія; тамъ, какъ и повсюду, пропасть отсталыхъ, которые силятся сохранить отжившія учрежденія и тѣмъ бросаютъ тѣнь на самую вѣру. А мы, новые, мы сами ищемъ союза съ революціонерами — я искалъ знакомства съ Герценомъ, а не онъ со мною — мы въ революціонерахъ всѣхъ цвѣтовъ, даже въ крайнихъ коммунистахъ и фурьеристахъ, видимъ естественныхъ союзниковъ. Они наши піонеры! Пусть они очистятъ землю отъ этихъ монархій, пусть они съ лица земли сотрутъ все, что препятствуетъ развитію свободнѣйшихъ учрежденій — и тогда на земномъ шарѣ будетъ: едино стадо и единъ пастырь!»

— «Единъ пастырь, то есть папа, я пожалуй допускаю, — говорилъ я, — но чтобы стадо единымъ стало — это, ужъ воля ваша, сомнительно!..»

— «Нѣтъ, не сомнительно, Василій Ивановичъ, — горячился Джунковскій. — Теперь прогрессъ, наука впередъ идетъ, невѣжество исчезаетъ, а съ нимъ исчезнетъ и сектанство. Протестантизмъ не выдержитъ критики, православіе пойметъ, что оно гибнетъ отъ своего раскола съ престоломъ князя Апостоловъ, а про язычество, да про магометанство, іудейство и прочій вздоръ, и толковать нечего».

—«Ну, теперь я понимаю, куда вы бьете, рѣшилъ я, и я поѣду въ «——» работать въ помощь бѣднымъ сектантамъ съ чистою совѣстью: я убѣжденъ, что ни политическая, ни религіозная свобода, не спасутъ католицизма, который тоже несостояteленъ...»

— «Онъ нуждатся въ реформахъ и въ радикальныхъ, — я не скрываю».

— «Положимъ и такъ. Но вопросъ нашъ сводится на то, что вы въ насъ нуждаетесь и предлагаете намъ свои средства, не обязывая насъ ни къ чему — я ѣду въ «——». И мы ударили по рукамъ.

Я-бы и уѣхалъ въ «——», куда каждое лѣто ходятъ съ хлѣбомъ наши бѣломорцы, которые всѣ безпоповцы поморскаго согласія. — Но ѣхать надо было со шрифтомъ, а словолитня приготовила его намъ не въ двѣ недѣли, а въ два мѣсяца, когда уже прекратилось сообщеніе съ Норвегіей. Мы обмѣнялись съ Джунковскимъ не совсѣмъ дружескими письмами. Онъ довольно рѣзко упрекнулъ меня, что я не держу моего слова — и съ тѣхъ поръ, я почти забылъ объ немъ, какъ вдругъ, въ Вѣнѣ, узналъ изъ газетъ объ его женитьбѣ и обращеніи въ православіе.

Но былъ еще эмигрантъ, надъ которымъ стоитъ остановиться — Мартьяновъ.

Мартьяновъ явился въ Лондонъ лѣтомъ 1861 года, когда Герценъ былъ на дачѣ. Онъ узналъ это въ нашей типографіи, куда пріѣхалъ справиться объ адресѣ, спросилъ, когда Герценъ воротится — и вышелъ. Объ немъ и забыли, какъ вдругъ онъ опять явился, дождавшись возвращенія принципала. Онъ былъ крѣпостной графа Гурьева, который его обидѣлъ и разорилъ, по его словамъ; и онъ явился въ Лондонъ просить предать это дѣло гласности. Это былъ человѣкъ сильнаго ума и характера, гордый, честолюбивый, мстительный даже, но лишенный серьезнаго образованія. Развитіемъ своимъ онъ былъ исключительно самому себѣ обязанъ, — онъ образовалъ себя чтеніемъ русскихъ книгъ: языковъ онъ не зналъ, но что онъ читалъ, читалъ не безъ пользы. Къ несчастью, у него, какъ у всѣхъ parvenus, выбившихся на свѣтъ Божій своими силами, осталась въ душѣ затаенная вражда, зубъ на обижавшихъ его въ былое время и на его графа, по милости котораго онъ (опять таки по его словамъ) потерялъ и капиталъ въ двѣсти тысячъ и общественное положеніе. На Волгѣ, гдѣ онъ торговалъ хлѣбомъ, онъ, очевидно, пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, какъ человѣкъ энергическій и умный. Въ Лондонѣ

онъ производилъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе своей мрачностью, озлобленностью и неумѣньемъ прощать ни малѣйшей обиды. Съ перваго же дня его знакомства съ нами его самолюбіе пострадало: — у него было наготовлено пропасть статей для «Колокола» и «Полярной Звѣзды» — и Герценъ не принялъ ни одной. Онъ писалъ что-то по соціальнымъ вопросамъ, въ полной увѣренности, что его работа будетъ принята съ восторгомъ — а Герценъ и ту отказалъ. «Жалко мнѣ этого Мартьянова, сказалъ мнѣ какъ-то Герценъ, хочется ему работать съ нами, помѣщать статьи у насъ — а что-жъ я сдѣлаю, если все, что онъ пишетъ, выходитъ или не ново или, еще хуже, слабо». Не знаю, почему этотъ отзывъ остался у меня въ памяти, но онъ важенъ для объясненія личности Мартьянова, оскорбленной даже и у насъ.

Сталъ онъ и у меня бывать, а я въ это время готовилъ къ печати мой III-й выпускъ (О скопцахъ) и прослѣживалъ въ русской исторіи, что такое именно царь въ глазахъ нашего народа, откуда у насъ этотъ глубокій, досадовавшій меня тогда, монархизмъ, доводящій до вѣры самозванцамъ и проявляющійся въ обоготвореніи Петра III-го, подъ фантастическимъ образомъ Его Императорскаго Величества Господа нашего Исуса Христа Батюшки Искупителя Петра Ѳедоровича! Копался я, копался и докопался до тѣхъ выводовъ, которые у меня изложены въ предисловіи къ этому выпуску. Ихъ я считаю и до сихъ поръ вѣрными, такъ какъ я имѣлъ возможность провѣрить ихъ въ долгихъ бесѣдахъ съ простонародьемъ. Разумѣется, что въ помянутомъ предисловіи они не имѣютъ должной полноты и сильно разбавлены тогдашними тенденціями, приведенными «вь пику и въ нравоученіе» правительству.

Какъ-бы то ни было, но изслѣдованія мои привели меня къ тому, что у насъ и думать нечего проповѣдывать республику, что на подобную проповѣдь мужики крикнули бы «рѣжь публику!» все, что не принадлежитъ къ низшимъ сословіямъ. Выводы свои я высказывалъ не разъ Мартьянову, на котораго я смотрѣлъ, какъ на человѣка, близко знающаго народъ. Мартьяновъ сначала не совсѣмъ соглашался со мной, но я ему указалъ на исторію нашихъ бунтовъ, прочелъ съ нимъ вмѣстѣ кой-какіе источники — и вдругъ, Мартьяновъ повеселѣлъ: онъ нашелъ исходъ своимъ чувствамъ. Всю любовь своей сильной и страстной натуры онъ излилъ на царя и на простонародье, да такъ излилъ, что безъ слезъ не всегда говорить о нихъ могъ. Всю-же ненависть свою, годами накипавшую у него на сердцѣ злобу, онъ опрокинулъ на дворянство и на чиновничество. «Всякій, кто не сынъ народа по происхожденію, по воспитанію, да погибнетъ!» провозглашалъ онъ. Ненависть такъ его обуяла, что онъ ненавидѣлъ — не сословія, не классы общества, — а даже личности. Я какъ-то заставилъ его договориться до того, что, по его мнѣнію, и величайшаго врага его графа Гурьева, и лучшаго его пріятеля въ Лондонѣ Огарева слѣдовало бы на одну осину за то, что оба родились дворянами. Такова послѣдовательность удалой русской мысли! — Онъ проповѣдывалъ вырѣзку всего немужицкаго, даже купечества онъ не щадилъ, — вырѣзку съ женами и съ дѣтьми, чтобъ и на сѣмена не оставалось. Много нужно было выстрадать его бѣдной душѣ, чтобъ находить себѣ утѣшеніе въ такихъ дикихъ грезахъ, — а найди онъ исходъ своимъ мыслямъ и силамъ, какой бы полезный человѣкъ изъ него вышелъ!

Но если теорія вырѣзки всѣхъ не мужиковъ такъ и осталась теоріей, то монархизмъ нашъ пошелъ въ ходъ. Огаревъ, постоянно совѣтывавшійся съ Мартьяновымъ о крестьянскомъ вопросѣ и очень его уважавшій, задумался надъ его словами, что крестьянамъ царь нуженъ, но что царь долженъ быть преданъ исключительно интересамъ низшихъ сословій, что онъ долженъ жертвовать для большинства меньшинствомъ и такъ далѣе — и вотъ развилось у насъ въ Лондонѣ ученіе о Земскомъ

Царѣ... но было уже поздно, надо было раньше высказаться въ пользу монархизма, и не дать повода считать себя революціонерами и баррикадистами, за какихъ насъ принимали въ Россіи, благодаря необдуманнымъ фразамъ, не имѣвшимъ въ нашихъ глазахъ особаго смысла, но которыя молодежь принимала за сущность нашей пропаганды, тогда какъ сущность-то была вовсе не революціонная, хотя и была вышита по революціонной канвѣ.

Поляковъ Мартьяновъ тоже не терпѣлъ и одинъ изъ всѣхъ насъ предвидѣлъ печальный исходъ польскаго дѣла.

Нѣсколько словъ о Михайлѣ Александровичѣ Бакунинѣ. За что этотъ человѣкъ пользуется такою высокою репутаціею въ революціонныхъ кругахъ и какъ ему удалось сдѣлаться диктаторомъ саксонскимъ — для меня загадка. Это колоссальнѣйшая неспособность изо всѣхъ, мною виданныхъ: тупой бунтовщикъ, въ родѣ тѣхъ хористовъ революціи, о которыхъ я говорилъ выше. Его пустота и непониманіе вопросовъ поразили меня съ перваго свиданія.

Герценъ и Огаревъ никогда не отзовутся дурно о человѣкѣ, который служилъ правому (или ими считаемому за правое) дѣлу. Самопожертвованіе, рискъ, готовность на все, все искупаетъ въ ихъ глазахъ: отсюда ихъ благоговѣніе къ памяти «мучениковъ 14 декабря», отсюда признаваніе Рылѣева поэтомъ coûte que coûte, отсюда изданіе книги Радищева, пропасть недомолвокъ въ «Быломъ и Думахъ» о революціонныхъ знаменитостяхъ 1848–49 гг. и т. п. Я никогда не могъ добиться, за что Герценъ въ ссорѣ съ Ледрю Роленомъ, и неохотные его отзывы о Бакунинѣ я приписывалъ тоже личной размолвкѣ, считая Бакунина все-таки не дешевою личностью, хотя знавшіе его лично отзывались всегда не въ его пользу. — Много у меня было споровъ съ Герценомъ и съ Огаревымъ о томъ, что подвигъ не выкупаетъ глупости или мелочности характера, что дѣло дѣломъ, а человѣкъ человѣкомъ; но Герценъ остался при своемъ, и я при своемъ.

Ждали Бакунина въ Лондонѣ, — насталъ день его пріѣзда. Мнѣ не терпѣлось видѣть его, но, не желая мѣшать его встрѣчѣ съ старыми друзьями, я отправился къ Герцену попозднѣе, давъ имъ наговориться и высказать другъ другу то, чего, можетъ быть, имъ не захотѣлось бы говорить при новичкѣ. — Я засталъ ихъ при разговорѣ, какой обыкновенно ведется между старыми знакомыми, не видавшимися долгое время: Бакунинъ разспрашивалъ, что дѣлаетъ такой-то, этотъ живъ-ли, тотъ гдѣ? и т. п. Разговоръ, наконецъ, перешелъ на современную политику.

— «Въ Польшѣ только демонстраціи, сказалъ Герценъ, да авось поляки образумятся, поймутъ, что нельзя-жъ подыматься, когда государь только что освободилъ крестьянъ. Собирается туча но надобно желать, чтобъ она разошлась».

— «А въ Италіи?»

— «Тихо».

— «А въ Австріи?»

— «Тихо».

— «А въ Турціи?»

— «Вездѣ тихо, и ничего даже не предвидится».

— «Что-жъ тогда дѣлать? — сказалъ въ недоумѣніи Бакунинъ. — Неужели-жъ ѣхать куда нибудь въ Персію или въ Индію и тамъ подымать дѣло! Эдакъ съ ума сойдешь — я безъ дѣла сидѣть не могу».

Это я думаю достаточно рисуетъ личность Бакунина. Идей своихъ я у него ни одной не замѣтилъ. Все, что онъ проповѣдуетъ, обыкновенно взято у него на прокатъ у перваго встрѣчнаго. Онъ вѣчно подъ чьимъ нибудь вліяніемъ. Пѣлъ онъ

и съ моего голоса, и съ Мартьянова, и съ Лугинина (артиллерiйскаго офицера, представителя создававшейся тогда умѣренной партiи). Это мѣшокъ, въ который, что положишь, то и несетъ, только бы не мѣшали ему рисоваться, да не отнимали возможности составлять, Богъ знаетъ съ кѣмъ и Богъ знаетъ для чего, разныя тайныя общества. — Какъ-то онъ объявилъ, что исключительно займется славянскими дѣлами и давай откапывать откуда-то разныхъ сербовъ, чеховъ, болгаръ, уполномачивать ихъ вести пропаганду въ ихъ краяхъ. Видалъ я у него пропасть такихъ агентовъ:

— «Да что вы, Михаилъ Александровичъ, вѣдь вы себя осрамите съ этимъ парнемъ. Куда ему въ агенты, онъ трехъ словъ путемъ не свяжетъ, какъ пробка глупъ — кто его тамъ въ Чехахъ послушаетъ?!..»

— «Толкуйте, толкуйте! Много вы понимаете! Значитъ, у васъ нѣтъ способности людей разбирать, если вы такъ судите. Я, батюшка, опытный революцiонеръ, меня учить нечего!» — Ну, разумѣется, и махнешь бывало рукой, потому что и дѣйствительно учить было нечего.

Наострилъ я его собирать капиталъ для пропаганды, да и самъ былъ не радъ. Бакунинъ сталъ просто контрибуцiю налагать на каждаго прiѣзжаго — а тутъ нашъ погромъ начинается: — «Молодая Россiя» да пожаръ Толкучки пали намъ, какъ снѣгъ на голову. Молодежь кричитъ, что она безъ предводителей — Бакунинъ принялъ этотъ постъ, — какiе-то студенты написали ему письмо, чуть-ли даже диплома не прислали на предводительство движенiемъ въ Россiи.

Кутерьма шла невѣроятная, неудача шла за неудачей, арестъ Вѣтошникова поразилъ насъ какъ громомъ, а меня пуще всѣхъ: всѣ мои начинанiя лопнули — я уѣхалъ на Востокъ, оставивъ Бакунина предводительствовать какими то непонятными тайными обществами, даже разбалтывать ихъ тайны, что за нимъ также водится, и съ тѣхъ поръ не знаю, что онъ дѣлалъ и кѣмъ предводительствовалъ. Во всякомъ случаѣ никакъ не славянами, которые его не терпятъ за то, что онъ не въ ладахъ съ русскимъ правительствомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ПОѢЗДКА ВЪ РОССIЮ

Постоянно работая надъ изученiемъ Россiи и раскола, я все ждалъ отзыва раскольниковъ на мое изданiе — отзыва не было. Они ни одной статьи даже на обиды свои не присылали — хоть бы поклонъ отъ нихъ удалось услышать, хоть бы «спасибо» за трудъ въ ихъ пользу, я и тѣмъ былъ бы безконечно доволенъ. Сборникъ хорошо шелъ въ продажѣ, но кто его раскупалъ, опредѣлить было нельзя, какъ нельзя было и замѣтить особеннаго стремленiя къ сближенiю съ расколомъ въ прiѣзжихъ. Никто не былъ съ нимъ знакомъ близко, да никто и не расчитывалъ на большую пользу отъ этого сближенiя. Образованные люди у насъ слишкомъ офранцузились и онѣмечились, чтобы понимать все русское, и какiе нибудь ультра-монтаны ближе къ нимъ, чѣмъ старообрядцы. О Францiи у насъ знаютъ лучше, чѣмъ о Россiи. Петровская реформа такъ отрѣзала насъ всѣхъ отъ народа, что мы разошлись съ нимъ не только понятiями, но даже образомъ жизни, столомъ, языкомъ, платьемъ, интересами. Англiйскiй лордъ или французскiй баронъ далеко не такъ чужды своему простонародью, какъ наши образованные люди; жизнь первыхъ — усовершенствованiе народной, а наша — подражанiе заграничной.

Приведу одно обстоятельство, въ сущности пустое, но, вотъ уже полтораста лѣтъ слишкомъ, и правительство ставящее въ вѣчно непріятное положеніе, и народъ оскорбляющее до глубины души, — я говорю о бородѣ. Петръ обрилъ солдатъ и чиновниковъ, презирая народныя предубѣжденія, и обязательное бритье такъ и осталось у насъ по привычкѣ, какъ разъ заведенный порядокъ, о существованіи котораго даже и забыли, потому что онъ уже въ обычай вошелъ. Чтобы сдѣлать насъ по наружности похожими на европейцевъ, запрещено у насъ солдатамъ въ отставкѣ даже запускать волосы и бороду. Затѣмъ, если не ошибаюсь, для солдатъ посты отмѣняются почему-то. Что же изъ этого выходитъ? Борода у насъ народный обычай, которому огромная масса простонародья, милліоновъ съ десятокъ, придаетъ даже догматическое значеніе, — а про посты и говорить нечего. Иной сектантъ, да даже и не сектантъ, душой бы радъ служить Государю, умереть готовъ за него, — но совѣсть претитъ ему воздать Кесарю то, что слѣдуетъ Богу. И вотъ до сихъ поръ изъ за этихъ пустяковъ, при каждомъ наборѣ, тысячи бѣгутъ въ Молдавію и Турцію: Я со многими изъ нихъ толковалъ и отъ многихъ слышалъ, что не трогай правительство бороды — они завтра-бы доброй волей пошли въ солдаты, потому все же лучше быть солдатомъ, чѣмъ мыкаться на чужой сторонѣ. — Много можно бы привести такихъ примѣровъ недоразумѣнія между образованными людьми и простонародьемъ... А на этомъ недоразумѣніи правительство очень выиграло-бы. Сумѣй наша партія сойтись съ сектантами, умѣй говорить съ ними, не погнушайся изучить ихъ догматы, да и вообще богословіе, пойми значеніе ихъ привязанности къ обрядамъ — и было-бы дѣло въ шляпѣ. Но мы были пустозвоны, верхохваты, мы изучали только міровые вопросы, да революціонныя теоріи, мы спорили о преимуществахъ и недостаткахъ разныхъ конституцій, — затѣвали создать храмъ свободы, не позаботясь ознакомиться съ матеріаломъ, изъ котораго приходилось строить этотъ храмъ. И вышла ерунда — рабочихъ было пропасть, но ни одинъ не былъ знакомъ съ матеріаломъ, да и плана-то общаго не было, и пошло вавилонское столпотвореніе, своя своихъ не познаша.

Понималъ я и предчувствовалъ всю эту неурядицу, толковалъ объ ней Герцену и Огареву, указывалъ имъ на нашу несостоятельность, но они стояли на томъ, что они публицисты, а не агитаторы, и что ихъ дѣло только пропаганду вести, а никакъ не движеніе. — Что было дѣлать? — Сидѣть у моря и ждать погоды? Я и сидѣлъ и ждалъ, съ отчаяніемъ слѣдя, какъ время уходитъ, и какъ нашъ авторитетъ падаетъ. — Наконецъ, я и въ самомъ дѣлѣ дождался, дождался, что раскольники завели съ нами сношенія.

Какъ-то вечеромъ, въ ноябрѣ 1861, я былъ у Герцена. Постороннихъ не было. Я стоялъ у камина въ залѣ и грѣлся. Ко мнѣ подошелъ Тхоржевскій.

— «А у меня для васъ новость! Раскольникъ какой то есть въ Лондонѣ...»

— «Вотъ!» и я вздрогнулъ отъ радости.

— «Какъ же. Сегодня заходилъ ко мнѣ, молодой еще человѣкъ, говорилъ, что хочетъ познакомиться съ Герценомъ и съ вами, только жалуется, что жизнь здѣсь дорога. Онъ остановился въ одномъ отелѣ на Piccadilly. Я хотѣлъ ему продать вашъ «Сборникъ», «Библію», «Стоглавъ», только онъ не купилъ, а купилъ «Потаенную Литературу»...

— «Экъ васъ, Тхоржевскій, дернуло! Вѣдь это только библіофиламъ слѣдуетъ показывать...»

— «А мнѣ что. Она вездѣ продается — не у меня, такъ у другого купитъ...»

— «Да почемъ-же вы знаете, что онъ раскольникъ».

— «Самъ онъ сказалъ. Онъ липованъ, купецъ изъ Молдавіи, молодой еще человѣкъ...»

На другой день я отправился разыскивать Петрова*, такъ звали липована, и нашелъ его въ указанномъ отелѣ. Его вызвали. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, невысокаго роста, рябоватый, худой, съ рѣденькой русой бородкой. Одѣтъ онъ былъ по европейски и вообще походилъ на прикащика со Щукина или изъ Перинной линіи. Лицо его было блѣдно и даже зеленовато.

— «Вы господинъ Петровъ?»

— «Я», отвѣчалъ онъ какъ-то пугливо, точно ожидая бѣды или ареста.

— «Я пришелъ познакомиться съ вами. Тхоржевскій мнѣ говорилъ, что вы изъ Молдавіи, а въ Молдавіи живетъ много русскихъ старообрядцевъ — не будете ли вы добры сообщить мнѣ о нихъ кой какія свѣдѣнія. Я Кельсіевъ, издатель «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ».

— «А! Знаю! — сказалъ онъ также угрюмо и непривѣтливо. — Только мнѣ теперь времени нѣтъ (его, кажется, обѣдать звали, или онъ ѣхалъ куда; не помню)».

— «Когда-же можно васъ видѣть? Долго-ли вы пробудете здѣсь?»

— «Дня съ три. Здѣсь нельзя оставаться, цѣны страшныя!..»

— «Тогда вотъ что — пріѣзжайте ко мнѣ, и я вамъ отыщу, на сколько хотите времени, и дешевую, и удобную квартиру. Васъ здѣсь обдираютъ, какъ всѣхъ иностранцевъ. — Когда вы у меня будете? Сегодня, можетъ быть?»

— «Могу».

— «И прекрасно. Я васъ жду часа въ два. Вотъ мой адресъ». — Тутъ же подвернулся одинъ смоленскій полякъ Гилевичъ, упражнявшійся въ факторствѣ, въ нищенствѣ, въ мошенничествѣ и еще не знаю въ чемъ, и обѣщался проводить Петрова ко мнѣ. Въ назначенное время мой липованъ явился, просидѣлъ у меня часа три — и оказался очень милымъ, живымъ и веселымъ человѣкомъ, а вдобавокъ и замѣчательно умнымъ, да такимъ умнымъ, какимъ дай Богъ всякому быть. Съ трехъ словъ понималъ онъ какой угодно вопросъ, отвѣчалъ на него всегда подробно и основательно, разбирая его со всѣхъ сторонъ, что называется по косточкамъ. Одна особенность его ума меня поражала. Онъ никогда не отвѣчалъ прямо, что-бы вы у него ни спросили, а подходилъ къ вопросу издалека, какъ будто говоря о чемъ-то совсѣмъ другомъ, и только черезъ полчаса вы замѣчали, что онъ именно то изъясняетъ вамъ, чего вы хотѣли, и что онъ вамъ выставилъ всѣ pro и contra дѣла, сдѣлалъ имъ оцѣнку и вывелъ изъ нихъ заключеніе. Какая-же сила ума и какія огромныя діалектическія способности у этого человѣка, не получившаго никакого образованія, а развившагося единственно на чтеніи церковныхъ книгъ!!!

Мы мигомъ подружились и искренно привязались другъ къ другу. По его словамъ, онъ былъ купецъ, торговалъ сначала краснымъ товаромъ, потомъ бросилъ торговлю, спасался въ славскомъ скиту (въ Добруджѣ), гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ въ молчальничествѣ; потомъ объѣздилъ всѣ центры поповщины, былъ секретаремъ у Павла Бѣлокриницкаго, наконецъ, посвятилъ себя исключительно интересамъ старообрядческой церкви, для которой и трудится непрерывно, какъ богословъ и начетчикъ. За монаха или за духовное лицо онъ себя не признавалъ, хотя мнѣ всегда казалось, что онъ по крайней мѣрѣ архимандритъ.

Понятно, что такого дорогого гостя, который могъ мнѣ сообщить бездну новаго, я не хотѣлъ выпустить отъ себя, да и онъ, кстати, не могъ выѣхать изъ Лон-

---

* Епископъ Коломенскій Пафнутій, бѣлокриницкаго поставленія — въ 1865 году онъ обратился въ единовѣріе и находится теперь въ Москвѣ, гдѣ обращаетъ старообрядцевъ.

дона, потому что его сильно пообщипали дорогой и въ отелѣ. Я предложилъ ему взять въ нашемъ же домѣ небольшую комнатку въ верхнемъ этажѣ, подлѣ моего кабинета. Она ему понравилась, тотчасъ же я сторговался съ хозяйкой въ цѣнѣ, Поликарпъ Петровичъ поселился со мной, — и начался мой праздникъ, длившійся цѣлыхъ шесть недѣль.

Читать или писать уже не было возможности. Чуть я вставалъ, Поликарпъ входилъ въ мой кабинетъ, и начинались безконечныя бесѣды о догматикѣ старообрядчества, о духѣ раздорническихъ и безпоповскихъ сектъ, о введеніи и распространеніи бѣлокриницкой іерархіи, о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ ею доселѣ, о непривычности ея дѣятелей къ дѣламъ, о надеждахъ на будущее. И все это онъ разсказывалъ такъ толково, такъ увлекательно и óбразно, что всякому слушающему его казалось, будто самъ присутствуетъ при описываемыхъ событіяхъ. Образы дѣятелей, какъ живые, возникали передъ глазами, и впослѣдствіи, когда мнѣ лично пришлось перезнакомиться съ ними, я не разъ былъ пораженъ вѣрностью характеристики ихъ, данной мнѣ въ Лондонѣ Поликарпомъ.

Память его — даже невѣроятно, чтобы человѣкъ могъ имѣть такую память! Онъ такъ изучилъ отцовъ церкви, что зналъ, на какой страницѣ, на какой строкѣ, какого изданія находится данный текстъ. Въ полемическомъ богословіи онъ, разумѣется, былъ непобѣдимъ при такихъ способностяхъ, — и не разъ, разсказывалъ онъ, его противники, безпоповцы, нѣтовцы и раздорники, открещивались отъ него, полагая, что самъ сатана явился разбивать ихъ завѣтныя вѣрованія, — такъ поразительны его начитанность и знакомство съ писаніемъ, давшія ему возможность обращать тысячами къ бѣлокриницкому священству разныхъ не признававшихъ его старообрядцевъ.

И изувѣромъ онъ не былъ, да и не могъ быть при такомъ умѣ. Онъ не боялся табакъ брать въ руки, не боялся сложить правой рукой трехперстное знаменіе; даже сказалъ, при переѣздѣ ко мнѣ, что если приготовленіе для него постнаго неудобно или затруднительно для хозяйки дома, — то онъ будетъ и скоромное ѣсть — «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ», «предлагаемое да яждьте». — Вообще эта личность могла дать самое выгодное понятіе о старообрядчествѣ; въ Поликарпѣ не было ни нетерпимости, ни какихъ либо рѣзкостей или особенностей, отличавшихъ его отъ обыкновеннаго благочестиваго православнаго купца, — развѣ что онъ не ѣлъ и не пилъ ничего, не осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, по старинному русскому обычаю.

Немедленно свозить его къ Герцену было нельзя. Во первыхъ Бакунинъ пріѣхалъ, помнится 15-го декабря, какъ-то вскорѣ по переселеніи ко мнѣ Поликарпа, и въ ожиданіи его въ домѣ Герцена была поэтому суматоха: нужно было пріискать Бакунину квартиру (вмѣстѣ съ нимъ жить Герцену не хотѣлось), дать ему средства существованія — къ работѣ какой нибудь Бакунинъ не способенъ, писать не боекъ, да что и пишетъ, то выходитъ крайне неладно: посланіе его къ полякамъ, такъ обидѣвшее ихъ проектомъ хлопской Польши, разъ десять передѣлывалось по настоянію Герцена — и пришлось положить ему пенсію... Чуть ли не по 5 ф. стерл. (около 30 р. с.) въ недѣлю опредѣлилъ ему Герценъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, — такъ велика его привязанность ко всѣмъ старымъ пріятелямъ и къ дѣятелямъ свободы! — Во вторыхъ нужно было выбрать свободное время для свиданія ихъ съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Поликарпъ, чтобы постороннихъ не было, чтобы кто не помѣшалъ. Словомъ, прошло довольно долгое время, пока устроилось это свиданіе, дней съ пятокъ.

Разумѣется, что я уже успѣлъ высказать Поликарпу мою завѣтную мысль о союзѣ нашемъ съ сектантами, объ устройствѣ у насъ печатаній ихъ сочиненій, объ

организаціи въ одно цѣлое всѣхъ сектъ съ цѣлью дружнаго наступа на правительство. Революціоннаго я ему ничего не проповѣдывалъ, потому что и самъ уже давно понялъ, что у насъ революція невозможна, а возможенъ бунтъ на манеръ пугачевщины, который разрѣшился бы не только вырѣзкой всего не мужицкаго, но даже уничтоженіемъ школъ, сожженіемъ библіотекъ, который бы отдалъ насъ въ руки иностранцевъ, какъ Смутное Время — Самозванцевъ, и, наконецъ, посадилъ бы на тронъ какого нибудь проходимца, не лучше Тушинскихъ царьковъ. Я билъ именно на необходимость спасенія Россіи отъ грозящей ей неурядицы — организованіемъ правильной оппозиціи, которая, вынудивъ у правительства разумныя уступки, сама бы слилась съ нимъ и стала бы его поддержкой. — Въ сущности, оно такъ и вышло впослѣдствіи, хотя и безъ моего содѣйствія, — правительство послѣдовало указаніямъ общественнаго мнѣнія и создало умѣренную партію, которая сама подавила революціонную. Поликарпъ вполнѣ соглашался съ моимъ взглядомъ, хотя и онъ, какъ всѣ наши сектанты, плохо понималъ общественныя дѣла. Умы сектантовъ, жизнь ихъ, ихъ интересы черезчуръ стѣснены насущными потребностями ихъ согласій; далѣе они ничего не видятъ и ни за чѣмъ не слѣдятъ. Россію они всѣ страстно любятъ, какъ и нынѣшняго Царя Освободителя, но головы ихъ такъ заняты ихъ собственными дрязгами и нуждами, что имъ некогда заботиться о государственныхъ вопросахъ — тяжущіеся ни о чемъ не думаютъ и не говорятъ, кромѣ какъ о своихъ тяжбахъ... Но, какъ-бы то ни было, Поликарпъ не могъ не сочувствовать моему взгляду, потому что и онъ зналъ о броженіи умовъ въ Россіи. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что старообрядцы хорошо знаютъ о существованіи «Колокола», почитываютъ его и, въ ссорахъ между собой, грозятся отдѣлать другъ друга въ его столбцахъ. — Онъ понялъ также выгоду отъ союза съ нами — мы дали бы имъ вѣсъ и политическое значеніе, по крайней мѣрѣ prestige, котораго у нихъ до тѣхъ поръ не было. Наконецъ, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что полная свобода книгопечатанія, какъ наша Лондонская, много помогла бы бѣлокриницкой церкви расшириться на счетъ безпоповцевъ и раздорниковъ. Особенно хотѣлось ему, чтобы безпоповская литература вышла на свѣтъ. — «Безпоповцы упрямятся, говорилъ онъ, а сами скрываютъ, на чемъ они держатся. Книгъ у нихъ много, да они ихъ не показываютъ, знаючи, что супротивъ истины имъ не устоять. Да! Такъ вотъ, это если-бы ихъ писанія вывести, значитъ, на свѣжую воду, мы и знали бы, на чемъ они основаніе свое полагаютъ, и могли бы обличать ихъ съ успѣхомъ. — Да.» — Прибавлю, что у него душа также болѣла, что «просвѣщенная Европа» ничего не знаетъ о нашей церкви, точно насъ и на свѣтѣ нѣтъ, точно мы и не вѣра и не церковь! «Да. А у насъ однихъ все по уставу, какъ святые отцы на семи вселенскихъ соборахъ положили; у насъ все, какъ было при благовѣрныхъ царяхъ и благочестивыхъ патріархахъ, — а насъ не знаютъ. Оттого прочія вѣры всякія, не вѣдаючи, гдѣ искать свѣта истины, и блуждаютъ во тьмѣ. Такъ намъ, выходитъ, пора теперь выступить со свѣтильникомъ на позорище народовъ и обличить языки въ ихъ заблужденіяхъ. Вотъ тогда истинная церковь и совершитъ свое назначеніе, — въ Россіи насъ во тьмѣ держатъ, а мы бы прославили Россію.» Къ тому же Поликарпъ и не скрывалъ отъ меня, что главною цѣлью его путешествія было познакомиться съ нами и извлечь изъ насъ какую нибудь пользу для старообрядчества.

Свиданіе устроилось. Вечеромъ — Герценъ обыкновенно работаетъ до четырехъ, а въ пять встаетъ изъ-за обѣда — мы явились съ Поликарпомъ. Поликарпъ и ихъ обворожилъ своимъ умомъ и своимъ умѣньемъ держать себя. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, онъ вѣкъ свой выжилъ между литераторами и свѣтскими людьми, такъ просто и не натянуто себя онъ велъ, такъ ни по чему нельзя было замѣтить, что онъ

попалъ въ новый ему міръ. Ясно и сдержанно отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы, жаловался на несправедливость правительства, которое терпитъ и не терпитъ ихъ церковь, что ихъ ставитъ въ вѣчно фальшивое положеніе относительно мелкихъ властей, разсказалъ пропасть фактовъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, и опять заявилъ, что сами старообрядцы ищутъ познакомиться съ нами, потому что имъ не къ кому болѣе прибѣгнуть.

— «Мы такіе же православные, какъ и великороссійская церковь, говорилъ онъ. Вся разница наша только въ томъ, что мы держимся только стараго обряда и старыхъ книгъ и, даже я самъ скажу, держимся не по разуму упорно, да дѣлать нечего, народъ у насъ такой жестокій сталъ въ эти двѣсти лѣтъ, что насъ гонятъ; надо ему уступать, не вводить въ соблазнъ. Сказано «аще кто отъ васъ соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему да обѣсится на выю его жерновъ осельскій»... Вотъ и остерегаемъ испугать невѣждъ, чтобы въ безпоповскія сѣти не попали. А великороссійская церковь не хочетъ признать передѣланный обрядъ и нашего не хулить, потому что у единовѣрцевъ одинъ обрядъ съ нами, да только ей хочется насъ подъ свое начало подвести. А намъ этого и нельзя, оттого что не можемъ признать ни ея обряда, ни того, чтобъ одинъ епископъ, или священникъ, или діаконъ могъ на два разныхъ манера священные дѣйствовать. Насъ за это и жмутъ, а безпоповцы радуются и смущаютъ народъ своимъ ехиднымъ ученіемъ. Да. А мы православные, мы первые враги всякихъ сектъ. Только мірская-то власть объ этомъ не знаетъ.»

Тутъ онъ разсказалъ пропасть вещей о придиркахъ къ нимъ консисторій, съ цѣлью сорвать съ нихъ что можно, о духовныхъ увѣщаніяхъ, объ отдачѣ ихъ на покаяніе, объ оскорбившемъ ихъ арестѣ двухъ ихъ епископовъ, Аркадія и Олимпія (во время послѣдней войны, въ Тульчѣ), который надѣлалъ столько шуму и возбудилъ такое неудовольствіе противъ правительства. Разсказалъ о закрытіи ихъ моленныхъ, о затруднительности совершать требы, о необходимости хитрить, обманывать и подкупать начальство, чтобы оно не лишало народъ возможности исполнять предписанія и установленія церкви. О политикѣ и объ соціальныхъ вопросахъ говорилось мало. — Сразу видно было, что эти стороны русской жизни ему мало знакомы и вовсе его не интересуютъ. О типографіи онъ сказалъ, что посовѣтуется съ своими московскими друзьями, — но необходимость денежнаго пожертвованія ихъ на это заставляла его сильно задумываться, хотя онъ этого и не высказывалъ, равно какъ и не показывалъ удивленія, что у насъ нѣтъ фондовъ.

Нужно ли говорить, что Герценъ и Огаревъ не могли не удивляться его уму и такту, и что онъ произвелъ на нихъ такое же выгодное впечатлѣніе, какъ и на меня.

Мартьяновъ тоже познакомился съ нимъ, и знакомство это оставило въ душѣ моей тяжелое впечатлѣніе — мнѣ было жалко Мартьянова. Онъ, какъ enfant du peuple, думалъ, что онъ лучше всѣхъ раскуситъ загадочнаго Поликарпа, и что Поликарпъ не можетъ не раздѣлять его воззрѣній. Заговорилъ онъ съ нимъ что-то о вѣрѣ, ссылаясь на Іисуса сына Сирахова, и понесъ такую мистическую околесицу, которой ни я, ни Поликарпъ не поняли. Какъ теперь вижу ихъ, состязающихся въ моемъ кабинетѣ. Мартьяновъ съ невѣроятными усиліями доказываетъ что-то о душѣ, о духѣ, о назначеніи человѣка, а Поликарпъ обстоятельно излагаетъ ему, какой святой отецъ, въ такомъ-то изданіи, на такомъ-то листѣ, такъ-то толкуетъ этотъ текстъ. Путались они, путались, пока чай не явился на выручку, какъ deus ex machina, и я не поспѣшилъ перемѣнить тему, отъ слушанія которой у меня даже голова начинала трещать, такъ замудрствовался бѣдный Мартьяновъ. Разговоръ повернулъ на политику — это все же было легче, чѣмъ метафизика и мистицизмъ, — и я задѣлъ Мартьянова за его теорію о царѣ и народѣ: мнѣ хотѣлось знать, какъ

взглянетъ на нее Поликарпъ. Поликарпъ отозвался съ большимъ сочувствіемъ къ идеѣ Царя, который дѣлаетъ все для народа, о чемъ народъ проситъ, который ведетъ его по пути прогресса, и котораго народъ почти боготворитъ, какъ своего отца, представителя, знамя, — какъ выраженіе самого себя. Но съ тѣмъ, что народомъ слѣдуетъ признавать мужика и отчасти купца, а что все остальное подлежитъ избіенію, онъ не согласился. Это его возмутило и привело въ негодованіе: онъ чуть-чуть не разсердился и привелъ Мартьянову множество текстовъ и примѣровъ изъ священной исторіи въ пользу высшихъ сословій. — Мартьяновъ блѣднѣлъ, кусалъ губы, становился язвителенъ и не могъ простить мнѣ и одному весьма юному правовѣду, присутствовавшему при этой сценѣ, что онъ оборвался при первомъ же столкновеніи съ этимъ народомъ, органомъ котораго онъ себя выдавалъ. Правовѣдъ же, уже и тогда выздоравливавшій отъ революціонной горячки, не могъ воздержаться, чтобы не подтрунивать надъ бѣднякомъ, не понимая, по своей юности, его страшной внутренней драмы. Много мнѣ было хлопотъ въ этотъ вечеръ, чтобы унять моихъ расходившихся гостей и не дать имъ поссориться.

Такія сцены повторялись не разъ, а между тѣмъ дружба моя съ Поликарпомъ — росла и росла, хотя ни онъ мнѣ, ни я ему, мы другъ другу не сдѣлали ни одной уступки въ своихъ убѣжденіяхъ. Я не скрывалъ отъ него, что я закоренѣлый атеистъ, но отказался на отрѣзъ объяснить причины моего невѣрія, сказавъ ему, что онъ не въ силахъ будетъ бороться со мною, потому что не знакомъ ни съ тѣми науками, ни съ тѣми системами, на которыхъ я основываюсь, и, стало быть, ему придется беззащитно отдаться мнѣ въ руки, — а пользоваться своими преимуществами надъ беззащитнымъ противникомъ было-бы нечестно. Довольно того, что я ему открыто говорю, что не вѣрю, и онъ долженъ оцѣнить мое уваженіе къ нему, что я не хочу его обманывать въ такомъ важномъ вопросѣ. А еще почему я не хотѣлъ изложить ему системы атеизма — это была — боязнь погубить его. Образованный человѣкъ, отрицающій Бога, не опасенъ: нравственность его основывается не на страхѣ ада, и не на любви къ Богу, какъ у простолюдина, которому довольно начать только сомнѣваться, довольно слегка вольнодумствовать, чтобъ разрѣшить себѣ все. Я видалъ множество такихъ печальныхъ примѣровъ, и потому всегда осторожно обхожусь съ народными вѣрованіями. И были мы хорошіе и крѣпкіе друзья съ Поликарпомъ, и толковали мы съ нимъ о догматахъ. Онъ съ большою охотою отдавалъ мнѣ ихъ на судъ, какъ человѣку безпристрастному, и самъ указывалъ на многія несостоятельности старообрядчества (напримѣръ, на перемазываніе), которыя, по его словамъ, терпѣлись ихъ церковью единственно, чтобы не раздразнить изувѣровъ и не испугать безпоповцевъ.

— «Хорошій ты человѣкъ, Василій Ивановичъ, — вырывалось у него по временамъ, послѣ задушевной бесѣды, — и сказалъ бы я тебѣ одну вещь, да не приходится».

Фраза эта врѣзалась у меня въ памяти, — онъ ее раза четыре повторилъ въ шесть недѣль, что онъ у меня выжилъ, — но я не считалъ деликатнымъ выманивать у него тайну: очевидно, его тяготила неоткровенность со мною, кто онъ именно, — а нельзя было не догадываться, что такой умный и начитанный человѣкъ не можетъ не разыгрывать огромной роли между своими. Другое, что лежало у него на душѣ, — какъ я послѣ узналъ, — его московскія непріятности, дрязги между его товарищами, происки богачей, да и чуть-ли любовь сюда не замѣшалась, а любовь слѣдовало ему подавить...

Бакунинъ явился посмотрѣть любопытнаго старообрядца, котораго я, признаться, пряталъ, чтобъ избѣжать разгласки, а тѣмъ болѣе изъ боязни, что онъ, посмотря на пустозвонство нашихъ пріѣзжихъ, вынесетъ чрезвычайно дурное мнѣніе

о нашей партіи. Сколько помню, я не могъ утаить его только отъ князя Голицына, который, впрочемъ, мало имъ интересовался, да отъ жившихъ тогда въ Лондонѣ, Альбертини и помянутаго выше, 18-ти лѣтняго правовѣда, Ковальскаго, изучавшаго англійское право. Ковальскій пріѣхалъ въ Лондонъ очень краснымъ, – но, мальчикъ не глупый, наблюдательный и остроумный, онъ чрезвычайно скоро подмѣтилъ нашу несостоятельность, а сближеніе съ Бакунинымъ окончательно опошлило въ его глазахъ все революціонное. Бакунинъ на этотъ счетъ золотой человѣкъ, онъ хоть кого вылѣчитъ отъ охоты потрясать престолы. Еслибъ его пустить въ кружокъ самыхъ рьяныхъ нигилистовъ, въ какой нибудь комическій «Адъ» или въ «Организацію», страдавшую отсутствіемъ всякой организаціи, онъ бы въ мѣсяцъ довелъ ихъ до ненависти къ нигилизму. Альбертини личность безцвѣтная: у него убѣжденія мѣняются, смотря по тому, съ кѣмъ онъ говорилъ послѣдній разъ. Придетъ, бывало, ко мнѣ революціонеромъ, выйдетъ отъ меня реформаторомъ; зайдетъ къ Мартьянову и убѣдится во вредѣ высшихъ сословій, а ляжетъ спать легитимистомъ, потолковавъ съ Лугининымъ, приверженцемъ идей, которыя теперь проповѣдуетъ «Вѣсть». Альбертини, если его взять въ руки и никуда не пускать, чтобъ его кто не сбилъ съ толку, можетъ быть чрезвычайно полезнымъ публицистомъ. Пишетъ бойко, ясно и, главное, чрезвычайно проворно. Ему только намекнуть, – онъ самъ разовьетъ мысль и разовьетъ отлично.

Явился Бакунинъ. Онъ и прежде видался съ Поликарпомъ у Герцена, – но у Герцена, у принципала, державшаго его на уздѣ, ему нельзя было такъ развернуться, какъ у меня, и показать всѣ свои таланты. Помню, что онъ поднялся ко мнѣ въ кабинетъ, распѣвая во всю глотку какой-то тропарь, – это было captatio benevolentiae у старообрядца. Затѣмъ онъ сталъ какъ-то приторно дружески просить Поликарпа разъяснить ему въ назиданіе, какая разница между старообрядчествомъ и православіемъ, намекая, что и онъ самъ не прочь сдѣлаться старообрядцемъ, буде Поликарпъ убѣдитъ его въ правотѣ старой вѣры. Не понять этой грубой ловушки Поликарпъ не могъ; но, человѣкъ крайне деликатный, онъ пустился разсказывать ему обстоятельно о древне-русскомъ обрядѣ, о реформахъ Никона. – Бакунинъ ахалъ, удивлялся свѣдѣніямъ Поликарпа, поддакивалъ ему, приходилъ въ негодованіе на никоновскія нововведенія и, наконецъ, самъ, утомленной этой ненужной и позорной комедіей, сталъ просить Поликарпа давать ему уроки русской исторіи. Я даже фразу его запомнилъ: «да у васъ, батюшка Поликарпъ Петровичъ, я буду брать уроки русской исторіи! Вы знаете такія вещи, какихъ и въ книгахъ не найдешь!»

– «Нѣтъ, – отвѣчалъ вѣчно спокойный и обстоятельный Поликарпъ, – это напечатано въ «Исторіи о Древнихъ Стригольникахъ и Новыхъ Раскольникахъ», Іоанна Охтенскаго, на страницахъ такихъ-то первой части, потомъ въ книжкѣ господина Берга «Царствованіе Алексѣя Михайловича», на страницѣ такой-то, и еще въ «Исторіи Церкви Павла Бѣлокриницкаго...» и т. д., и т. д., съ перечисленіемъ всѣхъ источниковъ, по его обыкновенію.

– «Непремѣнно прочту, – у васъ, Кельсіевъ, навѣрно есть всѣ эти книги, вѣдь вы много надъ этимъ копаетесь, – дайте мнѣ; надо, въ самомъ дѣлѣ, приняться за изученіе этого вопроса – вѣдь это дѣло не пустяковое, о спасеніи души идетъ, этимъ шутить нельзя!..» не унимался Бакунинъ и тутъ же, думая, что уже расположилъ къ себѣ Поликарпа, началъ также топорно рисовать ему какую-то картину возстанія, путалъ сюда и Пугачева, и Стеньку, и стрѣльцовъ, и Никиту Пустосвята, и еще не знаю кого, сдѣлалъ какой-то винегретъ, а изъ винегрета вышло торжество старообрядчества надъ православіемъ, такъ что и государь сдѣлался старообряд-

цемъ, и орденскіе кресты приняли осьмиконечную форму и... ну, и вышло что-то совсѣмъ невѣроятное и неожиданное, — какіе то туманы непроглядные.

Я краснѣлъ, Поликарпъ хлопалъ глазами, какъ въ чаду, маленькій Ковальскій посмѣивался въ кулакъ, прячась за книгой, — словомъ выходило скверно, а управы на Бакунина не было, — я былъ слишкомъ моложе его, чтобъ его останавливать, да и въ матеріальномъ отношеніи онъ отъ меня не зависѣлъ, какъ отъ Герцена. Наконецъ, онъ убрался, взявъ съ Поликарпа слово придти къ нему на чай. Какъ ни было это мнѣ не по сердцу, а пришлось отправляться, и въ назначенный день мы отправились. Небольшая квартирка его уже полнымъ была полна гостей; тутъ былъ и Мартьяновъ, и Ковальскій, и еще кажется кто-то, чуть ли не Альбертини. Накурено было до нельзя, разговоръ шелъ о политикѣ, о народѣ, о революціи, о монархіи и о республикѣ; всѣ говорили, никто не слушалъ, спорили, горячились, проводили къ задору самыя крайнія мнѣнія. Поликарпъ только руками разводилъ и какъ-то удивленно восклицалъ по временамъ: «Да здѣсь судьбы міра рѣшаются!»... «Да! Каково! судьбы міра рѣшаются!» «Судьбы міра!» Ему въ первый разъ въ жизни случилось тогда присутствовать при подобной бесѣдѣ, и онъ никакъ не могъ отличить фразъ отъ дѣла. Онъ привыкъ спорить о догматахъ, но споры у догматахъ у людей вѣрующихъ производятся чинно, безъ шутокъ, безъ остротъ, безъ поминанья на каждомъ словѣ чорта, — а тутъ, вдругъ, его непривычныя уши услышали самое безцеремонное трактованіе политическихъ вопросовъ, съ которыми обходились запросто. Вдобавокъ, горячность спора изъ-за теорій и принциповъ новичковъ и простонародье сплошь и рядомъ пугаетъ, — имъ все кажется, что спорящіе перессорятся; они вовсе не понимаютъ, что споръ ведется вовсе не серьезно, а какъ препровожденіе времени, и что рѣшенія, къ которымъ пришли спорящіе, не обязываютъ ихъ ни къ чему. Что отъ тоста революціи, отъ проекта баррикады построить и гильотину завести — до дѣла еще больше, чѣмъ далеко. Эти споры — отдушники, предохранительные клапаны, — накричатся люди, напѣтушатся, отругаются всласть, — ну и легче имъ станетъ на недѣлю, на двѣ, благо душу отвели и благо утомились. А тамъ опять накипитъ всякой ерунды въ головѣ — опять, «соберутся, поговорятъ и разойдутся», какъ сказалъ Грибоѣдовъ. Кто много наблюдалъ за такими періодическими словоизверженіями пріятельскихъ кружковъ, тотъ хорошо знаетъ, какую оцѣнку слѣдуетъ давать этимъ буйнымъ возгласамъ, дерзкимъ планамъ и отчаяннымъ рѣшеніямъ, которыя на нихъ высказываются, и хорошо тоже знаетъ, какія мокрыя курицы на дѣлѣ и въ практической жизни эти террористы въ четырехъ стѣнахъ. — А было время, и весьма недавно, когда либералы 1825 и 1849 гг. каторгой платились за фразы, срывавшіяся у нихъ въ такихъ пріятельскихъ словопреніяхъ.

Поликарпъ былъ крайне смущенъ. Ему казалось, что онъ присутствовалъ чуть не на Конвентѣ, что приговоръ міру и порядкамъ его произнесенъ былъ не на шутку, и удивлялся моему равнодушію, когда мы возвращались домой. Дня два я не могъ убѣдить его, что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, а что люди упражнялись въ спорѣ только отъ скуки и чтобъ провѣрить свои взгляды, что никто изъ нихъ и не думаетъ даже объ осуществленіи высказанныхъ желаній, и что еслибъ кто и затѣялъ это, то средствъ къ тому не найдетъ. Поликарпъ только удивлялся. Наконецъ, я нашелъ argumentum ad hominem, который его успокоилъ. Я сравнилъ Бакунина и его гостей съ тѣми старообрядцами, которые, не понимая писанія, кричатъ, спорятъ, откапываютъ небывалыя ереси и мутятъ народъ, сами не зная ничего и ничего не только не собираясь, но даже и въ силахъ не будучи устроить. «Вотъ и между нами есть тоже раздорники, горланы, которые на насъ тѣнь бро-

саютъ. Насъ они въ грязь тянутъ своей глупостью, а сами людей смѣшатъ и въ соблазнъ вводятъ». Это онъ понялъ и тутъ же объявилъ, что, кромѣ Герцена, Огарева и меня, ему въ Лондонѣ никто не понравился.

Затѣмъ, мнѣ кажется, нечего болѣе прибавить къ разсказу о пребываніи Поликарпа въ Лондонѣ. Мы съ нимъ ничего не рѣшили насчетъ типографіи, потому что ему нужно было переговорить объ этомъ съ его пріятелями въ Москвѣ и достать тамъ капиталъ на подъемъ дѣла (6000 р. с. высчитали мы). Толковали мы, правда, о заведеніи въ Лондонѣ старообрядческаго подворья, съ перенесеніемъ туда ихъ митрополіи, — но, какъ это ни казалось намъ обоимъ и полезнымъ, и выгоднымъ — но проектъ былъ слишкомъ смѣлъ, чтобы мы сами считали его исполнимымъ. Я и упоминаю объ немъ только потому, что объ немъ послѣднее время говорилось въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это была мечта, но никакъ не больше, хоть мечта и заманчивая. «Русскій Вѣстникъ» разсказываетъ еще, будто Поликарпъ рѣзко спорилъ съ Герценомъ — этого я что-то не помню; а что я хотѣлъ скрыть отъ него наше направленіе, не давая ему «Полярной Звѣзды» и «Съ того Берега», это значитъ, что я давалъ Поликарпу только тѣ книги, которыя онъ могъ понять по его образованію. Библіотеку мою онъ имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи, могъ читать все, что хотѣлъ, но онъ почти ничего не читалъ, ничѣмъ не интересуясь, кромѣ богословія. Да и читаетъ онъ, какъ всѣ старообрядцы, очень медленно. Искусство легко и скоро читать развивается только на романахъ, а романъ онъ и всего одинъ, кажется, прочелъ, да и то не прочелъ, а выслушалъ отъ меня — «Гришу» Мельникова.

Наконецъ, пришли ему деньги изъ Москвы. Вексель былъ обернутъ въ клочокъ бумаги, на которой стояли цифры:

80	200	2
100	20	40
10	70	70
5	100	200
7	5	20
7	8	2
1		400
8		
300		
5		

— «Понимаете этотъ счетъ?» — спросилъ онъ меня.

Я подумалъ, подумалъ и догадался, что эти цифры должны означать церковныя буквы. Выходило: пріеззаите скореи в москву. — Поликарпъ сталъ собираться и прощаться.

Упустить его, значило потерять всѣ надежды. Оставить дѣло на его одного, — я боялся: кто мнѣ отвѣчалъ, что онъ не передумаетъ? Что проектъ нашъ найдетъ въ Москвѣ сочувствіе? — Я объявилъ ему, что я самъ поѣду въ Москву подвинуть дѣло; онъ сказалъ, что это, пожалуй, будетъ не худо. — Затѣмъ, взявъ съ него слово писать съ дороги и изъ Москвы, я проводилъ его на желѣзную дорогу, мы обнялись и — поѣздъ двинулся. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ, а разстались мы искренними друзьями, и я былъ въ полной увѣренности, что у насъ есть въ Россіи ловкій и надежный другъ и пособникъ. Таково-же было и убѣжденіе Герцена и Огарева, при которомъ я говорилъ съ Поликарпомъ о моей предполагаемой поѣздкѣ. Бы-

валъ онъ у нихъ не часто, — во первыхъ, я не хотѣлъ, чтобы пошли толки объ его присутствіи въ Лондонѣ; второе, не хотѣлъ ставить его въ неловкое положеніе человѣка, слушающаго и не понимающаго, что говорятъ; а третье, я очень боялся, что какой нибудь красный, какихъ тогда развелось ужъ черечуръ много, нападетъ на него и заспоритъ о вѣрѣ. — Проще сказать, я инстинктивно понималъ, что у насъ неладно, но усердіе и фантазія заглушали голосъ разсудка еще почти цѣлыхъ два года и толкали меня на отчаянныя предпріятія.

Поѣздка въ Россію сдѣлалась моею любимою мечтою — отказаться отъ нея, было выше моихъ силъ. Тоска по родинѣ меня душила, незнакомство съ бытомъ народа и его истинными желаніями меня оскорбляло. Я очень хорошо перезнакомился въ Лондонѣ съ представителями либеральной партіи, но общее заключеніе мое объ нихъ было не въ ихъ пользу. Ни отъ нихъ, ни отъ Герцена съ Огаревымъ я никакъ не могъ добиться, чего именно нужно Россіи и какимъ путемъ слѣдуетъ достичь этого нужнаго. Слово «свобода» — слишкомъ широко, чтобы у него было опредѣленное значеніе, и поэтому оно, въ сущности, не имѣетъ рѣшительно никакого смысла. Крестьянскій и финансовые вопросы я плохо понималъ, и до сихъ поръ они какъ-то мало меня интересуютъ, но и въ нихъ было большое разногласіе между Огаревымъ и пріѣзжими. Свобода слова, гласный судъ, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, вѣротерпимость, естественное раздѣленіе губерній на историческихъ и этнографическихъ основаніяхъ, были мнѣ доступнѣе; а главное, что меня побуждало ѣхать, это — желаніе своими глазами убѣдиться въ нашихъ силахъ и въ возможности союза съ нами сектантовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, слыша постоянно отъ молодежи, что подготовка революціи у насъ идетъ такими быстрыми шагами, что народъ безсомнѣнно на нашей сторонѣ, я рѣшился или предотвратить взрывъ, или, если ужъ поздно, то направить его какъ нибудь потолковѣе. Вообще говоря, во мнѣ засѣло страстное желаніе посмотрѣть на Россію.

Герценъ меня не отговаривалъ, понявъ, что я уже не въ силахъ выносить долѣе искусъ, но ѣхать мнѣ все-таки нельзя было, за неимѣніемъ ни паспорта, ни денегъ. Паспортъ, впрочемъ, скоро явился: еще съ годъ тому назадъ я просилъ одного нахичеванскаго купца, армянина, имѣвшаго какія-то дѣла въ Лондонѣ, достать мнѣ паспортъ при помощи его цареградскихъ соотечественниковъ. Просилъ я его объ этомъ мимоходомъ, на всякій случай, и даже забылъ, что онъ обѣщался мнѣ устроить это дѣло, какъ вдругъ, нѣсколько дней спустя по отъѣздѣ Поликарпа, я получилъ съ почты пакетъ — и въ немъ паспортъ на имя цареградскаго уроженца sieur Vasili Jani: «Яни» — греческое сокращеніе моего отчества «Ивановъ». Осталось денегъ достать, а у меня какъ на грѣхъ тогда рублей болѣе ста не было. Просить у пріѣзжихъ — духу не хватало — скрѣпя сердце, обратился я къ Бакунину, великому мастеру собирать революціонныя контрибуціи, и дня черезъ три Бакунинъ объявилъ мнѣ, что онъ обдѣлалъ дѣло: 300 р. с. будутъ переданы Ничипоренкѣ въ Петербургѣ. Говорилъ мнѣ Бакунинъ, отъ кого онъ досталъ эту сумму, и видѣлъ я этого господина, даже благодарилъ его во имя «дѣла», но, признаться, на радостяхъ тутъ-же забылъ его имя, не русское и очень мудреное. Впрочемъ, оно должно быть въ показаніяхъ Ничипоренки. Затѣмъ я отправился въ турецкое посольство просить перемѣнить мой паспортъ, данный только въ Англію, на годный для разъѣздовъ по цѣлой Европѣ. Мнѣ надписали на немъ «bon pour les continents» этого было больше, чѣмъ нужно. Въ нидерландскомъ консульствѣ я визировалъ его на Голландію, думая въ Амстердамѣ визировать на Россію, такъ какъ я боялся имѣть дѣло съ нашимъ консульствомъ въ Лондонѣ.

Изъ Лондона я отправился въ Ротердамъ, изъ Ротердама въ Амстердамъ. Въ Амстердамѣ русскій консулъ сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ права визировать паспорты, и что мнѣ за визой слѣдуетъ ѣхать въ Гагу. Гага была мнѣ не по дорогѣ, — я визировалъ у прусскаго консула и взялъ билетъ до Берлина, гдѣ въ русскомъ консульствѣ мнѣ визировали безъ всякихъ разспросовъ и остановокъ. Я поѣхалъ далѣе и, помнится, 2-го марта (1862) прибылъ въ Вержболово. Въ Вержболовѣ тоже никто не обратилъ на меня вниманія, но, какъ у меня въ сакѣ нашлись двѣ французскія книжки о Нидерландахъ, то ихъ отобрали и хотѣли препроводить въ цензурный комитетъ. Во избѣжаніе хлопотъ, я знаками заявилъ мое желаніе досмотрщику, чтобы онъ разорвалъ ихъ, что и было немедленно исполнено. По русски я не говорилъ въ Вержболовѣ, выдавая себя за иностранца, а именно за арнаута — я былъ увѣренъ, что никто не поймаетъ меня въ незнаніи этого языка. Изъ Вержболова мы двинулись въ Ковно, гдѣ и остановились, такъ какъ сообщеніе съ Динабургомъ еще не было открыто. Покуда всевозможные факторы предлагали намъ свои услуги, и мы дожидались дилижанса, ко мнѣ подошелъ одинъ англичанинъ и предложилъ — не хочу ли я доѣхать съ нимъ до Динабурга на курьерскихъ за половинные прогоны. Я, разумѣется, согласился. Это былъ курьеръ Foreign office, а меня онъ выбралъ потому, что слышалъ, какъ я съ однимъ попутчикомъ разговаривалъ по англійски. — На слѣдующій вечеръ мы были уже въ Динабургѣ, и я потерялъ его изъ виду на станціи желѣзной дороги, гдѣ взялъ билетъ третьяго класса, чтобъ имѣть случай потолковать съ простымъ народомъ. Вагонъ почти весь былъ занятъ этапными солдатами, возвращавшимися въ Петербургъ изъ Польши; съ ними было нѣсколько писарей. О полякахъ они отзывались, если не съ сочувствіемъ, то съ состраданіемъ, не одобряли поведенія нашихъ войскъ въ царствѣ, которыя грабили на улицахъ Варшавы прохожихъ, подъ предлогомъ срыванья запрещенныхъ уборовъ, — это я своими ушами слышалъ. Но тутъ же они замѣтили мнѣ, что мужики чрезвычайно были довольны демонстраціями, потому что пановъ за это арестовали. — «Когда мы вели арестантовъ, говорилъ мнѣ солдатъ, то мужики съ ума сходили отъ радости, и только одно и толковали: дай Боже, чтобъ и нашъ панъ во что нибудь замѣшался». Витебскій еврей, очень почтенный сѣдой старикъ пришелъ въ негодованіе, когда я сказалъ ему, что въ Европѣ ходитъ слухъ, будто евреи держатъ сторону поляковъ. «Зачѣмъ намъ поляки? зачѣмъ намъ Польша? — сердился онъ. — Русскій исправникъ меня грабитъ, становой меня грабитъ, каждый писарь меня грабитъ, — но у меня голова цѣла, и у жены моей голова цѣла, и у сына моего голова цѣла, и у дочери моей голова цѣла!» И онъ въ подтвержденіе своихъ словъ стучалъ себѣ пальцами въ голову на весь вагонъ. «А будетъ Польша — станутъ жидовъ вѣшать, жидовокъ вѣшать, дѣтей станутъ вѣшать — зачѣмъ намъ Польша! намъ не надо Польши! мы не хотимъ Польши!» Я ему замѣтилъ объ участіи евреевъ въ демонстраціяхъ — онъ расхохотался.

— «И вы этого не понимаете?»

— «Не понимаю...»

— «И не понимаете? Ну, я-же вамъ скажу, какъ это было. Пришелъ нашъ раввинъ и первые люди, богатые купцы, къ князю Горчакову. Пришли и говорятъ: позвольте, ваше сіятельство, бунтовать намъ съ поляками. — А князь Горчаковъ говоритъ: зачѣмъ, говоритъ, вамъ бунтовать? Ну зачѣмъ же вамъ бунтовать? А они говорятъ: позвольте намъ бунтовать, ваше сіятельство, насъ поляки зовутъ бунтовать; ну, а если мы не пойдемъ бунтовать съ поляками, они насъ бить будутъ, и женъ нашихъ, и дѣтей нашихъ, и внуковъ нашихъ; такъ позвольте-же намъ, ваше сіятельство, бунтовать. Мы побунтуемъ, а вреда правительству этимъ не сдѣлаемъ,

всегда останемся за правительствомъ. – Ну, бунтуйте! сказалъ князь Горчаковъ. – Вотъ они теперь и бунтуютъ, а поляковъ все таки не держатся...»

Передаю этотъ разсказъ почти слово въ слово, такъ онъ хорошъ и такъ ясно очертилъ мнѣ тогда взаимныя отношенія евреевъ и поляковъ во время демонстрацій.

Въ Петербургѣ я думалъ остановиться не больше, какъ дня на два, чтобъ взять отъ Ничипоренки деньги и допросить его, нѣтъ-ли въ Петербургѣ замѣчательныхъ раскольниковъ, съ которыми стоило-бы сойтись, да сверхъ того, что дѣлаютъ Петербургскіе либералы. Адреса его я не зналъ, но зналъ, что его можно найти въ редакціи «Экономическаго Указателя», куда и отправился, найдя себѣ, послѣ долгихъ поисковъ, чистенькую комнатку на углу Большой Морской и Синяго Моста у какой-то нѣмки, державшей chambres garnies. Въ гостинницахъ я не рискнулъ остановиться; чистые номера были страшно дороги, а которые подешевле – отвратительно грязны, такъ грязны, что человѣку, обжившемуся въ Европѣ, даже войти въ нихъ страшно.

Ничипоренки я не засталъ и, чтобы не терять времени, отправился къ его другу и пріятелю Бени. Съ Бени мы до сихъ поръ не были особенно близки – я познакомился съ нимъ въ Лондонѣ, когда онъ былъ еще секретаремъ у какого-то лорда; потомъ видѣлся съ нимъ, когда золотопромышленникъ Томашевскій вывезъ его изъ Парижа, и они вмѣстѣ принялись составлять въ Лондонѣ компанію для разработки какого-то пріиска; простился я съ нимъ тамъ же, провожая его въ Сибирь. Въ Сибирь Бени не попалъ, потому что не поладилъ съ Томашевскимъ, который пріятельское обращеніе съ нимъ за границей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, измѣнилъ на высокомѣрно хозяйское – и Бени, одаренный отъ природы необыкновенною легкостью изученія языковъ, сдѣлался русскимъ литераторомъ, чѣмъ-бы и до сихъ поръ былъ, еслибъ мой пріѣздъ не погубилъ его вмѣстѣ съ другими. Даже и забыли мы въ Лондонѣ о существованіи Бени, какъ вдругъ, осенью 1860 года онъ опять очутился въ Лондонѣ. Случилось дѣло такое. Бени только что пріѣхалъ въ Россію, прямо попалъ въ кружокъ студентовъ и подобныхъ имъ горячихъ головъ и, разумѣется, не могъ не увлечься ихъ пыломъ – ему же было тогда что-то не больше 22-хъ лѣтъ. Въ азартѣ своемъ онъ тотчасъ же рѣшился выступить агитаторомъ, написалъ адресъ Государю съ просьбой о конституціи, или о чемъ-то въ родѣ конституціи, и отправился путешествовать по Россіи для собиранія подписей. Выставить впереди имена неизвѣстныя, какихъ нибудь студентовъ, было-бы неловко, надо было, чтобъ люди съ вѣсомъ подписались, а эти люди съ вѣсомъ боялись довѣриться неизвѣстному мальчику, котораго никто не зналъ, и который, не будучи самъ русскимъ, никакъ не могъ объяснить, почему онъ принимаетъ такое участіе въ русскихъ дѣлахъ. – А объясненіе-то было очень просто – онъ былъ крайне юнъ, у него не было національности и ему очень хотѣлось пристать къ какой нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ его былъ итальянецъ, но сынъ, кажется, испанки; мать была нѣмка, но дочь француженки; а Артуръ Бени родился въ Польшѣ, жилъ въ Англіи, занимался медициной въ Парижѣ и сдѣлался русскимъ публицистомъ и агитаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ его такъ обласкали, что онъ въ душѣ полюбилъ Россію, какъ свою родину, которой именно у него и не доставало. – Никто не соглашался подписать его адреса, пока Катковъ не подпишетъ, а Катковъ тогда былъ большимъ конституціонистомъ, и либералы смотрѣли на него, какъ на главу и на предводителя; за то-то Катковъ и повелъ такую ожесточенную борьбу противъ Герцена и Чернышевскаго, что они впослѣдствіи, свергли его съ этого пьедестала. Партіи образуются только изъ-за личностей. Бени явился къ Каткову: – Катковъ задумался. «Вѣдь не отъ себя-же вы дѣйствуете, наконецъ?» спросилъ онъ Бени. –

«Я агентъ Герцена», приврал Бени, разсчитывая на поддержку въ Лондонѣ. — «Есть у васъ на это документъ какой-нибудь, — если есть, то я сейчасъ подпишу...» Документа у Бени не было, а еслибъ былъ, то, я думаю, адресъ-бы состоялся. Пришлось бѣдняку ѣхать въ Лондонъ за полномочіемъ — и полномочія онъ не получилъ, по нелюбви Герцена вести какую-нибудь агитацію. Положеніе интернаціональнаго юноши стало весьма не завидно: до самаго изгнанія изъ Россіи, на него не переставали смотрѣть, какъ на агента III-го Отдѣленія, и никакія усилія его друзей не могли вывести его изъ этого двусмысленнаго положенія.

Мы бросились на шею другъ другу, когда я вошелъ къ нему, и разговоръ нашъ сейчасъ свелся на «ты». Я такъ былъ истомленъ страхомъ, притворствомъ, тоской, что мнѣ необходимо было отвести душу съ кѣмъ нибудь, сочинить себѣ друга, за неимѣніемъ настоящаго. Оказалось, что Бени зналъ о моемъ пріѣздѣ, такъ какъ Ничипоренко, его большой пріятель, не скрывалъ, что ждетъ меня въ Петербургъ, да и вообще Ничипоренко былъ, какъ оказалось послѣ, человѣкъ весьма ненадежный. Тщеславіе было главной пружиной всѣхъ его дѣйствій, и онъ вѣчно рисовался. Была мода на либеральничанье и на поношеніе дѣйствій правительства, и онъ франтилъ своимъ революціонерствомъ, играя роль какого-то заговорщика. Я зналъ его еще съ Коммерческаго училища, гдѣ онъ шелъ нѣсколькими классами ниже меня. За границей я узналъ, что онъ посѣщаетъ университетъ, славится между товарищами умомъ и краснотою своихъ убѣжденій; потомъ онъ сдѣлался постояннымъ корреспондентомъ «Колокола», и вообще его считали въ Петербургѣ однимъ изъ столповъ нашей партіи. Только связь съ Бени бросала на него тѣнь, но, къ чести Ничипоренки, онъ не порывалъ ее въ угоду общему мнѣнію. Съ Ничипоренко мы увидѣлись вечеромъ; онъ зашелъ къ Бени и тутъ-же сталъ звать меня ѣхать съ нимъ по разнымъ его знакомымъ. — Я отказался, — на рискъ я былъ готовъ, но рисковать изъ за чего нибудь и рисковать pour passer le temps двѣ вещи разныя. Я просилъ Ничипоренко собрать свѣдѣнія о петербургскихъ старообрядцахъ, — онъ уговорилъ меня ѣхать къ Максимову, извѣстному путешественнику по Архангельской губерніи и по Амуру, который, по его мнѣнію, могъ мнѣ сообщить много любопытнаго. О Максимовѣ я былъ высокаго мнѣнія, какъ объ этнографѣ, и, признаюсь, не могъ не поддаться соблазну знакомства съ нимъ. Кажется, въ тотъ же вечеръ мы и поѣхали къ нему съ Ничипоренкой.

Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, обстоятельства перемѣнились, даже духъ общества сталъ совершенно другой, поэтому я не вижу причины бояться, что правительство захочетъ подымать старыя дѣла, что надѣлало-бы столько тревоги лицамъ, видѣвшимся тогда со мною. Съ полной вѣрой въ правительство, въ гуманность его, я откровенно излагаю все, что было.

Я строго запретилъ Ничипоренкѣ называть меня Кельсіевымъ. Довольно было, что я Яни, изслѣдователь раскола, только что возвратившійся изъ-за границы и собирающій свѣдѣнія о петербургскихъ и, вообще, сѣверныхъ сектантахъ. Еще могъ онъ говорить, что я прожилъ нѣсколько времени въ Лондонѣ, знаю хорошо Герцена, Огарева, Бакунина, что видѣлъ въ Лондонѣ какого-то старообрядца, ищущаго завязать сношенія съ партіей «Колокола» и т. п. Такъ мы и явились къ Максимову и такъ провели у него вечеръ; разговоръ вертѣлся, преимущественно, на его путешествіяхъ, — но свѣдѣній о раскольникахъ онъ сообщилъ мнѣ очень немного, потому что именно на политическое значеніе раскола онъ меньше всего обращалъ вниманія, какъ человѣкъ, по преимуществу, не политическій. «Если васъ это, впрочемъ, занимаетъ, сказалъ онъ, то самое лучшее, обратитесь къ Кожанчикову. Онъ теперь занимается изданіемъ книгъ о расколѣ и поэтому долженъ быть

въ сношеніяхъ съ представителями разныхъ согласій». Я поморщился на это новое знакомство, но Ничипоренко засуетился, затараторилъ и тутъ же рѣшилъ за меня, что мы завтра-же вечеромъ ѣдемъ къ Кожанчикову. Отказаться было и неловко, да и надо-же было добиться искомыхъ свѣдѣній. Сильно я сомнѣваюсь, что Ничипоренко не удержался разболтать и Максимову, и Кожанчикову о томъ, что я эмигрантъ. Такъ мнѣ казалось, по изысканно натянутому обращенію со мной и Максимова, и Кожанчикова, въ которомъ видна была смѣсь страха съ любопытствомъ, и по нѣкоторымъ словамъ, какія у нихъ прорывались, что мнѣ нечего бояться, что меня никто не выдастъ и тому подобное. Разумѣется, я не втягивалъ ихъ ни въ какія предпріятія, а просилъ только разузнать все, что можно о расколѣ и раскольникахъ. Вообще говоря, эти свиданія были такъ не важны, что даже подробности ихъ плохо сохранились у меня въ памяти, заслоненныя другими, имѣвшими для меня несравненно большій интересъ.

На третій день моего пріѣзда, зашелъ ко мнѣ Ничипоренко и объявилъ мнѣ, что я сегодня-же переѣзжаю къ Серно-Соловьевичамъ.

— «Зачѣмъ?» спросилъ я, уже до нельзя утомленный его суетливостью.

— «Они этого хотятъ, — они обидятся, если ты этого не сдѣлаешь, — здѣсь не безопасно, — имъ нужно съ тобой переговорить...» трещалъ Ничипоренко.

— «Да почемъ-же они знаютъ, что я здѣсь?»

— «Ну вотъ еще! Отъ нихъ-то еще скрывать!»

Проклялъ я его въ душѣ и все таки покорился. Долгое напряженіе силы воли въ дорогѣ, при переѣздѣ границы, при въѣздѣ въ Петербургъ, страхъ быть узнаннымъ на улицахъ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, которыхъ у меня множество, вѣчное безпокойство, что каждый, кто на меня смотритъ, слѣдитъ за мной, — все это произвело реакцію, напряженіе исчезло и явилась какая-то покорность каждому внѣшнему толчку или внушенію. — Я разсчитался съ хозяйкой, записалъ ей свое имя и какой-то адрессъ, куда переѣзжаю, — и двинулся.

Николая Серно-Соловьевича я видалъ года два передъ тѣмъ въ Лондонѣ. Онъ былъ очень восторженный человѣкъ, очень не глупый, энергическій, всегда готовый на все честное и благородное и страстно любившій Россію. Понятно, что при такомъ характерѣ и при крайней молодости лѣтъ (ему было, кажется, всего 24 года), онъ не могъ не увлечься тогдашнимъ направленіемъ, но онъ увлекся имъ откровеннѣе и толковѣе другихъ. Онъ не скрывалъ отъ правительства, что принадлежитъ къ числу недовольныхъ, подавалъ записки Государю, печаталъ брошюры въ Лейпцигѣ подъ своимъ именемъ, — а на это не у каждаго хватило-бы духу, въ то время, когда всѣ и каждый прятались другъ за друга и показывали кукиши въ карманѣ. Наконецъ, онъ изучалъ пристально экономическіе вопросы Россіи, а это самое изученіе исключало его изъ ряда тогдашнихъ крикуновъ, которые ничего не знали, кромѣ своихъ утопій, и давало надежду, что изъ него выйдетъ современемъ полезный государственный дѣятель. Надежду эту я сохраняю до сихъ поръ, несмотря на его ссылку, причиненную гостепріимствомъ, которое онъ мнѣ оказалъ. Я твердо увѣренъ, что рано или поздно онъ будетъ возвращенъ и сдѣлается однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ правительства по министерству финансовъ или внутреннихъ дѣлъ. — Братъ его, Александръ, былъ человѣкъ больной, нервный, мрачный, не менѣе даровитый, но болѣе мягкій по характеру: въ немъ не было той неукротимой отваги Николая говорить правду въ глаза и не скрывать своихъ убѣжденій.

Оба брата приняли меня съ упрекомъ, что я не пріѣхалъ прямо къ нимъ, и предложили считать домъ ихъ своимъ, на все время пребыванія моего въ Петербургѣ.

Я разсказалъ имъ, что побудило меня сдѣлать эту поѣздку и чего я ищу. Александръ тотчасъ-же сказалъ, что онъ самъ уже сошелся съ петербургскими безпоповцами, и что непремѣнно и меня сведетъ съ ними, — чего я не могъ добиться ни отъ Ничипоренки, ни отъ Максимова, ни отъ Кожанчикова. — Разговоръ естественно перешелъ на Герцена. «Что онъ дѣлаетъ? — спрашивали меня, — какъ смотритъ на нынѣшнее движеніе, какъ ведетъ его, что организуетъ и кого поставилъ въ преводители?» Словомъ, они, какъ и всѣ либералы того времени, смотрѣли на Герцена, какъ на агитатора, и думали, что онъ основалъ тайное общество, къ которому они, если и не принадлежатъ, то единственно по недостатку довѣрія съ его стороны. — Я долго не могъ ихъ разубѣдить въ этой иллюзіи: нужно было подробно опредѣлить имъ характеръ и взглядъ Герцена, его направленіе, чтобы они поняли, почему онъ не хочетъ браться за «практическую дѣятельность», а ограничивается ролью пропагандиста и руководителя общественнымъ мнѣніемъ.

— «Но это ужасно!» вскричалъ Николай, понявъ, наконецъ, что я его не обманываю, — «тогда и мы погибли и, чего добраго, Россія погибнетъ съ нами!»

Я поблѣднѣлъ, услышавъ эти слова. Серно-Соловьевичъ формулировалъ въ ясныхъ и простыхъ словахъ мысль, которая мнѣ давно уже не давала покою, но которую я самъ боялся себѣ высказать. Онъ сразу пришелъ къ тому выводу, до котораго я не могъ дойти годами, — что движеніе, поднятое Герценомъ, вредно потому, что совершается безъ плану.

— «Что-же это значитъ? — продолжалъ онъ, какъ бы съ самимъ собою, откинувшись на диванѣ. — Это значитъ, что «Колоколъ» вызвалъ къ политической дѣятельности пропасть лучшихъ силъ образованнаго меньшинства, эти силы просятъ дѣла, работы, направленія, и ничего не находятъ, потому что Герценъ не хочетъ или не умѣетъ обуздывать ихъ и править ими. Теперь и понятно, почему у насъ такая разноголосица, что нѣтъ двухъ человѣкъ, согласныхъ въ принципахъ или въ цѣли. Теперь и понятно, почему молодежь бросается въ нелѣпыя теоріи и фантазіи, никого слушать не хочетъ, несетъ чушь и только компрометируетъ либераловъ, нося съ ними одно названіе. Это ужасно! Покуда весь этотъ хаосъ еще сдерживается вѣрою въ Герцена и готовностью идти въ огонь и въ воду по его слову, — а потеряй имя Герцена это обаяніе, какъ оно уже и теряетъ, тогда что выйдетъ? Выйдетъ, что мы между собой передеремся и тѣмъ потеряемъ силу, а потеряй мы силу, все отсталое, тупое, ретроградное подыметъ голову и начнетъ разрушать даже и то немногое хорошее, что теперь сдѣлано правительствомъ! А чего добраго, какъ отъ этого распаденія нашего, какая нибудь горсть дураковъ или энтузіастовъ затѣетъ революцію — что тогда будетъ? Тогда пиши пропало всему! Революція еще не совсѣмъ бѣда, когда ее ведутъ умные и честные люди — люди знакомые съ нуждами государства — ну, а пусть во главѣ ея станутъ дураки и интриганы — тогда и государство исчезнетъ».

Въ этихъ словахъ весь Серно-Соловьевичъ, какимъ я его видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, и за эти слова я почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе, — это не былъ пустозвонъ, въ родѣ Ничипоренки и тысячи другихъ, безсмысленныхъ, по модѣ увлекавшихся движеніемъ. Онъ былъ прежде всего государственный человѣкъ, то есть разсчитывалъ, что полезно, и что вредно, не увлекаясь ни фразами, ни обаятельными призраками, ни фантастическою надеждою, что стòитъ только уничтожить все старое, чтобы все пошло, какъ по маслу. Правда, онъ былъ раздражителенъ, даже озлобленъ, сгоряча и у него срывались тогдашнія модныя фразы въ родѣ знаменитой, что «нужно все похерить», но стоило съ нимъ поговорить часа два, чтобы увидѣть глубокое пониманіе вопросовъ, подъ этой кажущейся революціонной діалектикой.

— «Вѣдь что бѣситъ? — говорилъ онъ. — Бѣситъ то, что при всемъ желаніи сдѣлать что нибудь путное, — ничего сдѣлать не можешь, потому что у насъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Правительство и радо-бъ радехонько послѣдовать указаніямъ общественнаго мнѣнія, — а мнѣнія этого никакъ не уловить. Все перепуталось, никто другъ друга не понимаетъ. Требуютъ отъ правительства такихъ крайностей, какихъ оно даже выполнить не можетъ, — напримѣръ, отмѣны брака, которая даже человѣческаго смысла не имѣетъ. А правительство, прислушиваясь къ этимъ толкамъ и пугаясь революціонной декламаціи, становится втупикъ и теряетъ довѣріе и уваженіе къ общественному мнѣнію. Оно и радо-бы идти впередъ, да его пугаютъ, и оно со страхомъ вдается въ періодическія реакціи. — Экая досада, что Герценъ не понимаетъ своей роли и губитъ дѣло неумѣстнымъ церемонничаньемъ, что онъ внѣ всякой опасности!»

Послѣ многихъ толковъ и даже споровъ по отдѣльнымъ вопросамъ, мы пришли съ Николаемъ къ слѣдующему заключенію. — Въ государствѣ, какъ Россія, гдѣ нѣтъ ни свободы книгопечатанія, ни конституціи, правительство не можетъ знать, куда ему итти и что дѣлать. Нужно какое нибудь учрежденіе, которое доводило-бы до него свѣдѣнія о потребностяхъ народа и общества, но было-бы въ то же время вполнѣ отъ него независимо, такъ какъ зависимость исключаетъ искренность. Это-же учрежденіе должно руководить общественнымъ мнѣніемъ, подталкивая отсталыхъ и сдерживая забѣгающихъ впередъ. Прежде чѣмъ заставить общество говорить о какихъ нибудь нуждахъ — напримѣръ, о потребности гласнаго судопроизводства, — о свободѣ вѣроисповѣданій и т. п. — оно само должно убѣдиться, дѣйствительно ли такая потребность существуетъ въ народѣ, а чтобы убѣдиться въ этомъ, оно должно было наводить справки, пуская слухъ, будто правительство само думаетъ ввести данное преобразованіе. Если слухъ хорошо примется — слѣдовало его поддерживать, разрабатывать вопросъ, сдѣлать его предметомъ толковъ такъ, чтобъ онъ, прежде чѣмъ правительство приступитъ къ его обсужденію, уже облекся бы въ положительныя формы, выработанныя общественнымъ мнѣніемъ. А если слухъ произвелъ дурное впечатлѣніе, если задуманная мѣра противурѣчитъ инстинктамъ народа, — то и оставить его въ покоѣ: на этомъ, я думалъ, можно разомъ покончить съ коммунистическими, революціонными и атеистическими утопіями.

Вѣдь правительство, говорили мы, вовсе не прочь послушать дѣльнаго совѣта и даже, въ первое время «Колокола», было отчасти благодарно Герцену за высказываемыя имъ горькія истины. Оно вовсе не консервативно по своимъ преданіямъ, оно вѣчный революціонеръ, только ведетъ революцію сверху, а не снизу. Отчего оно теперь начинаетъ пятиться? — оттого, что пугается идти за общественнымъ мнѣніемъ, которое мечется во всѣ стороны, сбивая его съ толку и теряя его уваженіе къ себѣ съ каждымъ днемъ. Вотъ почему, даже для правительства легче было-бы имѣть дѣло съ толковой оппозиціей, съ серьезными, даже придирчивыми цензорами его дѣйствій, чѣмъ съ этой безсмысленной толпой крикуновъ и свѣжеиспеченныхъ доморощенныхъ революціонеровъ. Правительство выиграло-бы отъ умной оппозиціи — лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти, — вѣдь у него нѣтъ собственныхъ сословныхъ или династическихъ интересовъ, какъ въ Пруссіи или во Франціи; оно у насъ состоитъ изъ царской фамиліи, о правахъ которой никто и не споритъ, да изъ людей, достигшихъ высокаго положенія въ силу своихъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ заслугъ; а стать въ ряды этихъ людей никому у насъ не закрыта дорога, по крайней мѣрѣ de jure. Стало быть, по духу нашихъ учрежденій, правительство — это лучшіе люди того-же самаго общества, которое мы сами составляемъ, а будь это общество толково въ своихъ требованіяхъ, члены

его, входящіе въ составъ правительства, не могутъ не поддерживать этихъ требованій.

Разумѣется, во всемъ этомъ было много идеализаціи и теоретичности, но, сколько помню, ни отъ одного изъ тогдашнихъ либераловъ я не слышалъ плана дѣльнѣе и толковѣе, сочиненнаго нами съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. — Да они даже ничего не сочиняли, ихъ безпокоили больше всего ихъ теоріи, да громкія фразы, — а серьезно подумать о государственныхъ отношеніяхъ — имъ и въ голову не приходило. Государь разбудилъ общество отъ долгаго сна, онъ самъ вызвалъ его къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, — но больше онъ не могъ сдѣлать. Люди, никогда не думавшіе, не умѣли справиться ни съ мыслью, ни съ словомъ и заметались спросонья, какъ птицы, разбуженныя молніей въ глухую ночь. Много лѣтъ пройдетъ еще, пока наше общество станетъ такимъ-же трезвымъ и умѣреннымъ, какъ англійское.

Изъ проекта нашего вытекало само собой слѣдующее. Нужна была крѣпкая организація множества существовавшихъ тогда мелкихъ кружковъ, съ безусловнымъ подчиненіемъ ихъ кружкамъ губернскимъ, которые въ свою очередь должны были слѣпо повиноваться петербургскому, московскому, кіевскому и еще не помню теперь какимъ; но помню, что эти центры предполагалось устроить, сообразуясь съ географическими и этнографическими условіями. Тогда въ сильномъ ходу было ученіе «почвенниковъ», которое и я принималъ, соглашаясь, что потребности разныхъ частей государства не могутъ быть одинаковы, хотя Серно-Соловьевичъ держался французской школы, что что̀ разумно въ одной данной мѣстности, то пригодно и для всего земного шара. — Затѣмъ всѣ эти центральные кружки должны были подчиняться одному общему для всей Россіи, какъ-бы онъ ни сложился, въ видѣ ли періодическихъ съѣздовъ или въ видѣ постояннаго комитета, засѣдающаго въ Петербургѣ; главою-же и диктаторомъ его долженъ быть Герценъ.

Только Герценъ и могъ занять этотъ постъ. Его имя пользовалось безграничнымъ уваженіемъ, на него всѣ привыкли смотрѣть, какъ на вождя, ему каждый могъ подчиниться, не считая это униженіемъ. Онъ былъ внѣ моды, которая тогда выносила на пьедесталъ то Сухомлинова, то Павлова, то Костомарова, и свергала ихъ также неожиданно, какъ и возносила. Онъ не принадлежалъ ни къ какой школѣ, какъ Чернышевскій, Благосвѣтловъ, Достоевскій, Щегловъ. Онъ былъ слишкомъ далеко отъ Россіи, чтобы съ нимъ можно было имѣть личности. Онъ былъ въ безопасности, стало, никакіе аресты или преслѣдованія не могли отнять его у партіи. — Рѣшено было, что я употреблю всѣ мѣры для убѣжденія Герцена принять на себя эту должность и что не отстану отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится. Я долженъ былъ представить ему всю опасность положенія Россіи, въ которой вызванное имъ-же самимъ движеніе, грозило принять необузданный характеръ и произвести или безсмысленную революцію, или, что не лучше, превратить прогрессивное правительство въ ретроградное. Кто ручался намъ тогда, что правительство, понявъ, наконецъ, что надъ нигилистами нѣтъ никакой управы, однимъ почеркомъ пера не усилило бы цензурныхъ строгостей, не закрыло-бы всѣхъ комитетовъ о реформахъ, словомъ не отняло-бы всего, что дало, что дало или хотѣло дать, и не возвратилось-бы къ страшной системѣ 1849–53? А это и было-бы, еслибъ «Молодая Россія» и пожары не повернули бы общественнаго мнѣнія въ другую сторону, разомъ уничтоживъ потребность въ предпринятой нами организаціи либераловъ. — Я не приверженецъ и не поклонникъ Каткова, у меня въ душѣ все-таки осталась, можетъ быть невольная, rancune, за его слишкомъ безцеремонное обхожденіе съ нами, за его неджентельменскіе поступки съ своими литературными вра-

гами, — но надо отдать ему честь, что онъ спасъ Россію и отъ нигилистовъ, и отъ реакціонеровъ, замѣнивъ предполагаемое тайное общество «Московскими Вѣдомостями», которыя долгое время были, въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, какимъ мы хотѣли сдѣлаться. Самый фактъ огромнаго вліянія «Московскихъ Вѣдомостей» показываетъ, что въ 1862 году была дѣйствительно потребность въ укрощеніи необузданныхъ либераловъ и въ разъясненіи истинныхъ стремленій и желаній людей трезвыхъ и понимающихъ государственные вопросы. Мы съ Серно-Соловьевичемъ чувствовали это раньше, говорили объ этомъ, когда никто еще даже и не думалъ, и если хотѣли достичь этого путями незаконными, то только потому, что не видѣли другого исхода. Журналистикой до катастрофы нечего и думать было пособить горю, — журналистика вся тогда превратилась въ какое-то гнусное поле для личной перебранки и литературныхъ доносовъ. Всѣ принципы осмѣивались въ ней, ни одна редакція не уважала другой и считала каждую дѣльную идею, появившуюся въ чужомъ изданіи, чуть не личной обидой. Положеніе было дѣйствительно «ужасное», какъ выражался бѣдный Серно-Соловьевичъ, и исходъ изъ него видѣлся только въ диктатурѣ Герцена — о диктатурѣ Каткова тогда и въ голову не могло придти, да и она никого не прельщала, потому что Катковъ, дѣлавшій литературные доносы и вырабатывавшій принципы не по убѣжденію, а изъ ненависти къ нападавшимъ на него нигилистамъ, — былъ вовсе не симпатичной личностью. Не мы съ Серно-Соловьевичемъ были виноваты въ нашихъ планахъ и въ совѣщаніяхъ, а духъ времени насъ толкалъ и горячая любовь къ Россіи руководила нами, — страхъ за ея будущность, недовѣріе къ своимъ и чужимъ, запутанность положенія, опасность катастрофы. Онъ стоялъ очень близко къ петербургскимъ либераламъ, я такъ же близко къ Лондонцамъ — и мы оба видѣли, что дѣло идетъ изъ рукъ вонъ плохо и грозитъ правительственной реакціей. Мы и протянули другъ другу руки, для спасенія будущности Россіи, потому что, кромѣ насъ, никто не заботился горячо объ этой будущности, — по крайней мѣрѣ, мы не видѣли, чтобы кто нибудь серьезно искалъ исхода изъ тогдашняго неопредѣленнаго положенія. Передъ закономъ мы преступники, — но совѣсть у насъ чиста: мы хотѣли спасти Россію и отъ революціи, и отъ реакціи, и исторія насъ оправдаетъ, хотя намъ не удалось осуществить нашего начинанія.

Осуществимъ-ли былъ нашъ замыселъ? — спрашивалъ я себя впослѣдствіи, перебирая дѣла минувшихъ дней, — и пришелъ къ отрицательному отвѣту: тайныя общества въ большихъ размѣрахъ кажутся мнѣ невозможными, если цѣль ихъ не такъ проста, какъ, напримѣръ, отдѣленіе Польши отъ Россіи, которую можно формулировать однимъ словомъ «Независимость» (Niepodległość), и если цѣль эта не поддерживается сочувствіемъ хоть мѣщанъ, ремесленниковъ, мелкихъ чиновниковъ и мелкой шляхты. У насъ же дѣло другое, — вопросы юридическіе, соціальные, экономическіе туго понимаются большинствомъ, а оно никогда не станетъ рисковать за то, чего ясно не понимаетъ, и въ чемъ, вдобавокъ, одинъ столько-же теряетъ, сколько другой выигрываетъ. За Кузьмой Мининымъ шли, какъ шли за какимъ нибудь расколо-учителемъ Антономъ Петровымъ, потому что знамя ихъ было общедоступно, — а за Пестелемъ не пошли. Нужно было понять, чего хочетъ Пестель, подумать нужно было, а понимать и думать дѣло не легкое, да къ тому же мысль исключаетъ увлеченіе. Что вѣрно относительно возстаній, то вѣрно и относительно тайныхъ обществъ. Откуда набрать понимающихъ агентовъ и членовъ для пропаганды такихъ сложныхъ идей, какъ современные принципы, на которыхъ зиждутся реформы? Какъ заставить дѣйствовать въ тактъ, отказаться отъ любимыхъ коньковъ, безусловно повиноваться центрамъ? Чѣмъ контролировать

ихъ дѣйствія и карать, въ случаѣ неповиновенія или предательства? Легко было полякамъ завести жандармовъ — у нихъ дѣло ясно: патріотъ — живи! измѣнникъ — умри! — А у насъ гдѣ критерій? и гдѣ исполнители, еслибъ даже и нашелся критерій, или былъ-бы какой высшій судъ? Сложные догматы, доступные только пониманію, несовмѣстны съ фанатизмомъ, потому что, гдѣ мысль, тамъ нѣтъ увлеченія, изслѣдованіе убиваетъ религіозную восторженность. Самая лучшая форма тайныхъ обществъ — масонство; но масонство опять таки секта, съ катихизисомъ, съ посвященіями, съ градаціями, — оно не примѣнимо у насъ къ политикѣ, потому что у насъ нѣтъ тайныхъ ученій и нельзя брать клятвы съ доктринера, что онъ не станетъ славянофиломъ, почвеникомъ или соціалистомъ. Езуитская система послушанія и взаимнаго надзора тоже не примѣнима при общемъ критическомъ настроеніи умовъ и при стремленіи къ сверженію всякихъ общественныхъ узъ, такъ рѣзко высказавшемся въ нигилизмѣ. Да, наконецъ, езуиты всѣ состоятъ на жалованьѣ ордена, что очень важно для подчиненія ихъ генералу, а догматъ ихъ тоже не хитеръ. — Я, признаюсь, много бумаги перемаралъ на проекты устава тайнаго общества — и ничего не вышло хоть мало-мальски практическаго. Вотъ у Маццини ловко выходило — Dio e Popolo! Долой нѣмцевъ! Долой тирановъ! Да будетъ Италія едина! — и не могъ даже самъ Маццини дать совѣта, какъ устроить у насъ то, что такъ легко устраивалось въ Италіи. Кто у насъ не думалъ въ тѣ времена о тайномъ обществѣ, лучшіе умы трудились надъ этимъ, не мы же одни съ Серно-Соловьевичемъ измышляли уставъ, — и все ничего не вышло. Кружки человѣкъ въ десять, много въ пятнадцать, возможны, и ихъ было, — да я думаю, и теперь есть, — множество. Но они безсильны уже просто потому, что въ каждомъ изъ нихъ разрабатываются свои собственные принципы, и что они теоретически расходятся между собою. Авторитетъ Герцена могъ ихъ подчинить себѣ, каждаго порознь, но заставить ихъ дѣйствовать совокупно, значило-бы перессорить ихъ. Они всѣ ненавидѣли фантастическихъ консерваторовъ (я сильно сомнѣваюсь, чтобъ у насъ были настоящіе консерваторы-ретрограды), но еще больше ненавидѣли другъ друга, доктринеры — почвениковъ, а нигилисты тѣхъ и другихъ. Ничего нельзя подѣлать въ Россіи незаконнымъ путемъ! не такое она государство, и не такъ идетъ ея странная исторія, которая самыя несчастія ея обращаетъ въ ея-же пользу, какъ Нарвское пораженіе, Наполеона, Севастополь, пожары, польское дѣло! Судьба Россіи — загадка, и можетъ быть, не совсѣмъ не правы наши сектанты, утверждающіе, что мы — «родъ избранный, земля пророческая».

Дней пять я прожилъ у Серно-Соловьевичей, задержанный ожиданіемъ случая познакомиться съ безпоповцами, и отправился въ Москву, разыскивать своего друга Поликарпа, на котораго я возлагалъ такія надежды, и о настоящемъ имени котораго я узналъ только въ Петербургѣ, отъ безпоповскаго инока знаменитаго Павла Прусскаго. Поликарпъ Петровичъ оказался — его преосвященствомъ епископомъ коломенскимъ, владыкою Пафнутіемъ!!! — Эпизодъ моего знакомства съ безпоповцами я разскажу ниже, по изложеніи всего, что я дѣлалъ до выѣзда изъ Россіи.

Безъ Ничипоренки дѣло и тутъ не обошлось. Кожанчикову нужно было ѣхать въ Москву, по своимъ книгопродавческимъ дѣламъ. Ничипоренко устроилъ, чтобы мы вмѣстѣ ѣхали. Не знаю, какъ Кожанчикову, а мнѣ это было крайне непріятно, потому что я имѣлъ право рисковать собою, но подводить кого подъ бѣду, безъ всякой надобности, было-бы даже нечестно. Но пришлось покориться — Кожанчиковъ былъ уже на станціи, а Ничипоренко взялъ за меня билетъ и отдалъ ему. Пріѣхавъ

вмѣстѣ въ Москву, пришлось и остановиться вмѣстѣ, въ Челышевскихъ номерахъ, противъ Большого театра, гдѣ Кожанчиковъ пробылъ дней пять, а я четыре недѣли. Всѣ разговоры мои съ Кожанчиковымъ вертѣлись на его издательской дѣятельности, на книжной торговлѣ, да на «литературщикахъ», какъ онъ окрестилъ либераловъ, которыхъ презиралъ и ненавидѣлъ до мозга костей своихъ за ихъ пустозвонство. Простолюдинъ по происхожденію, онъ зналъ жизнь не изъ книгъ, а по опыту, — онъ безъ всякой посторонней поддержки изъ крѣпостного сдѣлался книгопродавцемъ — издателемъ — и смотрѣлъ на вещи прямо. Паденіе нигилистовъ онъ предвидѣлъ и ждалъ его съ нетерпѣніемъ, вовсе не будучи по своимъ взглядамъ человѣкомъ отсталымъ или враждебнымъ прогрессу.

Первый визитъ мой въ Москвѣ сдѣланъ Ивану Ивановичу Шебаеву, лабазнику съ Лефортовской части, о которомъ мнѣ много говорилъ Поликарпъ, какъ о человѣкѣ современномъ, сочувствующемъ новому движенію. Еще до поѣздки моей въ Россію я далъ знать брату моему, находившемуся тогда въ Москвѣ, чтобы онъ познакомился съ Шебаевымъ, — это было мое чуть-ли ни единственное письмо къ брату изъ-за границы. — Отвѣта на него я не имѣлъ, но послѣ я узналъ, что братъ завязалъ знакомство и очень понравился кружку Шебаева, хотя никѣмъ въ немъ не сдѣлался.

Отыскавъ домъ и выслушавъ замѣчаніе лабазниковъ Гаврилова Переулка, что господина Шебаева нѣтъ, а есть тутъ купецъ Шебаевъ, я поднялся во второй этажъ и спросилъ Ивана Ивановича. — Вышелъ высокій молодой человѣкъ, въ долгополомъ сюртукѣ, брюки въ голенищахъ, большая русая борода и свѣтлые голубые глаза. Наружность у него была нервная, мягкая — это былъ поэтъ, мечтатель, человѣкъ, способный увлекаться всѣмъ загадочнымъ и выходящимъ изъ ряду обыкновеннаго. Я сразу понялъ, съ кѣмъ я имѣю дѣло.

— «Съ Иваномъ Ивановичемъ Шебаевымъ имѣю честь говорить?»

— «Я — съ.»

— «Очень радъ познакомиться. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ, потрудитесь притворить двери.» — Мы были въ залѣ. Иванъ Ивановичъ вздрогнулъ и молча пошелъ затворять двери.

— «Скажите, пожалуста, гдѣ и какъ-бы мнѣ повидаться съ Поликарпомъ Петровичемъ, т. е. съ владыкой Пафнутіемъ...»

— «Какъ-съ? Я-съ не знаю-съ...»

— «Иванъ Ивановичъ, вы все знаете. Владыко вамъ все говорилъ, гдѣ онъ былъ послѣднее время, у кого жилъ, что затѣялось — довольно того, что я и объ васъ черезъ него знаю, онъ самъ поручилъ мнѣ обратиться къ вамъ, когда я буду въ Москвѣ, — меня зовутъ Василій Ивановичъ...»

— «Господинъ Кельсіевъ!»

— «Честь имѣю представиться!»

Что сдѣлалось съ Шебаевымъ, трудно разсказать. Онъ зашатался. Страхъ и радость съ быстротою молніи смѣнялись на его нервномъ лицѣ. Онъ всплескивалъ руками, бродилъ изъ угла въ уголъ, сажалъ меня, обнималъ, жалъ мнѣ руки — словомъ, не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, вдругъ исчезъ и явился съ орѣхами, изюмомъ, пряниками и бутылкою хереса, сказавъ, что сейчасъ и самоваръ будетъ. Эти хозяйственныя хлопоты привели его въ себя, и онъ объяснилъ мнѣ, что владыка уѣхалъ по дѣламъ въ Кіевъ, сообщивъ ему и его пріятелямъ все, о чемъ мы говорили въ Лондонѣ. Что замыселъ этотъ почти никому неизвѣстенъ въ Москвѣ, что даже и открывать его опасно старикамъ, которыхъ и «умы не досягаютъ такой высоты», и что все надо обдѣлать в тихомолку, а для этого, самое лучшее будетъ, переговорить съ его пріятелями, которыхъ онъ завтра и пригласитъ къ себѣ.

Шебаевъ человѣкъ небольшаго ума, и не особенно сильнаго характера.

Это энтузіастъ, фантазеръ, вѣчно способный на увлеченія, вспыхивающій какъ солома при каждой новой и честной мысли, а особенно при каждомъ трудномъ и необыкновенномъ предпріятіи. Пафнутій и онъ были для меня первыми образчиками того новаго поколѣнія сектантовъ, которое покуда не имѣетъ еще голоса, но которое, лѣтъ черезъ двадцать, не преминетъ занять важную роль въ судьбахъ Россіи, – и потому не лишнимъ будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Основатели первыхъ нашихъ сектъ, дѣятели XVII-го вѣка, были невѣжды. – Въ ихъ сочиненіяхъ мало дѣльнаго и опредѣленнаго. Они одно только знали, что съ паденіемъ Цареграда, главенство надъ православнымъ міромъ перешло въ Россію вмѣстѣ съ двухглавымъ орломъ и съ царскимъ титуломъ. Народъ и до сихъ поръ вѣритъ, что Москва – третій Римъ (въ Италіи – ветхій Римъ, Цареградъ – новый Римъ, а Москва – третій), и что четвертому Риму не быть. Отъ этого Россія – Новый-Израиль, Родъ Избранный, Земля Пророческа, въ которой должны исполниться всѣ пророчества Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ которой даже Антихристъ долженъ выдти, какъ Христосъ вышелъ изъ прежней Святой Земли. Представитель Православія, русскій царь, законнѣйшій государь на свѣтѣ, потому что онъ занимаетъ престолъ царя Константина. Одинъ древній народный стихъ, до сихъ поръ распѣваемый нищими, такъ говоритъ о Россіи и о ея царѣ:

Святорусь Земля – всѣмъ землямъ мати.
Оттого Святорусь Земля всѣмъ землямъ мати, –
Исповѣдуетъ вѣру крещеную,
Христіанскую, православную.

Святорусскій Царь – надъ царями царь,
Оттого Святорусскій Царь надъ царями царь, –
Онъ строитъ церкви соборныя,
Соборныя, богомольныя.
И всѣ цари, короли, мурзы ему поклонятся,
Всѣ царства подойдутъ подъ руку его. –

И народъ нашъ въ это слово вѣритъ, и во всемъ не въ шутку считаетъ себя первымъ народомъ на свѣтѣ. – Въ этомъ-то и лежитъ причина раскола. Никонъ и Петръ, вырывая плевелы, стали вырывать и пшеницу и оскорбили народную гордость. Неужели-жъ намъ, толковали первые старообрядцы, русскому народу, царству третьяго Рима, исправлять нашъ обрядъ и книги по греческимъ образцамъ, когда эти самые греки отвергнуты Богомъ за ихъ нечестіе и наклонность къ латинству, такъ что даже римская власть ихъ перешла изъ Цареграда въ Москву? Неужели же намъ православнымъ одѣваться и жить по нѣмецки, когда нѣмцы не только еретики, да еще сами не умѣютъ дома у себя управиться, а къ намъ на наши хлѣба лѣзутъ? – Трудно судить теперь Никона и Петра, но, несмотря на всѣ ихъ усилія, нельзя не видѣть, что ни церковь наша не похожа ни въ чемъ на греческую, ни бытъ нашъ государственный и общественный не сформировались по нѣмецки. Борода до сихъ поръ запрещается, національный нашъ крестъ ☦ – знамя русской народности отъ Авачи до Львова, до сихъ поръ въ забвеніи, наши народные праздники, обычаи, уборы въ пренебреженіи – но борода все растетъ, да растетъ, какъ ни брей ее, а народъ все помнитъ, да помнитъ свои особенности, какъ ни заглаживай ихъ. Расколъ взялъ на себя защиту всего стараго и народнаго, ударился при этомъ,

разумѣется, тоже въ крайности, доходя въ одну сторону до «странничества», а въ другую до молоканства, жидовства и скопчества. Пока православное духовенство и чиновничество, тѣснившее его, было невѣжественно — и онъ не заботился объ учености, — но, когда гонители его оказались людьми свѣдущими въ писаніи, и онъ пустился въ изслѣдованія, произведшія огромную рукописную литературу. Чѣмъ его били, тѣмъ и онъ отражалъ удары, слагаясь подъ ними въ выработанныя системы и развивая свои ученія въ подробностяхъ. Такъ наступилъ нынѣшній вѣкъ, царствованіе Александра Благословеннаго, вызвавшее тоже пробужденіе умовъ въ Россіи. Политика пошла въ ходъ, либеральныя идеи проникали въ общество, — угрюмые сектанты прислушивались къ нимъ, но мало имъ сочувствовали, считая ихъ навожденіемъ діявольскимъ и не видя, къ чему бы ихъ примѣнить. Но новое настроеніе общества не прекращалось, — идеи лились и лились и проникали силою въ массу сектантовъ. Настали сороковые года, министерство Перовскаго приняло суровыя мѣры для уничтоженія раскола; сектантовъ стѣснили; кто могъ бѣжалъ за границу; озлобленіе ихъ было доведено до крайности, и новыя идеи принялись мигомъ. Счастье правительства и Россіи, что тогда не было у насъ либераловъ и революціонеровъ — «мы бы всѣ поголовно встали тогда», говорили мнѣ раскольники, эмигрировавшіе въ Молдавію и въ Турцію въ это тяжелое для нихъ время. Но общество не откликнулось на ихъ либерализмъ, даже сочувствовало гоненіямъ, благо они изувѣрство искореняли, и раскольники покорились, тайкомъ устраивая Бѣлокриницкую митрополію. Прошла война, настало новое царствованіе, свѣжимъ воздухомъ пахнуло на всю Россію, всѣмъ стало вольнѣй, легче, старая система исчезала съ каждымъ днемъ, какъ листья осенью, — и прежніе либералы — сектанты, мигомъ успокоились и примирились съ правительствомъ; такъ довольны они были немногимъ, что имъ дано, и такъ счастливы, что не подвергаются уже большой опасности за соблюденіе своихъ обрядовъ. Но молодежь иначе стала смотрѣть на дѣло. Выросшая и воспитанная подъ вліяніемъ этихъ самыхъ либераловъ и критиковъ распоряженій правительства, она не могла удовольствоваться тѣми немногими послабленіями сектантамъ, которыя даже ничего имъ не гарантировали, потому что зависѣли отъ секретныхъ циркуляровъ, то есть имѣли, очевидно, только переходное значеніе. Молодое поколѣніе слишкомъ проникалось современными ученіями, чтобы не стремиться къ пріобрѣтенію тѣхъ-же гражданскихъ правъ, какими у насъ пользуются иностранныя исповѣданія. Антихристіанскія ученія и нигилизмъ не принялись въ немъ; но понятія о гражданской свободѣ, о вѣротерпимости, объ одинаковыхъ правахъ всѣхъ русскихъ, безъ различія вѣроисповѣданія, на государственную службу, — все это принялось близко къ сердцу. Со временемъ изъ этого поколѣнія образуется весьма сильный и полезный консервативный элементъ въ государствѣ, нѣчто въ родѣ англійскихъ dissenters, но въ 1862 году — когда я столкнулся съ нимъ — онъ былъ въ переходномъ положеніи. Шебаевъ и его немногочисленные товарищи были слишкомъ небогаты и слишкомъ молоды, чтобъ имѣть рѣшительный голосъ между своими, и потому стояли между двухъ огней; правительствомъ, которое ихъ терпѣло, на условіи, чтобъ не дѣлали «открытаго обнаруженія ереси», — и стариками, которые, покоясь на лаврахъ прежняго «мученичества и страданія за древнее благочестіе», — увеличивали свои капиталы и допускали кое кого изъ молодежи вмѣшиваться въ общественныя дѣла, на условіи не вводить ихъ въ хлопоты и не навлекать на «Христіанъ» новыхъ гоненій. Стало быть ни на правительство, ни на стариковъ считать было нечего. Оставались одни прогрессисты, которые толковали вѣчно о свободѣ, о правахъ человѣка, которые заискивали сближенія съ простымъ народомъ и казались молодымъ

сектантамъ реальною силою. «Мы, наша партія, нашъ голосъ, наше вліяніе», слышалось на каждомъ шагу, «мы сдѣлаемъ переворотъ, мы заставимъ правительство уступить намъ!» – и сектанты, скромные и робкіе, какъ все наше купечество, невольно дались въ обманъ и приняли эти кружки за силу въ государствѣ. Пафнутій, представитель поповщинской молодежи, точно также принималъ насъ за всемогущихъ дѣятелей, и потому заискивалъ нашей помощи. Шебаевъ и прочіе пошли по его слѣдамъ.

Итакъ, появленіе мое въ Москвѣ произвело на нихъ хорошее впечатлѣніе. Я казался имъ пророкомъ, призваннымъ разрубить Гордіевъ узелъ ихъ недоразумѣній – и они собрались слушать меня, но ихъ было всего трое: Шебаевъ, Семенъ Семенычъ, знаменитѣйшій изъ тогдашнихъ богослововъ поповщинскаго согласія, и Александръ С.*, человѣкъ ничѣмъ не замѣчательный, вялый, сантиментальный платонически любившій науку, прогресъ и свободу, одѣтый по европейски и выражавшійся изысканно. Съ первыхъ словъ я увидалъ, что они ровно ничего не понимаютъ въ политикѣ, даже не знаютъ, о чемъ дѣло идетъ. Они, напримѣръ, спрашивали у меня, когда назначена революція въ Россіи, кто будетъ президентомъ русской республики и т. п. нелѣпости или наивности. Сначала я думалъ, что они хитрятъ, вывѣдать у меня хотятъ, «какова я птица есмь и какого духу человѣкъ», но вскорѣ пришлось убѣдиться, что они просто на просто слышали, что звонятъ, да не знали, въ которомъ приходѣ. И революціи они вовсе не сочувствовали, они боялись ея, но имъ казалось, что ужъ если человѣкъ пріѣхалъ изъ Лондона, подвергаясь опасности, толковать о политикѣ съ ними, – то ужъ не иначе, какъ подбивать ихъ на бунтъ. Я для нихъ былъ звѣрь морской, птица – юстрица, и они меня созерцали со страхомъ, съ любопытствомъ и съ надеждой поживиться чѣмъ нибудь въ пользу ихъ церкви.

Крѣпко удивились они, когда я объявилъ имъ, что революціи не будетъ и не должно быть, и что главная цѣль моего пріѣзда и знакомства съ ними – предупрежденіе взрыва – устройствомъ правильной оппозиціи старымъ порядкамъ. Систему мою я имъ тутъ же изложилъ, но имъ она въ головы не лѣзла: они ожидали, что я буду вопить о крови, о цареубійствѣ, выну и разорву портретъ государя, – словомъ, они ничего не понимали, по своей неподготовленности къ политическимъ вопросамъ. Затѣмъ, я поднялъ вопросъ о печатаніи ихъ книгъ, – они сейчасъ же снабдили меня рукописями, – но крайне удивились, что у насъ нѣтъ средствъ на заведеніе типографіи. «Да вѣдь у васъ въ Лондонѣ милліоны – билліоны должны быть», говорили они мнѣ, и сильно потерялъ я въ ихъ глазахъ, намекнувъ, что, можетъ быть, имъ придется раскошеливаться. – «Мы люди небогатые, намъ это не по силамъ, кой-какъ торговлишкой своей промышляемъ, – надо за такимъ дѣломъ къ вельможамъ обратиться, это только они могутъ устроить». – И такимъ вельможей, человѣкомъ съ понятіемъ и просвѣщеніемъ, былъ, по ихъ мнѣнію, Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ; но онъ выѣхалъ незадолго передъ тѣмъ за границу.

Много труда и терпѣнья нужно было мнѣ, чтобъ растолковать имъ, чего намъ нужно отъ нихъ, и сильно я сомнѣваюсь, поняли они меня или нѣтъ, хотя я битыхъ четыре недѣли употребилъ на это втолкованье. Главное, чего я добивался отъ нихъ, какъ отъ людей, все-таки близко стоящихъ къ народу, какія реформы будутъ народу «пріятны» и какія нѣтъ? Не помню теперь хорошенько, но мы остановились на

* Я совершенно забылъ отечество и прозвище этого человѣка – моя память очень пострадала отъ солнечнаго удара (coup de soleil) въ Цареградѣ. Можно справиться объ его имени у автора «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», Русскій Вѣстникъ, Апрѣль 1867. Впрочемъ, этотъ Александръ С. – преничтожная личность. Пафнутій тоже хорошо его знаетъ.

семи статьяхъ: 1) свобода вѣроисповѣданія, 2) свобода слова, 3) гласный судъ, 4) сокращеніе срока военной службы, 5) борода, 6) усиленіе выборныхъ учрежденій и 7) кажется, Земскій Соборъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, но не рѣшительнымъ, какъ въ западныхъ конституціяхъ, которыя, именно, всѣ и страдаютъ антагонизмомъ верховной власти съ народною, и которыя, будучи выкроены по англійскому образцу, нигдѣ не привели ни къ чему путному; за исключеніемъ самой Англіи, конституція которой имѣетъ смыслъ, потому что развилась исторически.

На второй недѣлѣ моего пребыванія въ Москвѣ я познакомился съ четвертымъ членомъ ихъ кружка, съ Александромъ Богомоловымъ (Богомолюбовымъ? Богохваловымъ? — что-то въ этомъ родѣ). — Я сидѣлъ у Шебаева, — къ другимъ я не ходилъ, и всѣ переговоры происходили преимущественно у Шебаева; съ нимъ, да и съ Семенъ Семенычемъ, — который, впрочемъ, ужъ и совсѣмъ не интересовался ничѣмъ, выходящимъ изъ сферы полемики съ безпоповцами, — сидѣлъ я у Шебаева и пилъ чай. Вошелъ какой-то купецъ, высокаго роста, рябоватый, съ строгимъ и пріятнымъ выраженіемъ лица. Я сейчасъ же сдѣлалъ видъ, что я какой нибудь писарь или канцеляристъ, пришедшій писать прошеніе или принесшій справку по дѣлу — это была моя постоянная уловка, при появленіи кого нибудь чужого. Набралось еще гостей, посидѣли, покалякали и ушли. Остался только Шебаевъ, я и высокій купецъ. Онъ внимательно всматривался въ меня.

— «Долгомъ считаю объясниться съ вами, Василій Ивановичъ, вдругъ заговорилъ онъ, — меня зовутъ Александръ Богомоловъ; можетъ, вы обо мнѣ слышали въ Лондонѣ отъ владыки Пафнутія?..»

— «Слышалъ и очень радъ познакомиться съ вами...»

— «А я-съ не хотѣлъ знакомиться съ вами и до сихъ поръ-бы не познакомился, но меня увѣрили, что вы вовсе не хотите крови и даже въ Москву инкогнито изволили пріѣхать, именно, за тѣмъ, чтобы кровь не пролилась. — Правда ли это?»

— «Само собой, разумѣется, правда!» — отвѣчалъ я, сильно удивленный такимъ приступомъ.

— «Позвольте же пожать вашу руку и попросить васъ къ себѣ завтра вечеромъ...»

— «Съ величайшемъ удовольствіемъ».

— «Ну-съ, а покуда до свиданія, — надѣюсь, что все останется въ тайнѣ». И онъ вышелъ, оставивъ меня въ крайнемъ недоумѣніи.

Я явился въ назначенное время. Самоваръ уже ждалъ меня на столѣ — безъ самовара слова не было сказано между мною и старообрядцами.

— «Позвольте спросить васъ, — сказалъ Богомоловъ, — какая есть сокровенная цѣль вашего пріѣзда сюда и обращенія къ нашей націи? (т. е. согласію)»

Я разсказалъ ему о положеніи Россіи, о духѣ партій, объ общей неурядицѣ, словомъ все, къ чему я пришелъ въ Лондонѣ и въ Петербургѣ, и затѣмъ объяснилъ ему роль, какую могъ-бы играть расколъ, какъ уже готовая организація (чего, именно, не доставало православнымъ) въ дѣлѣ указанія правительству путей, по которымъ ему слѣдуетъ идти для блага и величія Россіи. Я изложилъ ему мои семь пунктовъ, онъ обдумалъ ихъ и сказалъ, что это дѣло возможное и хорошее.

— «Мы это можемъ сдѣлать, дѣло благое и для правительства, и для народа — только ужъ вы, Василій Ивановичъ, не обидьтесь — сдѣлаемъ мы это, но безъ всякихъ сношеній съ Лондономъ...»

— «Отчего такъ?»

— «Не приходится-съ. Дѣло больно опасное, да и народъ загалдитъ, что мы съ вами спознались.»

— «Да вѣдь лучше же дѣйствовать сообща?»

— «Лучше оно точно, только не приходится-съ. Россію-то мы съ вами оба крѣпко любимъ, и оба видимъ одинаково, чѣмъ она больна, — да ваши-то не тѣмъ ее лѣчатъ, только дѣло путаютъ, сами же вы это изволили замѣтить. Такъ вотъ оно и подходитъ, кажись, время, когда опять Кузьма Миничъ Сухоруковъ понадобится, — вонъ и картина у меня виситъ, какъ онъ князю Пожарскому мечъ подаетъ, — вамъ эта исторія, полагаю, извѣстна. Такъ вотъ вамъ и спасибо, что вы не похожи на другихъ, а страху не побоялись, сами пришли опасность указать, — за это васъ всякій похвалитъ, честь вамъ и слава! А дѣловъ въ Лондонѣ вести все таки нельзя».

Чего я ни говорилъ, какъ я ни убѣждалъ — Богомоловъ стоялъ на своемъ и отказался отъ всякой переписки съ нами, даже не хотѣлъ больше видѣться со мною. — Признаюсь, я до сихъ поръ питаю огромное уваженіе къ этому истинно русскому и истинно благородному человѣку, готовому голову положить за рискъ свиданія, пойти съ «инкогнито», для предупрежденія междуусобицы. — Вотъ такими-то людьми вся земля и держится. Если они не перевелись, значитъ, есть у насъ еще и Сухоруки и Сусанины, значитъ, мы здоровый и крѣпкій народъ. О свиданіи съ Богомоловымъ, и что произошло въ это свиданіе, знали до сихъ поръ только я, Герценъ и Огаревъ.

На этомъ и кончаются мои сношенія съ московскими старообрядцами. Другихъ знакомствъ я не заводилъ, опасаясь наткнуться Богъ знаетъ на какихъ людей, да и всѣ мнѣ говорили, что старое поколѣніе какъ огня боится политики, а молодое слишкомъ зависимо отъ него, чтобы дѣйствовать самостоятельно. И такъ, большого труда стоило провести свои идеи въ кружкѣ Шебаева, чтобы пытаться пропагандировать ихъ далѣе. На этотъ кружокъ я расчитывалъ, какъ на зерно, изъ котораго образуются другіе, въ томъ же направленіи и, поручивъ Шебаеву стараться объ этомъ, а равно дѣйствовать и на безпоповцевъ въ томъ же смыслѣ, — я обѣщалъ ему переписываться съ нимъ, основать въ Лондонѣ газету для поддержки старообрядцевъ въ ихъ борьбѣ съ притѣсненіями полиціи, взялъ съ нихъ обѣщаніе достать денегъ на типографію — и уѣхалъ въ Петербургъ, въ полной надеждѣ, что поѣздка моя, во всякомъ случаѣ, была не напрасной, если даже такіе люди, какъ Богомоловъ, взялись за дѣло, хотя-бы и помимо насъ. Мнѣ не столько думалось о личномъ вліяніи, или о вліяніи Лондона, сколько о томъ, чтобы осмыслить движеніе и сдѣлать его полезнымъ. Ничто меня такъ не печалило, какъ доктринерство, порождавшее нигилизмъ. — Я тогда былъ почвенникомъ, и до сихъ поръ остаюсь имъ: Я слишкомъ много потерся между простонародьемъ, чтобы не убѣдиться, что многое прекрасное для Россіи, никуда не будетъ годиться для Турціи. Я слишкомъ хорошо изучилъ Молдавію, чтобъ не понять, какъ она бѣдствуетъ, именно, отъ тѣхъ порядковъ, которые французы считаютъ лучшими, и которыхъ добиваются ихъ либералы. Будущность Россіи зависитъ отъ пристальнѣйшаго изученія нашего народнаго быта, со всѣми его предразсудками, предубѣжденіями, и мудрость нашего правительства, какъ и всякаго другого, можетъ выразиться только въ разумныхъ уступкахъ этимъ «отеческимъ преданіямъ» и умѣньи пользоваться ими для веденія насъ впередъ. Не на бредняхъ своихъ оборвались наши нигилисты и доктринеры принциповъ 1789 года, — а на томъ, что ученіе ихъ было не популярно, что оно въ разрѣзъ шло съ нашимъ народнымъ характеромъ, изучить который они даже не постарались, — и великое мое счастье, что документы о раскольникахъ заставили меня приняться за это изученіе.

Но не съ одними раскольниками пришлось мнѣ возиться въ Москвѣ. Еще въ Лондонѣ, какъ я и говорилъ, у меня было задумано связать людей нашей партіи съ

сектантами, для взаимнаго обмѣна идей, новостей; для того, чтобы подвигать впередъ сектантовъ и обуздывать пылъ нашихъ. Въ Москвѣ былъ у меня братъ, котораго я думалъ сдѣлать моимъ агентомъ по сношенію съ старообрядцами, — но въ Петербургѣ я услышалъ, что его подозрѣваютъ, будто онъ агентъ III-го Отдѣленія! что меня поставило втупикъ; а въ Москвѣ я узналъ, что наканунѣ моего пріѣзда его увезли въ Верхотурье, за вмѣшательство въ студенческую исторію, и увезли безжалостно строго: полиціймейстеръ Сѣчинскій не позволилъ ему захватить ни шубы, ни бѣлья, и отправилъ его за Уралъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одномъ ватномъ пальто!!!

Но былъ у меня въ Москвѣ знакомый, человѣкъ, слывшій очень умнымъ и одинъ изъ передовыхъ, — извѣстный библіофилъ Викторъ Ивановичъ Касаткинъ. На другой день по пріѣздѣ въ Москву, я отправился къ нему. Онъ еще спалъ — я подождалъ, пока онъ выйдетъ изъ спальни, и сильно боялся, что его слуга замѣтитъ его изумленіе и испугъ при видѣ меня. Дверь отворилась. Касаткинъ въ лицѣ даже не измѣнился, глазомъ не моргнулъ, спокойно протянулъ мнѣ руку и только спросилъ, какъ будто мы вчера видѣлись: «А, здравствуйте! какъ поживаете!» — Уже потомъ, когда мы остались одни, онъ далъ волю своему волненію, — не всякій имѣетъ такую завидную способность самообладанія.

Я разсказалъ Касаткину о Поликарпѣ, о цѣли моего пріѣзда, о переговорахъ съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ, — онъ не одобрилъ ни того, ни другого. По его мнѣнію, мнѣ вовсе не слѣдовало ѣздить въ Россію, а просто написать ему о желаніи старообрядцевъ сблизиться съ нами, — онъ даже заговорилъ, что я могу теперь возвратиться въ Лондонъ, такъ какъ онъ уже знаетъ, что мнѣ было нужно. Я не могъ согласиться съ его взглядомъ. Написать въ Москву я и самъ умѣлъ, но я не былъ увѣренъ, что сближеніе устроится также ловко помимо меня, уже нѣсколько лѣтъ думавшаго объ немъ, и что не приметъ ложнаго и даже вреднаго характера. Мое намѣреніе не уѣзжать изъ Москвы, пока не увижу, что пошло на ладъ, обидѣло Касаткина. Онъ началъ говорить, что я на себя навлекаю опасность и другими рискую, толковалъ мнѣ объ осторожности — и тутъ же пригласилъ обѣдать у Кокорева, въ его ресторанѣ, и совѣтовалъ побывать на публичныхъ чтеніяхъ. На счетъ диктаторства Герцена, онъ также неблагосклонно отозвался, говоря, что изъ-за границы невозможно вести русскихъ дѣлъ, что есть на это и въ самой Россіи люди дѣятельные, способные, что дѣло идетъ и безъ того какъ нельзя лучше, — но я никакъ не могъ добиться, какъ оно идетъ, куда, съ какой цѣлью...

Можетъ быть, я и не правъ въ отношеніи Касаткина, можетъ быть, я дурно понимаю его, но онъ показался мнѣ, и до сихъ поръ кажется, человѣкомъ, страдающимъ болѣзненнымъ самолюбіемъ. Въ жизни ли что нибудь ему не удавалось, или желчный темпераментъ его заглушалъ голосъ разсудка, или просто онъ былъ избалованъ общимъ поклоненіемъ его уму и свѣдѣніямъ; — только Касаткинъ былъ очень высокаго о себѣ мнѣнія и ни съ кѣмъ себя не равнялъ. Всѣ предводители кружковъ считали себя призванными нѣкогда управлять судьбами Россіи, — я не видалъ ни одного предводителя хоть бы трехъ, четырехъ человѣкъ, который не мѣтилъ-бы хоть въ министры, и ни одного кружка, который бы не считалъ себя вліятельнѣйшемъ въ Россіи, — но въ Касаткинѣ это самолюбіе доходило, какъ я сказалъ, до болѣзненности. Мой пріѣздъ — былъ ему личнымъ оскорбленіемъ, посягательствомъ на его авторитетъ; мое стараніе сосредоточить движеніе въ руки Герцена — было бунтомъ въ глазахъ Касаткина. Онъ не преминулъ порисоваться мною, возилъ меня зачѣмъ-то къ князю Трубецкому, мировому посреднику и къ Афанасьеву (собирателю сказокъ), которые оба были его поклонники, но едва ли

серьезно мѣшались въ политику, — по крайней мѣрѣ, я не слыхалъ отъ нихъ ничего особеннаго, да и разговоры мои съ ними ограничивались общими фразами, бывшими тогда въ ходу. Оба они сильно переконфузились, когда Касаткинъ представилъ имъ меня, и ничего мнѣ не высказали, кромѣ сочувствія прогрессу и всему либеральному. Я согласился на знакомство съ ними, ожидая видѣть въ нихъ Богъ знаетъ какихъ дѣятелей и какіе умы, — а оказалось, что Трубецкой думалъ только о честномъ и щедромъ примѣненіи къ дворовымъ людямъ положеній 19-го февраля, а Афанасьевъ весь былъ пропитанъ jusqu' aux bouts des ongles, сказками, рѣдкими рукописями и рѣдкими изданіями. Кажется, Касаткинъ просто на просто эксплуатировалъ этихъ людей своимъ нравственнымъ перевѣсомъ надъ ними, силой ума и силой характера; князь Трубецкой былъ ему нуженъ по своей популярности между дворовыми, а Афанасьевъ, какъ обладатель драгоцѣннаго собранія рѣдкихъ книгъ и рукописей, могъ удовлетворить библіофильской страсти Касаткина. Больше онъ ни съ кѣмъ меня не знакомилъ, а знакомство съ княземъ Трубецкимъ и съ Афанасьевымъ едва ли не было сдѣлано съ цѣлью возвысить въ ихъ глазахъ свой собственный авторитетъ. — Впрочемъ, быть можетъ, я дурно понимаю Касаткина.

— «Мы все сдѣлаемъ, мы ничего не упустимъ», говорилъ онъ мнѣ, когда я приставалъ къ нему, чтобъ онъ и его пріятели немедленно бы начали дѣйствовать, — а между тѣмъ никто ничего не дѣлалъ. Я познакомилъ ихъ съ Шебаевымъ и съ Семеномъ Семеновичемъ. — Семенъ Семеновичъ тутъ же просилъ ихъ похлопотать о его паспортѣ, который былъ у него какъ-то не въ порядкѣ, какъ обыкновенно у крестьянъ. Небольшой трудъ было сдѣлать ему эту услугу, которая разомъ-бы показала имъ нашу силу и поставила бы въ зависимость отъ насъ, — обѣщали они и ни шагу не сдѣлали для Семена Семеновича. Касаткинъ былъ вѣчно занятъ своимъ изданіемъ, онъ вовсе не былъ дѣятелемъ, — онъ только себѣ и другимъ казался политическимъ человѣкомъ; а про князя Трубецкого и про Афанасьева и говорить даже нечего; они ужъ рѣшительно ни къ чему не были причастны.

Пребываніе мое въ Москвѣ злило Касаткина. Самолюбивый и мнительный, онъ все думалъ, что я подкапываюсь подъ его авторитетъ, что я хочу сдѣлаться главою движенія, и не разъ я замѣчалъ, какъ страшная внутренняя буря искажала черты его обыкновенно очень красиваго лица. «У насъ», ѣдко замѣчалъ онъ, «всѣ хотятъ быть головами, а никто не довольствуется оставаться въ хвостѣ». — Намекъ былъ ясенъ, но я принялъ за правило дѣлать видъ, что не понимаю; мнѣ нужно было сближать людей, и потому я считалъ себя обязаннымъ дѣлать всѣ уступки для избѣжанія личныхъ разрывовъ. — А тяжело было ладить съ этой самолюбивой и завистливой личностью: это онъ распустилъ слухъ, что Бени и братъ мой агенты III-го Отдѣленія: онъ не прощалъ никого, осмѣлившагося высунуться впередъ.

Было у него какое-то дѣло въ Петербургѣ — онъ уѣхалъ; я вздохнулъ свободнѣе, хоть и остался безъ той помощи, которую отъ него ожидалъ. Въ раздумьи я обратился къ князю Трубецкому, — тотъ, для того ли, чтобъ отъ меня отдѣлаться, или чувствуя себя не склоннымъ къ исполненію моихъ замысловъ, познакомилъ меня съ Козловымъ.

Козловъ былъ тоже кандидатъ въ министры, кружокъ его тоже состоялъ изъ двухъ человѣкъ (какіе-то Софони, Софіони? Софати? два брата греческаго происхожденія), но характеръ козловцевъ оказался совсѣмъ другимъ. Это были гегелисты въ поддевкахъ, говорили ужасно темно, къ каждому вопросу подступали свысока, разбирая его субъективно и объективно, — такъ что уши вяли. Чего они хотѣли и чѣмъ были недовольны, также остается въ тайнѣ, по крайней мѣрѣ для

меня. Говорили они много о своемъ значеніи, о популярности, намекали на свое вліяніе и связи, словомъ — несли ту-же околесицу, что и Касаткинъ и всѣ тогдашніе кружки — и ровно ничего не дѣлали. Однимъ только они заслуживали тогда мое искреннее уваженіе и мою еще болѣе искреннюю благодарность, — они напрямикъ объявили, что не способны толковать съ старообрядцами, потому что боятся испортить дѣло, не будучи въ состояніи скрывать своихъ высшихъ взглядовъ и отстать отъ мудренныхъ выраженій. Съ проектомъ моимъ дѣйствовать умѣренно, въ видахъ предотвращенія революціи и сближенія съ правительствомъ, — они тоже не сошлись, потому что я велъ дѣло ужъ очень просто, не вдаваясь ни въ какія логическія построенія и упуская субстанцію an sich u. für sich; но, опять-таки, рѣшились мнѣ помогать всѣми средствами и тутъ же обѣщали мнѣ добыть человѣка, годнаго быть связью между образованнымъ меньшинствомъ и старообрядцами — Петровскаго.

Петровскій, по своему характеру, — двойникъ Шебаева: та же готовность на все честное, та же способность увлечься всѣмъ выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго, та же мягкость и податливость въ присутствіи болѣе сильной натуры. Эти люди рѣдко живутъ своей самостоятельной жизнью, они слишкомъ скромны и чисты, чтобы давать отпоръ чужому вліянію. Всѣ мистики таковы; таковы послѣдователи разныхъ фантастическихъ ученій: масоны, мормоны, хлысты, скопцы. Опасное, загадочное магнетизируетъ ихъ, и они не въ силахъ устоять противъ увлеченія, — они даже и сами сплошь и рядомъ вызываютъ таинственныя силы, чтобъ отдаться безусловно въ ихъ распоряженія. Библейская Ева, гётевская Гретхенъ, мотылекъ около свѣчки, дитя надъ озеромъ, — повтореніе одного и того-же типа, исполненнаго неудержимымъ влеченіемъ ко всему загадочному.

Петровскій въ восторгъ пришелъ, узнавъ, что я эмигрантъ, — и тутъ-же отдался въ мое распоряженіе, безусловно, беззавѣтно, душою и тѣломъ, не требуя ни награды, не выговаривая себѣ уступокъ. Идеи мои онъ принялъ и поставилъ себѣ въ законъ. На другой-же день я повезъ его къ Шебаеву; они сошлись, понравились другъ другу — и дѣло было сдѣлано: у меня былъ въ Москвѣ спеціальный агентъ, проводникъ между мною, старообрядцами и всевозможными кружками, агентъ, который ни на шагъ не вышелъ-бы изъ моихъ предписаній.

Оставалось сдѣлать еще одно. У старообрядцевъ всѣхъ толковъ огромнымъ вліяніемъ пользуются келейницы. Келейницы — это дѣвушки, отрекшіяся отъ брака, посвятившія себя молитвѣ, богоугоднымъ дѣламъ, — пожалуй, сплетнямъ, пересудамъ, разноскѣ вѣстей и всему прочему. Купчихи смотрятъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ, откровенны съ ними, посвящаютъ ихъ во всѣ свои тайны и руководствуются ихъ совѣтами. — Я просилъ Шебаева познакомить меня съ ними; — но Шебаевъ объявилъ, что, «какъ-же онѣ будутъ знакомиться съ постороннимъ мущиною? — Вѣдь онѣ дѣвушки, невѣсты Христовы!»

Пришлось опять обратиться къ философамъ — и они тотчасъ-же познакомили меня съ Марьей Алексѣевной Челищевой, которую я и свозилъ къ Шебаеву, выдавъ ее передъ его матерью и братомъ (вовсе не посвященнымъ въ наши замыслы) за мою жену. — Челищева показалась мнѣ очень не глупою дѣвушкой, немножко экзальтированной; — но вполнѣ способной къ дѣлу я ее не считалъ; она тоже черезчуръ вдавалась въ философію, по примѣру своего наставника Козлова. Но дѣлать было нечего — пришлось пользоваться тѣми средствами, какія подъ рукой были.

Итакъ, все было сдѣлано, даже съ простонародьемъ успѣлъ я вдоволь наговориться, посѣщая харчевни, пивныя, кабаки. Я ничего не проповѣдывалъ, — я

больше выпытывалъ, что народъ думаетъ, и это опять убѣдило меня, что всякое возстаніе у насъ будетъ гибелью для образованнаго класса. Ненависть къ студентамъ границъ не знала, — народъ принялъ ихъ за сыновей помѣщиковъ, бунтовавшихъ противъ государя, зачѣмъ онъ отнялъ у нихъ крестьянъ. «Подымись они еще разъ, говорили мнѣ мои кабацкіе знакомые за косушкой водки, народъ ихъ всѣхъ перебьетъ, женъ и дѣтей ихъ не пощадитъ», — и это безъ всякаго вызова съ моей стороны, безъ высказыванія мною какого нибудь мнѣнія. Я выдавалъ себя обыкновенно за двороваго человѣка, бывшаго камердинеромъ у барина и пріѣхавшаго въ Москву искать мѣста — «баринъ мой не въ силахъ теперь держать такую большую дворню, какая у насъ прежде была; вотъ мы теперь и ищемъ себѣ хлѣба». Меня въ этой бѣдѣ утѣшали: говорили, что царь далъ такія права дворовымъ, что — хочешь, бери землю, хочешь, не бери; а когда понадобится, такъ баринъ все равно долженъ будетъ надѣлъ дать и дворъ на свой счетъ поставить; — это меня одинъ дворовый утѣшалъ, совѣтуя мнѣ дѣтей моихъ пріучать къ сохѣ. Онъ самъ собирался тоже приняться за землю и не сегодня — завтра думалъ идти за этимъ къ посреднику. Слушатели поддакивали ему и одобряли его совѣтъ.

На страстной — пріѣхалъ Касаткинъ, уже окончательно злой, и привезъ неутѣшительное извѣстіе, что III-е Отдѣленіе знаетъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и что за мной слѣдитъ какой-то господинъ съ огромною русою бородой. Этому-то я плохо вѣрилъ, но и дѣло было у меня кончено, и Касаткина врагомъ дѣлать не слѣдовало, да, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ, дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ было и не нужно, и опасно: государственные люди in spe были народъ преболтливый. Я простился со всѣми и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ дня два, чтобъ попасть на границу въ самый разгаръ праздниковъ, когда таможенные чиновники должны быть побеззаботнѣе. Въ Петербургѣ я видѣлся только съ Серно-Соловьевичами и съ неизбѣжнымъ Ничипоренко. Серно-Соловьевичъ одобрилъ мой образъ дѣйствія въ Москвѣ, хотя и не сходился со мною по какимъ-то мелкимъ вопросамъ, и взялъ съ меня слово, что я настою у Герцена въ принятіи имъ званія предводителя. — Что самъ Серно-Соловьевичъ дѣлалъ — я не знаю, потому что не считалъ полезнымъ спрашивать. Анонимная система все таки самая лучшая въ подобныхъ дѣлахъ, и невмѣшательство одного члена въ дѣла другого — единственная гарантія безопасности. Ему нужно было дѣйствовать въ Петербургѣ, — мнѣ въ Лондонѣ, стало быть, всякіе разспросы и откровенности были тутъ не у мѣста.

На этомъ и кончается разсказъ о моемъ пребываніи въ Россіи. Я ничего не утаилъ, я изложилъ подробно и замыслы мои, и средства, къ которымъ я прибѣгалъ для осуществленія ихъ, — но я думаю, что показанія моихъ участниковъ, добытыя Слѣдственной Коммиссіей по этому дѣлу, сильно разнятся отъ моихъ. Допрашиваемые скрывали факты, выгораживали другъ друга, оправдывали себя, — дѣло было слишкомъ свѣжо, кара грозила имъ за сношенія со мною. Теперь, когда я пишу это, уже пять лѣтъ прошло со времени моей поѣздки, духъ общества, идеи, стремленія перемѣнились, — переизслѣдованіе дѣла было-бы даже безполезно, по крайней мѣрѣ, не принесло бы практической пользы... Но если оно необходимо, чего я не думаю, потому что даже польскія дѣла уже преданы забвенію, если правительство сочтетъ нужнымъ провѣрить мои показанія, — пусть оно сдѣлаетъ это, не тревожа моихъ бѣдныхъ соучастниковъ, которые и такъ ужъ трепещутъ теперь, узнавъ изъ газетъ о моей явкѣ съ повинной головой. Они слишкомъ много настрадались за свою вину, ихъ родные и друзья набрались слишкомъ много страху за нихъ; — пусть правительство черезъ агентовъ своихъ, не шумно, не гласно, провѣритъ это старое дѣло. Мнѣ легко было писать объ немъ, надежда на гуманность

правительства побуждала меня назвать ему по имени каждаго, съ кѣмъ я былъ въ сношеніяхъ, — но теперь, невольный страхъ щемитъ почему-то мнѣ душу и только вѣра въ безконечную доброту Государя удерживаетъ меня отъ искушенія уничтожить эти листы, пока они еще въ моихъ рукахъ. — Молю я Государя и правительство, пусть они пощадятъ этихъ бѣдныхъ, если нужно покарать кого — пусть вся кара обрушится на мою буйную голову.

Мнѣ остается еще разсказать о моихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ безпоповскимъ наставникомъ Павломъ Прусскимъ, о устройствѣ контрабанднаго ввоза лондонскихъ изданій въ Россію, и о происшествіяхъ въ Лондонѣ, до послѣднихъ чиселъ августа 1862-го года, когда я уѣхалъ въ Турцію, — на этомъ и кончится настоящій отдѣлъ, самый длинный въ моей Исповѣди.

Я сказалъ, что я долго пробылъ въ Петербургѣ, потому-что искалъ случая познакомиться съ безпоповцами. Александръ Серно-Соловьевичъ еще до моего пріѣзда какъ-то сошелся съ однимъ безпоповцемъ изъ того новаго поколѣнія нашихъ сектантовъ, которое стыдится дикости и отсталости своихъ стариковъ и ищетъ случая показать, что оно вовсе не враждебно ни прогрессу, ни новымъ идеямъ. Сношенія Александра съ этимъ человѣкомъ не имѣли никакого политическаго характера. Онъ былъ приказчикъ въ Гостинномъ Дворѣ, у купца Бородина (Бородулина или что-то въ этомъ родѣ — жалѣю, что не могу припомнить имени этого честнаго человѣка) тоже безпоповца, торговавшаго, кажется, шляпками. Приказчикъ этотъ заходилъ въ книжный магазинъ Серно-Соловьевичей позаимствоваться новостями и достать книжку какую нибудь, для услажденія ума и сердца въ часы досуга. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и высказалъ мое намѣреніе познакомиться съ старообрядцами, Александръ тотчасъ-же вспомнилъ объ этомъ приказчикѣ и сталъ у него разспрашивать о петербургскихъ вліятельныхъ безпоповцахъ. Приказчикъ сообщилъ ему, что въ настоящее время находится здѣсь великій учитель, инокъ Павелъ, человѣкъ, которому слѣпо повинуется большинство ѳедосѣевцевъ. Не теряя времени, Александръ, при помощи приказчика, сошелся съ этимъ Бородулинымъ и сказалъ ему, что онъ хотѣлъ бы его познакомить съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который долго жилъ за границею, изучалъ тамъ богословіе — и всѣ вѣры наперечетъ знаетъ, т. е. со мною. Бородулина заинтересовала моя личность, и онъ назначилъ день, когда намъ къ нему пріѣхать.

Это былъ человѣкъ полный, вялый, неразговорчивый, жилъ холостякомъ, но одѣвался по европейски. Чтобы занять насъ, онъ велѣлъ своимъ приказчикамъ (въ пиджакахъ, съ англійскими проборами!) пѣть по крюковымъ нотамъ разные тропари, кондаки и стихиры, мотивъ которыхъ показался мнѣ тогда дикимъ; надо къ нему очень прислушаться, чтобы понять, отчего имъ такъ восторгаются старообрядцы. — Хозяинъ былъ меломанъ, пришлось покориться и часа съ два выдержать его пытку. Александръ однако не вытерпѣлъ. Онъ очень нервный, страдаетъ вдобавокъ желчью, въ этотъ день ему и такъ нездоровилось, а пѣніе окончательно подкосило его. Ему стало тошно, голова разболѣлась, лицо покраснѣло — и онъ уѣхалъ. — Я воспользовался этимъ минутнымъ замѣшательствомъ, чтобы свести разговоръ на вѣру, съ вѣры на наставниковъ, а съ наставниковъ на «великаго учителя, слава котораго прошла по всей вселенной и міръ наполнила своими трубными звуками, къ восхищенію его послѣдователей и къ великому горю и обличенію его противниковъ, ибо имя Павла Прусскаго даже дѣтямъ малымъ стало извѣстно во дни наши!» — Это я у Пафнутія выучился старообрядческому стилю.

Ивана Васильевича (такъ, помнится, звали хозяина) сильно заинтересовало, что мнѣ извѣстно не только существованіе, но даже ученіе и жизнь его любимаго наставника, и онъ не утерпѣлъ, что-бы не вывести его изъ задней комнаты. – Вошелъ человѣкъ высокаго росту, худой, черноволосый, лѣтъ 40 на видъ. Онъ былъ одѣтъ по монашески, то есть въ черномъ подрясникѣ, въ мантійкѣ (черная пелеринка съ красной оторочкой) и въ камилавкѣ, круглой шапочкѣ, съ мохнатымъ околышемъ – въ первый разъ увидѣлъ я тогда наше монашеское облаченіе дониконовскихъ временъ.

– «Войди, отче, войди, сядь, говорилъ Иванъ Васильевичъ, вотъ его милость про тебя тутъ разсказываетъ. – Это самый и есть у насъ отецъ Павелъ Прусскій, добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.» Я съ большимъ вниманіемъ взглядывался въ этого человѣка, съ умнымъ вѣчно улыбающимся лицомъ, и съ черными, сверкающими глазами, полными жизни и мысли. Мы разговорились. Разговоръ естественно пошелъ объ ученіи Павла, что теперь не чувственный антихристъ правитъ міромъ, во образѣ государя, а только мысленный (духовный, идеальный, прообразовательный), а что чувственный еще придетъ при концѣ свѣта. Затѣмъ, онъ отвергалъ ученіе о переселеніи душъ (метампсихоза), такъ сильно развившееся въ безпоповскихъ толкахъ и составляющее основаніе догматовъ Божьихъ Людей (скопцовъ и хлыстовъ), а отчасти и Духовныхъ (духоборовъ и молоканъ); потомъ толковалъ, что съ тѣхъ поръ какъ священства нѣтъ на землѣ, потому что оно взято на небо, за отступничество русской церкви отъ православія при Никонѣ Патріархѣ, таинство брака все таки существуетъ, такъ какъ оно состоитъ не въ обрядѣ вѣнчанія, а въ самомъ актѣ супружескаго сожительства. – И этотъ разговоръ велъ не туда, куда мнѣ было нужно – мнѣ нужно было прямо высказать Павлу, кто я и чего я хочу, но за дверьми и въ дверяхъ стояла толпа приказчиковъ, сидѣльцевъ и мальчиковъ, созванныхъ нарочно хозяиномъ послушать Павла и нашъ диспутъ о вѣрѣ. Иванъ Васильевичъ поставилъ меня въ пренеловкое положеніе, вообразивъ, что я также основательно знаю святыхъ отецъ, какъ старообрядцы, и что я въ силѣ поддерживать разговоръ съ Павломъ.

Пришлось мѣнять тему, сводя ее съ богословія на политику, на свободу вѣроисповѣданія, на значеніе старообрядцевъ въ Россіи... Хозяинъ и Павелъ довольно сдержанно высказывались на этотъ счетъ. Я сообщилъ имъ, что поповцы уже мѣры принимаютъ къ этому, и помянулъ имъ, что мнѣ въ моихъ путешествіяхъ случалось встрѣтиться съ какимъ-то Поликарпомъ Петровичемъ (приказчиковъ уже не было, когда я это сказалъ), который говорилъ мнѣ, что поповцы очень озабочены ходомъ нынѣшнихъ событій.

– «Какой это Поликарпъ Петровичъ?» спросилъ Павелъ, пристально смотря на меня. «Маленькій, худенькій, блѣдный такой? многоглаголивый?»

– «Ну, вотъ этотъ самый!» – обрадовался я, видя, что, наконецъ, найду разгадку моему таинственному гостю.

– «Такъ это я тебѣ скажу – онъ такъ себя по мірскому назвалъ, а онъ у нихъ епископъ, владыко Пафнутій его зовутъ! Вотъ онъ что! Только ты на него не полагайся, и ему не вѣрь! Я всѣхъ и нашихъ, и ихнихъ знаю! Не такіе мы люди, чтобы и думать о государственныхъ дѣлахъ – намъ и того довольно, что намъ теперь малую малость дали. Наше дѣло больше о наживѣ думать, чѣмъ о вѣрѣ, да объ ея пользахъ! Вотъ что! – А Пафнутій молодъ, горячка, крутить-мутить любитъ, а его никто не слушаетъ...»

Я принялъ эти слова за вражду между согласіями, – но дѣло было сдѣлано, и разговоръ принялъ нужный мнѣ оборотъ, и хозяинъ попросилъ насъ въ заднюю

комнату, понявъ, что я не спроста добивался свиданія съ Павломъ. – Было уже поздно, часовъ съ 10 вечера; завтра нужно было ѣхать въ Москву: – Я пошелъ на удалую.

– «Отецъ Павелъ, сказалъ я, я поведу дѣло на чистоту. Ты вѣдь здѣсь тайкомъ, съ чужимъ паспортомъ, на чужое имя, да еще и не русскимъ подданнымъ, хоть и въ Россіи родился. Ты мнѣ этого не говорилъ, отче, да вѣдь это само собой понимается. Такъ я тебѣ и скажу, что и я здѣсь на такомъ же положеніи: я не Яни, а Кельсіевъ, съ турецкимъ паспортомъ, а живу я въ Лондонѣ, гдѣ печатается все, чего въ Россіи нельзя печатать, и гдѣ добрыя люди стараются, чтобы не только вѣрамъ, но и народу всему свободнѣй стало. Вотъ я и пріѣхалъ повидаться съ послѣдователями Древле-Православнаго Благочестія и посовѣтоваться съ ними, что нужно, какъ сдѣлать, чего хотѣть и куда гнуть». – Затѣмъ я развилъ мои взгляды на роль, какую могли бы занять въ нашемъ движеніи старообрядцы, какъ уже готовыя организаціи. – Павелъ выслушалъ меня внимательно.

– «Ты искренній человѣкъ, – сказалъ онъ мнѣ, – и добра ты людямъ хочешь – это я вижу и понимаю. Только вотъ что я тебѣ по совѣсти скажу – и не думай ты, и не считай ты на нашихъ. Первое дѣло, мы не такіе люди, чтобъ заниматься царскими дѣлами и понимать ихъ – у насъ первое дѣло карманъ себѣ набить, а тамъ хоть весь свѣтъ пропадай; мы о мамонѣ больше, чѣмъ о вѣрѣ Христовой думаемъ. А другое – и леригія наша не позволяетъ намъ противъ начальства итти...»

– «Да постой, отче, не ты-ли жъ сейчасъ говорилъ, что нынѣшнее начальство предтечи антихристовы? Вѣдь и въ писаніи сказано, что въ нынѣшнія последнія времена вѣрные будутъ на Антихриста брань вести».

– «Говорилъ и говорить буду, да только все это понимать надо. Духовное – духовнымъ, а мірское – мірскимъ; Кесарю – Кесареви, а Божіе – Богови. Мы и ведемъ съ ними брань, гдѣ вѣры коснется, – а въ мірскія дѣла ихъ мы не мѣшаемся. Въ житіяхъ нѣтъ примѣра, чтобы христіане бунтовали, да и святые отцы тому не учатъ».

– «Отецъ Павелъ, да вѣдь и я не на бунтъ же зову».

– «Понимаю я это, другъ, что не на бунтъ, – а все же противленіе властямъ выдетъ – это намъ не приходится, да и не нашего ума дѣло понимать, хорошо или не хорошо царь правитъ».

– «И даже полноправія вѣры вашей съ иностранными исповѣданіями не хотите?», – спросилъ я, видя, что ничего не подѣлаешь.

– «Хотѣлось бы, да покуда и того довольно, что теперь дали. Благо хоть не круто поступаютъ съ нами», – отвѣчалъ Павелъ.

– «А я вотъ что скажу, – заговорилъ Иванъ Васильевичъ, уклонявшійся до сихъ поръ отъ всякаго пренія, изъ уваженія къ Павлу. – Я скажу, что оно и для насъ хорошо, что есть въ Россіи господствующая церковь: это въ нашу пользу идетъ».

– «Это какъ?» – такого вывода я уже никакъ не ожидалъ.

– «А не будь ея – тогда-бы безбожники верхъ взяли и нашу бы даже вѣру разорили въ конецъ. Вонъ ихъ сколько теперь, этихъ фармазоновъ, развелось. Покуда есть синотъ, все хоть и неправая, да и, почитай, Христіанская вѣра держится, а отмѣнить его – такъ тутъ безбожникамъ, да что безбожникамъ! однимъ нѣмцамъ, что святыхъ-то не чтятъ, иконоборцамъ этимъ, будетъ такое приволье, что всѣ вѣры въ конецъ разорятъ и послѣднее благочестіе на землѣ переведутъ».

Съ какимъ бы уваженіемъ пожалъ я теперь руку этому Ивану Васильевичу!

Ни въ Москвѣ, ни въ Вержболовѣ, я не забывалъ о Павлѣ, которому обѣщалъ – безъ всякаго съ его стороны вызова, побывать у него въ Пруссіи.

Перейдя границу и добравшись до Столыпянъ, я отправился на югъ, къ Янсбурку (Johannisburg) и доѣхалъ до Филипонскихъ селъ, находящихся всего въ 25-ти верстахъ отъ Сувалокъ. Всѣхъ этихъ селъ восемь, постройка дворовъ полунѣмецкая, полумазурская, языкъ смѣсь русскаго съ мазурскимъ, такъ что съ непривычки филипоновъ даже понимать трудно, — но одежда русская. У нихъ въ первый разъ понялъ я, какую огромную силу распространенія русской народности носитъ въ себѣ расколъ! Большинство филипоновъ, а особливо филипонокъ, вовсе не русскіе, — а мазуры, даже литвины и даже нѣмцы, которыхъ наши раскольники перекрестили въ безпоповство. Цѣлыя семьи лютеранъ и католиковъ переходятъ въ расколъ, потому что простолюдина не удовлетворяетъ ни безобрядная, лишенная поэзіи кирка, ни костелъ съ латинскою мессой и съ высокомѣрнымъ распутнымъ ксендзомъ. Обращенія совершаются постоянно, и я видѣлъ множество такихъ прозелитовъ, въ русскомъ происхожденіи которыхъ каждый бы присягнулъ. Дай правительство поддержку расколу въ западномъ краѣ — онъ бы тамъ чудесъ надѣлалъ; вѣдь онъ ближе къ намъ, чѣмъ католичество и лютеранство, онъ только вѣтвь православной церкви, и вѣтвь прежде всего русская. А у насъ было запрещено даже евреевъ крестить въ старообрядчество, не говоря уже о нѣмцахъ или о полякахъ. Англичане, напротивъ, не пренебрегаютъ своими dissenters въ дѣлѣ усиленія своего вліянія и колонизаціи гдѣ нибудь въ Индіи или на мысѣ Доброй Надежды.

Три дня пробылъ я у Павла въ его монастырѣ подлѣ села Онуфріевки, и три дня толковали мы съ нимъ то о нашихъ стремленіяхъ, то о безпоповщинѣ. Я на него сильно не наступалъ, понявъ сразу, что онъ не выйдетъ изъ своей чисто богословской сферы; я довольствовался дать ему правильное понятіе объ насъ, настолько примирить его съ нашими тенденціями, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не былъ врагомъ ихъ — остальное я откладывалъ въ неопредѣленное будущее, никакъ не ожидая, чтобы паденіе наше было такъ близко. Павелъ — личность чрезвычайно симпатичная, я не могъ къ нему не привязаться. Всю жизнь свою онъ посвятилъ борьбѣ съ изувѣрами, которые считаютъ царя воплощеніемъ сатаны и отвергаютъ законность и возможность брака, замѣняя его развратомъ. Много сдѣлалъ и дѣлаетъ этотъ человѣкъ добраго. Безпоповство его не имѣетъ ничего мрачнаго, отталкивающаго — его любящее сердце сглаживаетъ всѣ шероховатости раскола, и послѣдователи его, сколько я ихъ видалъ, невольно приняли отъ него эту гуманность и мягкость. Много разсказывалъ онъ мнѣ о своихъ трудахъ и борьбахъ съ изувѣрами, о затрудненіяхъ пріобрѣсти первое время послѣдователей, о недовѣріи, которымъ его встрѣчали — слезы навертывались у него на глазахъ, и ни одного рѣзкаго слова не высказалъ онъ о своихъ противникахъ, онъ жалѣлъ ихъ, но вражды и злобы къ нимъ у него не было. — Никогда не забуду я этихъ трехъ свѣтлыхъ дней, проведенныхъ мною въ его кельѣ, которая служитъ ему и библіотекой, и кабинетомъ, и изъ которой я могъ смотрѣть, сколько мнѣ было угодно, на все, происходившее въ смежной съ нею моленной.

Удивительные иноки молились въ ней. Смотря на нихъ, невольно забывалось, что живешь въ XIX-мъ вѣкѣ и находишься хоть и въ захолустьѣ, а все таки въ Пруссіи. Уставъ иноческаго житія соблюдается въ этомъ монастырѣ во всей первобытной строгости: не только пьянство, развратъ, мясная пища изгнаны изъ этихъ стѣнъ — бѣлья тамъ не мѣняютъ, пока оно не сгниваетъ на плечахъ, и мѣняютъ въ потьмахъ, оборотясь лицомъ въ уголъ, чтобы самымъ взглядомъ на свое собственное тѣло, похоть не зародилась въ сердцѣ. Штановъ не носятъ, чтобы не касаться голаго тѣла! Не моются и не чешутся изъ презрѣнія къ плоти, для умерщвленія ея.

Спятъ на голыхъ доскахъ, подкладывая полѣно подъ голову. — Зато и лица у нихъ, у всѣхъ, какого-то масляписто-зеленоватаго цвѣта, волоса покрыты облакомъ пыли, отъ нихъ самихъ идетъ какой-то особенный горькій запахъ, по которому я и теперь за сажень узналъ-бы присутствіе такого монаха. И опять-таки, это вовсе не изувѣры, — это добрые и благочестивые люди, которые, возложивъ на себя обѣтъ, долгомъ считаютъ нести его, какъ слѣдуетъ, не дѣлая себѣ ни малѣйшихъ послабленій — изувѣрство и строгое соблюденіе буквы устава не совмѣстимы; изувѣрство капризъ, увлеченіе фантазіей, презрѣніе правилами, а въ этой иноческой жизни, какую велъ Сергій Радонежскій, Зосима, Саватій, Валаамъ, нѣтъ ничего фанатическаго. Свободное время иноки Павловы читаютъ святыхъ отцовъ и изучаютъ безпоповскихъ писателей. Часть ихъ отливаетъ также мѣдные кресты, которые такъ употребительны у старообрядцевъ, столярничаютъ, переплетничаютъ.

Переплетное заведеніе въ монастырѣ вызвано монастырской типографіей въ Янсбуркѣ, которою завѣдуетъ молодой ученикъ Павла, Константинъ Константиновъ Голубовъ. Павелъ завелъ ее, кажется, въ 1859 году на остатки отъ подаяній, получаемыхъ монастыремъ. Количество шрифта не велико, и онъ печатаетъ имъ небольшія сочиненія собственнаго пера, святцы, азбуки, а послѣднее время завелъ даже газетку. Къ несчастью, слогъ его крайне тяжелъ и напыщенъ, такъ что понять даже трудно, о чемъ у него идетъ дѣло. Типографія эта помѣщается у извѣстнаго Гонсеровскаго, поляка лютеранина, врага шляхты и приверженца Пруссіи, который изъ ненависти къ католикамъ, объявляетъ, что мазуры даже и не поляки и силится замѣнить ихъ славянскій языкъ нѣмецкимъ!

Капитала на развитіе этой типографіи у Павла не было, и онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ моему намѣренію завести печатаніе старообрядческихъ сочиненій въ Лондонѣ. — «Все, пожалуйста, печатай, говорилъ онъ, какъ Пафнутій — и за насъ, и противъ насъ. Надо-же знать, на чемъ другіе основываются, и изъ за чего Церковь Христова разбита на расколы, да ереси. Бьешься-бьешься, чтобъ узнать хоть про вашихъ Никоніанъ, на чемъ вы стоите, — а попы ваши ничего дѣльнаго не написали, а что и написали, такъ не основательно. Доброе дѣло ты затѣялъ, выводи все на свѣжую воду, ничего не таи. Я самъ буду посылать тебѣ всякія рукописи, хоть и противу насъ написанныя...» Вотъ до какой степени и тогда еще въ 1862 году чувствовалась нужда въ изученіи Россіи, — въ народномъ самосознаніи, какъ теперь выражаются. Дѣйствительно, ни православная церковь, ни старообрядческія согласія, ни Духовные, ни Божьи, ни правительство съ обществомъ, никто не можетъ добиться толку, во что вѣруетъ нашъ народъ, разбитый на секты. Отрывочныхъ фактовъ собрано пропасть, но они, именно, по отрывочности-то своей ровно ничего не объясняютъ, какъ показанія нигилистовъ и революціонеровъ, тоже своего рода сектантовъ, не даютъ вѣрнаго понятія, ни о характерѣ нашихъ кружковъ, величаемыхъ тайными обществами, ни о ихъ стремленіяхъ. Счастливъ былъ бы я, еслибъ дожилъ до такого времени, когда правительство разрѣшило-бы написать исторію этого движенія, начиная съ 1855 и кончая хоть тѣмъ-же 1862-мъ, а я бы справился съ этимъ трудомъ, потому что сами участники этого движенія не утаили-бы отъ меня подробностей дѣла. Я такъ хорошо знаю ихъ jargon, ихъ манеры и замашки, что самое мое пониманіе ихъ заставитъ ихъ признаться мнѣ въ томъ, что никакой-бы страхъ наказанія у нихъ не вынудитъ.

Итакъ, хоть въ печатаніи старообрядческихъ книгъ я сошелся съ Павломъ, и онъ мнѣ тотчасъ-же далъ «Поморскіе Отвѣты» для печатанія. Стало, и эта моя поѣздка была не даромъ сдѣлана, стало, я не напрасно рисковалъ, вертясь около русской границы съ паспортомъ не въ порядкѣ. — Въ томъ, что типографія будетъ у

насъ въ Лондонѣ, я не сомнѣвался; значеніе Шебаевскаго кружка тогда еще не утратило въ моихъ глазахъ свою важность, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, деньги на шрифтъ будутъ высланы, — что можетъ и было-бы, еслибъ не пожары и не арестъ Вѣтошникова. — Впрочемъ, надо и то сказать, что старообрядцы не чувствовали и не чувствуютъ особой надобности въ заведеніи типографіи. Литература у нихъ большая, но они любятъ печатать только то, что, по ихъ мнѣнію, можетъ вполнѣ выдержать критику; по этому каждый ихъ писатель, прежде чѣмъ выпуститъ изъ рукъ свое сочиненіе, разъ двадцать пересмотритъ его со своими пріятелями и разъ двадцать сократитъ и удлинитъ его по ихъ совѣту. Несмотря на такой античный способъ изданія, въ рѣдкомъ ихъ сочиненіи нѣтъ какой-нибудь главы, которую все согласіе не признавало-бы еретическою, и изъ за этой одной главы все сочиненіе остается подъ спудомъ, во избѣжаніе соблазна. Отъ этого, при всемъ богатствѣ ихъ литературы, въ ней очень мало классическихъ сочиненій, и хоть очень легко завести печатаніе въ Яссахъ, въ Цареградѣ, во Львовѣ. въ Черновцахъ — но они рѣдко пользуются этимъ удобствомъ, чтобъ не «сконфузиться». Поэтому мой планъ, печатанія въ Лондонѣ, вовсе не былъ вызванъ ихъ собственными потребностями, а былъ искусственно созданъ мною, и хоть былъ во всякомъ случаѣ полезенъ, какъ средство къ изученію Россіи, но могъ легко не найти себѣ сочувствія въ капиталистахъ, — а безъ «вельможъ» ничего и подѣлать нельзя было: — все это, разумѣется, я понялъ уже гораздо позже.

Тепло простились мы съ Павломъ. Мы шли разной дорогой, наши вѣрованія были діаметрально противуположны, но любовь къ людямъ была у насъ, у обоихъ единственной пружиной всѣхъ дѣйствій. Мы оба на все были готовы, только-бъ доброе сдѣлать. — Сѣренькій весенній день стоялъ на дворѣ. Въ почтовую карету лошадей закладывали, мы стояли съ Павломъ, опершись на заборъ, и потихоньку разговаривали о трудахъ и борьбѣ, которую намъ обоимъ приходилось испытывать, и съ которою я уже такъ познакомился въ Москвѣ.

— Горько мнѣ стало, какъ я припомнилъ всю эту безтолочь. Въ рукахъ у меня было красное яйцо.

— «Знаешь что, отче, — сказалъ я въ тоскѣ, — кто хочетъ услужить людямъ, — согнуться въ три погибели долженъ передъ ними. Голоденъ человѣкъ — мало что ты принесешь ему яичко! Нѣтъ, ты-же его испеки, да ты-же облупи, разрѣжь, посоли, въ ротъ положи и въ ножки поклонись — попроси, чтобы скушалъ!»

— «Правда, твоя святая правда! — сказалъ Павелъ — ты до этого по себѣ дошелъ, а я тоже по себѣ. Въ разныя мы стороны идемъ, а видно сердца-то у насъ одинаковыя...» И у него навернулись слезы.

До сихъ поръ не могу я забыть этого инока съ огненными глазами, съ насмѣшливымъ лицомъ и съ сердцемъ, какихъ немного на свѣтѣ...

Иностранецъ, въѣзжающій въ Россію, отдаетъ свой паспортъ русскому правительству и получаетъ отъ него видъ на жительство а, когда нужно, — на выѣздъ за границу. Въ мартѣ 1862 года, когда я пріѣхалъ въ Россію, разнесся откуда-то слухъ, что этотъ порядокъ отмѣненъ, а что иностранцы могутъ и у насъ, какъ повсюду въ Европѣ, проживать съ своими національными паспортами и съ ними же выѣзжать за границу. Всѣ, кого я объ этомъ ни спрашивалъ, подтверждали этотъ слухъ, — а я былъ очень радъ не являться въ канцеляріи С. Петербургскаго или Московскаго генералъ-губернаторовъ, такъ какъ у нихъ, слышалъ я, служили мои товарищи по училищу, которые ужъ ни какъ-бы не преминули броситься мнѣ на шею и назвать

меня по фамиліи. Въ Петербургѣ паспортъ мой не былъ въ полиціи, въ Москвѣ тоже не былъ, а просто полежалъ въ конторѣ Челышевскихъ номеровъ, и я выѣхалъ съ нимъ назадъ, совершенно увѣренный, что задержки не будетъ.* – Къ великому моему ужасу и смущенію, на Вержболовской станціи я увидѣлъ, что у всѣхъ пассажировъ – нашъ вагонъ былъ весь изъ иностранцевъ – паспорты русскіе, а только у меня, да еще у какого-то нѣмца – подмастерья, національные. Покуда я съ нѣмцемъ объяснялъ члену таможни свое невѣдѣніе въ законахъ, и просилъ его снисхожденія, – поѣздъ ушелъ, а членъ объявилъ, что онъ не виноватъ, сдѣлать ничего не можетъ и совѣтывалъ намъ съ первымъ поѣздомъ отправиться въ Ковно и тамъ исправить нашу оплошность. Не знаю, какъ для нѣмца, а для меня не было ничего привлекательнаго въ такой поѣздкѣ, я и такъ уже измучился ожиданіемъ, что меня каждую секунду арестуютъ, а арестъ былъ-бы для меня сигналомъ смерти. Я твердо рѣшился никого не выдавать, а какъ это не совсѣмъ легко сдѣлать, и какъ мнѣ заодно грозила-бы или вѣчная тюрьма, или вѣчная каторга, то я былъ намѣренъ, первымъ осколкомъ стекла, заостреннаго оловянной пуговицей, чѣмъ попало, проколоть себѣ артеріи въ постелѣ, подъ одѣяломъ, – а если-бъ и это меня не убило, то доканать себя животнымъ магнетизмомъ (гипнотизмомъ), что, при моемъ нервномъ темпераментѣ, дня въ два можетъ довести меня до удара. Стало, выѣздъ изъ Россіи какъ можно поспѣшнѣй былъ для меня вопросомъ жизни и смерти, Гамлетовскимъ to be or not to be. Поэтому я съ большимъ участіемъ обратилъ вниманіе на какого-то солдата-еврея, который, во все время моихъ сознательно ненужныхъ объясненій съ членомъ, какъ-то удивительно подмигивалъ мнѣ, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, ни даже вѣками: – такъ подмигивать должно быть только онъ одинъ и умѣетъ, я другихъ подобныхъ фокусниковъ не видалъ.

– «Drei Rubel geben sie?» спросилъ онъ меня не слышно и не шевеля губами, когда я подошелъ къ нему, будто не обращая на него вниманія.

– «Ja wohl!»

– «So, warten sie nur». – И я остался ждать, отдаваясь въ руки судьбы, со всею покорностью усталаго.

Станція мало по малу опустѣла. Остался я, подмастерье, да еще какой-то господинъ въ бобрахъ, въ золотыхъ очкахъ, съ безконечными русыми баками. Еврей шнырялъ изъ двери въ дверь, издавая какъ-то беззвучно: Warten sie nur, warten sie! – Господинъ въ бобрахъ обратился ко мнѣ, по нѣмецки.

– «Васъ тоже задержали?»

– «А васъ задержали?»

– «Помилуйте, – заговорилъ онъ чуть не со слезами. – Я гамбургскій купецъ, у насъ большой торговый домъ, – векселя, сроки – я спѣшу – меня увѣрили, что мѣнять паспорта не нужно, – а теперь въ Ковно – я не знаю – сроки...»

– «Да, скверно, – подтвердилъ я, – я тоже спѣшу».

– «А вы кто такой?»

– «Кельнеръ, спѣшу въ Лондонъ на выставку, можетъ быть лонъ-лакеемъ удасться сдѣлаться...» Ужъ не знаю, почему мнѣ вздумалось назвать себя кельнеромъ.

– «Ахъ, какое счастье, что вы кельнеръ! Вы стало быть разные языки знаете! If you do speak english, – pray, – let the people do not understand us...»

– «I do». И разговоръ пошелъ по англійски.

---

* Фантастическіе страхи, которые я испыталъ при выѣздѣ изъ Россіи, разсказаны мною почти безъ измѣненія въ моей статьѣ «Психологическія Замѣтки», Отечественныя Записки, Февраль 1865. Я тамъ выставилъ себя бѣгущимъ нигилистомъ.

— «Предлагалъ вамъ этотъ солдатъ перевести васъ за границу?»

— «Три рубля проситъ», отвѣчалъ я.

— «И вы рѣшаетесь?»

— «А само собой — все-же лучше, чѣмъ терять время».

— «Я не знаю — можетъ, онъ обманетъ, можетъ, это опасно — поймаютъ — тюрьма — непріятности — Я не знаю на что рѣшиться. А вы рѣшились?»

— «Разумѣется, рѣшился! что-жъ больше дѣлать? По неволѣ прибѣгнешь къ его помощи».

— «Я не знаю — сроки — такъ это непріятно — мнѣ сказали, что не нужно мѣнять паспортъ — варварская сторона и варварскіе порядки! — И вы такъ-таки рѣшаетесь. Можетъ быть, у васъ есть кинжалъ или револьверъ?»

— «Ничего кромѣ перочиннаго ножа».

— «Да какъ-же безъ оружія?» — окончательно растерялся бѣдный купецъ.

— «Да что-жъ я сдѣлаю оружіемъ? Изъ маленькаго дѣла — уголовное. — Попадусь я просто — посадятъ въ тюрьму и выпустятъ, а попадусь вооруженный, только подозрѣніе возбужу...»

— «Правда, — но я не могу рѣшиться!»

Такъ онъ и не рѣшился, — и отправился куда-то ночевать.

Стало меркнуть. Зажгли лампы. Чиновники приходили пить чай и опять ушли... Часамъ къ десяти буфетъ опустѣлъ, огни погасли, только сальная свѣчка горѣла на стойкѣ. Повара, кельнеры, мѣнялы вышли выпить на сонъ грядущій. Съ ними явился какой то человѣкъ, угрюмаго вида, одѣтый, какъ наши нѣмцы — колонисты.

— «Вы отправляетесь тоже?» спросилъ онъ меня, пошептавшись съ подмастерьемъ.

— «Ja wohl».

— «Drei Rubel».

— «Gut».

— «Etwas später».

— «Gut».

— «Вы не бойтесь, — заговорили повара, кельнеры и мѣнялы — у насъ это дѣло привычное. Онъ хорошій человѣкъ и знаетъ это дѣло. У насъ это каждую почти ночь...»

Я отвѣчалъ, что вполнѣ полагаюсь на его опытность и безконечно обязанъ имъ за ободреніе. — Явился еврей, знаками показалъ, чтобы мы брали вещи и чтобы слѣдовали за нимъ. Онъ двинулся впередъ, за нимъ подмастерье, за подмастерьемъ, я, за мной нѣмецъ. — Тихо, чуть слышно шагая, прошли мы таможенное зало, какой-то коридоръ, какую-то комнату, держась другъ за друга въ темнотѣ и вышли на другую сторону станціи, спустились съ пристани и молча пошли по желѣзной дорогѣ переступая съ бревна на бревно. Ночь была темная, вѣтренная, облака клочьями неслись по небу, кое гдѣ мерцали звѣзды. Я оглянулся — огоньки Вержболова умалились, а Эйдкуненскіе становились съ минуты на минуту ярче. Шли минутъ съ десять.

— «Geld, bitte! Drei Rubel!» — прошепталъ вдругъ еврей. Я подалъ ему три ассигнаціи; подмастерье сдѣлалъ тоже самое. — Еще нѣсколько шаговъ прошли мы.

— «Кто идетъ?» послышалось въ темнотѣ, но какъ-то не громко, — Я поднялъ голову и различилъ часового въ тулупѣ и съ ружьемъ.

Еврей бросился къ нему.

— «И тише! И зачѣмъ кричать! Вотъ тебѣ рубль за одного; вотъ тебѣ рубль за другого; — самъ видишь — только двое, — я по совѣсти...»

— «Поди ты къ чорту, — ругался солдатъ, — и вы всѣ пошли! Ничего мнѣ не надо». И онъ взялъ ружье на перевѣсъ — штыкъ пришелся прямо противъ моей груди. Я стоялъ и ждалъ, что дальше будетъ, дѣлая видъ, что не знаю по русски. Ворочаться было-бы хуже, чѣмъ погибать на мосту.

— «И отчего-жъ не надо? И что тебѣ за польза не пускать?»

— «Провались ты, анаѳема! — жидъ проклятый! — Только въ бѣду попадешь съ вами! Покою ни одну ночь не даете. Пошли, пошли!»

— «И некогда съ тобой говорить, — трещалъ еврей. — Вотъ тебѣ рубль, вотъ другой. И конецъ. Marsch! Gehen sie! Gute Nacht!» — Но часовой все еще не перемѣнялъ положенія, хотя еврей и всунулъ ему въ руку двѣ бумажки. Евреи всегда насильно покупаютъ и людей, и товары, всовывая деньги такъ проворно, что и опомниться не дадутъ.

— «Ишь, проклятый, знаешь, что въ темнотѣ не разберетъ человѣкъ, какія ты бумажки далъ, можетъ и вовсе не деньги. Хоть бы серебра...»

Я, чтобы кончить дѣло, выхватилъ изъ жилетнаго кармана нѣсколько мелочи и сунулъ часовому.

— «Ну идите — пропадетъ человѣкъ за доброту свою, — ворчалъ онъ, сторонясь къ периламъ, — ни за грошъ пропадетъ! Вотъ анаѳемская-то служба!»

И тутъ-же ноги мои услышали, что круглыя русскія балки, по которымъ я ступалъ, кончились, а пошли тесанныя, прусскія, — и стало мнѣ грустно. Прощай, мать земля русская, сказалъ я себѣ, когда-то и какъ-то я опять увижу тебя! —

И вотъ черезъ пять лѣтъ, я не выдержалъ и явился въ нее арестантомъ, какъ ни страшно было рѣшиться на это.

Я нарочно подробно разсказалъ этотъ эпизодъ моей исторіи. Мнѣ хотѣлось показать, какъ безсильна наша сложная и дорогая паспортная система, а съ ней вмѣстѣ и охраненіе границъ нашихъ, противъ каждаго, даже не смѣльчака, имѣющаго интересъ въ нарушеніи ихъ. Тысячи поляковъ, арестантовъ, бродягъ, мошенниковъ, контрабандистовъ шныряетъ изъ Россіи за границу и изъ за границы въ Россію, не принимая, какъ я, никакихъ особенныхъ предосторожностей. Мелкія мошки, разумѣется, вязнутъ въ паутинѣ, но крупныхъ она не удерживаетъ.

Если она и удерживаетъ кого, то развѣ турецкихъ и австрійскихъ славянъ, особенно галичанъ, отъ сближенія съ нами и отъ переселенія въ Россію, а больше я не видалъ отъ нея пользы. Я не умѣю сказать, что нужно сдѣлать и чѣмъ замѣнить этотъ традиціонный порядокъ, — но замѣченный мною фактъ его несостоятельности я считаю обязанностью указать правительству. — Огоньки Эйдкунена все свѣтлѣли да свѣтлѣли. Я шелъ за проводникомъ, одѣтымъ по колонистски — еврей вернулся въ Вержболово. — Я невольно раздумывалъ, какъ это легко и дешево дѣлаются у насъ подобныя дѣла. Въ умѣ у меня немедленно мелькнула мысль воспользоваться этой кажущейся строгостью нашихъ пограничныхъ порядковъ. Я не могъ не смекнуть, что паспорты, заставы, стража — декораціи, холщевыя кулисы, которыя только издали кажутся лѣсами дремучими, горами непроходимыми, и что въ сущности они только отъ публики загораживаютъ актеровъ и машинистовъ, давая имъ возможность разучивать роли втихомолку, да подготовлять разные эффекты и превращенія.

— «Вы кто-же такой?» заговорилъ я съ этимъ колонистомъ, пока мы пробирались уже полями къ Эйдкунену.

— «Кирпичный мастеръ — при постройкѣ станцій работаю».

— «И часто вамъ приходится переводить путешественниковъ черезъ границу?»

— «Часто».

— «Я удивляюсь, какъ это удобно и хорошо у васъ заведено! — поддѣлывался я къ нему. — Вѣдь этакъ можно, я думаю, и товары разные переправлять на русскую сторону?»

— «Можно. Warum nicht! Только здѣсь это не совсѣмъ удобно».

— «Отчего-же?»

— «А вамъ нужно что нибудь переправить?»

— «Гм-н-да — еслибъ я нашелъ вѣрнаго человѣка...»

— «Большая вещь? — Большія вещи здѣсь тѣмъ неудобно, что русская таможня цѣлыхъ пять станцій осматриваетъ товары...»

— «Нѣтъ, у меня были-бы сундуки или ящики, такъ фута въ два длины, въ футъ ширины и въ футъ вышины».

— «А поменьше нельзя?»

— «Можно и поменьше, по футу длины...»

— «Тогда кондуктору можно отдавать, — а вамъ куда посылать?»

— «Гм — въ Петербургъ, напримѣръ».

— «Жаль, что не въ Ковно — впрочемъ изъ Ковно можно будетъ пересылать въ Петербургъ. А что у васъ будетъ въ этихъ ящикахъ? Оружіе, должно быть, порохъ?»

— «Ой нѣтъ! книги — газеты: вы знаете, какая цензура въ Россіи».

— «Такъ это пустяки — и я за это возьмусь».

— «И прекрасно — мнѣ очень пріятно вести съ вами дѣло, я ужъ имѣлъ случай убѣдиться въ вашей благонадежности. Обдумайте, что вы возьмете за ящикъ, — а мнѣ по два въ мѣсяцъ нужно будетъ высылать, и скажите мнѣ завтра, — а покуда, выпьемъ по кружкѣ пива, для начала знакомства».

И мы вошли въ гостинницу, гдѣ залы были полны всевозможными нѣмецкими пограничными и не пограничными чиновниками. — Никто не обратилъ на меня вниманія, — а сердце всетаки было не на мѣстѣ.

Утромъ мы сторговались. Выходило что-то около десяти процентовъ, если не меньше, съ огромнѣйшей кипы «Колокола» и прочихъ изданій. — Это было все же дешевле тогдашней цѣны ихъ въ Россіи, и давало возможность распространять ихъ сколько душѣ угодно. Я условился съ Германомъ, такъ, помнится, звали его, что онъ по первому вызову моему явится въ Кенигсбергъ, куда я собирался вызвать Серно-Соловьевича, такъ какъ улаживать это дѣло въ маленькомъ городкѣ значило бы обращать на себя вниманіе, — написалъ письмо женѣ, что я выѣхалъ изъ Россіи, но долженъ провести съ мѣсяцъ въ Пруссіи, — а поѣхалъ въ Столыпянъ, чтобы оттуда направиться къ Павлу. Изъ Столыпянъ я написалъ Серно-Соловьевичамъ письмо, по женскому адресу, что я напалъ на великолѣпный случай дешево купить кружева, блонды, мантильи и т. п. по цѣнѣ втрое дешевле Петербургской, и что, если-бы (эта дама) захотѣла открыть модный магазинъ, то она могла-бы пріѣхать къ такому-то числу въ Кенигсбергъ, найти въ отелѣ Deutsches Haus человѣка, который просилъ меня извѣстить ее объ этомъ. — Затѣмъ я побывалъ у Павла и къ назначенному числу уже былъ въ Кенигсбергѣ.

Дня три-четыре проскучалъ я въ этомъ городѣ, отъ скуки изучая тамошнихъ сектантовъ (Frei-evangelische Gemeinde), и уже думалъ, что придется ѣхать въ Лондонъ, не устроивши контрабанды, какъ вдругъ получилъ изъ Эйдкунена депешу отъ неизбѣжнаго Ничипоренки: «Я буду въ Берлинѣ. Будь готовъ на станціи въ такомъ часу.» Стало быть Серно-Соловьевичи поручили ему дѣло, и мнѣ остается только ѣхать далѣе, — я покорился судьбѣ: нельзя-же было устраивать контрабанду, не сговорясь съ получателями ея въ Петербургѣ.

Ничипоренко одобрительно пожалъ мнѣ руку и объявилъ, что онъ отправляется закусывать.

— «Да постой, — что̀-жъ мнѣ? брать билетъ въ Берлинъ и ѣхать съ тобой?»

— «Ну, разумѣется...» И онъ съ напускнымъ видомъ закаленнаго агитатора отправился въ столовую.

Я только руками развелъ.

Вагонъ полонъ былъ русскими, никто не былъ мнѣ знакомъ, Ничипоренко ораторствовалъ и удивлялъ всѣхъ умѣньемъ каждый пфенигъ и зильбергрошъ перекладывать на копѣйки съ вычисленіемъ даже курса... Переговорить съ нимъ удалось только на шестой или на седьмой станціи.

— «Да Серно-Совольевичъ-то что̀-же?»

— «Пріѣдетъ — будь покоенъ».

— «Куда-жъ онъ пріѣдетъ?»

— «Сначала въ Кенигсбергъ, какъ ты назначилъ, а потомъ въ Берлинъ».

— «Такъ зачѣмъ-же ты меня вытащилъ изъ Кенигсберга».

— «Да вѣдь тебѣ все равно надо въ Берлинъ!»

— «Серно-Соловьевичъ поручилъ тебѣ телеграфировать и увезти меня?»

— «Нѣтъ, онъ этого не поручалъ — я думалъ...»

— «Я, Андрей Ивановичъ, думаю, что ты или глупъ непроходимо, или непроходимо не способенъ — и лучше-бы ты не совался, куда тебя не просятъ...»

Пришлось телеграфировать въ Кенигсбергъ, что я въ Берлинѣ. Воротиться я не могъ, потому-что денегъ не хватило-бы доѣхать до Лондона.

Прошло дней пять. Явился Александръ въ Берлинъ и, разумѣется, съ упреками. Больной, занятой, онъ все бросилъ по моему письму, даже денегъ мало съ собою взялъ, только до Кенигсберга...

Поѣхали мы съ нимъ въ Кенигсбергъ, телеграфировали Герману — отвѣта не было. Серно-Соловьевичъ злился, сомнѣвался въ успѣхѣ, винилъ меня, — словомъ, мнѣ пришлось очень жутко: и прусской полиціи страшно, и съ Александромъ ссориться нельзя, — я сдѣлалъ другой маневръ, завелъ себѣ фактора. Подъ видомъ изученія Кенигсберга, въ качествѣ любознательнаго путешественника, я узналъ отъ него все, что было нужно о контрабандистахъ.

Контрабанда въ Россію устроена въ этой части Пруссіи на такихъ прочныхъ и широкихъ основаніяхъ, что не то удивительно, если я затѣялъ примѣнить ее къ нашей пропагандѣ, а то, какъ не распорядительны были всѣ наши кружки и агитаторы, что въ семь лѣтъ (1855–62) своего существованія и словоизверженія не воспользовались ею для ввоза въ Россію запрещенныхъ изданій, которыми только и дышали — я не даромъ утверждаю, что эти люди виноваты только въ фразерствѣ, и исторія заклеймитъ ихъ названіемъ «неспособныхъ», тогда какъ правительство, о «неспособности» котораго столько кричали мы эти семь лѣтъ, оказалось очень ловкимъ и очень дѣятельнымъ.

Цѣлыя улицы новаго города заняты въ Кенигсбергѣ конторами, подъ вывѣсками Expedition et Commission. Въ окнахъ этихъ конторъ выставлены модели нагруженныхъ фуръ съ погонщикомъ и шестеркою лошадей. Конторы устроены очень прилично, тутъ и бухгалтеръ, и кассиръ, и экспедиторъ, и писцы, — касса, прессъ, прейскуранты — словомъ, все какъ слѣдуетъ. Я перебывалъ въ десяти, я думаю, подобныхъ заведеніяхъ, и разговоръ мой съ конторщиками или хозяевами былъ неизбѣжно слѣдующій:

— «Я-бы желалъ поговорить съ вами наединѣ?»

— «Вамъ переслать что нибудь нужно?»

— «Да. Только наединѣ...»

— «О не безпокойтесь — у насъ нѣтъ секретовъ, это наша профессія».

— «Понимаю — только товаръ мой...»

— «Оружіе, можетъ быть, или порохъ — мы привыкли къ этому — вы можете прямо говорить...»

— «Книги и газеты» — рѣшаюсь я наконецъ, оглядываясь по сторонамъ. А на меня никто вниманія не обращаетъ, такъ къ этому привыкли.

— «На какую сумму?»

— «Первый разъ талеровъ на сто».

— «Мы сдѣлаемъ сейчасъ-же контрактъ, дадимъ вамъ залогъ, съ тѣмъ, чтобы по доставкѣ на мѣсто было уплачено намъ столько-то процентовъ. Домъ нашъ извѣстенъ своею аккуратностью, пользуется отличною репутаціею и довѣріемъ негоціантовъ, — вы можете совершенно смѣло войти съ нами въ дѣла. — Если еще тѣнь сомнѣнія остается у васъ, — извольте просмотрѣть наши книги и корреспонденцію, справиться о насъ у такихъ-то негоціантовъ, и вы сами убѣдитесь, что имѣете дѣло съ порядочными людьми. Да, кромѣ того, намъ даже очень лестно содѣйствовать вамъ въ просвѣщеніи этихъ русскихъ свиней (я былъ тогда полякомъ) и въ разрушеніи ихъ варварскихъ законовъ о печати...»

Я ничего не преувеличиваю. Пусть кто либо изъ особъ, которыя прочтутъ мою исповѣдь, нарочно, проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ (или Тильзитъ) зайдетъ въ первую Expedition et Commission и попробуетъ сдѣлать предложеніе провезти въ Россію что угодно — онъ непремѣнно услышитъ все это, — отъ него не потребуютъ рекомендацій и не будутъ стѣсняться, условливаясь съ нимъ, никѣмъ, ни даже полиціей. Контрабанда совершается въ гигантскихъ размѣрахъ, она сложилась въ правильный промыселъ, и если пріискивать средства унять ее — объ уничтоженіи и думать нечего, — то развѣ только изученіемъ ея на мѣстѣ. — Но для этого нужны ловкіе люди, люди бывалые, тертые, — а такихъ мало на службѣ... Тутъ волонтеры нужны, — а гдѣ у насъ ихъ набрать? у насъ переводятся съ каждымъ днемъ отважные люди въ родѣ казаковъ завоевателей Сибири и прежнихъ купцовъ, добиравшихся до Индіи и до Калифорніи — характеры замѣтно мельчаютъ, удаль и смѣтка убываетъ, а существуй теперь старое поколѣніе удальцовъ, сослужили-бы они службу правительству. Удалыхъ головъ на вольныхъ плечахъ мало осталось послѣ Петра, отвыкли люди отъ самостоятельной дѣятельности, а, если и спасло это насъ отъ революціи, то и губитъ трудностью добыть то, чему учатъ насъ столько лѣтъ нѣмецкіе, французскіе и польскіе публицисты — русскихъ агентовъ за границею, агентовъ на всякое дѣло, на всѣ руки, которымъ-бы и указывать было не нужно, что дѣлать и какъ дѣлать, которые-бы, попавъ въ бѣду или ошибку сдѣлавъ, не вводили-бы правительство ни въ хлопоты, ни въ отвѣтственность — сами-бы изъ воды сухи выходили. Будь у насъ такіе люди — а ихъ даже искусственно создать можно — не было-бы польскаго вопроса, да и Австрія съ Турціей едвали-бы существовали, — не говоря уже о какой нибудь контрабандѣ, фабрикаціи фальшивыхъ бумажекъ, католической пропагандѣ и тому подобныхъ мелочахъ. Нѣтъ у насъ человѣка, который сумѣлъ-бы отыскать и направить на путь такихъ дѣятелей.

Контрактъ былъ сдѣланъ, Александръ успокоился, и мы разъѣхались. Онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ устроить складъ и пріискать адресъ, куда контрабандисту доставлять посылки, — а я прямо въ Лондонъ, черезъ Берлинъ и Гамбургъ. — Этимъ и заключилась моя поѣздка, не принесшая никакой пользы дѣлу и погубившая стольких человѣкъ. —

Въ Лондонѣ уже почти всѣ узнали, что я ѣздилъ не въ Италію, а въ Россію. Герценъ, Огаревъ и жена моя, разумѣется, молчали, но Бакунинъ не выдержалъ — нужно было шику задать нашей дѣятельностью и ловкостью. — Онъ разболталъ по секрету Мартьянову и Альбертини. Мартьяновъ только пуще озлился на меня, узнавъ, что я въ самомъ дѣлѣ въ связяхъ съ народомъ, а Альбертини надулся, что я не разсказалъ ему, съ кѣмъ я видѣлся въ Петербургѣ. Альбертини, какъ и всѣ тогдашніе диллетанты политики, чрезвычайно легко относился къ дѣлу и молчаніе объ именахъ, знать которыя ему не было ни малѣйшей нужды, принималъ за недовѣріе. Съ Бакунинымъ мы тоже не поладили — какъ было открывать все человѣку, который ничего скрывать не умѣетъ?

Но Герценъ и Огаревъ отнеслись серьезнѣе къ моей «Одиссеѣ», какъ они назвали мои похожденія. Они ясно поняли, что хотя, строго говоря, и ничего не было сдѣлано — но задатки были положены прочные, и что движеніе, поддерживаемое ими, грозитъ или революціей, или реакціей, если не будетъ приведено въ систему. Я горячо адвокатствовалъ за диктаторство — это было sine qua non при тогдашнемъ положеніи дѣлъ — и указывалъ имъ, что если они не возьмутся управлять, то все ихъ значеніе попадетъ въ руки перваго удальца, болѣе смѣлаго, чѣмъ толковаго, который поведетъ молодежь на улицы, отдастъ ее на убой черни и заставитъ правительство распорядиться по французски — разстрѣливать en masse. А что такой господинъ могъ явиться тогда, было внѣ всякаго сомнѣнія: всѣ кружки чувствовали потребность въ организаціи и въ солидарности — одного ловкаго человѣка нужно было, чтобъ подчинить ихъ себѣ каждый порознь и, не раздражая самолюбія и честолюбія вожаковъ, заставить ихъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ. Будь наши тогдашніе вожаки по-распорядительнѣй, займись дѣломъ организаціи, какъ слѣдуетъ, разъѣзжай по Россіи изъ конца въ конецъ, отыскивая всѣхъ, кто пѣтушился на правительство, и соедини ихъ всѣхъ воедино уже простымъ личнымъ знакомствомъ съ ними — и было-бы дѣло сдѣлано. Недѣловитость, теоретичность, распущенность, тяжесть на подъемъ, — вотъ что уходило ихъ, этихъ псевдо-революціонеровъ и микроскопическихъ великихъ людей.

Герценъ задумался — долго не соглашался, — наконецъ, послѣ трехъ или четырехъ приступовъ сдался. Но — «ступаетъ старость осторожно и осмотрительно глядитъ». — Огаревъ, еще вовсе не старый по лѣтамъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ такъ-же тяжелъ, какъ слогъ его. Осторожность его до того медленна, что даже неосторожна бываетъ: онъ никогда не станетъ ковать желѣза пока горячо, — а Герценъ ничего не сдѣлаетъ безъ его санкціи.

Огаревъ сталъ обдумывать, продумывать по частямъ, останавливался надъ подробностями — словомъ, время шло, а дѣло не двигалось. Только одну (первую и послѣднюю) посылку «Колокола» удалось мнѣ отправить въ Кенигсбергъ, — а что съ нею сдѣлалось, до сихъ поръ не знаю; арестъ Вѣтошникова всю мою паутину разорвалъ.

Нужно было напечатать на листкахъ, не больше игорной карты каждый, семь пунктовъ, о которыхъ было условлено въ Москвѣ. Эти листки распространить бы въ народѣ, безъ всякихъ коментаріевъ, чтобы знали, по крайней мѣрѣ, о чемъ думать, что хотѣть отъ правительства, чтобъ самому правительству дать возможность узнать, къ чему ему слѣдуетъ готовиться. — Огаревъ ссылался на свои «Что нужно Народу?», «Что нужно Духовенству?», «Что нужно войску?», брошюрки, написанныя имъ по настоянію и моему, да и всѣхъ пріѣзжихъ, такъ какъ никто не зналъ, чего хотѣть, хотя и всякій лѣзъ въ реформаторы. Но брошюрки эти были и черезчуръ длинны, да и высказанныхъ въ нихъ требованій нельзя было исполнить однимъ

указомъ, тогда какъ вся-то задача въ томъ и состояла, чтобы добиваться у правительства уступокъ, которыя оно можетъ сдѣлать, не затрудняя себя особыми комиссіями и приготовительными работами, или даже и затрудняя, то не на долгое время. Думалъ, думалъ Огаревъ о моихъ пунктахъ, колебался, не рѣшался — я такъ и изъ Лондона уѣхалъ, ничего не дождавшись.

И поповцы, и безпоповцы просили меня завести для нихъ газетку. Мой планъ, ими самими одобренный, состоялъ въ томъ, что газетка эта будетъ наполнятся преимущественно ихъ богословскими, полемическими статьями, не разбирая, отъ какой секты или толка онѣ идутъ, — а затѣмъ, разсказывалось-бы о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ сектанты; и уже затѣмъ проводились бы политическіе взгляды. Такую газетку всѣ-бы согласія читали, всѣ-бы ею интересовались и обогащали бы статьями. Она стала-бы связью ихъ между собою и пріучила-бы ихъ смотрѣть на насъ, какъ на людей безпристрастныхъ въ ихъ спорахъ, а главное, поставила-бы насъ въ близкія сношенія съ ними и понемногу развила бы у нихъ наши политическіе взгляды. — «Дайте подумать, Кельсіевъ, дайте подумать. Еще успѣется — надо все хорошенько обсудить» — говорилъ Огаревъ. А между тѣмъ Трюбнеръ, понявъ въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ отъ нетерпѣнія быть издателемъ новаго органа, который могъ-бы доставить ему хорошій барышъ...

Наконецъ, надумался Огаревъ и рѣшилъ, что газета непремѣнно должна будетъ состоять подъ ихъ цензурой. — Я охотно согласился на это, твердо рѣшась своимъ собственнымъ примѣромъ поддержать ихъ диктаторство и вполнѣ убѣжденный, что солидарность съ ними есть необходимое условіе успѣха нашего дѣла.

Покуда я подготовлялъ статьи къ первому номеру, Огаревъ приговорилъ эту газету быть приложеніемъ къ «Колоколу». Что я ни толковалъ, что ни языкъ, ни направленіе, ни содержаніе «Колокола» недоступны простому народу, упрямый Огаревъ стоялъ на своемъ — пришлось покориться, да и отказаться отъ помѣщенія богословскихъ полемическихъ статей.

Половина моихъ статей была забракована. Статьи самихъ старообрядцевъ догматическаго содержанія — тоже не прошли цензуры. Первый нумеръ вышелъ безцвѣтнымъ, а во второмъ я уже и не участвовалъ... Мартьяновъ изъ себя выходилъ, нападалъ на слогъ, на обороты, на направленіе, не знаю, на что — и почти видѣться со мною пересталъ!

Надъ названіемъ газеты долго думалъ Огаревъ — и, наконецъ, придумалъ: «Общее Вѣче». — «Назвать «Вѣчемъ» нельзя, говорилъ онъ, слишкомъ сильно выйдетъ; а эпитетъ «Общее», хоть повидимому усиливаетъ, а въ сущности ослабляетъ.» Меня часто потомъ спрашивали старообрядцы, что значитъ слово «вѣче»? — а мы въ Лондонѣ и не знали, что у нихъ совершенно забыты удѣльныя времена!

Узналъ я, что Кузьма Терентьевичъ Солдатенковъ въ Лондонѣ. — Онъ пріѣхалъ на всемірную выставку — и я рѣшился познакомиться съ нимъ. Мнѣ казалось, что такой меценатъ, издатель, человѣкъ во всякомъ случаѣ понятливый болѣе прочихъ своихъ единовѣрцевъ, не можетъ уклониться отъ такого выгоднаго для нихъ дѣла, какъ печатаніе ихъ книгъ. Трудно было свидѣться съ нимъ, но я настоялъ, и свиданіе наше устроилось.

— «Да какая-же польза будетъ отъ этого печатанія?» — спросилъ онъ меня, когда я изложилъ ему свое дѣло и разсказалъ о Пафнутіи и о моей поѣздкѣ въ Москву.

— «Поставитъ васъ въ самостоятельное положеніе, привлечетъ къ вамъ сочувствіе образованныхъ людей, насъ поддержитъ...» — развивалъ я ему.

— «Ахъ какой это Пафнутій съ Шебаевымъ горячій и неосторожный!— отозвался Солдатенковъ. — Я боюсь, чтобъ такое дѣло не поссорило насъ хуже съ правительствомъ!»

Я опять началъ толковать ему въ томъ смыслѣ, какъ тогда было принято говорить о правительствѣ, и какъ на него тогда смотрѣли.

— «Я такъ боюсь, — говорилъ какъ-то безпокойно Солдатенковъ. — Вы знаете, что я подъ строгимъ надзоромъ. За мной всюду слѣдятъ. Вѣдь вы это знаете?»

— «Знаю», отвѣчалъ я, чтобы не уронить въ глазахъ его нашего пресловутаго Лондонскаго всевѣдѣнія, о которомъ тогда говорили столько чудесъ.

— «Ну, вотъ видите, вотъ и вы сами знаете, вѣдь у васъ все извѣстно! Слѣдятъ! Даже въ Парижъ отправлены за мной агенты, куда ни выйду, ужъ такъ и знаю кто нибудь стоитъ изъ нихъ и смотритъ на меня — и смотритъ, такъ и смотритъ! Меня даже знакомые предупреждаютъ всѣ, чтобъ я осторожнѣй былъ». — Онъ, кажется, нѣсколько тронутъ на этомъ пунктѣ — по крайней мѣрѣ, когда онъ мнѣ толковалъ, что за нимъ слѣдятъ, онъ мнѣ показался мономаномъ. Кончили мы на томъ, что онъ поговоритъ въ Москвѣ, посовѣтуется, надо подумать — короче я понялъ, что съ его стороны ждать нечего безъ энергическаго содѣйствія Пафнутія и его кружка.

Нужно было писать имъ. Обыкновенно переписка шла черезъ пріѣзжихъ, возвращавшихся въ Россію; каждый за честь почиталъ отвезти письмо отъ насъ; даже просили насъ давать порученія. — Но я все остерегался, все боялся довѣрить свое дѣло первому встрѣчному; обыскъ по подозрѣнію на границѣ могъ все погубить. Я ждалъ вѣрнаго случая — и, на бѣду мою, дождался...

Тихій и скромный этотъ человѣкъ Вѣтошниковъ, — никогда и ни во что онъ не мѣшался. Былъ онъ исправный чиновникъ прежде, потомъ сталъ исправнымъ и толковымъ помощникомъ агента пароходнаго сообщенія между Петербургомъ и Гулемъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами этихъ пароходовъ — и жениться собирался осенью. Съ восторгомъ разсказывалъ онъ мнѣ и женѣ моей о своей невѣстѣ, о планахъ на будущее... Боже мой! какъ мнѣ тяжело писать о немъ — я сколько намучился въ эти пять лѣтъ, думая о немъ...

Онъ пріѣхалъ въ Англію почти хозяиномъ парохода и также выѣзжалъ изъ Англіи. Капитаны, матросы, таможенные чиновники, всѣ его знали — кто сталъ-бы его обыскивать? Онъ принялъ корреспонденціи, какъ всякій тогда принялъ бы: онъ такой мягкій, такой любящій человѣкъ, онъ не въ силахъ-бы былъ отказаться, если-бъ захотѣлъ отказываться. Онъ покорился духу времени; что онъ сдѣлалъ, то тысяча другихъ дѣлали, — онъ виноватъ только тѣмъ, что подвернулся въ недобрый часъ, когда правительство было такъ раздражено «Молодой Россіею» и пожарами. — Впрочемъ, я самъ вижу, что я несвязно пишу. Мнѣ тяжело о немъ думать.

Нѣсколько дней я какъ убитый былъ, когда пришло извѣстіе объ его арестѣ. Все было потеряно, и всѣ на насъ опрокинулись съ упреками, съ нравоученіями. А тутъ въ Россіи шелъ крикъ на насъ. — Было душно, невыносимо тяжело. Бѣжать стало потребностью, бѣжать, куда глаза глядятъ — нужно было за дѣло какое нибудь взяться, чтобы въ борьбѣ забыть горе. — Нужно было все заново начинать, — и я уѣхалъ въ Турцію, я не выдержалъ.

Сдѣлаю одно маленькое замѣчаніе. — Мы, въ Лондонѣ, не думали, что появленіе «Молодой Россіи» и пожары были поворотною точкою общественнаго настроенія. Они намъ крѣпко досадили, какъ и журнальныя статьи, вызванныя ими — но мы приняли это за минутный испугъ, за колебаніе и намъ въ голову не приходило, что исторія уже сдала насъ въ архивъ, что мы заживо похоронены — привидѣнія прошлаго. Я понялъ это только черезъ годъ — Герценъ же и Огаревъ годъ тому назадъ вѣровали еще въ «Колоколъ» — (я уже годъ какъ не переписываюсь съ ними и не

вижу ихъ изданій). — Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ иначе не будетъ понятенъ слѣдующій отдѣлъ, о моемъ пребываніи въ Царградѣ.

Взглядъ нашъ на «Молодую Россію» высказанъ былъ Герценомъ въ «Колоколѣ». Она, дѣйствительно, болѣе смѣшна, чѣмъ страшна, — но испугала она потому, что и умѣренные люди такъ же не понимали общественныхъ дѣлъ, какъ нигилисты. Она представилась имъ манифестомъ огромнаго тайнаго общества изъ людей, которые могутъ исполнить свои угрозы, — а мы, въ Лондонѣ, разомъ поняли, что это произведеніе полдюжины мальчишекъ, не понимающихъ даже, о чемъ они говорятъ (религія! — бракъ! — императорская партія!). «Молодая Россія» была необходимымъ слѣдствіемъ неурядицы нашихъ кружковъ и распущенности ихъ вождей — въ ней, какъ и во всѣхъ тогдашнихъ прокламаціяхъ и задорныхъ статейкахъ, все есть, кромѣ практическаго знанія жизни, людей, а въ особенности Россіи. — Нынѣшняя свобода книгопечатанія и самоизученіе народное навсегда покончили съ подобными послѣдствіями долгаго бюрократизма и цензуры, подрывавшими вѣру и въ правительство, и во все, писанное и печатанное не тайкомъ.

О пожарахъ я уже говорилъ. — Прибавлю еще, что я не видалъ даже ни одного нигилиста и ни одного поляка, который даже намекнулъ-бы, что считаетъ пожары средствомъ поднять народъ или радуется имъ, — а со мной — то ужъ и тѣ и другіе говорили по совѣсти, ничѣмъ не стѣсняясь.

Что пожары у насъ принимаютъ страшные размѣры, нѣтъ ничего удивительнаго. Вся Россія деревянная, какъ вся Англія и Франція кирпичныя. Давно-ли у насъ были законы, что крестьяне лѣтомъ ни стряпать въ избахъ не смѣютъ, ни бани топить? Вся исторія Россіи — исторія пожаровъ и, именно, отъ деревянныхъ построекъ, да отъ плохого устройства пожарныхъ командъ. Общество повѣрило, что нигилисты поджигаютъ, — а прежде вѣрило, что поляки даже колодцы отравляютъ, чтобъ холерой насъ выморить. Народъ нашъ только въ крайности можетъ забуянить, а пожаръ доводитъ его до этой крайности, — и сложилось во времена самозванцевъ вѣрованіе, что такъ какъ полякамъ выгодна у насъ неурядица, то они и поджигаютъ — «взбунтовать насъ хотятъ»: а слово бунтъ у насъ вовсе не означаетъ возстанія и революціи, а просто суматоху, неурядицу, безпорядокъ, безсмысленное метаніе изъ стороны въ сторону (отсюда говорится — козелъ бунтовщикъ, пьяница бунтуетъ, бунтъ и гвалтъ, какъ въ школѣ жидовской). Вѣрованіе въ поджигателей поэтому у насъ просто на просто «отеческое преданіе», воспоминаніе о Смутномъ времени.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ЦАРЕГРАДСКІЯ ДѢЛА

Я сказалъ, что, какъ я ни ожидалъ катастрофы, но все таки я не принялъ происшествій лѣта 1862 года за нашу чистую отставку изъ роли дѣятелей русской исторіи. Мнѣ все казалось, что мы еще живы, что мы не призраки прошлаго, не тѣни, — что приговоръ намъ еще не произнесенъ; и потому съ полною вѣрой, хотя и съ разбитымъ сердцемъ, снова пустился въ омутъ политической жизни, и, снова забывая, что люди живутъ не только умомъ, но и преданіемъ, привычкой, сталъ добиваться отъ нихъ невозможнаго и даже, подъ часъ, и вреднаго для нихъ самихъ. — Вредное это была поддержка, которую мы давали полякамъ.

Въ правительствѣ и обществѣ полагаютъ, что поляки много содѣйствовали развитію у насъ революціоннаго духа: — это крайне ошибочный взглядъ. Возник-

новеніе нашихъ кружковъ и ученія ихъ ни въ чемъ не зависѣли отъ польской иниціативы; движеніе, начавшееся въ Крымскую войну и дошедшее до своихъ геркулесовыхъ столбовъ въ 1862 году, было совершенно самостоятельнымъ и неизбѣжнымъ произведеніемъ русской исторіи и русскаго народнаго духа. Постороннее вліяніе на насъ — фантазія.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда я посѣщалъ С. Петербургскій университетъ, поляки не сходились съ нами, какъ мы, — нашъ тогдашній кружокъ, — ни старались сблизиться съ ними, чтобы позаимствоваться у нихъ всякими запрещенными свѣдѣніями. Они такъ противились этому сближенію, что грозили исключеніемъ изъ своей среды каждому, кто только сталъ-бы посѣщать насъ, — а мы всѣ тогда были довольно красные. Такое удаленіе отъ насъ оправдывали они боязнью потерять свою національную индивидуальность и ослабить ненависть къ русскимъ дружбой, общностью интересовъ и вопросовъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ; замкнувшись въ свой міръ, они искусственно раздразнивали въ себѣ польскій патріотизмъ, искусственно возбуждали въ себѣ непримиримую вражду къ намъ, устраняли отъ себя возможность усомниться въ вѣрности своихъ принциповъ, и главное, отлично подготовляли себя въ будущіе агитаторы и повстанцы. — Мы-же, какъ ни лестно было намъ сойтись съ ними, не чувствовали къ нимъ большого уваженія, за ихъ ханжество, за ихъ легитимизмъ — они вѣчно толковали о договорахъ XVII и XVIII вѣка, а намъ было это просто смѣшно. Мы переварить не могли, какъ, въ наше время, когда вопросы революціонные, соціальные и философскіе не могутъ не поглощать вниманія всѣхъ и каждаго, когда всѣ кумиры, знамена, алтари попраны въ прахъ мыслью человѣческой, — какъ можно въ такое время быть легитимистами, толковать о старыхъ границахъ, о генеалогіяхъ магнатовъ, о правахъ папы, о пользѣ уніи, о необходимости благоговѣть передъ Наполеономъ и считать Францію путеводной звѣздой цѣлаго міра. — Короче, ни мы поляковъ не понимали, ни они насъ; и это непониманіе было такъ сильно, что даже общая вражда наша къ правительству не могла насъ соединить. Наше пренебреженіе къ историческому праву и къ народностямъ казалось имъ святотатствомъ, а разсужденія о перестройкѣ человѣческихъ обществъ, — просто на просто, если не безуміемъ, лишнею тратою времени.

Что происходило въ Петербургскомъ университетѣ, то самое дѣлалось и во всѣхъ прочихъ, даже во времена студенческихъ исторій, которыя вовсе не сблизили поляковъ съ русскими, а скорѣй перессорили. Русскіе требовали отъ нихъ дѣятельной поддержки, а поляки соглашались дать ее только, когда убѣдятся, что наши готовы на революцію и имѣютъ средства произвести ее. Czas, Gaseta Narodowa, Dziennik Posnański, Pzregląd Rzeczy Polskich, Demokrata Polski и прочіе тогдашніе польскіе органы, всѣ въ одинъ голосъ обвиняли нашу молодежь, будто она была сознательнымъ орудіемъ правительства для погубленія польской. Будто она хотѣла подбить поляковъ на студенческія демонстраціи, чтобы скомпрометировать ихъ передъ правительствомъ!..

То же самое происходило и въ эмиграціи. На «Колоколъ» поляки смотрѣли, какъ на правительственный органъ, издаваемый съ цѣлью показать Европѣ, что и у насъ есть либералы, что мы не совсѣмъ-таки варвары, — а главное, чтобы поддѣть на это поляковъ: помирить ихъ съ нами на либерализмѣ, чтобы потомъ заставить забыть ихъ свою Polskość. Казалось имъ тоже, что либералы русскіе заманиваютъ ихъ въ общее возстаніе, для того, чтобы «русская республика» подавила бы только что освобождающуюся Польшу. — Вообще, поляки и за ними французы и tutti quanti убѣждены, что всѣ наши реформы только для того и совершаются, чтобы

задобрить общественное мнѣніе Европы, привлечь этимъ къ себѣ Западъ, — а затѣмъ придти и tout bonement завоевать его...

Взглядъ Герцена на польскій вопросъ былъ ясно высказанъ въ первыхъ номерахъ «Колокола» и возбудилъ сильное негодованіе въ польской печати. Поляки никакъ не могли помириться съ мыслью, что союзъ съ свободной Россіей будетъ для нихъ благодѣтеленъ, что дѣло состоитъ не въ историческомъ правѣ, а въ экономическомъ бытѣ обществъ, что все равно, гдѣ ни будетъ центръ Государства, въ Москвѣ или въ Варшавѣ. Также враждебно относились они къ князю Долгорукову и къ Бакунину за его «Хлопскую Польшу» — и рѣдко, очень рѣдко, кто изъ поляковъ, проѣзжихъ или изъ эмигрантовъ, заглядывалъ къ намъ. Мы были совершенно чужды другъ-другу, и я думаю, издатели «Колокола» и теперь должны быть чужды полякамъ — по крайней мѣрѣ, польскіе журналы очень враждебно къ нимъ относятся.

Но между тѣмъ движеніе въ Россіи шло смѣлѣй и смѣлѣй и уже начало заявлять себя прокламаціями. Поляки, хоть и не сочувствовали его принципамъ, но не могли не слѣдить за нимъ съ сочувствіемъ: всякій переворотъ въ Европѣ ведетъ къ перемѣщенію границъ, а переворотъ въ Россіи и подавно не могъ бы произойти безъ вліянія на участь Польши. — Вдругъ, неожиданное явленіе ободрило ихъ окончательно.

Извѣстно, съ какимъ сочувствіемъ относились въ Россіи къ Гарибальди. Вопросъ о народностяхъ, дотолѣ незнакомый намъ, вошелъ въ моду, сдѣлался предметомъ изслѣдованій — и отразился прежде всего въ теоріи, что русская народность не одна, а три: великорусская, бѣлорусская и южно-русская. При тогдашней горячности молодежи и при отсутствіи всякаго государственнаго смысла въ обществѣ, немедленно явилось заключеніе, въ высшей степени справедливое, и въ высшей степени неприложимое къ дѣлу, что: такъ какъ насъ три народности, — то пусть же будетъ три государства, каждое съ своимъ языкомъ, законами, войскомъ. Эти три государства могутъ составлять одинъ общій союзъ, а, если имъ не понравится, — то каждое можетъ жить по себѣ. — Новая выдумка, при русской послѣдовательности, пошла дальше: Сибирь по себѣ, Кавказъ по себѣ, Новгородскія земли по себѣ, бывшее Великое Княжество Рязанское, Казань, Астрахань, Владиміръ, Пермь по себѣ — словомъ, вся Россія должна распасться на историческія группы, съ полною автономіей каждой, съ правомъ выхода изъ общаго союза, когда угодно.

Теорія эта была такъ увлекательна, что я, въ числѣ множества другихъ, увѣровалъ въ нее отъ всей души. Въ самомъ дѣлѣ, устройся Россія въ такую федерацію, уничтожь Турцію и Австрію, — всѣ государства Европы исчезли-бы мигомъ, какъ они исчезали во время первой республики, и вся Европа стала бы одной федераціей естественныхъ группъ, которымъ уже нечего-бы было рѣзаться изъ за границъ или изъ за преобладанія, потому что границы ихъ опредѣлялись-бы этнографически, а недоразумѣнія рѣшались-бы европейскимъ конгрессомъ. Войны быть уже не могло, а стало быть и войско становилось лишнимъ, вмѣстѣ съ таможнями, паспортами, консульствами и проч., и прочимъ. — И радовались мы отъ глубины сердца, что мысль эта возникла въ Россіи, что Россія покажетъ примѣръ ея примѣненія и внесетъ ее въ Европу, считающую ее варварской, — патріотизмъ нашъ былъ задѣтъ за живое.

Понятно, что при такомъ ученіи польскій вопросъ разрѣшался самъ собою. Польша должна была составить также одну естественную группу, а къ ней-ли примкнутъ бѣлорусы и малорусы или къ намъ — это уже ихъ дѣло было. Намъ казалось, что они именно за нами останутся, потому что они не любятъ поляковъ и потому, что наши стремленія и наши учрежденія не могутъ не превзойти польскихъ.

Но покуда мы сочиняли эту теорію и обсуждали ее въ кружкахъ, – поляки рѣшились немедленно привести ее въ исполненіе. Во первыхъ они уже начали вѣрить въ искренность нашего либерализма, доказаннаго ссылками и каторгой, потомъ они ободрились смѣлостью нашей печати и прокламацій, да наконецъ, и сильно заразились нашимъ оппозиціоннымъ духомъ. Молодежь польская послѣдовала примѣру нашей и мигомъ превратилась въ государственныхъ людей, въ дипломатовъ, въ отцовъ отечества и вождей народа. Но наши не выходили изъ скромныхъ предѣловъ революціонерствованія на словахъ и дѣланія возстаній въ мечтахъ; наши не были годны ни къ какому предпріятію по своей распущенности (и даже трусости), – а поляки взросли на преданіяхъ о демонстраціяхъ, о битвахъ, о заговорахъ: рѣдко у котораго въ родствѣ нѣтъ ссыльнаго или эмигранта. Мы готовили себя въ философы, – поляки въ дѣятели. Мы были болтливы, какъ дѣти, – полякъ каждый умѣетъ молчать. Для насъ фраза шибкая, да идейка новая – величайшее удовольствіе, и дальше мы ничего не хотимъ, только-бы удалось порисоваться, – а у поляка вся мысль сосредоточена на возстановленіи Польши, въ границахъ 1772 года: это завѣтъ отцовъ его; этому мать, на смертномъ одрѣ, закляла его служить; за это его kochanka руку ему отдастъ; – и, покуда мы собиралися дѣлать, онъ уже прянялся за работу и поднялъ, ни къ селу, ни къ городу, демонстраціи, которыя вмѣсто того, чтобы ободрить, образумили насъ, и вмѣсто того, чтобы возстановить его Польшу, окончательно ее погубили.

Тяжелое впечатлѣніе произвели они на насъ въ Лондонѣ. Телеграмма о первой свалкѣ въ Варшавѣ пришла къ намъ въ утро праздника, который Герценъ устраивалъ въ честь освобожденія крестьянъ, – не будь демонстраціи, мы-бы давно воротились съ повинной...

Въ польской эмиграціи началось движеніе. Вожди ея, привыкшіе считать себя вождями народа, были крайне обижены, что Польша зашевелилась безъ ихъ спроса, и что «Центральный Комитетъ» состоитъ изъ молодежи, по образцу не нашихъ кружковъ, людей ни родомъ не именитыхъ, ни заслугами извѣстныхъ. Чарторыйскимъ, Замойскому, Мѣрославскому пришлось заискивать у Центральнаго Комитета расположенія и полномочій, чтобы не утратить своего вліянія, а Центральный Комитетъ относился къ нимъ такъ же презрительно и свысока, какъ наше «молодое поколѣніе» къ старшему, опытность котораго, знаніе жизни и навыкъ къ дѣламъ оно въ грошъ не ставило. Событія въ Польшѣ были подражаніемъ тому, что происходило въ Россіи, но подражаніемъ энергическимъ и не ограничивавшимся фразами.

Польская эмиграція начала дѣлать попытки къ сближенію съ нами. – Первымъ явился полковникъ Сигизмундъ Іорданъ, Краковскій уроженецъ, выходецъ съ 1846 года, участвовавшій въ Венгерской и Крымской кампаніи, братъ агента Чарторыйскихъ въ Цареградѣ, Владислава, о которомъ мнѣ много придется говорить ниже. Сигизмундъ Іорданъ имѣлъ большія связи при разныхъ дворахъ, особенно при Стокгольмскомъ, гдѣ онъ впослѣдствіи дѣлалъ демонстраціи противъ Россіи, и пріѣхалъ къ намъ разузнать наши взгляды и, если возможно, сойтись съ нами. Герценъ и Огаревъ изложили ему свою систему, онъ возразилъ на нее только то, что для приведенія ея въ исполненіе надо прежде всего справиться съ правительствомъ, что поляки потому и не предпринимаютъ никакихъ внутреннихъ преобразованій, что лишены возможности совершить ихъ такъ широко, какъ-бы хотѣлось. А изъ этого выходило, что, будь Польша возстановлена, она мигомъ-бы приложила къ практикѣ всѣ новѣйшія теоріи и сдѣлалась разсадникомъ всѣхъ идей и свободъ для человѣчества: – короче, онъ говорилъ то самое, что можно услышать отъ каждаго серба, чеха, венгерца, покуда они добиваются политической самостоятельности, –

и чего никогда не видно у народовъ – недавно добившихся ея, у румыновъ или грековъ съ тѣми же сербами. Говорилъ онъ ловко, толково, судилъ о современныхъ вопросахъ безъ всякихъ предубѣжденій и, намекнувъ, что польское дѣло и наше – дѣло общее, уѣхалъ куда-то, оставивъ въ насъ очень выгодное по себѣ впечатлѣніе.

За Іорданомъ другіе стали являться: Браницкій съ Хоецкимъ, Подлевскій, наконецъ, Владиславъ Чарторыйскій. Болѣе всего интересовало ихъ знать, готовы-ли мы на революцію, сильна-ли наша партія и какъ мы смотримъ на польскій вопросъ: – мы ничего не скрывали, потому что и скрывать было нечего. Вѣсти изъ Россіи, доходившія до насъ, были вообще тревожныя. Крестьяне не хотѣли подписывать уставныхъ грамотъ, ждали полной воли, искали «золотую грамоту». Въ войскахъ было броженіе, офицеры сходились съ солдатами и съ народомъ, и со всѣхъ сторонъ неслись слухи, что за такимъ-то цѣлый уѣздъ, а за такимъ-то и цѣлый городъ встанетъ. Молодежь наша изъ себя выходила, толковала о революціи и о баррикадахъ; – «Молодую Россію» никто не хвалилъ, но думавшихъ одинаково съ нею было множество; ей только въ вину ставили, что она разболтала то, о чемъ молчать слѣдовало. Польскія демонстраціи находили себѣ первое время большое сочувствіе – русскимъ было стыдно, что у нихъ нѣтъ такой смѣлости и вліянія, какъ у поляковъ, что они не могутъ двинуть толпы; – но общее мнѣніе говорило, что, дойди у поляковъ до дѣла, и придвинься ихъ ожидаемое возстаніе къ границамъ нашихъ великорусскихъ губерній, – то и мы встанемъ. Полякамъ самимъ никто не довѣрялъ, на ихъ либерализмъ мало разсчитывали, но довольны были ихъ почином, который давалъ возможность произвести взрывъ и направить его къ разрѣшенію экономическихъ вопросовъ. – Вообще, по всему, что до насъ доходило, мы не могли не придти къ заключенію, что революція неотвратима и что на ея сторонѣ будетъ войско, мѣщанство и крестьянство, не считая уже образованнаго меньшинства. Революція эта насъ не радовала – я выше сказалъ почему – но мы понимали, что въ случаѣ ея взрыва намъ нельзя будетъ ограничиваться прежней пропагандистской ролью – и я опять настаивалъ, чтобы Герценъ выступилъ вождемъ, – онъ смягчилъ-бы ея ужасы, предотвратилъ-бы лишнее кровопролитіе и направилъ-бы ее къ возможно лучшему исходу.

Герценъ съ Огаревымъ раздумывали, – Бакунинъ не утерпѣлъ и поѣхалъ въ Парижъ знакомиться съ поляками. Поляки сообщили ему, что они сами побаиваются взрыва, и что одна у нихъ надежда и есть – сочувствіе къ нимъ нашихъ офицеровъ и солдатъ въ Царствѣ Польскомъ, между которыми уже завязался революціонный Комитетъ, состоящій въ связяхъ съ ихъ «Центральнымъ». Трое изъ членовъ этого русскаго Комитета (Фенинъ, и ——— ———) бѣжали передъ тѣмъ въ Парижъ, и они сообщили Бакунину, что наши войска ждутъ не дождутся возстанія... Я видѣлъ проѣздомъ черезъ Парижъ, въ сентябрѣ 1862 года, этихъ трехъ юношей, старшему было едва-ли болѣе 20 лѣтъ, это были почти кадеты, да вдобавокъ и очень недальніе. Бакунинъ немедленно выписалъ въ Лондонъ главу этого русскаго Комитета Потебню, скрывавшагося тогда въ познанскомъ воеводствѣ, но разъѣзжавшаго постоянно по всему Царству Польскому, для организаціи возстанія русскихъ войскъ.

Я видѣлъ его только одинъ разъ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, когда я сидѣлъ у Бакунина, и слышалъ его разсказы о происходящемъ въ Польшѣ. Онъ говорилъ, что положеніе русскаго Комитета въ крайней степени затруднительно, потому что онъ почти не въ силахъ удержать возстанія нашихъ войскъ. Недовольство правительствомъ, говорилъ онъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Солдату совѣсть запрещаетъ разгонять толпы, идущія за духовенствомъ, съ крестами, со свѣчами, съ пѣніемъ молитвъ. Начальство держитъ его всегда наготовѣ – это его раздражаетъ и заставляетъ желать, чтобъ поляковъ не вынуждали къ демонстраціямъ, а неумѣренные и неосто-

рожные офицеры внушаютъ ему, что не будь начальства, не будь у правительства прихоти насиліемъ держать въ подданствѣ поляковъ, — и солдатамъ было-бы легче, и наборовъ было-бы у насъ меньше. — Да и многіе тогда говорили, — не полякамъ нужно отъ насъ освободиться, а намъ отвязаться отъ нихъ...

Разсказы Потебни окончательно убѣдили Герцена и насъ всѣхъ, что дѣло идетъ положительно не на шутку: это окончательно рѣшило вопросъ о предводительствѣ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ и съ Русскимъ, получилъ отъ нихъ извѣстные адресы, возбудившіе такую полемику, и сталъ организовывать общество подъ названіемъ «Земля и Воля», какъ окрестилъ его Огаревъ. — Что это было за общество, гдѣ оно было и насколько имѣло вліянія — я ничего не умѣю сказать, хоть и былъ его агентомъ въ Цареградѣ, былъ уполномоченъ собирать на него вклады, на что у меня и квитанціи даже были, очень красиво отпечатанныя, распространялъ его прокламаціи, и вообще считалъ себя обязаннымъ ему повиновеніемъ. Оно сорганизовалось по моемъ отъѣздѣ, и всѣ мои сношенія съ нимъ ограничились перепискою съ Герценомъ и съ Огаревымъ.

Установившаяся, такимъ образомъ, связь наша съ поляками, которую они покупали за весьма тяжелыя для нихъ уступки*, обратила вниманіе и прочихъ благопріятелей Россіи. По случаю всемірной выставки, пріѣхала въ Лондонъ та особа, которую я назвалъ Высочайше Учрежденной Комиссіей**, но имя которой считаю лишнимъ передавать бумагѣ (litterae trahunt), и изъявила желаніе видѣться съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ***. Устроился завтракъ, на который были приглашены и польскія знаменитости, — за завтракомъ много толковалось о прогрессѣ, о священныхъ принципахъ 89-го года, о мученичествѣ поляковъ, о свободѣ и, словомъ, обо всемъ, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ было ясно выражено, которое именно правительство держитъ сторону прогресса, содѣйствуетъ ему всѣми зависящими средствами и готово помогать дѣлу цивилизаціи восточной Европы, даже при помощи своихъ консуловъ, которымъ будетъ предписано передавать наши прокламаціи, кому мы укажемъ, а посылать ихъ, равно какъ и всю нашу корреспонденцію, мы можемъ черезъ Министерство Иностранныхъ дѣлъ. — Герценъ благодарилъ за обязательность; Огаревъ, по обыкновенію, молчалъ и конфузился; Бакунинъ ораторствовалъ и развивалъ какіе-то экономическія и революціонныя теоріи.

— «Ну что-жъ вы сдѣлаете съ этимъ предложеніемъ?» — спросилъ я Герцена, вечеромъ того дня.

— «Ничего не сдѣлаю. Поблагодарилъ и довольно — нельзя-же мѣшать въ нашу домашнюю распрю съ правительствомъ иностранцевъ...»

— «Само собой, разумѣется», отвѣчалъ я, «свои собаки грызутся, чужая не мѣшайся. Дать возможность чужимъ запускать лапы въ наши дѣла, это значитъ, готовить себѣ участь всякихъ индѣйцевъ и турокъ».

Замѣчу кстати. Мы никогда и ни въ чемъ не прибѣгали къ помощи иностранныхъ правительствъ: — это дѣлалось, не скажу, чтобы по разсчету, а какъ-то инстинктивно. Насъ отталкивала отъ нихъ та pruderie, которая заставляетъ частнаго человѣка молчать о своихъ семейныхъ дрязгахъ и не позволяетъ ему допускать постороннихъ мѣшаться въ домашнія ссоры. Бени какъ-то устроилъ, что «Колоколъ» можно было пересылать ему черезъ Англійское посольство въ Петербургѣ, — мы не посылали. Если мы съ поляками входили въ сношенія, то только потому, что принадлежали къ одному государству съ ними и искренно желали сбыть съ рукъ это несчастное

* Адресъ Центральнаго Комитета Герцену и полемика по этому адресу.
** Принцъ Наполеонъ.
*** И съ княземъ Долгорукимъ, если память мнѣ не измѣняетъ.

Царство Польское, стоившее намъ бездну крови, денегъ, непріятностей и вѣчно вводившее насъ въ столкновеніе съ Западомъ. Царство Польское — ракъ, вытягивающій наши лучшія силы, мозоль, которая шагу намъ ступить не даетъ. И западныя правительства очень хорошо знаютъ это: они никогда не рѣшатся сдѣлать намъ ампутацію этой язвы, — они знаютъ, что мы бы разомъ вдесятеро здоровѣй и сильнѣй тогда стали; поэтому имъ и выгодно растравливать наше больное мѣсто и поддерживать въ немъ болѣзненное воспаленіе. А отступиться намъ отъ него нельзя, отдача его Пруссіи была-бы уголовнымъ преступленіемъ противъ нашей исторіи, измѣною Славянству; отдача Австріи только запутала бы дѣло, потому что мы стоимъ накануне раздѣла Австріи, какъ сто лѣтъ тому назадъ стояли накануне раздѣла Польши. Это, можетъ, покажется фантазіей — но вѣдь и въ 1767 году каждаго, кто предвидѣлъ неизбѣжность раздѣла великаго Королевства Польскаго, назвали-бы сумасшедшимъ.

Я говорю слишкомъ смѣло — это, можетъ быть, окончательно меня погубитъ, — но было-бы безчестно съ моей стороны утаивать отъ правительства тѣ заключенія, къ которымъ я пришелъ въ эти долгія пять лѣтъ пристальнаго изученія нашихъ отношеній къ нашимъ сосѣдямъ. Если я погибну за мою откровенность съ нимъ, то пусть-же я погибну съ сознаніемъ, что я исполнилъ свой долгъ. Придетъ время — лѣтъ черезъ сто, черезъ полтораста, моя исповѣдь вынырнетъ изъ архивовъ и явится на судъ тогдашнихъ историковъ. Можетъ быть, они найдутъ, что я ошибался, что я не понялъ событій нашего времени, — но они признаютъ за мной, что я искренно хотѣлъ блага Россіи, и что, находясь въ четырехъ стѣнахъ этого № 4, за желѣзной рѣшеткой, я меньше о себѣ думалъ, чѣмъ объ разъясненіи правительству путей, которыми оно, по моему крайнему разумѣнію, можетъ вести ко благу наше огромное государство. Въ этихъ трехъ послѣднихъ отдѣлахъ мнѣ почти исключительно придется говорить объ его недостаткахъ и ошибкахъ — можетъ быть (люди всегда люди), даже между судьями моими я за это найду враговъ — но за то совѣсть моя будетъ чиста, долгъ мой будетъ исполненъ, а поколѣнія, которыхъ я не увижу, помянутъ меня именемъ честнаго человѣка.

Сбыть съ рукъ Польшу нельзя, нѣмечить ее вредно, обрусить невозможно, а оставить какъ была, даже немыслимо, — остается волей неволей одно: сдѣлать ее истинно славянскою, то есть повернуть стремленія ея образованныхъ классовъ къ слитію съ нами въ одно Всеславянское Государство. Препятствія къ этому, какъ и правительствомъ уже замѣчено, состоятъ въ католическомъ духовенствѣ. Но зачѣмъ-же это духовенство набирается у насъ исключительно изъ поляковъ? — развѣ нельзя замѣщать вакантныя мѣста хорватами, словаками и чехами, которые всѣ панслависты? Іосифъ II съ большимъ успѣхомъ прибѣгалъ къ этой мѣрѣ, съ цѣлью германизаціи Австріи, — а мы могли-бы этимъ-же самымъ славянить Польшу, что было-бы и разумнѣе и выгоднѣе онѣмечиванія ея, которое теперь совершается зачѣмъ-то на лѣвомъ берегу Вислы, такъ что славяне-протестанты лишаются даже права молиться по славянски. — Въ Польшѣ католицизмъ, и отмѣнить его нельзя: — но въ католицизмѣ есть пропасть разныхъ обрядовъ, кромѣ латинскаго, и правительство, не трогая вѣры, можетъ понудить Римъ предписать замѣненіе этого обряда, если не нашимъ, то хоть глагольскимъ, существующимъ до сихъ поръ въ Далмаціи; а глагольскій обрядъ все-же славянскій и все-же шагъ къ сліянію съ нами и съ прочимъ славянствомъ, которое будетъ крайне довольно этою мѣрою, о которой уже сами хорваты (въ лицѣ епископа Строссмайера) сильно мечтаютъ. — Что-же касается холмской епархіи и нашихъ западныхъ губерній, то правительство можетъ уже безъ церемоніи превратить всѣ тамошніе костелы въ уніатскія церкви, провозгласивъ, что гдѣ сельское населеніе русское, тамъ и обрядъ долженъ быть

русскимъ. Все дворянство западныхъ губерній изъ православія черезъ унію перешло въ католичество; — воротимъ его въ унію, и оно изъ католичества перейдетъ въ православіе: оно само будетъ радо предлогу развязаться съ Польшей, не насилуя своей совѣсти. Унія въ западныхъ губерніяхъ разомъ заставитъ тамошнихъ католиковъ забыть польскій языкъ и польскіе интересы и разомъ разрѣшитъ вопросъ о русскихъ землевладѣльцахъ въ этомъ краѣ, — разрѣшитъ прочнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ грозящая намъ опасностью — въ случаѣ войны съ Пруссіей — продажа тамошнихъ имѣній нѣмцамъ или колонизація Жмуди нѣмцами. Пусть правительство отрѣжетъ отъ Польши Западный Край и начнетъ славянить Польшу — повстанья сдѣлаются сами по себѣ невозможны: крохотная Мазовія не въ силахъ будетъ одна бороться противъ цѣлаго славянскаго міра, она сама будетъ искать возможности утонуть въ славянствѣ. Ниже мнѣ не разъ придется обращаться къ этому плану, выработанному мною при помощи самихъ же поляковъ и католическаго духовенства Австрійскихъ славянъ.

Тревожныя ожиданія, необходимость заводить новыя связи и расширить наше вліяніе на старообрядцевъ, надежда заинтересовать въ нашемъ дѣлѣ липованъ, наконецъ, желаніе осмотрѣть, на что можно и на что нельзя разсчитывать, все это, вмѣстѣ съ досадой на неудачный исходъ поѣздки въ Россію, заставило меня ѣхать въ Турцію и въ Дунайскія Княжества, гдѣ живетъ огромное множество русскихъ, и откуда я надѣялся устроить сношенія съ Петербургомъ и съ Москвой. —

Въ концѣ августа 1862 года, я отправился черезъ Булонь въ Парижъ, гдѣ и остановился, чтобы собрать кой-какія предварительныя свѣдѣнія о томъ, что меня тамъ ожидаетъ. Бакунинъ далъ мнѣ письмо къ капитану Косиловскому, секретарю польской батиньольской школы, приближенному Чарторыйскихъ, Замойскаго, бывшему въ англопольскомъ легіонѣ и показавшемуся Бакунину почему-то очень важной особой. Косиловскій сообщилъ мнѣ все, что могъ, разсказалъ мнѣ объ черкесскихъ и липованскихъ отношеніяхъ къ Hôtel Lambert, и я отправился въ Марсель, не сдѣлавъ и не видѣвъ въ Парижѣ ничего, что бы могло быть упомянуто въ этихъ листахъ. — Развѣ то могу разсказать, что какой-то крайній соціалистъ затащилъ меня къ Мѣрославскому, у котораго я просидѣлъ съ часъ, и вышелъ отъ котораго пораженный его ничтожествомъ. Вотъ что отвѣчалъ Мѣрославскій моему пріятелю на предложеніе пропагандировать въ Польшѣ не историческое право, а коммунизмъ, — въ этихъ словахъ Мѣрославскій рисуется весь, со всѣмъ его пошлымъ тщеславіемъ и вопіющимъ самолюбіемъ. Не даромъ поляки говорятъ про него, что давай ему даромъ Польшу, онъ ее взять не захочетъ — для него Польша средство показать свои военныя дарованія. — Итакъ, этотъ великій военный писатель, вѣчно разбиваемый въ дѣлѣ, отвѣчалъ слѣдующее:

— «Э, что вы говорите? развѣ я не раздѣляю взглядовъ коммунистовъ? развѣ я не хочу сдѣлать Польшу коммунистической общиной? Только пропагандой ничего сдѣлать нельзя, пропаганда — вздоръ. Вотъ другое дѣло, когда я на конѣ, около стремени моего всѣ эти князья, графы, магнаты, а сзади меня пушки и штыки — тогда я вамъ мигомъ, въ одинъ день, сдѣлаю экономическій переворотъ. А пропагандой ничего сдѣлать нельзя, съ ней трата времени — какъ прикажете вдалбливать въ голову всѣмъ этимъ аристократамъ новые принципы. А будь я на конѣ, и вейся они около моего стремени — дѣло другое. Пушки убѣждаютъ удивительно — онѣ проповѣдываютъ краснорѣчивѣй всякихъ Демосѳеновъ, и когда онѣ стоятъ за вами, эти магнаты около стремени...»

Я не утрирую. Мнѣ врѣзалась въ память эта лелѣемая имъ мысль быть на конѣ и видѣть у своего стремени магнатовъ. И это предводитель! — Вотъ до какого отупѣнія доходятъ въ эмиграціи.

Изъ Марселя я выѣхалъ 20-го сентября, а 4-го октября былъ уже въ Цареградѣ, побывавъ въ Спартѣ, на островѣ Сирѣ и въ Смирнѣ. Капитанъ парохода и пассажиры считали меня за черкеса и научили, какъ пробраться въ городъ, не показывая паспорта (на имя Яни, съ которомъ я былъ въ Россіи) — такъ какъ я не былъ увѣренъ, что наше посольство не приметъ мѣръ къ моему арестованію и такъ какъ поляки мнѣ ужасы разсказывали объ его дѣятельности. — Первый визитъ мой былъ сдѣланъ полковнику Владиславу Іордану, тогда агенту Чарторыйскихъ, — а впослѣдствіи посланнику «Народнаго Правительства» (Rządu Narodowego). У меня было письмо къ нему изъ Парижа отъ его брата Сигизмунда, и онъ меня ждалъ.

Полковникъ Іорданъ былъ типъ польскаго эмигранта-дипломата. Онъ участвовалъ въ Краковскомъ дѣлѣ 1846 г., потомъ въ Венгерской компаніи; въ Крымскую войну вступилъ въ турецкую службу и оставался въ ней, кажется, до 1863 г. Онъ имѣлъ состояніе, построилъ себѣ домъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ Перы (Фери-Кёй) и былъ хорошо принятъ въ французскомъ и англійскомъ посольствѣ, хотя у него я не встрѣчалъ никого изъ членовъ этихъ посольствъ. Въ Парижѣ мнѣ отзывались объ немъ, какъ о человѣкѣ, пользующемся большимъ вліяніемъ на Порту, а въ Цареградѣ много шептали объ его связяхъ и значеніи. Самъ онъ держалъ себя высоко, намекалъ на важность дѣлъ, которыя ведетъ, имѣлъ секретаря для веденія переписки — и мое первое впечатлѣніе было въ пользу ловкости и распорядительности поляковъ. Тоже самое испытываетъ каждый новичокъ, входяшій въ кругъ эмиграціонныхъ дѣятелей.

Прежде всего Іорданъ далъ мнѣ совѣтъ быть какъ можно осторожнѣй. «Русское посольство окружитъ васъ шпіонами, если узнаетъ кто вы», говорилъ онъ мнѣ. «Начнете вы что-нибудь дѣлать, — вамъ подошлютъ отравителя или наймутъ перваго грека изъ Галаты (нѣчто въ родѣ Сѣнной), и онъ васъ приколетъ на улицѣ. Ночью остерегайтесь даже мимо воротъ посольства и консульства проходить, васъ могутъ схватить и потомъ отправить въ Россію»... Не вѣрилось мнѣ, но, на всякій случай, я сталъ осторожнѣй. — «Съ поляками, ради Бога, не сближайтесь — это все дрянь, одичавшая въ эмиграціи, болтуны, интриганты...» Я въ этомъ послушался, вполнѣ полагаясь на опытность моего Виргилія въ цареградскихъ дѣлахъ.

У поляковъ были сношенія съ черкесами и старообрядцами — нужно было узнать, въ чемъ они состоятъ и нельзя-ли воспользоваться ими для успѣха нашего, тогда уже революціоннаго, дѣла. — Для ясности, я разскажу сперва, какъ мнѣ не удалось ничѣмъ воспользоваться отъ черкесовъ, а потомъ уже, какъ я ничего не могъ сдѣлать съ старообрядцами, хотя даже и поселился потомъ между ними въ Добруджѣ.

Начну съ первыхъ польскихъ шаговъ на Востокѣ:

Очутясь, въ 1833 году, эмигрантомъ, князь Адамъ Чарторыйскій, скучалъ и досадовалъ, что ничего не можетъ сдѣлать для Польши. — Талейранъ надоумилъ его: «Князь, сказалъ онъ, дѣло Польши — дѣло Западной Европы. У насъ и у васъ врагъ общій, но мы плохо знаемъ его средства вредить намъ. Очевидно, что онъ силенъ преобладаніемъ своимъ на Востокѣ, но что онъ тамъ дѣлаетъ, и что затѣваетъ — мы никогда не можемъ понять, потому что мы знаемъ Востокъ только по донесеніямъ нашихъ консуловъ и пословъ, — а вамъ извѣстно, что большею частью эти люди попадаютъ на свои посты по протекціи и по случаю, безъ всякой предварительной подготовки. Чтобы слѣдить за русскими интригами — мало быть хорошимъ французскимъ патріотомъ и исправнымъ чиновникомъ, — надо знать коротко рус-

скихъ, ихъ манеры, привычки, цѣли; надо знать ихъ самихъ, какъ вы, поляки, ихъ знаете; а чтобъ бороться съ ними, нужны люди, закаленные въ борьбѣ и привычные къ веденію тайной агитаціи. — Вотъ, по моему, миссія польской эмиграціи, и пусть она, au nom de la civilisation et de sa propre cause, возьмется за дѣло».

— Совѣтъ былъ дѣльный, — оставалось найти агентовъ. Чарторыйскій сблизился съ турецкимъ посольствомъ, и, его креатура, Решидъ-Эффенди и сталъ быстро подвигаться по службѣ, пока не сдѣлался, при поддержкѣ европейскихъ дипломатовъ, великимъ визиремъ. — Молодой бердичевскій помѣщикъ, русскій по происхожденію, уніатъ по вѣрѣ, литераторъ фантастъ, Михаилъ Чайковскій, выпросился въ агенты на Востокъ.

— «Я пріѣхалъ въ Цареградъ, разсказывалъ мнѣ Чайковскій (нынѣ Садыкъ — паша), безъ всякихъ рекомендацій, а взялъ драгомана и отправился прямо къ тогдашнему великому визирю. Меня приняли, у турокъ принимаютъ всякаго, я сѣлъ и сдѣлалъ такое заявленіе о себѣ: «польскій шляхтичъ не нуждается въ рекомендаціяхъ, являясь къ турецкимъ министрамъ. И мы, и турки народъ воинственный, рыцарскій, благородный, — а врагъ у насъ одинъ: подлый, деспотическій, интригующій Москов. Я пріѣхалъ сюда помогать моимъ братьямъ туркамъ въ ихъ святой борьбѣ противъ этой змѣи, — поэтому и явился къ вашей свѣтлости, предложить мой союзъ». — Великій визирь удивился, согласился — и Чайковскій былъ оффиціально утвержденъ въ званіи польскаго агента съ жалованьемъ отъ правительства, которое онъ и до сихъ поръ получаетъ, хотя уже перессорился съ поляками и не мѣшается въ ихъ затѣи противъ насъ. Его честолюбіе удовлетворилось, кажется, командованіемъ двухъ польскихъ полковъ — казацкій и драгунскій, — да и мечты его быть гетманомъ въ Малороссіи или, по крайней мѣрѣ, въ Добруджѣ, я думаю разлетѣлись. Но въ прежнее время, до 1850–51 гг., онъ былъ чрезвычайно досужливъ. Онъ первый ввелъ поляковъ во французскія консульства, въ службу Messagerie Impériale, и ввелъ такъ удачно, что едва-ли есть въ Турціи одно французское консульство или одна контора Messagerie, при которыхъ-бы не было поляка, если не секретаремъ, то разсыльнымъ, домашнимъ учителемъ, другомъ дома, чѣмъ-бы то ни было. Французскій консулъ рѣдко знаетъ турецкій языкъ и мѣстныя отношенія, рѣдко онъ и способнымъ человѣкомъ бываетъ, потому что нѣтъ возможности набрать способныхъ людей на эти мѣста. Но полякъ, который имъ руководитъ, всегда человѣкъ бывалый, прошедшій огонь и воду, и мѣдныя трубы, участвовавшій въ десяткахъ заговоровъ, бѣгавшій изъ тюремъ, близко знакомый съ недостатками паспортныхъ системъ и съ слабостью надзора надъ границами. Понятно, что скромный чиновникъ, мирный гражданинъ, какими бываютъ обыкновенно консула, не преминетъ быть орудіемъ въ рукахъ опытнаго и отважнаго эмигранта, который ничѣмъ не дорожитъ, потому и терять ему нечего, потому что онъ привыкъ и къ потерямъ, и къ кочевой жизни. Всѣ мѣстныя свѣдѣнія собираются черезъ эмигрантовъ и невольно приходятъ въ Парижъ въ смыслѣ враждебномъ Россіи, — за то и всѣ свѣдѣнія о современныхъ политическихъ событіяхъ сообщаются болгарамъ, сербамъ, грекамъ и даже туркамъ въ такомъ-же искаженномъ видѣ: Франція представляется единственной охранительницей угнетенныхъ народностей — она бы сильнѣе стояла за нихъ, если-бы ей не мѣшала Россія, которая подбиваетъ ихъ противъ турокъ, чтобъ обречь ихъ на участь Польши. Наполеонъ Европой управляетъ — онъ запрещаетъ Россіи завоевать Турцію, онъ предписалъ Россіи освободить крестьянъ, онъ ждетъ только удобнаго времени, чтобы объявить ей войну для освобожденія Польши etc., etc. Простонародіе, вѣками привыкшее смотрѣть на насъ, какъ на своихъ освободителей, не волнуется этими розсказнями, но онѣ сильно дѣйствуютъ на передовыхъ

людей изъ болгаръ, сербовъ и грековъ. Газетъ они сами не читаютъ, о Европѣ понятіе имѣютъ смутное, двери русскихъ консульствъ имъ обыкновенно заперты, чиновники русскіе избѣгаютъ ихъ, чтобы не навлечь на себя непріятностей изъ Петербурга; стало быть, волей-неволей, приходится вѣрить полякамъ. Довѣріе къ Россіи теряется – молодежь ѣдетъ учиться въ Австрію и во Францію, потому что полученіе паспорта на Западъ не навлекаетъ подозрѣнія въ симпатіяхъ къ Россіи, – а кто прожилъ нѣсколько лѣтъ между французами и поляками, тотъ уже неизбѣжно становится нашимъ врагомъ. Да, наконецъ, даже и другомъ-то нашимъ быть опасно: Доброе слово за насъ мигомъ доходитъ до французскаго, австрійскаго и иногда до англійскаго консула, а отъ нихъ препровождается въ оффиціальномъ отношеніи пашѣ, съ укоромъ ему, что онъ не блюдетъ за интересами Турціи, терпя русскихъ агентовъ и русскую пропаганду, – и обвиненному не избѣжать, по меньшей мѣрѣ, непріятностей.

Мѣръ противъ такого порядка дѣлъ наше правительство не приняло и не принимаетъ никакихъ; а между тѣмъ, мы живемъ въ вѣкѣ, когда хорошія отношенія между правительствами вовсе уже не обуславливаютъ хорошихъ отношеній между народами. Прежде дѣло дипломатовъ было очень просто – стоило расположить къ себѣ такой-то дворъ, чтобы обезпечить въ немъ союзника или добыть у него провинцію. Но съ тѣхъ поръ, какъ возникла мысль о народностяхъ, какъ suffrage universel былъ не разъ приложенъ къ дѣлу, – обстоятельства совершенно перемѣнились. Теперь мнѣніе объ насъ какихъ нибудь молдавскихъ лавочниковъ, болгарскихъ огородниковъ и сербскихъ каменьщиковъ и свинопасовъ вовсе не такъ мало значитъ, какъ въ прежнее время. Запирая имъ двери въ наши консульства, во имя трактатовъ и изъ вѣжливости къ Портѣ, – мы силой заставляемъ ихъ прибѣгать къ помощи французовъ, которые, если и ничего не дѣлаютъ для нихъ, то, по крайней мѣрѣ, обѣщаютъ имъ сдѣлать; а люди въ нуждѣ слѣпо вѣрятъ всякимъ обѣщаніямъ. – Сторонясь отъ нихъ, не вступаясь за нихъ, «потому что изъ Петербурга нѣту на это предписаній и полномочій», наши консула возбуждаютъ горькій ропотъ на наше правительство въ единовѣрныхъ намъ населеніяхъ. «Что они у васъ за трусы, за эгоисты», говорятъ славяне, «что они открещиваются отъ насъ, какъ отъ нечистой силы! въ гости къ намъ не ходятъ, къ себѣ не принимаютъ! Отчего французскій консулъ, къ которому придешь съ дѣломъ, всегда и разспроситъ, и посовѣтуетъ, и обѣщаетъ сдѣлать, что можетъ, – а къ русскому идешь какъ-то даже со страхомъ, точно къ судьѣ или къ начальнику; съ турками легче имѣть дѣло, чѣмъ съ русскими консулами!» – И этотъ упрекъ можно слышать и въ Австріи, и въ Англіи, и гдѣ угодно, даже вовсе не отъ какихъ нибудь угнетенныхъ народностей, а просто отъ русскихъ же. Тогда какъ всякій американецъ, итальянецъ, пруссакъ, заброшенный случаемъ на чужбину, смѣло входитъ въ свое консульство, зная, что въ немъ онъ всегда найдетъ и помощь, и поддержку, – русскаго въ нашемъ консульствѣ принимаютъ свысока, даже грубо и шагу лишняго для него не сдѣлаютъ, особенно если онъ въ бѣдѣ и не знатенъ.

Разумѣется, что поляки пользуются этой чопорностью нашихъ дипломатовъ, которые не удостаиваютъ никого своимъ знакомствомъ и сочиняютъ про нихъ, что душѣ угодно, впередъ зная, что тѣмъ не предписано дѣйствовать сомостоятельно въ пользу Россіи. И вотъ, умри какой нибудь полякъ или болгаринъ-католикъ, дѣйствовавшій во вредъ намъ, – русскій консулъ его отравилъ; сдѣлайся пожаръ у Іордана или у Чайковскаго, – русское посольство подожгло; крикни пьяный грекъ на улицѣ противъ турокъ или случись въ Яссахъ демонстрація (какъ 3-го апрѣля прошлаго года), – русскіе подбили. И ширится пропаганда противъ насъ, противъ православія – ширится съ такимъ успѣхомъ, что насъ и защищать никто не осмѣливается – словомъ, дѣло идетъ точь въ точь, какъ шло въ Западныхъ губерніяхъ до

повстанія. On nous traite en canailles, — а мы важничаемъ, соблюдаемъ церемоніи. Турція съ давнихъ временъ смѣется намъ подъ носъ, укрывая и поддерживая нашихъ отъявленныхъ враговъ, — а мы въ острогъ сажаемъ каждаго болгарина, сербина или грека, который дерзнетъ бѣжать въ Россію безъ паспорта, укрываясь отъ политическаго преслѣдованія. Французы, англичане, нѣмцы ругаютъ насъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ газетахъ, издаваемыхъ въ Турціи; болгаре обязаны ругать насъ въ своихъ газетахъ, — а мы даже подумать не удостоили о заведеніи въ Цареградѣ нашего органа. Православіе чуть что не преслѣдуется католической и протестантской партіей; — костелы и кирки распространяются повсюду, — а мы не только ни одной русской церкви не завели (я не считаю домашнихъ), даже поддерживаемъ фанаріотовъ, даже католическую пропаганду въ Босніи терпимъ, а въ Болгаріи уніатскую. Я далекъ отъ обвиненія въ этомъ нынѣшнихъ дѣятелей нашей дипломатіи, вина не ихъ — они унаслѣдовали эти порядки отъ нѣмецкаго министерства, графа Несельроде, которое было совершенно иностраннымъ для Россіи, какъ и предшествовавшія ему министерства Каподистріи и князя Адама Чарторыйскаго, убившія съ такимъ успѣхомъ все, что было сдѣлано Петромъ для нашей морской торговли и Екатериной съ Потемкинымъ для нашего вліянія на Востокѣ. Зло входитъ въ привычку, дѣлается незамѣтнымъ и легче указать его, чѣмъ исправить — я и указываю на него вовсе не въ укоръ, а въ надеждѣ и въ полной вѣрѣ, что правительство оцѣнитъ побужденія, руководящія меня быть съ нимъ откровеннымъ.

Зло покуда исправимо. Пусть консуламъ нашимъ будетъ предписано не стѣснять себя старыми инструкціями, а дѣлать все, что покажется имъ выгоднымъ для привлеченія къ намъ православныхъ и прочихъ славянскихъ народностей Турціи и Австріи. Пусть имъ будетъ разрѣшено позволять себѣ все, что позволяютъ французскіе и австрійскіе консула, а чиновникамъ ихъ пусть вмѣнено будетъ даже въ обязанность сближаться съ мѣстнымъ населеніемъ. Пусть повышенія въ чинахъ и въ службѣ, хоть по принципу, будетъ производиться за дѣйствительную пропаганду любви къ намъ, а не за умѣренность и аккуратность, — и дѣло отлично пойдетъ. Намъ нечего быть застѣнчивымъ, — французы и прочая братія вовсе не церемонятся съ нами, и чѣмъ скромнѣй мы держимъ себя, тѣмъ нахальнѣй они становятся.

Изъ наблюденій моихъ надъ недостатками нашей современной консульской и посольской дѣятельности, я вывелъ нѣсколько правилъ, которыя и прилагаю на отдѣльномъ листѣ въ надеждѣ, что правительство не оставитъ ихъ безъ вниманія.

Чайковскій не ограничился этимъ введеніемъ поляковъ во французскій дипломатическій корпусъ, — онъ занялся созданіемъ федераціи всѣхъ враждебныхъ намъ элементовъ, начиная съ черкесъ.

Черкесы издавна были въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Турціи, какъ поляки къ Франціи. Улицы Цареграда вѣчно кишѣли горцами, князья ихъ ѣздили въ Цареградъ, какъ въ Парижъ, учились тамъ мусульманству, собирали политическія новости и заискивали покровительства дивана. Чайковскій сошелся съ ними, растолковалъ, что поляки ихъ естественные союзники, и сталъ посылать въ горы своихъ агентовъ. Трудно было дикарямъ понять разницу между урусъ и лехли: плѣнныхъ они одинаково обращали въ рабство, не разбирая ихъ происхожденія и разницы между православными и католиками, и лучшій изъ агентовъ Чайковскаго, знаменитый Le Noir (не помню его настоящаго имени), былъ раненъ въ горахъ какимъ-то армяниномъ, вѣроятно хотѣвшимъ его ограбить, — по словамъ-же Чайковскаго, подосланнымъ русскими. Но наущенія турокъ и обѣщаніе помощи поляками все таки поддерживали въ горцахъ надежду отстоять себя отъ насъ; изрѣдка имъ посылалось оружіе, складчины дѣлались въ ихъ пользу... Мало по малу связь эта такъ

окрѣпла, что, если не ошибаюсь, въ 1848 году, черкесы посылали адресъ за адресомъ къ князю Адаму Чарторыйскому съ просьбою или самому сдѣлаться ихъ султаномъ или дать имъ въ султаны кого нибудь изъ своихъ сыновей. Эти адресы, равно какъ и пропасть другихъ, я самъ видѣлъ въ архивѣ Hôtel Lambert. Но Чарторыйскій мало цѣнилъ связь съ черкесами, не далъ имъ султана и — что можетъ быть величайшая его ошибка — не отправилъ на Кавказъ ни легіонеровъ 1833, ни корпусъ Бема 1849 года. Почему всѣ эти выходцы попали въ Алжиръ, а не на Кавказъ? — Я не знаю, и никто не могъ мнѣ объяснить. Іорданъ, Чайковскій, Костельскій (Сеферъ-паша), Михаловскій, Жуковскій, Косиловскій и прочіе поляки, коротко знакомые съ ходомъ цареградскихъ предпріятій, какъ-то глухо отзываются, что въ Парижѣ мало вѣрили въ пользу и въ практичность поддержки Кавказа. — Въ Крымскую войну, какъ поляки ни настаивали, чтобы союзники заняли горы, — ихъ не послушали. Экспедиція Лапинскаго тоже не принесла толку, какъ по своей малочисленности, такъ и по желанію участвовавшихъ въ ней венгерцовъ, подслужиться русскимъ сдачею имъ горъ...

Чайковскій разошелся съ Hôtel Lambert; Костельскій*, оказался почему-то неспособнымъ къ службѣ — и Владиславъ Іорданъ сдѣлался представителемъ польскихъ интересовъ. Человѣкъ самолюбивый, мстительный, интриганъ по склонности — словомъ польскій выходецъ, заматорѣвшій въ сплетняхъ и въ дрязгахъ, онъ оказался на повѣрку не способнымъ ни къ чему серьезному и навлекъ на себя ненависть всѣхъ цареградскихъ поляковъ, съ которыми обходился съ высоты своего дипломатическаго величія. Но съ черкесами ему удалось сойтись, можетъ быть потому, что онъ имѣлъ мало личныхъ столкновеній съ ними. Князья черноморскихъ племенъ бывали у него часто, и ему удалось убѣдить ихъ въ необходимости союза между собой. Изъ Убыховъ, Абазеховъ, Абазы, Натухайцевъ Шапсуговъ..., изъ семи племенъ этого берега было предположено составить федерацію по образцу швейцарской, и для этого даже конституція швейцарская была переведена на турецкій, въ руководство будущимъ федералистамъ!!!

Дѣло впрочемъ не клеилось. Горскіе князья вѣчно интриговали другъ противъ друга, а будущіе кантоны рѣзались на пропалую изъ за всякихъ пустяковъ. Но, тѣмъ не менѣе, уже начинало проникать въ массы сознаніе пользы союза, для котораго даже и гербъ былъ сочиненъ, три бѣлыхъ стрѣлы и семь звѣздъ на зеленомъ полѣ, что выходило очень красиво и во время повстанья уже присоединялось къ польскому орлу, литовскому всаднику и украинскому Михаилу Архангелу въ знакъ союза двухъ утѣсняемыхъ нами народностей.

Во время демонстрацій, которыя, очевидно, вели къ возстанію, Іорданъ сталъ энергичнѣе вести дѣло. Онъ придумалъ отдать черкесское дѣло на судъ Европы и ввязать насъ въ непріятности съ Англіей, разсчитывая, что Англія не упуститъ занять горы, эту естественную нашу крѣпость, и затѣетъ съ нами войну. Извѣстно, чѣмъ окончилось поднесеніе его protégés адреса королевѣ Викторіи, — въ парламентѣ пошумѣли, въ газетахъ поговорили и черкесскій вопросъ забылся въ Европѣ. — Но на Кавказѣ онъ произвелъ впечатлѣніе: наши войска стали дѣйствовать рѣшительнѣе и, весной 1863 г., всѣ, интересовавшіеся въ Цареградѣ политикой, сходились въ редакцію либеральной (и потому антирусской) газеты Courrier d'Orient, смотрѣть записки, прибитыя гвоздями къ груди повѣшенныхъ черкесскихъ стариковъ, по взятіи

* Костельскій, уроженецъ познанскій, выдаетъ себя за графа и за побочнаго сына покойнаго Прусскаго Короля. Человѣкъ въ высшей степени свѣтскій, онъ учитъ турокъ европейскимъ манерамъ, устраиваетъ праздники для посланниковъ, jokey cloob для пашей и т. п.

какого то аула. На этихъ окровавленныхъ лоскуткахъ было написано: «отправляйтесь къ Англійской Королевѣ». Криковъ и ужасовъ было много, особенно со стороны французовъ, которые, au nom de la civilisation, тоже самое, даже и почище, дѣлали въ Алжирѣ — и я тогда-же понялъ, что Іорданъ заслуживаетъ Станислава на шею отъ нашего правительства за то, что понудилъ насъ ускорить покореніе Кавказа. Лѣтомъ того-же 1863-го года онъ отправилъ на Кавказъ экспедицію изъ поляковъ и французовъ, нелѣпѣйшимъ образомъ составленную, но стоившую огромныхъ денегъ. Предводителемъ ея былъ полковникъ Прѣвлодскій (Przewłocki), а секретаремъ его нѣкто Сливовскій, впослѣдствіи сдѣлавшійся моимъ пріятелемъ. Онъ теперь въ Молдавіи и пишетъ для меня разсказъ о похожденіяхъ ихъ партіи въ горахъ. Если я буду имѣть возможность, я доставлю и его исповѣдь правительству; — она тоже пояснитъ бытъ политическихъ трущобъ, въ которыя высокопоставленныя лица даже и возможности не имѣютъ заглядывать.

Перейду къ моимъ сношеніямъ съ горцами. Іорданъ познакомилъ меня, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Цареградъ, съ Измаилъ-Беемъ, сыномъ нѣкогда знаменитаго Сеферъ-паши, добрымъ, но очень глупымъ малымъ, жалкимъ потомкомъ славныхъ отцовъ. Затѣмъ явились и депутаты, возившіе адресъ королевѣ Викторіи.

Идея адреса была мнѣ не по вкусу. Я былъ федералистъ, и если признавалъ право горцевъ на независимость отъ насъ, то никакъ не могъ согласиться на ихъ подчиненіе Англіи. Я это имъ прямо высказалъ, объясняя, что англичане не даромъ-же, не для преграждснія русскихъ завоеваній, дадутъ имъ чаемую помощь. Оказалось, что они объ этомъ и не подумали.

«Да какъ-же намъ быть? — толковали они. — Насъ сгоняютъ съ горъ, а на наше мѣсто казаковъ переводятъ. И мы этого не хотимъ, и казаки не хотятъ — казаки даже бунтовать съ нами собирались и предлагали въ союзъ войти, чтобы только не переселяться ни имъ, ни намъ: они сами насъ просятъ, чтобы мы не сходили съ горъ. Мы уже думали войти въ союзъ съ ними противъ русскихъ, да у насъ, у натухайцевъ, война была съ убыхами, изъ за пустяковъ — одинъ убыхъ укралъ корову у натухайца, натухаецъ его убилъ въ дракѣ — ну и пошло дѣло. А тѣмъ временемъ «девять казацкихъ генераловъ (?) было въ Сибиръ сослано, а одинъ разстрѣлянъ — такъ и остановилось».

Этотъ разсказъ породилъ въ моей головѣ планъ помирить наши федералистскіе принципы съ выгодами русскаго народа, а равно воспользоваться горами, для образованія въ нихъ гнѣзда нашей агитаціи.

— «Послушайте, — толковалъ я имъ, — чѣмъ вамъ вязаться со всякими англичанами и французами — не выгоднѣе ли будетъ просто на просто сойтись съ казаками и принять ихъ въ вашъ союзъ, благо они сами этого хотятъ. Тогда и народу у васъ въ горахъ стало-бы больше, много русскихъ и поляковъ перебралось бы къ вамъ, завели-бы у васъ станицы и стали бы васъ защищать отъ нападеній...» и т. д.

Нелѣпость этого я скоро понялъ, но черкесы увлеклись этимъ и даже собирались предложить мнѣ сдѣлаться ихъ султаномъ, если только я соглашусь на обрѣзаніе! Для этого они пошли совѣтоваться съ Іорданомъ — тотъ въ ужасъ пришелъ. «Да какъ же вы не понимаете, куда онъ ведетъ васъ? — сказалъ онъ имъ. — Вѣдь согласитесь вы на его предложеніе, — Кавказъ и безъ войны сдѣлается русскимъ: онъ васъ подчинитъ вашимъ новымъ союзникамъ казакамъ, а русскія станицы въ горахъ будутъ васъ держать въ повиновеніи». — Съ этихъ поръ отношенія наши съ Іорданомъ стали холоднѣе, но мы все таки видѣлись каждый день, и онъ не переставалъ мнѣ расписывать свое вліяніе на черкесовъ.

Былъ у него агентъ въ горахъ, полякъ, молодой человѣкъ, посланный именно для устроенія союза. Ахнулъ я, когда увидалъ его потомъ въ Цареградѣ. Это былъ

мальчикъ, не старше 19 лѣтъ, крохотный и умомъ, и ростомъ, который напроказилъ что-то въ полку и бѣжалъ изъ Одессы въ Цареградъ безъ всякихъ цѣлей — просто по глупости. Ѣсть ему было нечего, Іорданъ пріютилъ его изъ состраданія въ своемъ домѣ; Козерадскій изъ благодарности чуть сапогъ ему не чистилъ; между ними образовалось сочувствіе, — и ребенокъ былъ произведенъ въ политическіе дѣятели. Потомъ онъ какъ-то попалъ подъ гнѣвъ своего покровителя и отправился въ Россію участвовать въ возстаніи, — гдѣ онъ и что онъ, не знаю.

Другой такой-же господинъ, Заборовскій, сынъ поляка и русской, саратовскій уроженецъ, православный и ни слова не знающій по польски, вдругъ ни съ того, ни съ сего, просто со скуки быть канцелярскимъ служителемъ (образованія онъ нигдѣ не получилъ), вдругъ воспылалъ любовію къ Польшѣ и бѣжалъ вмѣстѣ съ ссыльными поляками, братьями Сливовскими и Сташевскимъ. Въ Цареградѣ ему и дѣлать было нечего, а главное, ѣсть нечего. Онъ тоже поддѣлался къ Іордану и къ покойному князю Витольду Чарторыйскому, бывшему тогда въ Цареградѣ. Іорданъ изъ удовлетвореннаго тщеславія, Витольдъ — по свойственной всѣмъ чахоточнымъ слабохарактерности, согласились на его просьбу, отправить его агитаторомъ въ Новороссійскій край! Доѣхалъ онъ съ турецкимъ паспортомъ до Одессы, прожилъ въ ней три дня, ничего, разумѣется, не дѣлая, — его арестовали и выпроводили обратно, не объясняя даже поводовъ. Онъ не унялся, опять сѣлъ на пароходъ и отправился въ Таганрогъ, подымать Донъ! — Слышно было, что его арестовали при самомъ сходѣ на берегъ, и что онъ сидѣлъ гдѣ-то въ острогѣ. — Ему было всего лѣтъ 18, образованія онъ не имѣлъ никакого, а ума былъ очень ограниченнаго. — Тысячи такихъ анекдотовъ могъ-бы я привести въ доказательство, что и польскіе агитаторы ничуть не мудреннѣй нашихъ.

Приведу примѣръ, какимъ образомъ появляются въ иностранныхъ газетахъ всякія нелѣпости о Россіи. — Встрѣчаю я на улицѣ одного знакомаго татарина, учившагося въ Цареградѣ мусульманскому богословію. Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что ходятъ между его товарищами, студентами, слухи, будто въ Казанской губерніи случился какой-то бунтъ. Я передалъ этотъ слухъ Іордану, не придавая ему особеннаго значенія, — но Іорданъ задумался. «Это, — сталъ онъ коментировать, — по всей вѣроятности, или демонстраціи, или на чисто возстаніе татаръ противъ вашего царизма. Не могли-же они забыть царства Казанскаго...» и т. д. Тутъ онъ развилъ цѣлую теорію о царствѣ Казанскомъ и Астраханскомъ, о значеніи у насъ татарскаго элемента, и понесъ такую ахинею, что я уже изъ одной вѣжливости не возражалъ. Отъ меня онъ пошелъ въ редакцію Courrier d'Orient и сообщилъ новость и поясненія къ ней редактору, доброму, но ограниченному корсиканцу Джамъ-Батисту Петри. Дня два спустя и я завернулъ къ Петри — онъ пересматривалъ корректуры, и я увидѣлъ между ними уже положительное извѣстіе о Царствѣ Казанскомъ.

— «Que diable, cher Pietri, откуда вы это взяли?»

— «Le colonel m'a dit...»

— «Да вѣдь это только предположеніе...»

— «Ah, tant pis pour les tartares! quant à nous, nous n'avons qu'encourager la cause polonaise...»

Сказать противъ этого было нечего. Мы похохотали и разстались — а «важная новость» съ новыми поясненіями явилась уже и въ турецкихъ газетахъ. Перепугались татары въ Казани, которымъ въ голову даже не приходило бунтовать pour les beaux yeux de Царство Казанское — и подали адресъ Государю съ заявленіемъ своего вѣрноподданничества!

Не знаю, какимъ образомъ Іорданъ высчитывалъ, что на Кавказѣ есть около

40,000 поляковъ солдатъ и офицеровъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что, при первой вѣсти о возстаніи въ Польшѣ, они тоже подымутся, соединятся съ черкесами и сдѣлаютъ, по меньшей мѣрѣ, демонстрацію. Это, по моему мнѣнію, все-же было выгоднѣй, чѣмъ отдача Кавказа англичанамъ, благо съ поляками рано или поздно мы помиримся, да и лучше-же видѣть Кавказъ въ рукахъ славянъ, чѣмъ Богъ знаетъ чьихъ. Мнѣ тогда прислали огромный ящикъ прокламацій «Земли и Воли», экземпляровъ, я думаю, тысячъ до восьми. Дѣвать ихъ некуда было —читать ихъ никто не хотѣлъ; — я послѣ, въ Тульчѣ, цѣлыхъ полтора года изводилъ ихъ на самоваръ и на печи, и все не могъ одолѣть. Одинъ старообрядецъ, Григорій Михайловъ Разноцвѣтовъ, поручикъ турецкихъ казаковъ и большой другъ поляковъ, досталъ случайно съ полсотни экземпляровъ и прибилъ ихъ въ Тульчѣ по всѣмъ посѣщаемымъ имъ кабакамъ. Я думаю, онѣ тамъ и до сихъ поръ торчатъ на стѣнахъ, но я не видалъ ни разу, чтобъ ихъ кто читалъ, хотя меня этотъ вопросъ и мало интересовалъ въ періодъ моего разочарованія. Кто и останавливался надъ ними, тотъ навѣрно ругалъ поляковъ, — такъ сильна увѣренность въ нашемъ простонародьи, что все, что пишется противъ правительства, непремѣнно должно быть польскими кознями. — Іорданъ взялъ ихъ у меня съ сотню и отправилъ на Кавказъ, поручивъ черкесамъ распространеніе ихъ. — Сколько знаю, кое гдѣ ихъ поприбивали къ деревьямъ, а большая часть погибла безслѣдно. Впечатлѣнія онѣ тоже ровно никакого не произвели на наши войска, и солдаты католики даже не думали переходить къ черкесамъ. Все это былъ миражъ, фантазія, — и я началъ догадываться, что наше дѣло неисполнимо, и наши вѣрованья не выдерживаютъ критики. Уже какъ-то пасивно, по привычкѣ къ агитированью, а не изъ вѣры въ успѣхъ, налитографировалъ я первую и послѣднюю прокламацію моей собственной работы, въ заголовкѣ которой поставленъ русскій крестъ, и которая начинается словами «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ», написанными вязью. Она точно также пошла на самоваръ.

Близкое знакомство съ поляками подорвало во мнѣ вѣру въ ихъ способность и въ возможность успѣха ихъ дѣла, а внимательное чтеніе газетъ заставило меня признаться себѣ, что мои золотыя грезы о возможности федерацій такъ и слѣдуетъ признавать грезами. Какая-жъ федеративная Россія можетъ выйти подлѣ Польши, основанной на историческомъ правѣ, Германіи съ ея тогдашнимъ Nationalverein'омъ и Франціи съ централизаціей! Какая домашняя сдѣлка могла выйти съ поляками, когда они всю Европу на насъ тащили? Можно подавить въ себѣ патріотическій эгоизмъ; — но какъ-же могъ я, русскій, равнодушно смотрѣть хоть на введеніе уніи у Болгаръ, единственно затѣмъ, чтобъ поссорить ихъ съ нами и чтобъ, раздѣливъ ихъ, обезсилить ихъ народность.

Кстати объ этой уніи. Она тѣмъ-же Іорданомъ была затѣяна. Высшее греческое духовенство развратно и корыстолюбиво такъ, что повѣрить нельзя, не поживши самому въ Турціи. Оно грабитъ народъ, на свои гаремы, не только изъ дѣвушекъ, но — писать даже противно — изъ мальчиковъ, изъ послушниковъ и молодыхъ дьяконовъ! Понятно, какую ненависть долженъ былъ возымѣть къ нему возрождающійся болгарскій народъ, особенно, когда оно стало преслѣдовать славянское богослуженіе.

Болгаре заявили протестъ противъ этого преслѣдованія, греки обвинили ихъ передъ турками, будто они хотятъ подчиниться нашему синоду, будто все движеніе идетъ изъ Россіи, за наши деньги. Синодъ нашъ, — загадка для меня, почему — сталъ поддерживать грековъ и въ посланіяхъ цареградскому патріарху признавалъ его первенствующимъ въ православной церкви, хотя первенство это перешло къ намъ, вмѣстѣ съ двуглавымъ орломъ, при бракосочетаніи Ивана Васильевича III съ Софіею Палеологъ, и съ принятіемъ имъ царскаго титула. Болгаре стали между двухъ

огней, когда мы ихъ такъ жестоко отринули, а мы-то именно одни и имѣемъ право поставить имъ патріарха, хотя, по застѣнчивости нашей, и отказываемся отъ этого права. Съ тайнаго соглашенія Порты, высшаго греческаго духовенства и поляковъ, при помощи болгаръ, воспитывавшихся въ Парижѣ и въ французскихъ цареградскихъ школахъ (русскихъ мы тамъ не завели), явилася мысль объ уніи. Греки поддерживали ее, изъ ненависти къ намъ, за наше первенство въ православіи и за сочувствіе славянъ къ намъ. Имъ захотѣлось раздѣленія болгаръ на два враждебныхъ стана, чтобы облегчить дѣло возстановленія Византійской имперіи, — имъ выгоднѣй видѣть болгаръ католиками, протестантами, кѣмъ угодно — только-бы нашими врагами и врагами нашего синода. — Проклятія сыпались на насъ отъ болгаръ въ 1862—63 году, когда я былъ въ Цареградѣ, за нашу политику, которая разбудила ихъ при Петрѣ и при Потемкинѣ къ политической жизни, — и вдругъ сдѣлалась какой-то таинственной, нѣмецки-чопорной, старчески-легитимистской, не давала имъ идти ни взадъ, ни впередъ, а сдѣлала изъ Турціи игрушку западныхъ державъ. Они понять не могли, чего мы хотимъ, за нихъ мы или противъ нихъ, отчего мы такъ высокомѣрно держимъ себя въ отношеніи ихъ и болѣе соблюдаемъ какіе нибудь вѣнскіе или парижскіе трактаты, чѣмъ ихъ интересы, тогда какъ эти-то ихъ интересы въ сущности наши, потому что они не могутъ не предвидѣть образованія Всеславянскаго Государства.

Унія плохо принялась; это мнѣ говорили сами миссіонеры, Мальчинскій, уроженецъ нашего Холма, и дьяконъ Лавросевичъ, тоже изъ холмскихъ. Этотъ дьяконъ бѣжалъ въ Турцію за демонстраціи, въ Цареградѣ явно дѣйствовалъ противъ православія и Россіи, за что ему болгаре глазъ вышибли, а умеръ въ Краковѣ, священникомъ уніатской церкви, содержащейся на наши деньги и состоящей подъ вѣдѣніемъ Холмской епархіи. Съ какимъ правительствомъ можно поступать такимъ образомъ? и не правъ-ли я, такъ жестоко отзываясь о нашемъ дипломатическомъ корпусѣ? Когда этотъ Лавросевичъ умеръ, то изъ бумагъ его оказалось, что онъ былъ краковскимъ повѣреннымъ Народнаго Правительства!!! Народъ ненавидѣлъ этихъ миссіонеровъ, явно презиравшихъ восточный обрядъ и проповѣдывавшихъ ему не столько унію, сколько Польшу и Францію, и народъ не пошелъ за ними, что заставило и передовыхъ людей оставить унію. Унія, кажется, погибла, но ненависть болгаръ къ фанаріотамъ (выше подъ словомъ «Греки» я только фанаріотовъ и понимаю) надоумила американцевъ, и они взялись за распространеніе методизма. Болгаре обращаются, — потому что надо-жъ куда нибудь уйти отъ фанаріотовъ, поддерживаемыхъ нами въ интересахъ славянства и православія. Такимъ образомъ, невѣдѣніе правительствомъ внутренняго быта подвластныхъ и сосѣднихъ ему племенъ тяжко отзывается на его собственныхъ интересахъ. Паспортная и таможенная система, бюрократическіе пріемы, воспрепятствовали заселенію нами Калифорніи и вынудили насъ продать нашу Америку — Соединеннымъ Штатамъ, а лучшую часть Мурманскаго берега — Норвежцамъ. Въ Западныхъ губерніяхъ русскіе подѣлались поляками, а пограничныя мѣста наши день ото дня теряютъ русскій характеръ и дѣлаются нѣмецкими. Славянство мечется во всѣ стороны, находитъ сочувствіе только въ иноплеменникахъ и, вмѣсто того, чтобъ сближаться съ нами, вынуждено отъ насъ отдаляться.

Оставляя мало-по-малу антиправительственную дѣятельность, я сталъ искать себѣ поля, на которомъ могъ-бы быть полезнымъ. О возвращеніи въ Россію и думать было нечего, — надо было примкнуть хоть къ болгарамъ, благо они все-же родные намъ. Я перезнакомился со всѣми ихъ предводителями (съ Чумаковымъ Экзархомъ, Стояновичемъ, Дановыми и прочими). — Болгаре сильно заботятся о поднятіи своей

литературы, но по неопытности не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Я посовѣтовалъ имъ завести періодическое изданіе въ родѣ нашего «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ» и т. д., гдѣ помѣщались-бы преимущественно переводы русскихъ, польскихъ и чешскихъ романовъ, за невозможностью имѣть оригинальные; затѣмъ была бы критика, ученыя и политическія новости. Мысль моя имъ очень понравилась, смѣта показала, что 2000 подписчиковъ будетъ за глаза довольно для покрытія издержекъ и для содержанія редакціи, даже и фирманъ на право издавать журналъ «Цареградски-тѣ Книжицы» отдавался мнѣ, — но нужно было добыть согласіе Порты на мое редакторство. Болгаре просить объ этомъ не рѣшались, потому что я русскій, хоть и эмигрантъ; мнѣ самому тоже не приходилось хлопотать: Аали-паша могъ бы сразу осадить меня вопросомъ, почему я такъ усердствую развить болгаръ? — Да, наконецъ, всякіе фанаріоты, французы, американцы, англичане — затравили-бы меня своими интригами, какъ впослѣдствіи въ Тульчѣ. Я вздумалъ посовѣтоваться съ княземъ Витольдомъ, а мы съ нимъ были въ довольно хорошихъ отношеніяхъ. Покойникъ былъ человѣкъ не глупый, умѣренный и принадлежалъ къ той партіи, которая, въ глубинѣ души, хотѣла только возстановленія Царства Польскаго съ Западной Галичиной и съ Познанскимъ Воеводствомъ, не задѣвая Западныхъ губерній. Pia desideria ихъ была союзъ съ Россіей и кровавая месть Западу, за его обманы и интриги. Этого желаютъ всѣ поляки мазурскихъ провинцій Россіи, Пруссіи и Австріи, а о границахъ 1772 года только нашъ Западный Край, да Восточная Галичина мечтаетъ, — поэтому-то энергическое изгнаніе оттуда латинскаго обряда, и замѣна польскихъ именъ соотвѣствующими русскими (Казиміръ — Владиміръ, Францъ — Ѳедоръ и т. п.) — мѣра, безъ которой мы не обойдемся рано или поздно.

Витольдъ въ восторгъ пришелъ отъ моего проекта, но сказалъ, что его личное ходатайство у Аали-паши едва-ли подвинетъ дѣло. Турки ни въ чемъ не отказываютъ, но обѣщаются подумать, сообразить и затягиваютъ дѣло на десятки лѣтъ. «Я обращусь къ де-Мутье», сказалъ онъ, — «этотъ мигомъ заставитъ признать васъ редакторомъ».

— «Да, князь, — это хорошо, — но вѣдь тогда «Цареградски-тѣ Книжицы», волей не волей, сдѣлаются какимъ-то офиціознымъ органомъ французскаго посольства».

— «Нѣтъ! зачѣмъ-же? — этого не потребуютъ».

— «Понимаю я, что не потребуютъ, но все-же хоть изъ благодарности надо будетъ подкуривать Наполеону».

— «Все-жъ по крайней мѣрѣ не au Tsar...»

— «Я бы, князь, хотѣлъ и о томъ, и о другомъ умалчивать; мнѣ дороги интересы самихъ болгаръ. Вѣдь вотъ и вы соглашались, что унія вредна для нихъ, потому что она ихъ раздѣляетъ, и что лучше-бы было и не затѣвать ее, — а вѣдь маркизъ не будетъ доволенъ, если я что скажу противъ уніи...»

— «Зачѣмъ-же вамъ писать противъ уніи? Вѣдь не можете-же вы не признать, что православіе годно было только для среднихъ вѣковъ Восточной Европы, что католицизмъ ничто иное, какъ то-же православіе, но развитое, усовершенствованное, прогрессивное, — и что унія благодѣтельна сама по себѣ. Взгляните на армянъ уніатовъ: какъ безконечно далеко обогнали они григоріанъ».

— «Я думаю, что католицизмъ самъ по себѣ, а православіе само по себѣ. Отсталость его ничего не доказываетъ, — наши школы скверны, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, у насъ Богъ знаетъ какихъ уродовъ приходится ставить въ священники, за неимѣніемъ образованныхъ людей, — но это вовсе еще не означаетъ, чтобы православіе было ниже латинства, какъ неразвитость славянскихъ

нарѣчій не доказываетъ превосходства надъ ними германскихъ. — А что до армянъ уніатовъ, — то при всемъ ихъ образованіи, нельзя не замѣтить, что они больше католики, чѣмъ армяне, и что имъ, интересы какой нибудь Франціи, дороже интересовъ своихъ соплеменниковъ. Спросите любого носильщика григоріанца, кто онъ такой, — онъ вамъ отвѣтитъ: «Бенъ эрмени-имъ» — я армянинъ; а уніатъ скажетъ: «католыкъ имъ» — я католикъ...

— «Да, да, оно, пожалуй, и можно найти во всемъ темныя стороны, — только если вы такъ смотрите, то я право не знаю, какъ мнѣ быть...»

И пришлось отказаться отъ дѣла честнаго и полезнаго. И не будь я эмигрантомъ, все равно пришлось-бы отказаться, — наше посольство не стало-бы хлопотать за меня, безъ особаго предписанія изъ Петербурга.

Кончаю этотъ разсказъ, о вліяніи поляковъ на восточные народы, слѣдующимъ замѣчаніемъ. Въ мою бытность въ Цареградѣ, Іорданъ и братія уже начинали входить въ сношенія съ хивинцами, коканцами и бухарцами, противъ насъ, а турецкіе офицеры, изъ горцевъ, сильно подумывали о поѣздкѣ въ среднюю Азію, для организаціи тамошнихъ войскъ на европейскій манеръ. Высшіе кружки польской эмиграціи лелѣютъ еще одну мысль — устройство агентствъ въ Пекинѣ и въ Еддо. И это будетъ посерьезнѣе ихъ цареградскихъ дѣлъ. Гордоны и Лефорты, изъ поляковъ, при китайскихъ и японскихъ Петрахъ великихъ, движимые местью къ намъ, не пропустятъ случая насолить намъ въ Монголіи, Манжуріи и въ самой Сибири. Китай и Японія вовсе не дряхлая Турція. У нихъ есть народность, образованный классъ, уваженіе къ наукѣ и охота учиться. Ближе насъ никто не заинтересованъ судьбой этихъ двухъ, дѣйствительно великихъ державъ, а мы равнодушно смотримъ на распространеніе тамъ католичества и протестанства, запрещаемъ проповѣдь православія. Нѣмцы и американцы уже образовываютъ тамошнія войска по европейски, — а русскихъ офицеровъ нѣтъ. Я мало слѣдилъ послѣднее время за тамошними дѣлами, но имена поляковъ уже начинаютъ попадаться въ спискахъ тамошнихъ дѣятелей. Неужели-же правительство не приметъ никакихъ мѣръ къ привлеченію къ себѣ симпатій тамошнихъ населеній? — а вѣдь намъ ничто не ручается, что Сибирь вѣчно останется въ покоѣ; — Сибирь-же въ рукахъ иноплеменниковъ, будь они даже нашими подданными, убьетъ Россію.

И съ Некрасовцами сошелся Чайковскій въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Добруджу. Онъ толковалъ имъ о казачествѣ, о военной славѣ, о Донѣ и о Запорожьѣ, и старался возбудить въ нихъ мысль объ образованіи въ Южной Россіи казацкихъ республикъ въ союзѣ съ Польшей. Дикіе и подозрительные Некрасовцы въ тупикъ стали отъ его посѣщенія и перепугались на смерть, — ихъ пугаетъ каждый незнакомый человѣкъ и каждое новое предложеніе; имъ все сдается, что противъ нихъ кто-то интригуетъ, ведутъ подкопы подъ нихъ — словомъ, они очень высоко о себѣ думаютъ. — Для переговоровъ съ Чайковскимъ, испытать «какого онъ духу человѣкъ есть», отрядили они Осипа Семенова Гончара или Гончарова. — Этотъ замѣчательный человѣкъ родился въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на Кара-Бурну, мысѣ между Босфоромъ и Чернымъ моремъ, гдѣ тогда существовалъ маленькій казацкій поселокъ; потомъ, въ 1829 году переселился съ частью Некрасовцевъ въ Бессарабію, гдѣ сдѣлался повѣреннымъ по дѣламъ своего общества, хлопоталъ для него у губернатора Федорова, даже до покойнаго Государя добирался въ Варшавѣ и въ Петербургѣ, но, соскучась по Добруджѣ, бѣжалъ опять въ Турцію, гдѣ, до Парижскаго мира, или вѣрнѣй до 1895 года, былъ главою Некрасовцевъ. Человѣкъ удивительно дѣятельный, трезвый, безкорыстный, онъ всецѣло

преданъ интересамъ старообрядчества и цѣнитъ всѣ событія міра по ихъ выгодности и невыгодности для его церкви. Память у него удивительная, дипломатъ онъ отъ природы и, несмотря на то, что не получилъ ровно никакого образованія, онъ пишетъ свои мемуары, въ высшей степени любопытные для исторіи Добруджи и Некрасовцевъ. Стихотворенія его плохи, хотя онъ и въ нихъ упражняется.

Сойдясь съ Чайковскимъ, Гончаръ понялъ одно, — что Чайковскій человѣкъ сильный, что онъ въ связяхъ съ разными царями, королями, князьями, пашами и всякими большими господами, и что надо ему поддакивать и угождать, потому что снъ можетъ пригодиться. Возстаній, республикъ, Польши Гончаръ, разумѣется, не понималъ, хоть и печалился о горькой участи большихъ пановъ, которыхъ «Россія по цѣлому бѣлому свѣту разогнала», наравнѣ съ послѣдователями древняго благочестія; Чайковскій-же видѣлъ въ Гончарѣ человѣка вліятельнаго, толковаго и дѣятельнаго, который повидимому понималъ его планы, сочувствовалъ поэзіи казачества и обѣщалъ ему посылать эмисаровъ на Донъ, на Уралъ, на Линію, — что и дѣлалось, но, разумѣется, крайне осторожно и совершенно безуспѣшно. Тогда старообрядчеству было не до того. — Министерство Перовскаго закрывало моленныя, силой вводило единовѣріе, и хотя недовольство было и сильно, но возстаніе все таки могло произойти ужъ никакъ не въ пользу Польши или Турціи, и никакъ не по иностранному наущенію.

Тѣмъ не менѣе, русскіе старообрядцы не пренебрегли желаніемъ Чайковскаго сблизиться съ ними и послали къ Гончару извѣстнаго Павла Бѣлодворскаго и Олимпія Милорадова, чтобы онъ, при помощи Чарторыйскихъ, помогъ имъ отыскать архіерея. Чайковскій исполнилъ это дѣло блистательнымъ образомъ. Великій визирь и греческій патріархъ, Чарторыйскій и Меттернихъ, всѣ вмѣстѣ были вовлечены въ этотъ заговоръ, отыскали и дали старообрядцамъ Митрополита Амвросія, утвердили его въ Бѣлой Криницѣ и положили основаніе нынѣшнему старообрядческому духовенству. Цѣль въ этомъ была — сдѣлать Россію менѣе православной, и тѣмъ лишить ее права вмѣшиваться въ дѣла Турціи и Цареградской патріархіи. — Торжествовали поляки, устроивъ эту штуку, и сильно разсчитывали на сочувствіе къ нимъ старообрядцевъ, — но годъ 1846 прошелъ также мирно, какъ 1848, какъ Крымская война и какъ послѣднее возстаніе; даже мало кто изъ старообрядцевъ и подозрѣваетъ, что бѣлокриницкое священство полякамъ обязано своимъ происхожденіемъ.

Дѣятельное участіе Гончарова и Чайковскаго въ этомъ похищеніи Амвросія еще болѣе сблизило обоихъ дѣятелей, и Гончаровъ не могъ не заразиться отъ Чайковскаго ненавистью къ Россіи. — Чайковскій и его поляки были единственные образованные друзья дикаго старообрядца и сильно дѣйствовали на его воображеніе своими связями и аристократизмомъ. Онъ-же, кстати, нуждался въ ихъ поддержкѣ, потому что въ Добруджѣ, въ средѣ Некрасовцевъ, не замедлила образоваться партія «раздорниковъ», то есть, не признающая новаго священства, и завязала борьбу съ «Гончаровою вѣрой». Начались обоюдныя преслѣдованія, покушенія даже на жизнь Гончара, въ тюрьму его засадили, какъ тайнаго благопріятеля православія, потому что онъ отъ православныхъ сманилъ митрополита и, стало-быть, замышлялъ передать Некрасовцевъ русскимъ и т. п. нелѣпости. Борьба тянулась до Крымской войны. Чайковскій успѣлъ превратиться въ Мехмеда Садыкъ-Пашу и сталъ серьезно помышлять о возстановленіи казачества. Порта разрѣшила ему сформировать казацкій полкъ изъ охотниковъ, и Гончаръ дѣятельно помогалъ ему въ наборѣ всякихъ забулдыгъ изъ старообрядцевъ. Чайковскій еще усерднѣй сталъ помогать своему другу и его партіи. Опираясь на него, Гончаръ

Егоръ Носъ, Шмаргунъ и прочая знать Некрасовская, стали хозяйничать по селамъ, какъ хотѣли. Плети отсыпались въ неограниченномъ количествѣ всѣмъ ихъ врагамъ и противникамъ, раздорникамъ; раздорниковъ стѣснили до нельзя, — и все это именемъ Садыка и его поляковъ. Поставили Некрасовцы ополченіе — поляки стали учить ихъ новымъ пріемамъ — это была смертельная обида казакамъ, которые и изъ Россіи то ушли потому, что ихъ тамъ учить хотѣли. Начальство у нихъ было прежде свое, — поляки стали назначать имъ атамановъ и пороли ихъ за малѣйшее ослушаніе. — Наконецъ, открылись и военныя дѣйствія. По старымъ фирманамъ, казаки не несли никакихъ повинностей, — а во время войны турки стали — брать у нихъ на реквизицію сѣно, хлѣбъ, заставляли ихъ давать подводы, словомъ, сравняли ихъ съ раёй. Война кончилась, вознагражденія они за эти несправедливости не получили, а медали за войну Гончаръ, съ Носомъ, своимъ пріятелемъ, роздали только своимъ приверженцамъ. Къ этому прибавились еще стѣсненія — мѣстныя власти землю у нихъ обрѣзали; наложили на нихъ нѣкоторыя повинности; откупъ на рыбныя ловли, — главный промыселъ казаковъ, стали грабить ихъ хуже прежняго, а Садыкъ обѣщалъ имъ помочь только съ тѣмъ, что они будутъ давать ему рекрутовъ въ его полки, — кончилось все тѣмъ, что возродилась непримиримая ненависть къ Садыку съ Гончаромъ, а равно и ко всему, чтобы они ни предпринимали: въ 1864-году мнѣ удалось, по ихъ просьбѣ, окончательно добиться у Порты обращенія ихъ въ обыкновенную раю, на чемъ и оборвалось всякое вмѣшательство поляковъ въ дѣла ихъ.

Завѣтной мечтой Садыка было сдѣлаться Гетманомъ всѣхъ казаковъ. Парижскій миръ уничтожилъ эту надежду, и Садыку осталось одно — сдѣлаться гетманомъ хоть Добруджи, для которой можно было выхлопотать у Порты полную автономію, поставить ее въ такое-же независимое положеніе, какъ Дунайскія Княжества. Но его пріязнь и покровительство ненавистному Гончару, поведеніе его поляковъ, грабежи его солдатъ — сдѣлали то, что нечего было и разсчитывать, что Некрасовцы и прочее русское населеніе этого края подпишутъ просьбу о назначеніи его пашею въ Тульчу. Въ этомъ онъ лично убѣдился, побывавъ въ Добруджѣ въ 1857 или 58 году. Тогда онъ силой захотѣлъ принудить къ этому русскихъ, и самъ, съ Гончаровымъ, началъ надоумливать турокъ стѣснять ихъ, въ разсчетѣ, что они покорятся и, съ горя, попросятъ его въ гетманы. Но, какъ я уже сказалъ, это ухудшило дѣло, — и онъ могъ ограничиться только посылкою туда своихъ агентовъ, въ какіе и я попалъ безъ моего вѣдома.

Пріѣхавъ въ Цареградъ, все еще не теряя надежды на выигрышъ нашего дѣла, я бросился разыскивать старообрядцевъ. Случай свелъ меня скоро съ Семеномъ Ильичемъ Васильевымъ, повѣреннымъ Вилкова. Онъ хлопоталъ о правахъ своего посада на рыбныя ловли, отрѣзанныя трактатомъ 1856 года Турціи, тогда какъ самъ посадъ достался Молдавіи. Вопросъ былъ международный, и я мигомъ поручилъ Іордану хлопотать о немъ у де-Мутье, у Бульвера, а самъ, почти противъ воли, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ секретаря, переводчика, дѣлопроизводителя при этомъ повѣренномъ. Чуть не каждую недѣлю составлялъ я ему записки и прошенія Аали-пашѣ и дипломатическому корпусу, ходилъ съ нимъ и въ Порту, и въ посольства, за что получалъ отъ него гонораріи, которымъ и жилъ. Мнѣ хотѣлось убѣдить фактомъ турецкихъ русскихъ въ нашемъ вліяніи, захватить ихъ дѣла въ наши руки, быть имъ полезными — и такимъ образомъ сдѣлать ихъ орудіемъ нашихъ плановъ. Дѣло тогда шло о сборѣ денегъ на типографію и о посылкѣ старообрядцами адреса Герцену, вродѣ адреса русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Семенъ Ильичъ совершенно склонился на эти планы, — но стоило ему съѣздить до-

мой, и всѣ мои труды оказались напрасными. Въ Вилковѣ ему сказали, что это дѣло не подходящее, что изъ заграницы такого дѣла и начинать не слѣдуетъ, потому-что неизвѣстно еще, какъ московскіе «вельможи» на это посмотрятъ, что поляки все таки бунтовщики, и что съ русскимъ правительствомъ ссориться опасно. Насчетъ типографіи обѣщали подумать, столковаться – и на томъ дѣло и оборвалось.

До этого еще, я съѣздилъ въ Малую Азію, къ тамошнимъ Некрасовцамъ, первое, – чтобы познакомиться съ ними, а второе – попробовать, какъ они смотрятъ на насъ и на мои предпріятія. Подробности этой поѣздки напечатаны въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1866 года, – опущено только то, что Некрасовцы не могли понять, съ чьего я благословенія буду печатать, когда теперь уже нѣтъ ни благовѣрныхъ царей, ни благочестивыхъ патріарховъ, – остальное все вѣрно.

Скоро послѣ моего возвращенія отъ нихъ, Семенъ Ильичъ привелъ ко мнѣ Гончара, часто бывавшего въ Цареградѣ по торговымъ дѣламъ. Гончаръ былъ въ высшей степени любезенъ и радъ познакомиться со мной, разсказывалъ о своихъ связяхъ, о поѣздкѣ въ Парижъ, гдѣ онъ представлялся Тувенелю, прося его настоять у русскаго правительства на выдачѣ Тульчанскаго епископа, арестованнаго во время войны.

Арестъ Олимпія и Аркадія былъ дѣломъ мести двухъ русскихъ офицеровъ, которые не хотѣли заплатить старообрядцамъ за провіантъ, и личнаго оскорбленія генералу Ушакову, котораго одинъ изъ этихъ епископовъ не пустилъ ко кресту, какъ иновѣрца. – Арестъ этотъ, совершенно не нужный, крайне оскорбилъ всю поповщину, и особенно заграничную, и помогъ полякамъ и К$^{\underline{o}}$ вводить правительство наше въ непріятности, а старообрядцевъ наталкивать на сближеніе съ французами. Послѣ долгихъ хлопотъ, Гончаръ рѣшился съѣздить въ Парижъ, гдѣ Hôtel Lambert выхлопотала ему аудіенцію у Тувенеля. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсказывается, что онъ былъ у Наполеона, – это неправда; я знаю дѣло отъ него самого и отъ его переводчика, выше упомянутаго Косиловскаго. Тувенель разспросилъ его о подробностяхъ дѣла и, обѣщавъ ему помощь Франціи, задалъ ему слѣдующій вопросъ:

– «Ну, а что, тамъ, въ Добруджѣ, и въ Россіи, всѣ старообрядцы знаютъ о Императорѣ? Вообще, какъ они смотрятъ на насъ?»

– «Ваше Превосходительство, господинъ Тувенелій, только на одну Францію мы и полагаемся, только за его Величество и Бога-то молимъ. У насъ самыя махонькія дѣти знаютъ, кто такой и Наполеонъ, и его супруга Ивгенья. Энто у насъ, Ваше Превосходительство, въ каждой хатѣ образа есть, такой обычай у насъ, – такъ подлѣ образовъ то, на одной сторонѣ его патретъ, а на другой ейный!» (Все это, разумѣется, вранье.)

– «Ну и пусть же вѣруютъ въ насъ, – отвѣчалъ Тувенель, – Франція докажетъ, что она не даромъ взялась быть покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ».

Къ характеристикѣ этого французскаго savoir faire, котораго именно не достаетъ у насъ, замѣчу, со словъ Косиловскаго, что въ то самое время, французскій-же консулъ изъ Александріи, не могъ добиться аудіенціи у Тувенеля и такъ и уѣхалъ, не повидавшись съ нимъ, – а Гончаръ былъ принятъ и обласканъ. Вотъ и льнутъ всѣ угнетенные къ Наполеону, и ѣдутъ въ Парижъ всякіе марониты, друзы, армяне, курды...

Гончаровъ одобрилъ и адресъ, и типографію, взялся немедленно переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ и списаться съ Москвою и уѣхалъ, обнадеживъ меня во всемъ. Потомъ, онъ часто наѣзжалъ въ Цареградъ, все обнадеживая, съѣздилъ еще разъ

въ Парижъ, по торговымъ своимъ дѣламъ и даже въ Лондонъ смахалъ, познакомиться съ Герценомъ, и воротился очень довольный тамошнимъ пріемомъ, особенно-же знакомствомъ съ княземъ Долгоруковымъ. Онъ и въ Лондонѣ все обѣщалъ, хоть ничего не понялъ, о чемъ идетъ дѣло. — Все, что выходитъ за предѣлы интересовъ старообрядчества, ему рѣшительно не доступно и чуждо.

Короче сказать — ничто не удавалось, ничего придумать даже нельзя было въ пользу нашего дѣла. И что всего мучительнѣй было, — въ душѣ начали возникать страшныя сомнѣнія въ его правотѣ и полезности. Очевидно со дня на день становилось, что наши чистыя и честныя вѣрованія были утопіей, неприложимой къ дѣлу теоріей; — что на зовъ нашъ не только никто не откликался, да и никто не могъ откликнуться. Какъ ни боролся я противъ этихъ «черныхъ думъ», чѣмъ я ни старался заглушить ихъ, археологіей и исторіей, даже виномъ подъ часъ, — черныя думы не унимались, а одна за другой возникали въ умѣ, какъ какіе демоны, явившіеся мучить мою душу. Я обратился къ Герцену за разрѣшеніемъ этихъ страшныхъ загадокъ, я высказывалъ ему мои сомнѣнія, я просилъ убѣдить меня, воротить къ прежнимъ идеаламъ, — онъ мнѣ на все отвѣчалъ, но отвѣты его только усиливали мое невѣріе. Я метался отъ книги къ книгѣ, я магію даже сталъ изучать, спиритизмъ, я цареградскія трущобы сталъ изслѣдовать, чтобы какъ нибудь забыться, — ничто не брало.

Я вѣрилъ въ равенство, — Турція, страна безъ аристократіи, разбила это вѣрованіе. Въ ней жить нельзя, потому что нѣтъ независимыхъ людей, потому что тамъ никакія фамильныя преданія не удерживаютъ личность отъ подлости; тамъ все изъ за денегъ, и каждый рыцарскій поступокъ бываетъ смѣшенъ. Я былъ атеистъ — благодаря фанаріотскому духовенству тамъ масса атеистовъ лавочниковъ, мастеровыхъ, — и я возненавидѣлъ атеизмъ, хотя не могъ еще признать существованія Божія. Я былъ за поляковъ, — но вотъ, я почти съ утра до вечера былъ съ ними, — и, кромѣ презрѣнія, ничего къ нимъ не чувствовалъ. Я былъ за народность, — а на дѣлѣ оказывалось, что народность ведетъ только къ отупленію, къ патріотическому эгоизму, къ несправедливости. Я вѣрилъ, что людей можно убѣдить логикой, — а оказывалось, что ихъ привычки и преданія заглушаютъ въ нихъ голосъ разума. — Словомъ, я во все потерялъ вѣру, все человѣческое стало мнѣ чуждо и отвратительно.

Міръ казался мнѣ ерундой и былъ мнѣ такъ противенъ своимъ безсмысліемъ, что сама жизнь становилась въ тягость. Мнѣ не разъ приходила мысль покончить свое существованіе и — можетъ быть, я бы сдѣлалъ это, — если-бъ не былъ семейнымъ человѣкомъ, и если-бъ глубокая привязанность къ женѣ и къ брату не мирила меня нѣсколько съ жизнью. — Братъ, въ іюлѣ (кажется) 1863 года, попалъ въ Цареградъ, въ бѣгствѣ своемъ изъ Россіи. Я никакъ не ожидалъ его появленія и вовсе не зналъ, что онъ снова попалъ подъ судъ. Его пріѣздъ былъ для меня праздникомъ, — только я знаю, какъ я былъ къ нему привязанъ! Онъ хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, но мы рѣшились не разставаться, да и не могли разстаться. Будь онъ живъ, онъ или-бы не пустилъ меня теперь въ Россію, или-бы послѣдовалъ моему примѣру. — Тогда онъ былъ весь проникнутъ такъ называемымъ нигилизмомъ, хотя и не въ такой безобразной формѣ, до которой доходили другіе, а горячо защищалъ возможность привести въ исполненіе все, что было задумано и нами, и нигилистами. Мои отрицанія глубоко оскорбляли его юность, вѣрующую душу, и онъ настаивалъ, чтобы я продолжалъ начатое. Я не могъ, — онъ самъ взялся за работу и сталъ писать письма вліятельнымъ старообрядцамъ съ изложеніемъ нашихъ стремленій. Отвѣта, разумѣется, не было ни отъ кого, но, не дожидаясь ихъ, онъ поѣхалъ въ Добруджу, ускорять заведеніе обѣщанной Гончаровымъ типографіи. — Жена и

дочь пріѣхали ко мнѣ, въ Цареградъ, недѣль шесть послѣ его пріѣзда. Я не хотѣлъ возвращаться на Западъ и потому, что тамъ падала наша издательская дѣятельность, и потому, что мнѣ Западъ сталъ ненавистенъ — мнѣ хотѣлось бѣжать куда нибудь отъ людей, исчезнуть, провалиться сквозь землю, такъ чтобъ обо мнѣ никто больше не слышалъ. Все мое честолюбіе, если это честолюбіемъ можно назвать, сосредоточилось на одномъ желаніи — поселиться въ какой-нибудь глуши и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ, хорошимъ отцомъ семейства, зарыться въ науку и въ философію и добиться до крайнихъ предѣловъ отрицанія — своихъ прежнихъ вѣрованій, казнить которыя уже стало моимъ высшимъ наслажденіемъ.

Но бѣда никогда не приходитъ въ одиночку. Мало было нравственныхъ страданій — матеріальная нужда стучалась въ двери, и начались два съ половиною года каторги, во время которой я похоронилъ брата, сына, дочь, жену и чуть съ ума не сошелъ. Не знаю, удастся-ли мнѣ въ двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ дать хоть приблизительное понятіе объ этомъ ужасномъ для меня времени, разстроившемъ мое здоровье, давшемъ мнѣ преждевременную сѣдину, — да и можетъ быть духу не хватитъ разсказывать подробно.

Вилковское дѣло, за которое мнѣ такъ хорошо платили, разсчитывая, что я могу чего-нибудь добиться, при помощи моихъ связей съ поляками, плохо подвигалось впередъ, — поляки оказались всемогущими только въ доносахъ, въ клеветахъ, а никакъ не въ веденіи серьезныхъ дѣлъ. Ихъ неудачи въ Россіи сильно подрывали ихъ прежній кредитъ въ Цареградѣ. — Вилковцы потеряли на меня надежду, и доходы мои прекратились почти немедленно по пріѣздѣ моей жены и дочери, то есть когда деньги были всего нужнѣй. У Малоазійскихъ Некрасовцевъ былъ тоже процессъ, за который ихъ-же старики предлагали мнѣ взяться, но съ ихъ «кругомъ» ничего нельзя было столковать. Другихъ дѣлъ, какъ нарочно, не случалось въ то время: Гончаровъ только обнадеживалъ типографіей, изъ Россіи вѣстей отъ Солдатенкова и Шебаевскаго кружка не было, болгарскій журналъ не удался. А зима подходила. — Сталъ я искать службы, хоть бухгалтеромъ, писаремъ, я-бы кельнеромъ сдѣлался, — нигдѣ ничего.

Я не въ силахъ разсказывать, какъ я жилъ...

Оставалось одно — принять предложеніе Садыка, сдѣлаться казацкимъ головою (казалъ-баши), атаманомъ въ Добруджѣ, за пять турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ (почти 30 р. сер.); и разумѣется, я съ радостью ухватился за эту должность, которая меня спасала отъ нищеты и давала мнѣ возможность жить все таки между русскими, изучить наше простонародье и быть ему полезнымъ. — Предложеніе это вышло по слѣдующему случаю.

Садыкъ, какъ я выше сказалъ, умышленно тѣснилъ турецкихъ русскихъ, чтобъ заставить ихъ просить его у Порты въ своего гетмана. Познакомясь съ нимъ по Вилковскому дѣлу, я постоянно ходатайствовалъ у него заступничества за нихъ, доказывая, что даже въ его собственныхъ интересахъ, было бы выгодно помогать имъ. — Онъ началъ колебаться и высказалъ мнѣ свой планъ на счетъ Добруджи, который мнѣ понравился, не съ политической точки зрѣнія, а просто потому, что и, въ самомъ дѣлѣ, не дурно-бы было для нашего брата опальнаго имѣть хоть какую нибудь Русь, куда можно было бы укрыться въ добровольную ссылку, послѣ политическихъ треволненій и разочарованій. Все было-бъ у насъ пристанище, уголъ, гдѣ мы считали-бы себя дома, и гдѣ могли бы жить, не подвергаясь ни надзору, ни преслѣдованіямъ за прошлое, а моя усталая душа именно и нуждалась тогда въ подобномъ пристанищѣ.

Сидѣлъ я разъ у него въ гаремѣ, со старухой Снядецкой, единственной его женой, по мусульманскому закону, какъ вдругъ онъ вошелъ, взволнованный, раздраженный, и прямо обратился ко мнѣ.

— «Ну, вотъ ваши protegés, — вотъ они наши друзья. Поздравляю васъ, подравляю!»

— «Что такое, mon général, — я ничего не понимаю...»

— «Помилуйте, вы заставили меня хлопотать за нихъ, — а они русскому правительству подали адресъ противъ поляковъ. Аали-паша золъ, Фуадъ бѣсится, — это скандалъ! Это измѣна оттоманскому правительству! Это въ газетахъ уже появилось! Наряжена будетъ слѣдственная комиссія, и тогда не сдобровать ни этому старому плуту Гончару, — я давно чувствую, что онъ насъ всѣхъ за носъ водитъ! — ни епископу Аркадію, — зададутъ имъ теперь! Какъ просидятъ года три въ кандалахъ, тогда и поймутъ, что значитъ писать адресы».

Я поблѣднѣлъ — мнѣ все стало мигомъ понятно! Мои совѣты подать адресъ за поляковъ надоумили Гончара, епископа Аркадія и весь ихъ кружокъ подать адресъ противъ поляковъ, чтобы выслужиться въ глазахъ русскаго правительства и показать ему, что даже заграничные старообрядцы любятъ его. Я понялъ, почему Гончаръ, пріѣхавъ мѣсяца съ два тому назадъ въ Цареградъ, отдалъ адресъ на почту, не показавъ мнѣ его предварительно и не давъ съ него копіи въ «Колоколъ», хоть и хвастался, что адресъ его разбѣситъ весь Петербургъ. Припомнились мнѣ и слухи, ходившіе въ Цареградѣ, о нелестныхъ для поляковъ, для турокъ и для насъ отзывахъ епископа Аркадія, о его симпатіяхъ къ Россіи. — Бѣда имъ грозила страшная: они погибли-бы въ тюрьмахъ.

Досадно мнѣ стало видѣть себя такъ грубо обманутымъ, — но дѣлать нечего, надо было выручить Аркадія и Гончара.

— «Это дѣло слѣдуетъ замять, — сказалъ я Садыку. — Виноваты не они; притѣсненія мѣстныхъ властей озлобили ихъ противъ турецкаго правительства...»

— «Слѣдствіе раскроетъ эти притѣсненія, а измѣнники все таки будутъ наказаны!»

— «Слѣдствіе, генералъ, ничего не раскроетъ, — возражалъ я, — слѣдователи ограбятъ правыхъ и виноватыхъ и только усилятъ это озлобленіе, вмѣсто того, чтобъ его подавить. Да и кто будутъ эти слѣдователи? Чиновники Порты, которые ни Добруджи, ни тамошнихъ отношеній, ни даже языка не знаютъ. При всемъ желаніи раскрыть правду — они волей-неволей попадутъ въ руки мѣстныхъ интригановъ, собьются съ толку и только запутаютъ дѣло».

— «Ну, ужъ все-жъ лучше турокъ послать, чѣмъ поляковъ — тѣ окончательно не способны ни къ чему...»

— «Я о полякахъ и не говорю. По моему лучше всего было-бы сдѣлать секретное дознаніе, безъ шуму, безъ арестовъ, что именно колеблетъ вѣрноподданническія чувства Некрасовцевъ къ султану? Тюрьмы, преслѣдованія, наказанія не исправляютъ зла, — зло предупреждать нужно, предотвращать. Я даже радуюсь отчасти, что они подали этотъ адресъ, — намъ благодарить ихъ за это слѣдуетъ — иначе мы никогда бы не догадались, что на нихъ нельзя разсчитывать. Болѣзнь обнаружилась и перестала быть тайной — теперь можно и за лѣченіе приняться».

Долго мы бесѣдовали, и мнѣ удалось доказать Садыку, что къ наказаніямъ слѣдуетъ прибѣгать только въ случаѣ крайней надобности, когда единственно удаленіемъ вреднаго человѣка можно спасти общество отъ гибели, — а безъ нужды и неразсчетливо и опасно.

— «Знаете что, — сказалъ онъ наконецъ, — мнѣ кажется, что кто всего лучше устроитъ это дѣло, и секретное слѣдствіе надъ виновными, и секретное дознаніе о нуждахъ

края — такъ это единственно вы. Вы хорошо понимаете вопросъ, вы осторожны и, наконецъ, вы сами-же говорите, что желали-бы сдѣлаться гражданиномъ Добруджи. — Что вы скажете, если я помогу вамъ сдѣлаться казакъ-баши?»

— «Скажу, что буду какъ нельзя болѣе доволенъ и какъ нельзя болѣе обязанъ вамъ».

Черезъ недѣлю, я уже ѣхалъ въ Добруджу, въ полной увѣренности, что я состою въ коронной службѣ, и что мои пять лиръ въ мѣсяцъ назначены мнѣ Портою, которая снабдила меня эмиръ-наме (предписаніемъ, полномочіемъ, повѣсткой) къ губернатору Добруджи. Садыкъ-паша велъ дѣло за меня, хлопотать мнѣ самому не хотѣлось при тогдашнемъ моемъ мрачномъ настроеніи духа, — и я никакъ не подозрѣвалъ, что, довѣряясь ему, я почти обязываюсь быть его послушнымъ агентомъ и соблюдать его интересы болѣе интересовъ тамошнихъ русскихъ.

Гончаръ за нѣсколько дней до моего отъѣзда пріѣхалъ въ Цареградъ. Еще неувѣренный, что дѣло можно будетъ замять, я сообщилъ объ немъ Вилковскому повѣренному, чтобы онъ предупредилъ Аркадія и Гончара о грозящемъ имъ слѣдствіи, и посовѣтовалъ имъ или приготовиться къ отвѣту, или убраться по добру, по здорову въ Молдавію. «Я сдѣлаю все, что могу», сказалъ я, «я ручаюсь, что владыка будетъ на волѣ — но не знаю, будетъ-ли онъ въ Турціи». — Много непріятностей надѣлали мнѣ потомъ эти слова, которыя старообрядцы поняли выраженіемъ моей мести Аркадію за его сочувствіе Россіи; и чего я не дѣлалъ потомъ, чтобы сойтись съ нимъ, — все было напрасно: онъ не переставалъ смотрѣть на меня, какъ на человѣка, приставленнаго Садыкомъ слѣдить за его дѣйствіями. Меня долгое время старообрядцы принимали за турецкаго шпигона (шпіона), просто по ложному толкованію, которое они придали этимъ словамъ, и странное дѣло — обращались со мной съ большимъ уваженіемъ и дѣлали комплименты моему уму: «значитъ ты, Василій Ивановичъ, большаго ума человѣкъ, коли тебѣ такую должность дали!» Мало было мнѣ внутреннихъ страданій, нищеты, — еще и это почетное оскорбленіе повисло мнѣ на шеѣ!

Гончара я немедленно свелъ съ Садыкомъ, надоумилъ его какъ выкручиваться изъ бѣды, — они помирились, а Гончаръ сдѣлался моимъ врагомъ, не будучи въ состояніи мнѣ простить, что ему же пришлось подписать просьбу о моемъ назначеніи въ «казакъ-баши»...

Прощанье съ Цареградомъ, въ декабрѣ 1863 года, было разрывомъ съ противуправительственной дѣятельностью, какъ прощанье съ Яссами, въ маѣ 1867 года, было разрывомъ съ эмиграціонною жизнью. И тогда, и теперь я кончалъ съ своимъ прошлымъ, перерождался нравственно, съ полной надеждой, что буду полезенъ, что разочарованіе мое принесетъ пользу тѣмъ, къ кому я ѣду. Не знаю, что меня теперь ждетъ, но тогда — тогда я горько ошибся. — А море было такъ тихо, — небо ясно, на душѣ было легко, и я весело выѣзжалъ изъ Кюстенджи въ степи Добруджи, покрытыя курганами, съ которыхъ смотрѣли на мою повозку орлы, изъ-за которыхъ то и дѣло выплывали верблюды Ногайцевъ и буйволы Болгаръ. Порой мелькала русская телѣга съ дугой и съ колокольчикомъ, и Некрасовцы съ недоумѣніемъ посматривали на проѣзжаго, которому судьба привела сдѣлаться ихъ защитникомъ передъ правительствомъ.

Съ этихъ поръ я ничего не замышлялъ и не предпринималъ противъ правительства. Въ двухъ слѣдующихъ отдѣлахъ мнѣ не придется ничего разсказывать о моей политической дѣятельности — она кончилась, разбивъ мои вѣрованья и погубивъ мою будущность. Я агитировалъ, потому что любилъ Россію и хотѣлъ быть

ей полезнымъ; своекорыстныхъ видовъ у меня никакихъ не было — совѣсть моя, въ этомъ отношеніи, чиста, и если я заблуждался, — я заблуждался честно: я собой и дорогими мнѣ рисковалъ во имя своей любви къ людямъ, а когда пришло время разубѣдиться въ правотѣ моего дѣла, я самъ сложилъ оружіе, низвергъ кумировъ своихъ и ушелъ въ пустыню доживать дни свои между дикарями, съ цѣлью помогать имъ и матеріально, и нравственно.

Если Государь не помилуетъ меня, а велитъ отдать подъ судъ — эти три отдѣла моей Исповѣди достаточный матеріалъ для составленія надо мною приговора; въ слѣдующихъ двухъ будетъ только разсказъ о моихъ нравственныхъ терзаніяхъ и о моемъ возрожденіи въ искренняго его вѣрноподданнаго.

Я вѣрую въ сердце Государя — это сердце не можетъ не понять моей исповѣди и не быть моимъ лучшимъ адвокатомъ. — Да будетъ-же надо мной то, что оно подскажетъ ему! — Я готовъ на всякую участь, какая-бы меня ни постигла, но я молю — о помилованьи, которое, если еще не заслужилъ, то заслужу, выпущенный на волю.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТУЛЬЧА

При трехъ губернаторахъ былъ я атаманомъ турецкихъ русскихъ, и такъ какъ съ перемѣной ихъ мѣнялись и мои обстоятельства, то разсказъ мой о Тульчѣ распадется самъ собой на три части.

Первымъ изъ этихъ трехъ губернаторовъ, при которомъ я пріѣхалъ въ Добруджу, былъ Рашидъ-Паша, человѣкъ очень не глупый, вполнѣ европеецъ — онъ семь лѣтъ въ Парижѣ выжилъ — и, что главное, искренно желалъ сдѣлать что нибудь путное для края. Знакомы мы были съ нимъ еще въ Цареградѣ, гдѣ я бывалъ у него по вилковскому дѣлу — и пріѣздъ мой въ Тульчу пріятно поразилъ его. Явившись къ нему съ визитомъ, я откровенно разсказалъ ему — кто я, за чѣмъ пріѣхалъ и что хочу сдѣлать.

— «И прекрасно», сказалъ онъ. «Поселясь здѣсь, вы будете полезны и для края и для правительства, а особенно для меня. Я, признаться, путаюсь съ здѣшними казаками. По казацки* я не знаю, честныхъ переводчиковъ у меня нѣтъ, а сами казаки такъ скверно говорятъ по турецки, что я противъ воли часто рѣшаю ихъ дѣла невпопадъ и, при всемъ желаніи сдѣлать имъ добро, даже, я думаю, зло имъ иногда дѣлаю. Будьте-жъ моей правой рукой и помощникомъ въ дѣлахъ вашихъ соотечественниковъ».

Я объяснилъ ему все, что зналъ объ обидахъ, претерпѣваемыхъ русскими; на вопросъ его объ адресѣ отвѣчалъ то же, что и Садыку, съ просьбой замять дѣло и обратить его даже въ шутку, если возможно. — Онъ понялъ меня и далъ слово не подымать исторіи — такимъ образомъ, въ первое же мое свиданіе съ пашей, мнѣ удалось спасти моихъ земляковъ; начало было хорошее.

— «Ну, — смѣялся Рашидъ, — ужъ если вы такъ держитесь правила, что преступленія надо не казнить, а предотвращать, въ чемъ я съ вами вполнѣ согласенъ, — то возьмите-жъ вы на себя трудъ, чтобъ у насъ не было ни фальшивыхъ монетчиковъ, а ихъ много; чтобъ конокрадство ослабло, чтобы меня безтолковыми и грязными процессами не мучили, — а главное, охраняйте нашъ край отъ заграничной пропа-

* Казакчэ. Турки съ умысломъ не называютъ нашъ языкъ въ Добруджѣ русскимъ (московчэ), чтобы порвать нашу связь съ Россіей.

ганды. Здѣсь что-то странное говорится: на дняхъ здѣсь было нѣсколько венгерцевъ, какъ говорятъ, и они распространяли между болгарами какія-то прокламаціи — я ничего не могъ понять, а вы добьетесь, что это такое, и найдете средства, какъ предупредить».

— «Все сдѣлаю, — сказалъ я, — и ручаюсь вамъ, что съ поселеніемъ моимъ здѣсь, я дѣлаюсь истиннымъ гражданиномъ и патріотомъ Добруджи, и, какъ гражданинъ и патріотъ, не допущу никого вводить мою вторую родину въ какія нибудь политическія дрязги. Пусть этотъ край ни во что не мѣшается, — довольно съ него быть убѣжищемъ для спасшихся отъ политическихъ крушеній и нуждающихся въ покоѣ и въ отдыхѣ. Здѣсь столько разныхъ народностей, что смѣшно и думать о политическомъ его значеніи. — Будьте покойны, все будетъ тихо, я докажу, что умѣю быть благодарнымъ вашему правительству за его гостепріимство намъ».

Въ тотъ же день случай далъ мнѣ возможность перезнакомиться лично со всѣми тульчанскими монетчиками и принудить ихъ прекратить свое производство. Черезъ недѣлю и прочіе неблаговидные промыслы пресѣклись, такъ что въ полтора года моего атаманства ни одинъ русскій не былъ замѣшанъ ни въ одномъ уголовномъ дѣлѣ. Въ тюрьмѣ они постоянно сидѣли, но по дѣламъ относительно мелкимъ: за драку, за буйство, за мелкую кражу, бродяжничество, по подозрѣнію иногда; — въ каторгу ни одинъ не пошелъ. Моя система предупрежденія было очень нехитрая, и, разумѣется, приложить ее можно было только въ Добруджѣ и только при патріархальности тамошнихъ нравовъ. — Узнавъ, что такой-то на руку нечистъ или въ какомъ нибудь «художествѣ» упражняется, — я зазывалъ его въ трактиръ или въ корчму, распивалъ съ нимъ пару чая или оку* вина, велъ съ нимъ разговоръ по душѣ, заставлялъ его разсказывать свои похожденія и разставался съ нимъ лучшимъ его другомъ. Это удивительно дѣйствовало на нихъ, — имъ какъ-то совѣстно становилось продолжать прежнее, они меня щадили, огорчить боялись; мое сочувствіе къ ихъ бѣдамъ и страхамъ исправляло ихъ, а я никогда не давалъ имъ совѣтовъ и нравоученій не читалъ. Я просто интересовался ихъ психологическимъ бытомъ, и мои разспросы, что они чувствовали, когда рѣзали, грабили, сидѣли въ острогѣ, шли сквозь строй или плети пробовали, — заставляли ихъ заглядывать съ свою душу и задумываться надъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ; — а стоитъ человѣку взяться за свой психическій анализъ, — и онъ спасенъ. Я же относился къ нимъ сочувственно, безъ упрековъ, безъ проповѣдей; я не унижалъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, не корилъ ихъ своимъ превосходствомъ — и исповѣдь ихъ передо мною исправляла ихъ. Они помнили, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который ихъ понялъ, дорожили моей дружбой — и дѣлались людьми, какъ всѣ люди. И какъ же я изучилъ этотъ трущобный міръ въ Тульчѣ! Какихъ исповѣдей я не наслушался! Тамъ понялъ я, что такое нашъ мужикъ и нашъ преступникъ, и какъ мало нужно нашему преступнику, чтобы спасти его на всю жизнь. Сочувствіе, довѣріе, уваженіе къ его нравственнымъ болямъ, все изъ него сдѣлаютъ, — а пропаганда, какая бы она ни была, никогда его не прошибетъ. Въ этихъ грязныхъ трактирахъ и корчмахъ я узналъ людей и научился любить ихъ, не идеализируя и не требуя отъ нихъ принятія моихъ теорій. Страсть къ падшимъ развилась у меня въ Тульчѣ, — я нарочно отыскивалъ самыхъ закорснѣлыхъ злодѣевъ, я посѣщалъ разбойничьи вертепы даже въ Молдавской Бессарабіи, я не разъ жизнью рисковалъ для сближенія съ этими выродками человѣчества, — и всегда разставался съ ними дружески и никогда не слышалъ, чтобы кто изъ новыхъ моихъ друзей по-

---

*** Двѣ бутылки шампанскаго составятъ одну оку.**

падался или былъ замѣшанъ въ какое темное дѣло. А между тѣмъ, они вовсе не считали меня самого какимъ нибудь безупречнымъ человѣкомъ или учителемъ ихъ. Не отъ одного изъ нихъ слышалъ я дурака, за то, что бунтовщикъ, что противъ царя иду, что съ поляками дружу; ни одинъ изъ нихъ не пошелъ бы за мною на «баррикады». Дружба была дружбой, а «отеческое преданіе» ихъ такъ и оставалось «отеческимъ преданіемъ», о разрушеніи котораго даже и думать было нечего.

И съ тяжбами я завелъ такой же порядокъ. Являлся кто съ искомъ ко мнѣ, прося доложить дѣло пашѣ — я требовалъ, чтобы онъ привелъ свидѣтелей и доставилъ документы, говоря, что не могу жъ я безпокоить пашу, не разобравъ толкомъ дѣла. Когда онъ доставлялъ мнѣ все, что было нужно, я брался за противника, и съ него требовалъ доказательствъ, чтобъ не вводить его понапрасну въ убытокъ и чтобъ грѣха на совѣсть не брать, — подымая неправое дѣло. Результатъ выходилъ всегда блестящій: дѣло разъяснялось само собой, да такъ разъяснялось, что тяжба становилась невозможной, — и въ полтора года моего атаманства не было ни одной тяжбы русскаго съ русскимъ: — все рѣшалось за самоваромъ или за графиномъ вина. (Безъ вина въ Добруджѣ ничего не дѣлается — его пьютъ какъ воду, да оно и не крѣпко тамъ.)

Политическихъ дѣлъ, разумѣется, никакихъ не случалось. Венгерцы оказались выдумкою полиціи и неумѣренно ревностныхъ друзей правительства, — а прокламаціи были тѣ самыя, которыми, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Разноцвѣтовъ украшалъ кабаки. Паша посмѣялся, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Добился я права посѣщать тюрьму, настоялъ, чтобъ ее почище держали; уничтожилъ преслѣдованіе безпаспортныхъ, не имѣющее уже никакого смысла въ этомъ краю, гдѣ 99% населенія — бѣглые; пьянство — немножко присмирилъ, словомъ, дѣлалъ все, что могъ, не жалѣя ни трудовъ, ни времени.

Каждое утро, часовъ въ 9-ть, я являлся въ кабинетъ паши съ спискомъ русскихъ дѣлъ и съ докладными записками по тѣмъ изъ нихъ, которыя были посложнѣе, — мы вмѣстѣ разбирали ихъ и, что можно было, тутъ же и рѣшали. Отъ паши шелъ я, атакованный просителями, въ чайную, — такъ называютъ на Югѣ трактиры, въ которыхъ, кромѣ чая, ничего не подается, — и тамъ, усиживая стаканъ за стаканомъ, рѣшалъ споры, выслушивалъ жалобы и сообщалъ рѣшенія. Чайная эта была самымъ удобнымъ мѣстомъ для меня, по близости своей къ присутственнымъ мѣстамъ, — я же жилъ далеко, да и непріятно было-бы дѣлать изъ своего дома сборное мѣсто всякихъ крикуновъ и спорщиковъ. Въ часъ я заходилъ домой пообѣдать и приготовить вечерніе доклады, въ два былъ опять у паши, а въ пять, когда кончается присутствіе, уходилъ домой изнуренный и оглушенный до нельзя. — А бывали дни, что дѣлъ по тридцати проходило черезъ мои руки, что разъ шесть нужно было входить къ пашѣ, не считая бѣготни въ чайную, посѣщенія тюрьмы, любезничанья съ полицеймейстеромъ и съ русскимъ купечествомъ, выслушиванія всякихъ сплетенъ, городскихъ и политическихъ новостей. — И такая жизнь мнѣ какъ нельзя болѣе нравилась — она наводила на меня самозабвеніе, заглушала горечь моего разочарованія. — Я чувствовалъ себя полезнымъ — и былъ счастливъ.

И домашнія мои дѣла шли хорошо. Понемножку я обзавелся мебелью, посудой; являлась даже возможность завести правильную канцелярію и заложить школу для дѣтей Тульчанцевъ. У брата моего была уже школа. Пріѣхавъ въ Добруджу раньше меня, онъ ничего не добился отъ Аркадія, кромѣ обѣщаній, и сидѣлъ безъ денегъ, въ такое время, когда и я ничего не могъ выслать. Староста руснаковъ — такъ тамъ малорусовъ называютъ — предложилъ ему устроить школу, и онъ съ радостью ухватился за это предложеніе. Но школа его шла плохо: дѣтей было мало,

всего человѣкъ десять, плата за каждаго въ мѣсяцъ — около 60-ти копѣекъ (10 піастровъ), такъ что ему жить было нечѣмъ. А работа была каторжная — съ ранняго утра до поздняго вечера долженъ былъ онъ мучить ихъ азбукой, складами, часословомъ и псалтыремъ. Руснаки, отъ которыхъ онъ былъ въ зависимости, никакъ не соглашались позволить ему учить по болѣе раціональной методѣ и строго требовали, чтобы онъ не вводилъ ни исторіи, ни географіи.

Географія-то особенно имъ не нравилась: «мы не мериканцы, мы землею живемо, чого-жь дѣтей заводити будете въ пучины морскія, и чого имъ знати про тѣ пучины? Якъ они ихъ узнають, и земли не захочутъ орати. А ну ее къ бѣсу, гограхвію, — мы православные! не мериканцы!» — Обидно, невыносимо тяжело было брату подчиняться этимъ дикарямъ и сознательно отуплять своихъ учениковъ. Пріѣздъ нашъ, котораго онъ не ждалъ, былъ большой для него радостью; мое значеніе при пашѣ сильно и его подняло въ глазахъ руснаковъ, а вскорѣ удалось мнѣ добыть ему мѣсто въ миссіонерской американской школѣ, о которой мнѣ придется говорить ниже. Жалованье тамъ было семь червонцевъ (21 р. с.), преподаваніе болѣе обширное и съ поползновеніемъ на раціональность. Такимъ образомъ, доходы наши увеличились, а мы стали затѣвать принять къ себѣ еще какого нибудь бѣдствующаго эмигранта, который могъ бы замѣнить брата въ американской школѣ, а братъ сталъ бы или моимъ помощникомъ при пашѣ, или завелъ бы свою собственную школу. Мы предложили Герцену эту высылку къ намъ эмигрантовъ, въ которыхъ мы, сверхъ того, еще потому нуждались, что въ Тульчѣ не съ кѣмъ было даже умнаго слова сказать. Ни по сочувствіямъ, ни по убѣжденіямъ, мы не могли сойтись ни съ кѣмъ изъ консуловъ или адвокатовъ, медиковъ, агентовъ и прочихъ образованныхъ людей въ Тульчѣ. Ихъ фразы о Франціи, о конституціи или республикѣ были намъ ножъ острый, а ихъ самодовольствіе возмущало намъ душу. Русскихъ людей намъ нужно было, съ умомъ любящимъ анализъ, людей безъ предразсудка и безъ политическаго катехизиса. Эберманъ, единственный нашъ пріятель тогда, хоть былъ и не глупый малый, но не удовлетворялъ насъ по недостатку свѣдѣній, да и Герценъ, узнавъ, что онъ въ Тульчѣ учителемъ молоканской школы, требовалъ его изгнанія, какъ шпіона. Жалко мнѣ и Эбермана было, да и Герцену, котораго я искренно любилъ, какъ человѣка, нельзя было отказать. Эберману и тогда хотѣлось ѣхать въ Россію, — я началъ было устраивать ему складчину, но она не удалась, а тѣмъ временемъ онъ имѣлъ неосторожность перессориться съ молоканами, остался безъ куска хлѣба, — и пришлось взять его къ себѣ. Занятія ему я не могъ найти, — онъ языковъ не знаетъ: такъ, то у меня, то Богъ знаетъ гдѣ и чѣмъ, прожилъ онъ все время въ Тульчѣ, гдѣ я его и оставилъ въ апрѣлѣ 1865 года.

Никогда мнѣ такъ хорошо не жилось, какъ въ началѣ этого 1864 года. Усталый отъ трудовъ, но довольный, что и этотъ день мнѣ удалось хоть кому нибудь сдѣлать добро, приходилъ я домой, гдѣ меня ждали братъ, жена и дочь, гдѣ я могъ отдохнуть за дѣльнымъ разговоромъ или вмѣстѣ съ ними помечтать объ устройствѣ нашего будущаго. Эмигранты, которыхъ мы ждали въ товарищи, должны были примкнуть къ нашей семьѣ, и жалованье свое, — были тогда мѣста въ Тульчѣ при телеграфѣ, при конторахъ и т. п., они вносили бы въ общую кассу. Вмѣстѣ работая, развѣ не могли бы мы поднять уровень просвѣщенія Добруджи? Развѣ не могли бы открыть тамъ гимназію? ввести правильное пчеловодство и садоводство? болгарскій журналъ заложить? — Легко было намъ на душѣ, рады мы были нашему удаленію отъ политическихъ бурь, — будущность была свѣтла... Герценъ, впрочемъ, не былъ доволенъ моимъ разочарованіемъ, дружески упрекалъ меня въ немъ и, боясь моего вліянія на брата, звалъ его въ Лондонъ для свиданія. И я, и братъ, мы

оба радовались этой поѣздкѣ. Брату хотѣлось посмотрѣть Европу и Герцена, — я радовался за брата. Хорошо жилось, — я не помню, чтобъ когда нибудь мнѣ было такъ хорошо въ жизни, — я никогда не забуду этихъ вечеровъ въ нашей хатѣ, этихъ дружескихъ споровъ, пѣсней брата и Эбермана, у которыхъ были славные голоса, — толковъ о будущемъ. Казалось, что счастье наше прочно, что нашъ кружокъ, — мы такъ любили и уважали другъ друга, — никогда не разрушится... Впереди было свѣтло, — и вдругъ... А это было благоуханной южной весной.

Вышелъ я утромъ изъ дому и зашелъ въ чайную, поджидая просителей. Голова что-то была тяжела, стало ломить руки и ноги. Я пощупалъ пульсъ, — онъ билъ лихорадку. Черезъ полчаса я уже съ большимъ трудомъ добрался до дому, — а вечеромъ лежалъ безъ памяти. Что происходило эти двѣ недѣли тифа, я ничего не зналъ; медики не надѣялись меня спасти, но героическія ихъ средства, или сама природа, подняли меня на ноги. Выздоровленье шло медленно, но черезъ мѣсяцъ, я уже совершенно оправился, — а братъ сталъ слабѣть. Онъ чувствовалъ какое-то одеревенѣніе во всѣхъ членахъ и поминутно засыпалъ. Какъ ни боролся онъ съ болѣзнью, которая медленно къ нему подходила, тогда какъ меня разомъ сшибла съ ногъ, — свалился и онъ. Доктора не придавали большой важности его болѣзни, и онъ дѣйствительно не былъ такъ страшенъ, какъ я, и поправляться даже началъ. Ухаживая за нимъ, мы съ женой дежурили по ночамъ у его постели, одну ночь она сидѣла, другую я.

— «Вставай, разбудила она меня одно утро, я устала сидѣть и вздремну немножко, а ты пойди къ брату. Это должно быть послѣдній разъ мы не спимъ по ночамъ, — ему сегодня гораздо лучше».

Я взялъ книгу — какую-то безпоповскую рукопись — и перешелъ въ комнату брата. Ему въ самомъ дѣлѣ было лучше, — я принялся за чтеніе. — Метаться онъ сталъ, точно его подергивало, — я сначала ничего не подозрѣвалъ. Подергиванья становились сильнѣй и сильнѣй, — онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ. Страшная мысль мелькнула у меня въ головѣ: я послалъ за докторомъ, — доктора не могли добудиться. Послалъ за цирюльникомъ, — тоже не добудились. Я самъ открылъ ему жилу, — кровь не пошла...

Онъ умеръ на моихъ рукахъ. Онъ умеръ — и съ нимъ все пошло прахомъ. Злоба и отчаяніе закипѣли у меня на сердцѣ. Мнѣ не вѣрилось, что я переживу его. Я ходилъ, какъ помѣшанный. Я никого такъ не любилъ, какъ брата. — У меня словъ не хватаетъ и силы не хватаетъ разсказать объ этомъ ужасѣ.

Рашидъ-паша оставилъ Тульчу во время моей болѣзни. Его отозвали въ Цареградъ и сдѣлали генералъ-губернаторомъ Смирны. На его мѣсто поступилъ Сабри-паша, его пріятель и товарищъ по парижской жизни. Это былъ то-же превосходный человѣкъ, но онъ былъ присланъ въ Добруджу на время, до введенія вилаетовъ (генералъ-губернаторствъ), которые тогда замышляло правительство, и которые должны были Добруджу, — доселѣ самостоятельный пашалыкъ, — подчинить Рущуку. Поэтому Сабри не смотрѣлъ серьезно на наши дѣла и не затѣвалъ ничего новаго, стараясь только не утратить и не разрушить того, что было сдѣлано его предшественникомъ.

Было лѣто, — рабочая пора, — дѣлъ стало мало. Жалованье мое не приходило изъ Цареграда, только разъ я его и получилъ. Я писалъ Садыку и Алеону, его пріятелю и банкиру Порты, — мнѣ отвѣтили сухо, что во мнѣ не нуждаются. Я ничего не понялъ, но у меня была семья, — пришлось искать работы, и я, скрѣпя сердце, занялъ мѣсто брата въ американской школѣ, хотя совершенно не гожусь быть учи-

телемъ. Уже не бѣдность, а нищета начала меня преслѣдовать, нищета неизлѣчимая, которая, какъ бездонная кадка, поглощала всѣ мои маленькіе доходы.

Все пропало: вѣрованья, братъ, надежды, самая возможность жить по человѣчески. Тоска щемила сердце, и тоска эта тѣмъ была страшна, что умъ не могъ пріискать исхода. Агитаторство стало также невозможнымъ, какъ воскрешеніе брата, потому что нельзя же агитировать безъ вѣры, — а какъ было вѣрить, когда кругомъ все говорило, что моя прошлая дѣятельность была не только ошибка, но просто-напросто водотолченье, когда русскіе люди, между которыми и я жилъ, и которыхъ я въ первый разъ въ жизни изучалъ, не только воспринять, но даже понять не могли нашихъ ученій. Я въ Лондонѣ расчитывалъ сдѣлать ихъ пропагандистами нашего дѣла, — а они твердо убѣждены, что всякое вмѣшательство ихъ во внутреннія дѣла Россіи было-бы преступно: «мы здѣсь за границей живемъ и тамошнихъ дѣловъ не понимаемъ. Коли тамъ что нужно сдѣлать, такъ тамъ найдутся люди, и сами сдѣлаютъ — имъ тамъ виднѣй». Простонародье ни за что не возьмется за какую нибудь пропаганду: «мы люди маленькіе, гдѣ намъ о такихъ дѣлахъ думать! да и кто насъ послушаетъ!» — А «вельможи» заняты своими торговыми и промышленными дѣлами и ни за что не хотятъ впутываться въ политику, чтобы не разстроить этихъ дѣлъ. Безъ согласія-же «вельможъ» народъ ни шагу не сдѣлаетъ. Буржуазія — аристократія и у насъ, и будь побольше этой буржуазіи въ Добруджѣ, не были бы такъ дики тамошніе русскіе, потому что былъ бы у нихъ высшій классъ, проводникъ хоть какихъ нибудь идей и манеръ. Въ Россіи считаютъ расколъ орудіемъ купечества, — но то же самое происходитъ и въ Англіи, и въ Америкѣ. Масса вездѣ подчиняется богатымъ людямъ, которые даютъ ей работу, и у которыхъ можно, въ случаѣ нужды, призанять. Независимому человѣку всѣ льстятъ, и всѣ къ нему поддѣлываются. Поэтому его слово становится закономъ, и его мнѣнія, собственныя или заимствованныя, — обязательною религіей. Будь я милліонеръ, будь у меня заводы или фабрики въ Тульчѣ, — можетъ быть, и удалось бы мнѣ найти послѣдователей, какъ польскимъ аристократамъ, — но бѣдняку ничего нельзя сдѣлать. Впрочемъ, еслибъ и былъ я богатъ, я уже не въ силахъ былъ агитировать: вѣра пропала, — а съ нею и сила, и энергія. Только вѣра можетъ чудеса творить, — скептикъ безсиленъ.

Убитый, мрачный, злой, училъ я ребятишекъ всякимъ цѣпнымъ правиламъ, географіи, языкамъ. Тоска давила, говорить только съ женой могъ, но и она была тоже подавлена этой ужасной потерей, какъ вдругъ явился къ намъ русскій эмигрантъ изъ Парижа. Чуть ему на шею не бросился я, когда онъ мнѣ подалъ письмо отъ Герцена, — я думалъ, что будетъ у меня хоть съ кѣмъ слово сказать...

Михаилъ Семеновичъ Васильевъ говорилъ, что онъ поручикъ какого-то пѣхотнаго полка, изъ стоявшихъ въ Варшавѣ; убѣжденія не позволили ему идти противъ поляковъ, — и онъ эмигрировалъ. Вотъ и все, что онъ о себѣ разсказалъ. Языковъ онъ не зналъ, но занимался ими, равно какъ и всѣми науками, а особенно астрономіей, технологіей, агрономіей, и вообще отзывался, что кто, какъ онъ, десять лѣтъ находился съ полкомъ, тотъ всему научится. И началась моя пытка: то онъ просилъ меня посмотрѣть его астрономическія вычисленія, — основанныя на показаніяхъ академическаго «Мѣсяцеслова»! — во сколько дней, часовъ, минутъ и секундъ земля обращается вокругъ солнца. Цѣлую недѣлю онъ дѣлалъ какія-то выкладки, и одинъ день сообщалъ мнѣ, что истинный годъ состоитъ изъ 339 1/4 дней, а на другой день извинялся въ ошибкѣ и объявлялъ, что земля обращается въ 375 дней 9 часовъ, 3 минуты, 10 секундъ, 20 терцій!! — и унять его нельзя было. Спорилъ о французскомъ языкѣ и увѣрялъ, что въ Парижѣ самъ слышалъ, какъ французы спрягаютъ être:

онъ былъ — il ete, а она была — elle eta (или etat, не знаю, какъ это и написать). «Я все знаю, говорилъ онъ при каждомъ случаѣ, меня ужъ нечего учить! Кто десять лѣтъ съ полкомъ выходилъ...» И вотъ, пришлось выслушивать проекты измѣненія русской азбуки, — а онъ Ѣ не умѣлъ поставить, — и просматривать его пробы писанья по русски то польскими, то собственнаго издѣлія буквами. Женѣ моей хозяйничать не далъ, — самъ взялся, перегноилъ пропасть мяса, огурцовъ, дынь. Ваксу не позволилъ покупать, а самъ сталъ дѣлать, перепачкалъ сажей и дегтемъ весь домъ, перебилъ пропасть посуды... Чернильную фабрикацію открылъ. — Мы съ женой все терпѣли, все спускали, мы надломлены были до безсилья, — но онъ взялся за воспитаніе моей дочери (я все знаю, я все умѣю), — а этого я не могъ позволить и возстановилъ свои хозяйскія права. Побунтовалъ онъ, поворчалъ, но призналъ мою власть и пошелъ удивлять Тульчу своими совѣтами и проектами реформъ. — За что только ни брался этотъ человѣкъ! И новыя секты какія-то сочинялъ, и рыбой торговалъ, и буфетчикомъ въ чайныхъ дѣлался, и новые костюмы проектировалъ, и дѣтей учить принимался. Не знаю, гдѣ онъ теперь, но увѣренъ, что не унялся. И ко всему этому, онъ былъ крайне скупъ, скрытенъ, жаденъ, во все мѣшался, какъ его ни обрывали, и довелъ меня впослѣдствіи до того, что я его выгналъ изъ дому; а я человѣкъ въ высшей степени сносливый и уступчивый.

Понятно, что пріѣздъ такого товарища только хуже сдѣлалъ. Прошло еще мѣсяца съ два. Въ августѣ, я думаю, явился въ Тульчу Сливовскій, о которомъ я поминалъ выше. Это человѣкъ не глупый, довольно образованный, безъ претензій и мнѣ весело было, что онъ у меня поселился и занялся уроками музыки, — было хоть слово съ кѣмъ сказать. Въ одно время съ нимъ явился и другой эмигрантъ, артиллерійскій штабсъ-капитанъ Петръ Ивановичъ Краснопѣвцевъ, одинъ изъ участниковъ адреса Герцену русскихъ офицеровъ въ Польшѣ. Тогдашнее настроеніе и личная ссора съ начальникомъ (Борозда? Бороздинъ?) побудили его бѣжать изъ полка и сдѣлаться повстанцемъ, — онъ, кажется, адъютантомъ былъ у Крука. Это былъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ умный, съ которымъ можно было слово сказать, и который могъ только возражать на мучившіе меня вопросы. Оживилось у меня опять, какъ-то легче стало, какъ-то и будущее стало свѣтлѣй казаться — опять возникли надежды, и опять стали планы строиться. Заведеніе гимназіи въ Тульчѣ было моею любимою мечтою, и Сливовскій съ Краснопѣвцевымъ отнеслись къ ней съ сочувствіемъ. Но насъ троихъ было мало для начатія этого дѣла, — Краснопѣвцевъ же ни одного языка не зналъ, а языки въ Турціи условіе необходимое, — нужно было пополнить нашу общину. Я поѣхалъ въ Галацъ поискать между поляками, которыхъ тамъ было около сотни въ то время, не найдется ли кого нибудь, желающаго сдѣлаться намъ братомъ и полезнымъ помощникомъ. Если-бъ нашелся, то гимназія на всю Добруджу и Бессарабію мигомъ бы устроилась. Домъ можно было нанять рублей за десять, да рублей на десять устроить столы и лавки, — а насчетъ спаленъ и т. п. нравы въ тѣхъ краяхъ такъ не взыскательны, что рогожка на полу удовлетворитъ любого русскаго или болгарина. Потребность же въ хорошемъ училищѣ, не носящемъ ни малѣйшаго пропагандистскаго характера, очень велика.

Въ Галацѣ я нашелъ много студентовъ поляковъ, — а въ то время для меня слово студентъ еще не утрачивало своего обаянія. — Къ полякамъ же я обратился и между ними искалъ товарищей — вовсе не по особому сочувствію къ нимъ — русскихъ тамъ нѣтъ, французовъ и нѣмцевъ я не совсѣмъ люблю, да они-бы и не годились для славянской гимназіи, а поляки, что бы они ни думали о русскихъ, никогда-бы не могли дѣйствовать противъ моихъ плановъ, уже просто потому, что я былъ и ихъ начальникомъ — всѣ выходцы изъ Россіи были мнѣ подвѣдомственны, въ томъ числѣ

даже евреи. Сверхъ того, новая польская эмиграція въ то время не начинала еще разлагаться. Ненависти къ русскимъ въ ней не было, какъ не было и упорной вѣры въ принадлежность Польшѣ Западнаго края, что въ старыхъ эмигрантахъ доходитъ до маніи. Въ Повстаньѣ участвовали не столько по принципу, сколько изъ удали, по общему оппозиціонному духу, охватившему тогда Россію. Пройдетъ еще два-три года, и новая эмиграція, разумѣется, освирѣпѣетъ до ненависти къ намъ, потому что не будетъ въ столкновеніи съ русскими, и потому, что нужда и тоска по родинѣ заставятъ ее видѣть въ каждомъ русскомъ личнаго врага. Исключенія вездѣ есть, но en masse, новые эмигранты далеко еще не потерянные люди, и, будь я не опальнымъ, я давно бы довелъ ихъ до уступокъ правительству. Я, коротко знаю поляковъ и совершенно убѣжденъ, что мы могли-бы не только примириться съ ними, но даже воспользоваться ими, какъ пропагаторами всеславянскаго государства. Теперь они на Австрію молятся, — отчего-жъ нельзя заставить ихъ молиться на насъ? а изъ нихъ однимъ ласковымъ словомъ можно сдѣлать, что угодно. — Если я когда нибудь буду помилованъ, и если правительство довѣритъ мнѣ, я войду въ переговоры съ эмиграціей, что мнѣ такъ легко сдѣлать, при множествѣ связей съ нею и при знаньи ея быта, ея вѣрованій и ея jargon'a. Предводители ея, разумѣется, станутъ ломаться и заявлять невозможныя требованія, но большинство мигомъ можно отвлечь отъ нихъ. А чуть это большинство будетъ на нашей сторонѣ, за разныя пустыя уступки, которыя можно имъ сдѣлать, не нарушая ни нашего достоинства, ни нашего государственнаго единства, ни нашихъ правъ на Западный край, — то, во первыхъ, и предводители потеряютъ вліяніе, а, во вторыхъ, и Царство Польское успокоится, потому что оно вѣчно фантазируетъ, будто эмиграція хлопочетъ за него на Западѣ, да и тоскуетъ по ней, такъ какъ у каждаго есть въ ней друзья и родные. Время-же для этого теперь благопріятное: главный пособникъ поляковъ — Наполеонъ — вынужденъ искать въ насъ опоры. Если-бъ я могъ, оставаясь изгнанникомъ, войти съ ними въ серьезные переговоры, — я-бы не воротился покуда въ Россію. Однимъ изъ моихъ главныхъ побужденій къ этому возвращенію была именно невозможность быть полезнымъ ей въ опалѣ. — Я много могъ сдѣлать при моихъ связяхъ и при моемъ знаніи всѣхъ этихъ mystères d'Europe, — но безъ согласія правительства нечего и затѣвать было; а согласіе нужно было заслужить, нужно было доказать мою искренность: я и сдался ему въ залогъ своего чистосердечія.

Въ Галацѣ выбралъ я двухъ: кіевскаго студента Станкевича, украйнофила въ польскомъ смыслѣ, который принадлежалъ къ отряду казаковъ полковника Вылежинскаго, и чеха Шварца, натуралиста, технолога, кончившаго курсъ въ Прагѣ и бѣжавшаго за границу отъ преслѣдованій нѣмцевъ. Этихъ двухъ было заглаза довольно, — но, на бѣду, къ нимъ прицѣпилось еще двое: галицкій русскій Левицкій и чехъ Дауша, тоже технологъ. Они ѣхали въ Тульчу искать хоть какихъ нибудь занятій и просили позволить хоть нѣсколько дней пожить у меня, пока что нибудь не сыщется. Я отговаривалъ ихъ отъ этой поѣздки, зная, что въ Тульчѣ имъ ничего не найти, но они настаивали, — а въ гостепріимствѣ я никому еще не отказывалъ.

Пріѣздъ ихъ, въ ноябрѣ 1864 г., совпалъ съ пріѣздомъ новаго губернатора Ахмедъ-Расимъ-паши, уже зависѣвшаго отъ Рущуцкаго вали (генералъ-губернатора) Мютадъ-паши, который въ настоящее время сталъ извѣстенъ своими звѣрствами надъ возставшими болгарами. — Пошли реформы, смѣны чиновниковъ, сдѣлалась неизбѣжная путаница, и явился невиданный и неслыханный въ Турціи формализмъ и бюрократизмъ. Ни чиновники, присланные нарочно изъ Цареграда, ни паша — реформаторъ, ни нашъ братъ, смиренный рая, никто не могъ толку добиться въ этомъ хаосѣ. Мнѣ и всѣмъ русскимъ стало положительно хуже: по старому, патріархаль-

ному порядку, всѣ дѣла рѣшались словесно, по совѣсти и крайнему разумѣнію паши или кади; а если ни тотъ, ни другой не могли добиться толку, — что у насъ часто бывало по незнанію русскими турецкаго языка, — то совѣтомъ нашихъ же стариковъ. Несправедливостей и злоупотребленій, разумѣется, было много, но онѣ искупались быстротой дѣлопроизводства, тогда какъ новый порядокъ, при всей его сложности, ничѣмъ не гарантируетъ противъ злоупотребленій. Прежде рѣшали по совѣсти, да по здравому смыслу, — а теперь по закону, котораго никто не знаетъ, не уважаетъ, и которому не вѣрятъ. Будь турецкіе чиновники люди образованные, можетъ быть, и была бы возможность управлять Турціей по закону, но такъ какъ, (за исключеніемъ нѣсколькихъ пашей, развитіе которыхъ состоитъ въ знаніи французскаго языка, въ умѣньи полькировать, да отпускать гуманныя фразы) — всѣ они не развитѣе нашихъ лабазниковъ или волостныхъ писарей, то и не могутъ способствовать введенію европейскихъ порядковъ, недоступныхъ ихъ пониманію и противурѣчащихъ ихъ привычкамъ и преданіямъ. — Какъ-бы то ни было, но участіе мое въ управленіи края необходимо уменьшилось.

Едва я воротился изъ Галаца съ своими гостями, какъ одинъ изъ нихъ, Шварцъ схватилъ тифъ. Не успѣлъ онъ поправиться, Дауша и Станкевичъ свалились съ ногъ. Тифъ, или что-то въ родѣ тифа, постигаетъ всѣхъ новичковъ въ устьяхъ Дуная, состоящихъ изъ огромныхъ заливныхъ луговъ, называемыхъ «плавнями». Дочка моя тоже захворала, да и я былъ не здоровъ, — отъ моей болѣзни у меня осталось какое-то странное пораженіе ногъ, обнаруживающееся одеревенѣніемъ, а тогда открывшееся язвами. Пришлось сидѣть дома, но Шварцъ занялъ мое мѣсто въ школѣ, а Краснопѣвцевъ еще и прежде былъ моимъ помощникомъ въ ней. Болѣзни эти окончательно разстроили наши финансы, и мои товарищи напали на меня, зачѣмъ я не открываю гимназіи. Я ходить не могъ и просилъ ихъ осмотрѣть указанные мною дома, сторговаться, заказать мебель, — но ни одинъ не двинулся. Они до того привыкли смотрѣть на меня, какъ на своего вожака и начальника, что у нихъ энергіи даже не хватало шагъ самимъ сдѣлать въ какихъ-бы то ни было пустякахъ. Они вѣрили въ меня, какъ въ Бога, а какъ у меня отнялись ноги и я не могъ бѣгать по дѣламъ всей нашей общины, какъ пришлось ей стѣсниться въ денежныхъ дѣлахъ, такъ они и духомъ упали, и обвинили меня въ недѣятельности, хотя сами на боку лежали. Кончилось все тѣмъ, что въ одно прекрасное утро они оставили меня и разселились по Тульчѣ въ разсыпную, существуя занятіями, которыя я-же имъ доставилъ, а въ томъ числѣ и учительствомъ, главнѣйшимъ моимъ доходомъ. Оставили меня, какъ нарочно, въ такой именно день, когда въ домѣ не было ни копѣйки денегъ, ни полѣна дровъ.

Глубоко оскорбилъ насъ съ женой этотъ безчеловѣчный поступокъ, эта черная сторона человѣческаго характера, существованія которой мы даже не подозрѣвали въ людяхъ, а уже тѣмъ болѣе въ этихъ. Жену мою это такъ потрясло, что даже здоровье ее поколебалось, и съ этой минуты она начала таять и таять.

Дѣлишки я свои скоро опять поправилъ, но оскорбленіе вошло во внутрь, и тоска стала душить пуще прежняго. Пуще прежняго мысль моя сосредоточилась на убѣжденіи, что съ людьми ничего нельзя сдѣлать путнаго, даже будь они развиты, какъ угодно. Мизантропомъ я не сдѣлался, — но я сталъ смотрѣть на человѣчество, какъ на неизлѣчимаго сумасшедшаго, который не отвѣтственъ за свои поступки, и которому ничѣмъ не пособить. Я рѣшился, не мудрствуя лукаво, быть съ людьми осторожнѣе, сколько можно меньше связываться съ ними, но все же помогать имъ, чѣмъ могу, для облегченія ихъ страданій, которыя они сами навлекаютъ на себя своей безпутностью. Это скоро пришлось приложить и на практикѣ. Разсыпавшіеся

товарищи мои, не поддерживая другъ друга, бѣдствовали до невозможности, ссорились и по очереди валились въ тифъ. Въ болѣзни я ихъ не оставилъ посильной помощью, — это примирило ихъ со мною, хотѣли они было опять перебраться ко мнѣ, но я уже потерялъ вѣру въ послѣднiй мой золотой сонъ. Между тѣмъ Шварцъ, Сливовскiй и Станкевичъ получили возможность кой какого существованiя. Дауша съ Левицкимъ куда-то уѣхали, а Краснопѣвцевъ сдержалъ свое слово, которое мы всѣ принимали въ шутку, — онъ удавился на ремнѣ отъ брюкъ. — Еще въ Парижѣ онъ собирался удушить себя окисью углерода, но товарищи, съ которыми онъ тамъ жилъ, выломали дверь и привели его въ чувство, а у него уже нога обгорѣла, свѣсившись съ постели прямо на жаровню съ угольями. Въ Тульчѣ онъ, какъ и Васильевъ, сильно ошибся, — онъ думалъ, что я завожу тамъ какой-то революцiонный очагъ и ѣхалъ прямо въ унтеръ-агитаторы, а пришлось работать, да еще не зная языковъ. Въ американской школѣ его обидѣли. Полуграмотный учитель низшаго класса получалъ тамъ 11-ть червонцевъ (33 р. с.) въ мѣсяцъ, за то только, что онъ молоканъ, — а Краснопѣвцеву, который не могъ содѣйствовать обращенiю русскихъ въ методизмъ, дали всего 4 червонца, да и то покуда молоканъ не воротится къ своимъ занятiямъ. Это, а равно и безцѣльность жизни, сознанiе своей ненужности, усталь — все наводило его на мысль о самоубiйствѣ. Въ воскресенье (какъ-то великимъ постомъ) онъ зашелъ ко мнѣ очень веселый, много шутилъ и по обыкновенiю толковалъ о томъ, что повѣсится.

— «Что-жъ! доброе дѣло, Петръ Ивановичъ», смѣялся я, какъ обыкновенно дѣлается при подобныхъ разговорахъ, «я могу даже веревкой васъ снабдить, — вонъ въ саду какая длинная и крѣпкая протянута у меня для бѣлья...»

— «Э — нѣтъ-съ, — позвольте-съ, — на веревкѣ не слѣдуетъ-съ. И больно и непрiятно. Я вотъ на этомъ ремнѣ сiю операцiю совершу. — Аккуратнѣй выдетъ».

Мы посмѣялись надъ его предусмотрительностью, еще о чемъ-то потолковали, — и онъ ушелъ. Гдѣ онъ пропадалъ цѣлый вечеръ и ночь, — неизвѣстно. Видали его въ разныхъ концахъ города, но утромъ Сливовскiй и Шварцъ, съ которыми онъ жилъ, бросились его разыскивать, — за нимъ никогда не водилось опаздывать въ школу или ночевать не дома. Я тоже пустился въ поиски, — какъ вдругъ одинъ знакомый сказалъ мнѣ, что какой-то еврей повѣсился на крылѣ вѣтряной мельницы. — Я понялъ, что это былъ бѣдный Краснопѣвцевъ, котораго многiе принимали за еврея, по его совершенно еврейскому типу лица.

Горько меня поразила смерть этого не глупаго и честнаго человѣка, котораго я очень любилъ. Перенесъ я тѣло къ себѣ, похороны справилъ, — и тутъ же мы окончательно рѣшили съ женой бросить этотъ несчастный для насъ городъ и воротиться въ Западную Европу, гдѣ я могъ-бы жить своимъ перомъ. Смерть брата потрясла меня такъ глубоко, что я совершенно переродился. До того у меня не было способности писать прямо на чисто, какъ я теперь пишу, — я все обдумывалъ, перечеркивалъ... Если-бъ я въ Лондонѣ или въ Цареградѣ вздумалъ писать эту исповѣдь, я бы въ годъ не справился съ нею, а теперь — сегодня двадцать второй день, что мнѣ дали бумагу, перья и чернила, и у меня уже двѣнадцать печатныхъ листовъ написано. Горе по братѣ, сильное нравственное потрясенiе, вдругъ породило во мнѣ потребность писать и способность писать складно. Первое, за что я принялся, — были мои «Черныя Думы», отрицанiе всѣхъ революцiонныхъ и философскихъ положенiй, отрицанiе полное, не замѣнявшее ничѣмъ опровергаемаго и страшное по пустотѣ, которую оно оставляло на мѣстѣ разбитыхъ идеаловъ. Въ этихъ «Черныхъ Думахъ» даже поэзiя своего рода была, и поэзiя сильная, — у меня желчь отъ бѣшенства клокотала, сарказмъ смѣнялся сарказмомъ, проклятiе мiру, его законамъ, людямъ, жизни

и смерти, небу и аду, кипѣло на каждой строкѣ, и мои товарищи въ Тульчѣ въ ужасъ приходили, когда я имъ читалъ эти вдохновенныя строки, въ которыхъ отчаяніе мое высказывалось въ такихъ смѣлыхъ образахъ и въ такихъ дерзкихъ аллегоріяхъ. — Эти «Думы» никогда не появятся въ печити, — онѣ потеряны въ Галацѣ, а писать что нибудь въ этомъ могучемъ родѣ, который только мнѣ и принадлежалъ, я больше не въ состояніи. Дарованіе вспыхнуло во мнѣ бурею, пламенемъ, неожиданно явилось и постепенно погасло. Послѣднее время — послѣдній годъ — я уже ни разу не ощущалъ въ себѣ этихъ нѣкогда знакомыхъ мнѣ приливовъ вдохновенія и изступленія, — да и нравственное состояніе мое теперь совершенно другое: у меня снова есть и вѣра, и надежда, и идеалы, для которыхъ я могу работать. — Кромѣ «Черныхъ Думъ», я принялся за повѣсти, но до сихъ поръ не былъ вполнѣ доволенъ тѣмъ, что у меня было написано, и ничего не печаталъ, хотя, если буду имѣть возможность, я думаю написать одинъ романъ изъ быта подобныхъ мнѣ эмигрантовъ и, въ этомъ романѣ, не поцеремонюсь раскрыть всѣ ужасы и всю нелѣпость этого быта. — Увѣренный въ своихъ способностяхъ, я писалъ письма въ разныя редакціи и старымъ знакомымъ, спрашивая, не возьмутъ ли моихъ статей, и никто не отвѣчалъ. Такимъ образомъ поѣздка въ Европу стала необходимостью; гдѣ-нибудь въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, я могъ отъ перваго знакомаго или отъ перваго русскаго литератора узнать, какъ добиться сотрудничества въ нашихъ журналахъ. Ѣхать-же безъ семейства, которое тогда увеличилось рожденіемъ сына, и думать было нечего: послѣ опыта съ товарищами, я уже ни на кого не могъ положиться, да и невозможно было разстаться съ существами, которыя одни привязывали меня къ жизни. Наконецъ, ѣхать и потому еще стало необходимымъ, что меня начали уже замѣтно тѣснить въ Тульчѣ, гдѣ мое пребываніе и дѣятельность многимъ не приходились по вкусу; пашу стали замѣтно вооружать противъ меня, а въ Цареградѣ выхлопотали секретное предписаніе о непозволеніи мнѣ завести гимназію, — тогда какъ въ Турціи даже и позволенія спрашивать не нужно для заведенія хоть университета. — Былъ у меня одинъ знакомый купецъ въ Галацѣ, грекъ, съ которымъ мы были пріятелями, и которому разъ я помогъ въ одномъ его дѣлѣ съ турецкими таможенными, — я обратился къ нему съ просьбой дать мнѣ въ долгъ 300 р. с. на годъ, чтобъ доѣхать съ семействомъ до Парижа и перебиться тамъ кое какъ первое время. Онъ охотно согласился и самъ-же торопилъ меня перебраться въ Галацъ, откуда австрійскіе пароходы идутъ вплоть до Базіаша, Пешта и Вѣны, обѣщая мнѣ даже проѣздъ мой устроить даромъ или, по крайней мѣрѣ, очень дешево. Лучшаго и желать было нечего, — сборы мой были не велики, паспортъ мнѣ былъ выданъ въ Тульчѣ и, хоть тамошній австрійскій консулъ отказалъ мнѣ въ визѣ, потому что я эмигрантъ, но мнѣ удалось визировать его у Галацкаго. — Словомъ, я земли подъ собой не слышалъ отъ восторга, вырываясь изъ этой пустыни, разбившей окончательно мое и такъ настрадавшееся сердце, — изъ пустыни, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ, ни людей, которая для меня даже прелесть неизвѣстности утратила. Я уже узналъ русскій народъ и его расколъ, какъ, кажется, и знать короче нельзя, пропасть пережилъ и перечувствовалъ, знакомъ былъ, какъ нельзя ближе, съ загадочнымъ для большинства міромъ политическихъ и не политическихъ авантюристовъ, пріобрѣлъ чутье разгадывать ихъ съ перваго свиданія и умѣнье обращаться съ ними. Мнѣ хотѣлось тогда писать и писать, войти въ полемику съ нашими революціонерами и нигилистами, чтобъ разбить ихъ на ихъ-же собственной почвѣ, доказывая имъ, что ихъ отрицанія и критика общественныхъ отношеній вовсе не ведутъ къ тѣмъ идеаламъ, которые они создаютъ себѣ, — а просто на просто вынуждаютъ каждаго мыслящаго человѣка или удавиться, какъ Краснопѣвцевъ, или сложить руки и отказаться отъ всякой дѣятельности, какъ я. Я слишкомъ горячо

вѣровалъ въ эти идеалы, чтобы относиться къ нимъ безучастно, — и мысль о разрушеніи ихъ стала моею любимою мечтою. Я «отпѣлъ», заживо похоронилъ себя, но, какъ человѣкъ, я не могъ отказать себѣ въ свирѣпомъ, пожалуй, удовольствіи, заставить и другихъ быть отпѣтыми. Нигилисты и К-о въ ужасъ-бы пришли отъ моихъ выводовъ изъ ихъ ученій, отъ моей послѣдовательности, которая однимъ только развитіемъ ихъ-же діалектическихъ пріемовъ довела-бы ихъ или до отреченія отъ всего или до признанія всего, — потому что, какъ въ религіи, такъ и въ философіи, и во всякой теоріи, среднихъ нѣтъ, а есть или единица, или нуль. И теперь, когда я холоднѣй отношусь къ нимъ, потому что самъ пришелъ къ единицѣ, т. е. къ положительному, я все таки льщу себя надеждою, что мнѣ когда нибудь удастся завести съ ними полемику и добить ихъ до послѣдовательныхъ выводовъ. У меня зубъ есть на всѣхъ этихъ, впрочемъ честныхъ, мечтателей — я бы очень хотѣлъ сцѣпиться съ ними хоть за соціализмъ и коммунизмъ, въ который они такъ вѣруютъ, за республику, за равенство, даже за выборное начало. — Передѣлала меня Добруджа, поставивъ лицомъ къ лицу съ жизнью, да и всякаго передѣлаетъ она, кто тамъ проживетъ года полтора. Жалко, что у насъ не ссылаютъ туда на исправленіе всѣхъ этихъ юношей, членовъ Организацій и Адовъ. Тамъ воля вольная и говорить, и дѣлать, что угодно; въ Соединенныхъ Штатахъ едва-ли такая свобода, какъ въ Добруджѣ, — пусть-бы они попрактиковались тамъ въ пропагандѣ, хоть даже и революціи, и въ заведеніи артелей, — ручаюсь за ихъ радикальное излѣченіе отъ недуга передѣлки человѣческихъ обществъ по кабинетнымъ рецептамъ. Добруджа хоть кого вылѣчитъ отъ febris revolutionaris.

На этомъ я могъ бы и кончить этотъ отдѣлъ, — но будетъ не лишнимъ разсказать кое какія подробности о Добруджѣ и о сложившихся въ ней отношеніяхъ. Это пояснитъ многія обстоятельства моей тамошней жизни, а, можетъ быть, расположитъ правительство обратить вниманіе на эту Задунайскую Русь, которая можетъ одинаково быть и полезна, и вредна намъ въ политическомъ отношеніи. Я буду по возможности кратокъ и упущу всѣ лишнія подробности, чтобы рѣзче выставить то, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

Я сказалъ, что меня и паша, и русскіе приняли очень хорошо, и что я дѣлалъ всевозможное для блага послѣднихъ, — а между тѣмъ, я не могу похвастаться, чтобы русскіе дорожили мной и относились ко мнѣ съ особымъ сочувствіемъ. Теперь другое дѣло, они сильно жалѣютъ, что меня больше нѣтъ, и что за нихъ некому стоять, — но тогда они не очень цѣнили мои труды, даже враговъ я нажилъ между ними. Вина въ этомъ моя. Будь я понаглѣе, да умѣй прижимать ихъ въ бѣдѣ, — у меня давнымъ-бы давно и капиталъ составился, и я бы царькомъ былъ между ними; но я застѣнчивъ, жалостливъ, уступчивъ, врагъ всякихъ перебранокъ и не могу, духу не хватитъ, принуждать должниковъ моихъ платить мнѣ свои долги, или требовать условленнаго вознагражденія за труды. Говорятъ, что это слабость воли,— сознаю, что я слабъ; но, какъ я ни силился, а передѣлать себя не могу. Изъ этого вышло очень плохо. По обычаю, имѣющему силу закона, я пользовался за каждый докладъ пашѣ гонораріемъ въ 5 піастровъ (30 к. с.) съ просителя, что могло-бы доставлять мнѣ среднимъ числомъ рубля полтора доходу въ день, — а съ этимъ можно было-бы хорошо жить въ Тульчѣ. Но требовать этой платы съ каждаго мужика или бабы — у меня духу не хватало, и они привыкли пользоваться мною даромъ, а извѣстно, что если самъ не цѣнишь своихъ трудовъ, то ихъ и другіе не цѣнятъ. Другое, — я всѣ дѣла ихъ кончалъ проворно, не запугивалъ ихъ, не заставлялъ кланяться мнѣ по нѣскольку дней, не доводилъ ихъ до процессовъ, которые имъ-же дорого-бы

стоили, — а это опять таки побудило ихъ смотрѣть на мои услуги очень легко, благо разомъ кончалъ и не вводилъ ни въ хлопоты, ни въ издержки, — стало быть, заключали они, и дѣла-то наши пустяковыя, если ихъ можно такъ скоро вершить. — Доходы мои поэтому сводились на весьма малое: кто хотѣлъ платить, тотъ платилъ, да и то большею частью не деньгами, а курами, поросятами, серной, рыбой и т. п...

Моя безпристрастность не позволяла мнѣ пристать къ какой нибудь партіи, держать руку однихъ противъ другихъ, или помогать имъ «проучивать» своихъ противниковъ. — Прекращая несправедливые иски въ зародышѣ, я навлекъ на себя немилость всякихъ сутяжниковъ; а старосты, у которыхъ я невольно отбивалъ доходы, были моими заклятыми врагами. Я, какъ собака въ баснѣ, сѣна не ѣлъ и другимъ не давалъ. Къ этому у меня были постоянныя столкновенія съ представителями другихъ народностей: съ болгарскимъ, съ греческимъ, еврейскимъ: адвокаты, наживавшіеся интригами, возненавидѣли меня; губернскій землемѣръ (тапуджи) злился, что я мѣшаю ему грабить руснаковъ; раздаватель паспортовъ (тескереджи) былъ недоволенъ, что я принуждаю его брать пошлины не выше таксы, — словомъ, я у всѣхъ былъ бѣльмомъ на глазу. Къ этому надо прибавить, что поляки (агентъ Messagerie Жуковскій и секретарь французскаго консульства Ворона-Вороничъ, не считая другихъ) были на смерть обижены моимъ значеніемъ въ краѣ, который они привыкли считать своимъ достояніемъ. Французскій консулъ, «естественный защитникъ и покровитель всѣхъ угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ русскимъ варварствомъ», уже прямо считалъ меня агентомъ и шпіономъ русскаго правительства. Владыка Аркадій съ Гончаровымъ считали меня турецкимъ шпіономъ и изъ себя выходили, что я забралъ въ руки ихъ прежнюю власть надъ старообрядцами и не даю имъ тѣснить раздорниковъ, тогда какъ до меня турецкое правительство давало имъ на это полное право; оно не знало, что липованы состоятъ изъ разныхъ сектъ и потому силой заставляло ихъ подчиняться «Липованскому епископу». Ко всему этому, руснаки, бѣжавшіе въ Турцію по большей части отъ своихъ пановъ, разомъ объявили, что я хочу пановать надъ ними, потому что я панъ, да еще фармазонъ. Что такое фармазонъ, никто изъ нихъ не зналъ, но ужасъ къ фармазонству такъ великъ въ Добруджѣ, что пришлось, наконецъ, сдѣлать смѣшнымъ это слово — «эй ты фармазонище, поди сюда!» — перекликивались мы съ братомъ на улицахъ, и руснаки замолчали. Не перечесть всѣхъ этихъ смѣшныхъ разсказовъ и предположеній на нашъ счетъ, а они тогда сильно досаждали и мѣшали сдѣлать что нибудь нужное, — на сходку боялись являться, ни на какое полезное дѣло нельзя было ихъ согласить, а ужъ какъ я бился, чтобъ русскіе крѣпче держались другъ за друга! Не знаю, какъ идетъ въ Россіи сельское самоуправленіе и самосудъ, — но въ Добруджѣ, кромѣ вреда, я отъ нихъ ничего не видѣлъ. Лѣтъ еще съ двадцать такой анархіи и апатіи къ общественнымъ интересамъ — и руснаки положительно одичаютъ. И теперь ими, какъ угодно, помыкаютъ греки, молдаване, евреи, а чѣмъ дальше, еще хуже станетъ. Малорусское племя, кажется, вовсе не способно ни къ организаціи, ни къ самоохраненію. У старообрядцевъ немножко получше идетъ, потому что у нихъ умы привыкли работать, хоть надъ догматикой, да сверхъ того, они въ сношеніяхъ съ своими единовѣрцами въ Россіи, что очень благодѣтельно дѣйствуетъ на ихъ умственное развитіе. Русскій человѣкъ, то есть пришелецъ изъ Россіи, тамъ всегда въ чести — и въ чести совершенно заслуженной, потому что онъ всегда развитѣе и отесаннѣй тамошняго уроженца.

Другой мой непріятель въ Тульчѣ, мягко, вѣжливо, но очень чувствительно меня допекавшій, былъ миссіонеръ американскаго епископальнаго методистскаго согласія Федоръ Ивановичъ Флокенъ. Флокенъ сынъ баварскаго подданнаго, доктора

Флокена, живущаго въ колоніи Грослибенталѣ*. Воспитывался онъ въ одесской гимназіи, но въ 1847–48 г., когда ему нужно было явиться въ Баварію, чтобы отслужить свой срокъ въ войскѣ, онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться русскимъ подданнымъ, предпочелъ уѣхать въ Америку, что все-же не такъ унизительно для русскаго нѣмца. Въ Америкѣ былъ онъ и машинистомъ, и конторщикомъ, и еще не знаю чѣмъ, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлался пасторомъ. Когда въ Болгаріи поляки съ французами стали вводить унію, американцы вздумали открыть въ ней проповѣдь протестантства, — точно для этой бѣдной народности не доставало еще религіознаго разъединенія. Флокенъ поѣхалъ въ Варну, гдѣ выучился по болгарски, — при знаніи русскаго языка это было ему не очень трудно. Но въ Варнѣ проповѣдь не пошла — онъ перебрался въ Тульчу, гдѣ столько русскихъ, а гдѣ, главное дѣло, есть сорокъ дворовъ молоканъ, большей частью тамбовцевъ. На нихъ онъ и налегъ, да налегъ въ такое время, когда у нихъ выходилъ великій скандалъ.

Въ 1861 году явился въ Тульчу великій «настоятель Духовнаго Христіанства»— Иванъ Кондратьевичъ. Ученіе его сходствовало нѣсколько съ методизмомъ; онъ тоже признавалъ, что Духъ Святый нисходитъ на избранныя личности, почіетъ на нихъ и дѣлаетъ ихъ почти непричастными грѣху. Краснорѣчивый, ловкій, начитанный, Иванъ Кондратьевичъ сорганизовалъ въ одно цѣлое всѣхъ молоканъ, распадавшихся на кружки, разнившіеся между собою въ мелочахъ, подружился съ тогдашнимъ американскимъ консуломъ въ Тульчѣ, Гриномъ (Green), чуть чуть не сдѣлалъ всѣхъ молоканъ американскими подданными и поѣхалъ въ Цареградъ хлопотать у англійскаго, американскаго и прусскаго посланниковъ заступничества за молоканъ въ Россіи, которыхъ тамъ преслѣдуютъ. А заступничество это возможно на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ эти державы требуютъ свободы вѣроисповѣданія для протестантовъ у Испаніи. Посланникамъ очень понравился Иванъ Кондратьевичъ, разспросили они его объ вѣрованіяхъ «Духовныхъ Христіанъ», убѣдились въ тождествѣ ихъ съ протестантскими — и обѣщали ему помощь. Онъ возвратился въ Тульчу, упоенный своими успѣхами, и еще рѣшительнѣй сталъ учить о благодати Духа Сватаго, которая дѣлала его непричастнымъ грѣху. «Я духомъ скопецъ, проповѣдывалъ онъ, благодать освобождаетъ меня отъ похоти плоти и освящаетъ меня такъ, такъ руководитъ мной, что я даже и грѣшить не могу». — И вдругъ, къ величайшему соблазну и позору цѣломудренной, непьющей, даже «краснымъ словцомъ» не бранящейся молоканской общины, забеременѣла дочь богатѣйшаго тульчанскаго молокана, купца Владиміра Михайловича Шлюхина, горячаго послѣдователя Ивана Кондратьевича, который у него-же въ домѣ и жилъ!!! Скандалъ вышелъ на всю Тульчу, Аккерманъ и Одессу, — дѣвушку поколотили и проворно обвѣнчали съ однимъ прикащикомъ ея отца, а скопецъ по духу скрылся въ Россію, куда-то на Волгу, гдѣ снова его признали великимъ учителемъ церкви. Послѣдніе слухи о немъ, слухи достовѣрные, говорятъ, что онъ призналъ себя Христомъ и выбралъ себѣ двѣнадцать ангеловъ хранителей изъ дѣвушекъ, съ которыми всюду разъѣзжаетъ, днюетъ и ночуетъ. Въ Тульчѣ произошелъ расколъ, — одна часть молоканъ, подъ предводительствомъ купца Алексѣя Васильевича Никитина и настоятеля (пастора) Семена Федорова, объявила себя «постоянными», т. е. буквально слѣдующими ученію Семена Матвѣева Уклеина, русскаго Лютера, основателя молоканства въ послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины II, — а другая, подъ руководствомъ настоятеля Ивана Ивановича и того-же купца Шлюхина, признала ученіе о благодати, введенное Иваномъ Кондратьевичемъ. Съ этою послѣднею пар-

* Подъ Одессой.

тіей сблизился Флокенъ и сталъ вводить въ нее методистскія ученія о необходимости крещенія и причащенія, о дѣйствіи благодати и о церковномъ благочиніи. Пропаганда однако плохо принималась: разница между молоканствомъ и протестантствомъ такъ же велика, какъ и между самыми Восточной и Западной церквами, породившими эти секты. Не догматъ раздѣляетъ, не ученія, — но бытъ, практика, manière d'être препятствуютъ сближенію и взаимному пониманію, — русскій крестьянинъ чуждъ нѣмецкому, какъ русскій купецъ чуждъ купцу нѣмцу, — инстинктивное отвращеніе отталкиваетъ ихъ другъ отъ друга, и не одна сотня лѣтъ пройдетъ, пока все перемелется и мукою станетъ. Видя, что съ молоканами ничего нельзя подѣлать, Флокенъ пустился на обыкновенную уловку католическихъ и протестантскихъ езуитовъ — завелъ школу, устроенную довольно прилично, гдѣ преподается не только исторія и географія, но даже французскій, англійскій и нѣмецкій. Открыта она для всѣхъ желающихъ, безъ различія народностей и исповѣданій, ученіе даровое, пропаганды въ ней никакой не совершается, преподаваніе идетъ по русски и по нѣмецки; учителемъ низшаго класса приглашенъ помянутый Иванъ Ивановичъ Л........, человѣкъ очень вліятельный, потому что онъ и настоятель молоканскій, и членъ губернскаго совѣта. Дѣти молоканъ его «собранія» (согласія, церкви, кружка) всѣ учатся у Флокена и, когда выучатся, имъ будетъ предоставлено право съѣздить для окончанія курса въ Америку на счетъ методистской миссіи. Такимъ образомъ, благодаря нашему небреженію и стѣсненію нашихъ сектантовъ въ Россіи, русскій расколъ вынужденъ будетъ превратиться въ иностранный, а съ этимъ вмѣстѣ пошатнется и политическое единство нашего народа. Мы уже хорошо знаемъ, какіе плоды приноситъ намъ тяготѣніе нашихъ католиковъ къ Риму, протестантовъ къ Пруссіи и вообще къ «Нѣмецкому Отечеству», а евреевъ къ ихъ папѣ Ротшильду, который можетъ, если ему угодно, потребовать отъ насъ расширенія правъ своихъ единовѣрцевъ и покарать насъ, въ случаѣ ослушанія. Къ чему же вовлекать себя въ устранимыя покуда непріятности съ дружественными намъ Соединенными Штатами?

Въ Тульчѣ уже есть экземпляръ русскаго методиста. Гаврило Васильевъ Лебедь, уроженецъ Тамбовской губерніи, бывшій крѣпостной откупщика Рюмина, проходилъ на житейскомъ поприщѣ своемъ разныя вѣры. Родился онъ православнымъ, сдѣлался поповцемъ, а потомъ безпоповцемъ, потому что православные священники «отъ писанія не сильны», потомъ молоканомъ сдѣлался, начитавшись евангелія, — и перешелъ въ методизмъ за ласковое слово и за человѣческое участіе, оказанное ему Флокеномъ. Лавку ему Флокенъ устроилъ, давъ ему, какъ «брату во Христѣ», кредитъ, поддержалъ его въ чемъ можно, даже французскимъ подданнымъ его сотворилъ; — въ Тульчѣ французское консульство и въ этомъ упражняется: человѣкъ двѣнадцать русскихъ мужиковъ состоятъ въ подданствѣ у Наполеона. Лебедь теперь уже и русскимъ себя почти не считаетъ. Про протестантовъ говоритъ — мы; дни считаетъ и праздники соблюдаетъ по новому стилю; нѣмцевъ и англичанъ русскимъ предпочитаетъ, — словомъ, настроился такъ, что случись у насъ война съ тѣми или другими, онъ не за насъ будетъ молиться. И это совершенно естественно: для массы религія — національность; принятіе католичества западнымъ русскимъ дворянствомъ сдѣлало его полякомъ, какъ обращеніе нѣмца въ старообрядчество или въ скопчество, чему я знаю много примѣровъ, дѣлаетъ его русскимъ.

«Постоянные молокане» очень хорошо видятъ, чѣмъ кончится Флокеново предпріятіе, — и ничѣмъ защититься не могутъ. Завести свою школу, способную конкурировать съ американской, — у нихъ нѣтъ средствъ. Гимназія, которую я предполагалъ завести и которой они такъ сочувствовали, не удалась, — и за одно намѣреніе завести ее — я навлекъ на себя немилость Флокена, который и то былъ золъ на

меня, что я не скрывалъ отъ молоканъ квакерскихъ и гернгутерскихъ догматовъ и текстовъ, на которыхъ эти догматы основываютя, что дало опору имъ противъ методистской пропаганды. Дѣлалъ я это именно для поддержки молоканъ. У насъ смотрятъ на это, можетъ быть, иначе: бироновщина пріучила насъ благоговѣть передъ чужими выдумками въ ущербъ своимъ, — но гдѣ-же справедливость? Западное протестантство можетъ у насъ и кирки строить, и богослуженіе совершать публично, и послѣдаватели его принимаются въ государственную службу, а свое собственное молоканство топчется въ грязь, обязано прятаться, и это полупреслѣдованіе доводитъ его въ одну сторону до методизма, а въ другую фанатизируетъ до прыгунства, хлыстовства, до Христовъ Лукьяновъ Петровичей и Ивановъ Кондратьевичей! Пьяница русскій народъ — очень жалко! — но ужъ если таковъ его норовъ, пусть-же пьетъ онъ водку съ своихъ винокуренъ, а не съ чужихъ. Нельзя отнимать хлѣба у дѣтей и бросать его псамъ.

До 20,000 дворовъ считается русскаго населенія въ Добруджѣ. Пользы отъ него Россіи нѣтъ, а вредъ современемъ можетъ выйти. Положеніе его годъ отъ года становится хуже: — зѐмли отъ него отняли; новые порядки его тѣснятъ; татары, ногайцы и черкесы тяготятъ его. — Еслибъ правительство позволило мнѣ, я бы въ одинъ годъ передвинулъ эту массу русскихъ людей на правый флангъ Кавказа, который такъ нуждается именно въ русскомъ, даже въ исключительно русскомъ населеніи. Польза отъ этого переселенія была бы тѣмъ значительнѣй, что тысячъ до пяти дворовъ живутъ рыбнымъ промысломъ, и всѣ отличные моряки. Въ нѣсколько лѣтъ у насъ создалось-бы естественнымъ путемъ каботажное мореходство на Черномъ морѣ, и русскій флотъ былъ бы навсегда обезпеченъ хорошими матросами. Если-же къ этимъ 20,000 (minimum) дворовъ, взять еще 1000 дворовъ гуцуловъ, этихъ русскихъ горцевъ изъ Галичины или изъ Буковины, которые чуть съ голоду не мрутъ подъ гнетомъ податей и евреевъ, — они на вершинахъ Кавказа завели бы тонкорунное овцеводство, составляющее ихъ главный промыселъ въ Карпатахъ. — Содѣйствіе правительства переселенію турецкихъ русскихъ органичилось-бы только назначеніемъ военныхъ судовъ для перевоза ихъ изъ Кюстенджи и изъ Сулина въ порты праваго фланга, въ закупкѣ для нихъ скота, потому что имъ выгоднѣй будетъ купить его у правительства, чѣмъ у барышниковъ, а свой придется продать въ Добруджѣ; потомъ въ закупкѣ для нихъ виноградныхъ лозъ, фруктовыхъ деревьевъ, въ устроеніи на всякій случай складовъ хлѣба и т. п. Затѣмъ мировыя учрежденія, исправники и прочія власти должны быть введены на общихъ положеніяхъ Имперіи, — но conditio sine qua non, — тамъ надо допустить публичное совершеніе обрядовъ, словомъ, всю ту религіозную свободу, которою они пользуются теперь. И правительство можетъ допустить это смѣло, вреда отъ этого не выйдетъ, если оно, въ условіяхъ пріема ихъ въ Россію, обяжетъ ихъ заводить школы и посылать въ нихъ всѣхъ дѣтей безъ исключенія. Школы ослабятъ значеніе раскола, а что не ослабнетъ, то, волей-неволей, приметъ безвредныя формы.

За 20,000 дворовъ для Кавказа я могу смѣло поручиться, — а это составитъ до 100 станицъ, или селъ, считая по 200 дворовъ на село. Если-жъ и этого не будетъ достаточно, можно будетъ изъ Молдавіи двинуть такую-же, если не большую, массу старообрядцевъ, можно изъ Добруджи до 15,000 дворовъ молдаванъ взять, — они охотно пойдутъ (только разселять ихъ надо между русскими). Болгаръ можно будетъ имѣть такую-же цифру, если не больше: — теперь, когда вся европейская Турція пылаетъ въ возстаніи, переселенцевъ найдется мало-мало до 100,000 семей, считая, разумѣется, и молдавскихъ. — Начать приготовленія нужно съ осени, пока не на-

чали еще сѣять озими: за зиму желаніе переселяться на Кавказъ (и въ Крымъ) дойдетъ до маніи, и трудно будетъ не отыскивать, а удерживать охотниковъ. Народъ-же пойдетъ хорошій, съ деньгами, хозяева; только съ особаго снисхожденія можно будетъ принимать людей, которые, садясь на пароходъ, не представятъ, что у нихъ есть съ собою не менѣе 100 р. с. звонкой монетой. Бродягъ, бурлаковъ брать, разумѣется, не стоитъ, развѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Правительство, разумѣется, не откажетъ дать переселенцамъ амнистію во всѣхъ преступленіяхъ, которыя они или отцы ихъ совершили до выселенія въ Турцію и въ Молдавію.

Чѣмъ проще и короче будутъ написаны правила для переселенцевъ и чѣмъ меньше формальностей потребуется отъ нихъ, при вступленіи и на пароходы, и на берегъ, тѣмъ лучше будетъ — спокойнѣй и дешевле для правительства и для нихъ. Мѣста для селъ они сами выберутъ, и сами-же разобьются на сельскія общества, — неудачи въ этомъ дѣлѣ не должны падать на правительство, дѣятельность котораго на все первое время должна свестись на мировое судопроизводство и на обыкновенный полицейскій надзоръ. Иначе неизбѣжно выйдетъ путаница между начальствомъ, привыкшимъ къ мертвящему формализму, и переселенцами, освоившимися только съ простотой турецкихъ порядковъ. Неудача заселенія Крыма турецкими русскими и болгарами именно оттого и произошла, и потому Крымъ пользуется у нихъ крайне дурной репутаціей.

Переписка моя съ Герценомъ оборвалась во время разстройства моей общины. Мнѣ такъ горько стало, что даже дѣлиться своимъ горемъ не хотѣлось. Вся эта переписка сводилась на то, что Герценъ и Огаревъ убѣждали меня не покидать стараго знамени и упрекали за малодушіе, но я не находилъ въ ихъ письмахъ серьезныхъ возраженій на мои сомнѣнія, и потому не могъ придти къ старой вѣрѣ. Да еслибъ я и пришелъ къ ней какимъ-нибудь путемъ, все равно ничего нельзя было-бы сдѣлать. Они не вѣрили въ это, — я звалъ ихъ хоть посмотрѣть нашъ край, но они слишкомъ европейскіе люди, слишкомъ русскіе баричи, чтобы заглядывать куда нибудь, кромѣ Италіи, Франціи, Рейна и прочихъ проторенныхъ мѣстъ. Я-же совсѣмъ другое. Еще съ дѣтства вдался я въ изученіе всего неизвѣстнаго: въ китайскіе и прочіе восточные языки, потомъ въ расколъ, тогда никому почти не извѣстный; страсть къ необыкновенному увлекла меня въ Россію и въ Турцію. Я первый изъ русскихъ побывалъ у малоазійскихъ некрасовцевъ, первый отважился поселиться въ Добруджѣ, первый рискнулъ объѣздить Галичину. Книга и кабинетная тишина не удовлетворяютъ меня, мнѣ нужно стать лицомъ къ лицу съ фактомъ, во чтобы-то ни стало, — иначе я никогда не умѣю успокоить своихъ сомнѣній; я слишкомъ добросовѣстенъ, чтобы изучать дѣло по наслышкѣ, — и эта добросовѣстность убѣдила меня, что теоретики и кабинетные люди, при всемъ ихъ желаніи дѣлать добро, ничего никогда не сдѣлаютъ, потому что они не знаютъ матеріала, изъ котораго хотятъ строить. Если-бы каждый кабинетный реформаторъ, нигилистъ, соціалистъ, революціонеръ, рѣшился разстаться на время съ удобствами и удовольствіями спокойной жизни, а забрался-бы въ эти невѣдомыя міру страны; бродилъ-бы пѣшкомъ отъ села къ селу, кочуя въ чистомъ полѣ съ кѣмъ попало, не разбирая, надежный или ненадежный товарищъ встрѣтился; разъѣзжалъ-бы по тому-же Дунаю на рыбацкой лодкѣ, въ обществѣ раскольничьихъ монаховъ, которые его заставляли-бы самого грести, и держалъ-бы за шиворотъ въ бурю, на стрѣлкѣ, прижатаго ко дну лодки Михаила Семеновича, который, не умѣя ни грести, ни править, ни плавать, во все мѣшался и чуть-чуть не опрокидывалъ челнокъ, въ полной увѣренности, что десять лѣтъ пѣхотной службы дѣлаютъ человѣка на все годнымъ; если-бъ вмѣсто

преній съ товарищами, каждый забирался бы въ среду скопцовъ, молоканъ, цыганъ, въ села уходилъ-бы искать правды, съ простонародьемъ чернорабочимъ знакомился-бы въ большихъ городахъ Европы, посѣщалъ-бы не только Вѣну, но и Пряшовъ (Epreis), не только Берлинъ, но и Ухту съ ея отцомъ Павломъ, — иначе смотрѣлъ-бы онъ на людей и иначе-бы понималъ, что возможно сдѣлать для нихъ, и что не возможно. — Вотъ въ этомъ-то и виноватъ Герценъ, Огаревъ, а за ними всѣ прочіе русскіе эмигранты, не рѣшавшіеся заглянуть въ пустыню; а загляни они, — она-бы хорошо заплатила имъ за ихъ посѣщеніе, — она-бы переродила ихъ. Теперь —

Еще одно, послѣднее сказаніе,
И «Исповѣдь» окончена моя!

Въ предыдущемъ отдѣлѣ я опустилъ два обстоятельства:

1) Я писалъ письмо къ епископу Кириллу, приглашая его перейти въ старообрядчество. Я слышалъ, что ему грозитъ изверженіе изъ сана, и потому предлагалъ ему устроить церковь для «раздорниковъ». — Отвѣта я не получилъ. Письмо это было писано въ Цареградѣ, когда я, видя, что наше дѣло падаетъ, хватался въ отчаяніи за всевозможныя мѣры, чтобъ поддержать его; сверхъ того, мнѣ хотѣлось устройствомъ хоть какой нибудь церкви вывести бѣглопоповщину изъ ея глубокаго нравственнаго паденія.

2) Въ то же время я помѣстилъ извѣстное письмо въ Courtier d'Orient. Оно тоже было слѣдствіемъ отчаянія.

Привожу эти обстоятельства здѣсь, боясь, что опущеніе ихъ въ III отдѣлѣ будетъ сочтено умышленнымъ. Цареградскія дѣла мои шли такъ безсвязно, и такъ вліяло на насъ наше паденіе, что систематическое изложеніе ихъ было мнѣ рѣшительно не возможно, а безъ системы пропуски неизбѣжны.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ

ОБРАЩЕНІЕ И ВОЗВРАЩЕНІЕ

Въ Галацъ мы перебрались въ апрѣлѣ 1865 года, думая прожить тамъ не болѣе двухъ недѣль и пуститься въ Парижъ. Грекъ, обѣщавшій ссудить 300 руб., уѣзжалъ на время въ Одессу, — пришлось его ждать; а когда онъ воротился, пришлось еще ждать, потому что у него дѣла какъ-то запутались, и не было свободныхъ денегъ. Прошелъ мѣсяцъ, онъ началъ жаться, конфузиться, просилъ подождать, поискать другихъ средствъ, — словомъ, раздумалъ и, какъ всѣ неоткровенные, слабохарактерные люди, предпочиталъ водить меня за носъ, вмѣсто того, чтобъ объясниться прямо. Я долго подавлялъ въ себѣ сомнѣніе, но, наконецъ, страшная истина обнаружилась — поѣздка въ Европу оказалась невозможной.

Опять, какъ въ Цареградѣ, бросился я искать хоть какой нибудь работы, и опять, куда я ни обращался, все было напрасно. Обѣщаній давали пропасть, каждый сочувствовалъ моей крайности, — но работа легко не отыскивается. А между тѣмъ здоровье жены моей все слабло да слабло послѣ тульчанскихъ несчастій; а сынъ мой хирѣлъ съ каждымъ днемъ, — онъ родился отъ чахоточной матери. Чахотка была наслѣдственной болѣзнью моей жены, но туберкулы до Тульчи ничѣмъ не обнаруживали своего присутствія, и она жила бы до сихъ поръ, еслибъ не этотъ рядъ неудачъ и потерь, сокрушившихъ ея здоровье.

Приходилось плохо; хуже, чѣмъ въ Тульчѣ: май и іюнь я еще кое какъ пережилъ, занимая то у того, то у другого копѣечныя суммы, — но такъ жить было невозможно; надо было рѣшиться, — и я рѣшился. Верстахъ въ трехъ отъ Галаца проводилось шоссе въ Букарестъ, за битье щебня платили 2 р. 50 коп. сер. съ кубическаго метра. Сербы каменьщики выбивали въ день по метру, поляки эмигранты — солдаты, чиновники, студенты, офицеры, помѣщики, — выбивали, кто наловчился, полметра. Пошелъ и я. На небѣ не было ни облачка, солнце жгло, пыль висѣла въ воздухѣ, слезы крупными каплями падали на камень и тутъ же высыхали, ладони стиралися въ кровь — болѣе четверти метра не набилъ я...

Дня черезъ три мнѣ нашлось мѣсто. Подрядчики и смотрителя работъ при шоссе рекомендовали меня въ контролеры подрядчику при мощеніи двухъ Галацкихъ улицъ Callea Fecuciului и Strada Pontu Vecchiu. Должность моя состояла въ счетѣ возовъ песку и камня, доставляемыхъ на мѣсто работъ, и за это назначено мнѣ было 8 червонцевъ (восемь червонцевъ = 24 р.) въ мѣсяцъ. Съ ранняго утра до заката солнца долженъ я былъ стоять на улицѣ, считать возы, наблюдать, чтобы они были хорошо нагружены и, въ случаѣ спора, перемѣривать ихъ четверикомъ (banità), а такъ какъ извощикамъ нельзя было поручить этой операціи, потому что много зависитъ отъ того, какъ насыпанъ четверикъ, — то сплошь и рядомъ приходилось работать самому. Но я былъ радъ этой работѣ, она думать мнѣ не давала, — физическая усталь все-же легче нравственной; по крайней мѣрѣ, я приходилъ домой изнуренный и спалъ ночь, какъ убитый.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я сталъ контролеромъ, — сынъ у меня умеръ; здоровье жены стало еще хуже, такъ хуже, что нужно было пригласить доктора, — а на доктора нужны средства! Какъ мнѣ ни больно было, какъ ни возмущала меня мысль, но пришлось согласиться на поступленіе ея въ госпиталь. Не желаю я ни одному семейному человѣку испытать, что значить отдавать кого нибудь изъ своей семьи въ больницу, — нѣтъ ничего унизительнѣй, какъ не быть въ состояніи помогать своимъ: въ лицо никому взглянуть не смѣешь, сказать объ этомъ совѣстишься, точно преступленіе совершилъ, точно какое подлое дѣло сдѣлалъ! Городской докторъ и его подлекарь были мои знакомые и устроили все, какъ можно было лучше, даже позволили ей держать при себѣ нашу дочку, дѣвочку лѣтъ пяти, красавицу собой, умную и добрую, какъ ея мать. Одна она у насъ и оставалась, объ ней объ одной мы и мечтали. Всѣ любили этого ребенка, къ которому перешло и мощное сложеніе, и несокрушимое здоровье моего отца. Горько мнѣ было, — я усерднѣй взялся за работу. Подрядчикъ Фламмъ разорялся, безтолково распорядясь въ началѣ предпріятія, и терялъ голову; я одинъ пользовался его довѣріемъ, что не украду ни копѣйки, и онъ взвалилъ на меня управленіе работами. Хлопотъ стало больше, но за то и легче стало на душѣ, да кстати и жена начала быстро оправляться, такъ что можно было надѣяться на ея скорое выздоровленіе, а между тѣмъ завелось у меня много знакомствъ, и мнѣ стали дѣлать разныя выгодныя предложенія, между прочимъ быть редакторомъ закладывавшагося тогда Jurnalul din Galati, что меня очень соблазняло, и что мнѣ могло дать средства на приличную жизнь въ Галацѣ. — Словомъ, все пошло лучше, еслибъ только не досадовали остановки работъ, вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ Фламма, да холера, такъ испугавшая нашихъ мостовщиковъ — сербовъ, что они побѣжали изъ Молдавіи. Холера ихъ, впрочемъ, сильно перебирала по свойственной простонародью неосторожности: лучшій нашъ мастеръ, въ промежутки между пароксизмами, ѣлъ арбузы, а другой купаться ходилъ въ Дунай, чтобъ остановить рвоту и корчи, — и оба умерли у меня на рукахъ. Но мое присутствіе между ними, мои совѣты, довѣріе, которымъ я у нихъ пользо-

вался, все-таки помогло дѣлу; они стали разборчивѣй въ пищѣ, приняли предложенныя имъ мною мѣры предосторожности, — и опять сформировались въ артели. Работы начались, холера слабѣла, здоровье жены поправлялось.

Было холодное осеннее утро. Я вышелъ на работы, какъ вдругъ одинъ молдаванъ сказалъ мнѣ, что меня ищутъ, что въ госпиталѣ кто-то у меня умеръ. — Какъ сумасшедшій бросился я, думая, что съ женой что-нибудь случилось. — Я вбѣжалъ къ ней: она сидѣла въ слезахъ: «Василій Ивановичъ, Малуши (такъ мы дочку звали) у насъ нѣтъ! она уже въ мертвецкой!» Я зашатался, ударъ былъ слишкомъ неожиданъ, еще вчера моя дѣвочка была здорова.

Она и спать легла здоровая. Часовъ въ девять вечера она расплакалась и стала жаловаться «мама, мама! у меня ротикъ болитъ». Рвота пошла, корчи — въ шесть часовъ утра ее уже не стало, несмотря ни на какія пособія медиковъ. Посмертное вскрытіе оказало, что смерть произошла отъ холеры! — Кромѣ бѣшенства и проклятій, у меня на сердцѣ ничего не было. Желѣзное здоровье, умъ, характеръ, красота моего ребенка, пріучили меня даже мечты о будущемъ моемъ соединять съ нею; ея воспитанію жизнь я хотѣлъ посвятить, я на нее, какъ на каменную гору, считалъ, она одна видѣлась мнѣ впереди моимъ другомъ, моей Антигоной — и все разбилось въ одну ночь.

Черезъ нѣсколько недѣль и жена моя умерла, завѣщая мнѣ ѣхать на Западъ, — она вѣрила въ мой умъ и въ мой талантъ. Ее смерть Малуши убила... Она умерла на моихъ рукахъ. Я самъ снесъ трупъ этой святой женщины въ мертвецкую, самъ въ гробъ положилъ, самъ въ могилу опустилъ. — Я не плакалъ: злорадство какое-то овладѣло моей душой, — а мнѣ пріятно было имѣть новое доказательство, что въ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго, что всѣ труды и привязанности человѣка ничего не стоятъ въ этомъ безначальномъ и безконечномъ океанѣ Времени, Пространства и Свойства. Все суета суетъ, все преходящее, и люди, и идеи, и человѣчество, и самъ шаръ земной. Все это вѣчный калейдоскопъ непонятныхъ намъ силъ и цѣлей, если есть какія нибудь цѣли въ этой природѣ, загадочной, безпощадной, — въ этомъ вѣчномъ сарказмѣ надъ всѣмъ святымъ, что только таится въ груди человѣческой. — А вечеръ, когда я ее хоронилъ, былъ такъ тихъ, западъ горѣлъ зарей, восковая свѣча, воткнутая могильщиками въ землю горѣла, не колыхаясь, и Дунай сверкалъ подъ горой. А я былъ одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ, всѣмъ чужой и всему чуждый; вольный, какъ птица, и незнающій, куда волю дѣвать, что съ жизнью дѣлать. Давиться — не стоило того, потому что бѣжать было не отъ чего; но и жить было не для чего, потому что не къ чему было стремиться. Ни вѣры въ душѣ, ни идеала, ни мечты о будущемъ, ни даже сожалѣнія о прошедшемъ не было во мнѣ, пока я помогалъ пьянымъ могильщикамъ засыпать этотъ уже послѣдній гробъ. Я былъ звѣрь, а не человѣкъ; мнѣ было все равно, что дѣлать и какъ дѣлать, только бы съ голоду не умереть, — а для этого даже и трудовъ большихъ не надо: фунта два хлѣба въ день совершенно довольно и заработать ихъ не хитро. — И я спустился въ потемнѣвшій городъ, импровизуя страшную пѣсню — пѣсню отчаянія, которую я пѣлъ цѣлую эту зиму 1865—66 года. — По привычкѣ я пошелъ на другой день опять на работы, мѣрять песокъ, считать квадратныя сажени мостовой и слушать болтовню каменьщиковъ-сербовъ и извощиковъ-молдаванъ.

Дѣла Фламма шли плохо: онъ ввязался во множество разныхъ спекуляцій и неудача одной губила другую. Въ отчаяніи онъ хотѣлъ бросить подрядъ и уѣхать въ Индію искать счастья. Почти силой я заставилъ его не терять духа, кончить во что бы то ни стало мощеніе улицъ, чтобы спасти кредитъ и добрую славу. Время было позднее, сербы спѣшили домой, перевозка песку затруднялась распутицей;

Фламмъ, потерявъ голову, сбивалъ рабочихъ безтолковыми приказаніями. Мы съ нимъ спорили, даже бранились, даже чуть на подрались разъ, — а все-таки я настоялъ на своемъ, противъ его воли сдѣлалъ нужные запасы песку и камня — и кончилъ работу до зимы. Фламмъ съ ума сходилъ отъ радости. Кредитъ его возстановился, когда увидѣли, что онъ надежный человѣкъ и что даже въ убытокъ себѣ исполняетъ, чему обязался, — и предложили ему новый подрядъ, зная, что у него нѣтъ ни копѣйки. Мы уже мечтали съ нимъ работать сообща, — какъ вдругъ онъ объявилъ, что намъ нужно прекратить всякія сношенія. Нашъ генеральный консулъ въ Букарештѣ, баронъ Оффенбергъ, узнавъ, что я въ Галацѣ, объявилъ Фламму, что если онъ будетъ держать при себѣ такого scelérat, какъ я, то онъ порветъ съ нимъ всякія сношенія и вынужденъ будетъ отказать ему даже въ паспортѣ въ Россію, буде таковой Фламму потребуется. Грустно намъ было разстаться. Я привыкъ къ своему взбалмошному хозяину, который мнѣ нравился своею кипучею предпріимчивостью, а онъ дорожилъ мною, какъ человѣкомъ, не имѣющимъ даже поводовъ быть корыстнымъ и жалѣть свою жизнь или здоровье для чего бы то ни было. Апатія была во мнѣ безграничная, цѣлей въ жизни никакихъ, а привычка къ Фламму и необходимость вести какую нибудь дѣятельную жизнь, чтобы забыться въ ней, дѣлала меня полезнымъ работникомъ.

Мы разстались. Искать новыхъ занятій было и безполезно, послѣ угрозы Оффенберга и приданнаго имъ мнѣ эпитета, да и лѣнь было. Кто привыкъ трудиться для семейства, тотъ не понимаетъ личной нужды: одна голова не бѣдна. Я повелъ праздную жизнь, дѣла не дѣлалъ, отъ дѣла не бѣгалъ. Случилось достать какую нибудь работу, переводъ, счетъ, — я работалъ; не случалось, — я не искалъ. Предложилъ мнѣ одинъ бѣглый русскій половой пироги вмѣстѣ съ нимъ печь на продажу — и мы пекли; запилъ онъ и бросилъ дѣло, — и я бросилъ. Даже квартиры не было у меня постоянной, ночевалъ, гдѣ попало: въ корчмѣ на лавкѣ, у скопцовъ въ банѣ или на мельницѣ, у пріятеля на голомъ полу, въ трактирѣ на биліардѣ, не умывался по цѣлымъ недѣлямъ, бѣлье мѣнялъ чуть не разъ въ мѣсяцъ, да и мѣнять нечего было — у меня все разокрали. Словомъ, я сталъ и по теоріи, и на практикѣ Діогеномъ, и это діогенство было моимъ единственнымъ тогда принципомъ. Я все презиралъ — и міръ, и людей, ихъ стремленія, вѣрованія, условія общежитія, — я публику при нихъ составлялъ: смотрѣлъ, что они дѣлаютъ, какъ радуются и горюютъ, а самъ принималъ не больше участія, какъ зритель, въ томъ, что происходитъ на сценѣ. — Если я не палъ, если развратъ и порокъ не коснулись меня въ эту зиму, — я обязанъ моимъ покойникамъ. Каждую ночь они снились мнѣ; я хоть во снѣ жилъ въ ихъ святомъ кругу, толковалъ съ братомъ, съ женой и съ сестрой (умершей въ Москвѣ въ 1862 году; я ее очень любилъ — мы выросли вмѣстѣ), съ Малушей игралъ, — и остался чистъ, какъ при нихъ, хотя кругомъ меня все было падшее и растлѣнное.

Такъ и весна настала. Грязный, оборванный шлялся я по Галацу, а деревья зеленѣли и птицы тянулись вереницами на сѣверъ. Я все смотрѣлъ на птицъ, прислушивался къ ихъ голосамъ — и меня стало тянуть куда-то. Куда дѣваться? Я и самъ сначала не зналъ, но жена завѣщала мнѣ ѣхать на Западъ, отдаться перу и наукѣ. Думалъ я, думалъ, откладывалъ со дня на день, — наконецъ, пошелъ на пристань. Сербъ, капитанъ одного буксирнаго парохода, отходившаго на другой день въ Базіашъ, обѣщалъ мнѣ мѣсто даромъ. Я собралъ свои статьи, завернулъ ихъ въ старенькое пальто — и явился на пароходъ: больше у меня вещей и не было. Поплыли мы, — денегъ у меня было всего съ полтинникъ, пароходъ шелъ тихо, таща противъ теченія двѣ, а иногда три баржи, ѣсть было нечего, кромѣ сухихъ запа-

совъ, которые я закупилъ на дорогу. Кельнеры пригласили за свой столъ. Въ Оршовѣ, на австрійской границѣ, мой капитанъ передалъ меня другому, шедшему до Пешта; кельнеры шепнули и тамъ кельнерамъ – и я опять былъ сытъ. Но къ ужасу моему, на пароходѣ этомъ ѣхалъ мой знакомый цареградскій банкиръ Pervilegio, – я сталъ отъ него прятаться. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ, видавшій меня въ хорошихъ обстоятельствахъ, узналъ о моей нищетѣ, да и боялся я, что, назвавъ меня по имени и сболтнувъ, что я эмигрантъ, навлечетъ на меня арестъ; а арестъ этотъ повелъ бы къ выдачѣ меня въ Россію, гдѣ меня ничего хорошаго, разумѣется, не ожидало. На пароходѣ было пропасть русскихъ. Одинъ инженерный полковникъ, услышавъ, что я разговариваю по сербски съ матросами, заговорилъ со мною по русски. Я выдалъ себя за студента этнографа, возвращающагося изъ Турціи въ Европу, для окончанія своихъ филологическихъ занятій и для приведенія въ порядокъ своихъ изслѣдованій по славянской миѳологіи. Было уже совершенно темно, когда мы разговаривали на палубѣ съ полковникомъ, очень довольнымъ, что во второмъ классѣ, нашелся, наконецъ, человѣкъ, съ которымъ можно слово сказать, а онъ зналъ только по русски; прочіе же русскіе, генералъ Свѣчинъ съ Кавказа, дочь графа Коцебу изъ Одессы, докторъ Вагнеръ тоже изъ Одессы, какой-то помѣщикъ-меломанъ Криворотъ и еще какіе-то, ѣхали всѣ въ первомъ. Мы стояли и разговаривали, – мнѣ тоже отрадно было поговорить съ русскимъ не изъ простонародья.

– «Mais oui, c'est vous enfin, monsieur Yanni, positivement c'est votre voix!.. раздалось за мною. Меня передернуло – я попался.

– «Taisez vous, Alphonse», сказалъ я, сжимая руку Pervilegio. Не говорите никому, кто я, и какъ вы меня знаете – мы въ Австріи.

Альфонсъ поклялся всѣми богами. Я разсказалъ ему все, что со мной было и что ѣду, самъ не знаю куда, на Западъ заняться филологическими науками, такъ какъ кромѣ науки у меня нѣтъ никакихъ интересовъ въ жизни. Альфонсъ назвалъ меня сумасшедшимъ. «Наука и литература плохо кормятъ, сказалъ онъ, а деньги первое дѣло. Воротитесь въ Цареградъ, я вамъ дамъ сейчасъ же мѣсто у меня въ конторѣ въ 10 лиръ (60 р.) въ мѣсяцъ – вотъ вамъ задатокъ, а за дорогу я плачу».

– «Спасибо, Альфонсъ, отвѣчалъ я, – но мнѣ силы нѣтъ видѣть этотъ спящій Востокъ; я до ненависти дохожу къ нему за отсутствіе въ немъ всякой умственной жизни. Мнѣ наука нужна, – если и она меня не спасетъ, я погибъ окончательно. Я хочу мыслить, я хочу добиться до разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по миѳологіи, археологіи и исторіи славянства. – Я радъ, что хоть это можетъ еще занимать мой умъ, и я ни за что, ни за какія блага не откажусь отъ науки. Путешествіе мое отчаяннѣйшій рискъ, оно вамъ безуміемъ кажется, – но мнѣ надо душу свою спасти, мнѣ свѣжій воздухъ нуженъ, вопросовъ гибель у меня въ умѣ, а на всемъ Востокѣ, отъ Галаца до Цареграда, мнѣ никто на нихъ не отвѣтитъ, и никто не сумѣетъ подмѣтить ошибку въ моихъ выводахъ. Я бѣгу отъ сна, отъ невѣжества, отъ застоя, – бѣгу на удалую, очертя голову, – но мнѣ необходимо добраться до людей, которые поймутъ, что у меня наболѣло на душѣ, откуда я взялъ мои страшныя отрицанія, почему я дошелъ до моего діогенства. Мнѣ надо высказаться, выспориться – я нравственно боленъ: мой умъ разстроенъ, сердце разбито, – я слышу въ себѣ болѣзнь, но не могу остановить ея развитія. Я діалектикъ, мыслитель, – мнѣ нужно сразиться съ равными мнѣ, а равныхъ мнѣ на Востокѣ нѣтъ. Я титановъ вызываю на бой, а на Востокѣ одни пигмеи да обезьяны...»

Альфонсъ плохо меня понялъ, но ему жалко меня стало. Карьера философа, ученаго и литератора, которую я себѣ избиралъ, была ему не по сердцу, – онъ слыхалъ, что она не кормитъ.

— «Послушайте, monsieur Yanni (я зналъ ваше настоящее имя, только теперь не помню) — тогда вотъ какъ сдѣлайте. Воротитесь въ Цареградъ, годъ, два побудьте въ конторѣ, заработайте денегъ и поѣзжайте на Западъ».

— «Лучше въ Дунай брошусь, подъ колеса парохода, — отрѣзалъ я. — Мнѣ, Альфонсъ, нѣтъ другого выхода, кромѣ этого сумасшедшаго путешествія. Я не полякъ, чтобъ удовольствоваться фразами, и не кабинетный человѣкъ, чтобъ успокаиваться на теоріяхъ, выработанныхъ въ четырехъ углахъ. Вопросы и сомнѣнія мои могутъ разрѣшиться только въ столкновеніи съ жизнью, а жизни на Востокѣ нѣтъ. — Да, наконецъ, — я вольная птица, самъ себѣ баринъ, — если я и пропаду, крѣпко обо мнѣ никто плакать не будетъ, да и мысль о гибели меня не страшитъ, — мнѣ терять на свѣтѣ ничего не осталось. Но, если ужъ погибать, такъ погибать прилично, не въ Цареградѣ, — на людяхъ и смерть красна».

Альфонсъ не унялся. Онъ составилъ противъ меня заговоръ и познакомилъ меня съ русскими перваго класса. Они очень удивлялись, какъ это ученый путешествуетъ не на казенный счетъ, и убѣждали меня послушаться Альфонса или воротиться въ Россію. — Я отвѣчалъ, что безъ диссертаціи не явлюсь домой, а что добиться значенія славянскихъ миѳовъ и исторіи славянскихъ боговъ я могу только въ Вѣнѣ, гдѣ пропасть славянъ и гдѣ всего удобнѣй можно изучить славянскія преданія. — Мысль остановиться именно въ Вѣнѣ пришла мнѣ только по дорогѣ. Въ Галацѣ у меня не было никакихъ опредѣленныхъ плановъ.

Со мной спорили, не соглашались, но заинтересовались мной. Я назвалъ себя Ивановымъ-Желудковымъ: на паспортѣ у меня было написано Vasilii Ivanoff, но какъ Ивановъ фамилія, не внушающая довѣрія къ человѣку въ исключительномъ положеніи, потому что ее надѣваетъ на себя каждый, кто не найдется придумать себѣ имени повѣроятнѣе, что я замѣчалъ въ Добруджѣ и въ Молдавіи надъ бродягами, — то я прилѣпилъ къ ней фамилію моей матери, которая была изъ Желудковыхъ. — «Ивановъ-Желудковъ», именно, по странности своей обезпечивало меня отъ всякихъ подозрѣній, а когда въ Вѣнѣ, въ Галичинѣ у славянъ, я разсказывалъ, что я по происхожденію старообрядецъ или хлыстъ, и разсказывалъ это съ мельчайшими подробностями, — то сомнѣній о моей личности окончательно не могло возникнуть. — Это разсчетъ, вынесенный мною изъ трущобной жизни.

Между тѣмъ, участіе, которое принялъ во мнѣ Первиледжіо и его готовность помочь мнѣ возбудили во мнѣ мысль попросить у него въ заемъ рублей съ пятьдесятъ, чтобы хоть костюмъ сдѣлать себѣ приличный. Покуда я колебался и затруднялся, капитанъ парохода объявилъ мнѣ отъ имени русскихъ пассажировъ перваго класса, что они просятъ принять меня сдѣланную ими для меня складчину. Положеніе мое вышло крайне неловкое, я отказывался, на меня наступили, потребовали, чтобъ я принялъ деньги во имя самой науки, которой себя посвящаю, — и я долженъ былъ согласиться, скрѣпя сердце, и давъ себѣ слово отдать впослѣдствіи эти деньги (рублей около восьмидесяти) первымъ нуждающимся; — что уже и сдѣлано. Сверхъ этого, капитанъ взялся устроить для меня даровой проѣздъ до Вѣны. Въ Пештѣ я разстался съ русскими, пересѣлъ на другой пароходъ — и черезъ недѣлю уже посѣщалъ лекціи старославянскаго языка, санскрита и зенда въ Вѣнскомъ университетѣ, а свободное отъ нихъ время проводилъ въ Императорской — королевской библіотекѣ, изучая славянскія сказки, пѣсни, древнюю исторію славянства и народные обычаи. Мѣсяца въ два мнѣ удалось провѣрить мои прежніе выводы и убѣдиться, что открытый мною методъ можетъ повести къ колоссальнымъ результатамъ, что есть возможность опредѣлить домашній и политическій бытъ и вѣрованія славянъ въ VII, VIII и IX вѣкахъ, а равно и указать на связь нашу съ

Индіей въ какія-то, до сихъ поръ неизвѣстныя мнѣ времена. По крайней мѣрѣ, я нашелъ въ «Вѣдахъ и въ Пуранахъ» прямыя указанія, что санскриты знали о нашемъ существованіи на сѣверо-западѣ отъ Индіи, и что были очень высокаго мнѣнія о нашей образованности. Затѣмъ я невольно пришелъ къ заключенію, что преданія и сказанія наши древнѣе германскихъ и сохранились въ болѣе первобытной чистотѣ, что сказки, которыя у насъ каждый ребенокъ знаетъ, суть отрывки изъ древней, всѣмъ индо-европейцамъ общей поэмы о сотвореніи міра, которая даже у санскритовъ и грековъ не сохранилась въ такой первобытной формѣ, какъ у насъ. Въ связи съ этими изслѣдованіями, я занимался сравненіемъ славянскихъ нарѣчій и быта отдѣльныхъ племенъ, что дало мнѣ возможность разъяснить ихъ древнюю исторію и указать на происхожденіе каждаго. Такъ, я имѣю теперь положительныя данныя, что мы, велико-руссы, вовсе не происходимъ отъ финовъ и татаръ, какъ утверждаютъ поляки, и что въ бытѣ нашемъ татарщина не оставила никакихъ рѣзкихъ слѣдовъ; а что, напротивъ того, нигдѣ славянство не сохранилось въ такой чистотѣ, какъ у насъ; — о чемъ и думаю написать серьезное изслѣдованіе въ отвѣтъ Духинскому, Мицкевичу, Henri Martin, Viquesnel и прочимъ шарлатанамъ науки.

Но занятія въ библіотекѣ и въ кабинетѣ были недостаточны. Я хорошо зналъ бытъ южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ, а равно и сосѣднихъ съ ними румуновъ и грековъ. Надо было ознакомиться и съ западными славянами: я началъ съ словаковъ. Коротенькая моя замѣтка объ нихъ, съ указаніемъ на мой методъ, помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года, подъ названіемъ «Словацкія села подъ Пресбургомъ». Для такихъ-же изслѣдованій я предпринялъ трудную, а для меня даже и опасную поѣздку по Австріи и началъ съ Галичины, для изученія тамошнихъ русскихъ, а затѣмъ думалъ забраться въ Угорщину, въ Семиграды, Банатъ, Воеводину, Хорватію, Истрію, Далмацію, — или же въ Чехію и Моравію и потомъ въ Саксонію и Пруссію, для посѣщенія лужицкихъ сербовъ, мазуровъ и кашубовъ.

Поводы къ этой поѣздкѣ были такого рода. Однимъ изъ первыхъ моихъ шаговъ въ Вѣнѣ было вступленіе въ Славянской Клубъ (Slovanská Besěda), гдѣ каждый вечеръ собираются проживающіе въ Вѣнѣ славяне, преимущественно чехи, гдѣ поляковъ никогда не бываетъ и куда русскіе путешественники даже и заглядывать не изволятъ. Тамъ можно читать всѣ славянскія газеты, а также «Московскія Вѣдомости», «Инвалидъ», «Голосъ», «Петербургскій Листокъ» и т. п. Я вошелъ въ Бесѣду смиреннымъ студентомъ, познакомился кой съ кѣмъ изъ членовъ, преимущественно изъ галицкихъ русскихъ, — и очень не понравился имъ. Мои «безпристрастныя» сужденія о полякахъ и о малорусахъ сильно ихъ разсердили, такъ что они стали упрекать меня въ украйнофильствѣ и въ полонофильствѣ. Я спорилъ, говоря, что каждая народность должна имѣть права на независимое существованіе, развивать свой языкъ, жить по своимъ обычаямъ — короче, я говорилъ тоже самое, что проповѣдывала наша литература въ 1862 году, когда я, съ отъѣздомъ моимъ въ Цареградъ, пересталъ слѣдить за нею. Галичане и русскіе угры держались другого мнѣнія. Русское государство, говорили они, выработываетъ языкъ и право обязательное для всего славянства, а тѣмъ болѣе для русскихъ племенъ. Оно одно представляетъ реальную силу славянства, и, какъ всякіе швабы, фризы, тирольцы, стремятся къ слитію съ Пруссіей, создавшейся на границахъ германскаго міра, такъ и славяне не могутъ не тянуть къ Россіи, возникшей на крайнемъ рубежѣ славянства. Въ этомъ одно ихъ спасеніе отъ ненавистнаго славянскому духу германизма, и потому всякое слово противъ расширенія языка, права и гра-

ницъ Россіи — измѣна славянству; а поляки и украйнофилы преступники противъ него, такъ какъ они стремятся къ сепаратизму. — Взглядъ этотъ раздѣляли всѣ славяне, даже и партизаны Австріи, мечтавшіе о славяно-мадьярско-румунской дунайской федераціи, то есть о распаденіи славянскаго міра на двѣ группы: на русскую и на австро-турецкую. И я не могъ не признать, что доводы ихъ вѣрны, а какъ только я сдѣлалъ эту уступку, такъ и перестали быть мнѣ чуждыми дѣла человѣческія: это былъ шагъ первый. Туманъ сталъ разсѣиваться, — повязка спадала съ глазъ.

Другой шагъ я сдѣлалъ, научившись у нихъ глубоко уважать наше правительство и гордиться имъ, хотя первые уроки въ этомъ я взялъ еще въ Тульчѣ у бѣглыхъ и въ Галацѣ у скопцовъ. Не знаетъ наше правительство, какъ его любятъ и цѣнятъ за границей, какъ даже отвергаемые имъ люди не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ! Съ какимъ волненіемъ читалъ я въ Галацѣ о смерти старшаго сына Государя, — я понималъ, что Государь долженъ былъ почувствовать, и его горе примирило меня съ нимъ, но потомъ, мои собственныя бѣды и апатія, въ которую я впалъ, какъ-то затерли это впечатлѣніе. Въ Пештѣ я узналъ о выстрѣлѣ 4-го апрѣля, — онъ произвелъ на меня мрачное впечатлѣніе. Я сразу понялъ, что это могло быть дѣломъ какого нибудь безумца или фанатика, а никакъ не партіи, но я испугался за Россію, которой грозила страшная реакція, и испугъ этотъ подѣйствовалъ на меня цѣлебно. Адресы читалъ я съ сочувствіемъ — и вдругъ, вмѣсто реакціи, явился гласный судъ: славяне поздравляли меня. За гласнымъ судомъ пріѣхало американское посольство, — я сталъ бороться съ собой, боясь, что «снизойду» до уваженія къ правительству. — Война началась — я сравнивалъ Петербургъ въ Крымскую войну съ Вѣной въ эту семинедѣльную, и понялъ разницу между живою и здоровой Россіей и умирающей Австріей. Я написалъ объ этомъ въ «Голосъ».

Чѣмъ я больше читалъ газеты, чѣмъ ближе сходился съ славянами и чѣмъ глубже вдавался въ изученіе славянства, — тѣмъ сильнѣе и сильнѣе развивалось во мнѣ примиреніе съ жизнью:

«Я сжигалъ все, чему поклонялся,
И склонялся предъ всѣмъ, что сожегъ».

Каждые пустяки, каждая мелочь возбуждала во мнѣ любовь къ Россіи и къ нашему правительству, которое то и дѣло сыпало реформы за реформой. Точно праздникъ какой-то шелъ, не кончились еще торжества американцамъ, — начались приготовленія къ свадьбѣ цесаревича; въ Вѣнѣ хлопотали о собраніи костюмовъ для выставки, меня изъ Москвы Поповъ просилъ указать Демидову, откуда и какъ достать костюмы некрасовцевъ и приглашалъ меня, какъ этнографа Иванова-Желудкова, побывать у кашубовъ, мазуровъ, силезцевъ и лужичанъ. Обычное право славянское сталъ я изучать, — одинъ добровницкій (Ragusa) сербъ Богижичъ занимался сравненіемъ славянскихъ обычаевъ: я ему сообщилъ пропасть свѣдѣній о русскихъ юридическихъ воззрѣніяхъ, — и мы оба пришли къ убѣжденію, что у насъ, у великорусовъ, славянское право сохранилось въ первобытной чистотѣ, такъ что миноратъ уцѣлѣлъ только у насъ и т. п. Изслѣдованія наши напечатаны по сербски въ Загребскомъ (Agram) журналѣ «Knižéwnik», — они опять такъ заставили меня гордиться, что я русскій — а въ Галацѣ я недавно проповѣдывалъ, какъ нѣмецъ: ubi bene, ibi Patria.

Переписку, завязавшуюся у меня съ Герценомъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Вѣну, я прекратилъ. Въ послѣднихъ письмахъ своихъ онъ очень негодовалъ на «этотъ несчастный выстрѣлъ», который, по его мнѣнію, оттягивалъ созваніе земскаго со-

бора, предлагалъ мнѣ довольно выгодныя условія за сотрудничество въ «Колоколѣ» и въ «Полярной Звѣздѣ» — онъ по письмамъ моимъ замѣтилъ, что у меня слогъ нѣсколько выработался и хотѣлъ войти со мною въ полемику: но ужъ было поздно, — блудный сынъ находилъ домъ отчій. Я отказался и отъ сотрудничества, и отъ полученія «Колокола», и отъ переписки, подъ предлогомъ опасности со стороны австрійской полиціи, а въ сущности для того, чтобъ спокойнѣе обсуживать наединѣ возникавшія во мнѣ чувства и мысли. Съ тѣхъ поръ, какъ я остался одинъ, — я отвыкъ дѣлиться съ людьми своими мыслями, я весь ушелъ въ самого себя.

Въ Вѣнѣ же я и работать началъ. Повѣстей своихъ и «Черныхъ Думъ» я не послалъ въ Россію, — и мода на произведенія въ этомъ родѣ прошла, да и я самъ уже не былъ отрицателемъ. Я написалъ на пробу «Русское село въ Малой Азіи» и «Словацкія села подъ Пресбургомъ», — Катковъ отвѣчалъ, что ждетъ отъ меня еще статей. Но сношенія съ «Русскимъ Вѣстникомъ» были затруднительны: писаря редакціи отвѣчали какъ-то безтолково, неаккуратно, — я написалъ корреспонденцію Краевскому; мы съ нимъ мигомъ сошлись: онъ предложилъ мнѣ даже передовыя статьи посылать, что я и дѣлалъ и, такимъ образомъ, имѣлъ въ мѣсяцъ до 200, а, если захочу, то и до 500 р. сер. доходу*. — Я не только вышелъ изъ нищеты, но могъ даже жить съ нѣкоторою роскошью.

Одно меня мучило — двусмысленность моего положенія. Славяне просили меня не только писать за нихъ, но даже и хлопотать, и мнѣ постоянно нужно было лгать и отдѣлываться отъ нихъ, — что было отвратительно. Съ правительствомъ я совершенно примирился и нѣсколько разъ порывался просить у Государя помилованья, — но меня удерживалъ польскій вопросъ. Что мнѣ ни говорили галичане, какіе ужасы они ни разсказывали про поляковъ, — мнѣ все какъ-то не вѣрилось, потому что между эмигрантами я много наслышался о любви народа къ шляхтѣ, объ участіи мужиковъ въ повстаніи и никакъ не могъ согласить ихъ разсказовъ съ извѣстіями нашихъ газетъ и съ тѣмъ, что слышалъ отъ галичанъ. Если эмигранты были правы, если Польша возможна и, можетъ быть, безвредна для нашего Западнаго края, — тогда наше правительство, разумѣется, неправо, и тогда примиреніе мое съ нимъ было бы невозможно: нельзя-же было бъ обманывать его на счетъ своего образа мнѣній. — Долго я ломалъ голову надъ этой дилеммой, пока не рѣшился исполнить просьбу моихъ пріятелей галичанъ — объѣздить и описать ихъ край. Предпріятіе было трудное, они сами этого не скрывали: въ Австріи каждый русскій, хоть-бы и съ турецкимъ паспортомъ, принимается за правительственнаго агента и подстрекателя, а въ Галичинѣ и безъ того вся власть въ польскихъ рукахъ, — русскихъ оттуда попросту выгоняютъ, а въ Венгріи даже и колотятъ, чему и примѣры знаю — наши же посланники не сходятъ съ высоты своего величія для защиты чести русскаго паспорта. Мнѣ же грозила опасность быть узнаннымъ и выданнымъ въ Россію, — но надо было уяснить себѣ правду о полякахъ и по возможности помочь галичанамъ изданіемъ книги объ нихъ. Дѣло предстояло честное — и стыдно было бы не ходить въ лѣсъ изъ боязни волковъ. Я поѣхалъ, разсчитывая пробыть до Рождества въ Галичинѣ (Галиція — въ Испаніи, а въ Австріи — Галичина), оттуда объѣхать славянъ въ Пруссіи и въ Саксоніи, въ Лейпцигѣ напечатать мою предполагаемую книгу и, если выводы изъ моихъ наблюденій оправдаютъ дѣйствія правительства, — поднести ее Государю съ просьбою о забвеніи стараго. — О томъ, что

* Эта исповѣдь составитъ 15 печатныхъ листовъ «Русскаго Вѣстника», который меньше 48 р. сер. за листъ не платитъ. Началъ я ее 13-го іюня, а кончу послѣзавтра, 11-го іюля. Еслибъ она назначалась для печати, — она принесла бы мнѣ за мѣсяцъ работы почти 750 р. сер.

я эмигрантъ, разумѣется, въ Австріи никто не зналъ; какъ и въ Галацѣ, никто не зналъ, куда именно я уѣхалъ, а сверхъ того я распустилъ слухъ о своей смерти въ Джуджевѣ. Выдавалъ я себя за раскольника, некрасовца по происхожденію, путешественника по страсти и ученаго по призванію. Непріятно было морочить честныхъ людей, но иначе ничего узнать нельзя было, да и скажи я имъ, что былъ когда-то самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ враговъ русскаго правительства, они-бы, не говоря худого слова, скрутили мнѣ руки и препроводили меня къ начальству для выдачи; хоть-бы слѣдствіемъ этой выдачи была моя казнь. — Я славянъ хорошо знаю, они вовсе не фразу говорятъ, что истинныхъ друзей нашего правительства и лучшихъ русскихъ патріотовъ надо между ними искать, въ ущельяхъ Татровъ и на берегахъ Адріатики: ихъ нѣтъ въ русской службѣ, а они были бы въ сто разъ надежнѣе и полезнѣе нѣмцевъ.

Итакъ — второй разъ въ жизни пришлось мнѣ переродиться. Цареградъ, бывшая столица Восточной Римской Имперіи заставила меня покинуть борьбу противъ правительства; Вѣна, бывшая столица Западной Римской Имперіи сдѣлала меня бойцомъ за него. Какъ одиночество въ Галацѣ ввело меня въ апатію и вынудило къ отчаянному бѣгству въ Вѣну, чтобы спасти себя наукой — такъ, въ той же Молдавіи, ровно черезъ годъ послѣ этого бѣгства, такое-же одиночество привело меня къ возвращенію въ Петербургъ, съ просьбою о дозволеніи мнѣ быть полезнымъ Россіи.

Еще сомнѣнія были на душѣ, когда я очутился въ Краковѣ. Тамъ я прожилъ день, — мнѣ хотѣлось взглянуть на этотъ городъ, и я пошелъ осматривать древніе костелы. Въ соборѣ, гдѣ вѣнчались на царство короли, я просидѣлъ часа съ два, — тѣни прошлаго Польши мелькали передо мною, Самозванецъ и Марина, Скарга и Потей, Баторій и Понятовскій бывали здѣсь, — неужели-же Польша въ самомъ дѣлѣ умерла? Что-то торжественное было на душѣ, какъ-то невольно закрадывалось въ душу благоговѣніе къ этой, нѣкогда блестящей цивилизаціи, совѣстно становилось думать, что она такъ же пала, какъ Египетъ, Ассирія, Римъ... Я выходилъ изъ собора.

— «A pan nie chce popatrzec sklep?» обозвалъ меня сторожъ.

— «Pokaž», отвѣчалъ я машинально, весь погруженный въ думы.

Онъ зажегъ свѣчку, поднялъ люкъ, и мы спустились. — У стѣны стояла гробница, и на ней крупными буквами было высѣчено одно слово — это слово было

— Kościuszko —

У меня колѣни вздрогнули, сердце похолодѣло — я этого не ожидалъ. Я опустился на помостѣ передъ гробницей, и зарыдалъ, какъ женщина: «Костюшко, Костюшко! что, если и ты такъ же былъ неправъ, какъ я въ былое время? Что если ты понапрасну рисковалъ собой и другими? Если и ты вѣрилъ въ возможность невозможнаго? Я долженъ буду идти противъ твоихъ, если увѣрюсь въ эту поѣздку, что они неправы, и что идеалы, за которые они лучшую кровь свою льютъ, — неосуществимы! Ты былъ честный человѣкъ, ты поймешь меня, и ты самъ благословишь меня на честное дѣло!..» И я почувствовалъ, выходя изъ собора, что у меня камень свалился съ совѣсти. Мнѣ стало легко добиваться страшной правды.

Путешествіе мое почти все напечатано въ «Голосѣ», остается, можетъ, прибавить листа съ три печатныхъ, чтобы издать его отдѣльною книгой — изъ него видно, къ чему я пришелъ. Здѣсь-же слѣдуетъ только разсказать, какъ и за что графъ Голуховскій счелъ меня русскимъ агентомъ и выпроводилъ меня въ Молдавію, а польскія газеты сбились съ толку въ предположеніяхъ на мой счетъ.

Въ Галичинѣ заведенъ порядокъ, что на Краковской и Львовской станціи, желѣзной дороги у незнакомыхъ полиціи личностей спрашиваютъ паспортъ. Голуховскій-же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сельскіе войты (старосты) задерживали всѣхъ сомнительныхъ людей и представляли ихъ въ станы (Bezirksamt). Распоряженія эти вынуждены были жалобами нашего правительства, что Галичина становится притономъ эмигрантовъ и агитаторовъ. Надо было успокоить насъ и не вводить въ хлопоты Вѣну; надо было сдѣлать видъ, что въ Галичинѣ все тихо, прилично, что сами польскіе администраторы не только не покровительствуютъ эмигрантамъ, но даже выдаютъ ихъ Россіи. Приведенными мѣрами эта цѣль вполнѣ достигается, — и комедія разыгрывается къ общему удовольствію и русскихъ, и нѣмцевъ, и поляковъ. Безпаспортныхъ, или запасшихся неправильными паспортами эмигрантовъ изъ простонародья, дезертировъ, канцелярскихъ служителей и прочую мелкую пѣшку хватаютъ, арестуютъ и выдаютъ. Ее никому не жалко, потому что она вѣчно служитъ орудіемъ, и убыли въ ней никогда не будетъ. Теперь возстанія нѣтъ и не предвидится даже — рядовой безполезенъ. Онъ за одно обреченъ на гибель — не загородилъ собою русскіе штыки отъ предводителей возстанія, то пусть снесетъ за ихъ спокойствіе каторгу или ссылку, служа декораціей ихъ закулисной работѣ. — Всѣ политическія партіи вынуждены приносить такія гекатомбы правосудію, которое и удовлетворяется обыкновенно этимъ bydłem, принимая его за настоящихъ дѣятелей. Съ нихъ снимаютъ показанія, удивляются ихъ необыкновеннымъ похожденіямъ и изувѣрству, — свѣдѣнія ихъ о главныхъ дѣятеляхъ, собранныя ими по наслышкѣ, такъ какъ ихъ никогда не посвящаютъ въ тайны, принимаются за чистую монету, — слѣдственныя комиссіи составляютъ отчеты, публицисты дѣлаютъ выводы, публика обморочена, вниманіе ея отведено въ сторону, — а настоящая интрига ведется своимъ чередомъ подъ шумокъ, невѣдомо гдѣ, кѣмъ и для чего. И все это безъ особыхъ усилій и ухищреній, одной выдачей властямъ всѣхъ недостаточно ловкихъ, чтобъ отвертѣться отъ нихъ, а кто не умѣетъ отвертѣться, тотъ, значитъ, не способенъ и, стало быть, не стоитъ сожалѣнія. Пускай хоть раскаивается онъ подъ арестомъ, — вѣдь онъ все равно ничего серьезнаго не можетъ показать, и чѣмъ искренней будетъ его покаяніе, тѣмъ больше онъ отведетъ глаза правительству, самъ искренно принимая за дѣятелей людей, которые даже и довѣріемъ не пользуются.

Чарторыйскій, Мѣрославскій, Босакъ, Лангевичъ и прочіе вожаки никогда не будутъ выданы, — потому, что они сумѣютъ не навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а если и попадутся ей какими нибудь судьбами — на грѣхъ мастера нѣтъ — то или проведутъ ее, или замнутъ дѣло при помощи разныхъ вліятельныхъ лицъ. — Какъ-же правды добиться, спросятъ меня, и какъ узнать, что затѣваютъ поляки? — На это, отвѣчу я, надо во первыхъ, чтобъ у правительства было побольше друзей, а во вторыхъ поменьше враговъ, — иначе оно опять сядетъ въ такой-же просакъ, какъ въ 1862 году. Все въ его рукахъ, все оно можетъ сдѣлать, была бы только охота, да ловкіе агенты, — въ противномъ случаѣ, поляки устроятъ ему нѣчто похуже повстанья.

Въ Краковѣ меня на станціи остановилъ полицейскій комиссаръ и потребовалъ у меня паспортъ. Я отдалъ, онъ велѣлъ мнѣ зайти къ нему въ контору, куда я и явился, когда разошлась публика, спрятавъ, разумѣется, рекомендательныя письма въ такое мѣсто, гдѣ ихъ нашли-бы не ранѣе, какъ года черезъ два, черезъ три, еслибы даже и нашли. Узнавъ, что я намѣренъ пробыть въ Краковѣ сутки, комиссаръ далъ мнѣ карточку и велѣлъ завтра явиться въ полицію за паспортомъ. Въ полиціи, послѣ тысячи извиненій, спросили: кто я, откуда, зачѣмъ, женатъ, холостъ, на

чей счетъ ѣду, гдѣ родился, гдѣ живу, гдѣ бывалъ и проч., и проч., такъ что составился обо мнѣ огромнѣйшій протоколъ. Мнѣ отдали паспортъ и сказали, что препятствій къ моему путешествію по Галичинѣ быть не можетъ.

Въ Перемышлѣ меня не тревожили. Во Львовѣ пригласили въ полицію только черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ и сдѣлали тотъ-же допросъ, съ тѣмъ же разрѣшеніемъ ѣздить, гдѣ хочу для археологическихъ изслѣдованій, — что я исполнилъ.

Въ концѣ октября я отправился въ Карпаты, — мнѣ хотѣлось видѣть очень любопытное русское племя «гуцуловъ», которое по своему типу, костюму и по образу жизни такъ разнится отъ всѣхъ прочихъ русскихъ племенъ, что заслуживаетъ особеннаго изученія. До сихъ поръ никто еще не описалъ этихъ загадочный «руснаковъ», а изученіе ихъ пролило-бы много свѣту па исторію Восточной Европы во II и III вѣкѣ по Р. X.; — мнѣ очень хотѣлось собрать ихъ преданія и повѣрья. Въ Коломыѣ также паспорта не спросили, и я поѣхалъ въ мѣстечко Печенѣжинъ, при подошвѣ Карпатовъ, куда у меня было рекомендательное письмо къ священнику Петрушевичу, брату знаменитаго историка, и тоже ученому. Онъ не пустилъ меня ѣхать далѣе въ тотъ день, заставилъ ночевать у себя, — что и мнѣ, и ему надѣлало пропасть непріятностей, — и отпустилъ въ горы на другой день только послѣ обѣда, давъ мнѣ письмо къ священнику въ одномъ селѣ часахъ въ четырехъ отъ Печенѣжина. Дорога была худа, ночь захватила насъ въ горахъ, и извощикъ мой объявилъ, что надо будетъ заночевать у попадьи села Акрешоры. Я отказался, — мужъ ея недѣли двѣ тому умеръ, и неловко было проситься на ночлегъ въ незнакомый домъ, да еще въ такое время. Въ корчму не пустили, — я заѣхалъ къ одному мужику. — Утромъ явился войтъ и потребовалъ паспортъ, — паспортъ написанъ былъ по французски, — въ селѣ прочесть никто не могъ. Попадья, къ которой онъ обратился, — объявила его французскимъ...

— «Якъ-же вы, пане, кажете, що вы сте дъ Туретчины, а пашпортъ вашъ хранцузской?» усомнился панъ войтъ — «та, чого же вы, пане, хочете ту, въ нашихъ горахъ, чого вы сте пріѣхали до насъ?»

Что было отвѣчать безграмотному властелину горъ? — Я сталъ толковать о костюмахъ, о древностяхъ, — онъ не повѣрилъ: «якъ-же то бути може, щобъ вы съ такого далека только попатрите (посмотрѣти) на насъ ѣхали?» — и рѣшилъ, что пошлетъ за жандармами. Жандармы явились, начались тѣ-же допросы, то же непониманіе научныхъ интересовъ, и наконецъ, рѣшили осмотрѣть мои вещи. Ящикъ съ фотографическимъ апаратомъ привелъ ихъ въ ужасъ, бинокль тоже. «Дивитьсь! дивиться, добры люди! — кричали они въ ужасѣ, — та панъ е инжиниръ, наши горы мѣрити и описувати пріѣхалъ! Отъ и машина инжинирска! Отъ и труба, котра за двадцать миль все покаже!» «Та вы, пане, шпегъ (шпіонъ). Ой, повѣсятъ-же васъ, пане, повѣсятъ!» Всѣ были блѣдны, бабы чуть не плакали, мужики готовы были исколотить меня на закуску передъ петлей. Надо было все присутствіе духа, чтобъ сдерживать ошеломленную толпу. Войтъ и жандармы были въ восторгѣ, что поймали такого необыкновеннаго преступника, и съ рвеніемъ разсматривали мои книги, рукописи, перья, чернильницу, конверты, зубочистку, гребень, бѣлье, платье: имъ въ горахъ было чрезвычайно любопытно видѣть всѣ эти диковины, даже употребленья которыхъ они не могли объяснить. А безъ жандармовъ мнѣ плохо-бы пришлось, и я поблагодарилъ Бога, что въ Австріи, въ каждой волости они есть, — съ солдатомъ все лучше дѣло имѣть, чѣмъ съ мужиками. — Рѣшено было представить меня въ станъ, — и я покатилъ съ горъ, везя съ собой двухъ жандармовъ, штыки которыхъ великолѣпно блистали на солнцѣ.

Становой (Bezirksvorsteher) растерялся, и началъ тоже пересматривать мои бумаги, книги и вещи: операція продолжалась часа съ два. Затѣмъ начался протоколъ, составлявшійся часа четыре.

«На кажду старуху бываетъ проруха». Собирая матеріалы для моей книги о Галичинѣ, я набралъ много русскихъ стихотвореній противъ поляковъ и, какъ на грѣхъ, одно изъ нихъ, на польскомъ языкѣ, написано было противъ Голуховскаго, и становой приложилъ его къ дѣлу – ему нужно было отличиться. Шестьсотъ гульденовъ жалованья человѣку, у котораго шесть дочерей, и который въ добавокъ нѣмецъ, – хоть кого заставятъ кланяться. Весь мой протоколъ составилъ онъ въ польскомъ духѣ: галицкія и сербскія книги напечатаны стали у него «московитскими буквами», и на это обстоятельство онъ налегъ очень усердно, равно какъ на письма и на рукописи на «московитскомъ» языкѣ, неизвѣстнаго содержанія. Точно также, пачка конвертовъ, перья, бумага, краски, фотографическій аппаратъ получили подъ его перомъ какое-то мрачное значеніе – и порадовался я не на шутку, что со мной не было ни револьвера, ни пистолета. Это было бы уже явной уликой моей злоумышленности. Загладивъ, такимъ образомъ, вину своего нѣмецкаго происхожденія передъ Голуховскимъ, – онъ сталъ снимать съ меня показаніе, кто я, гдѣ я родился, учился, женился и т. д. Я показалъ то-же, что въ Краковѣ и во Львовѣ.

Я некрасовецъ, родился въ Петербургѣ, учился у домашнихъ учителей, посѣщалъ Петербургскій университетъ, поѣхалъ за границу во время войны, потому что не хотѣлъ дѣлаться русскимъ подданнымъ, воротился въ Россію послѣ Парижскаго мира, женился, опять поѣхалъ путешествовать, бывалъ въ Англіи и во Франціи, Турцію посѣтилъ, въ Добруджѣ жилъ, овдовѣлъ, поѣхалъ въ Вѣну, изучаю археологію въ Галичинѣ.

– «Да какая же тутъ археологія?» – допытывался Етмаръ. Археологію изучаютъ въ Италіи, въ Шварцвальдѣ, – а не у насъ.

Пришлось объяснить, почему галицкія древности важны для исторіи восточной церкви и для опредѣленія древняго быта славянъ.

– «На чей счетъ вы ѣздите?»

– «На свой собственный».

– «Гдѣ ваше состояніе?»

– «Въ Петербургѣ, въ акціяхъ и въ государственныхъ бумагахъ».

– «Гдѣ эти бумаги?»

– «Не возить-же ихъ съ собой, – онѣ у моего повѣреннаго, у одного купца, который ведетъ мои дѣла и высылаетъ мнѣ нужныя суммы по востребованію».

– «Какъ зовутъ его?»

– «Андрей Александровичъ Краевскій, живетъ на Литейной въ собственномъ домѣ, за номеромъ 38».

– «Велико-ли у васъ состояніе?»

– «100,000 руб. серебромъ...» – брякнулъ я.

– «Mein Gott! mein Gott!» – бѣдный Етмаръ только руками всплеснулъ.

Протоколъ кончился. Съ величайшими извиненіями и съ сожалѣніями препроводили меня къ канцелярскому сторожу, у котораго я помѣстился въ квартирѣ. Етмаръ охалъ, пенялъ, зачѣмъ я, ночуя въ Печенѣжинѣ, не прописалъ у него паспорта, что предотвратило-бы всѣ безпокойства и четырехъ-часовое составленіе моего протокола, а равно и поѣздку его завтра въ Коломыю. Вина въ непропискѣ была собственно не моя, а гостепріимнаго священника Петрушевича, – но дѣло было сдѣлано, скандалъ арестованія моего былъ такъ великъ, что Етмаръ не въ правѣ былъ не задержать меня unter Aufsicht, а не unter Arrest, какъ онъ утѣшалъ меня.

На счетъ Краевскаго и мнимаго капитала — у меня былъ разсчетъ довольно вѣрный. Я писалъ ему, съ какими трудностями сопряжена моя поѣздка, и что ареста мнѣ не миновать, ни въ какомъ случаѣ. Вѣсть объ этомъ арестѣ, разсчитывалъ я, хорошо зная польскіе и нѣмецкіе нравы, не можетъ не дойти до него черезъ газеты, прежде чѣмъ ему сдѣлаютъ запросъ, потому что дѣло пойдетъ черезъ множество инстанцій. Вины за мной нѣтъ, пропаганды я въ Австріи не дѣлалъ, стало быть задержаніе мое будетъ не продолжительно и не строго. Время, во всякомъ случаѣ, я выиграю, а это дастъ мнѣ возможность черкнуть двѣ строки въ Петербургъ или бѣжать. Если-жъ бы ни то, ни другое не удалось, и меня выдали бы головою въ Россію, съ которой я тогда уже примирился, такъ какъ хорошо изучилъ поляковъ, — я бы, въ этомъ же III Отдѣленіи, написалъ-бы, не задумываясь, такую же полную и чистосердечную исповѣдь, а затѣмъ судьбу свою предоставилъ-бы на волю Божію, стараясь уходить себя чѣмъ нибудь, чтобъ не мучиться понапрасну въ каторгѣ, или не умирать со скуки въ ссылкѣ.

На другой же день мѣстныя власти стали мнѣ дѣлать визиты съ оправданіями и соболѣзнованіями. Мои 100,000 руб. сер. подѣйствовали такъ на нихъ, что захоти я поручить любому ихъ нихъ бросить письмо на почту, онъ-бы за счастье почелъ оказать мнѣ эту услугу. — А Етмара въ Коломыѣ распушили за неполноту показанія, заставили его допросить войта, жандармовъ, мужиковъ, у меня узнать, какое именно ехидство разумѣю я подъ коварнымъ названіемъ филологіи и археологіи, и еще какой-то подобный вздоръ. Дѣло-же обо мнѣ было немедленно отправлено Голуховскому. — На четвертый день пришло телеграфическое предписаніе изъ Львова выслать меня изъ Австріи, какъ человѣка, путешествующаго безъ опредѣленной цѣли, ohne Zweck, и безъ визированнаго паспорта. Высылку эту произвести на мой собственный счетъ и непремѣнно черезъ Синѣвцы — Kihaleni въ Молдавію. — Какъ я послѣ узналъ, уже въ Яссахъ, меня во Львовѣ сочли за русскаго агента, умышленно снабженнаго турецкимъ паспортомъ, чтобы отвести глаза полякамъ; а выслали меня именно въ Молдавію и именно на мой счетъ — въ пику русскому правительству. — Я принялъ это рѣшеніе съ радостью, хотя и показалъ себя недовольнымъ, обѣщалъ возвратиться въ Печенѣжинъ по разъясненіи дѣла, — что, если буду помилованъ, и исполню — и отправился въ Коломыю, unter Aufsicht (doch nicht unter Arrest) того же канцелярскаго сторожа.

Ohne Zweck und ohne Visa! — Это была вопіющая несправедливость. По какому праву ученую поѣздку считать безцѣльною? Да, наконецъ, развѣ допускаетъ австрійское законодательство воспрещеніе путешествій для собственнаго удовольствія, безъ всякой опредѣленной цѣли? Развѣ Австрія замкнута для иностранцевъ, какъ Китай. — Я долженъ былъ молчать, потому что протестъ мой могъ или погубить меня, или, что еще хуже, оправдать Голуховскаго, — но зачѣмъ-же посольство наше въ Вѣнѣ не настоитъ, чтобы русскимъ можно было ohne Zweck путешествовать по Австріи? Преслѣдованіе русскихъ — оскорбленіе нашему правительству и всему народу; неуваженіе къ русскому паспорту австрійскихъ властей — неуваженіе къ выдающимъ этотъ паспортъ. — Наше правительство слишкомъ скромно и уступчиво, оттого съ нимъ и не церемонятся.

Ohne Visa — даже нелѣпость. Я пріѣхалъ въ Австрію съ визированнымъ паспортомъ, но, какъ ему вышелъ срокъ, то я перемѣнилъ его въ турецкомъ посольствѣ, и, разумѣется, мой новый паспортъ не могъ быть визированъ: въ Австріи австрійскихъ консуловъ не водится. Въ посольствѣ мнѣ сказали, что его нигдѣ не нужно прописывать, то-же я слышалъ въ Краковской и въ Львовской полиціи, — стало быть, что-же приходится думать о галицкихъ порядкахъ и о польскихъ администраторахъ?

Денегъ у меня было очень мало. Я ждалъ высылки изъ редакціи, когда меня арестовали, — и принужденъ была продать въ Коломыѣ часы, а въ Черновцахъ шубу на поѣздку и на содержаніе себя съ провожатыми сторожами. Въ Черновцахъ начальникъ полиціи пришелъ въ негодованіе, что меня везутъ на мой счетъ, спросилъ у моего провожатаго: «не готентоты-ли управляютъ Галичиной?», и отправилъ меня на обывательскихъ. Въ первой-же волости пришлось заночевать, потому что обывательскихъ какъ-то на лицо не было. Ночевать пришлось въ сѣняхъ арестантской, — пьяный войтъ перевелъ меня ночью въ арестантскую, гдѣ я и проспалъ на однихъ нарахъ съ какимъ-то конокрадомъ и въ компаніи крысъ. Это побудило меня ѣхать всю дорогу на свой счетъ, во избѣжаніе ненужныхъ остановокъ, — и такимъ образомъ, я добрался до Синѣвецъ. Тамъ подивились моей исторіи, пожалѣли меня и пропустили въ Молдавію, гдѣ я ужъ былъ и въ безопасности, и почти дома. — 7-го ноября 1866 года я пріѣхалъ въ Яссы, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до самаго возвращенія въ Россію, 19-го мая, когда я съ полной воли перешелъ unter Arrest.

Цѣлую зиму обдумывалъ я этотъ шагъ и только по зрѣломъ размышленіи рѣшился сдѣлать его.

Невольное переселеніе въ Яссы меня радовало отчасти. Была зима — время неудобное для этнографическихъ поѣздокъ, все равно нужно было гдѣ нибудь дожидаться весны и заняться приведеніемъ въ порядокъ массы накопившихся свѣдѣній и наблюденій. Кромѣ того, и сама Молдавія имѣла для меня интересъ въ научномъ и въ политическомъ отношеніи. Изученіе ея этнографіи и древностей необходимо для поясненія многихъ темныхъ вопросовъ въ исторіи славянства, — а сосѣдство ея съ Россіей возлагаетъ на насъ обязанность слѣдить за ея общественнымъ настроеніемъ: къ намъ она тянетъ, къ Франціи или къ Австріи? Тишина и непривлекательность ясской жизни, казалось, гарантировали мнѣ успѣшное окончаніе моего «Путешествія по Галичинѣ» и опроверженіе ученій Духинскаго, имѣющихъ такое колоссальное вліяніе на дѣйствія противъ насъ поляковъ и на отношенія къ намъ Западной Европы. Вступить въ борьбу съ нимъ я чувствовалъ себя въ силахъ, благодаря моему близкому знакомству съ славянскимъ бытомъ, языками, преданіями, лѣтописями, а также и знанію восточныхъ языковъ и цивилизацій, сектъ, вѣръ, физическаго отличія урало-алтайскаго племени отъ индо-европейскаго и т. д. Отвѣтъ мой я издалъ бы, какъ и «Путешествіе по Галичинѣ», на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкѣ. «Путешествіе» нанесло-бы ударъ польской практикѣ; «Отвѣтъ» — ихъ теоріямъ, — а, какъ то и другое, вышло бы изъ подъ пера человѣка, хорошо имъ извѣстнаго и ползующагося ихъ уваженіемъ, то и не приминуло-бы произвести на нихъ должное впечатлѣніе.

Усердно принялся я за работу, — но работа шла плохо, перо валилось изъ рукъ, мысли и слова не клеились, — тяжелыя думы засѣли въ умѣ моемъ и такъ завладѣли имъ, что писать не стало возможности...

Правъ-ли я, честно-ли я поступаю, что остаюсь эмигрантомъ безо всякаго повода, когда мои убѣжденія ни на волосъ не расходятся съ правительственными? Имѣю-ли я право писать подъ чужимъ именемъ и ослаблять тѣмъ самымъ значеніе всего, что я пишу, когда открытое, гласное заявленіе моего обращенія придало-бы вѣсъ защищаемому мною русскому дѣлу.

Опальный, я могу писать только намеками, недомолвками, я долженъ прятаться за свои строки, я не смѣю сказать всей правды, чтобы не изобличить себя, а сказать можно и должно многое. Простой разсказъ о моихъ прежнихъ крамольныхъ дѣлахъ многихъ направитъ на путь, многихъ спасетъ отъ увлеченій и ошибокъ; а богатый запасъ свѣдѣній и опытъ, вынесенные мною изъ моей скитальни-

ческой жизни, сдѣлавшись достояніемъ всего читающаго міра, — развѣ не послужатъ къ общему благу русскихъ, да и тѣхъ-же самыхъ поляковъ? — Я, нѣкогда одинъ изъ свѣточей и надеждъ этой оппозиціонной молодежи, дѣятельнѣйшій и отважнѣйшій изъ русскихъ эмигрантовъ, развѣ не отрезвлю я моихъ товарищей и поклонниковъ открытымъ обличеніемъ нашихъ утопій? — Не страхъ, не личная выгода, не нужда привела меня къ отреченію отъ моей прошлой жизни, — лѣта, опытъ, наука, обратили меня, и мнѣ одинаково знакомы доводы, какъ правительственной партіи, такъ и революціонной, — кто-же изъ русскихъ публицистовъ можетъ сравняться со мной въ борьбѣ съ утопистами и съ поляками? Кто изъ нихъ знаетъ этотъ міръ не по наслышкѣ, не по догадкамъ, не по натянутымъ выводамъ изъ арестантскихъ показаній? У кого изъ нихъ есть инстинктъ отличать возможные заговоры отъ невозможныхъ, исполнимыя предпріятія отъ неисполнимыхъ? — Выступленіе мое въ битву подъ моимъ собственнымъ именемъ, безъ необходимости умалчивать и скрывать подробности дѣла, принесло-бы неоспоримую пользу и правительству, и обществу.

Мало этого. Самый фактъ моего покаянія и обращенія нанесъ-бы чувствительный ударъ нашимъ. Вздрогнули старообрядцы при вѣсти о переходѣ въ православіе моего друга владыки Пафнутія, — вздрогнутъ и издатели «Колокола», нигилисты, революціонеры, поляки отъ моего возвращенія въ лоно исторической русской жизни. Примѣръ Пафнутія нашелъ подражателей, — мой не замедлитъ ихъ вызвать. Пафнутій и я, мы страшные противники нашихъ бывшихъ друзей и учителей, — мы силы ихъ знаемъ, ихъ пріемы, и мышцы наши пріучены владѣть ихъ оружіемъ. — Въ клубахъ, въ гостиныхъ, на публичныхъ чтеніяхъ могъ-бы я вести борьбу, студенческія квартиры не замкнулись-бы передо мною, и ни одно «тайное» общество не сложилось бы въ тайнѣ отъ меня. Годъ, два жизни въ Петербургѣ и въ Москвѣ помогли-бы мнѣ составить кружокъ ловкихъ бойцовъ противъ утопій, я передалъ-бы имъ свои пріемы, опытъ, инстинктъ, — и застраховалъ-бы общество отъ новыхъ увлеченій и ошибокъ, созданіемъ въ немъ же самомъ поколѣнія людей, знающихъ дѣло и умѣющихъ пользоваться этимъ знаніемъ, для блага Россіи.

По славянскимъ и по румынскимъ дѣламъ могу я быть полезенъ: частный человѣкъ можетъ сдѣлать много такого, что невозможно дипломату или вообще официальному лицу, — но опять таки, чтобы и на этомъ поприщѣ служить Россіи необходимо быть въ мирѣ съ правительствомъ и пользоваться нѣкоторымъ его довѣріемъ. У эмигранта-же руки на все хорошее связаны, — кто войдетъ въ серьезные переговоры съ изгнанникомъ?

Ясно было, что ни долгъ, ни честь не позволятъ вести прежнюю жизнь, что надо во что-бы то ни стало выдти изъ фальшиваго положенія, — но какъ это сдѣлать? — И начались для меня новыя мученія, отбившія меня отъ работы, отъ ѣды и отъ сна, доведшія до сильнаго раздраженія нервовъ и чуть-чуть не до нервной горячки.

Какъ сдѣлать? Какъ добиться, чтобы на меня посмотрѣли иначе, чтобы забыли мое прошлое, оправдать или извинить которое могу только тѣмъ, что не былъ связанъ присягою Государю.

Писанье у меня не шло, какъ я себя ни принуждалъ. Статьи мои выходили блѣдны, вялы, перо не двигалось по бумагѣ, — меня давила мысль, что мнѣ нельзя всего высказать, какъ бы хотѣлось, потому что я псевдонимъ. Страхъ преслѣдовалъ меня, что узнай какъ нибудь правительство, кто такой такъ горячо пишетъ за галичанъ, — галицкое дѣло потеряетъ его довѣріе; достаточно моего участія, чтобы скомпрометировать въ его глазахъ самое благое начинаніе. Ложь для меня невыносима.

Какъ сдѣлать?

Обыкновенно люди въ моемъ положенiи, входятъ въ переговоры съ правительствомъ и выторговываютъ у него прощенiе. Это, пожалуй, самый благоразумный путь, но онъ былъ мнѣ не по душѣ. Русскiе такъ не дѣлаютъ, конституцiи противны нашей натурѣ, – у насъ или все, или ничего, мы середины не любимъ. Да и совѣстно было идти на переговоры съ Государемъ, къ которому я со дня на день сильнѣй и сильнѣй привязывался. То Онъ въ маскарадѣ для кандiотовъ участвуетъ – и греки мнѣ на шею бросаются за то только, что я его «подданный!» (а мнѣ это какъ ножъ по сердцу: я стыжусь признаться имъ, что я въ опалѣ). То читаю въ газетахъ, какъ Его въ театрахъ привѣтствуютъ, какъ Онъ участвовалъ въ балѣ на Невѣ. Наконецъ, когда опять настала весна и когда опять птицы потянулись вереницами и стали звать меня за собой на сѣверъ, – Онъ славянъ принимаетъ... Терпѣнiя у меня не ставало: весело за Россiю было, а за себя тоска грызла. – Да и что выхлопоталъ бы я переговорами? Точно также нужно-бы было написать исповѣдь и отправиться затѣмъ въ моральную каторгу ссылки или въ физическую сибирскихъ заводовъ, что въ сущности сводится на одно и тоже, такъ что даже сказать трудно, которая легче. Сверхъ того, ни частныя, ни правительственныя лица никогда не могутъ ни уважать виновнаго, примирившагося съ ними на условiяхъ, ни питать довѣрiя къ нему. Худой миръ лучше доброй ссоры, говоритъ пословица, но я по несчастiю принадлежу къ тому разряду широкихъ натуръ, которыя не любятъ ни давать, ни принимать на половину. Полупрощенiе, полудовѣрiе, полунаказанiе для меня хуже открытой опалы, – а именно такое-то двусмысленное положенiе и ожидало меня, если бъ я сталъ переписываться изъ-за границы и извиняться на половину. – Стало быть, оставалось одно: повести дѣло на чистоту, сдаться безусловно на судъ и на милость. По крайней мѣрѣ, тогда былъ-бы одинъ конецъ, – правительство не могло бы заподозрить въ неискренности человѣка, отдавшаго ему въ залогъ самую свою свободу. Или панъ, или пропалъ, – смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, Погодинъ предсказывалъ, что рано или поздно Герценъ, какъ настоящiй русскiй человѣкъ, явится съ повинной. – Такъ всѣ русскiе бродяги и преступники дѣлаютъ, писалъ онъ, – погуляютъ, пошалятъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего явятся къ становому и бухнутъ ему въ ноги. – Тогда я смѣялся надъ этимъ, а теперь пришлось не на шутку обдумывать, какъ и куда понести свою повинную голову.

Первый планъ мой былъ слѣдующiй. Поѣду въ Россiю, проживу недѣлю-другую въ Москвѣ, осмотрю этнографическую выставку, которая меня сильно интересовала какъ спецiалиста, и поѣду въ Петербургъ. Въ Петербургѣ подкараулю Государя гдѣ нибудь на прогулкѣ и всенародно бухну Ему въ ноги, называя себя и прося помилованiя; или же, если Его почему нибудь не будетъ въ Петербургѣ, явлюсь къ шефу жандармовъ и попрошу арестовать меня. – Этотъ способъ очень мнѣ нравился, потому что мнѣ хотѣлось какъ можно торжественнѣй заявить Государю мое глубокое уваженiе и мою искреннюю къ Нему привязанность, – но къ несчастью, онъ не выдерживалъ критики. Уже самый въѣздъ въ Россiю съ молдавскимъ или турецкимъ паспортомъ прибавилъ-бы новую вину къ моимъ старымъ, и вину тѣмъ болѣе тяжелую, что именно въ послѣднiе четыре года я ни въ чемъ не провинялся. Сверхъ того, самая эфектность такого поступка, театральность прiема, заставила бы и правительство и всѣхъ честныхъ людей принять меня за шарлатана, разсчитывающаго на производимыя имъ впечатлѣнiя. Упасть къ ногамъ Государя на улицѣ очень можно, но никакъ не обдуманно, какъ можно упасть въ обморокъ, заплакать и т. п. Словомъ, и этотъ способъ не годился, – потому что былъ мошенническимъ.

Какъ я ни вертѣлъ, чего ни придумывалъ, — осталось одно и самое простое: явиться въ ближайшую таможню и объявить свое имя.

Но рѣшиться на это было трудно. Всю зиму я не могъ собраться съ духомъ, думалъ, передумывалъ, старался даже заглушить въ себѣ эти мысли, разубѣдить себя въ необходимости возвращенія — и ничего не могъ сдѣлать съ своей совѣстью. Ни чтеніе, ни занятія, ни общество, ничто не помогало. — Нужно было посовѣтываться съ кѣмъ нибудь, — можетъ быть, постороннему будетъ яснѣе, что мнѣ дѣлать: 12-го мая въ субботу, я пошелъ къ русскому консулу, Петру Викентьевичу Корчевскому. Онъ удивился моему визиту, выслушалъ меня и, одобривъ мое намѣреніе воротиться въ Россію, сказалъ мнѣ, чтобы я написалъ ему письмо объ этомъ, которое онъ и препроводитъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ: — о безусловной сдачѣ, которая меня самого страшила, я ему не заикнулся. Мы условились, что письмо это я принесу ему въ среду, 16-го мая.

Не хитрое дѣло, кажется, написать письмо, — но я даже за перо взяться не могъ. Сомнѣнія и колебанія еще сильнѣе пошли послѣ разговора съ нимъ. Переписка-бы завязалась, дѣло-бы затянулось — и какъ еще примутъ въ Петербургѣ. Всю среду я пролежалъ на боку; даже сходить извиниться въ своей неаккуратности не могъ, даже физически и нравственно обезсилѣлъ.

Четвергъ прошелъ точно въ такомъ-же отупѣніи, — я даже не помню, что я дѣлалъ и гдѣ былъ въ четвергъ.

Въ пятницу утромъ я пошелъ посовѣтываться съ моимъ большимъ пріятелемъ Константиномъ Степановичемъ*, скопцомъ, городскимъ извощикомъ въ Яссахъ. Крѣпко я люблю этого истинно религіознаго человѣка, безукоризненно честнаго и чистаго. Несмотря на его малограмотность, какъ то легко становится въ его присутствіи, сердечной теплотой дышетъ его каждое слово, а онъ рѣзко отличается этимъ отъ прочихъ поклонниковъ «Искупителя Петра Федоровича Христа — анпиратора». Мы познакомились и подружились еще въ Галацѣ, гдѣ онъ мнѣ много сообщилъ свѣдѣній о своей сектѣ. Въ Яссахъ, то у меня, то у него, изучалъ я ихъ вѣрованья, за что долженъ былъ сообщать ему, что дѣлаетъ Государь и какъ Его любитъ народъ. Онъ гордъ Государемъ, гордъ успѣхами Россіи въ Его царствованіе, гордъ, что славяне, заходившіе при немъ ко мнѣ, такъ благоговѣли передъ Россіей — короче, мы съ нимъ сошлись на общихъ глубокихъ привязанностяхъ. Онъ одинъ зналъ, что я хочу воротиться, но я не заводилъ съ нимъ разговора, какимъ образомъ хочу это сдѣлать. — Въ пятницу Константинъ Степановичъ сталъ мнѣ необходимъ.

Онъ мылъ коляску, когда я вошелъ во дворъ. — «Вотъ въ Скуляны собираюсь, одного боярина везу» — сказалъ онъ. — Я воскресъ: — энергія моя возвратилась.

— «А далеко до Скулянъ?» — спросилъ я.

— «Не далече — верстъ съ двадцать».

— «Константинъ Степановичъ — я съ вами поѣду на козлахъ».

— «Что-жъ, мнѣ веселѣй будетъ сидѣть. — Посмотрѣть, что-ли, хотите на русскую землю».

— «Хочу сдаться...»

— «Доброе дѣло сдѣлаете, Богъ васъ за это не оставитъ».

Но тутъ я вспомнилъ, что нельзя-же выѣзжать изъ Яссъ, не покончивъ всякихъ счетовъ и прочихъ мелочей. Скопецъ ѣхалъ сейчасъ-же и не могъ меня ждать — мы

---

* Настоящее его имя въ моей записной книжкѣ; рѣдкій русскій живетъ въ Молдавіи подъ своимъ именемъ, — а онъ за вѣру бѣжалъ.

условились совершить поѣздку на другой день, въ субботу. Точно камень у меня съ сердца свалился. Легко, весело, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа провелъ я день, улаживая дѣла, не объясняя, впрочемъ, никому, что я затѣваю, и ни съ кѣмъ не прощаясь, во избѣжаніе лишнихъ сценъ, которыхъ вообще не могу терпѣть. Намекалъ только, что черезъ нѣсколько дней ѣду въ Парижъ на выставку, и что покуда жду кое какихъ писемъ, которыя меня одни и задерживаютъ.

Утромъ въ субботу, 19-го мая, я проснулся совершенно довольный, что, наконецъ, покончилъ съ своими колебаніями, взялъ съ собой сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій Миклошича, изученіе которой сократило-бы время моего заключенія, два платка, двѣ пары носокъ, два ковра, годные замѣнить постель въ тюрьмѣ, а все остальное, чемоданъ, платье и т. п. оставилъ на попеченіе моего камердинера, честнаго и преданнаго мнѣ молдавана, позволилъ ему распорядиться этимъ хламомъ по усмотрѣнію, если черезъ три мѣсяца не получитъ обо мнѣ извѣстій. Брать платье и бѣлье съ собой я считалъ лишнимъ, предполагая, по моему незнанію внутреннихъ порядковъ Россіи, что меня немедленно закуютъ и облачатъ въ арестантское платье, — стало быть, нечего понапрасну отдавать свой гардеробъ на съѣденіе моли и сырости. Димитраки сбережетъ его лучше; если я буду помилованъ, онъ привезетъ его въ Петербургъ; если придется погибнуть, — пусть онъ въ немъ щеголяетъ. Я былъ доволенъ его службой, и не грѣшно сдѣлать маленькій подарокъ честному парню.

Напился я чаю у скопца, закусили мы на дорогу, помолились — я сталъ на колѣна, онъ благословилъ меня образомъ Николая Чудотворца, обнялись, поцѣловались и отправились. Изъ Яссъ я вышелъ пѣшкомъ, какъ гуляющій, чтобы не спросили паспорта, — дорога вела на Скуляны, а паспортъ мой не былъ визированъ въ нашемъ консульствѣ, въ которое я такъ и не заходилъ съ среды.

Черезъ часъ ѣзды Константинъ Степановичъ указалъ мнѣ сѣренькую полосу земли на горизонтѣ. — «Россія!» — Мы оба перекрестились, стало еще свѣтлѣй на душѣ. — Мнѣ вспомнилась ночь, когда я уходилъ изъ Вержболова въ Эйдкуненъ и думалъ, когда-то судьба приведетъ опять увидѣть землю Русскую.

Скоро и Скуляны показались. — Я вошелъ къ караульному офицеру и показалъ мой паспортъ.

— «Но васъ не пустятъ въ Россію безъ визы», сказалъ онъ.

— «Со стороны молдавскаго закона нѣтъ препятствій?» — спросилъ я.

— «О нѣтъ — мы свободный народъ, — но въ Россію васъ не пустятъ...»

— «Если только за этимъ дѣло стоитъ, то пустятъ. Мнѣ всего часовъ на шесть нужно, — у меня тамъ пріятели есть...»

— «Извольте, я подпишу», — и онъ сдѣлалъ какую-то надпись.

Я выпилъ рюмку водки, для храбрости, обнялся съ Константиномъ Степановичемъ, поручивъ ему сообщить консулу о моемъ поступкѣ — и сталъ на паро̀мъ. Черезъ двѣ минуты я уже былъ на русской сторонѣ Прута.

— «Пасъ! паспортъ!» — сказалъ мнѣ досмотрщикъ. «Нельзя — извольте назадъ — визы нѣтъ».

— «Знаю, что нѣтъ, господинъ офицеръ, — я совершенно сбился при видѣ пальто и кепи съ кокардой, — но управляющій таможней мой хорошій знакомый, дайте мнѣ написать ему нѣсколько словъ, и онъ меня пуститъ».

— «Нельзя-съ, — у насъ законъ».

— «Да полноте, офицеръ, я тутъ-же подожду».

Польстила ему должно быть моя ошибка, но онъ позволилъ, и меня привели въ какую-то канцелярію, гдѣ сидѣлъ другой досмотрщикъ. Я махнулъ по обѣща-

нію платкомъ скопцу, думая, что все кончено. — На клочкѣ бумаги я написалъ управляющему таможней.

Милостивый Государь
Сергѣй Григорьевичъ,

Неосужденный государственный преступникъ Василій Ивановъ Кельсіевъ сдается въ руки правительства и проситъ Васъ принять мѣры къ его арестованію.

В. К.

Затѣмъ я отдалъ эту записку солдату и принялся за только что вчера полученные номера «Голоса». Дѣло было сдѣлано, — и я былъ спокоенъ, какъ нельзя болѣе. Тысячу разъ я замѣчалъ, что съ первымъ рѣшительнымъ шагомъ колебанія и безпокойства исчезаютъ и замѣняются какимъ-то даже довольствомъ.

Прошло съ полчаса, пока вернулся солдатъ, схватилъ мои вещи и пригласилъ меня на паромъ. Онъ не посмѣлъ сказать управляющему, что я въ Россіи — и мнѣ пришлось переправиться опять въ Молдавію, чтобы не выдать его передъ его начальствомъ. Нечего было дѣлать, я воротился на молдавскій берегъ и сталъ дожидать управляющаго; но молдавскій сержантъ потребовалъ, чтобы я шелъ опять въ караульню.

— «Я говорилъ, что васъ не пустятъ, началъ офицеръ, вы мнѣ не повѣрили, — поѣзжайте въ Яссы: здѣсь вы ничего не дождетесь, да и ждать нельзя...»

— «Сейчасъ пустятъ, господинъ офицеръ, — солдатъ, котораго я посылалъ съ запиской, перепуталъ дѣло. Дайте мнѣ подождать съ четверть часа, и если мнѣ откажутъ, — чего я не могу даже представить себѣ, — то я самъ сообщу вамъ объ этомъ».

Офицеръ согласился, и я опять сталъ у парома, съ моимъ скопцомъ. — Съ русскаго берега спускался статскій и военный. — Я немедленно переправился къ нимъ.

— «Вы писали ко мнѣ записку?» — спросилъ статскій.

— «Я — и покорнѣйше прошу арестовать меня».

— «Да въ чемъ же вы себя обвиняете?»

— «Эмигрантъ, политическій преступникъ, — у меня пропасть винъ».

— «Странно. Что-жъ васъ побуждаетъ сдаться?»

— «Раскаяніе и желаніе загладить прошлое».

— «Что-же тутъ дѣлать?» — спросилъ себя вслухъ военный, становой приставъ Попандопуло. — Имъ обоимъ было крайне неловко.

— «Исполняйте долгъ вашъ — зовите кузнеца...» — отвѣчалъ я, вполнѣ увѣренный, что меня ждутъ кандалы.

— «О нѣтъ! зачѣмъ же! — Странно. — Но, если вы приняли такое прекрасное рѣшеніе, съ которымъ васъ только поздравить можно, — то пожалуйте...»

На горѣ стояла бричка. Я еще разъ махнулъ платкомъ моему другу, — и мы покатили въ таможню. Тамъ я продиктовалъ одно показаніе, въ стану другое, поподробнѣе. Позвали двухъ понятыхъ изъ крестьянъ, обыскали меня, отобрали карманный ножъ, ножницы для ногтей и спички — затѣмъ становой, голова, каларашъ (родъ сторожа) и я, мы покатили въ Бѣльцы къ исправнику. Нечего и говорить, что со мной обошлись, какъ я и не ожидалъ — гуманно, мягко, дружески, стараясь успокоить меня. — Въ Бѣльцахъ исправникъ Леонарди оставилъ меня въ собственной квартирѣ — было поздно ѣхать въ Кишиневъ. — Со всѣхъ сторонъ сыпались привѣтствія и обнадеживанья.

Но я не въ силахъ былъ ѣхать на другой день. Моральное потрясеніе высказалось безсонной ночью и сильной нервической дрожью, — я насилу могъ говорить... Къ вечеру, впрочемъ, все прошло, и въ понедѣльникъ утромъ я отправился подъ конвоемъ канцелярскаго Малкоча и пожарнаго солдата - въ Кишиневъ.

Пріѣхали мы часовъ въ одиннадцать ночи, прямо къ губернатору г. Антоновичу. Онъ тоже обошелся со мной привѣтливо, разспросилъ вкратцѣ о моемъ прошломъ и о поводахъ къ возвращенію, и обѣщалъ завтра-же писать въ Одессу. — Я пришелъ въ ужасъ.

— «Такъ вы не завтра-же отправите меня въ Петербургъ?»

— «Безъ предписанія Генералъ-Губернатора я ничего не могу сдѣлать!»

— «Но вы можете-же телеграфировать въ III Отдѣленіе?»

— «Не могу...» — онъ удивлялся моему невѣдѣнію русскихъ порядковъ, я удивлялся различію ихъ отъ турецкихъ.

— «Но неужели-же дѣло пойдетъ по инстанціямъ? Тогда мнѣ придется загоститься въ Кишиневѣ, а мнѣ хотѣлось бы скорѣй въ III Отдѣленіе, — я именно на то и разсчитывалъ, что тамъ мое дѣло пойдетъ безъ проволочекъ, и что тамъ его всего лучше поймутъ...»

— «Ничего нельзя мнѣ безъ Генералъ-Губернатора. — Мнѣ жалко васъ отъ души тѣмъ болѣе, что не знаю даже, куда дѣть васъ на время...»

— «Въ острогъ — куда-жъ больше! — Только сдѣлайте мнѣ снисхожденіе, генералъ, позвольте написать письмо графу Шувалову, чтобы онъ не оставлялъ меня здѣсь».

— «Прекрасно сдѣлаете — я велю дать вамъ бумаги и перьевъ».

Полиціймейстеръ отвезъ меня въ полицію, далъ мнѣ ужинать, — и я переночевалъ въ дежурной. На другой день, во вторникъ 22-го мая, меня перевели въ секретную тюремнаго замка, — и не только курить не дали, но даже грамматику не дали читать, — я и до сихъ поръ безъ нея, — а мнѣ безъ книгъ и безъ пера хуже, чѣмъ безъ пищи. Въ среду я написалъ письмо графу, а въ четвергъ 24-го мая мнѣ объявили, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вытребовалъ меня телеграфическою депешею въ Петербургъ, — я даже привскочилъ отъ радости.

Вечеромъ того же дня, я отправился на почтовыхъ, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, проѣхалъ Бѣлоруссію, по тамошнимъ костюмамъ провѣрялъ дорогой мнѣніе Шафарика о выходѣ оттуда сербовъ, и нашелъ его вполнѣ вѣрнымъ. — Въ субботу 2-го іюня прибылъ въ III Отдѣленіе и 13-го іюня представился Коммиссіи.

Исповѣдь моя кончена, прибавить къ ней нечего. Я не скрылъ ни одного проступка, не смягчилъ фактовъ, я объяснилъ все, что было. Если правительство сомнѣвается въ моей искренности, — провѣрка моихъ показаній докажетъ, что я писалъ правду.

Моя прошлая жизнь теперь извѣстна правительству, равно и мои мнѣнія и взгляды, — я ничего не утаилъ и показалъ ему себя безъ маски, такимъ, какимъ сдѣлала меня моя странная жизнь. Я объяснилъ ему мотивы всѣхъ моихъ поступковъ, я сдѣлалъ критику ихъ, и указалъ, чѣмъ хочу и могу загладить увлеченія моего прошлаго.

Государь, — нравственными страданіями и дорогими мнѣ потерями искупилъ я все, что предпринималъ противъ Васъ, — я страшно наказанъ; у меня теперь одно стремленіе — посвятить жизнь мою и силы мои Вамъ, посвятить ихъ всецѣло на службу Россіи. Не оттолкните-же, Государь, отъ ступеней престола Вашего, нѣкогда крамольнаго, а теперь искренно преданнаго Вамъ подданнаго,

и прикажите мнѣ быть Вамъ полезнымъ. Какъ стрѣлецъ съ плахой на шеѣ, такъ я съ повинной, — головой Вамъ сдался, повинную голову мечъ не сѣчетъ — дайте-же мнѣ возможность отслужить Вамъ за Ваше помилованіе.

Въ надеждѣ на Вашу милость, Государь, преступный Кельсіевъ ждетъ покорно своего приговора.

Содержаніе

На великомъ изломѣ – С. В. Завадскаго 5

Трагедія Украйны – Н. М. Могилянскаго 74

Изъ воспоминаній о 1917–20 г. г. – В. М. Краснова 106

Документы

Исповѣдь – В. И. Кельсіева 169

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ